Министерство образования и науки РФ

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Нижегородский государственный
педагогический университет им. Козьмы Минина

Исследовательская лаборатория НГПУ им. К. Минина
«Воспитательная педагогика А.С. Макаренко»

А.С. МАКАРЕНКО

ШКОЛА ЖИЗНИ, ТРУДА, ВОСПИТАНИЯ

Учебная книга
по истории, теории
и практике воспитания

Часть 8

Дек. 1938 –март 1939 гг.

Нижний Новгород
2015

УДК 37.01
ББК 74.03(2)6-218
М151

Макаренко А.С.
М151 Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 8. Выступления и отзывы о художественной, детской литературе, доклады о воспитании и этике, киносценарии, материалы к «Книге для родителей», рассказы, письма, дневниковые записи. Дек. 1938 – март 1939 гг. / А.С. Макаренко, сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов. – Н. Новгород: Мининский университет, 2015 - 358 с.
ISBN

Издание содержит произведения А.С. Макаренко, авторские материалы дек. 1938 – март 1939 гг, в хронологической последовательности раскрывающие развитие его социально-педагогических взглядов, литературно-художественного творчества и качеств личности как социального педагога-реформатора.

Вступительная статья о методологии его творчества (подготовительные материалы) и обширные комментарии отражают результаты проведенных в последние 5 десятилетий макаренковедческих отечественных и зарубежных исследований.

Включает учебно-методический материал, позволяющий с учетом историко-педагогического опыта по-новому ставить и решать современные проблемы воспитания детей и юношества.

Для специалистов в области педагогики, образования и культуры, социальной психологии и социологии, художественной литературы.

УДК 37.01
ББК 74.03(2)6-218

ISBN

© Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю.,
Аксёнов С.И., 2015
© Мининский университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей …… 10
Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии (подготовительные материалы) ……..... 10
О содержании данного тома ……..... 43
Запись в дневнике, 1 декабря 1938г. ……. 50
Ответственному редактору «Комсомольской правды» ……..... 53
Ответ товарищу А. Бойму …… 54
Доклад «Основы политического воспитания в советской школе» в Московском педагогическом училище №1 ……..... 56
Письмо Л.В. Конисевичу, 7 декабря 1938 г. ……..…… 67
Письмо Т.В. Турчаниновой, 7 декабря 1938 г. …….. 68
Письмо Т.П. Чапской, 7 декабря 1938 г. ……. 70
Письмо Розиной, 7 декабря 1938 г. ……..... 70
Письмо В.С. Барсукову, 7 декабря 1938 г. ……. 71
Письмо Александровой, 7 декабря 1938 г. ……..... 72
Письмо Л.Н. Разумовой, 7 декабря 1938 г. …… 72
Письмо Т.В. Турчаниновой, 10 декабря 1938 г. …… 73
Запись в дневнике, 13 декабря 1938 г. …… 75
Соображения о сценарии художественного фильма «Настоящий характер»…. 76
Запись в дневнике, 17 декабря 1938 г. …… 77
Письмо Т.В. Турчаниновой, 21 декабря 1938 г. …… 77
Письмо в редакцию «Литературной газеты», О.С. Войтинской …….. 79
Записи в дневнике, 28 и 30 декабря 1938 г. …… 79
Отзыв о рукописи Никитина «Золотые деньги» …… 80
Отзыв о повести А. Новикова «Республика победителей» …… 81
Отзыв о романе А. Явича «Леонид Берестов» ……... 82
Отзыв о рукописи повести Демченко «В бессмертной дали» …..... 83
Новые годы …… 84
Письмо Л.Н. Разумовой, 30 декабря 1938 г. …….. 89
Книги, которых я жду …… 89
Расчет свободно несущих крыльев ……..... 90
Письмо Т.В. Турчаниновой, 3 января 1939 г. …… 95
Выступление на встрече писателей с преподавателями литературы московских школ, 7 января 1939 г. (в записи) …… 96
Киносценарий «Настоящий характер» (фрагменты) ……. 97
О рукописях начинающих писателей, 5 и 9 января 1939 г. …… 107
Письмо В.П. Захаржевскому, 11 января 1939 г. …… 108
Письмо С.А. Калабалину, начало января 1939 г. …… 109
Письмо Л.Н. Разумовой, 11 января 1939 г. …… 110
Из письма К.С. Кононенко, начало января 1939 г. …… 110
Запись в дневнике, 11 января 1939 г. …….. 111
Темник. Начат 12 января 1939 г. ……..... 112
О рукописях начинающих писателей, 11 – 18 января 1939 г. …….. 120
Запись в дневнике, 17 января 1939 г. …….. 122
Медынский Г.А. «Бубенчики» …… 123
Письмо Т.В. Турчаниновой, 23 января 1939 г. …… 124
Запись в дневнике, 25 января 1939 г. …… 125
Семушкин Т.З. «Записки педагога» …… 126
Открытое письмо товарищу Ф. Левину ……..... 129
Запись в дневнике, 1 – 6 февраля 1939 г. …… 135

Письмо С.А. Калабалину, 2 февраля 1939 г. …….. 135
О рукописях начинающих писателей, 2 – 5 февраля 1939 г. …… 136
Литература и общество …… 137
Из подготовительных материалов к последующим томам «Книги для родителей» …….. 139
Из материалов «Книги для родителей, подготовленных Г.С. Макаренко …….. 141
Воспитание в школе и семье …… 153
О творческих планах (в записи) …….. 186
Заявление о приеме кандидатом в члены ВКП (б) …… 188
Анкета вступающего кандидатом в члены ВКП (б) ……..... 189
О чтении рукописей начинающих писателей (конец января – середина февраля) ……..... 192
Письмо Т.В. Турчаниновой, 17 февраля 1939 г. …… 192
Речь на юбилее школы №1 Ярославской железной дороги ……..... 193
О коммунистической этике и новом воспитании …… 196
Дети в стране социализма …… 209
Письмо К.С. и Е.Ф. Кононенко. 27 февраля 1939 г. …….. 213
Предстоит большая работа над собой ……. 213
Воля, мужество, целеустремленность ……. 215
План лекции «Коммунистическое воспитание и поведение» …… 220
О коммунистическом поведении и воспитании …… 223
Письмо Г.С. Макаренко, 7 и 8 марта 1939 г. ……..... 250
Мои педагогические воззрения …… 253
Письмо Л.М. Салько, 13 марта 1939 г. ……... 277
Письмо Т.В. Турчининовой, 13 марта 1939 г. …… 278
Из письма О.П. Ракович, 13 марта 1939 г. ……..... 280
Телеграмма Л.М. Салько, 17 марта 1939 г. …… 282
Великая награда …… 282
Домой хочу …… 282
Что значит воспитать ребенка ……..... 287
Из подготовительных материалов к сценарию «Командировка» …… 288
Киносценарий «Командировка» (фрагменты) ……... 289
Письмо О.П. Ракович, 28 марта 1939 г. …….. 304
Письмо С.А. Калабалину, 28 марта 1939 г. …… 305
Письмо Перазич, 28 марта 1939 г. ……... 305
Из опыта работы ……... 305
«Не может быть!» ……..... 320
Письмо в севастопольский Дом учителя, 31 марта 1939 г. …….. 327

Кончина А.С. Макаренко, прощание с ним. События 1 – 30 апреля 1939 г. …… 328
Начало освоения и разработки наследия А.С. Макаренко (кон. 1939 г. – 1945 г.) 337
Современные издания: книга по историографии освоения и разработке наследия А.С. Макаренко (Н.Новгород, 2006) и современное издание его трудов (в виде «учебной книги»). – Н. Новгород, 2006-2014 гг. ……. 342
Именной указатель лиц, причастных к творческой деятельности А.С. Макаренко в кон. 1938 – 1939 гг. ……..... 344
Учебно-методический материал …….. 345
Макаренковедческие отдельные издания, публикации 2014 г. – нач. 2015 гг. и ранее …….. 347

7 декабря 1938 г.

Теорию [педагогическую] я так высоко ценю, что даже самому страшно становится. Только то, что у них [в педагогике] есть – это не теория, а болтовня.

Главное в жизни не само знание, а та гармония, которая получается, когда знания хорошо уложены в душе, та философия, которая определяет человека, его мировоззрение, …мысли и дела.

21 декабря 1938 г.

…У нас много врагов. Вы думаете, что они не умеют пролезать в советские газеты, в особенности в такой неясной области, как воспитание?

…Советский ли я человек? А какой же я человек, если я открыто защищаю интересы коммунистического воспитания?..

Я не самоуверен. Все, что я знаю, мною выстрадано в опыте. А уверен потому, что страшно хочу, чтобы в СССР была хорошая школа.

28 декабря 1938 г.

…Какую я хорошую книгу мог бы написать о ЧЕЛОВЕКЕ, как я его вижу в нашей замечательной потенции.

Декабрь 1938 г.

Я различаю политическое образование и политическое воспитание… Знания сами по себе не делают еще человека политически воспитанным… Я должен был выпускать таких людей, чтобы их характер был политически воспитан… Если мы не воспитаем человеческого чувства, значит, мы ничего не воспитаем… Воспитание лежит в вопросе «личность – коллектив»… Воспитание борца-коллективиста.

Дисциплина в советском детском коллективе должна иметь один характер - стремление вперед. Это дисциплина победы, преодоления… Воспитать умение приказать и подчиниться товарищу – большое достижение в политическом воспитании.

11 января 1939 г.

Может быть, в «их» время и было богатство, которое просится в роман, но я с ними не поменялся бы. Лучше наша бедность. Мы живем страшно большими поворотами души, хоть сами этого не замечаем.

29 января 1939 г.

…Счастье в борьбе, в коллективных напряжениях, в требовательной и даже суровой дисциплине, в труде, в тесной связанности с Родиной, со всей страной.

Советское общество по характеру человеческих взаимоотношений не только выше, но и сложнее, тоньше старого общества. Впервые в истории родился настоящий человеческий коллектив, свободный от неравенства и эксплуатации.

5 февраля 1939 г.

Советская литература – это орган художественного народного зрения, умеющий видеть дальше и проникать глубже, в самую сущность событий, отношений и поступков. Она

должна обладать эстетикой боевой эпохи, нового общества и его радостного рождения.

Советское общество – это общество на великом походе… Человечество закончило какой-то тысячелетний период предварительной жизни и впервые в истории подняло знамя ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ организации.

8 февраля 1939 г.

Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно.

Я тоже начинал с убеждения, что отдельный учитель – это все и именно он должен воспитывать… Воспитание как какой-то парный процесс…: учитель, ребенок – и все это в единственном числе.

Я не понимаю, что такое ребенок 10 лет. Тебе 10 лет, ты гражданин Советской республики, и к тебе можно проявлять соответствующие требования.

Мы должны организовать семейное воспитание, и организующим началом должна быть школа как представительница государственного воспитания.

Отец и мать в глазах детей должны иметь право на счастье в первую очередь.

Нужно воспитывать в детях заботу о родителях, воспитывать простое и естественное желание отказаться от собственного удовольствия, пока не будет удовлетворен отец или мать.

Найти гармонию, чтобы человек умел делать по инициативе общества и чтобы умел проявлять свою инициативу, - это задача всякого педагога.

От 30 января 1939 г. и далее

…Слово является могучим средством не только для выражения истины, но и для прикрытия лжи… Внешние действия тоже являются в известной степени условиями обозначениями истинной сущности данного человека… Мы будем воспитывать не коммунистическую личность, а коммунистическую декорацию личности?

…Необходима не простая номенклатура нравственных норм, а стройная и практически реализуемая цельная нравственная система, выраженная и в серьезнейших философских разработках, и в системе общественных этических традиций.

Старая этическая система… выросла на религиозной почве… Это мораль классового общества… Остался моральный опыт, вековая традиция поведения… Важен мир этого морального опыта, вся его фактическая инструментовка… Старая мораль насквозь индивидуалистична… В ней все совершенствование заключается в пассивности.

Очень многие категории поступков, в старой этике стоящие вне пределов моральной нормы, у нас становятся моральными категориями.

…Нравственное воспитание коммунистического человека базируется на воспитании его способностей, на развитии его сил, его созидательного творческого актива. Личность в нашем обществе совсем не то, что личность в обществе классовом.

…Только человек, воспитанный в коллективистической этике,…способен очень просто и легко понять значение знаменитой формулы: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Индивидуалист никогда этой формулы понять бы не мог…

…Накопление традиций коммунистического поведения… Настоящая широкая этическая норма становится действительной, когда ее «сознательный» период переходит в период общего опыта, традиции, привычки, когда эта норма начинает действовать быстро и точно, поддержанная сложившимся общественным мнением…

Февраль 1939 г.

Можно и нужно любить классиков, учиться у них, преклоняться перед ними, но нельзя в наши дни слепо подчиняться их эстетическим канонам…

2-я половина февраля 1939 г.

…Нет ни одного акта, ни одного слова в нашей истории, которые, кроме своего хозяйственного, или военного, или политического значения, не имели бы и значения воспитательного, которые не были бы вкладом в новую этику и не вызвали бы нарастания нового морального опыта.

…Школьное воспитание. В советской жизни нет другой области, в которой делалось бы наше советское дело так неуверенно, неразборчиво, неопределенно… То, что происходит в нашей школе, недостойно советской эпохи. Мы фактически у ученика ничего не воспитываем, кроме примитивных тормозов… Наше детское общество должно отражать жизнь всей советской страны.

1 марта 1939 г.

…Дело настоящего большого коммунистического воспитания только еще начинается.

Сделать для себя, для собственной идеи, для принципа – это трудно и научиться так, поступать страшно трудно и трудно научить так, поступать… Идеальный поступок. Поступок для правильной идеи.

…Противоречие между сознанием, как нужно поступить, и привычкой, как поступить. Между ним и есть какая-то маленькая канавка, и нужно эту канавку заполнить опытом.

…Ужасно трудная вещь – требование к себе… С других требовать легко.

Не нужно говорить об идеалах, о добре, о совершеннейшей личности… - мы должны мыслить всегда прозаически, в пределах практических требований сегодняшнего, завтрашнего дня.

Прозаичность нашего этического подхода, близость к жизни,… то, что мы способны сделать… Исключительно посильные требования.

…Коммунистическая этика должна быть рассчитана на миллионы счастливых, а не на счастье только мне… Счастливым человеком нужно уметь быть… Счастье сделается нравственным обязательством… Это уважение к себе и другим.

…Настоящая педагогика – та, которая повторяет педагогику всего нашего общества… Я свою педагогику не выдумал.

Я от старших коммунаров, комсомольцев в первую очередь требовал…Наказывать надо не худших, а лучших.

Каждый ребенок должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию… Вот это советская педагогика.

9 марта 1939 г.

Было бы большим зазнайством утверждать, что за 20 лет мы могли создать, довершить, закончить, оформить большую, новейшую педагогическую школу…

В нашей школьной практике… можно наблюдать то, что я называю гипертрофией индивидуального подхода.

Советская дисциплина – это не дисциплина торможения, а дисциплина преодоления, борьбы и движения вперед…

…Умение подчиняться товарищу – не богатому человеку, не хозяину, а товарищу, - и умение приказывать товарищу… Это качество характера может быть развито только в нашей стране.

Нужно организовать коллектив так, чтобы воспитывались действительные, не воображаемые, а настоящие, реальные качества личности.

Нельзя закалить человека, если не ставить перед ним трудных задач, на которых иногда можно и сорваться.

Дисциплина – это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уж потом она становится средством.

Очень трудно поступить правильно тогда, когда никто не видит, не слышит,… навечно не узнает, а надо поступить правильно для себя, для правды, для своего долга перед самим собой.

…Не только можно, а нужно, нужно учить любви… И девушкам, и мальчикам нужно рассказывать об ответственности за каждый прожитый день, за каждый кусок чувства…

Я люблю именно педагогическую теорию, а не педагогическую болтовню, а у нас часто всякую болтовню называют педагогической теорией.

…Каждая школа наша, кроме того, что должна быть единым типом советской школы, должна иметь свое лицо и гордиться принадлежностью к данному коллективу.

Когда вы видите перед собой воспитанника,… вы должны проектировать больше, чем кажется, для глаза… Педагог должен брать далеко вперед, много требовать от человека и страшно уважать его, хотя по внешним признакам, может быть, этот человек и не заслуживает уважения.

…Хозрасчет – замечательный педагог… Он очень хорошо воспитывает.

…Я чувствую себя педагогом не только, прежде всего, а везде и всюду педагогом. Моя литературная работа – только форма педагогической работы.

29 марта 1939 г.

…Учебный процесс в школе и производство продукции крепко определяют личность, потому что они уничтожают ту грань, которая лежит между физическим и умственным трудом…

Я теперь буду бороться за идею: в нашей школе должно быть производство… При производстве для детей открывается много путей… Зарплата… совершенна потому, что ставит ученика в условия своего бюджета, она дает возможность воспитать будущего хозяина… Деньги – прекрасный воспитатель…

Мы должны воспитать человека, который должен быть счастливым и обязан быть счастливым.

…Педагогика… - это есть проявление политического кредо педагога, а его педагогические знания являются подсобными…

Искусство воспитания должно быть доведено до большой степени совершенства, почти до степени техники.

…Я настаиваю, что вопросы воспитания, методику воспитания надо совершенно отделить от вопросов преподавания, тем более надо отделить, что воспитательный процесс совершается не только в классе, но буквально на каждом квадратном метре нашей земли.

Надо, чтобы педагогика овладела такими средствами влияния, которые были бы настолько универсальными, могучими, чтобы когда наш воспитанник встретит влияния самые вредные, самые мощные, - они бы нивелировались и ликвидировались нашим влиянием… Воспитательная работа должна руководить всей жизнью ученика.

На производстве можно требовать риска: чем больше риска, чем больше дерзаний, тем более возможны успехи. Но когда мы имеем дело с живым человеком, как вы можете рисковать?... Нерискованное действие – самый страшный риск… Должна быть предельная требовательность… Чем ярче, определённее право требования, тем менее приходится требовать, тем естественнее возникает общий стиль…

Стиль создается путем воспитания уважения к себе и коллективу… Я 10-летнего ребенка называл «товарищем», особенно когда к нему обращался по делу… «Военизация» - это свобода для учителя и учеников, а вовсе не муштровка.

Детский коллектив должен жить красиво. Эта игра должна наполнять каждую минуту. «Военизация» - это один из видов игры.

Изобретать надо так, чтобы детям казалось, что они изобретают…

…Воздействовать на семью. И лучший способ воздействия – через ребенка.

Я благодарен моим коммунарам: они меня во многих отношениях воспитали.

Март 1939 г.

…Захаров (автобиог. образ «Флагов на башнях» - ред.) обладая талантом, довольно распространенным на восточной равнине Европы, - талантом оптимизма, прекрасного порыва в будущее… Это богатство русского человека,… народная вера в разум, истину и правду.

…В 1917 году… очистилось место для новой эстетики и нового оптимизма… Будущее начинает просвечивать в таких неуловимых и тонких явления, а что заметить их может только тот, кто стоит у их источника…

Новое рождалось в густом экстракте старого: старых бедствий, голода, зависти, озлобления, … старой воли, привычек, старых образцов счастья.

Старое… становилось на пути, наряжалось в новые одежды и новые слова,…сочиняло законы воспитания,…становилось на защиту советской педагогики.

Новая педагогика рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины.

Эта педагогика рождалась на всей территории Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы собрать ее первые плоды.

…Захаров… сам недавно освободился от убеждения, что дети – только объект воспитания. Нет, дети – это живые жизни, и жизни прекрасные, и поэтому нужно относиться к ним как к товарищам и гражданам, видеть и уважать их права и обязанности, право на радость и обязанность ответственности.

Товарищам и единомышленникам А.С. Макаренко, писателям, педагогам, работникам различных учреждений, в 1938-1939-х годах активно участвующим в его деятельности как социального педагога-реформатора, - посвящается эта книга.

От составителей

Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии (подготовительные материалы)

Эрудиция и «уважение к реальным явлениям» - главное в методологии макаренковедения

Очень распространенное и наименее эффективное направление в макаренковедении – это вектор: только «от себя». Автор высказывает свои соображения по поводу тех или иных идей, фактов деятельности А.С. Макаренко, не обращая внимания на то, что по этому поводу ранее сделано другими. Он в лучшем случае об этом не знает, а худшем не хочет знать. Сейчас, конечно, сказывается то, что книги, журналы стали малотиражными, малодоступными.

Но главное, оказывается, не в этом. Большинство людей, даже имеющих, например, новое издание трудов А.С. Макаренко (Школа жизни, труда, воспитания… - Н.Новгород, 2007-2013 гг., к настоящему времени вышло 6 частей, томов) в своих исследованиях продолжает обходиться без обращения к нему. То же следует сказать об обращении к изданию, раскрывающему историографию макаренковедения (Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире. 1939-2005 гг., критический анализ. – Н.Новгород, 2006).

Эрудиция, широкие и основательные познания в определенной области знания – это то, что прежде всего необходимо исследователю. И дело здесь не в упоминании о сделанных ранее публикациях и их авторах, а в том, как сделанное ими отражается в самом содержании новой работы. Иначе она становится поверхностной, может превращаться в «отсебятину».

Ключевое методологическое значение имеет тезис А.С. Макаренко: (кон.1932 – нач.1933 гг.): «Нам нужно учиться у великих систематиков естествознания прежде всего их эрудиции, во-вторых, их уважению к реальным явлениям. Мы до сих пор не можем мыслить иначе, как спекулятивно, а это возможно, разумеется, без всякой эрудиции» (Школа жизни, труда, воспитания…, часть 3, с.48). ***Спекулятивное*** мышление умозрительно, позволяет мыслить и действовать по произволу. Это одновременно и отсутствие «уважения к реальным явлениям», которые происходят в отечественном и зарубежном макаренковедении уже 75 лет. Его история противоречива, в ней есть периоды бурного подъема и длительного спада.

Серьезное обновление макаренковедческой работы произошло с началом деятельности Марбургской лаборатории «Макаренко-реферат» (Германия) в 1968 г. и Нижегородской исследовательской лаборатории «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» в 2003г. Важными вехами в макаренковедении стали Марбургское факсимильное издание произведений А.С. Макаренко (первой его части, 1976-1982 гг.) и советское новое, более полное их издание (1983-1986 гг.), а также защита двух первых докторских макаренковедческих диссертаций по педагогике (А.А. Фролова и В.В. Кумарина, 1987 г.), последующих докторских диссертаций (Л.И. Гриценко, С.Г. Карпенчук, С.С. Невской, А.В. Ткаченко, 1998-2014 гг.).

Вектор работы лишь «от себя» - это обычно тематически систематизированная подборка цитат из макаренковских произведений. Неуважение к реальным явлениям» здесь проявляется обычно и в том, что идеи, положения А.С. Макаренко

осмысливаются без должной связи с тем, как конкретно они осуществлялись в его реальной педагогической практике и в ее стремительном развитии.

В аспекте такой конкретизации предстоит осваивать богатейшую документацию макаренковской колонии-коммуны, свидетельства очевидцев – журналистов (их публикации в периодической печати тех лет), воспоминания соратников и воспитанников А.С. Макаренко. Нужно также представлять «фон», реалии тогдашней действительности: в связи с чем высказаны им те или иные соображения, как были встречены деятелями образования, педагогической и научной общественностью, что именно получало поддержку или вызывало критику.

Без всего этого возникает ***догматическое*** истолкование макаренковских идей, они превращаются в застывшие стереотипы, далекие от истины и даже извращающие ее. Догматизм – главное, что ведет к обвинению А.С. Макаренко в «муштре», авторитаризме, подавлении личности и индивидуальности. При догматическом мышлении происходит «бюрократическое омертвление живых педагогических тканей», как выражался А.С. Макаренко, разрываются животворные связи развивающихся явлений.

Чтобы понять, например, его «командирскую» педагогику как подлинно демократическую, где исключается административно-правовое управление и утверждается общественное самоуправление, приоритет духовно-нравственных отношений, - необходимо знать эту организационно-управленческую систему в мельчайших деталях практической «педагогической техники», во всей ее сложности, богатстве связей и в последовательном развитии.

Такой подход совершенно необходим как вполне соответствующий специфике педагогики А.С. Макаренко и ее методологии. Это социально активная, «практически целесообразная» наука» (Школа жизни, труда, воспитания…, часть 6, с.242).

Проблема единства педагогической ***теории и практики***, органическая связь педагогического мышления и педагогического действия – это поистине «живая душа» макаренковской концепции педагогики. Ее предмет – выявление закономерностей, устойчивых причинно-следственных связей в триаде: педагогические цели – средства – результаты (во взаимодействии этих трех компонентов). Здесь все четыре «этажа» педагогики: методологический, теоретический, организационно-методический и технологический – представлены в неразрывном единстве. В методологии А.С. Макаренко доминирует «…логика педагогической целесообразности», «педагогическая логика», «логика в деталях» педагогического процесса.

Антипод его педагогики: теория и практика, лишь ориентирующее на некоторые ценности; требуется безусловное соблюдение разного рода «технологий»; о закономерно эффективных формах и способах педагогической работы нет и речи (это отдается на откуп педагогам-практикам); проблемы педагогической результативности здесь просто не существует.

В педагогике А.С. Макаренко разрабатываются философские категории ***содержание и формы***, ведется поиск необходимой взаимосвязи педагогических идей и способов их практического выражения в различных модификациях и структурах. В воспитании необходимо «соединение полной сознательности [поведения]… с ясной, совершенно точной внешней формой» (Макаренко А.С. Пед.соч. в 8 т., 4, с.257-258). «Поведение оформленное… Форма сама является признаком высокой культуры» (там же, с.200).

Полемика вокруг деятельности А.С. Макаренко при его жизни и вокруг его наследия – это столкновение его опытно-экспериментальной, ***«индуктивной»*** (как он говорил) педагогики и педагогики, которая сводит к минимуму (а фактически отрицает) специфику науки как таковой – наличие ***доказательной базы***, установление научных фактов, объективных закономерностей. Это педагогика умозрительно-декларативная она основана на ***дедукции***, произвольно взятых целях и средствах, не

требующих доказательств (но хорошо соответствующих сиюминутным общественным потребностям).

Эрудиция в макаренковедении выражается и в том, что идеи, положения А.С. Макаренко по какой-либо проблеме даются в необходимой полноте. Особого внимания требует противоречивость его высказываний. Они ярко отражают диалектически противоречивую природу педагогических явлений, факторы их развития.

К тому же эрудиция при всей ее полноте – это не механическая сумма сведений. Это их систематизация, интерпретация, применение определенного исследовательского ***метода***. А.С. Макаренко многократно говорит о своей приверженности к ***диалектическому*** методу, имея ввиду прежде всего целеустремленное ***развитие*** педагогических явлений и поддержание их преемственной связи.

Поэтому центральное место в его педагогике занимает идея «перспективных линий», их система одновременно в аспекте времени (перспективы ближняя, средняя, дальняя) и в аспекте пространства (личная, коллективная, общественная). Так А.С. Макаренко вводит в науку о воспитании понятия: ***«время педагогическое»*** и ***«пространство педагогическое»***. Его обращение к базовым в философии категориям времени и пространства – выдающийся факт в истории педагогики. (В социологию понятия «время социальное» и «пространство социальное» вошли лишь в 1970-х гг.).

А.С. Макаренко принципиально по-новому подошел к проблеме ***противоречий*** в педагогике, глубоко разработал вопрос о значении противоречия в характеристике педагогических явлений и процессов. В трактовке их противоречивых сторон он решительно отходит от разделительного принципа ***«или-или»***, добивается «снятия» противоречия на основе соединительного принципа ***«и-и»*** (что может рассматриваться по аналогии с «принципом дополнительности» в физике).

Это четко видно в преодолении им противоречия между экономической и педагогической эффективностью производительного труда, при доминирующем значении педагогических целей. Заложив свободный труд, «трудовой хозяйствование» в фундамент всей системы педагогики, А.С. Макаренко, открыл главный путь воспитания нового человека, развития самостоятельности и достоинства личности, ее самоутверждения в социальной среде.

Устранение противостояния социального и природно-биологического, всеобщего и единичного, коллектива и личности, свободы и дисциплины, единства и дифференциации, уважения (доверия) и требования, прав и обязанностей, развития и «покоя» (стабильности), знания и поведения, «сознательного» и привычного, коллегиальности и единоначалия и т.д. – это первооснова макаренковской методологии педагогики, глубинная суть его ***«педагогики параллельного действия»***. В ней всюду мыслятся и действуют ***«пáрные оппозиции».***

Они реализуются в русле «параллельного действия» на основе философской категории ***«меры»***, перехода количественных изменений в качественные.

«За что бы мы ни ухватились в воспитании, мы везде придем к вопросу меры… Даже в нашем идеале… присутствует принцип какой-то середины, …какой-то дозы… Середина лежит между нашей отдающей себя обществу работой и тем, что мы берем от общества… Нужно воспитывать чувство меры» (Макаренко А.С. Пед.соч. в 8 т., 4, с.213-215). Диалектически противоречивое должно стать «гармоничным»: любовь и ответственность, «строгость и ласка», разрешение и запрещение, активное действие и «торможение» и т.д. А главное: «Какую долю самостоятельности, свободы предоставить ребенку, в какой мере его «водить» за ручку» (там же, с.482).

Непонимание этой диалектики, ***метафизическое*** мышление – корневая причина критики наследия А.С. Макаренко и его отторжения, ограниченного и искаженного понимания: Метафизическое мышление представляет педагогические явления разрозненно, фрагментарно, как независимые и неизменные, игнорирует их внутренние противоречия как источник развития.

В методологии А.С. Макаренко явно просматривается решение фундаментальной в теории познания проблемы соотношения ***системы и метода***. Он, несомненно, придерживается первенства научного метода, настойчиво проводит идею о недопустимости остановки в развитии системы, возникновения «застоя» (это «форма смерти» коллектива).

В то же время он в полной мере показывает необходимость сохранения и укрепления ***«ядра»*** развивающейся системы. Она должна всегда оставаться ***открытой*** системой, оперативно реагировать на свои внутренние изменения и изменяющиеся условия общественной среды. Педагогика А.С. Макаренко – это живая система, ее питают животворные силы диалектического метода.

Это диалектика материалистическая, идущая от исторически сложившейся уверенности людей в нераздельности жизни и человека, в приоритете материальных условий жизни общества. Жизненный опыт, социальная практика – богатейший источник знаний, надежный «учитель», основа духовного развития общества и человека. В макаренковской педагогике первостепенное значение имеет социально-нравственный опыт детей, молодого поколения, в неразрывном единстве с работой и опытом старшего поколения.

Активная востребованность сил и способностей подростков и юношества, их успешное участие в социально-культурном творчестве порождают уверенность в будущем, оптимизм и «мажор», ощущение счастья как «радости существования». Макаренковский коллектив – это «одухотворенный коллектив»; так происходит «одухотворение» педагогики. В педагогической истории впервые «счастливый человек» становится высшей целью воспитания, это новый показатель качества человеческой жизни.

Эрудиция, включающая интерпретацию исследовательского материала с позиций определенного научного метода, предполагает точное соблюдение признаков системы. Это не механическая сумма разрозненных элементов, а такая их совокупность, где действует системообразующий элемент, а каждый из элементов имеет свою специфику, особые функции.

У А.С. Макаренко это ясно видно по объяснению исходных понятий педагогики не разрозненно, а в их системе. Его педагогическая концепция примечательна ***главенством*** в ней категории воспитания, она качественно отличается от обучения, строится на основе социализации; развитие личности мыслится как общий результат этих процессов. Это «воспитательная педагогика», творческое развитие изначального представления о педагогике как науке о воспитании.

Выделение ***доминирующего*** в «па́рных оппозициях»: социальное и природное, коллектив и личность и т.д. – характерная черта педагогической системы А.С. Макаренко и его научного метода. Он безусловно утверждает первенство социального, коллективного в новой педагогике.

Это вполне согласуется с положением Дж.Дьюи: «Личность вне социальных связей – это миф или чудовище. Индивидуальность формируется под воздействием ассоциированной жизни» (Бим-Бад Б.М. Педагогика Джона Дьюи //Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия… - М., 2012, с.49).

Методологический ***вектор*** А.С. Макаренко: ***от общего*** к частному, от коллектива и личности – органически включает обратное: активно-творческие действия «первичных коллективов» и каждой отдельной личности. Необходимо найти «такую форму организации коллектива, при котором отдельная личность будет и наиболее дисциплинированна, и наиболее свободна»; коллектив должен обеспечить «свободу в самочувствии воспитанника» [Школа жизни, труда, воспитания…, часть 3, с.196; часть 1, с.168].

Коллектив у него – четко обозначенное, постоянно действующее пространство педагогического действия, специфическое социальное образование, один из типов трудового коллектива: единый коллектив детей и педагогов, всех сотрудников

образовательно-воспитательного учреждения. Этот в терминологии А.С. Макаренко «воспитательный коллектив» может быть назван «учрежденческим». (Глубоко ошибочно сведение его понятия коллектива лишь к «детскому», «ученическому», к любой обособленной и бесправной «малой группе»).

Главный признак «воспитательного коллектива»: он имеет ясно обозначенный ***социально-правовой статус***. Такой коллектив, общий для детей и взрослых, - главный «объект» воспитания в макаренковской педагогике и одновременно его главный фактор.

Этим педагогика А.С. Макаренко принципиально отличается от «па́рной педагогики» (индивидуалистической), где действует пространственный минимум: «учитель-ученик», при «руководящей роли» педагога-профессионала. Последние 5 лет (при А.С. Макаренко) коммуна им. Ф.Э. Дзержинского успешно функционировала и развивалась без штатных воспитателей. В колонии им.М. Горького воспитатель находился в состоянии «формального равенства» с воспитанником.

Абсолютизация тезиса А.С. Макаренко о приоритете социального фактора и коллектива, придание этому положению самодовлеющего значения, рассмотрение вне каких-либо связей – такова методология противников его педагогики, обвиняющих его в «социологизаторстве», противопоставляющих ее гуманистическому педагогическому направлению. Но именно они противостоят гуманизму, низводя понятие личности до представления об обособленном индивиде, эгоисте и природной особи.

Творчество А.С. Макаренко – это социально-культурное явление большого масштаба. Его нельзя свести к деятельности колонии им.М.Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, хотя их 15 летняя, необычайно успешная история и является, несомненно, убедительной опытно-практической базой его наследия. Важен киевский этап его деятельности, в масштабе Украины, 1935-1937 гг. Еще более значимый период – московский, 1937-1939 гг.

В творческой биографии А.С. Макаренко «по нарастающей» проявляются его черты как ***социального педагога-реформатора***. Они последовательно все более полно реализуются в его литературно-художественном творчестве, литературной критике, публицистике, общественной деятельности.

Освоение всех этих направлений его деятельности в 1935-1939 гг. – насущная потребность расширения эрудиции специалиста-макаренковеда. Это приведет к полному освобождению макаренковедения от привязанности к «детской» педагогике («в коротеньких штанишках») и к нетрудовой «школе учебы». За 22 дня до своей кончины А.С. Макаренко сказал: «… Я чувствую себя педагогом не только прежде всего, а везде и всюду педагогом. Моя литературная работа – только форма педагогической работы» (Пед.соч., в 8т., М., т.4, с.343).

Его творческую деятельность в 1935-1939 гг., как и в предшествующие периоды, а также ход освоения и разработки его наследия, включая постсоветский период, - предстоит углубленно осмысливать в контексте происходящих не только больших изменений в педагогической науке и практике, но и главных событий социально-экономической и культурной жизни страны, а также в его страстном стремлении активно влиять на происходящее. Надо иметь в виду огромное множество деятелей, лиц, так или иначе участвующих в его творчестве, сторонников и противников.

Требования к эрудиции в макаренковедении неизмеримо расширяются и с учетом того, что ***социальная*** педагогика А.С. Макаренко выходит далеко за пределы предмета и задач традиционной педагогики. Исходя из объективно существующей «педагогики общества», он поиски педагогических закономерностей тесно связывает с обращением к философии, этике и эстетике, социологии, политологии, психологии. Он всюду обнаруживает очень важное в педагогике – исторический аспект педагогических явлений и процессов.

Методологическую проблему связи педагогики с другими социально-гуманитарными науками А.С. Макаренко обогащает возможностью и необходимостью обратного влияния педагогических идей и опыта на эти науки.

К началу работы в колонии им.М.Горького он имел 11-летний опыт школьной работы (из них 3 года в условиях интерната и 2 года работы заведующим начальным училищем), окончил 3-летний учительский институт. Об его эрудиции и глубине методологического подхода говорит «большое сочинение», написанное на рубеже 1916-1917 гг., - «Кризис современной педагогики», удостоенное золотой медали.

Необычайно широким и основательным было его самообразование. С особым интересом А.С. Макаренко относился к истории (отечественной и зарубежной), к художественной литературе, психологии, правоведению, религиоведению, военному делу, естествознанию, даже к астрономии и изучению радиоактивности.

В августе 1922 г. он четко сформулировал 5 положений, определяющих кардинальную перестройку педагогики как науки (Школа жизни, труда, воспитания…, часть 1, с.40-41).

А.С. Макаренко ушел с заведования «единой трудовой» школой №10, вдохновленный идеями ***«Декларации Наркомпроса УССР о социальном воспитании детей»*** (опубликована 1 июля 1920 г.). Работу с несовершеннолетними правонарушителями он избрал в надежде, что тогда можно будет меньше бояться «остатков» старой педагогической теории и практики.

Конкретизация, опытная проверка и развитие идей «Декларации» - это суть всего творчества А.С. Макаренко в педагогике. Уже в 1923-1924 гг. убедившись в эффективности проведенной им работы, он пришел к необходимости «ревизии» системы соцвоса. В 1925 г. начались его попытки расширения своего целеустремленного социально-педагогического эксперимента. 1926 г. – начало истории его конфликта с деятелями соцвоса, затем всей системой официально действующей педагогики и школы.

А.С. Макаренко умер в 1939 г. непризнанным педагогом-ученым и выдающимся педагогом, хотя его популярность, востребованность его социально-педагогических взглядов и опыта в 1937-1939 гг. была необычайно высокой.

Уже с лета 1940 г. достижения педагогической мысли и практики А.С. Макаренко стали использоваться в развитии советской теории и практики школьного воспитания. Его наследие оказало влияние на развитие ***смежных*** с педагогикой наук, особенно социальной и педагогической психологии, этики, отчасти юриспруденции и даже медицины (психотерапии). Многие его положения стали направляющими в становлении в 1960-х гг. исправительно-трудовой и военной педагогики. С конца 1980-х гг. начинает осознаваться его роль в совершенствовании организации производства, в решении проблем социального управления, менеджмента.

Лишь во второй половине 1970-х гг. стало понятно, что совершенно неправильно ограничиваться лишь ***«изучением и практическим применением»*** макаренковского наследия. Необходимо его всесторонне и целостно исследовать, фактически произвести его «реконструкцию», в свете огромных изменений, происходящих в государстве и обществе, в педагогической теории и практике. Необходимо глубоко изучить его великий вклад в педагогическую ***теорию, в науку*** о воспитании.

Запаздывание с «***исследовательским*** подходом» связано с тем, что на А.С. Макаренко смотрели преимущественно как на педагога-практика, создателя «воспитательной (педагогической) системы», «педагога-методиста». Отдельные характеристики его (преимущественно литературными критиками, журналистами) классиком педагогики серьезно не воспринимались.

Считалось также, что сделанное в 1940-1950-х гг. вполне раскрывает основы макаренковского наследия. Сохранение этого взгляда, обремененного драматическими событиями 1936-1938 гг., привело в конце 1950-х гг. к почти 20-летней «паузе» в макаренковедении и к начавшейся в конце 1960-х гг. критике. Она завершилась в

начале 1990-х гг. выступлениями с характеристикой А.С. Макаренко как представителя «тоталитарной» педагогики (что решительно расходилось с оценкой его большинством научной и педагогической общественности).

В признании А.С. Макаренко ***педагогом-ученым***, исследователем, теоретиком, классиком педагогики, творцом новой педагогической концепции первенство принадлежит «западному миру». Это сделали в 1950-1971 гг. Г.Нооль, О.Анвайлер, Л.Фрезе (ФРГ). Как социального педагога-реформатора (в сравнении с Дж. Дьюи) его характеризовал Дж.Боуэн (США): это «социальный реконструктивизм» – применение педагогических методов к социальным проблемам». О ярком своеобразии макаренковской методологии хорошо сказал В.Зюнкель (ФРГ): «Антон Макаренко – это жало в плоти каждого теоретика».

Будучи педагогом-мыслителем, практиком-экспериментатором и писателем, художником слова одновременно, А.С. Макаренко органично-диалектически реализовал в науки о воспитании все ***три пути*** познания и преобразования мира: рационально-научный, эмпирически-опытный, чувственно-образный. Такая комплексная методология – радикально новое явление в истории педагогики. Овладение этой методологией (особенно той, что свойственна художественной литературе, искусству) – дело для современной педагогики необычное; потребуются длительные совместные усилия деятелей науки, педагогов-практиков, искусствоведов.

Эрудиция макаренковедов в области: А.С. Макаренко и ***современность*** – наталкивается на ряд проблем, относящихся к методологии исторического исследования. Это в первую очередь опасность обвинения в «осовременивании» историко-культурного наследия, в «приписывании» ему того, чего в нем фразеологически просто нет. Выходит, что можно лишь находить «актуальные» цитаты и механически «пристегивать» их к новым, современным идеям и понятиям, что повсеместно и делается, не принося в сущности каких-либо научно-практической пользы. Это называется «творческим развитием» наследия, будучи в действительности его «осовремениваем» вульгарного свойства.

Необходимо «осовременивание» в положительном смысле: идеи и практику А.С. Макаренко анализировать, систематизировать в контексте прошедших после его кончины событий общественно-педагогической жизни и современного состояния педагогики и образования, достижений науки и культуры. Проведенные исследования такого рода существенно обогащают представление о макаренковском вкладе в педагогику. Они дают то, что реально может быть предложено для развития современной педагогической теории и практики, для их опытно-экспериментальной разработки.

Со всей ясностью обнаруживается: наследие А.С. Макаренко – это педагогика его «сегодняшнего» и «завтрашнего дня», далеко опережающая и наш сегодняшний день. Многие его положения и понятия, имеющие фундаментальное и перспективное значение, до сих пор не представлены в «большой» педагогике. Макаренковская борьба в педагогике ***продолжается*** в сущности но тем же самым проблемам, что и при его жизни. Это противоборство с «педагогикой вчерашнего дня», тормозящей социально-культурное развитие.

Сделанные в макаренковедении обобщения приводят к ***новым*** положениям, понятиям, которые четко не обозначены в макаренковском наследии, но могут рассматриваться как имманентно глубоко присущие ему. Считать эти исследовательские результаты «приписыванием» чего-то к этому наследию – значит жестко ограничиваться «актуализацией» и разработкой необходимых цитат.

А.С. Макаренко не имел возможности написать ***«очень важный и капитальный труд о советском воспитании»***, хотел заняться этим в феврале 1935 г., предполагая иметь 2 свободных года для этой работы. Она была им начата на рубеже 1932-1933 гг. – книга «Опыт методики работы детской трудовой колонии». Уже в августе 1922 г. он хотел практику колонии им. М. Горького, «вызвавшую множество

вопросов, обработать научным образом». В 1928 г. обдумывал «книгу по педагогике», затем преобразовал этот замысел в «Педагогическую поэму».

То, что А.С. Макаренко удалось написать, опубликовать, и его разнообразные подготовительные материалы, рабочие записи, деловые и личные письма, многочисленные документальные источники – позволяют вести дальнейшую исследовательскую работу в направлении того «капитального труда», черты которого присутствуют в написанном им. По сути это должно стать ***главным «проектом»*** в макаренковедении, если мы не хотим быть простыми потребителями «готового знания».

«Потребительский» подход виден в серьезной ошибке: в попытке «внедрить» макаренковскую методику воспитания в современную практику механически, «1:1», как некий безусловный образец, не зная и не соблюдая теоретико-методологических основ данной методики. Это направление в макаренковедении идет от догматической трактовки наследия А.С. Макаренко.

Но есть и другой ***вектор***, идущий от «уважения к реальным явлениям», когда даже серьезно не вникая в наследие А.С. Макаренко, талантливые педагоги-практики, руководствуясь требованиями жизни и воспитания, на собственном опыте приходят к необходимости изучения и использования этого наследия. Такой подход к нему требует особого внимания и заботы специалистов-макаренковедов.

В освоении и разработке макаренковского наследия уже много десятилетий главенствует вектор: ***от современных***, официально действующих идей, понятий (иногда просто «модных») – к этому наследию. Простое приспособление их к нему наносит серьезный ущерб существу и авторитету макаренковедения. Очень слабо проявляется противоположный вектор: ***от А.С. Макаренко***, его идейно-понятийной системы - к современности. Большинство его положений и понятий, наиболее существенных, до сих пор остается «в тени». Внедрение их в методологию, научный аппарат современной педагогики – первостепенная задача макаренковедов.

Макаренковедение развернется в полную силу, когда главным в нем будет направление не от того, ***что есть*** в современной системе педагогических понятий, а от того, чего в ней ***нет***, что может и должно быть воспринято в педагогике А.С. Макаренко, органически включено в широкий исторический процесс творческого развития педагогической мысли и практики.

Наконец, эрудиция в макаренковедении останется «половинчатой», если продолжится свойственное советскому периоду инертное отношение к ***зарубежным*** макаренковедческим исследованиям. Они имеют свои достижения, большую историю и огромную географию в мире. Разрабатывая преимущественно социально-гуманитарные основания наследия А.С. Макаренко, зарубежные деятели педагогики, художественной литературы, социологии, этики, политологии, психологии, экономики, общественные и религиозные деятели внесли и будут далее вносить выдающийся вклад в макаренковедение.

(Автор – Фролов А.А. Текст, представленный на сайте Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина к X международному симпозиуму: «Современное макаренковедение: история, состояние, перспективы» - 30 октября 2014 г., г. Н.Новгород (в режиме on-line). Дано для публикации в ж. «Народное образование»).

Социально-педагогический опыт А.С. Макаренко как образец единства воспитания, социализации и развития личности

В определении базовых понятий педагогики: воспитание, обучение, социализация, развитие личности – в настоящее время прочно утвердился абстрактно-схоластический подход. Заложенный в методологию педагогики и ее теоретические основы, он подрывает корневую систему педагогики как науки, становится главным препятствием ее творческого развития.

Чтобы преодолевать неопределенность, «размытость» этих понятий, необходимо прежде всего избавиться от их обособленного определения, каждого в отдельности. Нужен системных подход, когда каждое из понятий четко обозначается в его специфике и одновременно в органически-диалектическом единстве. Сейчас они определяются так, что одно понятие как бы накладывается на другое, несет в себе признаки смежных понятий.

Таким образом проявляется слабость педагогического мышления: оно оказывается бессильным при решении в педагогике философской проблемы общего и особенного. В подходе к общему, к системе недооценивается то, что каждый ее элемент имеет специфические функции. Не учитывается, что систему «скрепляет» главный, системообразующий элемент.

Понятия характеризуются «вообще» и «для всех времен и народов». Не замечается, что существуют разные концепции педагогики, разные типы школы, образования. В них базовые педагогические понятия содержательно различаются в зависимости от того, какова их система, иерархия, какое понятие является системообразующим.

Так, в «личностно-ориентированной» педагогике доминирует понятие «развитие» (личности нужно лишь предоставить возможность для развития и «саморазвития» по некой заложенной в ее природе «программе»); социально целенаправленное воспитание понимается как «насилие» и устраняется; главным путем становления личности считается обучение, оно является основой «образования». Это педолого-педагогическая концепция, «дидактическая», она реализуется в «школе учебы».

В макаренковской концепции педагогики главенствует воспитание, оно вместе с обучением (по Л.С. Выготскому) «ведет за собой развитие»; в новом воспитании основополагающими факторами становятся производительный труд, «хозяйствование», общественное самоуправление. Это творческое развитие педагогики как науки о воспитании, продолжение изначальной «школы жизни» и возникшей на Западе в кон.XIX – нач.XX вв. теории и практики «трудовой школы», «новой школы», «социальной педагогики».

Современные специалисты образования отмечают два подхода в воспитании: опора на «идеологические догмы, специальные уроки и мероприятия, прямая пропаганда» - и «идущий от А.С. Макаренко приоритет позитивного социального опыта».

«…Во всем мире растет интерес к активным воспитательным практикам»; их нужно институциализировать в нашей школе, широко использовать «потенциал традиций коллективного социального действия», осваивать не только нравственные, гражданские ценности, но и «социальные, экономические, правовые, организационные компетенции»; необходимо «развернуть сеть (сети) экспериментальных школ и внешкольных программ», участвующих «в инновационных проектах социального, экономического, краеведческого, культурного, экологического характера [1, с.46-47].

Начавшееся в последнее десятилетие широкое использование в педагогической теории и практике понятия «социализация» знаменательно. В 1970-1980-х гг. оно фактически изгонялось, отождествлялось с «социологизаторством», выступало как антипод зарождающейся «личностно-ориентированной» и «гуманистической» педагогике. Тогда развернулась резкая критика взглядов и опыта А.С. Макаренко как представителя педагогики «тоталитарного» общества.

В Российской педагогической энциклопедии «социализация» объясняется также в духе превалирования категории «развития». «Социализация – развитие и самореализация человека на протяжении всей его жизни в процессе усвоения и воспроизведения культуры общества» [2, т.2, с.359]. Социализация, следовательно, касается не только детей, но и взрослых; она ограничивается, правда, лишь «воспроизведением культуры», не предусматривает функцию ее развития.

Воспитание определяется (с оговоркой «социальное») как «целенаправленное создание условий… для развития человека», т.е. характеризуется также в подчи-

ненности воспитания развитию [2, т.1, с.165]. При этом в энциклопедии отсутствует статья о развитии личности как педагогическом понятии; объясняется лишь «развитие психическое».

Данная система педагогических базовых понятий исключает установку воспитания, социализации и развития личности на «опережение общества в его социальном творчестве» (как говорил А.С. Макаренко), на превращение воспитания в один из главных факторов прогресса общества и человека.

Это характерно для общества тотальной неопределенности в отношении будущего. Жесткая привязанность к проблеме «здесь и сейчас», к материальным условиям жизни общество позволяет отрицать вообще какой-либо социальный идеал. Разрушается духовная основа общества и личности, ценность культуры. Общество и человек без воспитания, без преемственности поколений – это поистине «конец истории».

Активизация понятия социализации происходит, несомненно, как реакция на пагубные результаты «личностно-ориентированной» педагогической теории и практики. Подтверждается тезис Дж. Дьюи: «личность вне социальных связей – это миф или чудовище». То и другое проявляется сейчас со всей очевидностью, хотя общепринятая доктрина и продолжает оставаться непоколебимой (для нее важны не результаты, а замыслы, «величие идеи»).

Другим важным фактором обращения к явлению социализации и в его осмыслении является то, что за основу берется трактовка социализации, принятия в англоязычных странах, преимущественно в США. Педагогическая теория и практика там остается в зачаточном состоянии: все сводится к «образованию» (education); воспитание как таковое как будто отсутствует и даже преследуется; педагогики как науки «не существует».

Требования жизни заставляют обращаться к социализации, превращая ее даже в нечто более мощное, чем воспитание, и вполне соответствующее природе «западного общества». Социализация применяется как действие «элементов педагогики» во всей системе общества: в экономике, политике, праве, культуре, массовых коммуникациях. Охватывая одновременно старшее и молодое поколения, социализация резко ограничивается адаптацией, механическим приспособлением человека к существующему общественному порядку.

И если ранее у нас воспитание вытеснялось и подменялось «развитием» личности, то ныне возникает «социализация без воспитания», оно поглощается социализацией, становится «ненужным».

К таким выводам приводит исследование методологических основ наследия А.С. Макаренко. Оно примечательно тем, что впервые в истории отечественной и мировой педагогики дает убедительный пример необычайно эффективного единства процессов воспитания, обучения, социализации и развития личности. Решается проблема становления нового человека, полноценного социального и природного развития индивидуальности.

История возникновения и освоения макаренковского наследия может рассматриваться как материал для системной разработки базовых понятий педагогики, в их специфике и единстве. Это один из путей решительного отказа от абстрактно-схоластической методологии исследования, о которой сказано выше. Переход от «умствований», не подкрепленных успешным реальным опытом и хоть какой-то доказательной базой, может осуществляться, конечно, на основе реальной практики не только А.С. Макаренко, но и других выдающихся деятелей педагогики и образования.

Ключевое значение в макаренковском наследии имеет тезис: «…Воспитанию подвергается не только ребенок, … а каждый гражданин на каждом шагу. Подвергается воспитанию либо в специально организованных формах, либо в формах широкого общественного воздействия. Каждое наше дело, … каждый процесс в нашей

стране всегда сопровождается не только специальными задачами, но и задачами воспитания» [3, часть 6, с.241].

То, что отмечается им как свойственное советской стране, несомненно, имеет место в любом обществе, но установка на воспитание при этом может проявляться в разной степени и иметь разную социально-педагогическую направленность.

В приведенном макаренковском тезисе привлекает внимание следующее: общее в воспитании детей и взрослых; сочетание «специальных» и педагогических задач в общественных явлениях и процессах; наличие «специально организованных» для воспитания форм и воспитание «в формах широкого общественного воздействия» (что касается, видимо, не только детей, но и взрослых).

И употребляется здесь лишь один термин: воспитание. Социализация выступает как основа основ воспитания; надобность в особой «социализации» не ощущается.

Так А.С. Макаренко совершает революционный прорыв в педагогике, преодолевая классическое разделительное понимание воспитания «в широком смысле» (как социального явления, выходящего за рамки предмета педагогики) и воспитания в «узком смысле» (как «педагогической деятельности», которая может быть целесообразной и результативной). Этим определяется его фундаментальный вклад в педагогику, в разработку ее методологии. Здесь лежит главный секрет его блестящих успехов как педагогика-теоретика и практика.

Педагогика у А.С. Макаренко перестает быть «детской» («в коротеньких штанишках»), «педагогикой школы», семьи, других общественно-педагогических объединений, - пытающихся отгородиться от социальной среды, ограничиться сферой образования-обучения, «чисто педагогическими» целями и средствами. Исходные положения А.С. Макаренко: объективно существует «педагогика общества», она различна при том или ином социально-экономическом строе, изменяется вместе с его развитием.

«Специально-организованной» формой воспитания в макаренковской педагогике является «воспитательный коллектив» - единый коллектив педагогов, детей, всех сотрудников педагогического учреждения. Это специфический коллектив производственного типа, «учрежденческий», имеющий полноправный социально-правовой статус.

В этом коллективе не отменяются подразделения: детский коллектив и педагогический (в основном педагогов). Действуют администрация, глава учреждения, педагогический совет, он ведает учебной работой, выдает документы при выпуске из учреждения.

Единый «воспитательный коллектив» - это связующее звено между личностью, первичным коллективом (7-15 человек) и всем обществом, другими трудовыми коллективами. Связь «воспитательного коллектива» с социальной средой двоякая: он не только воспроизводит существующие общественные отношения, но и позволяет активно-творчески влиять на их развитие в направлении «лучшего мира» и «нового человека». Это «социальная лаборатория», как выражался Джон Дьюи.

Взаимосвязанные функции «воспитательного коллектива»: оберегать детство, молодежь от преходящих уродливых общественных явлений, «защищать личность» в ее социальных связях; закреплять достижения культуры; активно участвовать в решении современных социально-гуманитарных проблем, содействуя «проектированию» будущего; оказывать (преимущественно «через детей») благотворное влияние на семью, окружающую среду – экономическую, социальную, культурную, улучшая моральное состояние общества и человека.

В «воспитательном коллективе» и в его связи с обществом устраняется патернализм, господствующее положение старших и приниженное положение детей, молодежи. (Аналогичное явление: в мире преодолевается исторически сложившееся

бесправие женщин). Может предотвращаться разрыв «связи времен» и поколений, «отцов и детей».

У А.С. Макаренко дети – «не подопечная мелочь», воспитание выступает как взаимодействие старшего и молодого поколений, их взаимовлияние и общая ответственность. В социальной среде образуется относительно самостоятельное «детское общество», молодежное, оно органически включается в ход общественно-исторического развития. Изживается опасность иждивенчества детей, молодежи и развития социального потребительства.

Уже в 1922 г. А.С. Макаренко категорически утверждал: специфика педагогики как науки состоит в том, что объектом педагогического исследования является «не ребенок» сам по себе (это предмет психологии, антропологии, педологии) и тем более не индивид, искусственно изъятый из системы социальных связей. «Объектом исследования в научной педагогике должен считаться педагогический факт (явление)» [3, часть 1, с.41]. Это, как он говорит, относится к методологии педагогики: нужно создать «научный метод педагогического исследования».

Педагогика изучает то, что происходит с ребенком в обществе, в ходе всей совокупности жизнедеятельности ребенка, в процессе его воспитания и развития. Установить «педагогический факт», научный факт, - значит обнаружить устойчивую причинно-следственную связь явлений, в которой проявляется определенная социально-педагогическая закономерность. В педагогике как науке «практически целесообразной» (определение А.С. Макаренко) это прежде всего связь в триаде: цели – средства - результаты.

Педагогика А.С. Макаренко социальная, это творческая сила общества. Проблему личности и индивидуальности он решает в направлении: от общества и коллектива – к личности, но с главнейшей установкой: необходимо найти «такую форму организации коллектива, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинированна, и наиболее свободна» [3, часть 3, с.196]. Коллектив должен обеспечить «свободу в самочувствии воспитанника, чтобы он мог более свободно и радостно переживать свое детство» [3, часть 1, с. 168].

Социально богатая, деятельная, творчески созидательная атмосфера коллектива, многообразие форм и способов коллективной жизнедеятельности – это условия, при которых личность может вполне «найти себя», удовлетворяя индивидуальные потребности и склонности, жизненно-практические и духовные интересы.

А.С. Макаренко говорит: «…Мы решительно отказались от индивидуальной инструментовки воспитательного процесса, положившись на организующее влияние коллектива, а еще больше на организующее влияние всей советской жизни, на влияние сложных, широких впечатлений жизни и – самое главное – влияние собственных активных движений, упражнений и переживаний коммунара. Это метод создания нового [социально-нравственного] опыта [3, часть 3, с.217].

Концепция социально инертной или ограниченной «педагогической деятельности», изначально обреченная на мизерные результаты, «па́рная педагогика» (лишь персональных отношений «воспитатель-воспитанник»), - сейчас воочию демонстрирует полную неспособность решать проблемы воспитания. Это губительно сказывается на обучение-образование и на развитие личности, включая ее физическое, духовно-нравственное и умственное развитие.

Такое положение, видимо, вполне удовлетворяют тех, кто стремится «ликвидировать» воспитание, предлагая ограничиться мифическим развитием личности без воспитания или одной социализацией.

И если «па́рная педагогика» (по сути индивидуалистическая) основана на «руководящей роли» учителя-воспитателя, то противостоящая ей социальная педагогика А.С. Макаренко вполне обходится вообще без штатных воспитателей.

Здесь «главным воспитателем» становится единый трудовой коллектив педагогического учреждения. Он – первостепенный и постоянный «объект» воспитания

(не его цель, как это иногда представляется). Одновременно это и главный субъект воспитания, его основополагающий фактор.

Данная концепция педагогики и воспитания имеет убедительную доказательную базу: с 1930 г., в течении 5 лет коммуна им.Ф.Э. Дзержинского, 150-500 воспитанников в возрасте подростков и ранней юности (в основном 14-17 лет), успешно функционировала и развивалась без штатных воспитателей. Это – при организованных выпусках и приеме значительного числа новых воспитанников, в условиях интерната, самообслуживания, самоуправления и частичного самообеспечения, при сочетании производственной и школьной работы, многообразной клубной и спортивно-оздоровительной деятельности.

Грубейшей ошибкой советских и большинства современных последователей А.С. Макаренко, искажением его наследия является, то, что макаренковский «воспитательный коллектив» представляется лишь как «детский», может сводиться к разного рода «малым группам», не имеющим социально-правового статуса; самоуправление коллектива становится «ученическим». Происходит отчуждение детей и молодежи от старших, в соответствии с иллюзорным идеалом свободы: «пусть дети все решают и делают сами» (обратная сторона патернализма).

Производственный труд как материальная, мотивационная и организационная основа нового воспитания низводится до уровня дополнительного средства, приравнивается к учебе, любым другим видам деятельности, включая отдых и развлечение. Проблема коллективного хозяйствования, управления, распределения средств, видов и результатов труда, общей заботы о его производительности и качестве – не замечается. Необходимость достижения «параллельности» экономической и педагогической эффективности труда не осознается.

Таким образом лежащий в основах макаренковской педагогики этический и социально-педагогический принцип: «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему» - не воспринимается в направленности прежде всего на положение человека в системе производства. Игнорируются исходные положения А.С. Макаренко «Труд всегда был основанием для человеческой жизни, для благополучия человеческой жизни и культуры»; уважение-требование – это «формула вообще нашего общества» [3, часть 6, с.105, 267].

«Воспитательный коллектив», будучи трудовым, производящим ценности, приобретает «право гражданства». Подростки, дети, «как полноправные граждане, имеют право на участие в общественном труде – по своим силам» [3, часть 2, с.371]. В созидательном труде они могут обрести человеческое достоинство, подлинную самостоятельность и свободу, уважение к себе.

Впервые в истории производственный труд, непосредственное производство материальных благ, составляющее первооснову существования общества и человека, - освобождается от клейма рабства и батрачества. Труд становится, как говорит А.С. Макаренко, «моральной категорией», предметом общественного уважения и требования.

Исчезает былое противостояние уважения и требования, когда уважение без требовательности – это для хозяев жизни, а требовательность без уважения – для рабочего люда.

Свободный труд, коллективный и самоуправляемый, труд как «дело чести, славы, доблести и геройства» - животворный источник воодушевленного и динамично развивающегося макаренковского коллектива. В нем, как и во всем обществе трудящихся, призирают «дармоедов», паразитизм и праздность, осуждается жульничество, жизнь на нетрудовые доходы, стяжательство и жадность.

В макаренковской теории и практике «воспитательного коллектива» нет установки на образец, имеющий «тотальный», всеобщий характер. Мысль о важнейших общих признаках этого коллектива, свойственных природе конкретного общества, неразрывно связывается с идеей: каждый коллектив должен обязательно иметь

«свое лицо». В специфике, индивидуальных особенностях коллектива отражается история его становления и развития.

Он может иметь «Конституцию» - свод выработанных в коллективной жизни и деятельности успешных организационных форм, средств управления, трудовых и бытовых, праздничных традиций. Это признаки «страны», имеющей «суверенитет». В колонии, коммуне действовали свои нравственные законы и правила, их должны были уважать все: воспитанники, сотрудники и посещающие ее лица разного «ранга».

Персональное имя в наименовании учреждения, воодушевляющий образ – очень важная черта своеобразия духовно-нравственного облика коллектива.

Особого внимания требует положение А.С. Макаренко: «…Коллектив в своем реагировании всегда дифференцирован, этим он и отличается от толпы» [3, часть 3, с.47]. Подлинное единство коллектива не исключает, а предполагает его дифференциацию, «сечение». В структуре макаренковского детского коллектива действуют многочисленные относительно самостоятельные объединения: по возрасту, полу, занимаемому в коллективе положению, по видам труда и школьной работы, более или менее постоянные группы и кратковременные, по интересам, индивидуальным склонностям. В этой системе широко применяются индивидуальные полномочия и «единоначалие».

Недостаточное внимание последователей А.С. Макаренко к реализации им философско-социологического положения: «единство – в многообразии» - одна из главных причин обвинения макаренковской теории и практики в «обезличивании» воспитания, в конформизме, подавлении личности и индивидуальности.

Множество «малых коллективов» в едином коллективе педагогического учреждения – это не механическая их сумма, а сложное иерархическое образование. В нем главенствует «первичный коллектив» и его представительство в «центральном органе» самоуправления коллектива – «совете командиров отрядов»; в него входили и руководящие сотрудники колонии-коммуны.

Фундаментальная роль производительного труда в воспитании отражается в организации «отрядов» по производственному принципу. Будучи основным, этот принцип мог иметь «дополнения», варианты – в зависимости от изменяющихся условий жизни коллектива, его потребностей.

Зародившись как «хозяйственный орган» самоуправления, регулирующий материально-бытовую сферу жизнедеятельности коллектива, зависящую прежде всего от успехов в труде, - совет командиров приобрел огромное влияние на все стороны жизни и деятельности колонии-коммуны. Это оперативно действующий распорядительный орган, исполняющий решения общего собрания – «главного органа» самоуправления.

При такой системе полномочий в макаренковском коллективе по существу исчезло административно-правовое регулирование. Управление вышло на уровень нравственных отношений, общественного мнения, традиций и личных убеждений, мотивов справедливости, долга, чести и совести, стыда и позора. Это высшее проявление свободы и ответственности личности, главное в достижениях нового воспитания.

Огромный вред пониманию основ наследия А.С. Макаренко нанесла вульгарная трактовка его тезиса о развитии детского коллектива: «от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива» [3, часть 6, с.270]; требование от себя и к себе здесь является нравственным обязательством. Тезис, выдвинутый им примерно за год до кончины, остался недостаточно разработанным. Не развернуто то, что наряду с требованием, «параллельно» ему, «должно идти и развитие теории морали» [там же, с.269].

Обобщение многих данных педагогической практики А.С. Макаренко показывает, что на всех трех-четырех «стадиях» развития детского коллектива, начиная с

первого, действует нечто общее: доверие, воспитание «отношения к себе», «ощущения собственной личности» и ее перспектив, многие ситуации добровольного выбора действий, их обсуждения и т.д. «Стадии» различаются с учетом доминирующего фактора, без его абсолютизации, исключая механическое разделение этапов развития.

Другим поводом к обвинению макаренковской педагогики в «авторитаризме» и «муштре» стала проблема дисциплины в коллективе и наказания. Ее принципиально новое решение может быть правильно понято лишь в свете диалектически-органической связи уважения и требования. Разработка соответствующей такому представлению методики и технологии дисциплинирования и наказания – очень важное достижение А.С. Макаренко-теоретика и практика педагогики.

Пронизывающая глубины его педагогики и все ее «детали» мысль о счастье, «радости существования» кровно связана с коллективизмом и солидарностью. Это основополагающий фактор свободы человека и его всестороннего развития в широком и успешном социальном творчестве. Новый «образ счастья» - не нечто, «полное святости и бездеятельности». «Секрет и прелесть нашей жизни не в отсутствии конфликта, а в нашей готовности и умении его разрешать» [4, т.7, с.164].

А.С. Макаренко прошел, как он сказал, «тяжелый путь – путь оптимиста» [4, т.6. с.99], беззаветно верящего в общественный и человеческий прогресс, в могущество воспитания и его все возрастающую объективную необходимость. Люди без веры, у них «никогда не было оптимизма» - так характеризовал он тех, кто всю жизнь препятствовал его работе в педагогике.

Об А.С. Макаренко как социальном педагоге-реформаторе хорошо высказался Дж.Боуэн, автор первого в США докторского макаренковедческого исследования (1962 г.): «Значение Макаренко в том, что он более энергично и более страстно, чем многие из нас, пытался сделать мир более привлекательным местом жизни. И мы на Западе… не можем не признать величие его вклада» [цит.: 5, с.173-174].

Другие американские профессора педагогики, согласные с выводом Дж.Боуэна: А. Макаренко, как и Дж.Дьюи, «полагался на социальный реконструктивизм – применение педагогических методов к социальным проблемам», - продолжили сравнение этих двух вершин социальной педагогики XXвека [3, часть 6, с.22-34].

А.С. Макаренко умер, не получив признания официальной советской педагогикой, хотя его активно поддерживала педагогическая общественность и его идеи и опыт в кон.1938 – нач.1939 гг. становились все более востребованными. Скованные рамками нетрудовой «педагогики школы» и «дидактической педагогики», деятели образования и педагогики не могли воспринять социальную сущность макаренковской науки о воспитании. Его поддерживали профессор И.А. Соколянский (педагог-дефектолог) в 1920-х гг., психолог-педагог В.Н. Колбановский и специалист по детдомам И.И. Данюшевский во 2-й пол. 1930-х гг.

Приближаясь к пониманию значения А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора, его работе всесторонне содействовали некоторые видные украинские партийные и советские деятели – Г.Ф. Гринько, В.П. Затонский, С.И. Канторович, некоторые ведущие работники украинской системы социального воспитания – М.Н. Котельников, В.А. Арнаутов, Р.Л. Берлин, руководство и сотрудники ГПУ-НКВД Украинской ССР – В.А. Балицкий, А.О. Броневой, М.М. Букшпан, литературные критики и журналисты – В.В. Ермилов, Б.Брайнина, Н. Четунова, Ю.Б. Лукин, писатели – А.М. Горький, А.А. Фадеев, П.А. Павленко, А.Караваева, М.Шагинян.

Широкая социальная направленность педагогического творчества А.С. Макаренко способствовала становлению во 2-й пол.1960-х гг. отечественной военной и исправительно-трудовой педагогики. Исследователи отмечают его весомый вклад в развитие общей, педагогической и социальной психологии, этики, литературоведения, даже юриспруденции и медицины (психотерапии).

Известен уникальный опыт обращения к макаренковской организации труда и коллектива на строительстве крупного промышленного объекта на севере нашей

страны. Один из руководителей стройки, Герой Социалистического Труда В.П. Сериков показал это в книге «Рабочая педагогика» (М., 1982) [6]. Идеи А.С. Макаренко успешно применялись в работе текстильного предприятия в Чехословакии (организатор Ф. Козел и др.).

Влиятельные советские экономисты Л.И. Абалкин и Г.Х. Попов в кон. 1980-х гг. рассматривали вопрос о значимости макаренковского наследия в аспекте экономического развития страны [7, с.166-167; 8].

Американский социолог Ф. Фукуяма при исследовании экономического состояния некоторых современных стран тесно связывает их успехи с сокращением роли административно-правовых регуляторов, с развитием доверия, коллективности, нравственных обязательств, с привлечением рабочих к исполнению хозяйственно-управленческих функций. Родство этой тенденции с макаренковским принципом «хозяйствования» показано в публикации [9].

Педагогика А.С. Макаренко рассматривается в параллели с трудами бразильского социального педагога П. Фрейри, получившего в 1986 г. премию ЮНЕСКО за деятельность по «воспитанию в духе мира». Он разработал и частично осуществил программу «нового воспитания», превращающего народ из объекта просвещения в субъект своего развития [10].

Кибуцы, сельскохозяйственные поселения социалистического типа, еще в догосударственный период истории Израиля сыгравшие важную роль в освоении новых земель и их защите, - в своей организации, управлении и духовной жизни опирались на идеи и опыт А.С. Макаренко. «Педагогическая поэма» издана на иврите в 1941 г. на территории Палестины (государство Израиль с 1948 г.) в издательстве «Библиотеке рабочего». К началу 1950-х гг. произведено еще 3 издания «Педагогической поэмы».

Кибуцкое движение, пережив кризис в 1980-х гг. и реформирование в 1990-х гг., в последние годы по производительности труда во многих случаях успешно конкурирует с частным сектором. На кибуцы приходится 30% израильского сельскохозяйственного производства и более 10% экспорта промышленных изделий [11].

История кибуцев может показать, каким образом мог бы развиваться социально-педагогический опыт А.С. Макаренко в дальнейшем.

Известна и нуждается в изучении, обобщении практика молодежных трудовых самообеспечивающихся коммун, уже несколько десятилетий действующих в разных странах по принципу: «По-новому трудиться, по-новому жить, по-новому воспитывать детей». Среди них – организации по преодолению наркозависимости несовершеннолетних и молодежи. Возникает «альтернативная педагогика», в ней отражаются идеи и опыт А.С. Макаренко, кибуцкого движения, лево-радикальной и религиозной идеологии [12, с.276, 372].

В сентябре 2012 г. на Международном инвестиционном форуме в г.Сочи И. Адизес, авторитетный в мире американский специалист по менеджменту, сказал: «…Одну книгу я прочел в 10-летнем возрасте, это книга А.Гайдара «Тимур и его команда». А сегодня книга, которую я знаю до сих пор почти наизусть, - это «Педагогическая поэма» Макаренко. Это две книги, которые сделали меня тем, кто я есть» [13]. «Педагогическую поэму» он читал в переводе на сербский язык.

Использование макаренковского наследия в развитии социального управления, менеджмента – замечательная черта его живого присутствия в современном развитии социально-гуманитарного знания и опыта.

История и современность показывают то, что и сейчас продолжает оставаться «за бортом» официально действующей педагогической теории и практики (педагогики «образования», «развития» и работы в ее русле многих последователей А.С. Макаренко), - понимание его новаторства как классика педагогики, широко развернувшего ее действие в жизни общества и человека, в созидании лучшего мира.

Обращая принципиальное внимание на специфику воспитания (в его органически-диалектической связи с обучением), А.С. Макаренко за 6 месяцев до своей кончины говорил: «У нас нет воспитательной педагогики» [4, т.8, с.179] – имея, конечно, в виду науку о воспитании, вполне соответствующую характеру советского общества.

Социализация, как сказано ранее, у А.С. Макаренко является базовым компонентом воспитания. Это не исключает относительной самостоятельности социализации как педагогического явления. Его можно, наверное, определять как «педагогику всего общества», она в той или иной мере представлена во всех сферах общественной жизни, захватывая одновременно взрослых и детей.

В воспитании взрослые и дети в полной мере руководствуются целями социально-гуманитарного развития, идеалом совершенного общества и человека. Специфика воспитания – в его преимущественной устремленности в будущее. Это сфера специальной заботы о молодом, новом поколении, способном укреплять и развивать достижения цивилизации и культуры.

Развитие личности – результат социализации и воспитания в соответствии с общими свойствами природы человека и его возрастными и индивидуальными особенностями.

Литература:

1. Кузьминов Я.И., Фрумин И.Д., Захаров А.Б. (при участии Болотова В.А., Каспржока А.Г., Межуева Б.В., Голованової К.Н., Подольского А.И., Тюменевой Ю.А.) Российская школа: альтернатива модернизации сверху //Вопросы образования. - 2011. - №3. – С.5-54.
2. Российская педагогическая энциклопедия, в 2 т./ред.колл.: В.В. Давыдов и др. – М., 1993, 1999.
3. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1-6/сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов. – Н.Новгород, 2007-2013.
4. Макаренко А.С. Педагогические сочинения. В 8т./сост. А.А. Фролов по всем томам; Л.Ю. Гордин и М.Д. Виноградова по отд.томам. – 1983-1986.
5. Кваша Б.Ф. Педагогическое наследие А.С. Макаренко. – С.Петербург. 1998.
6. Сериков В.П. – его текст под общим заголовком: «Обвиняется» Макаренко Антон Семенович //Советская культура, 1988, 6 фев.
7. Абалкин Л.И. Обоснована ли тревога? Ответы экономиста на трудные вопросы //Звезда, 1989, №2.
8. Попов Г.Х. Взрослые болезни детского труда//Советская Россия, 1988, 12 марта.
9. Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф.Фукуямы и А.Макаренко //Вопросы экономики, 2010, №8.
10. Фролов А.А. А.С. Макаренко и П.Фрейри: сравнение основ социально-педагогической деятельности //Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия. Матер.конф. /ред. Г.Б. Корнетов. – М., 2011.
11. Дубсон Б.И. Кибуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно. – М., 2008.
12. Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире. 1939-2005 гг., критический анализ. – Н.Новгород, 2006.
13. Адизес И. Выступление на Международном инвестиционном форуме в г.Сочи, сент.2012 г. (запись синхронного перевода на русс яз.).

Авторы – Фролов А.А., Аксенов С.И. Опубликовано: «Педагогика», 2014, №9. Сокращен значительный фрагмент, повествующий о большой поддержке деятельности А.С. Макаренко советскими и партийными деятелями, педагогами, литературными критиками и журналистами, писателями. Опущены данные о связи его

творчества с решением проблем организации производства и социального управления.

О первенстве творческой практики в научно-педагогической деятельности А.С. Макаренко

Нельзя воспринимать макаренковскую теорию как изолированное целое, она должна быть интерпретирована в рамках широкого контекста. Его теория вышла из определенной среды и разных ситуаций ее развития. Макаренко работал не в теоретическом вакууме. Его большая заслуга заключается в том, что он стремился протестировать теорию реальной педагогической практикой.

Он полагал, что теория может быть сформирована, апробирована и раскрыта с помощью практических знаний, полученных из реальных жизненных ситуаций, в которых есть возможность выбора, различные напряженные этапы развития, оппозиции и другие трудности. Он осторожно направлял развитие своих воспитанников в моменты жизненных конфликтов. Это самое важное в его педагогическом мастерстве.

Знание, полученное только из практики, эклектично и разрозненно. Истинным педагогом становится тот, кто соединяет теорию и практику, созидая нечто новое и единое целое.

Мои коллеги (Геринг, Эдвардс, 2005), и я заметили схожесть работ Макаренко и Дьюи. Теория Дьюи повлияла на развитие практической педагогики. Как и Дьюи, Макаренко делает прагматические выводы по поводу соотношения теории и практики. Хабермах (2006) отмечает: прагматизм Дьюи включает взаимодействие знаний и действий.

Внимание Дьюи концентрируется на каждодневной практике, когда люди должны «ухватить» знание и «дойти» до его успешного применения в повседневной жизни. Здесь категория «действие» занимает беспрецедентную философскую важность.

Это проблема взаимодействия знаний и действий в реальной жизни, что дает новую пищу для размышления и творчества. Дьюи побуждает к пересмотру классической теории путем ее обращения к практике, реальным условиям действия теории. Любая теория должна обязательно быть проверена и подкреплена, развита практической ее реализацией.

Некоторые зарубежные последователи Макаренко пишут о нем как о гениисамоучке. Описывая его труды, они не ссылаются на уже ранее существовавшие тогда теории. Но многие важные принципы, представленные в его трудах, имеют тесную связь с идеями таких выдающихся педагогов, как Песталоцци, Оуэн, Ушинский, Добролюбов и многих других сторонников теории демократического образования и воспитания.

Теоретики изучения практических знаний современного педагога представляют его не как холодную и лишь рационально мыслящую машину для решения проблемных педагогических ситуаций. Возникают дилеммы, они всегда имеют моральную подоплеку и, главное, определенный результат. Обращается внимание на особый вид знания, названый Аристотелем «фронезисом», что трактуется как «практическая мудрость», благоразумие.

Изучая Аристотеля и других философов, Голами в своих работах (2009) выделяет три вида обоснования педагогических действий: теоретическое, техническое (методическое) и практическое, основанное на мудрости и благоразумии. Фронезис является полем для педагогических решений в соответствии с особенностями отдельных воспитанников и приносимой обществу пользы. Голами показывает, как с точки зрения моральных устоев и аутентичной эффективности практические знания педагога отражают этические основы образования, воспитания.

Макаренко писал: педагогический процесс «должен быть до конца целесообразен, следовательно, невозможно допустить действие каких бы то ни было шаблонов. Нет никаких непогрешимых средств, и нет средств обязательно порочных. В зависимости от обстоятельств, времени, особенностей личности и коллектива, от таланта и подготовки исполнителей, от ближайшей цели, от только что исчерпанной коньюнктуры диапазон применения того или иного средства может увеличиваться до степени полной общности или уменьшаться до положения полного отрицания.

Нет более диалектической науки, чем педагогика, и поэтому ни в какой другой области показания опыта не имеют такого большого значения.

Эта многоликость педагогического средства, сложная красочность и изменчивость воспитательной картины делают чрезвычайно ответственной позицию педагога-теоретика». (Дается не по двойному переводу: с русс.яз. на англ. и с него на русс. – а по языку оригинала: Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 3, с.54-55. – Примеч. ред.).

В своей практике Макаренко сталкивался с проблемами ведения хозяйства, питания, одежды, дисциплины, культуры. Ему приходилось социализировать своих учеников при очень малых ресурсах. Контекстуальная педагогика вела к изменению всей жизни учреждения.

Макаренко отмечал экспериментальную природу своей педагогики. Она формировалась в чрезвычайно напряженных и сложных ситуациях, необыкновенных. Поэтому нельзя принимать попытки систематизировать его опыт без учета особенностей его практики. Он попадал в такие ситуации, когда для разрешения конфликта нужны были мудрость, благоразумие, уверенность в себе и колоссальные эмоциональные, педагогические и моральные усилия.

Эдвардс (1991) цитировала Рюттеноуер (1965) в поддержку этой точки зрения: Макаренко опирался на концепцию «советского социального воспитания» и с помощью ее разработал свою собственную» (с.251-2). Эдвардс приводила также слова Анвайлера (1969), который писал: «Макаренко выстраивал коллектив шаг за шагом в соответствии с практикой и реальностью»(с.271)

И Макаренко говорил: «Я сознаю, что все мои идеи были сформированы благодаря практике, моему педагогическому опыту. Я также понимаю, что существует разный опыт, и если бы мой опыт был другим, идеи бы вышли иные» (цитата из книги Эдвардс, с.251).

С практическим опытом тесно связана концепция педагогического такта. Медынский (1963) многократно отмечал это в его работах о Макаренко. Этимологически слово «такт» означает чувство контакта. Тактичный человек пребывает «в контакте» с ситуацией, такт появляется в практических ситуациях. Работа Макаренко характеризуется взвешенной оценкой практических, диалектически противоречивых ситуаций, проявлением педагогической мудрости. Это помогает нам по достоинству оценивать его уважительное отношение к воспитанникам, привнося позитивную атмосферу в педагогический процесс.

Конечно, есть много причин, чтобы считать, что его наследие целиком основано на теории, так как он был прежде всего очень образованным педагогом. Но нужно отметить и то, что его теоретические положения - это результат многолетней практической работы в контексте многих различных ситуаций и решений, а не результат «чистой» разработки теории на будущее. Первое является индуктивным знанием, берущими свое начало в практике, а второе – дедуктивным знанием, опирающимися на заранее разработанную теорию.

Можно сделать вывод, что несмотря на взаимодействие теории и практики в его творчестве, перевес этой связи не в теории. Вся теоретическая работа Макаренко состоит из его рефлексии над практикой. Хорошим примером является его мысль о важности «взрыва» как средства перестройки личности.

Другой хороший пример взаимодействия теории и практики - в «Дороге жизни» («Педагогической поэме», изд. на англ.яз.). Макаренко интуитивно почувствовал склонность подростков к игре. «Все началось с пустяка» он оценил педагогическую, психологическую и организационную важность «игры-военизации» и отметил, что «это было по-настоящему важное открытие на многие годы вперед».

Здесь снова наблюдается совпадение взглядов Макаренко и Дьюи. Кумис (2012) отмечал, что игра в их работах представлена и как способ установления правил. Игра - приятное и эпистемическое, познавательное занятие. Это «точка отправления» философии Макаренко, важный момент педагогики как науки. Кумис считает его работу ответом одновременно на «методологические, теоретические и нравственные проблемы, тем самым усиливающим связь между педагогической теорией и практикой».

Значимость практического педагогического действия в применении теории видна во многих переживаемых А.С. Макаренко жизненных ситуациях. Согласно Медынскому, Макаренко отказывался от идей «педагогического Олимпа», от техники бихевиоризма, шаблонных способов исследования. Он отверг «педагогические банальности», «навязчивые идеи», «гипертрофированные силлогизмы». Отказывался от механического наложения теории на воспитательную практику, без учета конкретных условий. Он видел коренной недостаток – односторонний дедуктивный подход к воспитанию.

Разумеется, Макаренко сталкивался с диалектикой развития его колонии. Необходимо было соблюдать общественные и организационные требования, поддерживать порядок.

Он столкнулся с трудностями понимания его работы местными и вышестоящими государственными органами управления. Он неуважительно отзывался о «чистых теоретиках» в псевдо-педагогической науке, которые "искажали педагогику как науку" (Медынский). Он явно ощущал имеющийся недостаток своего опыта.

Макаренко вникал в диалектику организации колонии и управления ею. Вставал вопрос: как следует управлять колонией - демократически или же самовольно? Насколько сильным должен быть контроль над воспитанниками? Нашелся ответ: в управлении колонией нужно предоставить широкие права самоуправлению, «совету командиров».

Управление в колонии не было авторитарным (Эдвартс, с.274). Все воспитанники принимали участие в процессе принятия важных практических решений. Молодые люди действовали в структуре организации, которая имела демократическую направленность.

Эдвартс считала также немаловажным принимать во внимание историческую диалектику буржуазного прошлого и советского будущего (с.263). Она отмечает, что Макаренко думал о том, стоит ли ему "приносить в жертву новой советской личности всё очарование, красоту и индивидуальность личности". Вывод: "Макаренко признавал тот факт, что абстрактно он не может решить этот вопрос, но через 10 лет, в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского он нашел способ, подходящий всем, подстраивающийся под разные обстоятельства".

Макаренко приходилось согласовывать обычный строй жизни колонии и воспитание, выработку у колонистов житейских знаний и навыков, представлений об обществе, морали и образовании. Для создания необходимой мотивации он находил баланс между ежедневными обязанностями учащихся колонистов и развитием их культуры (посещение театров, чтение художественной литературы, эстетическое оформление жизни, сочетание игры и труда, работы, возбуждение различных интересов).

Бэкстер и Эберт (1999) рассматривают диалектику как "веру в важность противоречий», подчеркивают и роль противоречий в развитии процесса" (с.548). Термин "относительная диалектика" связан с противоречиями в отношениях, с непо-

стоянной природой отношений и результатом постоянной работы над ними (Адлер, Родман, Хатчинсон,2012).

"Нет прогресса без противоречий. Притяжение и отталкивание, разум и чувства, любовь и ненависть необходимы для человеческого существования" (с.7). Теоретики, изучающие общение, также рассматривают конфликтные отношения как желание сохранить свою собственную индивидуальность (автономия), как желание быть близким другому (связь), стремление к новизне и стремление сохранить предсказуемость, желание делиться информацией с другими (разоблачение) и желание сохранить информацию в тайне.

В последнее время наблюдается тенденция рассматривать отношения "учитель-учащийся" как межличностные отношения (Брюмьер, Хаузер, 2000), а также как модель дружбы с применением диалектики (Роулингз, 2000; Пауэл, Сизоу, 2010; Цуо, 2007; Родригез, 2008). Родиргез отмечает сложности в отношениях учителей друг с другом и с администрацией школы. В процессе контроля над эмансипацией происходит более расширение прав и возможностей, нежели чем их угнетение. Развивается преобладание солидарности над автономией и фрагментации над единством. Между учителями и учениками возникают диалектические отношения свободы и дисциплины, уважения и недоверия, устойчивости и гибкости, связи и отчужденности, любви и свободы.

Проблема равенства или превосходства учителя над своими воспитанниками - еще один напряженный момент, с которым педагогам приходится сталкиваться на практике. Большинство их стремится сократить дистанцию между собой и учениками, в то время как она просто необходима, чтобы продемонстрировать авторитет педагога, естественно превосходящего детей по статусу и в знаниях.

В одной их своих ранних работ Шваб (1954) отмечает: если учитель переусердствует в попытке заслужить любовь учеников, попытка заслужить уважение не имеет никакого смысла (с.56). Таубман (1992) говорит: педагог должен быть нацелен на создание определенного баланса, точной формулировки которого не существует. Крайности помогают найти золотую середину этого баланса, и учитель должен ими пользоваться (с.67).

Организационная диалектика, бесспорно, оказывает определенное влияние на относительную диалектику. В тюрьмах и больших организациях отношения типа "учитель-ученик" становятся еще проблематичнее.

Макаренко обладал самоуважением, и это очень важно для того, чтобы воспитанники уважали его. Вспоминая собственное детство, Шэу заключал: ученики никогда не будут уважать учителя, который сам себя не уважает.

Вышеописанные трудности могут показаться отголосками буржуазного общества, особенно если принять во внимание тот факт, что перед Макаренко стояла задача создать новую, советскую личность. Приходилось в первую очередь заботиться и о том, что учащиеся представляют из себя в настоящий момент, и о том, каковы возможности их изменения в будущем (Медынский).

Один из ярчайших примеров диалектической работы представлен в мыслях Макаренко роли дисциплины в процессе воспитания. Основываясь на личном опыте, он говорит: "Позвольте затронуть один из самых трудных вопросов - вопрос о дисциплине. Строгость и доброта - самый сложный вопрос. В большинстве случаев людям не удается регулировать соотношение доброты и строгости, а в процессе воспитания этот баланс является необходимым». В качестве примера он приводит ребенка, которому разрешено кричать весь день напролет, и ребенка, управляемого родителями, как марионетка.

Всюду подчеркивается важность балансирования между двумя крайностями. Макаренко искал ту самую аристотелевскую «золотую середину» в воспитании. «В обоих вышеприведенных примерах можно наблюдать крайнюю нехватку доброты или строгости. Золотая середина должна соблюдаться при воспитании ребенка любо-

го возраста - будь ему 5, 6 или 7 лет». Далее он добавляет: «Во своей работе я научился быть строгим, используя добрый тон». «Какого бы метода воспитания вы не придерживались, никогда не следует перебарщивать, необходимо взрастить в себе чувство меры.

В практике Макаренко действует дисциплина, которая соблюдается воспитанниками сознательно.

Работа Макаренко ярко демонстрирует практическую природу теории. Как и многие другие педагоги, он искал пути преодоления противоречивых отношений, учета их диалектики. Как было сказано выше, изучение практического педагогического знания ведет к размышлению над особым видом знания, обозначенного Аристотелем как «фронезис», т.е. благоразумие, практическая мудрость, которой человек руководствуется в сложных ситуациях.

Согласно классической теории, фронезис - это способ знания, в котором наблюдается связь рационального действия и морально соответствующих целей. Зурна (2011) понимает фронезис как знание того, как решить ту или иную проблему, встречающуюся на практике; такое знание приобретается только на практике, в длительном опыте. Она пишет: "Аристотельский фронезис часто понимается как благоразумие, совершенство практической мудрости и силлогизма. Используя фронезис, человек может сравнить альтернативные способы решения той или иной проблемы в семье/на работе/в обществе и выбрать лучший способ преодоления трудности, принять лучшее решение и привести его в исполнение".

Мы приходим к выводу: в творчестве Макаренко педагогика всюду ищет «золотую середину». Педагогика должна быть тактичной, наполнена экспериментальным отношением к проблемам. При решении их нельзя избегать риска.

В данном исследовании рассматривается проблема практического знания, она стала основной педагогики Макаренко. Другими словами, я целенаправленно приуменьшил роль теории в педагогике, сократил преобладание и теории над практикой.

Я не отрицаю важность теории в педагогике, необходимость знания теории и ее развития. Но надо помнить, что каждый человек, имеющий отношение к образованию, различается по своим философским и педагогическим воззрениям, по этической позиции "хорошо/плохо". Эта направленность четко не оговорена, она определяется интуицией и гипотезами при встрече со спорными жизненными ситуациями. Именно эти ситуации соединяют теорию и практику жизни. В процессе практического применения теории происходит ее проверка, исправление, обогащение и развитие.

Возможно, я допустил некоторые ошибки, комментируя работу Макаренко, т.к. не все его работы мной изучены, далеко не все они имеются в переводе на английский язык. Если высказанные мной предположения приведут к рассмотрению его наследия под некоторым новым углом зрения, моя работа будет не бесполезной.

Автор – Райт Р. (профессор, университет в _____США). Текст, направленный на международную научно-практическую конференцию, посвященную 125-летию со дня рождения А.С. Макаренко. - Н.Новгород, 28-29 марта 2013 г. Печатается в сокращении. Сделанный по этому тексту доклад Р.Райта: «Переосмысление наследия А.С. Макаренко: мудрость, диалектика, практика» - опубликован в материалах этой конференции (Н.Новгород, 2013, с.26-30), на англ. яз и аннотация на русс. яз.

Ицхак Адизес и Антон Макаренко: развитие – основа успеха организации

«Лично мне в жизни так пригодились две книги... Одну книгу я прочел в 10-летнем возрасте, это книга Гайдара «Тимур и его команда». А сегодня книга, которую я знаю до сих пор почти наизусть, - эта книга А.С. Макаренко «Педагогическая

поэма». Эти две книги сделали меня тем, кто я есть», - так сказал И.Адизес в своем выступлении на пленарном заседании Инвестиционного форума в г. Сочи 23 сентября 2012 года [1].

В одном из интервью на вопрос о любимой книге он ответил: «Это «Педагогическая поэма». Я читал ее на сербском языке [2].

О значении указанных двух книг в своей жизни И.Адизес сказал, обращаясь к достижениям русской культуры: «… Большая, прекрасная русская душа, ведь она у вас есть, она внесла столько всего в мировое наследие – Пушкин, Толстой…» [1].

«Я не думаю, что у вас есть недостаток талантов; огромное количество школ, программа MBA. Они растут тут, как грибы после дождя. У вас нет нужды в новых талантливых людях, у вас и так хорошие люди. Меня очень впечатляют российские деловые люди. Они интеллигентны, умные, хорошо образованы, очень хитры. Они ведут себя адекватно. Проблема в другом».

«У вас есть таланты, но вы ими не пользуетесь. У вас нет культуры, которая позволила бы людям внести тот вклад, который они могут внести. Посмотрите, что происходит с российской эмиграцией в Израиле. Это взрыв. А почему нет этого взрыва здесь?».

Объяснять ситуацию И.Адизес начал на примере: «В России я читал лекцию в Академии при Президенте РФ. Слушала сотня высокопоставленных руководителей. Я не пользовался презентацией в Power Point, использовал прозрачные слайды, писал на эпидиаскопе, и на экране выводилось то, что я писал.

К сожалению, эпидиаскоп поставили слишком высоко, и не намеренно я сдвинул его вправо, то есть слайд я повернул на 90º, и вся аудитория смотрела на эти слайды повернув голову набок. Я читал лекцию, потом повернулся к экрану и увидел, что происходит.

Но почему никто не сказал, никто не поднял руку: «Профессор, у Вас неправильно поставлен эпидиаскоп или не так положены слайды». В Соединенных Штатах мне обязательно бы указали: «Профессор Адизес, все не так». В Израиле мне через 30 секунд записали бы: «Идиот, что ты там такое натворил!».

В России полное молчание, ни слова. Я немало работал с коллегами и замечаю опять нечто. Когда руководитель компании приходят на совещание, что происходит? Все замолкают, никто не говорит.

Какой мой вывод? Это культура, в которой слишком много страха. Я не говорю о том, чтобы не подчиняться властям, нет. Речь идет о страхе, люди боятся говорить, боятся вступить в конфронтацию с властью. Если я немного увлекаюсь, прошу простить. Я говорю от сердца...

В медицине бывает, что врач говорит вам: «Прислушайтесь к своему организму, к своему телу». И я думаю, что русская управленческая культура состоит в том, что голова отделена от тела. Мы не слушаем тело, не прислушиваемся к нему.

Могу я дать совет высокопоставленным руководителям, которые здесь сидят? Слушайте свое тело. Чем выше вы поднимаетесь по иерархии, тем меньше у вас должен быть рот и тем больше должны быть уши.

К сожалению, мой опыт говорит о противоположном: есть большой рот и маленькие уши. В этом проблема.

И что надо делать России? У меня есть идея, которой я хочу с вами поделиться. На самом деле именно поэтому я сюда и приехал.

Я считаю, что не только коммунизм и социализм обанкротились. На наших глазах происходит банкротство капитализма. Он больше не работает. Ищут решений. Может быть государственный капитализм, государственные «интервенции». Или: меньше государственного вмешательства. А на самом деле никто ничего не знает. «Невидимая рука рынка» уже не работает. Мир становится слишком сложен, мир ищет какого-то третьего пути.

Я считаю, что в России есть для этого потенциал. Вы освободились от коммунистической системы, но только не надо выплескивать ребенка вместе с грязной водой. В коммунизме тоже были хорошие вещи. И великолепные цели. Плохо реализовывались они, но цели были высоки. А если вы берете лучшее от капитализма, не копируйте Америку, возьмите только лучшее.

В России есть душа. Возьмите лучшее там. Здесь создавайте свое.

И неправда, что существует какое-то настоящее время. В английском языке есть так называемое настоящее продолженное. Настоящее время - это только доля секунды между прошлым и будущим.

Для некоторых настоящее - это продолжение прошлого. Для других это начало будущего. Смотрите через ветровое стекло, не смотрите в зеркала заднего вида. Пора двигаться вперед» [1].

Ицхак Кальдерон Адизес - один из ведущих мировых экспертов в области повышения эффективности ведения бизнеса и правительственной деятельности путем внесения кардинальных изменений, которые не порождают неразберихи и деструктивных конфликтов, препятствующих изменениям.

И.Адизес «за последние 35 лет работал со многими ведущими коммерческими организациями мира, являлся консультантом по политическим вопросам при правительстве глав многих государств. Он - основатель и генеральный директор Института Адизеса и организации, специализирующейся на управлении изменениями, имеющей филиалы в США и в 14 других странах… Читает лекции в более чем 50 странах…

Он автор более десятка книг по менеджменту, переведенных на 31 язык мира, включая русский. Его книга «***Управление жизненным циклом корпорации***» является классическим пособие в теории управления...

Он удостоен звания почетного доктора в 15 университетах и является членом Международной Академии менеджмента…

Институт И.Адизес имеет успешный опыт работы как в сфере бизнеса (более двух тысяч компаний в 52 странах…), так и с общественными организациями и правительствами ряда стран: Бразилия, Мексика, Израиль, Швеция, Сербия [3].

Институт Адизеса (Adizes Institute, Santa-Monica, США) - международная консалтинговая организация, входящая в десятку лучших консалтинговых организаций мира. «Осуществляемые институтом программы организационных изменений основаны на методологии, разработанной И.Адизесом, и на протяжении 35 лет успешно применяются для трансформации организаций по всему миру…

Методология И.Адизеса, уникальный набор ее инструментов позволяет внедрять необходимые организации изменения без деструктивных конфликтов, гарантирует высокую эффективность внедряемых решений, что позволяет компании стать лидером своего рынка и удерживать свои позиции» [3].

Основные ***книги И.Адизеса***: «Управление изменениями»; «Управление жизненным циклом корпорации»; «Идеальный руководитель»; «Интеграция. Выжить и стать сильнее в кризисные времена»; «Развитие лидеров: как понять свой стиль управления и эффективно общаться с носителями иных стилей»; «Стили менеджмента - эффективные и неэффективные»; «Как преодолеть кризисы менеджмента»; «Стремление к расцвету»; «Личностный рост». Аннотации этих книг - [см. 4].

В книге «Политические озарения» отражается опыт консультирования органов власти ведущих держав. «И.Адизес исследует социальные и политические проблемы современного общества, проводит глобальный анализ существующего положения вещей и определяет основы будущего мироустройства. Среди героев книги - наиболее видные фигуры мировой политики, в том числе Владимир Путин, Михаил Горбачев, Слободан Милошевич, Винсенте Фокс и многие другие» [4].

«***Методология И.Адизеса*** основана на базовом принципе: организации, как живые организмы, имеют свой жизненный цикл и демонстрируют предсказуемые и

повторяющиеся поведенческие проявления в процессе роста и старения. На каждом этапе организационного развития компанию ожидает специфический набор проблем...

Для здорового перехода от этапа к этапу необходимы фундаментальные изменения в стиле руководства и способах управления, выработанные при активном участии и поддержке управленческой команды компании, которой предстоит их осуществлять [3].

«***Программа И.Адизеса*** состоит из 11 фаз, каждая из которых сфокусирована на одном из аспектов деятельности организации… Состав, последовательность, глубина и длительность каждой фазы выбираются, исходя из потребностей конкретного клиента» [5].

Последовательность фаз: от «синергетической организационной диагностики», «решения проблем в составе кросс-функциональных команд», «создания структуры управления изменениями», «разработки видения, миссии, ценностей», «структурной реорганизации», «пересмотра системы отчетности» - к «передаче технологии И.Адизеса клиенту» (обучение специально отобранных сотрудников клиента), «стратегической фокусировке ресурсов», «созданию системной структуры» и «работке синергетической системы вознаграждения».

В ***интервью***, данном Т.Кузнецовой, сотруднику журнала «Управление компанией» (Украина), И.Адизес популярно изложил суть методологии и способов управления, ведущих к успеху.

Прежде всего «Должно быть ощущение необходимости перемен, понимание того, что систему можно улучшить. Люди должны осознать: то, что имеется - недостаточно хорошо... Нужно сформировать потребность изменений. Как правило, люди противятся переменам... поэтому, по моей методологии, мы проводим диагностику: нужно ли нам изменяться... есть проблемы, недоразумения… Нам нужно изменяться. Это должно стать очевидным для всех!»

«… Следующий шаг - создать миссию. То есть четко определить, куда идет компании. Как выглядит ее будущее? Какие есть возможности?... Люди видят много возможностей для себя - тогда можно начинать реорганизацию» [2].

Как создать атмосферу воодушевление изменениями? – «Она создается восприятием: эти изменения - не проблемы, а неиспользованные возможности. Энергичные действия в сторону необходимых изменений создают воодушевление.

Если некоторые сотрудники никак не хотят изменяться, что делать? – «Они не имеют веры, не доверяют себе. Необходимо проведение дискуссий целой группой. И если обнаруживается, что несколько человек бояться, но большая часть коллектива воодушевлена, им придется плыть по течению…

Мы работаем в «открытом пространстве»… Нужно вести дискуссию, задействовать огромное число людей. Тогда гораздо проще внедрять изменения» [2].

Условия успеха. «Всё зависит не от размеров компании, не от страны, не от сферы деятельности или формы собственности, а только от одного фактора - силы личности руководителя. Если он не боится, если он воодушевлен, все будет в порядке. Если же он говорит: «А где формула? Скажите мне, что делать», - ничего не получится...

Руководитель не может быть идеальным, но каждый может самосовершенствоваться. Не пытайтесь быть богом… Не отвергать людей с противоположной точкой зрения, учиться у всех пребывать в согласии с самим собой... Быть в ладу с окружающими людьми… Не быть идеальным, а быть лучше - как человек, как член команды. Значит - будут лучше решения...

Хороший руководитель должен быть гибким. У него есть наиболее близкий ему стиль, например, Е предприниматель. Но когда возникает необходимость в качествах, присущих А (администратору), он должен быть А и т.д. В данный момент ему

нужно ослаблять свой Е и усиливать А. При этом он испытывает дискомфорт. Но именно это и есть развитие… Это нужно для успеха» [2].

«… Если я стою на месте, на двух ногах, то я очень устойчив в краткосрочной перспективе. Но если я буду стоять очень долго, я устану, все тело будет болеть... В процессе ходьбы вы время от времени как вы теряете баланс (положение), но затем находите его, затем снова теряете… Дискомфортное в краткосрочной перспективе может быть полезным и в долгосрочной. Это и есть движение вперед. Руководитель вынужден постоянно пребывать в состоянии дискомфорта...

Мы должны хорошо изучить себя, свои сильные и слабые стороны… Для самопознания нужны двое. Я могу познать себя через ваши глаза, но никак через свои собственные. Чтобы знать, где я нахожусь, мне нужна обратная связь» [2].

О чем вы мечтали в детстве? – «О том, чем живу сегодня. Ребенком мечтал писать книги, учить людей. И сейчас я фактически не занимаясь консалтингом, я учу людей, как использовать мои инструменты».

Еще я мечтал много путешествовать, посмотреть мир. Я постоянно реализую эту мечту.

Если вы спросите, что бы я изменил в своей жизни, если бы смог прожить ее сначала, я отвечу, что не стал бы ничего менять».

Как вы оцениваете свой успех? Вы добились в жизни того, чего хотели? – «Мой ответ будет двойственным: я думаю, что и преуспел, и проиграл одновременно. С профессиональной точки зрения я более чем преуспел. Но за такой успех мне пришлось заплатить большую цену. Я был в 53 странах, я консультировал многие компании, но я не видел, как росли мои дети» [2].

В чем состоит Ваша жизненная миссия? – Я много думал об этом. Последнее время больше, чем когда-либо. В молодости я хотел изменить мир. Сейчас, когда мне 70 лет, я пришел к выводу: я не смогу ничего изменить. И теперь моя жизненная миссия - просто делать то, что я делаю, как можно лучше...».

Можно ли с помощью Вашей философии достичь счастья? Как применить Вашу теорию не только к бизнесу, но и в жизни? - «Существует масса возможностей и способов применения бизнес-подходов в частной жизни...

Если у человека проблемы с женой, он считает, что она должна измениться. Типичная ошибка… Чтобы ее исправить, нужно первым делом спросить себя: «А что я должен изменить в себе?»… Если вы изменитесь - изменятся и конкуренты, и клиенты, и ваша жена, и соседи… Это одно из применений теории И.Адизеса в личной жизни...

В конфликтной ситуации никогда не перебивайте собеседника... Вы должны уметь прикусывать свой язык… Или просто запишите то, что хотите сообщить, и молчите до тех пор, пока собеседник не выговорится… Разве можно представить себе пилотов, говорящих одновременно?...

В общении с детьми. Серьезная проблема детей в том, что мы их не уважаем и поэтому постоянно перебиваем, а они не имеют права перебивать нас… Должна быть цивилизованная дискуссия с ребенком [2].

Есть ли у Вас любимые афоризмы? – «Есть, и очень много - приблизительно на каждый день в году. К примеру: вы не знаете, чего вы не знаете, пока не узнаете это... Только зная, чего вы не знаете, вы можете знать, что вы знаете. Это очень сложно: признать свое невежество. И чем больше я знаю, тем больше я понимаю, что многого я не знаю... И, честно говоря, с каждым годом я чувствую себя всё большим невеждой».

Что для вас означают деньги? – «Когда у вас есть деньги, у вас есть выбор: делать что-то или нет. Предназначение денег только в том, чтобы давать выбор, свободу. И ничего более…

Деньги вообще не могут сделать кого-то счастливым, зато они могут сделать человека несчастным… Но если у вас их нет, это сделает вас несчастным».

С кем из известных личностей вы хотели бы поговорить? – «С Моисеем. Этот человек изменил целую нацию. 40 лет он занимался тем, что изменял нацию... Он был настоящим агентом изменений. Он сделал людей, которые были рабами, свободными...

Что бы я спросил у него? - Что помогало тебе продолжать идти? 40 лет - это очень долго. Что вело тебя? Почему ты не сдался?» [2].

В Интернете публикуются характерные ***цитаты из книг И.Адизеса***.

Из книги «Идеальный руководитель. Почему им нельзя стать и что из того следует» (выборка):

Если два человека согласны во всем, то без одного из них можно обойтись; Очень часто бездействие обходится дороже, чем действие; Если вы задаете вопрос: «Счастлив ли я?» - то можете стать самым несчастным человеком на свете»; Проще нанять ***ЧЕЛОВЕКА*** и дать ему знания, чем нанять того, кто обладает знаниями и сделать из него ***ЧЕЛОВЕКА***; Успех или провал команды определяется тем, как общаются и взаимодействуют его члены; коллега - не тот, кто с вами согласен, а тот, кто вам возражает, но пользуется вашим уважением;

Менеджмент – слишком сложный вопрос, чтобы с ним мог справиться один человек; Задача менеджмента – сделать организацию результативной в ближайшей и долгосрочной перспективе; Когда удается добиться идеального сочетания формы и функции – это большая редкость; Бюрократ тратит уйму времени на детали; он считает, что лучше выполнять работу правильно, чем выполнять правильную работу; Причина, по которой вы вступили в брак, вполне может стать основанием для развода.

Из книги «Личностный рост» (выборка):

Построение компании или карьеры сродни добыче золота: если вы непрерывно копаете, не отвлекаясь на крепление свода, стенки штольни, то вас завалит в шахте; Важно не стремление, важен результат работы; Когда вы прислушиваетесь к голосу сердца, вы не можете ошибиться; Сходство не значит единство, это просто сходство.

Из книги «Управление жизненным циклом корпорации» (выборка):

Мы не можем позволить себе сидеть и ждать наступления будущего до того, как решим, что следует делать сейчас; Старение начинается в сознании человека одновременно с изменением его целей и отношения к жизни; То, что нормально на одном этапе жизненного цикла, может оказаться аномальным на другом этапе;

Делегирование полномочий подразумевает передачу задач на более низкие уровни организационной иерархии и формирование приверженности их выполнению; Не может быть долгосрочных побед до тех пор, пока вы не согласитесь брать на себя риски краткосрочных убытков; В растущих компаниях работают верующие, в стареющих - скептики.

Из «Цитатника» (выборка):

Добьется успеха тот, кто приспосабливается к изменениям быстрее, чем другие; Изменение порождают проблемы / возможности. Проблема и возможности - это одно и то же; Мы можем не иметь проблем только в том случае, если остановим изменения, а это может произойти только в случае смерти; В развитых странах уровень жизни высокий, но качество жизни низкое. В неразвитых странах наоборот: уровень жизни ниже, а качество жизни выше.

Что же из всего сказанного здесь ранее об идеях и практике И.Адизеса, может быть соотнесен с ***«Педагогической поэмой»***, этим художественным манифестом ***Антона Семеновича Макаренко,*** классика педагогики социального педагога реформатора?

Какие его идеи и практические решения стали руководящими, получили разработку в применении к бизнесу, теории и практики менеджмента? Как в результате

изменяется, обогащается представление о существе макаренковского наследия? В каких новых аспектах оно может исследоваться и использоваться далее?

Решение этих вопросов органически включается в зародившееся в 1960-х годах направление освоения и разработки наследие А.С.Макаренко - использование его творчества в других (кроме педагогики) областях социально-гуманитарной мысли и практики и исследование его в связи с развитием некоторых общественных наук [6; 21-24, 108-112, 372, 376, 378; 7, 8, 9].

В русле этого направления неизмеримо повышается общественно-педагогическая значимость трудов и опыта А.С.Макаренко. На качественно новый уровень поднимается их теоретическое освоение и практическое использование.

Становится ясно, как далеко выходит А.С.Макаренко за традиционные рамки «детской» и «школьной» педагогики. Он максимально расширяет предмет педагогики и ее задачи. Его научные и практические достижения прочно связаны с развитием других социально-гуманитарных наук. Все более очевидно, что новая педагогика может и должна стать важным фактором повышения эффективности многих направлений обществознания и человековедения.

Поразителен диапазон действия теории и практики И.Адизеса. Он охватывает различные виды человеческой деятельности: в сфере бизнеса, социального управления, семьи, повседневного поведения людей.

Определиться в макаренковедческом значении трудов И.Адизеса можно по его ключевым понятиям. Главное из них – «***управление изменениями***». Другие: культура управления, эффективность, цели, методология и программа, способы действий; успех, организация как живой организм, деструктивный конфликт, циклы развития (фазы), трансформация, формы и функции, кризис и новые возможности развития, управленческая команда и руководитель, личностный рост.

Из макаренковской терминологии явно усматриваются: диалектичность, развитие, перспективы, стиль управления, организация и ее структура, целесообразность и результативность, воодушевление и вера, оптимизм, уважение и требовательность, отношение к жизни и ее качество, уполномоченность и ответственность в управлении, коллектив, познание и действие, поведение и знание.

Все это, можно сказать, коренится в имеющих основополагающее значение двух фрагментах «***Педагогической поэмы***»:

«Все дело в остановке. Не может быть допущена остановка в жизни коллектива…

Какая чудесная, захватывающая диалектика! Свободный рабочий коллектив не способен стоять на месте. Всемирный закон всеобщего развития только теперь начинает показывать свои настоящие силы. Форма бытия свободного человеческого коллектива - движение вперед. Форма смерти – остановка [10, Часть 3, с. 269].

«Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы… Нужно настойчиво претворять простые виды радости в более сложные и человечески значительные...

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, - это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, … есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется перспективой только своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но не вызывает у нас ощущение красоты личности и ее настоящие ценности.

Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека личными, тем человек красивее и выше» [10; Часть 4, с.101].

В другом произведении А.С.Макаренко (1938 г.) отмечено то, что так ярко представлено в творчестве И.Адизеса: «Секрет и прелесть нашей жизни не в отсутствии конфликта, а в нашей готовности и умении его разрешать» [10 Ч. 7; 109].

И проницательное соображение: При изображении в художественной литературе «собственно социалистических явлений необходимо пересмотреть свое отношение к конфликту... Конфликт становится более тонким, более глубоким, более нежным, он отражает более сокровенные глубины человеческой личности.

Это «очеловечивание» конфликта заметно у Чехова... Разрешение этих очеловеченных конфликтов у него пессимистическое, что вполне соответствует его эпохе» [там же; 201].

И.Адизес обратился к фундаментальному в макаренковском наследии - к идее всеобъемлющего ***развития, к диалектическому*** методу педагогического мышления и действия, то есть к «душе» педагогики А.С.Макаренко, ее ***методологии***.

Диалектический метод в макаренковских высказываниях объясняется как требование видеть педагогические явление прежде всего в их постоянном развитии, закономерном изменении. ***Противоречия*** - источник развития, главная категория диалектики. Как говорится: «развитие - синоним жизни».

Уклонение от противоречий в объяснении педагогических явлений и процессов, игнорирование факта их развития при построении и характеристике педагогической деятельности, ее оценка с позиций лишь «статус-кво» - главное в умозрительно-декларативной, социально-приспособленческой педагогике. Это антипод социальной педагогики А.С.Макаренко, опережающей общество в его экономическом и духовно-нравственном, культурном развитии.

Ее неприятие, критика, разного рода произвольные толкования и искажения основываются на метафизическом, спекулятивном и догматическом мышлении. А.С.Макаренко хорошо показал действие такого методологического подхода в «Замечаниях к акту обследования коммуны Ф.Э. Дзержинского» весной 1934 г. [10, Часть 3, с. 214, 217-220]. Этот подход действует и в макаренковедении, в корне подрывая выявление и использование сущностных сил и огромных потенциалов макаренковского наследия.

После ознакомления с работами И.Адизеса возникает новый, очень важный вывод: педагогике А.С. Макаренко противостоит «***бесконфликтная***» педагогика, в ней происходит «омертвление живых педагогических тканей», как говорил А.С. Макаренко. Это действие в педагогике консервативных и регрессивность сил.

У И.Адизеса и А.Макаренко диалектический метод выступает и как характеристика социальных действий в их многообразных ***связях***, в совокупности многих явлений и процессов. Ведущими являются понятия: система, организация, структура, иерархия, коллектив как единство многообразия, коллектив - «команда» и др.

Проблему соотношения ***системы (теории) и метода*** И. Адизес и А. Макаренко решают, несомненно, на основе первенства метода, идеи развития, управления изменениями.

Бедой макаренковедения является установка на приоритет системы, в её некоем «идеальном» состоянии. До недавнего времени превалировала характеристика: «педагогическая система А.С. Макаренко». Необходимо лишь охарактеризовать её в наиболее развитом состоянии и «внедрять» в современную педагогическую практику «один к одному», как выражался в 1970-1980 гг. В.В. Кумарин, авторитетный советский макаренковед.

Это резко противоречит духу и букве наследия А.С. Макаренко. У него ясно сказано: система жизнедеятельности «воспитательного коллектива» вырабатывается им самим в длительном опыте. Это живая, развивающаяся система, продукт социального творчества членов коллектива, детей и взрослых.

«Внедрять» систему «в готовом виде», вне связи с тем, к какой среде она оказывается, с использованием чужеродных ей элементов, говорит А.С. Макаренко -

значит превращать её в «больную систему» [10, часть 3,с.55]. Такая «пересадка» макаренковской системы порождает формализм и насильственность. И заключение: система плохая, устаревшая, «авторитарная» и т.д.

Требовалось, правда, «творческое» использование макаренковских идей и опыта. Фактически это значило: механическое приспособление их к существующим условиям, официально действующим педагогическим принципам и средствам. А то, что в наследии А.С. Макаренко не соответствовало им, объявлялось незначительным и «устаревшим».

Все сказанное не противоречит тому, что в макаренковской системе есть важные открытия, «организационные находки», теоретические и практические решения, которые можно и необходимо использовать в новом опыте как нечто «готовое». Важно при этом не забывать о первостепенном – о творческом методе А.С. Макаренко. К совершенству его системы можно подойти лишь со временем, трудным путем самостоятельного развития коллектива.

И он не считал свою систему «завершённой». Он, наверное, не согласился бы вообще с действием здесь «идеала», т.к. это противоречит его приоритетной установке на бесконечное развитие педагогических явлений и процессов в неуклонно развивающейся социальной среде. И бесконечно многообразны условия, в которых конкретному коллективу предстоит формироваться, действовать и развиваться.

Здесь уместно далее обратиться к тому, как в творчестве А.С. Макаренко используются ***индуктивный*** и ***дедуктивные*** методы педагогического мышления и действия в становлении и развитии педагогической системы.

(Продолжение, окончание – в части 9 данного издания. Авторы: Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксёнов С.И. Полный текст готовится к печати в отдельном издании)

Литература.

1. Адизас И. Выступление на пленарном заседании Международного форума в г. Сочи, 23 сентября 2012 г. (запись синхронного перевода на рус. яз.)
2. Кузнецова Т. Теории и мечты Ицхака Адизеса //ж. «Управление компанией» 2008, №5 (Украина)-http://www.magagement.com.ua/interviw/int160.htme
3. http:/russia.adizes.com/ob-institute-adizesa
4. Интернет-ресурс к 9 книгам http://russia.adizes.com/biblioteka/knigi/
5. http:/russia.adizes.com/professionslnye-uslugi/ 11-fur-programmy-adizesa/
6. Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия. 1939-2005гг., критический анализ – Н. Новгород, 2006
7. Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко//Вопросы экономики-М., 2010, №8
8. Фролов А.А. А. Макаренко и П. Фрейри (Бразилия): сравнение основ социально-педагогической деятельности// Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия. Матер.конф-М., 2011
9. Фролов А.А. А. Макаренко и Л.И. Петражицкий: соотношение права и нравственности (педагогический аспект) // Юбилейные чтения…Сб.науч.трудов.-Самара, 2008
10. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1-7/ сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов-Н. Новгород, 2007-2014

X международный макаренковедческий симпозиум: замысел и результаты

Международный симпозиум по творчеству А.С. Макаренко, организованный нижегородской макаренковедческой лабораторией Мининского университета «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» и на ее базе, прошел в режиме on-lein 30

октября 2014 г. Он стал считаться 10-м. VI такой симпозиум проведен в 1989 г., в Марбурге, ФРГ (сборник его материалов издан в 1994 г. под ред. Г. Хиллига, З.Вайтца).

До этого первый в СССР макаренковедческий международный симпозиум прошел в 1972 г. в Москве, по инициативе Педагогического общества РСФСР (предварительно издан сборник его материалов, ред.колл.: В.Е. Гмурман, Л.Ю. Гордин, Э.С. Кузнецова).

В начале 2000-х гг. проведение таких симпозиумов переместилось в Россию. По общему счету 8-м стал симпозиум, прошедший в 2005 г. в Москве, на базе Института дошкольного образования РАО (организаторы В.И. Слободчиков, А.А. Фролов, Т.Ф. Кораблева), его материалы не изданы. IX международный макаренковедческий симпозиум проведен в Москве в 2008г., на базе Федерального института развития образования (сборник его материалов вышел под ред. Ф.Ф. Харисова, М.Б. Зыкова, А.А. Фролова).

Замысел нижегородского симпозиума отражен в его теме: ***«Современное макаренковедение: история, состояние, перспективы».*** Представленные на симпозиум тексты опубликованы на сайте Мининского университета. Участвовали представители 6 стран: России, Украины, Италии, Японии, Норвегии, Великобритании. В режиме on-lein работали 5 включений: Нижний Новгород, Москва, Харьков, Волгоград, Челябинск.

К обсуждению ранее представлены 23 материала. Текст Т.Ф. Кораблевой, сопредседателя российского общественного объединения «Макаренковское содружество», поступил лишь накануне симпозиума и в недопустимо большом объеме (27 стр. и 8 стр. «Приложения»), что позволило научной части Мининского университета отказаться от его помещения на сайте университета.

Тогда автором текст был оперативно представлен участникам симпозиума в электронном виде, практически навязан им, совершенно не подготовленным к восприятию и обсуждению этого текста. Возникшая сумятица серьезно помешала работе симпозиума.

После него Т.Ф. Кораблева пыталась как бы продолжить симпозиум, в виде дискуссии по ее тексту. Но получилось что-то вроде электронной перебранки, участвовать в которой нижегородская лаборатория отказалась. Вскоре «дискуссия» прекратилась.

Есть надежда, что следующий, XI симпозиум, в Нижнем Новгороде (2016 г.), будет хорошей площадкой для плодотворной, организационно подготовленной дискуссии.

Ознакомиться с материалами прошедшего симпозиума можно на сайте Мининского университета http://www.minininuniver.ru/scientific/scientific_activities/centers_laboratories/makarenko/symposium

Предлагаю текст моего сообщения на симпозиуме, составленный в результате изучения всех представленных на симпозиуме материалов. Их обобщение произведено в методологически необычной манере: говорится не о том, что в них ***есть***, а о том, чего в них ***нет***, но что ***есть*** в наследии А.С. Макаренко и до сих пор остается «за бортом» макаренковедения, притом максимально важное.

Первое: фундаментальная в педагогической теории и практике проблема ***соотношения педагогики, воспитания – и идеологии, политики***. Эта проблема не только обходится вниманием в материалах симпозиума, но по существу и отбрасывается как нечто недостойное науки. Говорится в этом духе не прямо, а как бы в плане отрицания лишь «политико-идеологических ярлыков». Предлагается: нужно ориентироваться на гуманизацию и демократию, в их «чистом виде».

Время показало, что «деидеологизация» и «деполитизация» - это отказ от духовных скреп общества и государства, от проблем нравственности во всех сферах

нашей жизни, включая культуру, искусство, средства массовой информации. Это и утрата духовно-нравственного стержня человеческой личности.

Да и была и есть ли сейчас на практике эта «деидеологизация» и «деполитизация»? Можно сослаться на Дж.Дьюи, он печатно высказывал абсолютное согласие с выводом В.И. Ленина: «Школа вне жизни, вне политики – это ложь, лицемерие». Просто действует такая идеология и политика, о которой желательно «не распространяться». И держать всех подальше от идеологии и политики, чтобы не подключались к ним да и не заразились бы какой-нибудь другой идеологией и политикой.

Отказ в педагогике от политики и ее идеологических основ – это отрыв от жизни, главный смертный грех педагогики и школы. Отрыв, конечно, умозрительный, для обмана, т.к. нельзя исключить из жизни государства и общества то, без чего они существовать не могут.

Когда деятельность А.С. Макаренко представляется как некий «идеальный» феномен, вне общественно-политического пространства и времени, - что тогда остается для связи его наследия с современностью? – лишь благие пожелания. Очень удобно и безответственно.

В нижегородской лаборатории выработан и в печати апробирован исследовательский подход, основанный на макаренковском методологическом принципе ***«параллельного действия»***. Это значит, что общественно-политические и социально-педагогические явления мыслятся как кровно связанные, при доминирующем значении политики и идеологии. Вместе с тем социально-педагогические явления относительно самостоятельны, они развиваются «параллельно» ходу общественно-политического развития, могут значительно отставать от него или значительно опережать.

Творчество А.С. Макаренко – это «педагогика завтрашнего дня» советского общества, мощный стимул его развития. Ей противостояла и противостоит «педагогика вчерашнего дня»; она – мощный тормоз прогресса общества и человека. Этот тормоз – одна из глубинных причин поражения социально-экономической системы СССР.

Второе: среди представленных на симпозиуме материалов нет ни одного, специально посвященного ***статусу производительного труда*** в педагогике А.С. Макаренко.

Результаты исследований нашей лаборатории позволяют со всей категоричностью сказать: общественно-производительный труд в форме «трудовой общины», коллективного хозяйствования педагогического учреждения в целом, его сотрудников и детей вместе, - это основа основ макаренковской концепции педагогики. Это действительно новая педагогика, она рождена обществом трудящихся, где труд впервые в истории становится высшей ценностью, утверждается всеобщность труда и равенство в труде; формируется новый человек, личность созидательно-творческого типа.

А.С. Макаренко и в этом направлении реализует принцип ***«параллельного действия».*** В многолетней практике он доказал успешное сочетание экономически эффективного труда и процесса воспитания, при первенстве педагогических целей. И это очень важно: инновационный характер труда, применение качественно нового, передового в содержании труда и его организации.

Третье: в представленных материалах лишь отчасти затронута ***проблема управления.*** В педагогике А.С. Макаренко это прежде всего управление всем коллективом педагогического учреждения. Это специфический трудовой коллектив, «воспитательный», по сути коллектив «учрежденческий», так его можно называть. Соотношение детей и взрослых в нем (педагогов, мастеров производства, служащих) в лучшие годы педагогической деятельности А.С. Макаренко (1924-1933 гг.) выражалось как 3:1.

В управлении этим коллективом действуют две «параллельные линии»: административное управление и самоуправление. В администрацию входят: зав. колонией (коммуной), педсовет, рабочие и служащие; в самоуправление – главные лица администрации и представители («командиры») всех детских трудовых первичных коллективов («отрядов»). Административное руководство осуществляют и органы народного образования, советской власти. В коммуне им.Ф.Э. Дзержинского верховными органами были еще совет и правление коммуны.

Эти две линии управления: административная и самоуправленческая - относительно самостоятельны, но они не противостоят друг другу, идут «в одном направлении». В едином коллективе учреждения «центральным» органом самоуправления является «совет командиров отрядов», а «главном» органом – общее собрание.

При участии ответственных заинтересованных лиц из сотрудников и воспитанников действует система самоуправления, общая для всего педагогического учреждения. Она в значительной степени охватывает и взрослых, в том числе и администрацию. Самоуправление должно быть, говорит А.С. Макаренко, «не надстройкой над фактическим управлением взрослых, а действительным руководителем» учреждения (Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. – Часть 1, Н.Новгород, 2007, с.291).

Педагогическую направленность всей системы управления обеспечивает заведующий учреждением, он имеет право утверждения решений. Но его решения зависят от общего собрания, а в коммуне дзержинцев и от правления коммуны. Педсовет влияет и на заведующего учреждением, и на «совет командиров».

Главная функция заведующего учреждением, как и «совета командиров», - распорядительно-исполнительная. Они могут действовать в рамках данных им полномочий. «Законодательная» функция принадлежит общему собранию.

«Совет командиров» - это прежде всего хозяйственно-распорядительный орган. Распоряжаясь средствами производства и потребления, он успешно распространяет свое влияние на все стороны жизни коллектива, кроме учебной, школьной работы. Его выборность и сменяемость через 3-4 месяца не позволяет образоваться «командной касте». Здесь не может быть управленческой «элиты», менеджеров, - наряду с массой подневольных исполнителей их решений.

Хозяином становится каждый член коллектива, после 2-3 месяцев добровольного пребывания в нем, когда у воспитанника вырабатываются навыки самоуправления и он становится «колонистом», «коммунаром». Звание «колониста» должны были заслужить и воспитатели. Коммуна дзержинцев последние 5 лет успешно работала и развивалась без штатных воспитателей. А.С. Макаренко мечтал: будет 1 000 воспитанников – и «ни одного воспитателя». Единый коллектив педагогического учреждения – главный объект и субъект нового воспитания, его главный фактор.

Важнейшим является то, что в этом коллективе по существу устраняется административно-правовое управление, утверждается общественное самоуправление. Вся система управления выводится на уровень духовно-нравственных отношений. Действуют мотивы долга, чести и достоинства, личных убеждений, мощное влияние общественного мнения и традиций.

Это социальная ситуация свободного труда, свободного и ответственного проявления творческих сил личности и индивидуальности.

Примечательно, что в спорах с А.С. Макаренко в 1927-1928 гг. (которые привели к его уходу-увольнению из колонии им. М.Горького) вопрос о «совете командиров», сводился к расхождению его функционирования с общепринятой в колониях практикой самоуправления по типу «исполкомов», действующих в системе советской власти.

Коренное отличие заключается в том, что «исполком» - это орган «***представительной*** демократии». У А.С. Макаренко «***прямая,*** непосредственная демокра-

тия»: центральный орган трудового коллектива включает участие низового звена первичных коллективов. Достигается высокий уровень демократичности и оперативности управления.

Это яркий пример такого соотношения педагогики и политики, идеологии, когда инновационные социально-педагогические идеи и опыт прокладывают путь к лучшему в жизни человека и общества. По замыслу Дж.Дьюи: школа, образование могут и должны стать «социальной лабораторией», генератором развития общественных отношений в деятельности новых поколений.

Нижегородская лаборатория планирует проведение следующего, XI макаренковедческого международного симпозиума (2016 г.). Его тема: ***«Педагогика параллельного действия: сущность и конкретизация в методологии, теории и практике воспитания».***

Автор – Фролов А.А. Выступление на X международном макаренковедческом симпозиуме (Н.Новгород, октябрь 2014 г. Дано для публикации в ж. «Народное образование»).

О содержании издания, данного тома

Данная Часть 8 издания «А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания.....» – это продолжение издания нового собрания его сочинений, в виде «учебной книги». Начало этому положила книга А.А. Фролова «А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг., критический анализ)», издана в Н. Новгороде в 2006 г.

Так возникла серия из 9 ежегодно выпускаемых книг (1-я часть нового издания макаренковских трудов вышла в 2007 г.; 9-я часть, последняя, выйдет в 2016 г.). Завершить серию предполагается книгой «Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии, социально-гуманитарных основ». В Части 3 началось печатанье подготовительных материалов к ней, в форме обширной вступительной статьи, на основе уже опубликованного в разных изданиях. Это продолжено в 4–7-х частях и будет закончено в Части 9.

Задуманный итоговый труд отражает исследовательскую работу, проведенную исследовательской лаборатории «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» НГПУ им. К. Минина в ходе нового издания макаренковских трудов, в процессе обобщения и критического анализа результатов изучения, теоретического и практического использования макаренковского наследия в СССР, России и других странах в течение уже 75 лет.

О возможности и необходимости макаренковедческого исследования с высоким уровнем обобщения свидетельствует проведенный в январе 2008 г. в Федеральном институте развития образования симпозиум «Современный Макаренко: методология, теория и практика педагогики». Его материалы опубликованы в сборнике под этим названием (М., ФИРО, 2008) и в издании: Макаренко: альманах, М., 2008, №1.

Далее начался выпуск брошюр «Наследие А.С. Макаренко: современная разработка и перспективы (в аспекте методологии педагогики)». Сделано 3 выпуска (Н.Новгород, 2009, 2010 гг.). В выпуске 2 помещены тезисы 14 специалистов; в выпуске 3 – 23, авторы из России, Украины, Германии, Польши, Беларуси, доктора и кандидаты наук, специалисты по педагогике, философии, социологии, психологии. Выпуск 4 – это брошюра: Фролов А.А. Педагогика А.С. Макаренко: основы методологии (в сравнении с другими концепциями педагогики). – Н.Новгород, в печати. Выпуск 5, - отд.издание: Фролов А.А., Аксёнов С.И. Джон Дьюи и Антон Макаренко – две вершины социальной педагогики XX века. – Н.Новгород, 2015.

Макаренковедческая лаборатория НГПУ им. К. Минина (действует с 2003 г.) 28-29 марта 2013 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда провела международную научно-практическую конференцию «Педагогика А.С. Макаренко: воспитание и жизнь (достижение и проблемы)». Под этим названием выпущен сборник материалов конференции, она посвящена 125-летию со дня рождения А.С. Макаренко.

Конференция поддержана участием в ней сотрудников Российской академии образования, Института истории и теории педагогики. В конференции приняли участие специалисты из Японии, Италии, Германии, Украины, США, из 20 городов и районов Российской Федерации, в том числе 12 докторов педагогических наук.

Принятый конференцией Итоговый документ отражает состояние современного макаренковедения, его успешное развитие и проблемы, направления дальнейшей работы.

Посвященные юбилейной дате научно-практические конференции прошли в Москве (Российском гос.социальном университете и Московском гос. областном университете – с аспирантами), Волгограде (Волгоградской гос. академии повышения квалификации работников образования), в Украине (Полтавском национальном пед.институте и Сумском гос. педагогическом университете) – с изданием материалов конференции. Юбилейная конференция проведена в

Воронежском гос. университете.

Итоговый макаренковедческий труд по методологии педагогики лабораторией НГПУ им. К. Минина задуман как приближение к осуществлению замысла А.С. Макаренко, которого ему не удалось осуществить. Он хотел написать «книгу по педагогике», «важный и капитальный труд о воспитании». Он приступал к этой работе, заявлял о ней несколько раз: в 1928 г., в конце 1932–начале 1933 гг., в феврале 1935 г. А еще гораздо раньше, осенью 1922 г., он намеревался «огромный опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда воспитания..… Часть 1, с. 39).

В новом издании трудов А.С. Макаренко он предстает как социальный педагог-реформатор, классик педагогики, органически совмещающий качества педагога-практика, мыслителя и писателя, художника слова, публициста, общественного деятеля. В лаборатории начата работа по изданию: Педагогика. Наука о воспитании. По А.С. Макаренко.

Новое издание трудов А.С. Макаренко необычно, имеет характерные особенности. Материалы даются в строгой хронологической последовательности (от первой части до последней). Нет разделения материалов «по жанрам». В общем потоке представлены многообразные авторские материалы А.С. Макаренко: лекции, статьи, выступления, литературные рецензии и отзывы, деловые и личные письма, художественно-педагогические произведения, различные подготовительные материалы, конспекты, записи.

Все написанное и сделанное им предлагается к восприятию в общем «потоке жизни». Это соответствует его концепции педагогики, генеральной идее «школы жизни, труда, воспитания». Таким образом можно приобщиться к его методологии педагогики, видеть и осмысливать педагогические явления и процессы в их масштабности, многообразии и единстве, постоянном и противоречивом развитии.

К этому ведет и нераздельность материалов, относящихся к педагогической теории и практике. Жизненно-ориентированная педагогика А.С. Макаренко примечательна согласованностью теории и практики. Границы его педагогики, ее методология и задачи четко ограничены выявлением закономерностей в сфере взаимодействия педагогических целей, средств и результатов.

В издании предусматривается и общий социальный «фон» деятельности и идей А.С. Макаренко. В рубрике «Дополнения» приводятся сведения и факты, сопутствующие появлению тех или иных макаренковских материалов и действий. Даны многочисленные документы его колонии им. М.Горького, коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, отдела трудовых колоний НКВД УССР, различных государственных и общественных организаций, деятельности А.С. Макаренко в Союзе советских писателей.

Издание претендует на полноту представления известных исследователям к настоящему времени произведений, различных авторских материалов А.С. Макаренко, документов о его деятельности. Среди них много неизвестных ранее и малоизвестных, не вошедших в предыдущее, 8-томное собрание его сочинений (М., 1983–1986 гг.).

Таким образом издание предстает и как научная биография А.С. Макаренко, где социально-гуманитарная направленность его жизни и деятельности неотделима от личных качеств, культуры его личности. Стремление обратить внимание прежде всего на эти новые материалы побудило составителей к публикации макаренковских художественно-педагогических произведений лишь в их фрагментах, имеющих преимущественно научно-теоретическую ценность. (Отдельные издания этих произведений многочисленны и доступны). Таким образом удалось удержать издание в целесообразном объеме.

Издание трудов А.С. Макаренко в виде «учебной книги» – еще одна его уникальная особенность. Эта учебно-познавательная направленность реализуется в

материале «От составителей» (где даны методологически значимые публикации последних лет), в расширенных комментариях, «Учебно-методическом материале» и списке публикаций (включая авторефераты диссертаций), сделанных в последние годы по макаренковедческой и близкой к ней проблематике. Методическую направленность имеют данные в начале каждого тома эпиграфы-цитаты, ключевые идеи данного тома. В комплекс учебно-методических материалов входят Именные указатели.

Комментарии в учебных целях не только содержат многоаспектный материал (отражающий современные трактовки и многочисленные попутные сведения), но и печатаются не в конце книги (там их обычно не читают), а сразу после текста А.С. Макаренко, побуждая читателя к вдумчивому его восприятию, сравнению с предыдущими и последующими текстами.

Объективность комментариев может быть проверена повторными обращениями к макаренковским авторским материалам.

Начиная с Части 2 издания в каждой из них в конце книг дается «Дополнительный материал». Это тексты А.С. Макаренко и документы, выявленные позднее, они хронологически дополняют содержание 1-й и последующих частей (томов). К сожалению, этот материал не отражается в Именных указателях (будет дан в последнем томе).

Часть 5 издания значительно отличается от предыдущих: в ней уже нет привычных материалов о непосредственной работе А.С. Макаренко в его колонии-коммуне. Новым и ценным является отражение его продолжающейся социально-педагогической деятельности: в отделе трудовых колоний НКВД УССР, в Киеве (сначала в качестве пом. нач. ОТК, затем консультанта). Ранее о «киевском периоде» его творчества было практически неизвестно, что приводило к разного рода домыслам и инсинуациям.

Начало этого периода освещается в Части 4, со с. 70. Часть 5 охватывает его до конца, а также начало жизни А.С. Макаренко в Москве, когда он целиком занят литературной, публицистической, общественной деятельностью. Это еще очень слабо изученный, новый этап его творчества как социального педагога-реформатора - «московский период».

В это время он выходит на новый уровень своих обобщений, все теснее связывая педагогику с развитием общественной жизни, различными областями социально-гуманитарного знания. Центральное место в Части 5 занимает подготовка и публикация «Книги для родителей».

Часть 6 охватывает период с лета 1937 г. до весны 1938 г. Книга включает: статьи, рецензии, рассказы, «Лекции о воспитании детей», «Честь», «Проблемы школьного советского воспитания», выступления, письма, записи.

Данный том, как и том 6, хорошо представляет педагогику А.С. Макаренко «в широком смысле», с включением в нее «педагогики всего общества», действующих социально-экономических явлений и процессов, событий в сфере культуры, печати, художественной литературы, искусства.

С большой полнотой обнаруживается активно-творческая связь макаренковской педагогики с другими социально-гуманитарными науками, особенно с этикой и эстетикой. При обращении к опыту колонии горьковцев и коммуны дзержинцев производятся новые обобщения, расширяется педагогическая проблематика, понятийно-терминологический аппарат.

В части 7 московский период жизни и деятельности А.С. Макаренко отражается с марта по ноябрь 1938 г. Включены статьи о советской школе, материалы о художественной литературе (включая детскую), повесть «Флаги на башнях», подготовительные материалы к «Путям поколениям» и «Ньютоновым кольцам», планы киносценария о школе, «Некоторые выводы из моего опыта», «О моем опыте», записи встреч с читателями, рассказы, статьи, письма. Дневниковые записи

не только хорошо отражают хронологию напряженной творческой деятельности А.С. Макаренко в это время, но и показывают ее активную социально-педагогическую востребованность.

Часть 8 охватывает время от 1 декабря 1938 г. до кончины А.С. Макаренко 1 апреля 1939 г. Освещаются события 1-30 апреля. Дан историографический материал: «Начало освоения и разработки наследия А.С. Макаренко (кон. 1939 г. – 1945 г.)».

Комментарии к текстам А.С. Макаренко, как и во всех томах данного издания, начинаются с указания на источник, по которому печатается текст. Публикуемые впервые материалы обозначаются ссылкой на архивный источник.

Хронологически тексты располагаются по времени их написания или публикации, если время написания неизвестно. В наименовании материалов дата ставится, когда это наименование имеют несколько текстов. В комментариях биографические сведения об отдельных лицах даются лишь в рамках рассматриваемого периода. Фамилии причастных в это время к деятельности А.С. Макаренко писателей, педагогов, журналистов, работников различных учреждений, воспитанников колонии горьковцев и коммуны дзержинцев выделяются курсивом.

О проведённой составителями работе над текстами: устранении купюр, уточнении текста, дат и т.д. – не сообщается (за исключением наиболее значимых случаев). Введённые составителями в текст слова (пропущенные или уточняющие) даются в квадратных скобках. Сокращение отдельных мест (обычно при общем сокращении текста источника) отмечается отточиями. Не сообщается о первой и последующих публикациях, о имеющихся разночтениях, а также о переводе с украинского языка (обо всём этом обычно говорится в комментарии к источнику, по которому сделана публикация).

В разных томах издания в макаренковских текстах повторяются идеи, понятия, факты, лица, требующие пояснений. Это ведёт к некоторым повторам в комментариях по томам. Тогда отмечается и нечто новое, соответствующее иным обстоятельствам, логике развития социально-педагогических явлений и процессов. Так отражаются и более точные определения, которые дают составители издания в ходе изучения и комментирования дальнейших публикуемых материалов.

Ссылки на издание Пед. соч. А.С. Макаренко в 8 томах (М., 1983–1986) делаются в том случае, если тот или иной материал еще не включен в наше издание, выходит за хронологические рамки его частей. После опубликования в них ссылки делаются на наше издание.

Подписи к фотографиям

На форзаце в начале книги:

1. Рабочее место А.С. Макаренко в его квартире в Москве. Обстановка вывезена и представлена в Педагогическо-мемориальном музее А.С. Макаренко, г. Кременчуг, Украина.
2. Публикация статьи А.С. Макаренко и других авторов в ж. «Дружные ребята»: 1939г., №3.
3. Заявление А.С. Макаренко о его приеме кандидатом в члены ВКП (б).
4. Фрагмент анкеты, приложенной АЮСЮ Макаренко к заявлению о приеме его кандидатом в члены ВКП (б).
5. А.С. Макаренко, 1938 – 1939 гг.
6. Обложки ж. «Дружные ребята»: 1939г., с публикацией рассказа А.С. Макаренко «Домой хочу» и статьи «Великая награда».
7. Путевка, выданная А.С. Макаренко Клубом писателей для выступления 5 апреля 1939г. в Юридическом институте Прокуратуры СССР.
8. А.С. Макаренко в группе выпускников коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, окончивших Харьковский Юридический Институт, нач. марта 1939г. Слева на право,

сидят: Ф.Г. Стирис, И. Сопин, А. Макаренко; стоят: Матвеев, А. Оноприенко, И. Ветров, Трифонов, А.Сопин, Ш. Ширявский.

9. Обложка брошюры А.С. Макаренко «Дети в стране социализма», Москва, 1939г., апрель.

На стр. 5

1. Бюст А.С. Макаренко, авт. Ю. Белостоцкий.
2. Бюст А.С. Макаренко на площади в музее – заповеднике А.С. Макаренко, село Ковалевка, Полтавская обл.
3. Памятник А.С. Макаренко в Харькове.
4. Памятник А.С. Макаренко в г. Кременчуг, Полтавская обл.
5. Бюст А.С. Макаренко перед зданием Сумского педагогического университета им. А.С. Макаренко, Украина.

На стр. 6

1. Медаль А.С. Макаренко, награда Министерства просвещения УССР.
2. А.С. Макаренко, кадр из художественного фильма «Педагогическая поэма», 1953г. (артист В. Емельянов).
3. Кадр из кинофильма "Педагогическая поэма – праздник "Первого снопа".
4. Теплоход «Антон Макаренко».
5. Стенд в Педагогическо-мемориальном музее А.С. Макаренко, г. Кременчуг – издания его произведений на иностранных языках. Слева внизу – скульптура: А.М. Горький и А.С. Макаренко.

На стр. 7

1. Иллюстрация к «Педагогической поэме», авт. Б. Курилович.
2. Обложка «Книга для родителей», изд. 1950г.
3. Иллюстрация к «Книги для родителей», авт. С. Писменный.
4. Обложка «Флагов на башнях», изд. 1939г.
5. Иллюстрация к «Флагам на башнях», авт. С. Письменный.
6. Титул т.6 изд. Сочинений А.С. Макаренко в 7 томах.- Изд. АПН РСФСР, М., 1952.

На форзаце в конце книги:

1. А.С. Макаренко, 1938 – 1939 гг.
2. «Литературная газета», посвященная памяти А.С. Макаренко, 5 апреля 1939г.
3. Фрагмент 2-ой стр. «Литературной газеты» - писатель Крылов у гроба А.С. Макаренко, некролог Президиума Союза советских писателей, письмо воспитанника коммуны дзержинцев Л.Л. Лавриненко (служат в РККА, Дальний Восток).
4. А.С. Макаренко последнее фото.
5. А.С. Макаренко на смертном одре.
6. Посмертная маска А.С. Макаренко.
7. Фрагмент «Литературной газеты» 5 апр. 1939г. – «Учитель и друг», публикация с подписью 21 воспитанников А.С. Макаренко и данных об их работе или учебе. Панов, Клюшник, Назаренко, Горгуля, Куксов, Буряк, Комардинов, Беленкова, Файнергольц Черный, Ройтенберг, Тубин, Черняк, Брацыхин, Солько и др.
8. Памятник на могиле А.С. Макаренко на Новодевичьем кладбище, Москва (создан на пожертвования).

9. Открытие памятника на могиле А.С. Макаренко, 1952г. Слева на право: Е.Балабанович, Т.Д. и В.Н. Татариновы, Н.Е. Фере, И.А. Соколянский, Ю. Лукин, Л.М. Салько, А.Г. Явлинский.
10. Фасад мемориального дома-музея А.С. Макаренко в Кременчуге.

Запись в дневнике, 1 декабря 1938 г.

Москва, 1 декабря

Сегодня приехал из Кисловодска, в котором пробыл месяц. Там пытался писать «Н. К.» и написал листов 5, но вышло, по-моему, плохо. Вообще не работалось. Перед моим отъездом из «Молодой Гвардии » звонили и просили на январский номер, но сейчас вижу, что спешить с этим романом совершенно нельзя.

Вообще все мои планы спутались, и сейчас впереди будет трудно. Постоянный мой недостаток – составлять слишком оптимистические планы – давно пора ликвидировать. Надо хоть когда-нибудь иметь реальный план, который не должен в общем превышать на день черновой текст – 1/4 печатного листа с обязательным учетом на отделку и переработку в день 3/4 печатного листа. Работа должна обязательно распределяться и по первому и по второму тексту и по планам. Принимая все это во внимание, подведу имеющиеся у меня договорные обязательства. Получается следующее:

1. НЬЮТОНОВЫ КОЛЬЦА. Дописать нужно в черновом виде 20 печатных листов, на что потребуется 80 рабочих дней и на чистовую обработку 30 п. л. – 40 рабочих дней. Итого: 120 рабочих дней.

2. КНИГА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ[1]. Для 10 печ. листов требуется для плана 10 рабочих дней, для чернового текста 40 рабочих дней и для второго текста 14 рабочих дней. Итого: 64 рабочих дня.

3. КНИГА РАССКАЗОВ[2]. – такой же точный расчет.

4. ПОВЕСТЬ ДЛЯ АЛЬМАНАХА[3]. 6 печатных листов: План 7 рабочих дней, 1-й текст 24 рабочих дня, 2-й текст 8 рабочих дней.

Итого – 39 рабочих дней.

5. Одесский сценарий[4] – 4 печатных листа. План 4 дня, 1-й текст 16 дней, 2-й текст – 6 дней, итого – 26 рабочих дней.

6. Московский сценарий[5] – такой же расчет.

7. Ленинградская пьеса[6] – такой же расчет.

Сводка плана получается следующая:

	План	Черновик	Чистовик	Итого
Ньютоновы кольца	*-*	*80*	*40*	*120*
Книга для родителей	*10*	*40*	*14*	*64*
Книга рассказов	*10*	*40*	*14*	*64*
Повесть	*7*	*24*	*8*	*39*
Одесский сценарий	*4*	*16*	*6*	*26*
Московский сценарий	*4*	*16*	*6*	*26*
Пьеса	*4*	*16*	*6*	*26*
Итого:	*39*	*232*	*94*	*365*

Всего 365 дней.

Вот и сюрприз – 1 год – черт знает что. Правда, заработок за это дело в тысячах – больше 100 тысяч, но и сроки везде обозначены тугие. И все- таки, как ни крути, а придется с разными неприятностями эти сроки соблюдать, они, собственно говоря, и так очень жесткие. По срочности работы нужно располагать так:

1. Московский сценарий.

2. Сборник рассказов.

3. Ньютоновы кольца.

4. Пьеса.
5. Одесский сценарий.
6. Повесть.
7. Книга для родителей.

Если в таком порядке писать, то сроки готового представления наметятся такие:

Московский сценарий	26 декабря
Сборник рассказов	2 марта
Ньютоновы кольца	1 июля
Пьеса	27 июля
Одесский сценарий	22 августа
Повесть	30 сентября
Книга для родителей	30 ноября

Тактически это совершенно невозможно. Оттянуть сроки можно только для «Книги для родителей», повести и немного «Ньютоновых колец». Все остальное срочно в следующем порядке:

Московский сценарий	1 января
Сборник рассказов	1 февраля
Ньютоновы кольца	1 мая
Одесский сценарий	1 мая
Повесть (пьеса)	1 июня
Одесский сценарий	1 июня
Повесть	1 августа
Книга для родителей	1 декабря

Все же составлен мною новый план, исходя из нормальных норм работы. А там посмотрим. План на отдельном листе.

Других новостей пока никаких нет, еще никто не видел.

Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко. 2 части в 1 книге. Часть 1: Гражданское воспитание личности в творчестве А.С. Макаренко (монография, статьи, фотоочерки, комментарии). Часть 2: Документальная хроника жизни и деятельности: деловая и личная переписка, дневниковые записи, статьи и др. материалы. /авт., ред.-сост. С.С. Невская. – М., 2006, с. 840 – 842.

Столь широкий план литературно-художественной работы А.С. Макаренко – показатель востребованности его социально-педагогических взглядов и опыта в это время, отражение общественной потребности в повышении роли воспитания в развитии социально-экономических отношений и культуры.

[1] Говорится о подготовке 2 тома «Книги для родителей».

[2] Говорится о сборнике «Дети двух эпох» (в соавторстве с Н.Г. Шкляром).

[3] Говорится о повести «О любви» (для молодежи).

[4] Говорится о сценарии художественного фильма о современной школе (для Одесской киностудии).

[5] Говорится о сценарии художественного фильма для молодежи «Настоящий характер» (для Детфильма).

[6] Говорится о пьесе для ленинградского Театра юного зрителя, на «школьную тему».

О пп. 1-6 – см. в части 7 данного издания.

***Дополнение.* 2 декабря «Комсомольская правда» опубликовала статью** *А. Бойма «Откровения А. Макаренко».* **Она вышла дале-**

ко за рамки отклика на макаренковскую статью «Стиль детской литературы».

«После удачного выступления с «Педагогической поэмой» и неудачной «Книги для родителей» А. Макаренко окончательно возомнил себя монополистом в толковании основ марксистской педагогики. Все чаще и чаще его устные и печатные выступления по вопросам воспитания советских детей вызывают серьезные возражения».

После его статьи в «Детской литературе». Этот журнал «вызывает большую тревогу». Он «давно прославился своей беспринципностью».

«После наскока на советскую педагогику (Макаренко открыто призывает не считаться с педагогическим опытом), автор делает неприемлемые выводы, популяризация которых наносит существенный вред детской литературе». Это «приукрашенные, замаскированные призывы к упрощенчеству и объединению детской литературы».

Против Чехова, Тургенева – в описании природы. Секретарь ЦК ВКП (б) А.Андреев[1] в выступлении на Первом совещании по детской литературе рекомендовал учиться создавать полнокровные образы героев у Горького, Пушкина, Толстого. А по Макаренко выходит: «вместо живых людей с большими чувствами действовали бы манекены, изготовленные по его рецепту».

В передовой статье редакция журнала кается за свои прошлые грехи перед детскими писателями, «призывает учится у великих критиков литературы». Это «обязывает и гл. редактора журнала Н. Слепнева». Но он «не учел печальных уроков своей деятельности» и, печатая статью Макаренко, позволяет проповедовать «явно вредные взгляды».

«Обанкротившегося редактора» направили в «Детскую литературу». Косарев[2] сказал: «Слепнева надо загрузить серьезной работой, иначе он сопьется». На партсобрании издательства «показали его морально – политический облик» - и «тут же дали редактировать резолюцию партсобрания».

В статье А. Бойма явно чувствуется политический подтекст, раздражение по поводу всей деятельности А.С. Макаренко как педагога и писателя, внимание к его не только печатным, но и устным выступлениям. Отражаются, несомненно, противоречия «в верхах», усилившиеся к этому времени: в марте и мае «Правда» опубликовала две острых педагогических статьи А.С. Макаренко, но и тогда уже они были, можно сказать, проигнорированы.

[1] Андреев А.А. – сов. парт. и гос. деятель. В 1932 – 52 гг. член Политбюро ЦК ВКП (б), в 1938 – 45 гг. предс. Совета Союза Верховного Совета СССР.

[2] Косарев А.В. – деятель коммунистического движения молодежи СССР, в 1929 – 39 гг. генер. секретарь ЦК ВЛКСМ.

***А. Бойм** – псевдоним Б.А. Александрова; в 1960 – 1970-х гг. он – зам. главного редактора ж. «Народное образование». В нем тогда публиковались разнообразные материалы, только положительно характеризующие А.С. Макаренко (печатались, как правило, к юбилейным датам его жизни и деятельности).*

Ответственному редактору «Комсомольской правды»

Прилагая статью «Ответ т. Бойму», прошу не отказать в напечатании ее в «Комсомольской правде».

Одновременно прошу вашего внимания к следующему моему предложению. В статье «Откровения А. Макаренко» т. Бойм мимоходом высказался в том смысле, что мои педагогические положения вызывают серьезные возражения. Не имею возможности судить, разделяются ли эти возражения редакцией «Комсомольской правды», но вообще позволю себе утверждать, что нигде, ни разу мне не пришлось высказать свои педагогические взгляды с той полнотой и определенностью, с какими мне хотелось бы это сделать.

Вам хорошо известно, в каком печальном положении в настоящее время находится тот отдел педагогики, который говорит о воспитании. Я, конечно, не претендую на звание «монополиста в толковании основ марксистской педагогики» и вообще весьма скромно оцениваю свои силы как теоретика, но мне удалось в своем жизни испытать очень тяжелый и длительный педагогический искус, и, вполне естественно, я хочу, чтобы мой опыт не пропал бесследно и чтобы его выводы сделались общественным достоянием.

Я уверен, что не имею права молчать и скрывать свои мысли только потому, что они могут вызывать раздражение у кого-либо. Тем не менее, до сих пор я ограничивался случайными высказываниями главным образом во время встреч с читателями, от которых я не имел права отказываться.

Убежден я в следующем: если даже некоторые мои положения ошибочны, а это, разумеется, возможно, все же они могут принести пользу в порядке постановки новых вопросов и в порядке общего возбуждения педагогической мысли. А многие положения окажутся и вовсе не ошибочными, а очень полезными: я сам не могу быть своим собственным судьей.

Я предлагаю следующее: не согласитесь ли Вы представить мне страницы вашей газеты для цикла статей (подвалов) по вопросам школьного воспитания.

Темы этих статей следующие:

Воспитательные задачи школы.

Воспитательный и образовательный процессы.

Политическое воспитание.

Организация школьного коллектива.

Организация педагогического коллектива.

Педагогическое мастерство или педагогический талант.

Дисциплина и дисциплинирование.

Стиль советской школы.

Школьное самоуправление.

Меры воздействия.

Школа и семья.

Совместное воспитание.

Трудовой принцип.

Успеваемость.

Выбор профессии.

Клубная работа.

Физкультура в школе и летний отдых.

Я уверен, что мои положения в этих статьях в подавляющем большинстве не встретят возражений со стороны редакции, но уверен также и в том, что предварительная критика со стороны редакции будет полезна и для меня и для дела.

Как часто можно будет давать эти статьи, зависит всецело от Вас, я могу давать их не чаще, как один раз в шестидневку.

Прошу Вас не отказать в ответе по адресу: Москва, 17, Лаврушинский пер., 17/19, кв. 14, А.С. Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., сост.: А.А. Фролов по всем томам, Л.Ю. Гордин и М.Д. Виноградова по отдельным томам. – М., 1983-1986; т. 4, с. 267 – 268.

Без даты. Ориентировочно: вскоре после 2 декабря 1938 г. Сопроводительное письмо к «Ответу товарищу А. Бойму». При жизни А.С. Макаренко не публиковалось.

Его предложение о публикации в «Комсомольской правде» серии его статей не было принято. Исследователям неизвестно об ответе редакции. В архиве редакции газеты, возможно, он может быть обнаружен.

Материал примечателен как систематизация педагогических взглядов А.С. Макаренко применительно к существующей практике советской «школы учебы» и как попытка «постановки новых вопросов» и «общего возбуждения педагогической мысли».

На первый план выдвинуты: педагогическая целесообразность («воспитательные задачи школы»); различение воспитания и обучения («образования») при первенстве воспитания; социально-гуманитарная направленность воспитания («политическое воспитание»); общий школьный коллектив и коллектив педагогов; «педагогическое мастерство», самоуправление.

Не забыто: «трудовой принцип». «Успеваемость» - в конце. И не «спорт» в школе, а физическая культура, физическое воспитание. Нет темы «Классный руководитель».

Для сравнения см.: «Некоторые соображения о школе и наших детях» (Часть 4 данного издания) и «Проблемы воспитания в советской школе» и «Воспитание характера в школе» - в части 7 данного издания.

Ответ товарищу А. Бойму.

Очень возможно, что мои высказывания в статье «Стиль детской литературы» в журнале «Детская литература» № 17[1] могут и должны вызывать возражения. Это совершенно естественно, если вспомнить, что у нас чрезвычайно мало работ по теории детской литературы и даже ее специфика как следует нигде не разработана.

В своей статье я опирался исключительно на свой учительский опыт, на педагогические мои представления о том, как дети читают книги и что они от детской книги требуют. Чрезвычайно интересны и требуют внимания те обстоятельства, которые сопровождают переход читателя от детской литературы к литературе общей. Нигде не исследовано, как совершается этот переход, что дети принимают, чего не принимают, что читают с увлечением, что с трудом, что их особенно увлекает, что вызывает особенную скуку.

Вообще в этой области очень много всяких вопросов, которые, вероятно, просто невозможно разрешить, если отказаться от наблюдения за детским чтением, от регистрации массовых явлений в этой области.

Весь смысл выступления т. А. Бойма в том и заключается, что в своей статье «Откровения А. Макаренко» в номере «Комсомольской правды» от 2 декабря он не хочет признавать никаких вопросов, никакой проблемности в области детской литературы. По совести говоря, из его статьи можно сделать только одно заключение: никакой детской литературы просто не нужно, тем более не нужно никаких статей, посвященных вопросам стиля детской литературы. Т. А. Бойм склонен ограничиться в этом деле довольно коротким и с внешней стороны убедительным лозунгом: литература должна быть высокохудожественной! Но такой лозунг, в справедливости которого, разумеется, нельзя сомневаться, приложим ко всякой литературе, но и со-

вершенно не определяет, чем же все-таки отличается стиль детской литературы от литературы общей и должно ли иметь место такое различие.

Допустим, в своей статье я высказал несколько спорные положения. Почему бы т. А. Бойму не возразить мне с той серьезностью, которая вполне уместна в такой важной теме? Почему т. А. Бойм, прежде всего, заподозрил наличие у меня столь же добрых намерений, какие есть у него? Вместо всяких возражений т А. Бойм зажимает мне уста довольно неприветливым кляпом; «Детская литература должна быть высокохудожественной... и прекратите разговоры!»

Правильно ли это? Достаточно ли одного лозунга о высокой художественности, совершенно, впрочем, справедливого и делающего честь добрым намерениям и эстетической выдержанности т. А. Бойма? Совершенно очевидно, что одного такого лозунга недостаточно и что разработка вопросов теории детской литературы должна иметь место на страницах нашей печати. Протест т, А. Бойма против самих попыток такой разработки имеет вид довольно странный и... несовременный. При этом протест не сопровождается никакой аргументацией – нельзя же считать аргументом указание на то, что дети читают «Ромео и Джульетту», Тургенева, Чехова и Л. Толстого. Совершенно верно, в известном возрасте дети начинают читать этих авторов и вообще переходят к общей литературе. Что же отсюда следует? Следует только то, что дети становятся более взрослыми, но вовсе не следует, что «Ромео и Джульетта», или «Дворянское гнездо», или «Скучная история» относятся к детской литературе. Вопрос об особенностях этой литературы все же остается вопросом, и я думаю, что позволительно людям иногда по этому вопросу высказываться.

Стоя все на той же высокохудожественной позиции, тов. А. Бойм обвиняет меня в том, что я призываю: «нельзя ли попроще». Поскольку в таком призыве нет еще ничего предосудительного, т. А. Бойм делает нарочно страшное лицо и усиливает обвинение фразеологически: «призывы к упрощенчеству и к обеднению детской литературы». Это уже звучит, это низвергает меня, так сказать, в пучину преступления, а т. А. Бойма характеризует, напротив, с лучшей стороны, как защитника высокохудожественной детской литературы.

Позволю себе высказать предположение, что эти ужасы несколько излишни. Дети вырастут и начнут читать Тургенева и Чехова. Некоторые сделают это раньше, некоторые позже, и все же детская литература остается детской литературой. Чтение двенадцатилетнего мальчика или тринадцатилетней девочки должно все же чем-то отличаться от чтения взрослого. Высокая художественность детской книги должна быть высокой, но выражаться она должна в своеобразных формах, особенных, свойственных именно детской книге. Старшие дети могут увлекаться пейзажем Тургенева, но это вовсе не значит, что специфические детские писатели должны повторять «пейзажные» приемы Тургенева. Почему нельзя допустить, что в пейзаже детской книги должны быть свои методические особенности, нисколько, однако, не уменьшающие художественной высоты изображения. Лично я, например, считаю художественное выполнение детской книги настолько трудным и требующим такой высокой писательской квалификации, что сам не решаюсь написать книгу для детей[2].

То же самое можно сказать и о других приемах, которых я касался в своей статье. Я указал на желательность более быстрого становления образа. Т. А. Бойм вместо того, чтобы обсудить мое предложение, просто поднял крик... караул!

Вопросы стиля детской книги заслуживают серьезного и спокойного внимания, и нельзя от них отделываться простым и довольно оскорбительным окриком. Нельзя встречать авторов, высказывающихся по этим вопросам, обидно намекающими ужимками, подобными тем, которые позволил себе т. А. Бойм по поводу моего утверждения, что детям можно предлагать любые темы, даже темы о «половой любви». Т. А. Бойм заливается краской и стыдливо отворачивается: «Ромео и Джульетту» читать можно, а половая любовь... какой пассаж! Неужели т. А. Бойму до сих пор неизвестно, что «Ромео и Джульетта» рассказывает именно о половой любви, что

этим двум героям платоническая любовь отнюдь не импонирует. Ведь я не призывал разрабатывать тему о половом сожитии, а именно о любви. Если в детской книге говорится, что герои любили друг друга и сочетались законным браком, то здесь тоже идет речь о половой любви, и вовсе не нужно представлять это дело так, чтобы дети ни о чем не догадались.

Безусловно, в своей чопорности т. А. Бойм перегнул палку, а это доказывает, что он тоже может ошибаться. А мои ошибки, пока еще не доказанные, а только возможные, т. А. Бойм встретил совершенно необъяснимой и высокомерной враждебностью. Он расправляется со мной при помощи убийственно остроумных словечек: «законотворчество», «глубокомысленный», «поучает».

Наконец, т. А. Бойм без всякой уже связи с вопросом о детской литературе утверждает, что я «возомнил себя монополистом в толковании основ марксистской педагогики». Откуда он знает, чем я себя возомнил? И почему «монополистом»? Каким образом я могу помешать т. А. Бойму или кому угодно другому выступать с изложением их педагогических взглядов? Ведь я не руковожу никаким педагогическим журналом, не работаю ни в каком научном учреждении, не имею ни одного труда с претензией на курс или на учебник.

Тон т. А. Бойма невольно заставляет меня думать, что в своей статье т. А. Бойм не столько заинтересовался вопросами детской литературы, сколько хотел надо мной учинить ничем не мотивированную расправу.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 198 – 200.

А.С. Макаренко вскрывает применяемую А. Боймом методологию литературной критики, типичное явление: уклонение от новых и принципиально поставленных проблем, игнорирование необходимости в своих заключениях опираться на данные наблюдений, «регистрации» необходимых фактов.

Как и в «казенной» умозрительно-декларативной педагогике, игнорируется доказательная база рассуждений и выводов. Господствует «авторитетность», разного рода «передержки», искажения – и безапелляционное: «прекратите разговоры! По дискутируемой теме: стиль детской литературы – в статье А. Бойма нет ничего вразумительного.

Единство в методологии литературной критики и официально действующей педагогики – это отражение методологии, характерной для того времени в области социально-гуманитарного знания в целом.

[1] См. часть 7 данного издания.

[2] Некоторая попытка такого рода – макаренковские «Флаги на башнях» - см. в части 7 данного издания (повесть первоначально готовилась для Детиздата).

***Дополнение.* 2 декабря А.С. Макаренко приостановил работу над романом «Ньютоновы кольца».**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 31.

Доклад «Основы политического воспитания в советской школе» в Московском педагогическом училище №1

Прежде всего, маленькое замечание. Я очень плохой докладчик и не умею говорить так, как полагается докладчику. У нас будет не доклад, а беседа. Пугает меня также заглавие – «Основы политического воспитания». Заглавие не вполне будет соответствовать моему докладу, потому что основы политического воспитания заключаются в самой политической науке, которую вы хорошо проходите, изучаете в

известной мере марксизм и ленинизм, изучаете другие науки этой области. Вот там и заключаются основы политического воспитания.

Я буду рассказывать только о небольших практических выводах, какие у меня, практического работника, остались после моей педагогической работы.

Второе замечание. Я – ни в коей мере не ученый, тем более не ученый. То, что я говорю, не имеет никакого теоретического значения. Это просто такой же опыт, какой вы будете иметь в своей работе. К сожалению, вы начинаете, а я кончаю, но все-таки я с большой радостью согласился бы быть на вашем месте – начинать педагогическую работу.

Я работал 32 года в педагогической области, из них 16 лет в школе, сначала в начальном училище, высшем и среднем, потом в рабочей и заводской школе. Последние 15 лет я работал с правонарушителями в колониях им. Горького и им. Дзержинского НКВД УССР.

Трудно говорить о политическом воспитании в старой школе. Там был «закон божий», батюшка, который его преподавал. Того, что он делал, никто не знал, не интересовались ни ученики, ни учителя, и этот предмет не отражался на воспитании.

Известно, что из духовных семинарий, где готовились будущие священники, сами дети священников, где все внимание обращалось на то, чтобы воспитать религиозных детей, выходили людьми неверующими. Я видел много попов, но верующего не видел ни одного[1]. Вот вам политическое воспитание в старой школе. Оно было очень напряженное, ему уделяли много времени, но толку было мало.

Из моих учеников без всякой антирелигиозной пропаганды не выходили верующие люди.

В старой школе нет ничего, что можно было бы уподобить нашему политическому воспитанию. Были попытки, осужденные рабочим обществом, воспитать людей, преданных царю и отечеству.

Опыт настоящего политического воспитания мы имеем в советское время, и о нем можно говорить.

У меня опыт исключительный, правонарушительский, и я не вполне уверен, что вы его можете использовать.

У вас будут дети из семьи, к вам они придут в восьмилетнем возрасте. Вы будете вести работу рядом с семьей, а я получал мальчиков и девочек, обычно в возрасте старше тринадцати лет, побывавших на улице, в тюрьме, в суде, часто неграмотных, запущенных, и, конечно, этот контингент, по сравнению с тем, который вы будете иметь, был совершенно иным.

Но все же советское воспитание остается советским, и те основы, какие были у меня, могут и должны быть у вас.

Я хочу сделать еще маленькое замечание. В своей практике я различал и различаю теперь политическое образование и политическое воспитание и думаю, что большую ошибку делают педагоги, которые ставят перед собой только вопрос политического образования. Есть много таких педагогов, комсомольцев, пионервожатых, которые считают, если мальчик или девочка знает политграмоту, если знает историю Октябрьской революции, историю гражданской войны, знает последние победы индустриализации, коллективизации, знает историю последних лет построения социализма, наше могущество военное и промышленное, то эти дети, по их мнению, политически воспитанные.

К сожалению, мне приходилось и в своей и в чужой практике наблюдать, что эти знания сами по себе, не делают еще человека политически воспитанным. И как раз очень часто бывали случаи, двух ходов. Первый – когда мальчик прекрасно знает, что полагается ему знать по школьной программе, читает газеты, может делать доклады и выражаться в своих речах весьма приятно, а по своему поведению, по своему отношению к коллективу, коллективу колонии или коммуны, коллективу всего государства проявляет часто лицо политического врага. Мне приходилось это наблюдать.

Приходилось наблюдать и противоположные случаи, когда юноши или девушки, казалось бы, отстали в деле политического образования, путают даты съездов, не разбираются часто в легких вопросах политической истории, а по своему характеру, по своей душе, по своей личности они явно для меня были «нашими».

Вот такие случаи первого и второго рода мне приходилось наблюдать, и, естественно, я задумался над этим: в чем дело, почему мальчик не только знает все, что ему нужно знать, но и других учит, а по своему характеру и поведению меня не удовлетворяет.

Я помню, как однажды одно событие остановило мое внимание. Событие было пустяковое, может быть, вам не стоит о нем рассказывать, но, чтобы вы поверили, как иногда маленькое событие может много показать, я вам расскажу.

Событие заключалось в том, что у нас, в коммуне им. Дзержинского, вечером был киносеанс (у нас было свое кино). Сидело коммунаров 500 человек и педагоги. И вот на картине трудно было разобрать (картина изображала военное событие), что за войска приближаются с горизонта, и тут все в зале начали спорить. Спорили не так – белые или красные, а спорили – белые или наши. И вот эта терминология «наши», а не красные для меня много показала. Когда люди в горячем споре, где они не выбирают слов, не беспокоятся о точности выражения, а говорят, как душа подсказывает, когда говорят «наши», значит, действительно видна родственная связь с людьми, которые приближаются с горизонта, и людьми, которые сидят в зале.

С этого случая я поставил целью – проводить такое политическое воспитание, чтобы в душе моего воспитанника, в его личности и разуме это слово «наши» возникало без борьбы, без напряжения, без дипломатии, без хитрости, чтобы оно шло от самой души. И воспитать такую способность человека быть преданным нашему обществу, нашей революционной истории, нашему делу – я поставил себе целью.

Сегодня я буду говорить только о политическом воспитании, считая, что вопрос политического образования остается вопросом первейшей важности, считая, что без политического образования не может быть политического воспитания, но думаю, что этот вопрос для вас более или менее известен, поскольку он в вашем училище разбирается детально, а я в своей часовой беседе буду говорить о том, что я называю политическим воспитанием, отдельно взятым.

Я буду говорить об очень узкой области, которую скорее можно назвать воспитанием политического характера человека, имеющего политическую ценность. В особенности в моей практике меня этот вопрос занимал больше, чем занимает педагогов нормальной школы. В школу приходят дети получать образование. Ко мне приходили дети, которые настолько были уже испорчены, что не могли жить в нормальном обществе, и передо мной ставился вопрос о таком воспитании, чтобы они могли жить в нормальном человеческом обществе. Для меня это был главнейший вопрос. Человека, моего воспитанника, у которого я не мог преодолеть характер, у которого политически характер не был воспитан, – я не имел права выпустить из колонии. Я мог выпустить [только] такого, который явно для моей честности и ответственности был советским гражданином.

Я поставил себе целью выпускать комсомольцев, и в последние семь лет выпускал комсомольцев. Но этого было для меня мало. Я должен был выпускать таких людей, чтобы их характер был политически воспитан.

Что такое политически воспитать характер? Как раз этот вопрос в нашей теперешней школе [находится] в загоне. Вопросу воспитания характера не уделяется внимания ни Наркомпросом, ни педагогической литературой. Я считаю, что это самый важный вопрос.

Воспитать настоящий большевистский характер – значит воспитать человеческое чувство[2]. Я уверен, что если мы не воспитаем человеческого чувства как нужно, то, значит, мы ничего не воспитаем. А чувство и воспитание чувства лежит в известном вопросе, который можно назвать «личность – коллектив».

Вот этому вопросу – личности и коллективу – тоже почти никакого внимания не уделяет педагогическая литература.

Каждый человек стремится к лучшей жизни. Каждому хочется жить лучше, богаче, красивее и веселее. Совершенно естественное стремление.

Это стремление есть и в нашем советском обществе и в буржуазном обществе. Но как это желание и стремление удовлетворить?

В нашем обществе это стремление удовлетворяется совсем не так, как в буржуазном. Это различие, как удовлетворить стремление к лучшей жизни, должно вызвать и различие в воспитательном процессе.

В буржуазном обществе говорят: «Ты свободен, т.е. ты можешь какими угодно способами бороться, ты можешь сталкивать своих противников, ты можешь добиваться такой силы, чтобы получить способность эксплуатировать других людей и за счет их труда улучшать свою жизнь, ты можешь сваливать в кучу и эксплуатировать десятки и сотни тысяч и наживаться на них, ты не имеешь никаких обязательств перед этими людьми, кроме самого необходимого приличия. Но ты имеешь право бороться не только с эксплуатируемыми, ты имеешь право валить на землю и своих конкурентов, таких же буржуев, как и ты».

Вот закон капиталистического общества. Закон беспощадной борьбы за благополучие со всеми остальными людьми.

Надо сказать, что и в нашей среде, в среде нашего юношества и детства, приходится наблюдать такие инстинкты – силой пробить дорогу себе. Если воспитать такую энергию – это значит воспитать пренебрежение к интересам другого человека, полное презрение к интересам коллектива, это значит воспитать хитрого, сильно вооруженного эгоиста.

Такого эгоиста, который мог бы всех побеждать, мы воспитать не можем. Это не значит, что мы должны воспитать слюнтяев, мягоньких, добреньких ангелочков, которые всем уступают и кланяются. Христианское воспитание тоже не в нашем духе. Мы должны воспитать борцов, а не слюнтяев.

Вот цель воспитания у нас и может быть так сформулирована – воспитать борца-коллективиста[3].

Это слова старые, и в педагогике давно говорились, но как воспитать этого борца, об этом не говорили. И теперь вы можете услышать еще среди некоторых педагогов такие слова, что нужно воспитать советского героя, способного на героизм. Трудно ли это? Привезите им в школу Папанина, Кренкеля[4], устройте беседу, уже вы кое-что сделали. Почитайте о папанинцах, о челюскинцах – тоже воспитали. Прочитали о гражданской войне - тоже пример. Вот на таких примерах советского героизма, говорят, можно воспитать таких борцов. Правда здесь есть, но не вся.

Представьте себе, что в нашем советском обществе, в самой нашей революции, в деятельности Коммунистической партии, в деятельности гениев революции, можно найти блестящие образцы героизма, гениального творчества, больших исторических действий. И поэтому среди нашей молодежи есть порыв к героизму, любовь к героическому поступку. Никто из этих детей никогда не скажет, что им не нравится героический поступок, и каждый мечтает, что он будет героем. Я уверен, что если бы вдруг неожиданно пришлось нашим детям сегодня проявить свою любовь к Советскому Союзу, пожертвовать жизнью, то они пожертвовали бы.

К такому служению нашей Родине наша молодежь всегда готова. Нельзя сказать, что это мы, педагоги, воспитываем. Их воспитывает вся наша история, и, конечно, Папанин и его четверка должны быть признаны самыми выдающимися педагогами Советской страны, настолько они много принесли пользы нашему делу.

Но хуже дело обстоит, когда от человека требуется не героическая вспышка, не героический неожиданный подвиг, а длительная, мучительная нажимная работа, часто даже очень тяжелая, неинтересная, грязная и даже причиняющая неприятные ощущения в организме. Для такой работы наш характер не очень воспитан, а между

тем, [если бы] в тех же Папанине, Кренкеле не только увидели людей, живущих на льдине, а обратили внимание на всю их биографию, то увидели бы, что раньше, чем совершить подвиг, они прошли дополнительный путь неизвестных, терпеливых, молчаливых и, тем не менее, героических усилий. Они не могли бы взойти на высший гребень героизма, если бы вся их биография, весь их труд не были тоже по существу героичными.

Такой героичности, мало заметной, терпеливой, настойчивой, протекающей медленно, незаметно для всех, которая потом увенчается всемирной известностью, в Советском Союзе много, и мы должны воспитывать ее в наших детях.

Это воспитание заключается в правильной организации коллектива, дисциплине, порядке, в организации ежедневного быта и т.д. На эту сторону я обращал главнейшее внимание в своей работе. Вы об этом читали в «Педагогической поэме».

Окончательно мой детский коллектив был организован в коммуне им. Дзержинского, где я работал восемь лет, но эта коммуна не явилась новым учреждением.

Из-за несогласия с украинским Наркомпросом мне пришлось уйти из колонии им. Горького.

Дальнейшие события заключались в том, что когда я перешел в коммуну им. Дзержинского, туда в течение месяца перебежали все воспитанники колонии им. Горького[5].

Делали они это незаметно, приходили утром 10 – 15 человек и даже не говорили, что они перебежали. Вечером, когда все ложились спать, они меня спрашивали: «Можно у вас переночевать?» – «А почему вы не в колонии?» – «Видите ли, мы из колонии ушли совсем». – «Куда же вы ушли?» – «Не знаем. Конечно, если бы вы нас приняли, мы бы остались». После этого я говорю: «Довольно болтать, идите спать». На другой день прибегали опять и т. д. Кончилось тем, что прокурор Харьковского округа привлек меня к ответственности за развал колонии им. Горького. И только письмо А. М. Горького защитило меня от уголовной ответственности. Я, собственно, колонию совсем не развалил, там остались все помещения, комнаты... только перешли живые люди ко мне. Вот эти люди составили коммуну им. Дзержинского.

Первые годы они с трудом называли себя дзержинцами, никак не могли привыкнуть.

Вот этот коллектив в коммуне им. Дзержинского – продолжение коллектива, описанного в «Педагогической поэме», составил основную цель моего организационного внимания

Чтобы не говорить теоретических вещей, я расскажу, как в этом коллективе проводилось воспитание политического большевистского характера.

Желаю вам, когда вы поработаете пять-шесть лет в школе, чтобы вы добились таких успехов и чтобы у вас был такой коллектив. Стоит только захотеть. Хитрости никакой нет, только большая работа, любовь к этому делу принесут успех.

Вы идете в начальную школу, это ваше счастье. Начальная школа тем хороша, что там маленький коллектив, можно всех знать в лицо. Каждый виден не только насквозь, но даже глубже, как говорят коммунары. Легче, чем в большой школе, где не знаешь, где Петя, а где Ваня. Вам можно позавидовать, настолько у вас счастливые условия работы.

Я не буду утомлять разными советами, а расскажу, как был организован коллектив коммуны им. Дзержинского, причем [в этом] чести моей не так много. Большое значение имела комсомольская организация. На третьем году существования коммуны комсомольская организация имела такое значение, что я снял всех воспитателей и оставил только педагогов-учителей, а раньше были воспитатели, которые ничему не учили, а только воспитывали.

Внешний каркас моего коллектива – это дисциплина. Я очень недоволен дисциплиной в школе. Это дисциплина – «не кричи, не кури, не пей водки, не

оскорбляй педагога», вообще «не, не, не». Это мораль, утверждающая, чего не нужно делать. Я называю такую дисциплину дисциплиной воздержания или торможения.

Я считаю, что дисциплина в советском детском коллективе должна иметь один характер – стремление вперед. Это дисциплина победы, дисциплина преодоления. Такой дисциплиной, которая говорит только о том, чего нельзя делать, гордиться нельзя. Гордиться можно такой дисциплиной, которая куда-то ведет, чего-то требует от человека, чего-то большего, чем воздержание. Это цель. Такая дисциплина существует в Коммунистической партии. Коммунист должен добиваться победы, а не только воздержания от чего-то неприятного.

Такая дисциплина должна быть и в школе. Такая дисциплина будет тогда, когда вы перед каждым мальчиком поставите определенные требования, причем вы будете требовать не от вашего лично имени, а от имени всего коллектива, от имени коллектива вашей школы, вашего города, всего советского общества.

Я не знаю, может быть, вы обвините меня в некоторой жестокости по отношению к детям. Я никогда себя в этом не обвинял, но, например, я поднимал своих ребят в 6 часов утра, я не позволял задерживаться в постели ни на одну минуту, я не позволял опаздывать на завтрак, на завод или в школу. Я предъявлял к своим ребятам самые строгие требования. Я мог так делать потому, что эти требования предъявлял весь коллектив, потому, что все дети были убеждены, что так нужно. Этого не могло быть, если бы у детей не было коллектива, если бы они не считали, что интересы коллектива выше их личных интересов или интересы коллектива есть их личные интересы.

Конечно, такой дисциплины, такой преданности нельзя добиться в течение нескольких месяцев. Это нужно делать постепенно, и вы сами не заметите, как будет рождаться успех за успехом.

Я заметил это только тогда, когда общее собрание однажды постановило: «Антон Семенович, вы имеете право наказывать, но мы отрицаем ваше право прощать, потому что вы накажете, а через час прощаете».

Это сказано по-большевистски. И последние пять лет, если мне приходилось наказывать на пять часов ареста[5a], то я только через пять часов мог прощать. Никакая сила не могла уменьшить эти пять часов.

Когда я увидел, что общее собрание потребовало законности, я понял, что комсомольское собрание уважает наказание не меньше, чем удовольствие.

А потом увидел, что каждый новенький, как только он вошел в коллектив, ходит и мечтает, когда его, наконец, так накажут. Он считает, что с этой минуты, как я наказал его в первый раз, он свой: я не смотрю на него, как на чужеродного. Раз я его наказал и он ответил «есть!»[6], то мы с ним друзья на всю жизнь. Я в их глазах был представителем интересов их коллектива - и в этом наказании они видели признание, что коллектив считает его настоящим членом коммуны.

Был у нас один случай. У нас был плохой литейный цех, и заведующий производством не хотел ставить вентиляцию, а в цехе был медный дым. Мой доктор Вершнев прочитал в словаре Брокгауза и Эфрона, что литейный дым очень вреден и может возбудить литейную лихорадку. Он прибежал ко мне с книгой и говорит: «Что это такое! Не позволю отравлять пацанов».

Раз доктор не позволяет, я обратился в совет бригадиров. И совет бригадиров постановил – снять с работы всех шишельников[7]. Прибежал завпроизводством: «Что вы делаете, не будет литья, станут сборочный и никелировочный цехи».

Завпроизводством Соломон Борисович Блюм вечером поймал пацанов и говорит: «Что вы обращаете внимание на приказ, пойдем, сделаем шишки, ведь сейчас нет дыма, никто не узнает, закроем двери и ставни». Они согласились и пошли. Но через полчаса в литейной открылись двери, и мой связист (который все знал и слышал), «лейтенант» 12 лет, сказал: « Заведующий требует вас немедленно». Пришлось пацанам идти под арест. Сняли с них пояса и посадили на диван на общем собрании.

Они очень испугались, потому что не я их арестую, а общее собрание, а оно строже меня. Среди этих пацанов было четыре старых колониста со значками, а один был новенький, Ваня. Когда на общем собрании их вывели на середину, кто-то сказал: «Зачем Ваня стоит, ведь он новенький».

Тогда он возмутился: «Как это я не отвечаю?» Пришел случай наказать, а тут отвод. Он в слезы: «Как вы меня оскорбляете, почему хотите отпустить?» И собрание решило, так как он хлопец хороший и ничем плохим себя не проявил, - прощать нельзя, нужно наказать.

Вот этой логики[8] я тогда не понимал. Когда собрание постановило, прошли у Вани слезы, и он очень виноватым голосом оправдывался, что у него нет никакой литейной лихорадки, что он беспокоился об общих интересах. А против них выступали, что их нужно взгреть, и даже предложили снять звание коммунаров и значки. Ограничились тем, что постановили 1 Мая, когда построятся идти на парад, перед строем, при знамени прочитать им выговор. Для них это было большое преступление – неподчинение приказу, и потом ходили разговоры по колонии, что их слишком строго наказали, но оскорбиться из-за наказания считалось большим позором.

Вот такая ответственность перед коллективом, когда она приобретает такой характер спаянности, что освобождение от ответственности кажется освобождением от коллектива, вот такого рода дисциплина показывает сбитость коллектива.

Конечно, бывали случаи очень жестоких наказаний, которые я никак не мог одобрить, но не отрицаю того, что эта жестокость наполняла коллектив единством, глубокой гордостью, что человек принадлежит коллективу.

Как-то раз у меня случилось большое несчастье. Дежурный бригадир, который вел коммунарский день, которому оказывалось большое доверие, с которым в течение дня нельзя говорить без положения «смирно», заявил, что у мальчика Мизяка[9] пропал радиоприемник, купленный на заработанные им деньги.

Вечером на общем собрании (а общее собрание было [почти] ежедневно) этот самый дежурный бригадир Иванов[11] разбирал это дело. Вора найти не могли. Воровства в коммуне вообще не было. На другой день утром пацаны пришли и сказали мне, что на сцене под суфлерской будкой под полом стоит радиоприемник. Они сказали: «Мы спрячемся за кулисы и посмотрим, кто его возьмет». Они три дня простояли за кулисами не выходя, стояли не дыша и дожидались. Тот, кто украл, тоже был осторожен. Иванов придет, станет на сцене, потом прыгнет вниз, постоит и уйдет. Так продолжалось несколько дней. Фактически никаких доказательств нет. Пацаны больше терпеть не могут. И они решили. Когда вошел Иванов, они все хором сказали: «Ты взял радиоприемник». И тот был пойман.

Его судило общее собрание, и не за то, что он украл и сам разбирал дело, а за то, что он спрятал радиоприемник в самой колонии и мучил бедных пацанов и хотел продать приемник. Собрание постановило – выгнать. Выгнать из коммуны – это значит под открытое небо. Я не утвердил постановление. Они кричали возле моего кабинета целый вечер, что я зажимаю самокритику, что разрушаю коммуну, и по телефону заявили протест в НКВД о моих неправильных действиях. Прибыли из НКВД, уговаривали их: «Что вы делаете, нельзя выгнать».

Они слушают, аплодируют, а голосуют за то, чтобы выгнать. На третий день приехал начальник и пристыдил их. «Не стыдно ли вам, что в коммуне живут изверги?» Все смеются. Тогда этот чекист говорит: «Преклоняюсь перед вашим единством, перед вашей уверенностью в себе. Неправильно мы слюнтяйничали, нельзя прощать таких врагов. Правильно вы поступили».

Его, [Иванова] выгнали, но тут же за воротами его взял милиционер и перевез в другую колонию (конечно, коммунары об этом и не знали и считали, что его выгнали на все четыре стороны). И теперь еще, когда я говорю уже со студентами (бывшими коммунарами), что он пропал, они говорят, что так ему и надо, что таким нечего жить на земном шаре.

Это жестокость, с которой нужно бороться, и я с ней боролся по мере сил, но эта жестокость говорит о том, что здесь есть коллективный интерес, коллективный характер. Ведь эти 500 человек так наладили каждый свой характер, что получился общий характер. Разумеется, есть разница, пока он в коллективе – у него один характер, наедине – у него другой характер, но по мере развития колонии личный характер делается все ближе к общекоммунарскому идеалу. Этот характер проявлялся в некоторых коммунарских законах. Я перечислю некоторые законы.

Никогда коммунары не просят прощения. Пока ты не наказан – ты можешь доказывать, что ты прав, но как только тебя наказали, считается неприличным доказывать, что ты прав.

Считалось, например, что коммунару обязаны верить на слово. Коммунаром назывался каждый воспитанник через 4 месяца после его поступления в коммуну, носящий значок, и у такого коммунара были привилегии, ему обязаны были верить на слово.

Также неприлично было проверять рапорт [командира]. Дело доходило до чертиков в области чистоты. Проверка чистоты происходила каждое утро, и постепенно чистота улучшалась, и наконец, дошло до того, что дежурному члену санитарной комиссии выдавался платок – смотреть, нет ли пыли. Он вытирал портреты, стулья, и если на спинке стула оказывался «волосок», то отмечалось, что в такой-то спальне «грязь». Сказать «не верим» нельзя было, за это полагалось три часа ареста за возражение рапорту, и если бы я не налагал ареста, то мне сказали бы, что я распускаю коммуну. Считалось, что в этот момент человек соврать не может, и пускай десять свидетелей говорят, что дежурный не прав, но раз он сказал во время дежурства, значит, он соврать не мог. Вот эта убежденность, что человек соврать не может, уже называется этикой.

Вообще в коммуне также бывали Хлестаковы, но когда он делает то, что фактически делает не он, а уполномоченный коллектива, - он соврать не может, и это действительно было так.

Вот так надо поднять значение уполномоченных коллектива и у вас. Если вы добьетесь такого положения, что ваш староста или уполномоченный в глазах коллектива не может врать, – значит, вы добились коллективного рефлекса, уважения к своим собственным магистратам. Это возникает после длительного коллективного воспитания – это дружба, и даже не просто дружба, а обычай дружбы.

Считается также неприличным, когда два члена коллектива подерутся в стенах коммуны. В коммуне им. Дзержинского были драчуны, но они должны были выйти за границу коммуны и там подраться, а в коммуне было неприлично и стыдно драться. Потом случалось, что приводят коммунаров в синяках, измазанных, грязных. Я спрашиваю: «Вы дрались?» - «Нет». – «Вдвоем дрались?» – «Нет». – «Вы были в ссоре?» – «Нет». – «Ведь все же знают». – «Вам об этом никто не может сказать; за то, что делается за границей коммуны, мы не отвечаем». Этот закон не был нигде написан, но он строго исполнялся.

Для того чтобы это было, необходимо воспитать особое чувство, без которого не может жить настоящий большевик, и это чувство называется ориентировкой. В нашей теоретической педагогике не пояснено, что такое способность ориентировки. Вы должны чувствовать, кто стоит позади вас, – друг или враг. У нас это в школе не воспитывается, и учащиеся не чувствуют того, что их окружает. Нет умения знать, где ты находишься, как нужно вести себя в данный момент. Я придавал этому огромное значение и потом об этом не жалел.

Мы совершили восемь [летних] походов по Кавказу, Волге, Крыму и т. д., и там эта способность ориентировки очень пригодилась. Умение ориентировки – умение найтись и знать, что делать в любой обстановке.

К нам приехала немецкая делегация. Мне позвонили по телефону, чтобы я был осторожен, т.к. эта делегация была явно фашистская. Я собрал бригадиров и ска-

зал им, что делегация подозрительная. На другой день подъехала машина, в ней было чел. 20. Дежурный бригадир встретил и пригласил гостей и тут же шепнул мне: «Задержите их в цехах минут на сорок, потом объясню». И все показал, кроме секретных цехов[11], и вообще был осторожен. Через сорок минут вывел их на улицу к машине, при мне подходит коммунар и говорит немцам: «Возьмите вашу «Лейку»[12], спасибо». Оказывается, они приехали что-нибудь у нас узнать, но когда они вышли из машины, коммунары увидели «Лейку» последнего выпуска с какими-то приспособлениями, какие у нас не делали. За 40 минут они разобрали «Лейку», сняли с нее чертежи, зафотографировали и собрали ее – это способность ориентировки.

Ведь это было очень трудно сделать. Надо было увидеть «Лейку» [и] не только ее взять, надо было собрать специалистов сборщиков и ничего не испортить – это нужно было [сделать] так, чтобы ничего не было заметно, потому что это дипломатическое дело. И это была не боязнь, а представление о чести своего коллектива.

Вот так же они принимали Эррио[13]. Они были недовольны разучить «Марсельезу» - ведь это же буржуазный гимн – и вышел маленький скандал. Эррио зашел в зал, оркестр заиграл «Марсельезу». Пацаны мои молчат – чувствую, что они делают это нарочно. Как только заиграли «Интернационал»[13], они сразу запели. Эррио был страшно обижен, насилу мы его уговорили, что ребята не знали, что это играли, и потом, когда Эррио им понравился (он плакал, когда они играли Бетховена), они его пожалели и сказали, что подарят ему сверлилку. Я говорю: «Зачем ему сверлилка?» – «Нет, мы ему подарим». Подарили ему, положили в машину, а с другой стороны в это время вытащили ее обратно. Они сумели коробку с украинской рубашкой, которую мы не делали, поднести Эррио и сказать, что это их собственная работа, тут же у меня на глазах - ведь это открытое очковтирательство.

В этом выражается ориентировка - принять постороннего человека. Это важно воспитать в наших юношах. Эта ориентировка может быть воспитана только тогда, когда человек знает, что он член коллектива, что каждое движение в коллективе для него дорого, дороже своего личного интереса. Вот это я называю настоящим большевистским воспитанием характера.

Чрезвычайно важный вопрос – это уметь приказать товарищу и уметь товарищу подчиниться. Это та трудность, которую меньше всего умеют воспитывать и никогда нельзя было бы воспитать, если бы не создали коммунистического коллектива, а в коммунистической этике на этом все построено.

У нас полное равенство, и поэтому у нас начальство – товарищ и подчиненный – товарищ. Воспитать умение приказать и подчиниться товарищу – большое достижение в области политического воспитания.

Я для этого дела не жалел никаких трудов и опытов, и помогали мне в этом комсомольцы и старшие коммунары. Мы иногда выбирали командиром двенадцатилетнего мальчишку. Мы понимали, что он командир слабый, но он из всех сил старался быть командиром хорошим. Дежурный по коммуне имел большую власть. Утром он обходил все спальни, и когда подавалась команда отряду «Смирно!» – он говорил: «Здравствуйте, товарищи!» Он являлся начальником на сегодняшний день. Представьте себе, что этот пацан имел право встретить члена бюро комсомольской ячейки и сказать: «Видишь, тряпка лежит, надо ее убрать», и ему отвечали: «Есть, товарищ командир!» И если ему не отвечали как следует, он писал рапорт. Конечно, этот командир принимал все это всерьез.

И в дальнейшем мы этому придавали огромное значение – уметь подчиниться товарищу не потому, что он сильнее физически, не потому, что он умнее, а потому, что его уполномочил коллектив, и потому, что он за коллектив отвечает. Это явление марксистско–ленинского порядка.

Точно так же очень многое можно воспитать в характере по отношению к труду. У очень многих среди молодежи есть такое представление: это труд плохой, это чистый труд, это грязный труд.

Последние годы в коммуне было правило (уборщиц там не было): убирали коммуну авральной работой. Кто натирал паркет, кто мыл стекла, кто мыл пол, убирал уборную и т. д. На всю уборку выкраивалось 15 минут. Сначала за месяц спорили, кому какая уборка: кто будет убирать театр, кто клуб, кто мой кабинет, а кто будет уборную мыть. Конечно, самой противной уборкой была уборная, и давалась эта уборка самому худшему отряду. Потом решили, что это большая морока, каждый раз вытягивать номерки, и решили тянуть жребий, потом тянули жребий на полгода.

Потом как-то случилось так, что такой-то отряд выделился в июне. Говорят: «Это героический отряд, давайте им дадим мыть уборную». – «А что же вы думаете, не возьмем?» И стал, как правило, лучший отряд мыть уборную, и это считалось его привилегией, и он этим гордился: «Вы что, пол натираете, а вот попробуйте заработать уборную убирать».

Вот такое отношение к труду должно быть воспитано не только по отношению к коллективу, но и по отношению ко всему Советскому Союзу.

Это очень легко распространяется.

Такой человек, который живет интересами коллектива, – если он еще политически образован, подкован марксистско-ленински, то это есть настоящий большевистский характер. Без такой закалки, без воспитания чувства преданности коллективу и простого, ясного понимания внутриколлективных отношений политическое воспитание невозможно.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 268 – 277. Точная дата не установлена. Н.А. Морозова: декабрь 1938 г. (А.С. Макаренко. Семинарий. – М., 1961 г., с. 121). В 8-томика дано по 7-томнику: кон. 1938 г. – нач. 1939 г. Г. Хиллиг: лето 1938 г., что маловероятно, т.к. это время каникул учащихся (в докладе есть обращение к учащимся).

По содержанию доклада видно, что он сделан во время интенсивной работы А.С. Макаренко над «Флагами на башнях» или вскоре после ее окончания. На это указывает: отряды называются бригадами; С.Б. Коган называется Соломон Борисович Блюм (как во «Флагах на башнях»). Это период: апрель 1938 г. – середина июня 1938 г. (с исключением пребывания А.С. Макаренко в Ялте: с сер. мая до 11 июня).

Следовательно, вероятная дата: апрель – первая половина мая 1938 г. Но есть основания доверять Н.А.Морозовой: декабрь 1938 г. См.: с кон. августа до конца сентября А.С. Макаренко в Переделкино и в ноябре в Кисловодске. Значит, возможно еще - октябрь.

Печатается с включением некоторых пропущенных в т. 4 мест, по изданию: А.С. Макаренко. Публичные выступления... / Сост. Г. Хиллиг, Елец, 2012, с. 280 – 291.

А.С. Макаренко отнесся к теме политического воспитания с осторожностью: сослался на то, что «основы» политического воспитания слушателям известны по курсу «марксизма-ленинизма и других наук этой области», имея в виду знание этого как результат обучения. Доклад он посвятил «отдельно взятому политическому воспитанию», в отличии от «политического образования», идущего в ходе обучения.

Таким образом заостряется макаренковская общепедагогическая идея принципиального различения воспитания и обучения, утверждается мысль о приоритете воспитания в целостном педагогическом процессе. Для политического воспитания (как и

вообще в воспитании) необходимы знания, в данном случае нужно, чтобы молодой человек был «политически образован, подкован марксистско-ленински».

Собственно воспитание заключается в становлении характера, т.е. таких черт личности, которые устойчиво проявляются в ее поведении, волевых действиях и чувствах, жизненных переживаниях. В данном случае необходимо «политическое воспитание характера». Без этого, при одном знании, «политическое воспитание невозможно», его просто нет (есть его видимость).

Понимая, что политика – это действия в сфере власти, государственного и общественного управления, А.С. Макаренко обращается к проблеме коллектива, прежде всего в аспекте управления им, органической связи административного управления и самоуправления.

Новый характер власти проявляется в изменении ее организации, функций и полномочий. В макаренковской системе принятия решений и их исполнения, в дисциплине и ответственности преобладающей становится духовно-нравственная мотивация.

Высокий уровень определения политической направленности воспитания А.С. Макаренко, видимо, пытается замаскировать словами об отсутствии «теоретического значения» его доклада. Он говорит якобы лишь о «небольших практических выводах» из своего опыта. Тема труда и власти «трудящихся» не развивается.

[1] По свидетельству В.С. Макаренко, младшего брата А.С. Макаренко, Антон в Кременчуге был близко знаком со священниками, вступал с ними в богословские дискуссии, побеждал их своей эрудицией.

[2] Чувства как важнейшая сфера воспитания и яркий показатель характера – это весьма существенно в педагогике А.С. Макаренко.

[3] А.С. Макаренко практически цитирует Н.К. Крупскую, по ее докладу на I Всероссийском съезде по всеобучу (22 февраля 1931 г.).

[4] Говорится о советской дрейфующей полярной станции «Северный полюс – 1», ее начальник *Папанин И.Д.*, **радист** *Кренкель Э.Т.*

[5] «Перебежала» наиболее активная группа колонистов – горьковцев.

5а «Арест» - привилегированная форма наказания в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, применялась только в отношении полноправных членов коллектива. Наказание отбывалось в кабинете А.С. Макаренко и совета командиров, с правом читать, но без возможности говорить с другими. Время отбывания наказания определял сам наказанный. По аналогии: «домашний арест» - единственная форма административного наказания офицерского состава в Армии.

[6] Салют рукой и «есть» означали согласие с наказанием (или распоряжением). Несогласие становилось предметом обсуждения на общем собрании коммуны (колонии).

[7] Говорится о «малышах» 12 – 13 лет, изготовляющих «шишки» для литейного участка.

[8] Говорится о новой этико-педагогической логике, о методологии педагогической целесообразности.

[9] Братья *С.М. и Н.М. Мизяки* **в коммуне дзержинцев с осени 1928 г., затем выпускники бронетанкового училища. Сергей участвовал в боях на Халхин-Голе, награжден орденом Красного Знамени. Николай – участник боев на Дальнем востоке осенью 1945 г., награжден двумя орденами Красной Звезды.**

[10] В коммуне дзержинцев было несколько Ивановых. Возможно, речь идет о *В.В. Иванове*.

[11] Производственные предприятия коммуны имели оборонное значение.

[12] Портативный пленочный фотоаппарат немецкого производства. Уточнение деталей этого эпизода – в других высказываниях А.С. Макаренко.

[13] *Эррио Э.,* **тогда экс-премьер-министр Франции, предс. Комиссии по иностранным делам Палаты депутатов Франции. Посетил коммуну им. Ф.Э. Дзержинского 28 авг. 1933г.**

[14] «Интернационал» был тогда государственным гимном СССР.

Письмо Л.В. Конисевичу, 7 декабря 1938 г.

7 декабря 1938, Москва

Дорогой Леонид, здравствуй!

Приехал из Кисловодска и получил твое письмо. Теперь оно написано на хорошей бумаге и чернилами, и его просто приятно взять в руки.

Но мысли твои мне не нравятся. Напрасно ты воображаешь, что знания даются только в университете... Главное в жизни не самое знание, а та гармония, которая получается, когда знания хорошо уложены в душе, та философия, которая определяет человеку, его мировоззрение. А ты всегда был комсомольцем в мыслях и делах[1].

Поэтому особенно жаль, что ты ничего не написал, а ездил ведь немало. Даже удивительно, до чего плохо получается: сколько вашего брата шныряет по свету, моряков, а ни один не написал ничего хорошего о своих путешествиях. Ведь у вас ни одной большевистской книги о Западной Европе, ни одной строчки.

И нужно писать просто: как люди живут, какие у них дома, какие у них лица, костюмы, дороги, улицы, фонари, вещи. Не нужно никаких специальных поучений. Нужно только все видеть нашими советскими глазами, и тогда поучения каждый читатель сам найдет, если хорошо будет описано. Как можно больше подробностей, как можно больше красок и звуков, вот и все, что нужно. А если ты начнешь так описывать, то научишься и все видеть, что нужно, тогда ты найдешь неожиданно даже для себя и разные скрытые штуки: человеческие мысли, желания, удовлетворенность, неудовлетворенность и т. д.

Конечно, я учитываю еще одно обстоятельство: прежде всего нужно расправиться с ленью. Даже у самого трудолюбивого человека творчество, работа мысли, работа синтетических и аналитических приборов вызывает наибольшее сопротивление. Нужно заставить себя мыслить, видеть, смотреть, находить, размышлять.

Для этого, прежде всякого другого действия, нужно победить в себе лень. Я это хорошо по себе знаю: когда приступаешь к новой вещи, прямо изнываешь от желания делать что-нибудь известное, что-нибудь повторять, говорить о том, что полегче.

Очень было бы хорошо нам повидаться. В следующем письме ты обязательно мне напиши, какие твои планы в ближайшее время. И вообще пиши, как ты дома живешь, что у тебя за квартира, как вы проводите время. Может быть, мне придется скоро быть в Одессе.

Передай горячий привет Нине. Кланяются тебе Галина Стахиевна, Лева и Виктор Богданович[2], который сейчас у нас гостит. Он настоящий бомбардировщик.

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 107 – 107. Адресовано Л.В. Конисевича; выпущен из коммуны им Ф.Э. Дзержинского летом 1932г. (см. его характеристику в части 3 данного издания, с.144). Его книге о коммуне дзержинцев: Большая семья (М., 1980), Нас воспитал А.С. Макаренко (Челябинск, 1993). См также его воспоминания, относящиеся к 1940-м гг.: По страницам лет (РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.477, автограф, 126лл. и машинопись, 148лл.).

Награжден орденом «Знак почета», в составе экипажа теплохода «Курск», участвующего в эвакуации в СССР испанских детей (во время гражданской войны в Испании, 1936 г.).

[1] Высказано положение, фундаментальное в макаренковской педагогике: о соотношении знания, души и дела, реального поведения – в их гармонии. Это жизненно-ориентированная педагогика, где утверждается: знание – для жизни, знание – из самой жизни. Знание ради знания – абсурд. «Книжное» и «готовое» знание бессильно и может быть даже очень вредно.

[2] *Богданович В.С.* **в колонии им. М. Горького с 1925 г., затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Макаренковскую характеристику при его выпуске в 1933 г. см.: Часть 3 данного издания, с. 115.Служил на Черноморском флоте, окончил военно-морское училище. В начале Великой Отечественной войны на Балтийском флоте, зам. командира роты связи, затем начальник связи авиаполка. В конце войны на Тихоокеанском флоте. 12 лет – командир авиаполка. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Японией».**

Макаренко Г.С. **(Салько) – жена А.С. Макаренко.** *Л.М. Салько* **– сын Г.С. Макаренко от первого брака.**

Письмо Т.В. Турчаниновой, 7 декабря 1938 г.

Москва, 7 декабря 38

Татьяна Васильевна!

Я не дуюсь, а все запутали две особы - из прекрасного отдела жизни: - Вы и почта.

6– го октября я послал Вам длиннющее письмо – но благодаря чрезвычайно неясному Вашему поведению, я принужден был на конверте написать два адреса – харьковский и сталинский. В итоге получилась какая-то каша, и Вы письмо не получили.

В том письме я ответил на все жизненные вопросы. Там и [моя] наружность, и внутреннее богатство. С тех пор много воды утекло. Целый месяц я прожил в Кисловодске. Отдыхал, грустил, старел душой, мыслил, – все это довольно скучно. Вспоминал Вас, тоже с грустью, – одним словом сплошная лирика.

Какие еще у Вас вопросы?

Если Вам говорили, что я «до некоторой степени» за физические методы – то плюньте им в глаза и в порядке исключения набейте кому-нибудь морду.

Я не смотрю на педагогику как на искусство.

Не смотрю! Я на нее смотрю как на педагогику, хай она сказиться, но пускай она перестанет быть такой скучной. Сейчас – лучшее средство против мух, – это педагог, измельченный в порошок, – это такая могучая скука, что скоро из педагогов будут делать какой-нибудь скукоточивый газ. Вы представьте себе величественную картину: неприятельские армии погибают от скуки. Неприятельских, конечно, не жалко... но дети! Ах, бедные, бедные дети!

И никакой я не художник. Я просто занятый, – нескучный человек – это самое большее. А кроме того еще одно качество - я не педагог и потому могу вместе с Пушкиным восклицать: «То ли дело рюмка рома».

Недавно я в порядке хулиганства доложил в одном педагогическом собрании, как учил своих воспитанников пить водку[1]. Они, разумеется, сомлели, но я потом утешил их: сказал, что среди педагогов почти нет алиментщиков. Они аплодировали. Они даже возгордились!

За чувство дружбы низко кланяюсь, но всетаки нужно встретиться, пить водку, разговаривать, смеяться, злиться, спорить, увлекаться или терпеть. Я очень хочу на Вас посмотреть. Как это устроить? Есть же у Вас там читатели, педагоги, святые люди – культработники.

Почему они не могут пригласить меня на какой-нибудь праздник или диспут? Не ехать же мне специально на Вас посмотреть. Вы меня еще нахалом назовете.

Все это шутки..., а если серьезно: напишите Ваши планы на январь... февраль и т.д. Где Вы будете?

Почему меня недооценивают? Очень просто: потому что никому из этих оценщиков нет никакого дела до воспитания[2]. А еще потому, что чувствуют мой свирепый характер. Кому такой характер нужен? Скажите, пожалуйста. Ведь, если дать мне волю, я всех наизнанку выверну – кому это интересно.

И вообще, не будьте ребенком.

Теорию я так высоко ценю, что даже самому страшно становится. Только то, что у них есть – это не теория, а болтовня[3]. Вот, если бы кто-нибудь написал книгу в 300 страниц под заглавием «Технология чистого и практического чувства» или «Педагогические повороты глаз и бровей» - это была бы теория.

Когда же я Вас, все-таки, увижу?

Крепко жму руку.

А.М.

Опускула макаренкиана, № 15/сост. Г. Хиллиг, С. Невская. - Марбург, ФРГ, 1995. с. 56 – 58. Ее письма к А.С. Макаренко 24 октября (из Харькова) и 29, 30 ноября (из Сталино) см. там же, с. 50 – 56. Переписка с учительницей, читателем его произведений. Начало переписки – в т.7 данного издания.

[1] А.С. Макаренко учил культуре употребления спиртных напитков. Учил тех, кто уже приобщился к спиртному. Более подробно см.: «О коммунистическом поведении и воспитании» - в конце данной книги.

[2] Действительно, против А.С. Макаренко выступили (и выступают) те, для кого достаточно образования – обучения, развития и саморазвития личности, а воспитание – это «насилие». В полном и незамаскированном виде это проявилось у нас в последние десятилетия: воспитание «отменили», педагогика утратила статус науки. Фактически же это скрытая замена одного типа воспитания другим (без воспитания общество существовать не может).

[3] Педагогическая теория в понимании А.С. Макаренко – это практико-ориентированная теория, т.к. педагогика в его трактовке – «наука практически целесообразная». Ее специфический предмет – закономерности взаимодействия воспитательно-образовательных целей, средств и результатов.

Письмо Т.П. Чапской, 7 декабря 1938 г.

7 декабря 1938, Москва

Уважаемая Таисия Павловна!

Возвратившись из Кисловодска, нашел у себя Ваше письмо.

К сожалению, не могу ничем Вам помочь. Какие бы советы я Вам ни дал, все равно Вы не справитесь сейчас с Вашим сыном, ему мог бы помочь только хороший человеческий коллектив. Вы совершенно правы, самое лучшее было бы поместить его в военную школу, а если этого нельзя сделать, на хороший завод. С такими характерами бороться в одиночку очень трудно.

Во всяком случае, духом не падайте, рано или поздно ему придется быть в Красной Армии, там дисциплина и обстановка, а самое главное, военная работа быстро приведут его в чувство.

Кроме того, думаю, что Вы после всех описанных Вами случаев не должны больше ничем жертвовать. Подумайте и о своей жизни, она тоже чего-нибудь стоит. А для него было бы положительно полезным, если бы он стал жить независимо от Вас, от Вашего труда и Вашего заработка.

Для того чтобы так круто повернуть, с Вашей стороны нужно большое волевое напряжение. Мне кажется, Вы найдете у себя силы, если будете уверены, что это полезно и для сына.

Не зная Вашего сына и подробностей Вашей с ним борьбы, затрудняюсь вообще что-нибудь советовать, но уверен, что сыну Вашему нужно пережить кое-какие неприятности, это всегда бывает полезно[1].

Если будете в Москве, заходите поговорить.

Привет.

Лаврушинский, 19, кв. 14.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 108 – 109.

[1] Педагогика А.С. Макаренко отрицает «беззаботное» и «безоблачное» детство как идеал. Полноценное воспитание и развитие личности достигаются в полноценной жизненной среде, развивающейся и противоречивой. Противоположность этого: создание «тепличной» педагогической среды, где дети «готовятся к жизни» в отрыве от ее сложностей. Макаренковский коллектив педагогического учреждения оберегает детство от превратностей жизни, преходящих зол и бедствий.

Письмо Розиной, 7 декабря 1938 г.

7 декабря 1938, Москва

Уважаемая тов. Розина!

Возвратился из Кисловодска и получил Ваше письмо. Представьте себе, Вы оказались настоящим оракулом: новый ТЮЗ заключил со мной договор, я обязался написать пьесу – в этом отношении Вы все угадали.

Но не угадали в другом смысле: ни старые, ни новые театры не интересуются моими героями. У них, видите ли, другие планы, и по планам требуется, чтобы была показана наша современная школа. Поэтому все заказывают мне пьесы о школе. Несколько лет я сопротивлялся, а теперь решил попробовать.

Но уже сейчас вижу, что никакой хорошей пьесы о школе написать не могу. В реальной нашей школе нет ничего такого, что могло бы меня увлечь как художника[1], а выдумывать и врать не умею. Так что... не знаю, что вообще выйдет из этого самого договора. Наверное, просто ничего не выйдет.

Ваше письмо обрадовало меня совсем с другой стороны. Смотрите, есть такие хорошие искренние люди, которые умеют взять, сесть и написать письмо о том, что нужно, о том, что «в шкурном отношении простой нуль, но в отношении общественном просится на душу». Это, честное слово, очаровательно. Очень интересно было бы посмотреть, какое у Вас лицо.

Еще раз спасибо.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 109 – 110.

[1] Отсутствие у А.С. Макаренко интереса к современной школе «как художника», несомненно, кровно связано с его отношением к ней как специалиста по воспитанию. Потребность в таком воспитании, к какому он стремился, не воспринималась не только школой, но и практически всем обществом.

Письмо В.С. Барсукову, 7 декабря 1938 г.

7 декабря 1938, Москва

Уважаемый Владимир Сергеевич!

В Ленинграде я буду не раньше начала января, а в общем это зависит не от меня, а от разных лиц и обстоятельств. Буду очень рад встретиться с Вами и познакомиться с Вашим Юрой. Думаю, что это интересный человек, а еще интереснее Ваша настойчивость и твердое решение воспитать его как следует. Ничего другого пока из Вашего письма заключить не могу.

Боюсь только, что Вы слишком надеетесь на физическое воздействие. Я настоящий противник этого метода, хотя сам с него начинал. Очень может быть, что первый Ваш гнев и первая порка и произвели сколько-нибудь полезное впечатление, но в дальнейшем все-таки это опасная штука, опасная потому, что слишком большое место отводится для страха. Очень часто приходилось мне наблюдать, что такой страх действует ненадолго и, когда наступает взрослое состояние, обнаруживаются очень печальные последствия страха.

Во всяком случае, поговорим основательно при встрече. Ведь никаких законов педагогики нельзя установить незыблемо: всегда картина бывает индивидуальная и всегда требуется специальное для данного случая решение[1].

Желаю вам удачи и хорошего терпения.

Привет.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 109. Это, как и другие письма родителям в ответ на их просьбы о педагогической помощи, показательно в смысле ограниченности советов, которые могут быть даны. Педагогика А.С. Макаренко – не педагогика «воспитательных приемов», которые подходят для «отдельных случаев». Она основана на «общей организованности жизни» ребенка. Характер этой «организованности» определяется общей жизненной позицией родителя, педагога.

[1] А.С. Макаренко здесь, несомненно, имеет в виду: педагогика как наука имеет дело с общими законами и их специфическим проявлением в конкретных условиях, как это свойственно любой науке.

Письмо Александровой, 7 декабря 1938 г.

7 декабря 1938, Москва

Уважаемая тов. Александрова!

Очень благодарен Вам за внимание и на добром слове. Это было бы замечательно – поговорить и поделиться впечатлениями о нашей педагогической жизни. Я буду в Ленинграде в начале января, о дне моего приезда будет известно в Учительском клубе на Мойке, да и я постараюсь Вам об этом написать.

А что Вы сейчас делаете? Почему Вы о себе ничего не написали? Получается несправедливо, я разболтался о себе на сотнях страниц[1], а Вы и на одной устроили о себе полное умолчание.

Будьте здоровы и жизнерадостны.

Привет.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 110.

[1] Это макаренковское письмо исследователям неизвестно.

Письмо Л.Н. Разумовой, 7 декабря 1938 г.

7 декабря 1938, Москва

Дорогая Лидия Никитична!

Возвратился из Кисловодска и получил Ваше письмо.

Оно заполнено таким сложным и таким точным анализом, что прямо вконец опровергает Ваши собственные утверждения. Вы пишете, что нужно- де увлекаться и жить сердцем. Но вот у меня осталась к Вам самая нежная и сердечная благодарность, а у Вас остался все-таки бухгалтерский анализ с сальдо не в мою пользу.

Честное слово, Вы ни одного слова правды не написали в Вашем письме. Никакой я не расчетливый и не упорядоченный человек, люблю и беспорядок, и чувство, и грех, только... не люблю глупости.

И нежным и ласковым, особенно е детьми, умею быть и бывал очень часто – Ваши представления очень далеки от истины.

Не смею прилагать к письму такого же анализа Вашего собственного поведения во время наших встреч, но не подлежит сомнению, что Вы были гораздо более трезвы и выдержаны, чем я.

В общем, все прекрасно: мы с Вами хорошо познакомились и выпили за дружбу, разве это так плохо и так черство?

Нет, напишите мне другое письмо, серденько, очень прошу.

А.Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 107. Дополнение сделано по: Опускула макаренкиана, № 15, с. 21 – 22. Переписка с читательницей «Книги для родителей». Начало переписки – в части 7 данного издания.

***Дополнения.* Начало декабря.** *Ал. Флит. Детки в сиропе. (Фрагмент медового романа)* **– в «Литературном современнике», Ленинград, № 12 (в разделе «Литературные пародии», о «Флагах на башнях»). Отв. ред. журнала Г.И. Мирошниченко; члены редколл.: Г.С. Гор, М.М. Зощенко, Р.М. Марвич, А.А. Прокофьев, Ю.Н. Тынянов.**

«Петькины каре-золотистые глазенки смотрели доверчиво, и его розовые ручонки в ослепительно белых манжетах весело тянулись к коллективу». «Обмазанные медом страницы романа».

9 декабря 1938 г. **Из представления зам. наркома внутренних дел СССР** *Филаретова Г.В.* **Председателю СНК СССР** *Молотову В.М. – О ликвидации трудкоммун НКВД:*

«В течение 1937 – 38 гг. в трудкоммунах НКВД (Болшевской, Люберецкой и Харьковской) производилась замена правонарушителей вольнонаемными рабочими и служащими и пополнение коммун правонарушителями не производились...

Полагаю целесообразным трудкоммуны НКВД как производственно-воспитательные базы *с 1 января 1939 г. ликвидировать* **и переименовать:**

1. Болшевскую трудкоммуну – в «Комбинат по производству спортивного инвентаря».

30 декабря 1938 г. Харьковская коммуна им. Ф.Э. Дзержинского **с двумя заводами: электроинструмента и пленочных фотоаппаратов – преобразована в промышленный комплекс – «Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского». Это отражено в приказе АХУ НКВД СССР от** *7 января 1939 г.* **Как предприятие оборонного значения оно работает по сей день.**

Реорганизация детских и молодежных трудовых коммун, колоний НКВД в обычные предприятия прошла в СССР повсеместно, в начале 1939 г., в соответствии с постановлением Совнаркома (правительства) СССР.

Далекая предыстория этого – арест 28 марта 1937 г. наркома внутренних дел СССР в 1934-1936 гг. *Г.Г. Ягоды* **по обвинению в причастности к «правотроцкистскому блоку», расстрелян 15 марта 1937 г. С 1919 г. в органах ВЧК-ГПУ, заместитель Ф.Э. Дзержинского; по его поручению возглавлял работу по борьбе с детской беспризорностью и преступностью несовершеннолетних, по организации детских и молодежных трудовых коммун.**

4 апреля 1937 г. застрелился *М.С. Погребинский* **– организатор Болшевской, Люберецкой, Дивеевской, Понетаевской, Городецкой и других открытых молодежных трудовых коммун для осужденной на небольшие сроки молодежи 16 – 18 лет. Вступился за А.С. Макаренко во время его ухода (увольнения) из колонии им. Горького. Коммунары-дзержинцы посетили Болшевскую коммуну летом 1929 г. Ее пример побудил А.С. Макаренко к организации в его коммуне заводского производства. См.: часть 4 дан. издания, с. 155.**

В ноябре-декабре 1937 г. произведены аресты руководителя и ведущих сотрудников Болшевской коммуны, 34 чел., по обвинению в создании «террористической организации» с целью смены руководства ВКП (б) и Правительства СССР, многие расстреляны.

Гладыш С.Д. Дети большой беды. – М., 2004, с. 168 – 172, 205, 411 – 412, 415 – 416. Статью А.С. Макаренко «Болшевцы» см. в части 5 дан. издания, с. 55 – 58.

Письмо Т.В. Турчаниновой, 10 декабря 1938 г.

Татьяна Васильевна!

Друзья «до черного дня» или друзья «пока» - все это довольно распространенный тип «друзей», и этот тип никогда меня особенно не привлекал. Оправдываться поэтому перед Вами не буду.

«Зоя» из «КП»[1] бросилась защищать Чехова. Многие другие святоши также воспользуются этим случаем демонстрировать свою добродетель – согласитесь, трудно не соблазниться таким дешевым случаем.

Что ж! Ничего не могу поделать. У каждого свой вкус. И у каждого свой способ делать карьеру. Но... какое же это имеет отношение к вопросам воспитания? Никакого, и даже Вы не дадите детям читать «Скучную историю» или «Палату N 6». Чехов есть Чехов, а детская литература есть детская литература. Некоторые дети и Шекспира читают.

Что касается физических методов, то можете Вы представить себе, как это мне надоело? Постарайтесь представить «избиение» Задорова не потому принесло пользу, что это хороший метод, а потому, что Задоров оказался благородным человеком.

Ну, вот и все!

Советский ли я человек? Во всяком случае, более советский, чем «Зоя» иди Бойм, – в этом я убежден уже 21 год[2].

Буду считать, что все совершенно ясно. От души желаю Вам приобрести таких друзей, которые никогда смущать Вас не будут слишком непривычными высказываниями.

А.Макаренко
10/XII 38.

Опускула макаренкиана, № 15, с. 58.

[1] Имеется в виду А.Бойм, его статья в «Комсомольской правде». Зоя – один из центральных персонажей в «Педагогической поэме». Его прототип – *Козлова З.Т.* **(Теляченко): «Инспектор, злая, напряженно подозрительная,...самые старые предрассудки, возводящиеся в чин новых положений... Ненавидит все сильное и живое... К заведующему [колонии им М. Горького] относится с подчеркнутым презрением». Значится в списке «Враги колонии». См. часть 1 данного издания, с. 38, 338, 349).**

[2] Говорится о 21-летнем периоде советской власти.

Дополнение. *Ф. Левин: «Четвертая повесть А. Макаренко» - в ж. «Литературный критик», 1938, №12:*

О «Педагогической поэме»: «Глубоко правдиво показано торжество социалистического воспитания». «Книга для родителей» - претенциозно дидактична в худшем смысле этого слова». В «Чести» - тот же дидактизм, «доказательство теоремы чести». Сравнение с Э. Золя. И «не большевистский тон».

«Флаги на башнях»: где правонарушители, дети, «искалеченные беспризорностью»? «Повесть сентиментальна и паточна». Учителя все чисто одеты и безукоризненно вежливы».

Нет «синтетических образов». Автор не развивается как писатель-профессионал. Ссылка на В.Г. Белинского.

Но описывается «действительно великолепный, замечательный коллектив, его люди интересны и содержательны, устройство колонии и ее распорядок необычайно любопытны и поучительны».

Запись в дневнике, 13 декабря 1938 г.

Москва, 13 декабря

И такой план не выполняется. Каждый день растерзывается на мелочи: посетители, начинающие [писатели], целое море рукописей, гости, походы, и совещания

и письма. Что делать? Нужна особая резкость и напористость в защите. А, может быть, я просто заленился.

«Флаги на башнях» несколько переделываю – приходится уменьшать идиллличность. О «Чести» снова предстоят какие-то разговоры. С московским сценарием нажимают. Вообще сложно.

Самое главное – нет возможности работать.

Воспитание гражданина..., с. 842.

Соображения о сценарии художественного фильма «Настоящий характер».

Соображения о сценарии.

Задача, собственно говоря, - непосильная. «Находясь в рассуждении, чего бы покушать»[1], а на самом деле разбираясь и предпочитая только «постную пищу», вся эта братва ничего определенного не хочет[2].

Она хочет «вообще», она требует, чтобы получилось, с одной стороны, острое и смелое, а с другой стороны, без особенной сладости и добродетели. Надо, чтобы получился хороший сценарий о «советском молодом человеке».

Заказчики никак не представляют себе признаков этого молодого человека. Если даже сделать его, они никогда не узнают в нем собственного «желанного» героя.

Вот и решай в таких условиях, что им дать и как препарировать этого несуществующего в их представлении, но существующего в их желании молодого человека?

Если я эту задачу решу, честное слово, я сам признаю, что я человек гениальный.

Приступим к пересмотру всех имеющихся у меня [в записных книжках] тем и наметок молодого человека. Посмотрим, не найдется ли там удобный прототип к занимательно-добродетельный – острый сюжет?

Неизвестный Макаренко. Вып. 2 / Сост.: Невская С.С., Русаков А.Н., Филин И.В. – М., 1993, с. 41 – 42. Отражается главная, всегда волнующая А.С. Макаренко проблема: искусство, художественная литература, педагогика – и жизнь, ее воплощение в типичном, наиболее существенном, в новом положительном герое, который лишь начинает формироваться.

В источнике: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 50 – указаны даты: 14 дек. 1938 г. – 10 янв. 1939 г., автограф. Сценарий разбит на 5 частей, с особой нумерацией для каждой части. Рукопись не закончена, обрывается на 8-м кадре 5-й части. На с. 22 – схематическая зарисовка технически усовершенствонного электрического выключателя (изобрел коммунар И. Ткачук); на с. 48 – детали новой конструкции.

Авторская машинопись, законченная – там же, ед. хр. 51: отдельные части не выделяются, 88 кадров, отдельные кадры разбиты на 2, текст автографа значительно сокращен, отдельные места отредактированы. На титульном листе: «Сценарий полнометражного звукового фильма».

[1] Цитата из рассказа А.П. Чехова «Жалобная книга».

[2] Говорится, видимо, о «заказчиках» фильма, работниках Союздетфильма.

Дополнение. *Статья М. Лоскутова* **в «Литературной газете», 15 декабря 1938 г.:** *«Два писателя»*. **О «Педагогической поэме»: «Это один из лучших, ярчайших документов эпохи становления**

советской культуры... Замечательное художественное произведение, потому что форма его свободна, естественна и проста той самой сложной простотой, которая присуща истинной поэзии».

Неудача «Флагов на башнях»: произведение «насажено на неправильный стержень» - взгляд автора на особенности детской литературы. «В чудесном саду-колонии, созданном автором, щелкает искусственные соловьи». Мечта автора.

В то же время: «Чистота [моральной] атмосферы, благородство человеческих отношений. Родимые пятна капитализма в сознании детей растворяются почти автоматически, в чудесно преобразованной среде, созданной силой человеческого коллектива».

Запись в дневнике, 17 декабря 1938 г.

17 декабря

Кое-кто предсказывал правильно. Меня со всех сторон мучают и многие, вероятно, беспричинно – просто не нравлюсь. Какой-то Лоскутов в «Л.Г.», целый подвал – «Два писателя». Тон приличный, но считает «ФНБ» неудачей, точностью формулировок не затрудняется. Уверяет, что эта книга – моя мечта, и что в книге все подлажено и нет борьбы и становления характеров. Вообще, критика все та же формальная, идущая от кодексов старых [литературных] законов. Все это скучно.

Нельзя мириться с таким положением, когда какой-то Лоскутов пишет, что хочет, и возражать ему невозможно. Надо просто терпеть. Читатели о «ФНБ» пишут хорошо.

Неужели критики не видят, что в «ФНБ» совсем иная тема, чем в «ПП».

Посмотрим.

Воспитание гражданина..., с. 842.

***Дополнение.* 19 декабря: оформлен договор с ж. «Красная новь» (А. Фадеев) о «Книге для родителей» - 18 печ. л., готовность рукописи в 2 этапа: к 1 апреля и 1 мая 1939 г. (Имеется в виду 2 том).**

Письмо Т.В. Турчаниновой, 21 декабря 1938 г.

Москва, 21 декабря 38

Дорогая, родная Татьяна Васильевна!

Я не оскорбился и, тем более, не хотел обидеть или огорчить Вас. Я хорошо знаю, что Вы настоящий человек и человек большой души. И все-таки Ваше «пока» было для меня совершенно непереносимо. Я не мог Вам ответить иначе.

И в самом деле, Вы подумайте: я исписал столько бумаги, я столько сказал, что Вы должны были иметь обо мне совершенно ясное представление, во всяком случае со стороны, так сказать, идейного содержания.

И вдруг стоило какой-то одной Зое завизжать более или менее громко, как Вы немедленно к слову «друг» прибавили «пока»! Согласитесь, что на меня это должно было произвести сильнейшее впечатление.

Если Вы настоящий друг, Вы всегда должны быть готовы к тому, что на меня будут нападать, даже травить. Разве Вы забыли, как у нас много врагов? Вы думаете, они не умеют пролезать в советскую газету, в особенности в такой неясной области, как воспитание. И могут пролезать, и будут. Скорее [всего] моей статьи не напечатают. Вы должны знать, что я все-таки более или менее одинок. Вас не должны удивлять отдельные схватки, и Вы не должны задавать мне такие оскорбительные вопросы, - советский ли я человек? А какой же я человек, если я открыто защищаю интересы коммунистического воспитания?[1]

И все-таки я на Вас не обиделся, думал просто, что Вам спокойнее будет не смешивать Вашу душу с моей борьбой, которую я вообще привык вести в одиночку.[2]

За последнее Ваше ласковое письмо я тем более Вам благодарен. Все-таки, есть еще правда на свете.

Может быть больше, чем Вы, я хочу повидаться с Вами, и, кажется, это скоро удастся сделать. В январе я должен буду гостить у Авдеенко-писателя, который живет в Макеевке. Буду очень благодарен Вам, если Вы разрешите у Вас побывать.

Только имейте в виду, Вы будете очень разочарованы - я скучный и некрасивый человек, – носатый, сам на себя стараюсь не смотреть в зеркало и никогда не снимаюсь, поэтому и карточки выслать не могу.

Впрочем, нет, вспомнил, – вчера только мой приятель режиссер Петров привез мне свой снимок – пожалуйста. В очках, – это я, – видите, какая рожа. Но за это Вы должны прислать мне свою карточку и при этом немедленно, в следующем же письме. Это будет первый взаимный визит.

Очень хочу с Вами встретиться. Напишите, как Вы живете? Есть ли у Вас свой уголок – настоящий, чтобы нам никто не мешал. И, конечно, выпьем. Я не люблю ресторанов как постоянного быта, но посидеть изредка с приятелем за столом, - всегда хорошо, особенно если есть о чем поговорить.

Против Вашего поцелуя в письме – вообще не возражаю, но при одном условии: чтобы Вы никогда об этом не жалели. А в таком случае я могу только низко поклониться и благодарить горячо, тем более что поцелуй, так сказать, идейный, правда же?

Только будущее покажет, как мы друг к другу относимся, но сейчас так хорошо ощущать Ваше внимание и тревогу. Уверен, что мы и после нашего свидания будем друзьями.

Целую Ваши руки.

А. Макаренко.

P.S. Не забудьте же в Ваше письмо вложить карточку.

P.S.S. Почему я самоуверен? Вы ошибаетесь – я не самоуверен. Все, что я знаю, много выстрадано на опыте. А уверен потому, что страшно хочу, чтобы в СССР была хорошая школа.

А.М.

Опускула макаренкиана, № 15, с. 58 – 60.

[1] Это заключение А.С. Макаренко хорошо соотносится с его высказыванием в «Педагогической поэме»: «Нет никакого моего метода... Метод обыкновенный, советский» (Часть 3 данного издания, с. 269). Говорится о педагогике, зарождающейся в практике нового общества; ее необходимо осмысливать и развивать в педагогической науке.

[2] А.С. Макаренко противостояли социальные и педагогические силы, не видящие перспектив развития советского общества и противостоящие ему. Из педагогов–ученых в это время поддерживал А.С. Макаренко лишь В.Н. Колбановский (психолог-педагог). Существовала большая поддержка со стороны руководящих деятелей Союза писателей, педагогической и литературной общественности.

Письмо в редакцию «Литературной газеты», О.С. Войтинской

Глубокоуважаемая Ольга Сергеевна!

Прошу Вас передать т. Мих. Лоскутову мою горячую благодарность за благородный товарищеский тон его статьи «Два писателя». После заушательства т. Бойма этот тон особенно для меня приятен.

Это вовсе не значит, что я во всем согласен со статьей т. М. Лоскутова. Между прочим, и в романе «Флаги на башнях» вовсе не отразилась моя мечта. Все описанное в романе есть настоящая советская действительность, почти без выдумки.

Как видите, в этом случае повторяется анекдот, известный по главному своему выражению: «не может быть». Но это, конечно, категория не литературного порядка.

Привет. *А. Макаренко*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 200. Дата ориентировочно: 20-е числа декабря 1938 г. «Литературная газета» - орган Правления Союза советских писателей, вых. под ред. В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

Записи в дневнике, 28 и 30 декабря 1938 г.

28 декабря

Скучно и однообразно. С «Флагами» тянется, тянется, с «Честью» снова переделка[1]. В «Киноатмосфере» какой-то Юткевич уже говорил, что «Флаги»– провал. Нашлись новые этикетки, при помощи которых так легко расправляются.

Московский сценарий никак не могу начать, – не найду фабулы. Никакая пошлятина не хочет влезать в детское общество. Мода требует от меня грубейших поворотов и при этом старомодных. Какие-то беспринципные бестии задают тон и замечательно деятельно перевоспитывают нашу публику на какой-то дешевый, глупый и вредный лад[2]. Бестий этих много, они все хотят кушать и бороться с ними невозможно. Если им открыто возразить, они накинутся всей толпой и даже партийная скорая помощь никогда не подоспеет.

Вчера сдал рассказ «Новые годы» для киевской газеты. Мне и Гале нравится – Авдеенко нет.

Заключил договор с «Красной новью» на II том «Книги для родителей»[3]. А когда писать? Договоров, договоров! «Ньютоновы кольца » лежат. Когда я за них возьмусь?

И денег все равно нет. Если были бы деньги, какую я хорошую книгу мог бы написать о Человеке, как я его вижу в нашей замечательной потенции[4].

30 декабря

Вчера закончил рассказ для «Известий» «Расчет свободно несущих крыльев». Откуда-то такие у меня чувства, что мой рассказ им теперь не нужен – переменились какие-то обстоятельства. Рассказ вышел оригинально лирический, но едва ли он увидит печать.

Нужно серьезно приниматься за сценарий, а меня измучили чужие рукописи…

Воспитание гражданина..., с. 842 – 843.

[1] Говорится о подготовке отдельных изданий «Флагов на башнях» и «Чести» (второе произведение отдельной книгой не вышло).

[2] А.С. Макаренко прозорливо заметил начавшееся активное действие в советском обществе социальных сил, насаждающих чуждые этому обществу ценности, моральные нормы и идеалы.

[3] Договор предусматривал: 18 печ. Л., готовность рукописи в 2 этапа: к 1 апреля и 1 мая 1939 г. В редакции журнала А. Фадеев.

[4] Имеется в виду, видимо, роман «Человек», см. часть 5 данного издания, с. 220 – 227. Тезисы: «Нет ничего выше человека» и «Не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека» (часть 3, с. 204 и часть 2, с. 125) – заложены в методологию педагогики А.С. Макаренко, в ее социально-этические основы.

Он не просто обращается к ценности человека, а показывает историческую изменчивость этой ценности, выясняет ее новую «меру» и качества. Этим определяются цели и средства нового воспитания, в них реализуется этико-педагогический принцип «уважения-требования». Здесь доминирует понятие «человек», (а не «ребенок»), формирующаяся личность, она социально активно действует в процессе воспитания.

Замысел романа о человеке предварял «Педагогическую поэму», стал важнейшей ее предпосылкой, как и всей социальной педагогики А.С. Макаренко. Тематику автобиографического романа «о сильной личности» (обдумывался им в период: осень 1929 г. - лето 1930 г.) см.: часть 1 с. 319 – 327).

Отзыв о рукописи Никитина «Золотые деньги»

«Золотые деньги» нельзя рассматривать, как [обычное] литературное произведение, и поэтому неправ т. Никитин, когда предъявляет к [автору] такие требования: «В упрек автору можно поставить, что в основу конфликта в повести положено стихийное революционное начало, он не дал никакого развития началу творческому, созидательному». «Золотые деньги» даже и не повесть, а небольшой рассказ, в котором трудно уместить все начала. Наконец, ничего стихийного в повести нет.

«Золотые деньги» нужно отнести к формам устного творчества. Это сказ, сделанный, может быть, совершенно интуитивно, сделанный достаточно неряшливо, но обнаруживающий исключительные особенности авторского стиля. Темой сказа является наивно-революционное представление о событиях революции. В деревне остались старики, больные и женщины. В деревню приходят различные «власти», они то говорят речи, то пытаются приступить к репрессиям, то требуют деньги и хлеб. Старики по-своему реагируют на все эти требования. В известной мере старики не вполне понимают, что происходит, но истинное содержание «конфликта» для них понятно. Они встречают «конфликт» с тем спокойствием, юмором и силой, на которые способны только старики. Столкновение заканчивается кровавыми событиями.

Автор не всегда удерживается на линии собственного стиля. Надо найти писателя, который хорошо поймет, в чем прелесть рассказа, и сумеет восстановить его настоящее звучание. Сейчас уже можно сказать, что в результате хорошей обработки может получиться исключительно хорошая и оригинальная вещь. У автора есть природное дарование, особенный тембр рассказывания. У него, поэтому хороши не только слова, принадлежащие крестьянам, но и его собственные авторские тоны.

При работе над сказом нужно быть очень осторожным и внимательным к мелочам. Будет очень печально, если после обработки получится литературно обработанная повесть, лишенная всяких противоречий. У автора, например, вместе с немецкими солдатами приходят какие-то офицеры. Автор наивно не интересуется вопросом: что это за офицеры? Если это немцы, то почему они все говорят по-русски? Если это русские, то какие? Оратор, который приезжает во фраке, тоже реалистически невозможен, а в сказе будет очень хорош. Убийство Антоном нескольких офицеров

плохо, неубедительно звучит в литературной форме и будет интересно звучать в сказе.

Я позволяю себе высказать предположение, что в «Золотых деньгах» мы встретили очень важное и интересное явление, которое до сих пор не появлялось на свет, но которому обязательно соответствует что-либо в устном народном творчестве.

Есть сказы великорусского происхождения, по моему мнению, гораздо более слабые, чем намеченный Волкогорцем сюжет. У него что хорошо: дышит замечательная народная уверенность, крепкое презрение к насильникам, совершенно непобедимая улыбка. По настроению это замечательный комплекс.

Он нуждается не столько в литературной, сколько в стилевой обработке, в усилении своих собственных линий. Поручить до конца довести новеллу Волкогорца можно только человеку с большим вкусом и ни в коем случае не формалисту.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 212 – 213. Без даты. Ориентировочно: 1938 г., апрель и далее. При жизни не публиковалось.

Как и в педагогике, воспитании, А.С. Макаренко в художественном произведении выдвигает на первый план стиль и «тон» действия и повествования. Стиль – как органическая целостность своеобразного содержания и его формы; «тон» - их эмоциональность, «звучание», настроение, «тембр рассказывания». Художественное явление объясняется в социальном плане. В педагогике: диалектическое единство собственно педагогического и социального.

Отражается фундаментальное начало макаренковской педагогики: бережное отношение к личности, ее природным особенностям и таланту. Он видится в зародыше, при многих сопутствующих недостатках, в его педагогическом «проектировании».

Отзыв показывает высокое уважение к народному художественному творчеству как одному из проявлений народа в качестве творца истории, языка и культуры. Восхищение вызывает соединение оригинальных художественных средств и глубокого социального содержания при изображении происходящего.

Отзыв о повести А. Новикова «Республика победителей»

Книга Андрея Новикова производит общее очень приятное впечатление. Письмо замечательно симпатичного тембра, простое и спокойно-добродушное, что очень удачно оттеняет напряженность событий. Люди интересны, но еще интереснее вещи. Автор их [описывает] квалифицированно и с любовью.

Главный недостаток – часто встречающаяся неточность языка.

Примеры:

«Свободная страна числится друзьями трудящихся всех народов» (22).

«Угол отгрызла артиллерийская перестрелка» (112).

«Военный в полковнике виден был по выправке, по красным кантам на штанах и по выцветшему кителю» (172).

«Чувствовал... войну и что-то лучшее за нею предвидел» (214).

«Не будучи военным по существу, он захотел стать именно таковым» (453).

Таких мест очень много. Требуется серьезная редакторская правка и, кроме того, сокращение (полагал бы процентов на 25), ибо есть лишние словесные поля.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 213. Написано для ж. «Октябрь», 1938 г. При жизни не публиковалось.

Отзыв о романе А. Явича «Леонид Берестов»

По Вашему поручению[1] я прочитал роман А. Явича «Леонид Берестов», подготовленный к отдельному изданию, в прошлом году напечатанный в журнале.

У меня впечатление от романа чрезвычайно сумбурное. Прежде всего, обращает на себя внимание полная неорганизованность и темы, и композиции, и самого текста. Над романом произведена большая редакторская работа. Очень много мест, из журнального варианта выброшенных. Но трудно сказать, почему выброшены одни места и оставлены другие. Я уверен в том, что из оставшегося текста можно выбросить еще 75%, можно восстановить некоторые места, но от этой операции роман выиграет только в величине, и трудно сказать, насколько выиграет в общем своем качестве.

Поражает в романе обилие явной руды. Целые сцены, целые образы кажутся часто случайными, введенными в роман без применения какой бы то ни было художественной логики. Еще, больше руды чисто словесного характера. Можно на каждой странице указать такие места.

Выбираю буквально наугад:

С. 126. « Зажимая салфетку под мышкой, официант расторопно оправил скатерть на столе и подсунул Головину карту вин и блюд. Приняв заказ, он упорхнул, раздувая белую салфетку».

С. 147. «Ощупывая языком вспухшую десну и морщась от боли, Леонид рассказал...»

Никакого значения в течение событий ни ловкий официант, ни вспухшая десна Леонида не играет. Эти якобы реалистические подробности введены автором неизвестно для чего: просто упражнение в реализме. Таких подробностей, хаотических, ненужных, представляющих неорганизованную игру памяти, в романе видимо-невидимо.

Несмотря на такое обилие словесного материала, в романе много пробелов. Важнейшие сюжетные линии совершенно не обслужены в фабуле, например, мотивировка отъезда Егора на белый фронт, пленение Леонида, освобождение Елены из-под замка и т. д. И одновременно уделяется много места эпизодическим лицам вроде отца Анны Трунова и его смерти, при этом с подробностями, имеющими целью возбудить сочувствие читателя.

Неряшливость в композиции сюжета и текста приводит к тому, что даже главный герой – Леонид Берестов не ощущается как живой образ. Очень много говорится о его мыслях, настроениях, приключениях, и к концу романа с удивлением узнаешь, что ему только 23 года, до сих пор он вовсе не кажется молодым. Его молодость забывается, несмотря на усилия авторских ремарок.

Еще менее определены другие фигуры, между прочим – Елена. Враги сделаны точнее, но зато и стандартнее, особенно по старому, бандитскому рецепту устроены все попы и старцы.

К концу роман значительно улучшается, во всяком случае, делается напряжение и читается с большим интересом, но этот интерес достигается главным образом фабульными ходами: допросы Леонида, издевательства над ним, бегство.

Темой романа является гражданская война и революция. Но автор слишком много внимания уделяет родственным отношениям героев, и поэтому очень часто идейная нагрузка заслоняется боковыми обстоятельствами семейных встреч и настроений.

Все сказанное выше тем более печально, что автор владеет хорошим литературным почерком и мог бы сделать вещь гораздо более организованную.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 213 – 214. Ориентировочно: 1938 – 1939 гг. Написано для издательства «Советский писатель». При жизни не публиковалось

Принципиальное внимание уделяется «художественной логике», по аналогии с «педагогической логикой» (логикой целесообразности, единством педагогических целей, средств и результатов). Отмечается «полная неорганизованность» произведения, его композиции, сюжета. Много «руды», хаотических и ненужных подробностей, а также «пробелов» И это – при «владении хорошим литературным почерком».

[1] Адресат не установлен.

Отзыв о рукописи повести Демченко «В бессмертной дали»

Повесть Демченко заслуживает большого внимания. Она написана, без сомнения, участником боев 1918 – 19 годов, человеком, обладающим и способностями, и юмором. Автор разрабатывает тему, кажется, очень мало затронутую в нашей литературе: подготовку первого удара по петлюро-гетманской власти. Жизнь и партизанская подготовка в нейтральной полосе между оккупированной немцами Украиной и РСФСР изображена в ней с достаточной выразительностью и представит в этом изображении большой интерес для читателей.

Повесть не лишена и художественных достоинств: в ней есть колорит и эпохи, и местности, много хорошо вылепленных фигур, часто очень интересный диалог.

К сожалению, в отношении композиционном и в отношении отделки повесть нужно признать очень сырой. Вторая половины работы Демченко гораздо слабее. В этой половине он уделяет внимание исключительно батальным картинам, они сделаны автором гораздо слабее и однообразнее, чем описание «нейтралки». Борьба с деникинцами вообще сделана скороговоркой и настолько слабо, что требует слишком большой переработки, лучше всего это место снять и оставить как тему для отдельной книги.

По моему мнению, книгу нужно закончить боями за Харьков с гайдамаками.

Но и в той части, которая, собственно, составляет книгу, требуется очень большая дополнительная работа. В книге много мест растянутых, многое сделано неточно и просто небрежно, есть места сомнительные в смысле трактовки и содержания. С другой стороны, нужно кое-что и прибавить. Например, жизнь партизан в «нейтралке» слабовато описана со стороны быта, вообще у автора не хватает зрительных, красочных представлений. Это последнее замечание больше всего относится к картинам боя.

История с лейтенантом Фрицем, сама по себе интересная, сработана чересчур легко и потом брошена, сюжетно не оформлена.

Нужно отметить и невыдержанность стиля всей книги. Конец ее впадает в лубочный, торопливый рассказ и должен быть весь переделан.

Образы у Демченко могут получиться хорошие, но нужно их доработать и, главное, выдержать до конца.

Таким образом, над книгой очень много работы, он она вполне заслуживает типа «Кочубей»…[1]

Ибо лучшее, что есть в книге, - это ее народность, чувство простых людей - творцов революции. В эту строну и нужно направить внимание автора, несколько уменьшив его любовь «стратегическим» картинам, которые у него выходят вообще слабее.

Кто должен работать с автором? Редактора здесь будет мало.

Нужен опытный писатель.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 141.

[1] Речь идет, видимо, о повести А. Первенцева «Героическая борьба», где Кочубей – главный герой. (см. отзыв А.С. Макаренко о ней: часть 5 данного издания, с. 188 – 191.

Новые годы

Большую жизнь прожил Илья Павлович – пятьдесят пять лет. Правда, и дальше жить охота, и сил еще много, а все-таки длинная жизнь осталась позади. Было когда-то и детство, мальчишки, девчонки – все это вспоминалось в тонком дрожащем тумане: было или не было – далеко- далеко что-то неясное мерещится. После революции двадцать один год, а ведь еще и до революции была какая-то жизнь. Странно было теперь вспоминать эту жизнь до революции, иногда она сама бередила память, но ничего приятного не нагадывала, да и тяжелое забывалось, а вспоминались почему-то извозчики.

Никак нельзя объяснить, почему они приходили на ум: Илья Павлович никогда на извозчиках не ездил, а, тем не менее, как вспомнится старая Россия, так обязательно извозчики на первом плане. У одних колеса черные, у других красные. Они то стоят целыми вереницами в переулках, то грохочут по улицам. Шуму от них много, а темпы слабые: все кажется, будто он на одном месте едет.

В жизни Ильи Павловича много было и перемен, и событий, и радости, и горя, как будто все видел и все испытал, а все-таки сейчас Илья Павлович внутренне смущался и посмеивался: такого, как сегодня, кажется, еще никогда не было. С одной стороны, как будто это и шутка, а с другой стороны, на душе непривычно хорошо. Илья Павлович тайком поглядывал на старуху Марину Семеновну. Да какая же она старуха! Она вовсе не смущается, хлопочет, перебегает из комнаты в комнату, каждый раз спотыкается на коврике, положенном на пороге, и каждый раз улыбается виновато: это она случайно зацепилась, а вообще она может прыгать из комнаты в комнату сколько угодно.

Собственно говоря, ей и бегать нечего. Все сделано, все приготовлено, а если что и осталось сделать, так это такая легкая, завершительная работа, что даже приятно ее отложить. Например, нужно открыть бутылку кагора и бутылку портвейна. Илья Павлович давно разыскал пробочник – замечательный пробочник, никелированный, павловской работы, сделанный очень хитро: он потихоньку вытаскивает пробку из горлышка, можно остановить ее в любом положении, а когда нужно – в самый хороший момент – просто рукой бери и открывай.

За накрытым столом сидит и все приглаживает лысину дядя Нечипор. Дядя Нечипор никогда не работал на заводе, а все больше по разным делам: и бухгалтером был, и корректором, и статьи писал о куроводстве, вообще был человеком деловым и боевым и все-таки всегда назывался дядей Нечипором, потому что он и действительно есть дядя Марины Семеновны. Когда-то он жил на Украине, с тех пор так уж и называли его по-украински – Нечипор. Сейчас дядя Нечипор на пенсии, но бодрости у него еще много, язык, как и раньше, острый, а если выпить и закусить, всегда на первой линии огня.

Сейчас дядя Нечипор сидит за столом, но на пузатый графинчик даже и не смотрит, а смотрит на елку, и хотя все понимает старый, а все-таки спрашивает:

- Какими же причинами следует объяснить такое противоестественное зрелище: люди мы подтоптанные, порох из нас сыплется, можно сказать, целыми килограммами, а тут тебе говорят: скидай, детка, пиджак и танцуй кругом елки.

Илья Павлович запустил пальцы в грудной карман праздничного пиджака, а Марина Семеновна, маленькая, шустрая, веселая, вдруг прекращает свое буйное движение из комнаты в комнату и замирает, подняв глаза к стеклянной верхушке елки. Илья Павлович с молчаливой иронической торжественностью протягивает дяде Нечипору телеграмму:

- А-а! – говорит дядя Нечипор, проводит пальцем по усам и берет телеграмму другой рукой. – Документ на этот случай имеется?

Он далеко отводит руку с телеграммой и читает громко:

- Получил отпуск три дня приеду тридцать первого вечером с Варей Панченко целую Митя.

Прочитав телеграмму, дядя Нечипор, или, скорее, дед Нечипор, долго еще смотрит на нее с мудрой стариковской насмешкой, медленно наклоняет голову то вправо, то влево и говорит играючи:

- Если я правильно разбираюсь в действительности, то сейчас должен ввалиться в хату этот самый Митя – тяжелый бомбардировщик. Так. Но здесь упоминается предмет более нежный – Варя Панченко. Хе! В моей номенклатуре сей предмет не значится.

Марина Семеновна смотрит на дядю Нечипора сложным взглядом: действительно, Варя Панченко – предмет удивительный и неизвестный, но как раз для этого предмета и елка поставлена, и притаился в ее ветвях белый и пухлый Дед Мороз, и лежит в комоде шелковая красная косынка - первый подарок Митиной избраннице. По всем этим причинам Марине Семеновне ни в чем не хочется сомневаться и хочется радоваться.

- Ничего, дядя Нечипор, если Митя выбрал,– значит, и для нас хороша будет.

Илья Павлович стоит боком к дяде Нечипору, заложил руки за спину. Сутулые его плечи в праздничном пиджаке думают неподвижно, глаза засмотрелись на стеклянного петушка с двумя перьями вместо хвоста и тоже думают. Дядя Нечипор резко повернулся, локтем описывая дугу над столовым прибором, потом положил локоть на стол и свесил седую голову. Может быть, так удобнее думать дяде Нечипору. Он пошатывает одной ногой, положенной на другую, из-под штанины выглядывает старенький мягкий ботинок, и по ботинку этому видно, как много дядя Нечипор истоптал дорог на своем веку.

- Новый год! Новые годы, – задумчиво произносит дядя Нечипор. – А черт его знает, действительно новые. Вот он тебя депешей информирует: Варя Панченко, и никаких гвоздей! Как вспомнишь наше время, а, Илья Павлович? Сколько я дипломатии истратил, пока женился на покойнице Наталке, сколько дипломатии! Теперь вспоминать приятно, конечно, а если подумать, что я такое был? Писарчук в волостном правлении. А интересно, чи есть теперь такие писарчуки, чи, может, нет. Наверное, нету таких. Наталкины родители, можно сказать, ответили мне в вызывающем тоне: не видать тебе Наталки и... никаких гвоздей!

Дядя Нечипор поднимает голову и смеется, смеется радостно; очень возможно, что ему и в самом деле приятно вспомнить, как отказали ему Наталкины родители. Дядя Нечипор смеется, разводит руками.

- Новые годы! Митька! Что такое Митька? Господи, боже мой, дело ясное: неразумная молодость, молокосос, если прямо говорить, куда ему против нас... А потом «посмотришь с холодным вниманьем вокруг»[1] – тяжелый бомбардировщик и ...

Илья Павлович быстро обернулся к старику, хохочет:

- И никаких гвоздей!

Дядя Нечипор панически поднял руки:

- Да! – руки дяди Нечипора бессильно упали вниз. – О каких гвоздях может быть разговор? Никаких гвоздей! Ежели он на тебя сверху прицелится, этот молокососный молодой человек, какие же могут быть возражения против Вари?

Дед встал со стула, он сейчас в ударе. Смотрит он в одну точку, куда-то на нижние ветки елочного дерева, но в его глазах кудрявится искрящийся умный восторг:

- Насчет Вари Панченко вопрос исчерпан, ежели они, молодые люди, шныряют прямо в небесах, кувыркаются, мертвые петли... а захочется ему – на Северный полюс, на Дальний Восток... При такой ситуации чувствую, что родительское благословение остается втуне...

Марина Семеновна любовно наблюдает игру дяди Нечипора. Она спокойно в каком-то богатом отдыхе любуется и дядей Нечипором, и нарядной елкой, и накрытым столом, а ее душа поместилась где-то поближе к уху и прислушивается, не закричал ли звонок в передней, не пора ли бежать открывать Мите, целовать Митю и... Варю Панченко, неожиданную, неизвестную, но такую уже родную и долгожданную.

Илья Павлович левой рукой зачесал правый висок – сложные дела делаются на свете, – приятно посмотреть игру дяди Нечипора, но где-то в глубине души надоедливо токует маленькая-маленькая тоска: что это за Варя и почему в таком пожарном порядке она возникла в его жизни?

Дядя Нечипор в последний раз взмахнул рукой и закончил игру. Он снова сидит у стола, и снова низко склоняется его седая голова. Видно, не так легко дяде Нечипору отказаться от прошлого.

- А все-таки скажу я вам, молодые люди. Было и в старом кое-что доброе. Вот хоть бы и в такой вечер – Новый год! Парубки, девчата, на небе, конечно, звезды и над звездами... черт его знает, что-то вроде бога, ну, да это неважно. А щедривки[2] какие, ой, какие щедривки!

Дед помолчал, помолчал, собрался с силами и запел потихоньку, но правильно запел, душевно:

Щоб и хлиб родывся,
Щоб и скот плодывся,
А щоб ты ж, наш пан хозяин,
Та ни в чим не журывся...

- Да... щоб не журывся, значит, – сказал дед как будто про себя.

- Это кто же такой, пан хозяин? – спросил Илья Павлович.

Дядя Нечипор словно не расслышал вопроса, сидел, думал и про себя, наверное, пел щедривку дальше. Но неожиданно сказал негромко, задумчиво:

- Пан хозяин кто? В том-то и дело, что пан хозяин – это первейшая сволочь. К бедному мужику щедровать не ходили…

- А как же звезды и тот самый... вроде бога?

- А звезды сами по себе, ну... и черт с ними!

Дядя Нечипор вдруг затосковал. Встал со стула, подошел к елке вплотную, погрузил неслышный стариковский взгляд в переплет ее затихших ветвей, коронованных сейчас наивно-очаровательным блеском золотой и серебряной мишуры.

А все-таки... это мы, старики, придумали елку. Значит, хотелось людям радости, если придумали. Нельзя без радости жить.

Марина Семеновна подошла ближе, сложила руки на фартуке:

- И я так подумала, дядя Нечипор. Для Мити, само собой, елка ни к чему... он мужчина... теперь мужчины серьезные, не любят пустяков. А я подумала: для Вари будет приятно, да и мне хорошо, в детстве я не видела елок. Хоть на старости Новый год по-настоящему встретить.

Дядя Нечипор аккуратно выслушал Марину Семеновну и вдруг энергично заинтересовался:

- Да какая же она есть, эта самая Варя Панченко? Анкетные данные… хоть самые минимальные...

Марина Семеновна не ответила, не хотелось ей ничем разбавлять сегодняшнюю радость. Посмотрела на мужа, а Илья Павлович нарочно занялся бутылкой кагора и ответил в другом тоне:

- Хороший штопор. На нашем заводе тоже такие штопоры будут делать. Ширпотреб...

Дед не унимается:

- Штопор – нужная вещь для широких масс, это правильно, а все-таки Варя Панченко в смысле елки может и не подойти. Потому, что ваш брат, прекрасный пол, тоже летает, и довольно далеко. Какая же у них нежность?

Илья Павлович осторожно ввинчивал штопор, сердито следил за его работой и со штопором разговаривал:

- Летает... А что ж ты думаешь? Еще и не так полетит. А нежность… само собой, при них останется. Нежность – это специальное дело. Ох, и штопор же замечательный! И женщины другие, и все другое. А елка… может, и лишняя.

Дядя Нечипор обернулся к елке с таким видом, словно попрощаться хотел с этим чудесным старинным изобретением. Обернулся и так засмотрелся, что не обратил даже внимания на сильный, веселый звонок в передней. Марина Семеновна, как ребенок, вылетела из комнаты. Илья Павлович нацелился было острием штопора в горлышко портвейна да в таком положении и задержался на несколько секунд. Потом не спеша поставил бутылку на стол, а штопор – мелкая вещь – запутался между пальцами и долго вертелся между ними, когда Илья Павлович стоял уже в передней.

Митя швырнул фуражку на сундучок и бросился к матери.

- Ой, родной мой, здравствуй, да какой же ты холодный, - мать улыбалась, чтобы не плакать. Страстно хотелось ей все смотреть и смотреть на румяное, совсем еще детское лицо сына, на ясные глаза и темный пушок на верхней губе, а в то же время не могла она оторваться от фигуры, торчащей у самых дверей. Суматошливая, напуганная радостью мысль никак не могла понять, что такое неладное происходит у дверей. Митя вспомнил:

- Мама! Привез, смотри, самый лучший друг! Самый лучший!

Улыбаясь приветливо, мать пошла к гостю, Митя обнял отца. В дверях комнаты стоял дядя Нечипор и разглаживал усы, приготовляясь к лобзаниям. И только тогда мать спросила:

- Митя, а где же эта... где Варя?

Не опомнившись еще от тепла и ласки, сын спросил с механическим удивлением, как эхо:

- Варя?

- Ну да, Варя Панченко? В телеграмме же написано...

Митя обалдел на короткое время, округлил глаза, взмахнул рукой. Захохотал и гость, вытаскивая руку из рукава.

- Мама! Ваня Панченко! Ваня, а не Варя! Вот это ж он и есть, Ваня Панченко – старший лейтенант и танкист.

- А в телеграмме?

- Наплевать на телеграмму. Он же живой – Ванька, вы же видите, что это ни в коем случае не может называться Варей.

В таких случаях и смеются, и удивляются, и торжествуют долго. И дядя Нечипор никак не мог прийти в себя, и все замахивался рукой из-за уха, и приседал от веселья. Илья Павлович моментально вспомнил, что в руках у него штопор и нужно рано или поздно открыть бутылку портвейна. Марина Семеновна смеялась меньше всех, потому что в ее душу налезли всякие мелочи: елка, Дед Мороз, петушок, шарики, свечи и… косынка, ну что ты скажешь, шелковая красная косынка в комоде! Слабым-слабым светлячком промелькнула мысль: может быть, о косынке не вспомнят. Глянула на Илью Павловича: хитро вздрагивает седеющий стриженый ус. Но в этот момент произошло снова неожиданное: Митя с разгона налетел на елку, замер и рот открыл. А потом завертелся по комнате, подхватил мать на руки, и не разберешь, обнимает ее или на руках носит.

- Мамка! Это для меня елка? Батько! Красавцы мои! Да как же вас благодарить! Ванька, ты понимаешь, до чего это... ах ты черт, до чего это шикарно!

Ванька стоял неподвижно перед елкой и радовался, совершенно забыв, что он танкист и старший лейтенант. Серые Ванькины глаза с откровенной негой переходили от Деда Мороза к черной обезьянке, к желтенькому попугаю, скользили по золоту цепей, искали новое, неожиданное милое среди нарядной тишины ветвей.

И дядя Нечипор на свет народился; теперь нужно было видеть все: и елку, и Митю, и Ваню Панченко, – нужно было говорить, говорить, вылить чувство, размахнуться молодой душой. Заходил дед, затопал по комнате, ухватил Митю за пояс:

- Так это твой друг такой?

- Друг, дядя Нечипор, – ответил Митя, просовывая голову к самому стволу елочного дерева, – настоящий, понимаешь друг. Мне даже сны Ванькины снятся.

- Да что ты!

- А как же? Ты послушай только, дядя Нечипор: вдруг на тебе! Приснился мне танк. Почему? На каком основании танк? Здоровый такой, с пушками. А потом догадался: это Ванькин сон приснился.

Дед хохотал, ходил вокруг Вани Панченко, дергал ус:

- Танкист! Это значит... стреляет?

- Ого!

- Ты на небе, а он на земле?

- Во, во!

- И в человецех благоволение?

- Кому благоволение, а кому – лучше не лезь.

Дядя Нечипор вдруг опомнился, с досадой оглянулся на хозяина:

- Илья! От… смотри ж ты! Мы с тобой говорили, а про фашистов и не вспомнили!

Илья Павлович уже наклонял графинчик над рюмками и добродушно посмеивался:

- Это ты, дядя Нечипор, развел канитель: щедривки, звезды разные, нежности, а я про них, проклятых фашистов этих, всегда помню. У меня и сын, видишь, и гость… в одном направлении. Ну, хлопцы! Без пяти двенадцать.

Встретили Новый год, да и как же его не встретить, если он без подделки, по-настоящему новый, как сказал дядя Нечипор после энной рюмки. Он много еще хороших, умных мыслей высказал, потому что понимал, в чем дело: «Елка… это хорошо придумано, а впрочем… допустим, мелочь. Ну, а если мелочь, отдавать ее фашистам или не отдавать?» Бомбардировщик и танкист посмотрели внимательно на елку. Она в эту минуту словно из скромности притаилась в углу комнаты, тихо мерцали свечи, и тихонько поблескивали ее праздничные глаза. Ваня Панченко посмотрел Мите в глаза и засмеялся. Митя положил деду руку на плечо:

- Дедушка, милый! Слыхал? Ни одного вершка, а не то что целую елку! А эту елку к тому же мать организовала, к ней брат... пусть лучше не лезут!

Дед замолчал, долго пристально-ласково смотрел на Марину Семеновну, потом сказал ей в утешение:

- А косынка? Косынка… она потом пригодится… бывает так, что телеграммы… они не всегда врут, телеграммы.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 6, с. 351 – 356. Вероятно, закончено 27 декабря 1938 г. При жизни не опубликовано. Предполагалось для «киевской газеты».

Старые и новые времена, историческая преемственность и новаторство, поколения и их взаимодействие, семейные ценности – проблемы, имеющие первостепенное значение в социальной педагогике А.С. Макаренко.

Хорошо отражена духовно-нравственная атмосфера преддверия Нового Года.

[1] Цитируется стихотворение М.Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно...»

[2] Укр. яз., по-русски «коляда», - старинный рождественский новогодний обряд, при котором пели «колядки», молодежь ходила по дворам с поздравлениями и получала «щедроты».

Письмо Л.Н. Разумовой, 30 декабря 1938 г.

30 декабря 1938

Дорогая Лидия Никитична!

Признаюсь, не ожидал от Вас письма и поздравления с Новым годом. Думал, что вы расчеты со мною покончили своим ультиматумом: либо пиши настоящие письма, либо ничего не пиши.

Я этого ультиматума не понял по простоте сердечной. Что такое настоящее письмо, понятия не имею. Я даже не понял до сих пор, за что Вы на меня злобитесь и чего от меня хотите – в письме. Я понимаю, чего можно хотеть от человека в жизни, и сам часто требую того или другого от людей.

Но почему к письмам можно предъявлять какие-нибудь требования – не понимаю. У каждого человека своя манера писать. Я готов, в крайнем случае, писать и по чужой манере, но в таком случае нужно мне показать, кому я должен подражать. Вообще, как видите, я поставлен в чрезвычайно затруднительное положение.

Я решил покориться необходимости и молчать. Но Ваше новогоднее письмо снова меня взволновало, как говорят поэты. Значит, Вы все-таки не такая злая и не такая ультимативная.

Это прекрасно. Это позволяет мне надеяться, что в следующий раз мы с Вами встретимся друзьями и на той самой точке, на которой мы расстались, т. е. без всяких обид и реакций. Это для меня существенно важно. Если и у Вас это так получается, значит, все хорошо. Может быть, еще и как-то иначе хорошо, но как – не знаю. Все-таки письмо есть письмо, то есть бумажка, которая живого человека заменить не может.

Конечно, я страшно рад, что Ваше служебное и рабочее положение улучшилось, что у Вас будут силы, что Вы выпьете. И страшно благодарен, что Вы выпьете за мое здоровье.

Вот мы и покончили со всем тем, что несущественно. Есть еще много несущественного. Например, я действительно страшно занят, буквально обратился в грузчика. У меня много тяжелых неприятностей. При всем этом я сейчас очень одинок[1], но все это, честное слово, несущественно.

Важны только люди и живая жизнь – глаза, улыбки... разум.

Я от самого искреннего сердца желаю Вам счастья, свободного времени, первосортных друзей.

Но остерегайтесь людей, умеющих писать хорошие письма. Это всегда обманчиво.

Привет.

Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 110 – 111. Восстановлена купюра, по источнику: Опускула макаренкиана, № 15, с. 26.

[1] Упоминание А.С. Макаренко о своем «одиночестве» связано, возможно, с каким-то неблагополучием в это время в его семье. Вероятнее всего другое: «одиночество» в борьбе с противниками его педагогических и литературоведческих воззрений (о чем уже говорилось ранее и говорится далее).

Книги, которых я жду

Я люблю больше психологические романы. Чувства, страсти людей меня всегда очень интересовали и в жизни, и в литературе[1]. Мне кажется, что писатели слишком мало пишут о переживаниях своих героев, описывая главным образом факты, события, т. е. то, что происходит вокруг людей, а не в людях.

В книге описывается разворот потрясающих событий, с кинематографической быстротой сменяющих друг друга.

...Вступает в строй новый цех завода. Герой влюбляется и тут же женится, совершает героический поступок и получает орден, раскрывает вредительство и спасает завод от аварии, у него родится ребенок и т. д.

Все это события огромной важности! Каждое из них может потрясти человека. Но в книге вы не ощущаете даже волнения героя.

Очень хочется прочесть книгу, где были бы настоящие переживания, которыми наполнена жизнь каждого из нас.

Очень хочется прочесть роман о современной семье, о нашей советской женщине, которая глядела бы со страниц книги живым лицом обыкновенного хорошего человека, а не штампованным образом «дежурной героини», наделенной всеми добродетелями.

Я люблю городскую тематику. Меня интересует жизнь людей большого города.

Жаль, что Шолохов пишет только о деревне. Именно от этого писателя, который с необычайной глубиной и яркостью анализирует переживания своих героев, можно ждать той книги, о которой я мечтаю.

Но наша действительность хороша именно тем, что она опережает мечтания и с каждым днем выявляет все новые таланты среди советских людей всех профессий[2].

И моя литературная мечта, высказанная в этот новогодний день, очевидно, сбудется, осуществленная, быть может, не известным еще писателем, который сейчас водит самолет, учится в вузе, работает где-либо в учреждении или, быть может, на Урале исследует горные залежи.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 200 – 201.

Опубликовано в «Литературной газете», 31 декабря 1938 г., как новогоднее пожелание, в подборке материалов на тему: «Литературные мечтания». Там же свои соображения высказали: К. Федин, С. Маршак, М. Громов (летчик-герой), Н. Хмелев (Народный артист СССР), Б.А. Пивенштейн (морской капитан-орденоносец), Г.Байдуков (летчик-герой), В. Каверин, А. Раскин и М. Слободской, И. Бабель, В. Гусев, К. Паустовский.

Как писатель А.С. Макаренко выразил здесь весьма существенную, но далеко еще неоцененную особенность его социальной педагогики – глубочайший гуманизм, человечность, обращение к духовному, внутреннему миру людей, воспитанников и педагогов, к их морально-психологическому состоянию, жизненно-волевым переживаниям и стремлениям. Показателен его особый интерес к семье и положению женщины в новом обществе.

[1] Это в полной мере может быть отнесено и к педагогике А.С. Макаренко. В художественной литературе, искусстве и педагогике он считает первоосновой мировосприятие, общее жизненное самочувствие их деятелей.

[2] Опора на прогрессивные тенденции, перспективы реальной действительности – характерная черта макаренковского решения фундаментальной проблемы: педагогика, воспитание – и жизнь общества, государства конкретного человека.

Расчет свободно несущих крыльев

Сегодня Алексей Очерет работал с предельной напряженностью.

Он отстал от других: но своей вине, потому что был мечтатель и поэт.

В большой светлой комнате работало четверо. Не так еще и давно были товарищами по институту и курсу, за время дипломной работы они сделались близкими людьми, друзьями на всю жизнь. Уже несколько месяцев они жили в океане цифр, формул, чертежей, координат, латинских и греческих знаков, разрезов, профилей... Сегодня был последний день.

Далеко отошло то время, когда таким поэтически-легким казалась странное выражение: «расчет свободно несущих крыльев».

Алексей Очерет и теперь часто вспоминал, с каким жарким эстетическим замиранием он в первый раз прочитал эти слова. И на других они производили такое же впечатление, и особенно сильное на непосвященных. Однажды в общежитие института пришел студент литературного факультета. Он увидел эти слова на обложке книги, и у него захватило дух:

- Расчет свободно несущих крыльев!

Да, тогда за этими словами чудились не потолки и высоты, выраженные в точных цифрах, а голубые небеса: тень Икара, прибои нежности и девушки с непостижимыми глазами. И, конечно, любовь и, конечно, вековое человеческое благородство.

Это было давно. Теперь даже поэтическое воображение Алексея Очерета ничего не могло прибавить к этим самым крыльям, кроме той поэзии, которая дышит в математике.

Алексей Очерет отстал от других, но сейчас только один Вася Костецкий может прогуливаться по комнате, заложив руки в карманы, посвистывая и зубоскаля. Чудесные Васькины способности давно были подсчитаны, признаны и украшены общей любовью. Василий Костецкий – в самом ближайшем будущем один из лучших советских авиаконструкторов. Уже и дипломный его проект вызывал уважение не только товарищей, но и профессоров: это был красивый и стремительный истребитель, в каждой линии которого ясно чувствовался талант и смелая эрудиция, тем более поразительная, что сам Вася Костецкий сильно был похож на обыкновенного мальчика. О нем говорили товарищи:

- Какая голова у Васьки!

- У чего не голова, а глаз!

- У него не глаз, а чутье!

В обыкновенной жизни Васька ничем не отличался: особенно умных слов не произносил, да и инициативы сколько-нибудь заметной не обнаруживал, наоборот, скорее готов был других послушать, чужим остротам посмеяться. И лицо у него было нежное, без щетины, а когда он говорил с девушками, у него было больше проказливости, чем волокитства. И по-мальчишески весело и непретенциозно он поражал всех неожиданной по смелости, нахальству и простоте мыслью конструктора. В его истребителе головокружительная скорость почти наивно была объединена с маневренностью, с способностью задержки и торможения. Этот самолет должен был овладеть свободой ласточки.

Алексей Очерет не завидовал Васе, как и никто другой не завидовал. Сам черт не разберет, в чем заключается Васькины таланты. Правда, у него была замечательная память: он вспоминал цифры, формулы, законы, отношения так же легко, как другие вспоминают анекдоты, и так же весело. И поэтому у всех к чувству восхищения присоединялась еще и досада: Васька всегда имел вид легкомысленный и в самые ответственные моменты улыбался, простреливал глазами, прицеливался к какому-нибудь постороннему пустяку.

Васька, кроме того, был человеком счастливый. Он и собой хорошо и рисует, и танцует, и сестра у него красавица – Таня Костецкая, а отец и мать просто прелесть. Вся четверка теперь часто собиралась у Васьки, потому что остальные не могли нахвастаться семейным очагом. Только Сережа Соколов жил с материю, а Алексей

Очерет имел родных в Саратове, Антон же Прасов – бывший беспризорник, у того никаких пенатов не было.

Сейчас Вася Костецкий один расхаживает по комнате. У него все закончено, подписано, сложено. Другой на его месте давно ушел бы домой, а если бы не ушел, так мешал бы всем. А Вася и не ушел, и никому не мешал, даже приятно было, что он мотается перед глазами. Не мешал он и Алексею.

У Алексея Очерета прямые широкие плечи и коренастая фигура на нескладных ногах. Голова большая квадратного рисунка, сильные с буграми надбровные дуги, а нижняя челюсть основательная, на хорошо ощутимых шарнирах. И, несмотря на это, Алесей Очерет – поэтическая натура, полная нег и лирических странностей.

Авиаконструкторская специальность, испещренная цифрами, как ворота в Багдаде, кажется иногда Алексею странным капризом жизни. Алексей Очерет пишет стихи, влюблен стыдливо и несмело, ему всегда хочется рисовать. Когда в течениях дипломных таблиц наступает как будто штиль, и цифра за цифрой почти механически набегает на лист (чуть-чуть волнуясь в микросхеме счетной линейки), Алексей Очерет внутренне затихает над этими привычными течениями и мечтает. Товарищи умеют узнавать эти моменты в жизни Алексея. Они с осторожной насмешкой поглядывают из него и улыбаются…

Слава о герметической кабине[1] распространилась довольно далеко, даже Тане Костецкая, то самое существо, в которое был влюблен Алексей, спрашивала:

- Алешка, какая там у вас герметическая кабина?

Такому человеку, как Таня Костецкая, главным признаком которого, по словам брата, была полная неспособность отличить лонжерон от элерона, Алексей Очерег мог бы представить герметическую кабину в самом привлекательном виде, но Алексей был влюблен, и его привлекли другие темы, менее технические. Поэтому он отделался формальным ответом:

- Там…это, понимаете, секретные расчеты.

Таня оставалась довольна ответом, и Алексей стал даже больше весить в ее неопытных глазах, но это прибавление в весе тоже досталось недаром: с тех пор в конструкторской герметическую кабину стали называть «засекреченной герметической кабиной».

Впрочем, сегодня работалось более спокойно. Вася Костецкий расхаживал по комнате, посматривал в окно, потом притих за своим столом. Сережа Соколов, взлохмаченный и давно обалдевший от расчетов, один только раз воскликнул с горечью:

- Я не понимаю: кому это в голову пришло назначить срок 1 января? Все равно – первого января – праздник.

Сережке никто не ответил, но у каждого в голове потянулась одна и та же цепочка: первое января – праздник, но все равно, если праздник, так и работать, все равно закончить нужно сегодня, нечего удивляться. И все равно праздник, и с какой стати назначили такой праздничный срок.

И еще один раз Антон Прасов посмотрел на часы и ахнул:

- Вы подумайте: половина восьмого!

И ему никто не ответил, и даже на часы никто не посмотрел. Сегодняшний день неправильно определился еще утром. Тогда всем казалось, что остались пустяки: проверить, поправить, сделать две кривых, переделать одну таблицу. А вот заканчивается день, и перед глазами стоят целые толпы чисел…

В уставших, чуть онемевших пальцах, неслышно двигалась счетная линейка, карандаш терпеливо переносил цифру за цифрой, а воображение работало дальше. То и дело возникала в нем белокурая головка Тани Костецкой и слова, сказанные Таней не так давно, взволновавшие Алексея на всю жизнь: «Приходите скорее». То вдруг залезал в душу Антон Прасов. Другие товарищи не заметили перемены в Антоне

Прасове и не шутили по этому случаю. Алексей заметил перемену, но шутить он не умел.

Антон Прасов был человек очень спокойный и добродушный – флегма. Как он мог быть беспризорным при таком спокойном характере? От беспризорности остался у него обиженный колорит разговора, хотя Антон разговаривал вообще мало, а еще меньше обижался. Таким был Антон Прасов совсем недавно, в начале дипломного периода. А теперь он изменился. Алексей оторвал глаза от линейки и посмотрел на Антоне Прасове: конечно, изменился. Он заважничал, Тошка. Нет, не заважничал, а как-то иначе. У Антона проект – тяжело вооруженный [воздушный] корабль.

К этому кораблю действительно невозможно будет подойти, откуда ни сунься – сбоку, снизу, сверху, Прасов все равно встретит пулеметным огнем. Алексей остановил линейку в руках и засмотрелся в угол комнаты: он видел боевой корабль Антона Прасова в деле: на голубом фоне в совершенном просторе он гремит мотором и пулеметами со всех бортов и башен. Задирая шасси, ринулся вдруг туда, где нет простора, отвратительное насекомое с крестоподобным, цинично-откровенным знаком на крыльях. Далеко внизу мелькнет бликами в смертельно ужасном кружении другая тварь, - это уже не самолет, это уже прах!

Корабль у Антона Прасова, действительно, огневой. Но это все-таки корабль, а почему у Антона Прасова такой вид, словно у него самого из каждого кармана глядит пулемет? Алексей еще раз посмотрел на Антона. Конечно, Прасов не столько заважничал, сколько закалился и оделся броней. Вот он встал и пошел по комнате, расправляя плечи, бросил взгляд на притаившегося за своим столом Василия, улыбнулся… и улыбка у него такая, будто купол турели повернулся под солнцем… В этот момент закричал Сережа Соколов:

- Дети мои, дети мои! Я поставил последнюю точку.

Антон и Василий, гремя столами, полезли к Сережке. У Алексея в какой-то вате копошились полуживые мысли: одиннадцать часов…одиннадцать часов… В кармане пальто бутылка абрау[2]. Новый год встречаем у Костецких… у Тани Костецкой…у Тани Костецкой…

Карандаш в руке вдруг забузил, поставил двойку вместо трех. Алексей схватил резинку, заспешил…

Василий неслышно подошел сзади, ласково наклонился:

- Алеша, много еще у тебя?

- Последнее, последнее…

- Смотри…опоздаем…

- Я помню.

Заспешила правая рука, выписывая цифры, словно прощения просила за недавнюю ошибку. Вдруг стало весело: к последним словам подходил пятимесячный труд. Пассажирский высотный самолет…зашумел…на крыльях большие буквы: СССР. Поднимались к небу тысячи напряжений, побежденных его мозгом и волей. Поднимались высоко ряды больших принципиальных вопросов. Стало горячо на душе от того, что было так чисто, что ж тут такого, морально чисто вокруг этого корабля, ни в чем себя не мог обвинить Алексей, и так гармонично сразу же ощутилась такая же моральная высота у всех его друзей.

Поставил последнюю цифру и откинулся на спинку стула. Но вспоминал, бросил карандаш и шагнул к большому столу, на котором покоилась его компановка. Его шатнуло на середине комнаты, тени бесчисленных цифр, еще оставшееся, в панике бросились к глазам.

Три товарища молча замерли над своими столами. Алексей обрадовался; - никто не помешает, - даже выдохнул…склонился… Его кабина…Сильно сжал веки и снова открыл. Что-то тяжелое неуклюже шевельнулось в голове. Нужно собрать волю… и не собирается…Пассажиры…у них правые руки подняты, в каждой руке бо-

кал и через края бокалов пенится…Алексей сильно потер лоб, глаза его прочитали внизу хорошей вязью надпись:

С Новым годом, дорогой наш конструктор!

- Да что это? – простонал Алексей.

- Что случилось? – тревожно откликнулся Василий. Остальные, молча обернулись к месту происшествия.

- Ах, ты… это…

Все подбежали к нему. Удерживаясь руками за край стола, Алексей ближе наклонился к чертежу: красивая молодая женщина, одной рукой поднимая бокал, другой с силой отталкивает человека с портфелем и тут же близко, над верхнем краем чертежа, слышит Алексей ее слова, выписанные в карандашном круге:

- Нахал! Вы думаете, если герметическая кабина, так можно лезть с поцелуями?

Алексей, наконец, сообразил. Антон склонился рядом и сказал своим медлительным обиженным тенорком:

- Ну, что ты скажешь! А я и раньше заметил: лицо у него, у этого, который с портфелем, такое, понимаешь, несимпатичное лицо.

- Да чего там несимпатичное, - закричал Сережа агрессивно. Новый год, ему и захотелось поздравить…

Василий сказал убедительно, по-детски:

- Товарищи, не обращайте внимания, не обращайте внимания!

В герметической кабине помирятся! Идем, опоздаем, батька нам такой перерасчет сделает…

Алексей поднял лист – его компоновка лежала под ним, и все пассажиры мирно сидели в герметической кабине. Алексей радостно засмеялся:

- Сейчас голубчики, сейчас…

- Да чего тебе нужно?

- Васька, ты целый вечер возился с моими…а я соскучился.

Алексей схватил карандаш. Через три секунды все пассажиры улыбались, прощались с конструктором. Ничего. Пускай так, пускай такие веселые они отправляются к защите дипломного проекта.

Они бросились на улицу, бежали, прыгали с трамвая на трамвай, хохотали по поводу поведения пассажиров, из карманов у них торчали серебряные горлышки бутылок.

Таня встретила их неприлично радостным визгом, всю прелесть которого мог постигнуть только Андрей Очерет. Отец Васи – седоусый сварщик с «Дворца Советов»[3] не выразил никакого восторга, а сказал таким тоном, который употребляется им и на работе:

- Давай, давай, давай две минуты, две минуты…

Потом он говорил речь:

- Думал одного конструктора выпустить, а выпускаю четверых. Стахановская норма – 400 процентов! И с Новым годом, это само собой, и с новой жизнью! Ты, Васька, в особенности обрати внимание – ты теперь не ребенок, а инженер. Хотя, в то же время и так скажу: народ наш молодой, и жизнь тоже молодая, И я, конечно, молодой. У нас такой должен быть расчет: молодости нечего не бояться. Если тебя свободно прет куда-нибудь под облака, это не вредно. Чего там в самом деле!

Молодость, она и смеется, и шутит, и дело она может делать. И молодость всегда честная. А настоящие крылья, они не могут летать, если они старые. Я не знаю, как там скажут ученые, а по-моему так: можно дожить до семидесяти, а молодую душу уберечь. Это и будет по-советскому. Ну!

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 73. Рассказ закончен 30 декабря 1938 г. Предназначался для газ. «Известия», но не был напеча-

тан. Публикуется впервые, с некоторыми сокращениями (в целях лишь уменьшения объема).

Название рассказа символично, тесно связано с основополагающей проблемой свободы в педагогике А.С. Макаренко. Свобода у него означает не своеволие, а разумный, точный расчет в целесообразности действий, они должны соответствовать объективным педагогическим законам. Эти законы плодотворно используется в интересах людей; принятые решения проверяются практикой.

В рассказе воплощается характерная для педагогики А.С. Макаренко идея единства научного и художественно-поэтического творчества. Ярко представлена его идея гармонического сочетания ума, чувства и воли в воспитании. Это выразительно запечатлено в характере четырех товарищей, их конструкторской работе.

В то же время они очень разные по своей природе, особенностям характера и темперамента, что не разделяет их, а еще более сближает в общем труде и жизни. Юноши изображены в момент наивысшего творческого напряжения, при окончании 5-месячной работы над дипломными проектами в авиастроении. Показан макаренковский идеал личности: сочетание ее силы, нравственной чистоты и красоты. Это олицетворение жизненной силы и благородства нового поколения страны, трудящихся.

В рассказе отразились макаренковские наблюдения за Л.М. Салько (сыном Г.С. Макаренко от первого брака) и его товарищами по учебе в авиастроительном институте. Содержание рассказа ассоциируется с задуманной ранее повестью «Четыре товарища».

[1] Герметическая кабина самолета в это время проектировалась, находилась на стадии промышленного производства (проект военно-секретного значения).

[2] Марка шампанского.

[3] Говорится о строительстве Дворца советов в Москве.

***Дополнение.* 1938 г.: издание** *2-й части «Педагогической поэмы» на английском языке.*

Письмо Т.В. Турчаниновой, 3 января 1939 г.

Москва, 3 января 39.

Дорогая Татьяна Васильевна!

Прежде всего, конечно, с Новым Годом. В поздравление хочу вложить многое, но, представьте себе, не умею. Кажется, что слова, пригодные для этого дела, были уже сказаны миллионы раз и не столько радуют, сколько утомляют слух.

Одним словом, я хочу, чтобы в Новом году было лучше, чем в старом. Для нас с Вами важна общая тенденция стремления к лучшему, а насколько это будет действительно лучше, пускай зависит от нас. Я люблю счастье самодельное.

Я получаю Ваши письма ежедневно и очень они меня трогают, но признаюсь Вам, я не понимаю и боюсь их. Не понимаю Ваших представлений и Вашей тревожности. Я считаю, что Вы в чем-то ошибаетесь и, может быть, прежде всего, в самой себе. Совершенно не могу себе представить той Вашей взволнованности, которая в каждом слове видна в Ваших письмах. И боюсь.

Все дело в том, что Вы меня совсем не знаете, и поэтому почти неизбежно у Вас разочарование, которое, между нами говоря, вовсе не входит в мои расчеты.

Вот, не далеко ходить: мы еще не встретились, а Вы уже недовольны – почему я пью водку. Потому и пью, что я самый обыкновенный русский человек, а кто же из русских не любит посидеть за накрытым столом. Только и всего.

Впрочем, я уверен, что все окончится благополучно, и если даже Вы разочаруетесь, то это не будет похоже на трагедию, ибо я человек в общем порядочный и в общем удобный.

Мой приезд к Вам несколько откладывается. Он будет не в январе, как я думал, а в феврале, вероятно в начале[1]. Авдеенко сейчас в Москве и здесь задерживается. Повидаться, конечно, мы найдем место. Все равно придется мне останавливаться в Сталино в гостинице, т.к. Авдеенко живет в 40 километрах. Напишите мне, какие у Вас выходные дни.

Я очень хочу Вас повидать и наговориться. Спасибо за карточку. На ней Вы – неуловимы.

Целую Ваши руки.

А.Макаренко

Может быть, у Вас или в школе есть телефон?

Опускула макаренкиана, № 15, с. 60 – 61. Письмо примечательно макаренковским глубоким проникновением в психологию человека, его моральное состояние.

[1] Говорится, вероятно, о приезде А.С. Макаренко на Украину, встрече с А.О. Авдеенко.

Дополнение. *Статья А. Рагозина в «Литературном обозрении» №1, 5 января 1939 г. О «Флагах на башнях»:*

Литературная продукция автора уже «давно равна по объему всему художественному наследию Гоголя». В противопоставлении с «Педагогической поэмой»: «это не оскудение таланта, а измена ему». «Памфлет, направленный против ненавистной автору педагогической теории».

Утопия, «сказочная страна чудес». Автор «оборвал все нити, связывающие его произведение с жизнью». Дети: «их нежные и чувствительные сердца так и рвутся к труду». Все недостатки детей исправляет «добродушная улыбка и мягкая ирония», «демонстративное негодование». Педагогическая полемика в форме «мечты об идеальной колонии».

Выступление на встрече писателей с преподавателями литературы московских школ, 7 января 1939 г. (в записи)

Без постоянного творческого контакта, – говорил А. Макаренко, - между писателями и преподавателями литературы невозможно осуществление творческого контроля над выходящими в свет художественными произведениями. Педагог видит те изменения в психике ребенка, которые происходят под влиянием чтения этих произведений, и, следовательно, без педагога нельзя определить воспитательного значения книги...

«Литературная газета», 10 января 1939 г. На встрече выступили также П. Павленко, Гуревич, А. Твардовский, А. Безыменский, А. Раскин, М. Слободской. «Встреча эта носила не столько праздничный, сколько производственный характер. Встретились два отряда советской интеллигенции, работающие на одном и том же участке культуры».

Киносценарий «Настоящий характер» (фрагменты)

Действующие лица

Фабзаучники:

Вася Кулешов – 16 лет. Довольно высокий, худощавый, блондин, очень спокоен, но есть склонность к улыбке. У него должны быть хорошие волосы.

Коля Постников – 17 лет. Черный, хорош собой, строен и тонок. Одевается аккуратнее других.

Володя Боровок – 16 лет. Неактивен, вял, немного неудачник, есть склонность к упадническим настроениям.

Алеша Заболотный – 17 лет. Невысок ростом, коренаст. Человек страстный.

Терешка Орлов – 16 лет. Неаккуратен, неряшливо одет. Но у него обязательно должно быть ироническое лицо с богатой игрой. Весельчак.

Катя Дуброва – 16 лет. Умница, спокойная, душевная девушка. Хороша собой.

Нина – экспансивна, есть наклонность к небольшому детскому кокетству.

Шура – рассудительна, недоверчива, но в то же время очень добра и впечатлительна.

Николай Игнатьевич Загорский – главный инженер, еще не старый, энергичный человек.

Иван Павлович – мастер, добродушный человек, но любит казаться сердитым.

Константин Соколов – инструктор и секретарь комсомольской организации, добрый, спокойный, может быть, даже слишком.

Учительница – молодая, внимательная.

1. Вход в большой завод, расположенный недалеко от рабочего поселка. Где-то близко протекает река. Местность в общем провинциальная. Ворота. Сетчатая вывеска:

Завод № 89

Конец зимы.

2. Отдельное здание ФЗУ. Слева виден тот же вход в завод, и ясно, что ФЗУ помещается за стенами завода.

Перед зданием – площадка с палисадником и стоят садовые скамейки.

3. Вывеска ФЗУ. Вход. К двери направляется девушка лет 16 – Катя Дуброва. В руках книги, сверток чертежей. Она взялась за ручку двери. Слышен молодой, звонкий голос:

- Катя, подожди!

Катя оглянулась. Бегом к ней спешит Коля Постников. Он в ушастой шапке.

Коля. Ты говори решительно! Прямо говори!

Она отвечает ему с трехступенного крылечка, опираясь на перила.

- А если я нерешительна? Тогда что?

Коля. Как это нерешительна? Ты с кем поедешь?

Катя. А может, я поеду с Васей...

Коля. С Васькой? Хо! С Васькой она поедет! Терешка, ты слышишь? Веселый, иронический голос:

- С Васей? Убиться можно!

Терешка Орлов подходит с другой стороны. Походка вразвалку, кепка на одно ухо. Он ехидно ухмыляется.

4. Часть коридора в школьном этаже ФЗУ. Звонок на урок. Последние фабзаучники пробегают к классным дверям. Вася Кулешов идет не спеша. На него налетает Катя.

Катя. Вася! Давай на одной лодке запишемся!

Вася молчит, смотрит на Катю со спокойным удивлением.

Катя. Чего же ты молчишь? Может, ты не хочешь ехать?

Вася. Это еще не скоро...

Катя. Уже все записываются. Понимаешь?

Пробегает Терешка, оглянулся, кричит:

- Уговорила, уговорила, честное слово, уговорила!

Катя обратила к Терешке сердитое лицо. Терешка показал язык, скрылся в классе. Вася наблюдает эту сцену с застенчивой улыбкой. Катя смотрит на него с гневом:

Катя. Ну?!

Вася. Это еще через два месяца...

Катя. Какой ты... ужас!

5. Классная парта. Сидят рядом Володя Боровок и Вася.

Володя. Ты с Катей едешь?

Подперев голову рукой, Вася с веселой внимательность смотрит на Володю:

- Может быть, и с Катей.

Володя оглядывается предусмотрительно.

Володя. Лучше не соглашайся. У Кольки, знаешь, какой характер…Скандал... Она нарочно, она нарочно, чтоб только его дразнить…

Вася. Это... это ничего...

6. Класс. Учительница Лидия Васильевна заканчивает:

- Экскурсия по реке – замечательный отдых. Только готовиться нужно заранее. Завком поможет. Но... при одном условии: если ваш цех выполнит план...

Коля. Все равно, нам отпуск полагается.

Все к нему оглянулись. Лицо у Коли задорно-вызывающее.

Лидия Васильевна. Я говорю, Коля, не об отпуске, а об экскурсии на лодках.

Шура. А вы с нами поедете, Лидия Васильевна?

Лидия Васильевна. Если выполните план.

Коля. Опять план!

Вася. Лидия Васильевна, собаку с собой можно взять?

Общий смех. Улыбается и Лидия Васильевна.

Лидия Васильевна. Я думаю, можно...

---

8. Большой с верхним светом цех ФЗУ. С левой стороны стоят станки: несколько токарных, фрезерный, малые сверлильные. Ближе к зрителю большой пресс, на котором работает Нина. С правой стороны узкими концами к стене поставлены верстаки слесарей и столики сборщиков. За ближайшим столом Вася, Володя и Коля. Их работа состоит в том, что они из отдельных деталей собирают выключатели для прибора № 15. На узком далеком простенке цеха – портрет И. В. Сталина.

Володя. Разве это работа?

Коля. Я все равно поеду в Арктику.

Володя. Я хочу быть механиком, а здесь какая-то сборка…

Подходит Иван Павлович. Посмотрел. Пересчитал готовые выключатели.

Иван Павлович. Что? Сотня выключателей? На всех? Вот я начну хвосты крутить с такой работой!

Володя. Сотня. И то хорошо! Это буза, а не работа.

Иван Павлович. Это у тебя такая буза? Для Красной Армии это у тебя буза? Наш цех должен давать в день тысячу выключателей. Тысячу.

Коля. Да знаем, слышали. Издохнет наш цех, а никогда не будет давать тысячу.

Володя. А я хочу быть механиком, а не то что...

Иван Павлович. У тебя до механика борода еще не выросла. Норма на каждого сто, извольте норму выполнить!

Отошел сердитый.

Коля. Для Красной Армии! Красная Армия – это... эх! Это что, какие-то паршивые выключатели?

Вася. Мне они тоже не нравятся, эти выключатели, а только для Красной Армии... очень, говорят, нужна эта машина № 15.

Коля. Ну, заговорил! Тебе все равно ничего не нужно, кроме собаки…

---

18. В кабинете главного инженера Загорского. Перед столом стоит Иван Павлович.

Загорский. Короче... Сколько сегодня?

Иван Павлович. 410.

Загорский. Черт... Это же, наконец... Такой завод в руках у мальчишек! Почему?

Иван Павлович. Двое не вышли.

Загорский. Почему?

Иван Павлович. Не знаю еще.

Загорский. Почему вы не знаете?

Иван Павлович. Да не успел еще. Завтра.

Загорский. Да все равно: а если бы они вышли – 600! Что это такое? Нам нужно 1000, понимаете, 1000!

Иван Павлович. На конструкцию жалуются.

Загорский. Конструкция! Выключатель! Редкая машина! В каждой квартире десяток...

Иван Павлович. Николай Игнатьевич, нельзя же равнять: тут место плоское.

Загорский. Вот еще... проблема. (Звонит.)

Заглянул в кабинет секретарь.

Секретарь. Звонили?

Загорский. Пригласите срочно заведующего конструкторским бюро.

19. Заведующий конструкторским бюро стоит перед столом главного инженера.

Загорский. Ничего не сделали?

Семен Петрович. Стыдно сказать, ничего не придумали.

Загорский. Надо упростить технологический процесс. Вот, нечистая сила: стыдно даже говорить, технологический процесс в выключателе.

Семен Петрович. А вот посмотрите. У вас есть?

Иван Павлович достал из кармана выключатель.

Иван Павлович. Есть.

Загорский взял.

Загорский. Чушь какая! Эти... упорчики ввинчивается?

Семен Петрович. Ввинчиваются.

Загорский. А нельзя заклепывать?

Семен Петрович. Пробовали. Хуже получается, и времени все равно много.

Загорский. Знать ничего не хочу. Извольте думать. Неделя сроку.

20. Вася с Шариком медленно идут по опушке леса. Далеко видны трубы завода. В руках у Васи выключатель, он рассматривает его, иногда останавливается, соображает.

Шарик вдруг, зарычав, бросился вперед.

Вася. Шарик, назад!

Шарик недовольно возвращается. Из лесу выходят Коля и Катя. В руках у них большие букеты подснежников. Катя первая увидела Васю, вскрикнула:

- Вася, здравствуй!

Она подошла ближе, несколько смущенная. Вася отвечает:

- Здравствуй.

Катя. Как там на заводе? Нас ругали?

Вася. Да, Иван Павлович и Костя недовольны. И мы тоже.

Коля. Новости! И мы! А вы чем недовольны? Вы – тоже начальство?

Вася. Сегодня сдали 410.

Катя. Ох! Коля, это мы виноваты.

Коля. А если бы мы заболели?

Вася молчит.

Коля. Говори, если бы мы заболели?

Вася. Это было бы... тоже плохо.

Коля. Какое важное горе! Выключатель!

Вася. Да... но ведь это для Красной Армии!

Коля. Да иди ты к... Я виноват перед Красной Армией, да?

Вася. Да.

Коля. Перед всей страной, да?

Вася. Да.

Коля. Политик какой. А газет, наверное, не читаешь, с собакой все возишься.

Вася рассматривает Колю серьезным, спокойным взглядом.

Катя. Попадет нам за это, правда?

Вася. Попадет.

Коля. За что? Я могу заболеть? Могу? А может, я завтра двойную норму сделаю. Подумаешь!

Он сердито рванулся вперед. Цветы ему мешают. Он рассердился, взмахнул рукой, цветы полетели на землю. Шарик бросился к цветам, остановился.

21. У Васи дома. Отец и Вася за столом. Налитые стаканы чаю. Вечер. В руках у Васи пластинка выключателя.

Вася. Эти дырочки нужно просверлить, потом резьбу.

Пластинка крупным планом.

Вася. Упорчики тоже отрезать, нарезать резьбу, сколько мороки!

Отец. Да.

Вася. А в сборке тоже морока: завинчиваешь, завинчиваешь, а они не завинчиваются.

Отец. Конечно, железо. Если бы сталь. Плохая конструкция.

Вася. Вот это и все. И ничего нельзя придумать.

Пластинка крупным планом, то в отдельных деталях, то в процессе сборки, то готовая с контактной стрелкой.

Отец. Скучно, это верно. А конструкторское бюро завалено более важным делом. И что же ты думаешь?

Вася. Я думаю, думаю и ничего не придумаю.

Отец. Да тут пособить трудно. Наверное, люди думали уже.

Вася. Значит, ничего нельзя придумать?

Отец. Пока не придумали, всегда кажется, что ничего нельзя придумать. Была у нас лекция в клубе. Ученый Соколинский рассказывал: было время, не знали

люди, что такое колесо. Понятия не имели. Понимаешь, нет колеса, ни тебе на земле, ни тебе в голове. Вот такой штуки. (Покатил по столу крышку от сахарницы.) Тысячи лет так жили. И летом на санях ездили, чудаки такие. А потом кто-то взял и придумал.

Вася. (смотрит на выключатель). Если колеса нет, так его трудно придумать?

Отец. Трудно.

Вася. А если колесо есть, так легко.

Отец. Тогда всякий дурак может...

---

40. Вася во дворе сидит на скамье, у садовой изгороди. Перед ним стена дома, построенного в стиле коттеджа. Шарик играет во дворе, потом подошел к Васе. Вася положил руку на голову Шарика, но думает о своем, о выключателе: выключатель у него в руке.

Против Васи стена дома. Три окна и край крыши. У каждого окна ласточки строят гнезда, вьются близко, развлекают Шарика, он то и дело порывается вперед. Следуя за его движением, и Вася обратил внимание на ласточек.

У одного из гнезд копошится ласточка, ее черный резко раздвоенный хвост хорошо выделяется на белой стене дома, острия хвоста очень четки.

Вася вдруг энергично всмотрелся в этот хвост. Перевел глаза на выключатель и снова на ласточку.

Крупным планом: пластинка выключателя с упорами и наплывом на ней ласточкин хвост. Комбинация эта, трансформируясь, постепенно переходит в металлическую деталь – новую пластинку, в которой упорами служат загнутые кончики хвоста.

Вася поднялся, быстро глянул еще раз на выключатель и на ласточку. Задумался, радостно улыбнулся.

Вася. Шарик, знаешь что?

Шарик поднял внимательно морду.

Вася. Шарик! Колесо можно придумать, честное слово можно! (Быстро пошел в дом.)

41. Вася входит в комнату. Отец по-прежнему работает над своими шестеренками. Вася достал из своего шкафчика тетрадь, карандаш, сел в углу на стуле, начал набрасывать чертеж.

Отец. Что это ты встревожился?

Вася. Так... один чертежик.

Отец. Один чертежик... один чертежик... один черт… (Задумался.) Один черт – плохо!

Вася подходит к столу.

Вася. Как твои шестеренки?

Отец. Все так же.

Вася. На месте? Колеса еще не придумал?

Отец. Не придумал.

Вася. Значит, на санях ездишь?

Отец. На санях. (Отец поднял вдруг голову.) Ага! А вы на колесах?

Вася. А мы на колесах.

Отец. Да ну! Рассказывай!

Вася открывает перед ним чертеж.

42. *Отец.* Слушай – замечательно! Это – колесо! И знаешь что? Ты... как бы это сказать... ничего себе!...

---

72. Класс. Урок.

Учительница. Алексей правильно разобрал характер Чапаева. У него не только храбрость, но и разум и осмотрительность.

Алеша. Тормоза!

Учительница. Совершенно верно – тормоза.

Звонок.

Входит Иван Павлович.

Иван Павлович. На одну минутку задержитесь. Вот что, ребята, хочу выяснить. Вчера вечером кто-то был в цехе.

Голоса. В цехе? Вечером? Зачем?

Иван Павлович. Не знаю уж зачем, а только выпрыгнул в окно. Сторож его было схватил, да тут какая-то собачонка вмешалась в дело…

Все смотрят на Васю.

Алеша. Собака? Интересно. Украли что-нибудь?

Иван Павлович. Нет, ничего не украли... Может, потом выясним…

Алеша. Это что ж такое? С собакой?

Терешка. Умная собака или не очень?

Иван Павлович. Да вроде тебя.

Терешка. Умная, значит... Василий, ты своей собаки никому напрокат не давал?

Вася. Нет, не давал.

Алеша. А, может, ты что-нибудь скажешь?

Вася. У меня секретов нет. Вчера я сказал Косте...

Входит инженер. Тишина.

Он стал перед классом.

Инженер. Я пришел, дорогие фабзайчата, поблагодарить вас и поздравить. В последнее время вы работаете по-стахановски. Но нам все мало. А вот сегодня... рано утром такая хорошая новость: один из вас предложил мне новую конструкцию выключателя. Замечательно просто. Девиз - ласточкин хвост!

Лицо Васи.

Лицо Коли.

Лицо Володи.

Инженер. Вот до чего просто. *(Чертит на доске.)* Я уже передал в производство. Это настолько выгодная конструкция, что можем передать ФЗУ несколько новых операций.

Голос. Кто же это?

Инженер. Как? Вы разве не знаете? Это Николай Постников.

Общее движение. Галдеж. Лица Васи, Коли, девочек, Володи.

Инженер. Благодарю Колю от всего завода. И вас всех. Только в хорошем коллективе рождаются такие идеи.

Иван Павлович. Это хорошо, а все-таки, кто в цех вечером лазил?

Инженер. Ну, это мы выясним. Правда, Николай, выясним?

Коля. Я думаю.

Инженер, Иван Павлович и учительница вышли.

Общий шум и поздравления.

Нина в группе девочек.

Нина. Я говорила, я говорила! Вот человек!

Шура. Теперь ты еще больше влюбишься.

Нина. Ну как же не влюбиться! Иду поздравлять. Коля! Я тобой горжусь!

Катя. Поздравляю.

Терешка. Что делать? Когда же чем-нибудь прославлюсь. Колька, ты уже и здесь будешь хорош, а я вместо тебя в Арктику.

Коля. Э, нет...

80. Выходной день. На реке. В лодке Катя, Вася, Шарик. Лодка идет под парусом. Далеко по реке также видны лодки. Прошел пароход.

Вася. Теперь я тебе покажу повороты. Сейчас мы идем под ветром.

Катя. Вася, давай уйдем на широкий плес, там легче.

Вася. Давай.

Вася управляет парусом. Лодка быстро понеслась мимо парохода, мимо лодок товарищей. Промелькнули Терешка с Шурой, Алеша с товарищем, другие. Иван Павлович на камнях сидит с удочкой.

- Здравствуйте, Иван Павлович!

Иван Павлович. Ох ты... с парусом... Молодцы! Вася, а... как бы это… это та самая собачка?

Хитро подмигнул, Вася засмеялся, лодка пролетела...

Впереди открылась более широкая часть реки. Здесь других лодок нет, только далеко еще навстречу несется одна, на которой человек гребет стоя.

Катя. Это Коля?

Вася. Да...

Катя. Завтра общее комсомольское.

Вася. Боишься?

Катя. Нет, на душе чисто... За это тебе спасибо... Ты настоящий друг…

Вася. Я всегда буду твоим другом...

Катя что-то хотела сказать, улыбнулась, ничего не сказала.

Лодка Васи быстро разошлась с лодкой Коли. Коля явно кокетничает, гребя в неудобном положении, стоя.

- Упадешь, – сказала Катя весело.

- Не бойся, – ответил Коля сухо.

Его лодка отошла уже довольно далеко, когда Коля крикнул:

- Катя!

Катя. Что?

Коля. От Шарика блох не наберись!

Катя не расслышала.

Коля повторяет, показывая веслом.

Коля. От Шарика... не наберись блох!

Катя нахмурилась, оглядываясь на Васю, но Вася вдруг встревожился.

Коля не удержал равновесия и полетел с лодки. Лодка от толчка отошла от него. Видна его голова.

Вася. Он умеет плавать?

Катя. Не знаю.

Вася крикнул изо всех сил:

- Держись! Идем к тебе!

Лодка под парусом быстро несется к Коле.

Видно, как Коля барахтается в воде, но можно уже понять, что плавает он плохо. Он начал кричать:

- Помогите!

Лодка быстро подходит к месту катастрофы. Вася говорит:

- Ах ты... и раздеться нужно, и править...

Он догадался.

Вася. Шарик! Человек за бортом!

Шарик давно уже стоит на носу, с тревогой наблюдая происходящее. Теперь он радостно кинулся в реку. Вася начал раздеваться, лодка завертелась на месте.

Вася. Держи так, на берег, мы его на берег вытащим.

Коля погружается в воду, показывается только его темя, да руки судорожно хватаются за воду. Шарик ухватил его за воротник, потащил к берегу. Лицо Коли

показалось над поверхностью воды, он несколько раз глотнул воздух. Вася уже возле него.

Шарик и Вася плывут по бокам Коли, направляют его к берегу.

81. Коля сидит, еще не вполне опомнившись, на берегу. Шарик смотрит на него и тяжело дышит от усталости. Вблизи приткнулась у берега лодка. Катя от лодки идет к мальчикам.

Катя. Как ты себя чувствуешь?

Коля. Ничего.

Он не хочет ни на кого смотреть. Он хмуро сидит мокрый на песке и трогает зубы ногтем большого пальца. Вася смотрит на неге озабоченно.

Вася. Тебе холодно?

Коля. Ничего, ничего, мне хорошо. *(Отвечает он почти грубо.)*

Вася. Катя, ты побудь с ним, а я поеду его лодку поймаю. И весло.

Катя. Поезжай.

Вася побежал к лодке с парусом. Шарик ринулся за ним.

82. Катя и Коля на берегу. Кругом песок, река и молодой лес. Место очень живописное.

Катя. Как ты упал?

Коля. Катя, пожалуйста, давай не разговаривать...

У него вдруг начинают стучать зубы, он втягивает голову в плечи, отворачивается, кусает губы.

- Ты болен, – говорит Катя.

Он берет себя в руки... отворачивается...

83. По реке плывет лодка под парусом. В ней сидят Вася, Коля и Катя. К этой лодке привязана буксиром другая – лодка Коли. На ней победоносно сидит Шарик и, кажется, доволен своим одиночеством.

84. На передней лодке. Вася говорит:

- Я все-таки оденусь.

Поверх трусиков он надевает штаны и рубаху. Когда он просовывает голову в рубаху, из кармана падает что-то на дно лодки. Вася этого не видит. Грустный Коля подымает эту вещь и машинально рассматривает ее. Вася тем временем надел рубаху. Он видит, что находится в руках у Коли.

Коля (спрашивает). Что это?

Вася. Это? Это модель. А разве ты... ты такой мод ели не делал?

Коля ничего не ответил, но вдруг с большой силой глянул в глаза Васи и потом, закрыв лицо руками, заплакал. В одной руке он еще держит модель. Вася положил руку на его плечо. Он затих. Вася серьезно посмотрел на Катю.

Вася. Слушай, Коля. Не убивайся. Этот... ласточкин хвост пошел на общую пользу. А что ты упал, мы никому не скажем. Хорошо, Катя?

Катя кивнула.

Вася. Шарик тоже... К сожалению, он не умеет разговаривать.

Услышав свое имя, Шарик встал передними лапами на нос своей лодки и внимательно слушает.

Вася. Ты посмотри на него.

Коля невольно посмотрел и грустно улыбнулся. Потом быстро вытер слезы, сказал почти сурово:

- Спасибо, Василий, я сам все сделаю. А жалеть меня не нужно…

85. Комсомольское общее собрание на волейбольной площадке.

Коля. Я все рассказал, товарищи. Я мог бы утаить, что они меня вчера спасли, они тоже не сказали бы. Но я не хочу. Вы понимаете, почему я не хочу?

Алеша. Понимаем.

Коля (продолжает). Меня, конечно, следует взгреть, как говорит Алексей, но, уверяю вас, я многому за эти дни научился и наказывать меня лишнее. Серьезно, Алеша. У Васи настоящий характер, и я хочу у него учиться, как у первого своего друга.

Алеша. Что Васька... как бы это сказать... ну... ничего парень…это одно дело. А другое, его следует... следует...

Терешка. Взгреть.

Алеша. Вот именно. Чего он набрехал тогда на общем собрании.

Нина. Да отстань ты. Сейчас у нас так хорошо...

Алеша (неожиданно). Отстань? Да! А знаете что? Согласен. Уже отстал.

Все смеются.

Терешка. А все-таки главный инженер не узнал, кто изобрел ласточкин хвост.

Инженер. Извините. Я очень хорошо знал кто.

Коля. Серьезно?

Инженер. Совершенно серьезно.

Коля. А почему же вы не говорили?

Инженер. А я так, как Василий. Я знал, что вы сами скажете, товарищ Постников. Вы же честный человек, это хорошо видно.

Костя. Кончаем. Есть предложение выбрать Василия Кулешова капитаном нашего похода на лодках.

Аплодисменты.

Голос Терешки. Только пускай парус оставит дома, а то завидно, прямо печенки болят от зависти.

Вася. Нет, парус всем пригодится. Будем учиться под парусом.

Иван Павлович. Постой, не закрывай, не закрывай, у меня заявление. Примите меня в вашу организацию.

Голос. В комсомольскую?

Иван Павлович. Да ну вас, с вашей комсомольской, в эту самую... экскурсию... я вам буду рыбу ловить, а то ведь... вы... куда вам...

Общий восторг.

86. Лодочный поход отправляется в путь. Все готово. Все в лодках.

На берегу провожающие. Оркестр музыки, отцы, последние прощальные улыбчивые взгляды.

Вася (командует). На весла!

На лодках разбирают весла.

Вася. Вперед!

Поход тронулся. Играет музыка.

87. Крупным планом проходят одна лодка за другой. Улыбающиеся знакомые лица.

88. Лица на берегу. Инженер. Отец. Мать.

89. Поход отплыл от берега. На лодках начали песню.

90. Лодки удаляются. Песня еще доносится.

91. Лодки почти скрылись. Но песня еще слышна.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 216 – 18, 224 – 6, 234 – 5, 241 – 2, 244 – 7.

Место действия – школа фабрично-заводского ученичества (фабзауча, ФЗУ). Этот тип школы получил широкое распростра-

нение с 1921 г. Ее задача – подготовка из молодежи высококвалифицированных рабочих для промышленности и транспорта. При 4-летнем сроке обучения профессиональная подготовка сочеталась с общим образованием в объеме 7-летней школы (без прямого поступления в старшие классы общеобразовательной школы).

Школы ФЗУ находились в ведении Наркомпроса; в 1929 г. переданы производственно-хозяйственным организациям по специальности. Школы действовали на базе производственного предприятия (обычно с учебным цехом). Учащиеся выполняли производственные работы по установленным нормам, получали зарплату, участвовали в выполнении промфинплана предприятия, включались в его штат.

Эти школы преобразованы в 1940 г., стали частью системы «трудовых резервов», включающей ремесленные и железнодорожные училища (2 года обучения после начальной школы) и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО, 9-месячное обучение). «Трудовые резервы» надежно обеспечили рабочими кадрами экономическое развитие страны в предвоенное, военное и послевоенное время.

Примечательно, что при подготовке фильма о школьном воспитании А.С. Макаренко не мог взять тематику обычной школы. Он обратился к типу школы, близкому его трудовой колонии-коммуне. Он не видел настоящего советского воспитания в нетрудовой общеобразовательной «школе учебы», утвердившейся в СССР в начале 1930-х гг.

Характерно также, что в марте 1928 г. А.С. Макаренко категорически возражал против организации коммуны им. Ф.Э. Дзержинского по типу фабрично-заводской 7-летки. ФЗС действовали в 1926 – 1935 гг., при производственном предприятии; ее выпускники переходили в старшие классы средней школы. Он видел, что связь с производством здесь ограничивается задачами общего и «политехнического» образования–обучения. Это был бы отход от приоритета воспитания, т.е. от того, что составляет суть макаренковского творчества в педагогике.

Свою позицию он мотивировал тем, что трудовая коммуна для беспризорных детей, где главной задачей является воспитание–«перевоспитание», - это учреждение, соответствующее заветам Ф.Э. Дзержинского в работе с ними (учреждение проектировалось как «живой памятник» ему). См. часть 2 данного издания, с. 60 – 61, 65; он тогда отклонил и строение коллектива дзержинцев по типу ФЗУ.

В киносценарии утверждается макаренковская идея воспитании характера, всецело определяющая дело воспитания. Как у В.И. Чапаева, характер – это «не только храбрость, но и разум, и осмотрительность», выдержка, волевая жизнестойкость. Конфликт в детской среде разрешается с развитием чувства чести и достоинства, сдержанности, благородства, товарищеского взаимопонимания и взаимопомощи. Нужна «стахановская душа». Во все это органично вплетается тема подростковой влюбленности. Затрагиваются тонкие нюансы межличностных, духовно-нравственных отношений и переживаний в детском коллективе.

В словах отца сыну: «Ежели теперь нет в тебе большевика, то и вырастешь...трудно будет...» - отражается концептуальная макаренковская идея «проектирования личности», т.е. отношения к ребенку так, как будто он уже обладает необходимыми качествами личности (тогда они у него появятся). «Большевистский» характер - созидательный, творчески целеустремленный, коллективистский.

Единство взрослых и подростков в «воспитательном» трудовом коллективе представлено как 9 взрослых и 8 детей (в списке действующих лиц не учтены отец и мать Васи Кулешова, командир дивизии, дежурный и сторож). Учительница представлена в общем русле «педагогики жизни». Учащиеся-подростки включены в процесс «хозяйствования».

Прототип Васи Кулешова – коммунар – дзержинец *Василий Клюшник*. **Эпизод с рационализаторским предложением (изменение конструкции выключателя) дан по аналогии с предложением коммунара-дзержинца** *И. Ткачука* **по совершенствованию выключателя электросверлилки, производимой на коммунарском заводе. (Фото его с электросверлилкой в руках см.: Воспитание гражданина..., в первой фотовкладке). Описание в киносценарии цеха ФЗУ в кадре №8 соответствует картине заводского цеха коммунарского завода электросверлилок (см. фото №5 на форзаце в начале части 2 данного издания).**

Примечательно, что макаренковская идея «труда-хозяйствования» органически включает новаторство, творческое развитие производства (требование «инноваций», как сейчас говорят.)

О рукописях начинающих писателей, 5 и 9 января 1939 г.

Льдов.

5 – 1 – 39. Сегодня был у меня четвертый раз. Из всех моих подопечных самый грамотный и культурный человек. Пишет, кажется, несколько лет, и у него есть вещи совсем законченные, которые он длительно перетаскивает из консультации в консультацию.

В сборнике начинающих идет его рассказ «Нечистая сила», рассказывающий о проходимце и мошеннике попе, попавшем в юрту к кочевникам и по случаю устраивающем в ней разные промыслы, начиная от венчания невенчанных и кончая покупкой за водку шкурок. Поп, конечно, выдуманный и слишком откровенно контрреволюционный, но тем не менее нужно признать, что вылеплен он с некоторой силой.

У меня он настаивал на другой своей вещи, которая называется «Обреченные». Эта повесть о скопцах, сделана со знанием материала и с интересными подробностями, но прообразы недоделаны и тема вообще скользкая и устаревшая. Печатать эту вещь никто не будет ни за какие тысячи.

Из всех моих молодых Льдов самый старый и самый деморализованный. Он делает слишком сильные попытки выбиться в писатели. Оставил где-то в Гайвороне Курской области жену - учительницу, а сам последнее проживает где-то в селе под Москвой и на последнее пишет. Был очень обескуражен неудачами последних рассказов и совершенно пал духом. Я уговорил его ехать в Гайворон и писать повесть, которую он задумал и которую я в общем благословил.

Повесть о колхозной женщине, которая едет учиться, вступает в связь с профессором - вредителем, потом начинает разбираться, в чем дело и возвращается к мужу. В этой повести хорошо задумана главная героиня. Очень я предупреждал

Льдова обратить внимание на композицию образа, и он внимательно слушал. Может быть, что-нибудь и выйдет.

Хилькевич.

9-I-39. Был у меня второй раз. Первый раз притащил большую повесть, накатанную от руки единым духом и без помарок. Я эту повесть с трудом прочитал, и сегодня мы с Хилькевичем покончили.

Повесть фантастическая. В нее напихано без всякого стеснения все, что автору приходилось слышать о ракетопланах, о Марсе, о Венере и о всевселенной революции.

Хилькевич - мальчишка 17 лет, учится в VIII классе школы для взрослых. Повесть его - очень активный бред, не имеющий никакого значения и обнаруживающий пока очень мало таланта.

Но у хлопца есть энергия и тот счастливый инстинкт, который позволяет храбро описывать самые недоступные вещи. В конце повести можно усмотреть даже некоторые способности к фабульным постройкам. Рекомендовал ему, если он желает специализироваться на научно-популярной теме, избрать что-нибудь более узкое и сделать основательное и добросовестное. Свидания не назначили, но, вероятно, он все-таки явится.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 135, лл. 3 – 12.

Как в педагогике и литературе вообще, А.С. Макаренко в работе с начинающими писателями обращается прежде всего к личности автора, его жизненной позиции и опыту жизни. Он находит и показывает положительное в сделанном, видит проблески таланта, дает советы, в том числе и жизненные. Не ограничивается вопросами мастерства писателя, литературно-художественной техники.

О взглядах А.С. Макаренко на работу с начинающими писателями см. «К вопросу о консультации» – в части 7 данного издания.

Письмо В.П. Захаржевскому, 11 января 1939 г.

Москва, II - 1- 39 г.

Валериан!

Как приятен твой поэтический почерк! Как приятны - терпки твои сентенции и намеки, особенно на Чехова, Толстого, Тургенева.

Хорошо было бы с тобой за рюмкой водки поговорить о богатстве жизни. Может быть, в «их» время и было богатство, которое просится в роман, но я с ними не поменялся бы. Лучше наша бедность. Мы живем страшно большими поворотами души[1], хоть сами этого не замечаем.

Вот, например, ты пишешь книгу. Я уверен, что это будет очень хорошо. Устрой так, чтобы эта книга была хорошим ответом вересаевским «Запискам врача»[2].

Напиши остроумно, бодро и зло. Ничего не бойся, медицина - не педагогика!

Мы живем скромно - денег мало, в гости не ходим, в театрах почти не бываем. Очень будет приятно, когда Елка приедет в Москву. Мы - столичные, любим, когда к нам приезжает провинциалы. Мы показываем им Третьяковскую галерею и говорим: «Это мы сделали!»

Показываем метро и ничего даже говорить не нужно – провинциал настолько обалдел, что все равно ничего не услышит.

Пиши книгу скорей, будешь печатать.

Привет всем от всех.

Твой *А.Макаренко*.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 263. *Захаржевский В.П.* **– врач, консультирующий А.С. Макаренко.**

[1] **А.С. Макаренко отчетливо видел духовно-нравственного развитие страны и человека, их веру в себя и свое будущее, выдающиеся достижения в науке, культуре и искусстве. Это ярчайшая особенность его педагогического и художественного мышления и творчества. Непонимание этой особенности является главной причиной критики «Флагов на башнях» и «Книги для родителей». Это недоверие к его этическим воззрениям и социально-педагогическому опыту.**

[2] *Вересаев В.В.* **– писатель, автор «Записок врача» (1901 г.), отражал прогрессивные демократические тенденции в поиске путей решения острых социальных проблем.**

Письмо С.А. Калабалину, начало января 1939 г.

Январь 1939

Дорогой Семен!

С Новым годом я тебя поздравил – получил ли ты мою телеграмму? Я послал телеграмму и Шершневу, но он давно мне не пишет, свинья совершенно исключительная.

Спасибо, что хоть ты меня не забываешь. Очень рад твоим семейным и производственным успехам, это всегда меня наполняет гордостью.

Недавно в Москву приехала экскурсия работников детских домов и колоний Полтавщины. Многие меня помнят по Полтаве. Говорят, что во всех колониях Полтавской области заведена наша система – командиры и даже сводные отряды. Завели они все это рановато, хорошие вещи у нас принято заводить через 5 лет после смерти авторов. Черт с ними, даже для распространения совета командиров я умирать не хочу.

Что это значит: «Меня назначили внешкольным инспектором-консультантом»?[2] Как темно нынче пишут! Значит ли это, что ты ушел из Соколовки или не значит? А если не значит, какой из тебя к черту инспектор?

Я живу скучно. Писать ничего не хочется, меня все равно читают только читатели, «Зои» принципиально не читают и пишут гадости в «Комсомольской правде». Выползают эти Зои в одиночку, нагадят и пойдут, а в одиночку мне с ними спорить не хочется.

Писать скоро ничего не буду. Пробавляюсь разными пустячками далеко не первого сорта. Надо накопить достаточно энергии, чтобы взяться за моих врагов по-настоящему, никак не сосредоточусь на хорошей теме.

В марте собираюсь поехать в один дом отдыха, здесь есть под Москвой приличный, а на май закачусь в Ялту и, честное слово, буду лежать на травке и плевать на кипарисы.

Пиши, не забывай. Привет Гале, Антону и всем прочим твоим наследникам.

От Гали привет и поцелуй всем соколовцам.

Твой *А.*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 212 – 213. *Калабалин С.А.* **- воспитанник колонии им. М. Горького с 9 марта 1921 г., прототип С. Карабанова в «Педагогической поэме». После колонии учился в сельскохозяйственном институте. Затем физрук в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, работник Винницкой трудовой колонии.**

Участник Великой Отечественной войны, действовал в контрразведке и военной разведке, награжден орденом Отече-

ственной войны. См.: С.А. Калабалин. Педагогическое наследие и современность /сост. и ред. Л.В. Мардахаев. – М., 2013.

[1] *Шершнев Н.Ф.* **– воспитанник колонии им. М. Горького с марта 1921 г. В «Педагогической поэме», «ФД-1» и «Флагах на башнях» Н. Вершнев, врач в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.**

[2] **Приказом по Винницкому облоно (Украина) С.А. Калабалин был назначен инспектором – консультантом по детским домам Винницкой области. С марта 1938 г. – зав. Учеб. частью Соколовского специального детского дома, до мая 1939 г.**

Письмо Л.Н. Разумовой, 11 января 1939 г.

Москва, 11 января 1939

Дорогая Лидия Никитична!

Спасибо, что написали просто и толково. Я такой человек, каким Вам представился в Ленинграде, но одиночество иногда и мне надоедает, надоедают неприятности. Никакого нет противоречия, все правильно. А почему я один – это разговор длинный.

Сейчас я живу как чернорабочий, делаю всякую неинтересную работу и ожидаю вдохновения, т. е. хорошей темы. Все это, конечно, придет.

Что касается друзей, то я не запрещаю им помогать мне нести груз, если они это делают по собственному почину, а не по моей просьбе. Сам я об этом никогда не попрошу. Такой гордый.

А письма все-таки далеко не то, что живой человек. Уж это извините. Пишите, Лидочка.

Пишите больше. Я люблю получать длинные письма от умных людей. От дураков люблю короткие.

А. Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 112.

Из письма К.С. Кононенко, начало января 1939 г.

…У нас, что ж... у нас все течет, лучше всего текут, конечно, года и деньги. В сберкассе у нас ни того, ни другого, к сожалению, нет. Зарабатываю мало, во-первых, надоело писать, во-вторых, боюсь критиков (не к ночи будь помянуто), в-третьих, некогда, черт его знает, куда девается время!

Утром встаешь с глубоким убеждением, что весь день в твоем распоряжении, а потом оказывается: половину времени провел возле телефона, а вторую половину где-нибудь курил и слушал в общем обыкновенные слова. По телефону разговаривал почти исключительно с шизофрениками, нормальные люди перестали ко мне обращаться.

И конечно, досадно - звонят ко мне не те люди, которые мне нужны, а те, которым я нужен.

Очень хочу поехать в Харьков. Разговаривать с Костей, - прямо мечтаю, как собака, и слюна течет при этом в неприличных размерах. Но как же ты поедешь, если и денег нет, и стыдно без дела ехать, и некогда.

Критика меня ест, но я не обижаюсь. За битого двух небитых дают. Огрызаюсь, как умею, но это трудно, часто выходит не лучше, а еще убыточнее...

Опускула макаренкиана, № 9, авт. Г. Хиллиг. – Марбург, ФРГ, 1989, с. 52 – 53.

Дополнения. *А. Кононов. Несколько возражений тов. А.С. Макаренко* **– статья в ж. «Детская литература», 1939, №1:**

Кононенко К.С. **– зав. финансовой частью коммуны им Ф.Э. Дзержинского с марта 1932 г.; нач. коммерч. сектора Управления**

объединенными предприятиями коммуны с августа 1933 г. Друг А.С. Макаренко, принимал участие в создании «Педагогической поэмы» как художественного произведения, активизировал ее публикацию. См. об этом в части 7 данного издания, с.134.

Правомерность темы «половой любви» в литературе для детей – это «левее здравого смысла и педагогического такта», как у педологов. Важно: об ограничении в противоречивом развитии художественного образа, характера (в литературе для детей). Искренность А.С. Макаренко и некоторая «запальчивость».

И. Липман. О воспитании сознательной дисциплины у учеников советской школы **– статья в ж. «Коммунистична освита», Киев, №1, укр. яз.:**

«Тов. Макаренко, который дважды выступил на страницах «Правды» по поводу воспитания воли, характера, дисциплины[1], ни слова не сказал о роли обучения и просвещения в этом деле». По его мнению, «основной организатор и центр дисциплины в школе – это директор, а не центральная фигура нашей школы – учитель».

Макаренко «в свое время совсем пренебрегал какими-либо нормами поведения, стоя целиком на позициях мелкобуржуазной «теории свободного воспитания», теперь «шарахнулся в противоположную сторону, считая взыскания и наказания чуть ли не основным средством воспитания». Он вступил в противоречие с постановлениями ЦК ВКП (б) о школе 1931 – 1936 гг. Цитаты из К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Я.А. Коменского, К.Д. Ушинского, И. Песталоцци, А. Дистервега, А.М. Горького. В конце: одна фраза о «влиянии коллектива».

[1] См. часть 7 данного издания, с.52-55 и 68-72.

Запись в дневнике, 11 января 1939 г.

11 января 1939 г.

Ни в «Известиях», ни в «Советской Украине» мои рассказы не напечатаны[1]. Принимаю это как явление совершенно естественное.

В «Детиздате», куда меня вызвали, сказали только одно, что «Флаги» они печатать не будут[2]: не подходит для детского возраста и, кроме того, «быт». Быт! Ну что против этого скажешь. Есть слова, которые, собственно говоря, ничего не говорят, но употребляются с осуждением.

Сценарий «Союздетфильму» сдал и прочитал [в Детфильме]. Хоть и много над ним повозился, но, по-моему, сценарий вышел совсем не плохой, конечно, лучше «Семиклассников». К моему удивлению, он был встречен довольно холодно. Что-то такое говорили: есть, конечно, достоинства, но это повесть, нет драматизма, облегченный конфликт.

Нужно давать убийства и «конфликты» – это в ФЗУ. На 17-е назначено обсуждение, но я уже ничего хорошего не жду. Не думаю, чтобы они отклонили его без всяких условий, но вероятно, придется повозиться.

Ставский[3] вызывал в «Новый мир» – напишите повесть, но договора все-таки не предложил.

Из «Гослитиздата» о «Флагах» ничего. Договор на «Книгу для родителей», кажется, состоится[4].

В «Октябре» опять запрягли. Пробавляюсь самой неприличной мелочью – рецензиями, консультацией, сегодня подписал договор на редактирование детского календаря.

Принимаюсь за пьесу для Ленинграда. Кого в ней убить, зарезать, какой придумать ужасный конфликт.

Для Одессы, кажется, нашел сюжет достаточно кровожадный – помогает Галя.

«Молодая гвардия» молчит.

Воспитание гражданина..., с. 843.

[1] Говорится, видимо, о рассказах «Расчет свободно несущих крыльев» и «Новые годы».

[2] Говорится о публикации «Флагов на башнях» отдельным изданием (по сделанной ранее журнальной публикации).

[3] *Ставский В.П.* **– писатель, журналист, общественный деятель, Генеральный секретарь Союза советских писателей после смерти А.М. Горького (18 июля 1936 г.); в 1937 – 1941 гг. гл. редактор ж. «Новый мир».**

[4] Говорится, видимо, о 2-м томе «Книги для родителей».

Темник. Начат 12 января 1939 г.

Тема № 1. Дружба в школе

Предложена Галей для сценария.

Основные действующие лица: ученики X класса, ученица помоложе и ее отец или отчим. Начинается со случая, когда юноша спасает девушку во время пожара или несчастного случая. Галя предлагает, чтобы после спасения юноша скрылся. Его отец – врач, хирург – рассказывает сыну о девочке, привезенной в больницу, которую никто не навещает из родных. Потом начинается дружба, скрепленная школьным коллективом. Разоблачение врага происходит общими силами. Конец не вполне ясен. Какое-то значение должно иметь преподавание [учебный процесс].

К этой теме отчасти подходит история Лены Пихоцкой[1].

Тема № 2. Ошибка школьников

Предложена Левой для сценария.

Школьники замечают у противоположного здания, имеющего общественное значение, таинственные фигуры. Начинается выслеживание и преследование. Влюбленный ждет девушку. Они тоже попадают под подозрение. Все оказывается ошибкой, но на этой ошибке сбивается [формируется] коллектив.

Тема № 3. Образцы поведения

Годится к «Книге для родителей».

Воспитание правильных представлений о чести, гуманности, добре, зле, правде, взаимности, общественной зависимости, дружбе и любви. Градация: сокласник, товарищ, друг, любимый. Роль личных способностей при социализме. Интернационализм и патриотизм. Овладение культурой. (Навеяно письмом Савина, Москва.)

Конкуренция и соревнование. Честолюбие и подхалимство.

Оговор учительницы – тычет пальцами в голову. Целое разбирательство (Левин). Клинья в брюки. Драчливость (Родникова О.).

Тема № 4. Порочность и чистота

По моему письму Разумовой.

Женщин наших он обвиняет в порочности. Разумова пишет: разве мы порочны? Мы трудолюбивы, честны, любим ласку, немного фантазерки.

Вопрос о порочности, свободе любви, ответственности и мудрости. Тезис: в любви нет порока. Нет порока в желании разнообразия, свежих поцелуев, нет порока в искренности. Но есть много идиотов, которые не умеют организовать любовь, которые умеют отравить любовь, надоедать, жадничают, спешат, не хотят отвечать за

свою любовь, не хотят проверить, подождать. Надо отвечать за детей. Здесь вопрос решается и культурой личности…

Этих вопросов касается в своих письмах и Тамара Иванова.

Тема № 5. Борьба с собой

Из письма Кузнецова (по поводу «Книги для родителей»).

Мать – студийка. Днем на репетиции, вечером в театре. Нужда, оскаленные зубы и в то же время жадность на радости. Сын ей мешает, над сыном она почти издевается. И у него развивается злоба, беспросветность, слабость воли. Какой-нибудь важный взрыв, и у него начинается борьба с самим собой. Он начинает с того, что принимает на себя все домашнее хозяйство. Он научается стирать, мыть полы, штопать, ходить на базар. Он еще суров и зол, но он воскресает как личность… Здесь возможны интересные фабульные концы.

Тема № 6. Озлобленность

По письму Селенского.

В центре темы тип: умный, рассудочный, обозленный, острый. Дайте условия, потому что бытие определяет сознание. Бытие понимается им очень просто: полное материальное благополучие. Он учитель и пишет: нельзя воспитывать, если дети пишут на клочках. Вместе с рассудочностью у него озлобленный глаз: детей нужно дрессировать, как мустангов, как обезьян; народ дикий и был диким. Меньшинство всегда хотело внушить народу, что у него есть все условия. Как развязать тему? Трагически – гибелью этой одинокой злости или комически – тяжелой взрывной перестройкой.

Тема № 7. Вожатый

Письмо Гринберга[2].

Положение вожатого в школе. Он ничего не знает, он сам во всем «плавает», а его заставляют воспитывать. Учителя же, получившие высшее педагогическое образование, после урока идут в канцелярию. Вожатый начинает ненавидеть учителей, даже переходит на другую сторону. Вожатый не может разрешить многих вопросов; он не знает, как это сделать; вопросы дружбы и любви для него непосильны. Лучшая пионерка плюнула учителю в лицо - что делать? Гринберг все-таки думает, что кто-то должен написать книгу для вожатых.

Тема № 8. Распущенность

По письму Кострюковой. «Книга для родителей».

Очень груб. Очень способен. День нельзя оставить дома. Даже свинину продавал, и взрослые покупали. Сегодня одно нравится, завтра другое. Дружит с более старшими. Обращалась за помощью. Сказали, что нужно его судить, а мать лишить материнства. Отдельная кровать, отдельный стол, купили фотоаппарат. Директор постарается от него отделаться. В роно. В Наркомпросе не приняли.

Письмо Галайской. Ругает, плюет, бьет няньку, мать. Товарищеские суды взрослых плохо влияют. Хулиганство. Выкрутил директору палец... Пьянство в школе. В уборных курят, в учительской накурено. Выбросили диван из окна (427-я школа). Карты нельзя вешать. Нагоняет высокий процент успеваемости. Повтори урок.

Тиба. Пьет. Варенье. Груб. Проблема почистить ботинки отцу (письма Турченко).

Отношение к государственному имуществу (письмо Ларионовой).

Полное разложение (письмо Клюевой).

Тема № 9. «Честность»

«Книга для родителей»

Мальчику в магазине дали сдачи на 1 рубль больше. Радость. Бежит к сестре, сообщает товарищам. Целая куча радостей и огорчений, коллизий, советов, моральных сентенций.

Тема № 10

По письму Моргулис.

Человек 24 лет, который решительно отказывается работать. В семье все работают, кроме нее. Она всех терроризирует. Спит до часу. Это и для повести, и для комедии. Можно пятистопным ямбом. Всех интересует вопрос: что с такими паразитами делать?

Тема № 11. Профессор педагогики

Письмо Иванова.

Они готовят педагогов при помощи цитат. Боятся целесообразности, дела, живой мысли, педологии, наказания, детей, учителей. *Письмо Денисова.*

Тема № 12. Доласкали

Письмо Ковалихиной.

История девочки Нины изложена почти полностью. Можно великолепно провести двойную тему: как девочку все ласкали и любили и как она развращалась все больше и больше, оставаясь в то же время доброй и уступчивой. В особенности хорошо рассказано в письме, как после квартирного воровства, чтобы «переменить обстановку», девочку отправили в… санаторий. История может получиться весьма поучительной, участвуют родители, учителя, комсомольцы, врачи и даже милиция.

Тема № 13. Хлюпик

Письмо из Стопани.

Как из способного, очень способного человека, приучившегося все брать соображением, а не трудом, получается «хлюпик».

Тема № 14. Воспитательная тяжба

Отец и мать разных воспитательных методов. Он за режим она за любовь. Расходятся. Налаживается порядок. Жена возвращается, и начинается прежнее.

Тема № 15. Солидарность у детей

Письмо Родниковой О.

Драчливость и уступчивость. Этика взрослых и этика ребят. В то же время списывание и подсказывание. Ссора и дружба так близко стоят друг к другу, что часто разбиваются друг о друга. Солидарность в таком случае имеет какие-то формы. Откуда они идут логически? Сколько здесь традиции, психологии, физиологии, инстинкта, рефлекса борьбы! Как вести себя родителям и педагогам? Где синтез, образец, пример? Где переключение и организация?

Тема № 16. Двуликий

Письмо Бакута

Мальчик 15 лет, результат воспитания. Он талантлив, любит стихи и хорошо их пишет. Патриот... Но учится плохо, отрицает труд, паразит. Если в нем нет двурушничества, то спрашивается, как это технически совмещается? Разобрать эту технику и картину и составляет тему.

Тема № 17. Любовь, холодность и сын

Письмо Маревичевой.

Муж. Любимый. Явно не любит, хамит, хоть и с высшим образованием. Но из принципа, для сына, живет с женой, изменяет, прекращает фактически половую жизнь с ней. Жена нечаянно увлекается другим и однажды отдается ему. Муж о чем-то догадывается. Она ему благородно все рассказывает. Расхождение. Возникает вопрос о сыне. У матери единственно благородная драма: где сыну будет лучше? А он устраивает ей командировку, куда она не может взять сына. Это нарочно – мать бросила сына – суд оставляет его у отца. Тогда только мать понимает, где должен был оставаться сын.

Тема № 18. Выбор профессии

Письмо Чернышова.

Он выбирает тот институт, который выбрала Маруся! Споры по этому случаю.

Тема № 19. Вечеринка

Письмо Подопригоры.

Новогодний вечер учителей. Решил директор пригласить и X класс. Некоторые педагоги запротестовали. Их ужас увеличился после того, как на столе появились напитки, в том числе и водка (в полном смысле этого слова). Проблема страшная. Директор говорит: «Все равно пить будут. Я хочу посмотреть, как они пьют». Я вспомнил, как я учил пить коммунаров[3]. Проблема очень интересная.

Тема № 20. Любовь

Выписки из записных книжек

3. Я не люблю, я вам служу.
3а. Ребенок, рожденный от какого-то рабфаковца.
4. Их нужно связать чем-нибудь, морально, что ли.
5. Не могут ли они подождать со своими страданиями?
8. Когда мне этим заниматься?
16. Должен быть порядок.
21. Бархат на платье.
24. Привыкла и надоела.
26. Ситуация.
34. По ошибке разрешилась от бремени сыном.
56. Бедра мускулистые.
62. Почему не откладывал.
66. Бабы каются.
67. Он презирает женщин.
71. Пыль – среда.
121. Катар желудка.
123. Жизнь – биологический анекдот.
125. Кочегар и дети.
129. Ножки и рожа.
131. Слишком живой человек.
139. Он любит этот мир.
150. О счастье говорят только в опере.
151. Партийка.
152. Шоколад.
153. Платье солдатского сукна.
159. Любовь и админ[истративная] забота.
160. Эссен[4].
164. Дама в курортном декольте.
176. Коварство и любовь.
192. Аж камыши гудят.
201. Развенчать любовь.
202. Она жидкая.
212. Красоту нельзя монополизировать.
225. Лицо.
227. Деньги в подарок.
230. История симпатии и любви.
232. Для утонченных душ ничего не осталось.
242. Типы женщин.
Они хороши, пока их изучаешь.
243. Россыпи чувств.
245. О настоящей любви не мечтай.
247. Просвечиваем друг через друга.
248. Любовь – талант, искусство, дар.
249. Мое несовершенство перед лицом любви.
250. Подстриженный месяц.
251. Душа, как ледяная горка.

253. Хочу думать по шаблону.
254. Любовь – это глаза жизни.
255. Ангелам и летчикам легче любить.
256. Ты ходишь по Москве.
257. Лишние в душе предметы.
258. Жаль, что я не акробатка.
259. Веселье не особенно сложное.
260. Сказка Г.
265. Влюбленность в себя – это жалкое чувство.
268. Откровенность – неряшливость.
269. Человек не умеет даже умереть красиво.
270. Памятники нужно ставить при жизни.
271. Не люблю мертвых.
285. Любовь – это не парад.
288. Любовь – это комплекс.
290. 1–3. Море и небо.
294. Туча и туман.
295. Все в мире движется любовью.
297. Приеду в Харьков...
302. Прекрасная беспечность.
304. Выливают кефир.
306. Молодой человек и женщина в санатории.
313. У нее глаза 27 миллиметров.
322. Ее бедра.
329. Остатки роскошной блондинки.
343. Жена работает, а он нет.
364. Любить глупости или не любить?
367. Грудастые дамы.
369. Пикник.
394. Над красивыми губам заплаканные глаза.
438. Тренева[5].
439. Ее внешность.
466. Мужья испортили.
501. Лица.
526. Трамвай.
529. В Наркомпросе она казалась красивой...
543. В любви все специалисты…
569. Гусиная кожа.
571. Поцеловал девушку.
572. Безобразное лицо.
602. Счастье...
613. В чем может быть счастье.
622. История водки и селедки.
624. От красивой женщины к попадье.
630. Реорганизация рая.
633. Будьте жадными.
676. История Колесса[6].
688 Семья Езеровов[7].
704. Склока в быту.
752. Китайский халатик.
759. Счастье – вещь самодельная.
793. Мария Абрамовна, бал.
823. Симпатия начальника.

841. Лицо женщины.
870. Новенькая.
904. Характер Лили[8].
914. Ему ничего не хотелось.
933. Постройка аистов.
Интимный Пушкин.
934. Характер отражается на квартире.
940. Иван Михайлович женится.
942. Восторг Глебки[9].
952. Гольцевы.
971. 19 чулок из Парижа.
974. Я тебя не заслужила.
976. Все ненужное само делается.
982. Он лежит в больнице и не верит.
994. История Н. Д. Соколовой.
998. Рассказ Шагинян[10].
1001. Демьян Бедный[11].
1006. Любви Асейкина.
1008. У нее один зуб коричневый.
1013. Маня плачет, почему она некрасива.
1027. Философия любви.
1028. Она получила радость – приветствие.
1029. Ты так и должен говорить.
1030. У вас автономное лицо.
1033. Люди, которые долго жили.
1034. Какое значение имеет беспокойство...
1046. Неудачные покупки.
1057. Любовь человека в 45 лет.
1064. Утро.
1074. Она старенькая.
Запоздавшие свидания.
1076. От противного к противному.
1080. Шубки.
1088. Если бы она кого-нибудь полюбила.
1090. Она смеется и плачет.
1091. Ревность.
1092. Платья обтягивают бедра.
1095. Любовь-дружба.
1104. Влюбленные в компании.
1105. Ада…
1110. Духовная валюта.
1113. Почему любовь должна выпирать.
1122. Барышни второго разряда.
1147. Две жены на похоронах.
1150. Пример – супруг.
1177. Вася Клюшник женился…
1193. Яблоко на диване.
1194. Глаза холодно-суетливые…
1201. Я видел Ваши ноги.
1207. Встретился на разных лестницах эскалатора.
1211. Любовник мечтал о свидании, но не вышло.
1215. Женя Барская.
1216. Муж, бабушка, сын…

1228. Свободный севооборот.
1231. О.В. Перовская[11].
1235. Женитьба студентов.
1242. Температура и печка.
1246. Влюблен в сестру товарища.
1250. Любовь экономистки на ревизии.
1251. Ревность и жертва.
1257. Авдеенко и Катя.
1266. Пятистопный ямб.
1268. Сестра Голодного[12].

Как отдельные новеллы для моего «декамерона», безусловно готовые сюжеты:

1. Любовь экономистки на ревизии.
2. Свободный севооборот.
3. Яблоко на диване.
4. Любовь старика.
6. Бал Марии Абрамовны.
7. История Колесса.
8. От красивой женщины к селедке.
9. Поцеловал девушку.
10. Колька и сестра.
12. Ада и Авдеенко[13].
13. Любовник мечтал, но не вышло.
14. Выливают кефир.
15. Любовь и админ[истрация] работа.
16. Любовь и статистика.
17. История Н.Д. Соколовой.

Эти нужно организовать и еще найти.

Тема № 21. Нервы

По рассказу Валентинова.

Сын. Учился плохо. Везде его выгоняли. Был он в санатории, в колонии, у какого-то дяди, переменил несколько школ. Много читает, но не дочитывает до конца. Ломает вещи. Ему 14 лет, но он хорош собой. Дик, скучное выражение, никого не любит. Убегает. Отец определил его на какой-то завод, но он и оттуда убежал. Отец пришел ко мне небритый, в грязном пиджаке. Я его стал расспрашивать. Дома у него грязь и беспорядок. Никто ни за кем не убирает, никто никого не любит. Все суровы и раздражительны. Отец только о том и думает, чтобы передать сына куда-то. А сын от частых передач и так обалдел.

Я ему сказал: год отдыха, порядок, домашняя работа, прогулки с отцом, кино... Помогать матери, никаких увещеваний («Как тебе не стыдно!»). Никаких попреков и лишних нравоучений. Побольше деловых разговоров.

- Так он молчит!

- Разговаривать! Вы должны быть его другом.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 5, с. 276 – 281.

Это подборка из записных книжек А.С. Макаренко; записи он нумеровал. В публикуемом материале на отдельных страницах есть пустые места, которые он затем, видимо, намеревался заполнить. Цифровые обозначения – по авторскому тексту. Пропущенные по порядку цифры указывают на сделанные при публикации сокращения (малозначительных сведений и повторов). Иногда трудно определить: где запечатлены макаренковские наблюдения, соображения – и где записаны высказывания различных лиц.

О записных книжках А.С. Макаренко и его работе по сбору и систематизации жизненных наблюдений см.: «Беседа с начинающими писателями» - часть 7 данного издания. Тогда, в июле 1938 г., он говорил, что к этому времени в его записных книжках «собралось около четырех тысяч заметок». Они производились и использовались в русле его не только литературно-художественного, но и педагогического творчества.

Это показывает, как основательно его творчество связано с жизнью, с изучением, анализом и систематизацией реальных жизненных явлений и процессов. А.С. Макаренко пристально вглядывается в них, в повседневный быт людей, фиксирует множества положительных и негативных фактов, отмечает многообразие человеческих типов и характеров. Он замечал зарождающиеся новые негативные тенденции в воспитании молодого поколения, внимательно изучал письма читателей.

Упоминания в начале «Темника» фамилий читателей наводит на мысль, что остаются неизвестными многие ответные им письма А.С. Макаренко (он обычно отвечал им). Каждое его письмо значительно для понимания его социально-педагогических взглядов и опыта.

Записи наблюдений А.С. Макаренко – яркое свидетельство прочного сплава научного и художественного творчества в его деятельности как педагога-писателя и социального реформатора. Выписки из его записных книжек 1936 – 1937 гг. см. в части 5 данного издания, с. 77, 175, 241. сер. 1920 – лето 1934 гг. – в части 4, с. 77, 320 и части 5, с. 342, 364. Записи в дневнике – в части 7.

[1] *Пихоцкая Е.С.* **– в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского с 1929 г., выпущена в 1935 г. Заметки А.С. Макаренко при проверке ее школьных письменных работ по русскому языку см.: часть 3 данного издания, с. 321 – 323.**

В Великую Отечественную войну работала на эвакуированном заводе в Бердске; до пенсии трудились на харьковском заводе «Коммунар». Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

[2] **Письмо А.С. Макаренко пионервожатому** *М. Гринбергу* **см. в части 7 данного издания, с.103-104.**

[3] **Говорится о работе А.С. Макаренко с группой старших коммунаров, которые уже употребляли пиво, спиртные напитки. Подробно см. в данной книге: «О коммунистическом поведении и воспитании» (в начале 2-й половины текста).**

[4] **Возможно, имеется в виду** *Э.Э. Эссен* **– член РСДРП с 1898 г., большевик, с 1918 г. на педагогической работе.**

[5] *Тренева Е.П.* **была в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского студенткой – практиканткой; с сент. 1932 по сент. 1933 г. – «педагог по учету», преп. рус. и укр. яз. на рабфаке А.С. Макаренко отзывался о ней неодобрительно (в записной книжке).**

[6] *Колесса П.А.* **– зав. производством коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с кон. июня до нач. октября 1928 г.; с обязанностями не справлялся (в 1926 г. был судим за растрату в школе рабочей молодежи, г. Житомер).**

[7] **Имеется в виду семья** *Езерницких*, **родственников Г.С. Макаренко.**

[8] **Имеется в виду** *Олимпиада Витальевна Макаренко*, **дочь В.С. Макаренко (белоэмигранта). С 1928 г. воспитывалась в семье А.С. Макаренко.**

[9] *Глеб Михайлович Васильев*, **двоюродный брат Г.С. Макаренко, житель Москвы.**

[10] *Шагинян М.* **– писательница, сторонник А.С. Макаренко.**

[11] *Бедный Д.* **– поэт, общественный деятель, пользовался большой популярностью в период Гражданской войны.**

[12] *Голодный М.С.* **– поэт революционно-романтического направления.**

[13] *Авдеенко А.А.* **– писатель; одно из его произведений – «Утро», о Прилукской детской трудовой коммуне им. В.А. Балицкого (укр. яз.).**

О рукописях начинающих писателей, 11 – 18 января 1939 г.

Родионова.

11 - I - 39. Сегодня была второй раз. Раньше она приносила повесть о том, как аспирант Зоя нашла талий вопреки сопротивлению руководства кафедры и института. Повесть была склеена плохо. Сегодня она принесла новый план, который мы и разобрали. Не знаю, что выйдет из этого плана. Захват у автора небольшой. С большим трудом она выбирается из разговорных ситуаций. Образы имеют склонность приближаться к стандарту.

Автору 32 года, но мыслит она довольно примитивно, хотя и мило. Рекомендовал ей уменьшить число бандитов-профессоров и прибавить химического "заземления". Она уезжает в командировку на завод и повесть обещает закончить только к концу февраля.

Одинцов

13 - I - 39. Сегодня он был у меня второй раз. Раньше он принес несколько рассказов, которые, без сомнения, давно кочуют по консультациям, потому что они испещрены вопросами и нотабенами. Рассказы в общем слабые, хотя литературно далеко не безграмотные. Темы есть совершенно ужасные: поп, насилующий девицу в алтаре, сторож колхозный, героически остающийся на посту, когда горит его собственная изба, другие.

Есть неплохая, но маленькая зарисовка с натуры, изображающая, как полковник чинит мотор застрявшего авто. Есть довольно оригинальное по теме начало о фашистском профессоре, он изобрел «улыбчивый газ», чтобы граждане казались веселее.

У Одинцова есть талантливый дар, есть глаз и хватка, но очень мало писательской культуры и чрезвычайно не богатый строй мыслей.

Сейчас договорились с ним, что он будет писать «Записки сварщика» - он действительно работает сварщиком на постройке «Дворца советов». У него есть в запасе много разных наблюдений и производственных наблюдений. Если он удержится на уровне материала, у него, может быть, что-нибудь получится. Обещал принести первые очерки 20 января, может быть, удастся выпустить его на вечере 24-го января. Очень громко, энергично разговаривает и пытается накурить в комнате.

Рафалович.

Приносила рассказы, новую повесть. Человек она грамотный и работала в какой-то газете, но литературно совершенно серый и скучный [человек], с очень небольшой художественной культурой.

Грибов

14 - I - 39. Был вторично. Поговорили с ним о его рукописи. Рукопись огромная, написанная от руки, что-то около 500 страниц. Рассказ о забастовках 1909 г. Растянуто чрезвычайно, обилие бесконечных подробностей.

Есть талантливый глаз, но безграмотно до последней степени. Издавать или править почти невозможно. Типы стандартные. Нужно все переделывать набело и пользоваться только как материалом. Сам автор понимает, что это сырье, но глубоко уверен, что сырье странно ценное и что почему-то нужно с ним серьезно возиться. С некоторым пафосом сообщает, что у него написано продолжение около тысячи страниц.

При этом смотрит совершенно безгрешными глазами и требует справедливости. Он очень малокультурен и нечистоплотен. Графоман с некоторыми способностями, но без всякого представления о том, что такое художественная литература.

Назарова

15 – I - 39. Сегодня у меня вторично. У нее несколько рассказов. Вообще из всех моих она самая литературная особа. У нее главный недостаток - она срывается в сюжете и под конец вещи начинает выделывать такое, что хоть святых выноси.

Лучший рассказ ее «Волки» о мальчике, который спас стадо тем, что разрушил мост, по которому волки должны убегать. Этот рассказ, я думаю, можно прямо печатать.

Есть еще фантастический рассказ «Пять тысяч километров» в котором срыв происходит на том, что собака тоже летает. Есть рассказ о любви и материнстве, очень слабый, где все сорвано в том же сюжете. И наконец, рассказ о трех девочках, гулявших по Москве и нарвавшихся возле Яузы на страшных сторожевых собак (!). Женщина она в общем расстроенная, давно жаждущая печати и давно обалдевшая от ожидания. Пообещал устроить «Волков» в каком-нибудь журнале.

Игнатьева.

16 - I - 39. Была третий раз. Все возился с ее большой повестью. Называется «Два детства», а на самом деле в повести нет ни одного детства. Сплошные страдания папаши, мамаши, братиков и сестричек. Ужасы наклеены один на другой, только для того, чтобы было страшнее. Читать невозможно, хотя все написано довольно грамотным языком и в общем литературно.

Я разругал все это творчество и очень огорчил автора. Как и другие в консультации, автор смотрит на меня с одним расчетом: править и печатать, обязательно печатать, а там будет, что будет. Ушла расстроенная и едва ли придет снова.

Чуркин

17 - I - 39. Пришел сегодня впервые. Принес ужасного размера рукопись, наверное, [печатных] листов пятьдесят, написанную от руки невероятным почерком. На первой странице я прочитал такую фразу: «Я услышал запах аромата и благоухания».

Очень возможно, что из этой рукописи можно будет выписать много интересных выражений.

Чуркин служит поваром в доме отдыха НКВД, но пишет об авиаконструкторе. Уверяет меня, что это вполне возможно, так как он может «умом вообразить». Рассказывает он, впрочем, очень сбивчиво и нелепо и сам о себе говорит: «Я какой-то дурной». Что же, обещал прочитать.

Кучеров. 18 - I - 39.

Был у меня второй раз. Сегодня мы долго разговаривали о его рассказе: «Затравленный». Рассказ никуда не годится – классический образчик всякой неграмотности. Он работает техником в конструкторском бюро автозавода и хочет написать большой роман о том, как враги травили нужного человека.

Ничего он не напишет. Ему 24 года, он не умен и совершенно убийственно не талантлив. Беда!

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 135, лл. 3 – 12. Материал интересен как характерный пример индивидуальной работы А.С. Макаренко и работы как консультанта, сочетающего учебные и воспитательные задачи. В его поле зрения оказываются: общая культура личности автора, талант и писательское мастерство.

А.С. Макаренко таким образом получал важный материал о современности, людях, типах и характерах, близких к художественному творчеству, о темах, идущих от жизни и литературных пристрастий.

Запись в дневнике, 17 января 1939 г.

17 января

Все стоит на месте. Пожалуйста:

1. «Флаги на башнях». Лукин молчит и редактирует[1]. Лозовский[2] приехал, но договоров они еще не подписывают. Не буду удивлен, если они вообще не пожелают подписывать договор со мной.

2. «Настоящий характер». Сегодняшнее заседание, разумеется, отложено, они потом позвонят. А мне хочется наговорить им просто дерзостей. И наговорю.

3. Книга для родителей», II том. «Красная Новь» прислала договор, подписанный еще 19 декабря. Интересно, когда они дадут обусловленный аванс?

4. Ленинградская пьеса – стоит на месте, но скоро начну писать.

5. «Честь» лежит, кажется, к общему удовольствию[3].

6. В Альманахе молят, просят повесть о любви сдать к 1 марта, А что если фуксом проскочить эту тему?

7. «Ньютоновы кольца» лежат. «Молодая гвардия» молчит. Интересно, до чего она домолчится.

8. В «Октябре» слабо намекают насчет «Человека»[4], но, кажется, ничего хорошего не ждут.

9. Одесский сценарий в далеком проекте.

Чем занимаюсь. Пишу рецензии, в общем бесплатные. В «Октябре» снова запрягли с молодыми, но я узнал, что они сняли меня с платежных списков, и заупрямился – буду работать бесплатно. Они несколько смущены. Посмотрим.

Целый день звонят, но исключительно по вопросам выступлений[5].

Интересно: массовый отдел «Гослитиздата» прислал сегодня копию письма московского врача Кондратьева, в котором он требует издания «Книги для родителей» в миллионном тираже. Какая разноголосица мнений.

Интересно, что письмо датировано – 25 ноября. Почему так поздно решили прислать мне копию?

Еще одно интересно. Бойм, написавший письмо в «Комсомольскую правду» «Откровения Д.Макаренко», – спорит. Надо сообщить об этом Колбановскому[6], а то он тоже захотел удариться в «честную критику».

Воспитание гражданина..., с. 844.

[1] Говорится об отдельном издании «Флагов на башнях». *Лукин Ю.Б.* **– редактор в Гос. издательстве художественной литературы, ранее редактировал к печати «ФД-1», редактировал отдельное издание «Флагов на башнях».**

[2] *Лозовский А.* **– в 1937-1939 гг. директор ГИХЛа.**

[3] Говорится о подготовке повести «Честь» к отдельному изданию.

[4] Первую часть романа «Человек» см. в части 5 данного издания.

[5] Говорится, видимо, о приглашениях А.С. Макаренко на различные «встречи». Это хороший показатель широкой востребованности его произведений, идей и опыта. Они отвечали назревшим потребностям развития советского общества, воспитания нового человека.

6 *Колбановский В.Н.* **– психолог и педагог, активный сторонник А.С. Макаренко.**

Медынский Г.А. «Бубенчики»

Мне кажется, что повесть Медынского можно печатать. Ее достоинства представляются мне в следующем комплекте:

1. Она правильно, без усилений и подкраски, изображает нашу современную школу. Общий колорит советской молодежи изображен в ней свободно и в общем оптимистично, вполне соответствуя нашей действительности. Типы юношей и девушек вышли у Медынского очень живыми и симпатичными, срывы и уклоны показаны так, что не внушают паники, а в то же время ставят серьезно воспитательные проблемы. Хорошо и художественно показаны те трудности, которые имеются в школе в деле создания классного коллектива.

2. Интересно затронуты вопросы отношения семьи и школы и правильно намечены некоторые типы родителей, безусловно существующие у нас.

3. В общих чертах показана инертность и неслаженность педагогического коллектива при одновременном наличии хороших педагогов.

4. Есть достаточно указаний на качества хорошего учителя и правильно изображен тот цикл напряжений и состав мыслей, в области которых приходится учителю работать.

Принимая все это во внимание, думаю, что напечатание повести будет вообще полезно, несмотря на многие и существенные недостатки, которые, вероятно, будут указаны критикой – и общей, и специальной. В то же время думаю, что автор не в силах будет предварительно эти недостатки исправить, так как не обладает необходимой для этого педагогической культурой.

Недостатки эти следующие:

1. У автора нет никаких представлений о возможности улучшения школьной организации как целого. Он мыслит в тех рамках, в каких мыслит и его главная героиня Мария Митрофановна, – в пределах одного класса, а еще чаще в пределах индивидуальной истории отдельного ученика. Иначе говоря, у автора нет педагогически-философских (марксистских) обобщений, как нет их и у Марии Митрофановны. И автор и Мария Митрофановна пробавляются злободневными житейскими соображениями, которые, будучи по существу правильными, не выходят все же за границы самой узкой эмпирики сегодняшнего дня.

2. Образ учительницы Марии Митрофановны вышел в общем слабым и, к сожалению, даже малосимпатичным. У нее всегда ощущается некоторый уклон в обыкновенную учительскую вульгарность: словечки, остроты, некоторая склочность по отношению к коллегам, самомнение, рассудочность и не всегда со вкусом сделанная и небогатая афористичность.

Самая деятельность Марии Митрофановны, если не учитывать ее преподавание в классе, несмотря на усилия автора, представляется, однако малоэффективной. Она ограничивается чисто словесным прикосновением к тому или другому «несчастному» случаю, возникающему в семье или в классе.

Организующего влияния, настоящего воспитания, создающего характеры и предупреждающего «несчастные» случаи, у Марии Митрофановны нет. Нет никакой борьбы и за единство педагогического коллектива, напротив, Мария Митрофановна скорее имеет склонность порадоваться неудачам соседа- педагога.

3. Заметна в книге пренебрежительность педагога к родителям. Все родители представляются более или менее беспомощными... Положительной семьи не изображено.

4. Повесть нужно сократить. Выборы в Верховный Совет сюжетно слабо связаны с темой. Есть и другие длинноты.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 201 – 202.

Датируется началом 1939 г. (по свидетельству Г.А. Медынского); отзыв написан для ж. «Октябрь». Повесть там была опубликована в №№ 5 – 6 и 7 1939 г., под названием: Девятый «А».

Насколько педагогическое содержание повести не соответствует педагогике А.С. Макаренко, четко видно по его словам: автор «не обладает необходимой педагогической культурой», нет «педагогически философских (марксистских) обобщений», превалируют «общие житейские соображения», «узкая эмпирика сегодняшнего дня».

Макаренковская рекомендация повести к печати мотивируется не только тем, что в ней правильно изображен «общий колорит советской молодежи», но и тем, что хорошо видны коренные недостатки школы: слабость «школьной организации как целого», нет «настоящего воспитания, создающего характеры», поэтому и в рамках классного коллектива возникает большие педагогические трудности.

Прислушавшись к отзыву А.С. Макаренко, редакция ограничила педагогическое содержание произведения проблемой коллектива учебного класса, соответственно изменилось название повести. Она стала популярной в среде учителей и учащихся вплоть до конца 1950-х гг., отражая специфику «девятого класса» (как «трудного») и роль классного руководителя как главного «ответчика» в школьном воспитании.

Письмо Т.В. Турчаниновой, 23 января 1939 г.

Москва, 23 января 39.

Дорогая Татьяна Васильевна!

Я виноват перед Вами – в последние дни не писал и оправданий никаких представить не могу, – просто – было некогда, – целый день заседания, совещания, конференции, домой приходишь поздно ночью, думаешь напишу завтра, а завтра – снова то же.

Никак не определю, когда я поеду в Донбасс. Авдеенко тащит меня с начала февраля, но я не успеваю, кажется, устроить некоторые дела. А очень хочется поехать скорее, Вас повидать, тем более, что и у Вас обстановка складывается благоприятно, – Вы будете свободны от семейных хлопот.

Я постараюсь приехать как можно раньше, если ничего существенное не помешает.

Я очень благодарен Вам за дружеские и теплые письма, хотя я прекрасно понимаю, что ничем не заслужил Вашей симпатии, тем более заглазно. Я очень боюсь, – встретимся, Вы прямо вознегодуете, – с какой стати я влез в Вашу жизнь. У меня сейчас много глупой пустой работы, никому не нужной, формальной.

Ничего не пишу, – не дают.

Кстати, – та самая «Зоя», которая так смутила Вас полтора месяца назад и заставила Вас к слову «друг» прибавить «пока» – этот самый А. Бойм неделю назад арестован, и его выступление против меня, как я был уверен с самого начала, было выступлением врага.

Видите, Татьяна Васильевна, врагов еще много кругом. Хорошо, что я умею верить в правду. И Вы верьте, всегда верьте и никогда не позволяйте себе падать духом.

Очень хочу Вас видеть.

Только очень Вас прошу, не нужно все так сильно принимать к сердцу. Ваши силы и Ваша душа нужны людям и Вы их берегите[1].

Напишите мне, когда уезжают Ваши родственники. Когда Вы бываете свободны вечером? Если я неожиданно выеду в Донбасс, мне придется приехать прямо к Авдеенко в Макеевку, а оттуда уже в Сталино. Но может быть и так, что Авдеенко уедет отсюда без меня, тогда я поеду один и прямо в Сталино. Вот не знаю, достану ли я там номер, чтобы остановиться. Вас беспокоить, конечно, боюсь.

Очень Вас прошу, напишите, можно ли дать Вам телеграмму, чтобы Вы заказали для меня номер, – меня в Сталино никто не знает.

Целую Ваши руки и крепко благодарю за ласковые письма.

Ваш *А.Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 15, с. 61 – 62.

[1] Говоря другим: «Ваши силы и душа нужны людям и Вы их берегите» - А.С. Макаренко забывает о себе...

Запись в дневнике, 25 января 1939 г.

25 января

Положение на фронтах.

Центральный фронт: Затишье. Даже Лукин молчит. Но очень возможно, что и не будут печатать, т. к. появились сразу две критических статьи - Федора Левина в «ЛК[1]» и какого-то Рагозина в «Лит. обозрен.».

По словам очевидцев – статьи пасквильные и отчасти выступают в защиту «педагогики».

Колбановский был у меня и хвалился, что он будет писать статью в защиту. Ермилов[2] сегодня говорил, что Либединский[3] очень возмущен и собирается писать в «Литературной газете». Думаю, что нужно выступить самому, но я статей еще не читал. Посмотрим.

Северный фронт: на 28 назначено совещание в ЦК по вопросам детской кинематографии. Фигерович меня пригласил[4]. О сценарии говорит: поговорим.

Родительский фронт: кажется, завтра получу аванс. «Книгу для родителей» нужно писать. Второй том должен придать солидности всей книге.

Западный фронт. Пьесу еще не начал.

Южный фронт. На месте. Сценарий.

Юго-Западный фронт. На месте. «Честь» лежит – работать некогда[5].

Восточный фронт. Ни я, ни «Молодая гвардия» не вспоминаем о «Ньютоновых кольцах».

Внутренний фронт – повесть о любви обдумываю - может что-нибудь и получится.

«Детский календарь» тоже где-то скрылся. Очень возможно, что меня просто не утвердили редактором. Все может быть.

Сейчас напряженное денежное положение, которое авансом на Р[одительском] Ф[ронте] ослабляется очень незначительно. Денежные поступления с очень небольшой вероятностью возможны на С. Ф., Ц. Ф.

Напряжение критическое идет по линии «Флагов», оно скоро не спадет. Боюсь, что дело может сильно ухудшиться, если выступят газеты.

На Либединского надежды небольшие.

Воспитание гражданина..., с. 844 – 845.

[1] Говорится о журнале «Литературный критик».

[2] *Ермилов В.В.* **– литературный критик и литературовед, активный сторонник А.С. Макаренко. Глав. ред. ж. «Красная новь».**

[3] *Лебединский Ю.Н.* **– писатель.**

[4] **А.С. Макаренко, вероятно, участвовал в этом важном совещании. Материал об этом может быть выявлен исследователями.**

[5] **Имеется в виду необходимость доработки «Чести» автором для ее издания отдельной книгой.**

Семушкин Т.З. «Записки педагога»

Г. Семушкин определил свою книгу «Чукотка» очень скромно – записки педагога. Еще скромнее эта книга сделана. Нельзя привести ни одного места, где автор соблазнился бы чисто словесной игрой, захотел бы украсить свой рассказ новым сравнением, стилевым приемом или лирическим отступлением. Трудно найти в книге Г. Семушкина и формальные признаки того, что мы обычно называем образом. Литературный критик, обладающий старомодным высокомерием, отнесет книгу Г. Семушкина к разряду очерков на этнографическую тему и забудет о ней – она как бы выпадет из привычных рамок художественного произведения.

Однако, несмотря на резкую определенность темы и отсутствие формальных художественных претензий автора, «Чукотка» является художественным произведением с очень широким тематическим захватом, гораздо более широким, чем этнографический очерк.

В своей книге Г. Семушкин рассказывает о том, как небольшая группа русских, советских учителей прибыла на «Культбазу», расположенную в дикой тундре среди не тронутых никакой культурой чукотских стойбищ. Учителя начали работать в школе, впервые организованной в этих краях. Чукчи не знали, что такое школа, не знали они и русского языка. Учителя же не знали языка чукотского. Никакой письменности, никакого понятия не только о книге, но даже о бумаге у чукчей не было. Таким образом, предприятие советских учителей с самого начала представляется состоящим из сплошных противоречий довольно трагического свойства.

Если бы «Чукотка» написана была не советским учителем, если бы она изображала некую «культурную» миссию в буржуазном обществе, она имела бы вид совершенно иной. Она изображала бы, с одной стороны, непобедимую отсталость «дикаря» и, с другой стороны, высокомерный героизм «просветителей».

Г. Семушкин ничего не прикрашивает в чукотском быту. «…В углу тикал будильник, подвешенный за колечко на оленьих жилах. В обычное время этим будильником никто не пользовался. Люди отлично распределяли время и без часов. Будильник висел «для хорошего тона». Только перед приездом русских Ульхвургын брал его за «ухо» и накручивал. Теперь он исправно «тиктакал», и не удивительно поэтому, что время, показываемое будильником, ничего общего с настоящим не имело.

...Будильником этот представитель Советской власти здесь пользоваться не мог. Он только все это видел в квартирах культбазы, на пароходах и теперь подражал, как умел. Настоящее, сознательное представление обо всех этих вещах Ульхвургын получил позже, на своем родном языке, от будущих школьников из его стойбища»[1].

В этом отрывке замечательно поданы и тема, и стиль, и тон[2] книги Г. Семушкина: чукчи очень отстали в культуре, для преодоления их отсталости требуются героические усилия, но во всем этом ни сам Семушкин, ни его коллеги, ни другие работники культбазы не видят ничего особенного.

Семушкин изображает чукчей с настоящей товарищеской симпатией. В его тексте всегда чувствуется глубокая уверенность в том, что чукчи - самые обыкновенные люди, ничем принципиально не отличаются от других людей.

Их отсталость – категория исключительно историческая. На эту тему у нас достаточно писалось и говорилось, но редко кто это умеет делать с такой высоконравственной убедительностью и так просто, как это делает Семушкин.

Если в книге Семушкина нет разработанных индивидуальных образов, то в ней есть замечательно сделанный образ чукотского народа, веками заброшенного в холодной тундре, веками оскорбляемого и обираемого и, тем не менее, сохранившего в чистоте умственную, нравственную и физическую энергию.

Главное впечатление, какое получается из рассказа Семушкина, – это прекрасная, счастливая эпоха, когда от такого глубокого, векового сна так просто и с таким радужным спокойствием просыпается целый народ. Чукчи сопротивляются «вторжению» культуры, они еще цепляются за шаманов, они еще боятся злых духов, они недоверчиво, а иногда и панически относятся к школьному начинанию культбазы.

Но Семушкин умеет с пленительной точностью изобразить характер этого сопротивления: в этом сопротивлении наряду с привычным подозрительным отношением так ясно видишь добродушную доверчивость к новому, большие человеческие способности, расправляющиеся плечи освобожденного народа. И хотя Семушкин не произносит никаких филиппик по адресу вековых угнетателей чукчей и им подобных, у читателя возникает неожиданное и гневное обращение к ним, к тем, кто виноват в отсталости этих народов и кто и сейчас продолжает эту темную линию мракобесов.

Это общее впечатление от книги Семушкина усиливается той совершенно исключительной скромностью, с которой он изображает советских работников. Нет ни одной строчки, ни одного слова, которые пытались бы изобразить их работу как нечто героическое. Скорее можно обвинить Семушкина в том, что работа этих людей представлена чересчур скупо – обыкновенная советская работа, ничего особенного. Никакого самомнения, никакой позы, ни одного слова хвастливого, ни одного штриха, говорящего об усталости, напряжении, колебании. С бытовой стороны в книге показаны ничем не выдающиеся, прекрасные советские будни, именно поэтому книга дышит такой светлой уверенностью, такой основательностью и так убедительна.

Для того чтобы книга говорила так много и так впечатлительно, нужно иметь настоящее дарование художника. Семушкин достигает цели не словесными ухищрениями, не украшениями текста, а очень тонкой организацией материала; у него в книге главное – колорит: колорит природы, людей, настроений, идей и уверенности.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 202 – 204. Опубликовано в «Литературной газете» 26 января 1939 г. Написано летом 1938 г.; письмо А.С. Макаренко Т.З. Семушкину 21 июня 1938 г. см.: РГАЛИ, ф. 322, оп. 4, ед. хр. 18. Повесть опубликована в ж. «Октябрь», №№11 и 12 (автором указан Г. Семушкин).

А.С. Макаренко восхищается «настоящим художественным дарованием» автора, оригинальным единством содержания и художественной формы произведения, высоко ценит свободу от литературных шаблонов. Главное внимание к образу народа, его «умственной, физической и нравственной энергии», к ее освобождению в период бурных исторических преобразований – характерная черта макаренковских рецензий и на «Петра Первого» А.Н. Толстого, «Чапаева» Д. Фурманова (см.Часть 6 данного издания; там же: «Рассказы о простой жизни»).

В стиле и «тоне» повести, ее «колорите» воплощается «прекрасная, счастливая эпоха», массовое приобщение к культуре, «высоконравственная убедительность» изображаемых событий.

[1] Отмечено фундаментальное в макаренковской социальной педагогике явление: взаимодействие поколений, выдающаяся роль молодежи в истории.

[2] Как педагог-писатель, использующий в своей деятельности методы не только научного, но и художественного творчества, А.С. Макаренко ввел в педагогическую теорию и практику несколько важных понятий, свойственных искусству (музыке, живописи, архитектуре, художественной литературе). Среди них:

Стиль **воспитания – совокупность его содержания и средств в их своеобразной целостности (сравнение: готический стиль, романтический, возвышенный; в управлении – стиль руководства).**

Это понятие является одним из центральных в педагогике А.С. Макаренко: он говорил, что в «Педагогической поэме» хотел «поставить ребром вопрос о стиле, тоне советского воспитания». В его трактовке стиль нового воспитания должен в полную меру отражать стиль жизни советского общества; сочетание высокой требовательности к человеку с высоким уважением к нему.

В воспитании молодого поколения это должно осуществляться путем его приобщения к деятельности во всех сферах общественной жизни, и прежде всего к производительному труду, хозяйственной деятельности; это основа «мажорного стиля» воспитания. Иначе – педагогика «чуждого нам общества» (часть 4 данного издания, с. 81), воспитание в «искусственно созданных условиях», «недостойно советской эпохи» (см. далее в этой книге – «Воля, мужество, целеустремленность»).

Тон **воспитания, тональность – его эмоциональное состояние (тон мажорный - минорный, высокий – низкий; а также – властный, раздраженный, спокойный, располагающий к чему-то и т.д.); сочетается с понятием «счастье».**

Колорит **(см. в конце статьи) – преобладающее в содержании и системе средств, создающее общее своеобразное впечатление (колорит светлый – мрачный, яркий - тусклый; колорит деревенского быта и т.д.);**

Эти понятия в повседневном обиходе обобщенно определяются как *«атмосфера»* **(коллектива, семьи, школы, клуба и т.д.).**

Композиция, конструкция **(см. во многих текстах) – строение системы, процесса воспитания, их элементы, различные функции элементов, их взаимодействие, объединяющий их центральный элемент.**

Дополнение. *Отзыв Ю. Либединского* **о «Флагах на башнях»** - *«Последняя повесть Макаренко»* **(для «Литературной газеты»):**

Статья Ф. Левина «построена на грубых передержках, умолчаниях и искажениях самого смысла произведения... Оно в целом является удачей советской литературы». Чванливо-небрежной и поучающим тон статьи. Написано человеком, «слабо разбирающимся в том, что вокруг него происходит». «...Ему пристало не столько учить Макаренко, сколько учиться у него».

Опускула № 9, с. 54. Ранее не публиковалось.

Открытое письмо товарищу Ф. Левину

(см.: «Литературный критик», № 12: Ф. Левин. «Четвертая повесть А. Макаренко»)

Уважаемый товарищ Левин!

В статье своей Вы вспоминаете:

«Наша критика, и автор этих строк в том числе, приветствовала появление «Педагогической поэмы».

Давайте уточним. Вы и другие критики «приветствовали» мою первую книгу... через 2–3 года после ее появления. Между прочим, в Вашей статье было и такое выражение[1]:

«...материал, столь несовершенный по своему художественному мастерству...»

Признавая некоторые достоинства моей книги, Вы тогда довольно решительно настаивали:

«...профессиональные писатели имеют гораздо большие возможности создать исключительные, замечательные книги».

Вы упомянули о некоторых правилах и канонах, якобы известных профессиональным писателям и не известных мне.

Несмотря на общую хвалебность Вашей тогдашней статьи, я почувствовал, что Вы относитесь ко мне с высокомерным снисхождением «профессионала». Между делом у Вас промелькнули довольно выразительные, намекающие словечки: «фактография», «материал вывозит».

Подобное к себе отношение я встречал и со стороны других «профессионалов» и уже начал привыкать к своему положению «фактограф». Совсем недавно в журнале «Литературный современник» была напечатана эпиграмма (не помню автора), в которой была такая строка:

«Сначала брал он факты только...»

Можно привыкнуть, не правда ли?

Теперь Вы выступили со статьей по поводу «Флагов на башнях». В этой статье, даже не приступив к разбору моей повести, Вы более или менее деликатно припоминаете, что «некоторые молодые авторы плохо учатся и плохо растут», что «одну неплохую книгу может написать почти всякий человек», что «даже весьма удачная книга, описывающая яркий период жизни самого автора, еще не делает его литератором» и т. п.

Одним словом, Вы продолжаете свою линию, намеченную еще в 1936 г., – линию исключения меня из литературы.

Я хочу знать, с достаточным ли основанием Вы это делаете.

Ликвидация меня как писателя – дело, конечно, серьезное, и я в качестве лица заинтересованного могу требовать, чтобы Вы сделали это солидно, с профессиональным мастерством, опираясь на те «правила и каноны», о которых Вы упоминали 2 года назад. В известной мере в этих «правилах и канонах» и я могу разобраться, ибо еще пушкинский Варлаам[2], попавший в положение, подобное моему, сказал:

«...худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит».

В моей повести «Флаги на башнях» Вы указываете, собственно говоря, один порок, но чрезвычайно крупный: повесть – это «сказка, рассказанная добрым дядей Макаренко». Все в ней прикрашено, разбавлено розовой водой, подправлено патокой и сахарином, все это способно «привести в умиление и священный восторг самую закоренелую классную даму института благородных девиц, самую строгую «цирлих-манирлих».

Если отбросить все эти Ваши «критические» словечки: «сахарин», «патока», «классная дама», «священный восторг» (удивительно, как это Вы не вспомнили Чар-

скую[3], по некоторым «канонам» это полагается), то остается чистое обвинение меня в приукрашивании действительности.

Вас это страшно возмущает. Вы не допускаете мысли, что такая счастливая детская жизнь возможна в Советском Союзе. Вы думаете, что рассказанное мною – сказка (Лоскутов в «Литературной газете» думает, что это моя мечта).

Приходится мне раскрыть карты с опасностью на всю жизнь остаться «фактографом». «Флаги на башнях» – это не сказка и не мечта, это наша действительность. В повести я описал коммуну им. Дзержинского, которой руководил 8 лет. В повести нет ни одной выдуманной ситуации, очень мало сведенных образов, нет ни одного пятна искусственно созданного колорита.

С некоторым расчетом на смертельный удар Вы пишете и цитируете:

«Ведь он и в самом деле попал во дворец из сказки, рассказанной добрым дядей Макаренко».

Сказка начинает развертываться сразу. «Между цветами проходили яркие золотые дорожки, на одной из них, поближе к Игорю, шли две девушки, настоящие девушки, черт возьми, хорошенькие и нарядные...»

Между нами говоря, даже по литературным канонам, я мог бы это и выдумать, что же тут особенного: цветы и золотые дорожки, две девушки, которые показались Игорю хорошенькими. Но мне не нужно было выдумывать: в колонии, которую я описываю, был гектар замечательного цветника, лучшая в Харькове оранжерея, и были хорошенькие девушки. Мне в голову не могло прийти, что для хорошеньких девушек в литературе существует какая-нибудь зверская процентная норма, ибо в жизни, допустим, в советской жизни, такие девушки – довольно распространенное явление. И жили мои колонисты, представьте себе, во дворце, в специальном здании, нарочно для них выстроенном хорошим архитектором, светлом, красивом, удобном. Это могут подтвердить товарищи Юдин, Гладков, Безыменский[4], которые в этом здании были и все видели.

Я вот не знаю, можно ли по литературным канонам представлять список свидетелей, но что, же мне делать, если Вы не верите?

В этом и есть главный момент нашего расхождения: Вы не верите, что это возможно, а я утверждаю, что это существует, возможно и необходимо. И чувствуем мы с Вами по-разному. Я утверждаю потому, что я знаю, хочу и требую от других. Вы не верите потому, что это не соответствует Вашим литературным вкусам.

Вы разбираете мою книгу исключительно с точки зрения литературного профессионала. А я бы хотел, чтобы Вы посмотрели на нее и с точки зрения советского гражданина. Ибо в последнем счете я могу поставить далеко не лишний вопрос: если Вы изображенный мною, хотя бы и фактографически, кусок нашей жизни обливаете презрительным сомнением и посылаете меня с таким изображением к классным дамам, то во что же Вы сами верите? И какое значение в таком случае имеют литературные каноны, которые пользуются и моим некоторым уважением?

Например, такой «канон», как тема.

Вы, профессиональный критик, не заинтересовались такими важными «канонами», как тема, содержание книги, система идейной нагрузки повести, авторское утверждение, авторское требование.

На какую тему написана моя книга? По странному недоразумению Вы не занялись этим вопросом. Без какого бы то ни было анализа вместо моей темы Вы подставляете свою и с точки зрения своей темы требуете от меня экзотических подробностей «перековки», а я и не думал о такой теме. Вот сравнение.

Ваша тема

Колония, в которой живут дети, «изуродованные и искалеченные беспризорностью», с трудом поддающиеся «исправлению», и педагоги, с опасностью для жизни, с нечеловеческим напряжением совершающие свой педагогический подвиг. Ко-

лония растет мучительно от катастрофы к катастрофе, от провала к провалу. Педагогика здесь еще не уверена в себе и технически несовершенна.

Моя тема

Образцовый воспитательный советский коллектив, давно сложившийся, растущий материально и духовно на основе больших концентрированных коллективных сил, обладающий традицией и совершенной формой, вооруженный тончайшей педагогической техникой – **социалистической**, детский коллектив, в котором срывы и катастрофы невозможны (и нежелательны, хотя бы это и нравилось литературным критикам).

Товарищ Левин! Ваша тема уже прошла 10 лет тому назад – это тема «Педагогической поэмы». Тема **нашего** времени, вполне назревшая, оправданная жизнью, а для меня – и моим опытом, – счастливый детский коллектив, свободный от антагонистов и настолько могучий, что любой ребенок, в том числе и правонарушитель, легко и быстро занимает правильную позицию в коллективе. Тема «Флагов на башнях» ничего общего не имеет с темой «Педагогической поэмы». Между прочим, Вы и сами кое-что заметили в этом направлении, когда написали:

«...конечно, эта система замечательна».

Отсюда уже нетрудно было сделать заключение, что замечательная система должна иметь и какие-то более или менее счастливые последствия.

Если Вы так слабо разобрались в теме, то еще слабее разобрались в идейной нагрузке повести, но об этом говорить долго. В общем, Вы не доказали своего профессионального умения орудовать канонами и правилами, а для Вас это, пожалуй, более необходимо, чем для меня: в крайнем случае я останусь фактографом, а чем Вы останетесь, если забудете нормальную критическую технику?

Недостаток места не позволяет мне остановиться на других «канонах», упущенных Вами. Но еще 2–3 замечания:

1. Вы уклоняетесь от истины, когда говорите, что я изображаю «неестественно-сладкое счастье». Вы приводите абзац, в котором прямо говорится о счастье, но в книге 24 печатных листа, и таких строчек очень немного. А, кроме того, почему бы мне не говорить о счастье, если тема всей книги - счастье и поэзия[5] детской жизни? Только это не то счастье, которое может понравиться классным дамам. Вы думаете об этих дамах лучше, чем они заслуживают. Я хотел изобразить счастье в борьбе, в коллективных напряжениях, в требовательной и даже суровой дисциплине, в труде, в тесной связанности с Родиной, со всей страной:

2. Я не принимаю Вашего упрека в том, что в моей повести много красивых. Я такими вижу детей – это мое право. Почему Вы не упрекаете Льва Толстого за то, что у него так много красивых в «Войне и мире». Он любил свой класс – я люблю мое общество, многие люди кажутся мне красивыми. Докажите, что я ошибаюсь.

3. Я пишу для того, чтобы в меру моих сил содействовать росту нашей социалистической культуры. Как умею, я пропагандирую эту культуру в художественной форме. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы разобрали мои художественные приемы и доказали, что они не ведут к цели. Но Вы этого не делаете. Вас не интересуют мои цели. Вы рассматриваете меня в эстетическую лупу и доказываете, что я не профессиональный писатель, потому что у меня не выходят «синтетические» образы.

Откуда Вы знаете, какие образы у меня синтетические, а какие списаны с натуры? Вам было бы приятнее, если бы я изображал «исковерканных» детей с той экзотической терпкостью, которая для меня является признаком дурного вкуса, ибо я больше, чем кто-нибудь другой, имею право утверждать, что детская «исковерканность» – в значительной мере выдумка неудовлетворенных романтиков. Вы отстали от меня, товарищ Левин, и поэтому, если и в дальнейшем Вы будете именовать меня «фактографом», я страдать не буду.

4. Не кажется ли Вам, что некоторые «каноны», при помощи которых действуете Вы и еще кое-кто из критиков, несколько устарели и требуют пересмотра.

«Синтетический образ», «характер», «типизация», «конфликт», «коллизия» – все это, может быть, и хорошо, но к этому следовало бы кое-что и добавить, принимая во внимание те категорические изменения, которые произошли в нашем обществе. Советское общество по характеру человеческих взаимоотношений не только выше, но и сложнее, и тоньше старого общества. Впервые в истории родился настоящий человеческий коллектив, свободный от неравенства и эксплуатации.

В настоящее время понятие «образ», особенно в том смысле, в каком оно обычно употребляется, не вполне покрывает требования жизни, в нем иногда чувствуется некоторый избыток индивидуализма. Гораздо важнее, чем раньше, стали категории связи, единства, солидарности, сочувствия, координирования, понимания зависимости внутренней и многие другие, которые, в отличие от образа, можно назвать «междуобразными» категориями. Коллектив – это не простая сумма личностей[6], в нашем коллективе всегда что-то родится новое, живое, только коллективу присущее, органичное, то, что всегда будет и принципиально социалистическим.

Я позволю себе употребить сравнение из области музыкального творчества. Вопросы мелодики, даже камерной гармонии, даже гармонии более широкой нас уже не могут удовлетворить в своем охвате. Нас уже должны особенно интересовать вопросы оркестровки – созвучия разных и количественно значительных тембров, колоритов, сложных красок коллектива.

Я как автор в особенности заинтересован в этом вопросе, ибо мой герой всегда коллектив и Ваши измерители для меня уже недостаточны. Но и во многих произведениях советских писателей я вижу эту линию потребности. «Разгром», «Чапаев», «Поднятая целина» заключают очень большие коллективные образы и коллективные явления. Есть и критики, которые чувствуют это.

Но есть и другие критики. Они не замечают новых требований социалистической литературной эстетики. У них в руках закостенелые критические каноны, и они пользуются ими, как шаманы своими инструментами: шумят, стучат, кричат, пугают – устрашают «злых духов». И смотришь, находятся нервные люди – побаиваются.

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 204 – 208, по источнику: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 134 – авторская машинопись, с подписью – автографом А.С. Макаренко и датой – 29января 1939 г. См. также: оп. 1, ед. хр. 25: машинопись, заверенная редакцией «Литературной газеты 29 апреля 1939 г.

Опубликовано в этой газете посмертно, 26 апреля 1939 г., после обсуждения вопроса о публикации этого материала на заседании президиума Союза советских писателей 20 – 25 апреля 1925 г. (см. далее в этой книге).

Ведущая идея открытого письма А.С. Макаренко Ф. Левину – «новые требования социалистической литературной эстетики». Они возникли вместе с появлением качественно новых социальных культурных и моральных ценностей. Развивается коллективизм, организованность жизни, ее духовно-нравственная основа. Литература и литературная критика должны, прежде всего, служить укреплению и развитию этих преобразований.

Соответственно должны обновляться основные литературоведческие понятия и прежде всего – трактовка «художественного образа». Ее нужно освободить от «некоторого избытка индивидуализма», поднять на уровень человеческой солидарности. Поэтому, говорит А.С. Макаренко, «мой герой всегда коллектив»,

это главный «объект» нового воспитания и его основополагающее средство.

Этого не мог понять даже А.М. Горького при чтении второй части «Педагогической поэмы» (см. часть 3 данного издания, с. 255 – 256). А.С. Макаренко говорит: «живой трудовой коллектив» показан как «главный инструмент воспитания» (с. 255), это главный художественный образ произведения. Непонимание этого существует и сейчас в споре о том, что превалирует в «Педагогической поэме»: коллектив или личность? Вопрос задается в духе устаревших социально-гуманитарных и художественных канонов и разного рода противопоставлений.

Поставленная А.С. Макаренко в письме Ф. Левину проблема взаимодействия социальных и художественных явлений, мысль о том, что литература – это «орган художественного народного зрения, умеющий видеть дальше и проникать глубже, в самую сущность событий, отношений и поступков», задача овладения «эстетикой нового общества» - составляют очень важный вклад педагога-ученого в науку об искусстве.

А.С. Макаренко продолжает полемику, содержащуюся в его статье «Против шаблона» (см. часть 7 данного издания), выступает против оценки нового содержания художественного произведения с позиций устаревших художественных средств, терминологических стереотипов. Это его обращение к литературоведческой методологии, совпадающее с его критикой методологии педагогической, где также доминирует обращение к средствам воспитания (самоуправление, труд, наказание и т.д.), игнорируется проблема его целесообразности и реальных результатов, их развития. См., например, часть 1 данного издания, с. 264.

[1] Цитируется статья Ф. Левина о «Педагогической поэме» в «Литературном обозрении», 1936, № 2. См. также его статью в «Литературной критике», 1936, № 10.

[2] Варлаам, бродяга – персонаж трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

[3] *Чарская Л.А.* **– русская писательница, автор сентиментальных произведений для детей и юношества. (кон. XIX – нач. XX вв.).**

[4] Записи А. Безыменского и Ф. Гладкова в Книге отзывов посетителей коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в июне 1934 г. см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 370, л. 69. См. также записи А. Жарова и Г. Рыклина в феврале и марте 1932 г. – там же, л. 38, об. и 39 об.

Безыменский А. **– поэт, деятель юношеского коммунистического движения, автор ряда сатирических произведений.**

Гладков Ф. **– писатель, в романах «Цемент», «Энергия» поэтизировал труд, созидание, героическое творчество масс.**

В коммуне был также *Жаров А.* **– поэт, видный представитель комсомольских поэтов-песенников и** *Рыклин Г.* **– писатель, сотрудник редакций газет «Известия», «Правда», сатирического журнала «Крокодил». Их записи – в Книге отзывов посетителей коммуны.**

[5] Во «Флагах на башнях», как и во всей педагогике А.С. Макаренко, доминирует этическая категория счастья. Она ассоции-

руется с эстетической категорией поэтического, возвышенно-чувственного. Его главное произведение называется «Педагогической поэмой». «Флаги на башнях» показывают возможность нового, счастливого положения детства и юности в новом обществе.

[6] *Коллектив – «не простая сумма личностей»*: **А.С. Макаренко возражает против определения коллектива в логике лишь межличностных, персональных отношений. Это индивидуалистическая трактовка коллектива, она отрицает его как самобытное общественное явление, механически сводит его к функциям личности.**

Дополнения. **30 января 1939 г. – публикация в газ. «Правда»:**

«Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР **(1938 – 1942 гг.). Тезисы доклада тов.** *В.М. Молотова* **на XVIII съезде ВКП (б), одобренные в основном Политбюро ЦК ВКП(б). 2-й пункт порядка дня съезда:**

...СССР вступил в третью пятилетку в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму, когда решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей – строителей коммунизма».

(Съезд прошел позднее, 10 – 21 марта; в его резолюции данный тезис представлен так: «...в полосу строительства бесклассового общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму». Осуществление плана 1938-1942 гг. подорвало нападение фашистской Германии на СССР в июне 1941 г.).

31 января 1939 г.:

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР

«О награждении советских писателей»:

За выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературе наградить:

...Орденом Трудового Красного Знамени

14. Макаренко Антона Семеновича...

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль, 31 января 1939 г.

Опубликовано в «Правде» 1 февраля 1939 г.; в «Литературной газете» 5 февраля. Материалы к награждению готовили секретарь президиума ССП А. Фадеев (в этой должности с сер. января 1939 г.), П. Павленко и др. Это первое в СССР награждение большой группы писателей.

Орденом Ленина награжден – 21 человек: Н. Асеев, Н. Вирта, Ф. Гладков, В. Катаев, А. Корнейчук, С. Маршак, С. Михалков, П. Павленко, Н. Погодин, А. Твардовский, Н. Тихонов, А. Фадеев, М. Шолохов и др.

Орденом Трудового Красного Знамени – 49 человек: В. Вересаев, Ю. Герман, М. Зощенко, В. Иванов, М. Исаковский, С. Кирсанов, Л. Квитко, Ю. Крымов, Б. Лавренев, А. Новиков – При-

бой, Ф. Парфенов, К. Паустовский, М. Рыльский, Л. Сейфуллина, И. Сельвинский, Ю. Тынянов, К. Федин, О. Форш, К. Чуковский, М. Шагинян, В. Шкловский и др.

Орденами «Знак Почета» - 102 человека: А. Адалис, А. Гайдар, Д. Гофштейн, В. Гусев, Н. Кочин, Б. Лапин, В. Луговской, Н. Ляшко, М. Пришвин, Л. Соболев, В. Ставский и др.

Запись в дневнике, 1 – 6 февраля 1939 г.

1 февраля - 6 февраля

Сегодня я награжден орденом ТКЗ. Очень радостно. Напряжение на литературном фронте должно упасть, но пока это реально не заметно.

Положение на фронтах.

Центральный фронт. Положение неопределенное. Завтра посылаю ответ Левину, который «Л. Г.» согласилась напечатать. 13 диспут о «Флагах», от которого, впрочем, жду больше неприятностей. Либединский как будто утих.

Северный фронт. Простое молчание, но с орденом Киностудия поздравила.

Родительский фронт. Аванс 4500 получил. Начинаю писать II том [Книги для родителей] 7 марта с расчетом закончить 18 апреля.

Западный фронт. Пьесу для Н.Т. начинаю 8 февраля с расчетом закончить 28 февраля.

На эту пьесу заявил уже претензии Московский ТЮЗ.

Южный фронт. Молчат. Наметил работу над одесским сценарием с 25 марта по 24 апреля.

Ю. З. фронт. На месте. Для переработки «Чести» наметил время с 14 февраля по 25 марта.

Восточный фронт. «Молодая Гвардия» не вспоминает. Работу над этой книгой[1] наметил на время с 21 марта по 31 мая.

Сейчас нужно закончить несколько статей: «Огонек», «Вечерняя Москва», «Красная новь», «Брошюру о детях для Американской выставки»[2]. Кроме того, заканчиваю редактирование Календаря игрушки.

Северо-Западный фронт. «Советский писатель» уже напоминал. Они согласны отложить до 15 марта. Начинаю работу с 1-го по 20 марта. Включаю кое-что из напечатанного (4 рассказа)[3].

Денег пока нет.

Воспитание гражданина..., с. 845 – 846.

[1] Имеется в виду роман «Ньютоновы кольца».

[2] См. далее – «Дети в стране социализма».

[3] Имеется в виду книга рассказов для детей («Дети», «Дети двух эпох») – подг. совместно с Н.Г. Шкляром. Из напечатанного в журналах – рассказы: «Гришка», «Случай в походе», «Премия», «Доктор» (см. в части 6 дан. издания и в данной Части 7). Говорится об издательстве «Советский писатель».

Письмо С.А. Калабалину, 2 февраля 1939 г.

2 февраля 1939, Москва

Дорогой Семен!

В голову мне не приходило, что ты можешь так волноваться по поводу прошлогодних обстоятельств твоей биографии[1], я на твоем месте не волновался бы и забыл все, но совершенно не поддается пониманию, что в детском доме тебе скучно и неинтересно.

Поэтому буду все-таки рад, если из нашей переписки с Яцкевичем[2] что-нибудь выйдет. Сегодня я отправил ему длинное письмо, в котором рассказываю,

какой ты педагог. Предупреждаю, что ты человек горячий и лодырей и шкурников не любишь, пишу также и о том, что ты – сторонник моей системы. Приложил, конечно, и твое письмо, в котором зачеркнул слово «амплуа», поставленное у тебя буквально ни к селу ни к городу.

Вчера я получил орден, поэтому, может быть, особенного страха или отвращения к нашей системе у Яцкевича не обнаружится. Почти уверен, что он что-нибудь сделает. Разговаривать с ним лично, думаю, было бы хуже, я произвожу на некоторых людей отталкивающее впечатление.

Но если даже получится осечка, падать духом не нужно, будем думать что-либо другое. Напрасно ты написал, что согласен работать в любой области, было бы хорошо, если бы ты [был] ближе к Москве и ко мне: иногда и выпили бы чарку.

Спасибо за предложение проекта провести у тебя лето, но будем надеяться, что это будет не в Виннице, а где-нибудь ближе.

Мы живем в общем по-прежнему, работы много, толку мало. Орден всех взволновал, думаю, что теперь и работать станет легче.

Левка заканчивает дипломный проект, и мы все с ним волнуемся.

Галя кланяется тебе и Гале и всей твоей многочисленной фамилии. От меня тоже передай поцелуи и поклон.

Антон похож на меня? По моему глубокому убеждению, это не такое большое счастье, во всяком случае от души желаю ему быть больше похожим на батька.

Будь здоров и ни при каких обстоятельствах не пиши.

Твой *А.*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 113.

[1] В конце января 1938 г. С.А. Калабалин был арестован, находился под следствием (вероятно, в связи с происходящими в стране репрессиями в отношении «правотроцкистского блока»: Бухарин Н.И., Рыков А.И., Ягода Г.Г., Гринько Г.Ф. и другие).

[2] *Яцкевич* **– тогда сотрудник отдела трудовых колоний НКВД СССР. С ним А.С. Макаренко был, вероятно, знаком во время работы в ОТК НКВД УССР в 1935 – 1936 гг. А.С. Макаренко поддержал ходатайство С.А. Калабалина о направлении его на работу в какую-либо колонию для несовершеннолетних правонарушителей.**

О рукописях начинающих писателей, 2 – 5 февраля 1939 г.

2 - 2 - 39. Принес план своего романа «Затравленный». План тоже ничего не стоит. Но разговаривать с ним трудно: он одержим той степенью некультурности, которую преодолеть почти невозможно.

3 – 2 - 39. Пришел за рукописью. Очень убитый тем, что никто из писателей не хочет по его роману делать новый роман. Предлагает в распоряжение этого писателя все гонорары, только бы роман вышел. А роман в 25 печатных листов, написанный от руки все об одной забастовке на каком-то заводе.

5 - II - 39. Пришел сегодня вторично. Его романище - настоящее графоманское[1] произведение, совершенно неграмотный бред. Убедить его в этом трудно: он прямо говорит: если бы я и хорошо написал, Вы все равно сказали бы, потому, что Вы писатель и вам мои страдания ничто.

Я его убеждал учиться, он машет рукой и останавливает меня: «Ну, ладно!» Потом взял под одну мышку роман, под другую коньки и сказал: - «Пойду умирать.» Обязательно понесет роман какому-нибудь новому консультанту.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 135.

[1] Графоман – человек, испытывающий болезненное пристрастие к писанию, сочинительству.

Дополнение. *Решением президиума Союза советских писателей 3 февраля 1939 г. А.С. Макаренко* **введен в состав редакционного совета издательства «Советский писатель» - вместе с К. Паустовским, В. Катаевым, П. Павленко, А. Новиковым-Прибоем, К. Треневым, С. Щипачевым, А. Фадеевым, П. Антокольским, В. Шкловским и др.**

Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е, перераб. – Ленинград, 1961, с. 121.

Литература и общество

Не правда ли, какое мирное заглавие? Не так уж и давно под ним ясно прощупывался знаменитый подтекст: «Писатель пописывает, а читатель почитывает». На самом деле было не совсем так. Русская литература всегда была активным участником общественной борьбы, а читатель не только почитывал, но и учился и умел глубоко чувствовать.

И все же какое глубокое различие лежит между старым и новым. Мы не только новее, мы и принципиально отличнее.

Советское общество – это общество на великом походе. Мы живем в то замечательное время, когда человечество закончило какой-то тысячелетний период предварительной жизни и впервые в истории подняло знамя человеческой организации. Мы вооружены стратегией марксизма-ленинизма, мы ведем бой за новое счастье, за новый разум, новую жизнь. Двадцать второй год продолжается наша борьба, и сейчас мы уже хорошо знаем, что победа наша, хотя борьба еще продолжается.

В первые годы революции могло казаться, что линия борьбы очень проста: есть четыре стороны света, и на эти четыре стороны обращен был наш фронт – четыре фронта: север, восток, юг, запад. Так оптимистически мы представляли себе события тогда, когда победа была очень далеко.

А сейчас, когда наше могущество определилось так убедительно, когда в нашем языке почти исчезло слово «поражение», именно сейчас мы хорошо знаем, что фронтов у нас бесчисленное множество. Нет никакой статики в нашей жизни. Каждую минуту мы живем в среде сильнейшего, целеустремленного, боевого движения. Движение это выражается в самых разнообразных формах удара и сопротивления, начиная от Хасана[1] и кончая мельчайшими вихриками становления в каком-нибудь далеком бытовом углу, в психике вчерашнего дикаря, в формовке мальчика в советской семье.

И если в некоторых областях наша победа звенит уже по всему свету, вызывая ужас и предсмертные судороги у наших врагов, то в других областях победа еще прячется в процессе борьбы, а в третьих и вовсе еще нет победы, а бой идет на последних напряжениях перед концом, перед победой.

Советская литература должна не только отражать то, что происходит. В каждом ее слове должна заключаться проекция завтрашнего дня, призыв к нему, доказательство его рождения. На боевом пути советского общества литература вовсе не играет роли фронтового информатора, она – разведчик будущего. Она должна обладать могущественным напряжением, чтобы в динамике нашей жизни предчувствовать формы напряжения и победы.

На днях я награжден орденом, и вместе со мной награждены многие писатели. В этом акте партии и правительства, следовательно в этом выражении народного одобрения, я хочу видеть не только награду. В этом я вижу, прежде всего, утверждение, что в общей линии борьбы мне поручен определенный участок, за который я отвечаю перед народом, утверждение того, что я не художник-партизан, выражающий свои чувства, а художник- организатор, уполномоченный народом выражать стремления и перспективные профили нашей жизни.

Орден, полученный мною, прежде всего подчеркивает идею моей ответственности, и поэтому, прежде всего, я должен знать, за что я отвечаю.

Я отвечаю за то, чтобы в моей работе было прямое, политическое, боевое влияние, тем более сильное, чем больше мое художественное дарование.

Я отвечаю за то, что в своей работе я буду честен и правдив, чтобы в моем художественном слове не было искажения перспектив и обмана. Там, где я вижу победу, я должен первым поднять знамя торжества, чтобы обрадовать бойцов и успокоить малодушных и отставших. Там, где я вижу прорыв, я должен первым ударить тревогу, чтобы мужество моего народа успело как можно раньше прорыв ликвидировать. Там, где я вижу врага, я должен первым нарисовать [его] разоблачающий портрет, чтобы враг был как можно раньше уничтожен.

Советская литература – это орган художественного народного зрения, умеющий видеть дальше и проникать глубже, в самую сущность событий, отношений и поступков. Советская литература должна обладать эстетикой боевой эпохи, эстетикой нового общества и его радостного рождения.

Работа писателя, поэтому вовсе не мирная работа, и место его деятельности – весь фронт социалистического наступления.

Писатель кроме таланта должен еще иметь и храбрость. Участие в борьбе всегда сопряжено с опасностью, ибо в каждом случае нашего движения, даже в самом мелком, всегда есть и сопротивления. Иногда эти сопротивления концентрируются в узких местах, и там получают даже временное преобладание. Мы хорошо знаем, до каких современных степеней доходит их способность маскироваться, мы не раз видели марксистские знамена в их предательских руках.

Литературный боевой участок, порученный нам советским народом, еще не вполне оборудован боевой техникой. Надо прямо сказать – о многом мы еще не успели подумать. Вопросы тематики, стиля, тона, вопросы классификации литературы, вопросы нового вкуса[2] требуют большой и новой разработки.

Ни в чем мы сейчас так не нуждаемся, как в организации нашего планового хозяйства, ибо основным коррективом нашего плана должен быть прекрасный, политически насыщенный и требовательный вкус, свободный от старомодных канонов успокоенной эстетики.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 208 – 209. Опубликовано в «Литературной газете», 5 февраля 1939 г. – как отклик на награждение орденом Трудового Красного Знамени.

Статья является по существу продолжением и закреплением сказанного А.С. Макаренко в «Открытом письме товарищу Ф. Левину». В художественной литературе утверждается необходимость быть «разведчиком будущего», чувствовать «динамику нашей жизни», продолжать свойственную русской литературе традицию: быть «активным участником общественной борьбы». Нужно вырабатывать литературную «боевую технику», овладевать «эстетикой нового общества», изменять организацию литературного «хозяйства».

Во всем этом последовательно выражается «кредо» педагогики А.С. Макаренко, его призыв к развитию педагогической функции художественной литературы в глубоком единстве с принципиальным обновлением ее эстетики. Это, можно сказать, переложение на язык литературоведения макаренковской педагогики «завтрашнего дня» и «системы перспективных линий».

В творчестве педагога-писателя фундаментальная проблема педагогики: воспитание и жизнь (школа и общество) – неразрывно связывается с фундаментальной искусствоведческой про-

блемой: художественная литература и жизнь, их соотношение и развитие (что блестяще сформулировал Н.Г. Чернышевский: «Эстетические отношения искусства к действительности»). Эти две проблемы диалектически – органично связываются в макаренковской методологии «параллельного действия».

[1] Имеется в виду вооруженное нападение Японии на советскую территорию в районе озера Хасан. Позднее, летом 1939 г. японские милитаристы вторглись на территорию дружественной СССР Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол.

[2] Эстетический, художественный вкус – это способность человека к восприятию и оценке различных проявлений красоты, прекрасного в искусстве, культуре, повседневной жизни.

Из подготовительных материалов к последующим томам «Книги для родителей»

1213. Тема. Мать, лет 36. Трое детей. Младшему 10 лет. Во втором классе. Отличник. Учится еще и в музыкальной школе. Мать говорит: «горе от ума».

Это интересный тип ученика. Начал он с кражи у соседней домработницы. Потом дома, у соседей, в школе. Несколько интересных случаев.

I. Мать повела его в милицию, предварительно договорившись с начальником. Начальник, конечно, играет: Может быть, он больше не будет красть?» И мать играет: «Да нет, я ему уже не верю». Начальник предлагает, чтобы Юра написал письменное обязательство. Юра собственноручно пишет: «... и буду слушать маму». Все довольны. Юра прекрасно все понимает и тоже доволен.

Через несколько дней он снова украл. Мать пускается в новый трюк[1]. Она сообщает, что начальник милиции звонил, справлялся, как он себя ведет. Юра разыгрывает взволнованного, но через полчаса мать слышит, как он говорит младшему брату: «Есть когда начальнику про меня звонить! Мало у него дела!»

2. В музыкальной школе у девочки - бедной – пропало 30 рублей, чтобы уплатить хозяйке. Наедине был только Юра. Он, конечно, отрицал вину. Папа только что защитил какую-то «протезную» диссертацию, семейный праздник, не стал пороть, а проговорили 3 часа. Мальчик признал, что он поступил плохо. Мать решила, что она отдаст 30 рублей, а Юра будет ей должен. Это ему понравилось.

Потом стали расспрашивать, куда он дел деньги. Он сказал, что испугался и выбросил их в уборную. Соглашение провалилось. Была организована такая операция: старшие дети получили деньги и якобы от себя предложили Юре, чтобы он отдал. В это время нарочно вошла мать и стала говорить, зачем даете ему деньги, а дети стали ее уговаривать. После такой мелодрамы деньги были отданы, а через три дня опять кража.

3. Юра с другим мальчиком просто ограбили третьего, был пойман, целая история с участием директора, комсорга, папы, мамы, домработницы. Интересно, когда комсорг говорит: «Ты будешь здесь сидеть, пока не придет мать», Юра кричит: «Как это сидеть?» Значит, я должен прогулять школу». Он потом рассуждает дельно: «Вы знаете кто я, и мой адрес. Зачем я буду сидеть. Только прогул сделаю и больше никакой пользы». И дальше открыто говорит: «Директор ничего не имеет права, а мать нашлепает и то не больно».

Общий «метод» матери и отца – это разговоры такого типа:

- Ты же способный, умный мальчик. Я не знаю, о чем ты думаешь. Неужели ты не понимаешь, к чему это ведет. Я не могут воспитывать в своей семье вора, нужно тебя отправить в колонию.

В то же время Юра первым идет в музыкальной школе и часто премируется домашней премией.

- У него же все есть!

Он и в самом деле не эгоист. 30 рублей, украденных у домработницы, он «скормил» товарищам.

Я посоветовал прекратить всякие разглагольствования, [ввести] полную молчания приветливую суровость, распоряжение, даже наказание не мотивированное, никаких премий, никаких похвал, заниженную оценку успехов.

- И он вовсе не умен. Он просто способен. И глуп.

- Но он так говорит...

- Это не ум. Это память на словесные обороты, языковое развитие.

1231. Девочка. Таня в 3 классе. Темноглазая, умница, но с наклонностью прихвастнуть. Даже о своей учительнице отзывается высокомерно. У нее диктант. Захватывающие заглавия: «Слуховой диктант», «Выборочный», «Предупредительный». Везде поставлено «отлично», обведенное точками.

Первый диктант, о тракторе: «Социалистическое хозяйство основано на тракторе». «Трактором обрабатывают колхозные поля». Заканчивается этот диктант так: «Землю пашут плугом».

Я делаю глупое лицо и говорю:

- Как плугом? Писалось трактором, а потом плугом. Она не знает, чем отличается трактор от плуга[2]...

Дисциплина

1262. «Воспитательное воздействие» - это не такое воздействие, которое воспитывает определенный характер, а такое, которое стремится сохранить общее «благополучие»[3].

…Две семьи живут радом. Мальчики бывают друг у друга. В одной семье пропала готовальня. Подозрение пало на мальчика А. Нужно отдать справедливость: обе семьи не столько интересовались готовальней, сколько воспитательной проблемой.

Мальчик в краже не признавался. Началось настоящее следствие, довольно хитрое и воодушевленное. Обе семьи страшно им увлеклись, но ничего открыть не могли.

Пришли ко мне обе матери. Я выслушал их и сказал:

- Бросьте, забудьте об этой готовальне. И мальчик пусть забудет.

- А если он все-таки украл?

- И в этом случае.

Они ушли. А потом звонили мне и благодарили[4].

…Совершенно необходимая черта деликатности и доверия. На этой черте взаимное понимание возможно без применения грубых слов и натуралистических анализов.

На этой черте значительным и мудрым будет каждое слово, сказанное вовремя, экономное и серьезное слово о мужестве и красоте жизни, о достоинстве человека и женщины, то слово, которое помогает родиться будущей большой любви, творческой и богатой силе жизни[5].

В такой обстановке сдержанности и чистоты проходит половое воспитание в каждой здоровой семье.

Личный архив А.А. Фролова, выписки из материалов РГАЛИ, без указания на единицы хранения. Цифры в начале некоторых абзацев – это нумерация, сделанная А.С. Макаренко по его записным книжкам.

Подготовительные материалы к 1 – 3 томам «Книги для родителей» см. также в части 5 данного издания, с. 262 – 267.

[1] Здесь и ниже А.С. Макаренко критикует педагогическую методологию, основанную на сведении мастерства воспитания к овладению лишь «педагогическими приемами», как будто именно они составляют систему и «секреты» воспитания. Это, говорит он, «игра» в воспитание и «педагогические фокусы» (как он определяет это в других высказываниях).

[2] Дается пример отождествления словесного знания с реальным знанием, что характерно для нетрудовой «школы учебы».

[3] Фиксируется распространенный подход к дисциплинированию (и воспитанию вообще): оно должно лишь обеспечивать устоявшийся и внешний «порядок». Педагогика А.С. Макаренко предусматривает благополучие развивающегося коллектива и активно-творческой личности, целеустремленной, способной преодолевать жизненные трудности и противоречия.

[4] Этот эпизод затрагивается в главе шестой первого тома «Книги для родителей (Пед. соч. в 8 т., т. 5, с. 112 – 117, 126 – 130, 138 и далее).

[5] Это одно из немногих высказываний А.С. Макаренко, где он показывает огромное значение «мудрого» слова, «сказанного вовремя, экономного и серьезного», органично включенного в конкретную жизненную ситуацию. В его художественно-педагогических произведениях даются многочисленные примеры такого рода (они нуждаются в обобщении, исследовании).

Наряду с этим – специальные беседы об этике поведения, «теории морали», о дисциплине и т.д. См., например: часть 3 данного издания, с. 165; часть 6, с. 261 – 267.

Из материалов «Книги для родителей», подготовленных Г.С. Макаренко

...На воспитание необходимо установить материалистический взгляд. Вероятно, этому немало мешали тайны педологических кабинетов.

Надо совершенно отбросить взгляд, что воспитывать могут только посвященные в тайны специальных наук, и поставить воспитание наряду с другими деловыми сферами нашей жизни. Воспитание – дело трудное, но это прежде всего дело, деловая деятельность, доступная каждому взрослому советскому гражданину. И деятельность, которой он обязан заниматься, какая бы у него ни была основная специальность. Должен делать хорошо, даже отлично и может делать отлично, если захочет. Должен не «мечтать» по вопросам воспитания, а размышлять, мыслить в этой области и мыслить, как он мыслит в своей специальности: помнить о деталях, ощущая постоянно общие и частные цели и задачи всего нашего Союза. Закон об укреплении семьи четко и ясно ставит перед каждым гражданином задачу воспитывать детей.

Повторяем: воспитание детей – дело трудное, это большой, напряженный, требующий постоянного внимания труд. Как и всякая другая работа, воспитание требует предельной простоты и искренности... Воспитывать надо многие годы, и никакая поза просто невозможна. Наконец, в воспитание входит и сложный процесс формирования отношений между детьми и родителями, затрагивающих самые глубокие и интимные чувства. При первом же конфликте (а без них не обойдешься) позирование прекратится само собой. Чем выше интеллект родителей и чем он безыскусственнее развернут перед детьми, тем легче воспитание.

Но при этом всегда надо помнить, что я, родитель, воспитываю, а не меня воспитывают. При этом никогда нельзя как-то особенно угождать детям, чтобы они

нас любили. Такая ориентировка почти всегда ведет к потере представления, кто кого воспитывает. Дети говорят: «Папка, ты мне надоел», «Мамка, не приставай». То есть говорят, как плохой воспитатель, и родители позволяют «плохо себя воспитывать»...

Когда мы говорим, что правильное воспитание требует «предельной искренности», то мы совсем не понимаем под этим интимной откровенности родителей с детьми. Здесь речь о другом: об искренности и простоте извечной позиции детей и родителей. Родители – взрослые люди, опытные, знающие – они воспитывают и руководят; положение детей подчиненное. Опыт показывает, что, как дым, разлетается «уравнительная» позиция родителей, когда дети вырастают и уже всерьез «диктаторствуют». Поэтому уравниловку надо считать лживой, искусственной, так как родители хотят прежде всего себя показать, что они не такие, как все.

Общеизвестно, что дети тонко и остро чувствуют и ложь, и проявление большого, глубокого и искреннего чувства, подъема, будь то радость или страдание. Но проявление сильных чувств не должно быть частым, иначе к ним привыкают. Вообще надо избегать всякой аффектации, слишком бурного проявления при детях чувств, все равно каких. Всякое состояние аффекта необычно для нормального человека, и дети воспринимают его проявление как-то болезненно. Привычка к аффектации ведет к неискренности и наигранности внешнего проявления чувств. Иногда это в известной мере имеет место при встречах школьных подруг.

Можно рекомендовать воспитание сдержанности у детей и у родителей. Умение владеть своими чувствами – это необходимый элемент общежития. «Плотоядные» и даже страстные поцелуи в самые неподходящие места, расточаемые матерями, следует считать совершенно недопустимыми. Они, несомненно, расслабляют нервную систему детей, рано будят чувственность и ведут к распущенности и к несдержанности, вероятно и половой. Проверить это трудно, но наблюдения реакций у детей в подобных случаях говорят за это предположение.

Проявление чувств требует большой культуры. Просто зоологические чувства: страх, злоба, даже радость, не украшенные, не управляемые и не заторможенные волей, интеллектом и пр.,– вероятно, должны быть отвратительными. Когда мы видим проявление малозаторможенных чувств, это неприятно. У Брема[1] есть страшные описания эмоций гориллы.

Красота и глубина человеческих чувств как человеческая специфичность, несомненно обусловливаются мощностью тормозов, которые накладывает на них личность. Эти тормоза надо воспитывать, они понадобятся во всех случаях жизни.

Прежде всего, они обеспечивают необходимую сдержанность родителей и общий спокойный, без аффектации, тон семьи…

Лет до семи, а иногда и позже, ребенок не владеет выражением глаз; в детских глазах видимо, ясно читаются мысли и намерения…

Детские глаза часто красноречивее детского языка, в них можно многое прочесть, но это надо делать также трезво и критически, не в порядке растроганности родительских чувств. И когда видишь, как ребенок, разговаривая с родителями, играет глазами, видно не только детское лукавство, но и простое намерение «надуть». А родители умиленно подмигивают так, чтобы дети не видели, но не видеть нельзя, и дети прекрасно видят и приучаются спекулировать и на растроганности, и на подмигивании. В таком случае у нас не бывает сомнений - будут трудности, кризисы и осложнения – воспитание не пойдет гладко.

У родителей бывает иногда выражение, от которого делается неприятно, как от плохой игры актеров, так же насквозь фальшиво это выражение лица: ребенку надо было бы сделать замечание, сын развязно городит вздор, мать даже восклицает: «Вы слышите, что он говорит! Сашенька, что ты говоришь?» – но на лице ее вместе с некоторой осторожностью написано восхищение и гордость. Эту развязность она принимает за проявление необыкновенного таланта, и хотя она делает замечание для

приличия, но сама поражена неотразимостью своего ребенка и его «проницательностью»…

Система бонн, гувернанток, даже очень квалифицированных, показала с очевидностью, что если ребенок всегда на глазах, то это еще совсем не определяет правильности его воспитания. Может быть, даже наоборот! Кроме того, это было бы крайне неэкономным использованием квалифицированных сил наших родителей. Наконец, если воспитание идет плохо, то вряд ли оно станет лучше от того, что человек, не умеющий воспитывать, будет исключительно этим делом заниматься.

Наши наблюдения говорят об обратном: в том случае, если родители живут полной жизнью, заняты интересной работой, любят ее, ею увлекаются, относятся к ней с пафосом, если это действительно люди идеи и долга, воспитание ребенка пойдет проще и эффективнее.

Наши советские дети очень рано становятся преданными патриотами, горячо любящими Родину, и очень рано научаются гордиться хорошей работой родителей, их занятостью, той пользой, которую они приносят. У совсем маленьких детей это звучит особенно трогательно. Часто детям еще трудно понять, в чем заключается работа родителей, но дети не сомневаются, что родители делают хорошее и нужное дело. Дети всегда очень гордятся, если родители коммунисты. Такой дополнительный аргумент к уважению и авторитету при умелом использовании чрезвычайно облегчает воспитание.

Если все идет благополучно и основные линии нравственного воспитания, намеченные родителями, получают должное развитие, то детям необходимо предоставить определенную свободу и самостоятельность. Но при этом надо зорко следить за каждым ребенком и помочь ему выпрямить линию или выбраться из затруднения, если такие возможности наметятся…

Мы знаем случай, когда мать и отец – коммунисты, очень любящие свою единственную дочь, воспитали ее так, что она совершенно беспомощна в практической жизни и даже ее зубную щетку моет домработница. Конечно, это советская девочка, умная и начитанная, но если отбросить ее образование, то что хотели воспитать родители? Тургеневскую девушку, окруженную прислугой, которая звонит, чтобы казачок поднял ей упавший носовой платок… Кстати сказать, эта советская девушка тоже зовет прислугу из кухни, чтобы та подала ей из буфета ложку, а буфет рядом.

И это не единственный случай. Идеология тургеневской девушки, конечно, другая, но отношение к физическому труду и к труду «прислуги» у этих девушек странным образом совпадают. И та и другая считают, что заниматься физическим трудом ниже их достоинства и что для этого труда есть специально предназначенные люди, которые обязаны делать за них всю неприятную черную работу. Механика обслуживания тургеневской барышни ясна, у нас так воспитанная девушка тоже имеет удобную формулу: «Работница получает деньги, она должна». И этим решается вся проблема. Мы уверяем наших читателей, что здесь нет и тени преувеличения, а также клеветы на наших ребят и родителей. Проанализируйте поведение своих, особенно единственных детей, но сделайте это с большевистской беспощадностью, и вы убедитесь в этом…

Дети в капиталистических странах – это один из объектов частного владения…

А кто из нас, выросших в дореволюционных семьях, в детстве слышал о каких-то «правах детей» и «долге перед ними родителей»! Таких понятий просто не существовало – их принесла с собой революция. И прекрасный лозунг: «Дети – цве-

ты жизни» - засверкал в нашей жизни как утверждение прав детей. Этот лозунг остается поэтическим выражением отношения Советского государства к детям.

Что же касается юридической стороны, то в проекте нашей Конституции с предельной ясностью и мудростью указаны права нашего гражданина, невиданные еще в мире права личности. Там же указаны и обязанности гражданина нашей великой Родины. Следовательно, Конституция является утвержденной законом программой личности нашего гражданина. Поэтому наших детей мы должны воспитывать так, чтобы права и обязанности советского человека, узаконенные Конституцией, стали их плотью и кровью и были не разделены с их жизнью и сознанием. Только тогда они будут достойными преемниками великих идей Ленина...

Нашей молодежи обеспечен прочный союз – брак, радости отца и матери многих детей. Наши семьи должны быть самыми счастливыми и самыми прочными. В брачном союзе советских граждан нет элементов купли и продажи, нет господства материальных соображений – это союз двух любящих людей, союз, заключенный по взаимному влечению, и значит, в основной массе он должен быть счастливым.

Семейное счастье и его прочность тесно связаны с вопросом о детях. И надо прямо сказать, что бездетные браки всегда менее прочны, чем те, где есть дети. Семьи же, где один ребенок, настолько уязвимы, что счастливыми их назвать трудно, даже если в семье мир и любовь. Не только смерть, но и болезнь единственного ребенка – это трагедия, окончательная и непоправимая. В таких семьях всегда есть некоторая истеричность в отношении ребенка, и несказанно трудно воспитывать этого «единственного и неповторимого» так, чтобы он не ощущал этой своей исключительности…

Можно категорически утверждать, что детей, выросших в некоторых, даже значительных материальных затруднениях, воспитать легче.

Избыток, избыточное потребление часто роковым образом отзываются на детях. Чересчур любимые, забалованные, закормленные дети всегда в большей или меньшей степени самодуры и эгоисты.

Во многих семьях, где в лучшую сторону резко изменилось материальное положение, старшие и младшие дети разные и старшие лучше. Мы знаем семью, в которой старшая девочка, теперь девушка, пережила с родителями всю тяжесть гражданской войны, эвакуацию, голод и холод... Эта девочка воспитана как советский человек в лучшем смысле этого слова. В ней есть та непередаваемая прелесть непримиримости и убежденности борца высокого гуманизма, нежности и гордости, которые присущи только нашей лучшей молодежи. По этим качествам можно судить, какой невиданной красоты достигает человеческая личность.

Брат младше ее на 6 лет. Он вырос в особняке, есть «бьюик», дача за городом, лучший санаторий в Крыму... Семью, в которой растут эти дети, можно назвать образцом советский семьи. Родители культурны, умны, живут в непрерывном росте и движении вперед. Они больше 20 лет женаты и не только не растеряли за это долгое время ни одной частицы своего большого, полного поэзии чувства, но чувства их стали богаче. Это образец супругов и родителей. Они любят детей, это нежные и разумные родители.

Мать детей – большая умница и прекрасный человек. Она так же просто живет в особняке, как и жила когда-то, занимая угол, или жила в теплушке[2]. И так же просто перешла бы в теплушку, если бы это понадобилось. Особняк не стал элементом ее жизни, тем более сознания. Особняк – это жилище, которое не принадлежит ей так же, как когда то теплушка, но о чистоте и уюте в особняке она заботится, как заботилась и в теплушке. Дочь так же, как и мать, относится ко всему, что у нее есть. Однажды она просто и ласково ответила сверстнице на восклицание: «Ах, Ната, тебе было, вероятно, очень трудно. У тебя совсем другие условия жизни. Ты не привык-

ла!» – «Я ни к чему не привыкла,– ответила Ната. – Наши условия созданы для отца, а у меня будет своя жизнь, может быть, тогда и у меня будут привычки. Пока их у меня нет, и я прекрасно себя чувствую».

У мальчика отношение несколько иное, он не знает другой жизни, он вырос в особняке, и так как он много хворал, то подавали не раз и «бьюик», когда ему надо было ехать. Он еще очень молод, еще мальчик, и то, что он слабого здоровья, создает ему несколько иное отношение родителей, чем было к девочке. И, несмотря на то, что родители ограничивают и его, у него есть некоторое смешение представлений, что принадлежит папе, а что ему, и он говорит: «Наш шофер, машина, вагон», и у него получается другой «стиль», чем у сестры, стиль менее симпатичный.

Однажды он пришел вечером домой очень возбужденный и, даже не раздеваясь, сел в столовой и рассказал: «Мы шли с Алешкой... и шалили на улице. Милиционер думал, что мы простые мальчики, подошел к нам и спросил, как наши фамилии. Но когда он узнал фамилии, он проводил нас и только сказал: «Не надо баловаться».

Отца и матери не было дома, мальчик рассказывал это дальней родственнице, которая сочувственно его слушала. Сестра сидела здесь же и читала сосредоточенно и внимательно, но, когда услышала фразу «простые мальчики», подняла голову, внимательно дослушала рассказ брата и серьезно спросила: «Значит, вы «не простые» мальчики? А какие же, стеклянные или заводные? Вообще, какие это «простые мальчики»?»

Брат менее уверенно стал толковать сестре об отцах и фамилиях. Девушка очень умно объяснила брату, что известной фамилия стала благодаря заслугам отца и что носить эту фамилию – большая честь, но что прав детям они никаких не дает, а только увеличивает их ответственность, что дети они такие же, как и все, и никаких преимуществ у них нет.

За эту семью бояться нечего: из мальчика вырастет хороший человек. Уж очень непримиримо относится семья ко всякой разнеженности и баловству.

Ф. Э. Дзержинский в своих замечательных письмах говорит: «Избалованные и изнеженные дети, любые прихоти которых удовлетворяются родителями, вырастают выродившимися, слабовольными эгоистами». Над этими словами «железного Феликса» надо крепко задуматься. Наша страна будет богатеть безгранично. Коммунизм – это богатство, которое трудно даже представить себе,– всеобщее богатство. Значит, наши внуки будут расти в полном довольстве...

В этих же своих письмах Дзержинский говорит: «Я – не аскет. Это лишь диалектика чувств, источники которой – в самой жизни, и, как мне кажется, в жизни пролетариата». Вот эта «диалектика чувств», которой проникнуты все письма о детях Ф.Э. Дзержинского, должна быть воспринята родителями и стать основой анализа их отношения к детям.

Нет никаких сомнений, что избалованность и изнеженность – качества, совершенно чуждые нашему обществу,– могли бы только повредить нам, и их надо изживать. Если в отдельных случаях мы и наблюдаем семьи, в которых изнеживают и балуют детей, то это следует отнести к области пережитков, вынесенных из старого мира, пережитков тяжелых и вредных, характеризующих буржуазное общество, один из смертных его грехов…

Изнеженность и балованность наших детей – такая же опасность, как и шкурничество, воровство, ложь. Это враждебные нам качества.

Что касается богатства, возможности удовлетворения потребностей, то нет сомнения, что в коммунистическом обществе по этому вопросу будет очень глубоко разработанная этическая система...

Раздражительность – это не только распущенность и отсутствие дисциплины, но и порочность мировоззрения. Горький в молодости заболел туберкулезом, у него много лет было затруднено дыхание, он тяжело страдал во время своей последней болезни. А что писали о его последних часах? Почему Горький не злился, не раздражался, разве у него более здоровые нервы, чем у какой-нибудь «нервной» молодой мамаши? Меньше он пережил…

Все мы знаем, как страдал Ленин и как он переносил свои страдания, и можно себе представить, как переутомлена была у него нервная система.

Можно ли себе представить таких людей раздражительными брюзгами – это звучит как святотатство. Всем известно, что как только им становилось лучше, они сейчас же брались за огромную работу, дело их жизни, трудились выше обыкновенных человеческих сил, что и приблизило их раннюю гибель.

Ни одной жалобы, ни одной мысли о себе, о своих страданиях, одна теплота и благодарность к окружающим людям, бессильным помочь. У таких великих людей надо учиться не только жить, но и страдать, и даже умирать, ибо это не легко сделать. Глубочайший гуманизм и человеколюбие, постоянное ощущение социальных связей, преданность идее и высочайшее чувство долга и ответственности – предельная и возвышенная красота этих личностей. И мало ли у нас их? Умерших уже, но вечно живых и живущих – это наша гордость, честь и слава!

И каким жалким и ничтожным кажется отец, член партии, работник милиции, который угрожал револьвером своему тринадцатилетнему сыну за непослушание! А когда имеющий на это право товарищ, следователь, спросил его: «Как вы дошли до такого безобразия?» – то этот отец заскулил: «Я человек раненый, много пережил… Переутомление нервов, работа нервная... Я очень вспыльчивый и раздражительный, а сын меня злит». Этот десятки врачебных свидетельств принесет – он нервный и имеет право быть раздражительным...

С полной ответственностью мы утверждаем, что раздражительность не есть следствие болезни нервов. Это порок и, как каждый порок, может быть причиной нервных болезней. От этого порока нетрудно избавиться. Но в этом избавлении не помогут ни бром, ни душ Шарко, ни электризация. Помочь может только самодисциплина и раз навсегда глубоко осознанная отвратительная антисоциальность этого порока. На это способен всякий находящийся в здравом уме и твердой памяти гражданин…

Против раздражительности людей, находящихся при исполнении служебных обязанностей, надо издать специальное постановление: после двух замечаний увольнять с работы, ибо это, может быть, и не сознательные, но враги нашего роста, они тормозят наше движение вперед. Они уродуют работу наших прекрасных учреждений.

Родители никогда не должны раздражаться на своих детей. Что касается детей, то необходимо самым внимательным образом следить, чтобы у них не развивался этот роковой порок. Никогда нельзя на детские раздражения отвечать собственными раздражением. Если вы видите, что ваш маленький ребенок раздражен, спокойно возьмите его на руки, дайте ему совершенно успокоиться, приласкайте его и только тогда поговорите с ним о его поступке. Никогда не допускайте в присутствии детей крика двух повздоривших взрослых людей без тормозов. Если вы позволите себе ссориться с детьми, то вы покажете свое бессилие, растерянность, может быть, даже неспособность перекричать их – вы неизбежно уроните своей авторитет…

Мы говорили о раздражительности – о мелочной вздорности. Гнев – это нечто совсем другое. Гнев противоположен раздражительности. Гнев бывает силой созидающей. Раздражительность – всегда разрушающая, дезорганизующая. Гнев всегда активен – это целевое действие. Раздражительность пассивна и всегда приводит к противоположной цели, чем та, которую предусматривают. В некоторых случаях

гнев – могучее воспитательное средство, но пользоваться им надо умело и осторожно…

* * *

…Нужно ли воспитывать в детях чувство благодарности к родителям, умение ценить их заботу и любовь, их труд, материальную помощь и чувство долга по отношению к родителям? Умение принести материальные и личные жертвы, когда это будет нужно родителям? Воспитание есть процесс развития различных навыков, представлений и понятий – от самых простых и вытекающих из сегодняшней жизни ребенка до постепенно усложняющих понятий гражданина, чести Родины и т. д. Детское чувство долга, благодарности и т.д. со временем расширится и будет перенесено на Родину, партию, любовное и заботливое отношение к людям. Будет перенесено на все, чем гражданин нашей страны обязан своим счастьем. Умерить эгоизм, личную жадность и зависть – значит облегчить воспитание противоположных чувств…

А лозунг: «Каждому по потребностям» – предполагает огромную культуру личности, ее совершенную ориентировку в личных и коллективных интересах и полное отсутствие личной жадности. Личная жадность во всех ее проявлениях – одно из самых отвратительных и реакционных качеств. Это мать семи или девяти смертных грехов. В дореволюционное время передовая революционная молодежь боролась с личной жадностью. В то время были резко противопоставлены две классовые группы: «белоподкладочные студенты» - синоним «черной сотни» и «кисейные барышни» – синоним суетности и умственной ограниченности; прогрессивное революционное студенчество, для которого сознательно ограничить себя, ходить бедно одетым, показать свое презрение к мишуре – это значило бросить вызов буржуазному обществу. Вопрос был ясен и решался классовой принадлежностью. Горький так всю жизнь и проходил в картузе и в самом скромном костюме, молодость – в сапогах и косоворотке. Сейчас брошенный в нашей стране счастливый лозунг «красивая, зажиточная жизнь» диалектически противопоставлен мещанскому счастью…

Капризы – это, вероятно, особая форма первых попыток противопоставить свою волю воле родителей, особая форма протеста, часто превращающаяся с годами в привычную форму общения с родителями, своеобразный рефлекс на раздражители. Жалобы родителей, что ребенок капризничает только дома или только с матерью или у чужих ест все, а дома ничего, - частое явление. Ни в какой другой области ребенок не может так полно ощутить свою «силу и власть» над родителями, как именно в еде. Логика родителей ясна: если не будет кушать, заболеет и умрет.

Это, конечно, законное и естественное беспокойство, но дети прекрасно используют его: воспитывается изо дня в день привычная своеобразная форма общения детей и родителей. Есть и другая сторона вопроса – отсутствие аппетита ребенок научается рассматривать как свою особенность, выделяющую его из детской массы: если он станет есть, будет как все. Подсознательно он чувствует, что если будет есть, то это уменьшит внимание к нему, а быть центром внимания любят не одни дети. Наконец, уменьшится его власть над родителями. Создается сложнейший условный рефлекс: на простое предложение пищи отвечать «нет», даже если есть хочется. Язык самостоятельно говорит «нет», как же потом сказать «да»?...

Честное слово, обидно, почему мы должны тянуться за парижскими модами и одеваться так, как это пришло в голову парижской кокетке или денди? Что общего у нас с ними в быту и вкусах? Ведь известно, что моды создаются парижскими фешенебельными кокетками, вероятно, на договорных началах со всякими Покенами и пр. У них есть якобы «вкус», и «время», и «культура», наконец, приоритет давности в этом вопросе.

А разве у нас мало культуры? Что касается вкуса и времени, то мы при нашем плановом хозяйстве можем выдвинуть на это дело лучших художников с без-

дной вкуса, желаний и со специальным для этого дела временем. Смех и жалость вызывали (сейчас несколько лучше в этом деле) готовые платья в индпошивах по «последним парижским журналам», с нелепыми оборками; туниками и бантами, но со строгим соблюдением режима экономии (не больше двух с половиной метров на платье) и особенно из самых лучших бумажных тканей с индустриальными рисунками. Можно подумать, что все это не имеет отношения к нашей книжке о воспитании. Но одежда, ее красота – это один из вопросов нашей новой культуры, а следовательно, и воспитания.

Ведь воспитывались где-то люди, которые в недрах нашего общества раздувают угасающую любовь к моделям Покена и только парижским модным картинкам. По-видимому, это о них говорят: «Одеты не хуже людей». По нашим наблюдениям, эти «люди» - бездельные дамочки типа Эллочки-людоедки, они пропадут от свежего ветра социализма, пропадут без трагедий и жалоб, как осенние мухи. Но сейчас они еще живут и считают себя монополистками в таких вопросах, как «вкус, умение хорошо одеваться, выбрать фасон, хорошая фигура».

Все это прекрасно и нужно; изящество, и хороший вкус, и красивый фасон – обязательные элементы нашей красивой жизни, но должна ли при всем этом наша девушка походить на парижскую модницу или у нас есть свои вкусы и идеалы?

Надо очень серьезно задуматься над вопросом, как установить демаркационную линию в сознании и быту детей и юношей, отграничивающую такие противоположные понятия, как красивая, богатая жизнь... в социалистическом обществе и мещанское «счастье и благополучие». А между тем для конкретного сознания проще и понятнее мещанское «счастье». В этом его цепкость, что оно очень просто и спокойно. Демаркационная линия должна устанавливаться с первых лет жизни, здесь такие [нужны] разумные средства, а не фетишизм, который сперва насаждают и прививают, а потом плачутся от требований детей…

Форма [одежды] в школе в этом отношении внесла бы громадное оздоровление, причем должны быть особые мастерские, где будут шить форму для всех одинаковую, а то найдется мать, которая 300 рублей заплатит за фасон. В школах эта разница одежды в зависимости от возможностей родителей играет огромную роль. В некоторых случаях может образоваться как бы два лагеря: дети обыкновенные и дети родителей, зараженных пустым тщеславием.

В таком случае о коллективе не может быть и речи. В детском коллективе это выражается очень примитивно: одни важничают и иронизируют, другие завидуют и терпят. В данном случае не соблюдается даже правило: неприлично быть одетым лучше, чем окружающие. Девочки в простоте душевной, наоборот, стараются поразить всех нарядами. Вероятно, это делает очень толстой и нечувствительной кожу нарядных и истончает кожу ненарядных. Дома вторые плачут и требуют нарядов, а первые отвечают матерям: «А разве мы виноваты, что у них много детей и они не могут всех одеть»... Вывод из всего сказанного: форма необходима, и с ней нельзя тянуть, детей нельзя приучать в нашем пролетарском государстве к излишнему франтовству. Шелка до 18–19 лет совершенно излишни.

В этой области должно воспитываться четкое чувство товарищества и коллективной этики, как и во всех других. Наконец, зачем предвосхищать события и сокращать количество и продолжительность юношеской радости. Чем можно удивить 18 – 20-летнего человека, если у него все уже было в 15–16 лет? Всякие излишества ведут к развитию равнодушия, апатии и некоторой разочарованности, не говоря уже о непомерной требовательности. Наконец, в дальнейшем это может стать причиной прямого несчастья, когда в самостоятельной жизни не станет папы и мамы и потребности эти нельзя будет удовлетворять.

Мы, конечно, враги уравниловки и прекрасно понимаем, что разница в оплате труда необходима на определенном переходе к коммунизму, но необходимо воспитывать так, чтобы эта разница ощущалась ребятами как явление закономерное, но

временное и преходящее в нашей стране. Но дело даже не в количестве платьев и их качестве, а в отношении к ним, в отсутствии мещанского штампа «по платью встречают, по уму провожают» и в этом роде…

Пренебрежение к определенным деталям хозяйственной деятельности человека и разделение труда на две категории: «высшая и низшая, достойная или недостойная внимания культурного образованного человека» – это глубоко барское, буржуазное отношение к труду совершенно недопустимо в нашем обществе. Между тем в семьях воспитывают, помимо воли, такое отношение. Встречается чрезвычайно запутанная по логике и очень ясная по буржуазной своей сути философия, примерно такая: «Существует разделение труда. Домработница за эту работу получает деньги, и она обязана все это делать». Или: «Я буду киноактрисой, критиком, исследователем, и мне не надо всего этого уметь и знать». Наконец: «Я не хочу этому учиться, потому что это скучно и неинтересно» и т. д.…

Легче всего эксплуатировать человека в домашней работе, ибо она не имеет ни конца, ни предела, имеет внешнюю видимость малой продуктивности – она очень трудоемка и не может быть строго ограничена временем. В интеллигентской среде не редкость убеждение, что домашним работницам нечего делать, если семья состоит из трех человек. Есть очень простой способ испробовать объем ее работы в любой выходной день. Между тем это одна из самых трудных и неблагодарных работ…

В нашей стране люди перестали работать [просто] ради денег. Пафос труда, стахановское движение, энтузиазм – вот движущая сила трудовых усилий. Люди нашей страны работают ради дела и для него, а дело дает средства на жизнь – деньги. Эта служебная роль денег нам ясна, но для того чтобы иметь деньги, надо работать. Советские люди работают много, и каждый получает по своему труду.

Должны ли дети ценить этот труд, понимать, что много работать нелегко и что кроме удовлетворения и радости труда есть еще и физическое переутомление, усталость и пр.? Почему-то во многих семьях считается, что неделикатно фиксировать внимание детей на этих вопросах: «Пусть у моих детей будет беззаботное детство». Мы думаем, что у нас совершенно другая установка: у наших детей должно быть радостное чувство (в капиталистических странах этого нет), но забот у нашего детства сколько угодно, и в этих заботах должен формироваться наш подвижный, гибкий, деятельный советский гражданин.

Наш человек должен отличаться от буржуазного своей динамичностью, готовностью к действию и умению диалектически мыслить. Беззаботности, в старом понимании, в наших детях не надо, и первая их забота – о людях, с которыми они живут и которых любят, - о родителях, о близких. Забота о них должна иметь простой и ясный мотив: они работают для Родины, для нас, не жалеют сил, мы должны беречь их, мы им за это благодарны. Ни в коем случае нельзя лишать наших детей [этих] простых и естественных мотивов. Если говорить о неделикатности, то еще более неделикатно потреблять чужой труд и даже не чувствовать за это благодарности…

Дети должны знать цену деньгам и уметь их хранить. И тому и другому их надо учить. Совершенно не надо бояться разговоров о деньгах, это тоже вынесенная из старого мира боязнь, что дети будут любить деньги, что разговоры о деньгах ведут к жадности и скаредности...

Деньги – это одна из сторон нашей хозяйственной и деловой сферы, и в ней дети должны быть ориентированы, как и во всякой другой. Детям следует давать небольшие карманные деньги на определенный срок с тем, чтобы они тратили их по своему желанию и давали отчет в истраченном; можно записывать, куда ушли деньги. Карманные деньги можно давать с 9–10 лет, включая сюда деньги на завтрак. При внимательном контроле быстро выяснится характер трат и тенденции интересов ре-

бенка в этой области. Если деньги идут на конфеты и тратятся слишком быстро, надо поговорить с ребенком и поставить ближайшую и доступную перспективу: альбом, марки, открытки, мяч или еще что-нибудь подобнее, но не поглощающее всех карманных денег. Покупка открыток и марок не должна развивать страсти к коллекционированию, к которой дети имеют склонность.

Карманные деньги хороши в том отношении, что они избавляют детей от мелочных просьб: «Дай 50 копеек» – и единовременных подачек, когда папа или мама в хорошем настроении. Такие деньги тратятся обыкновенно без контроля, а карманные деньги имеют смысл только в том случае, если это организованная мера воспитания самостоятельности будущего человека…

Говорить о воровстве ребенка можно только в том случае, если установлены действительные случаи воровства. Надо проанализировать причины того, почему он берет без спросу, принять все меры, но слова «вор», «воровство» не должны быть сказаны. Это не только страшные слова, оскорбительное обвинение, но и признание родительской беспомощности и обреченности ребенка.

Надо воспитывать полное отвращение к воровству. В нашем обществе слово «вор» - значит «враг», и воспитать отвращение и презрение к вору очень легко. Номер «Крокодила», процесс в газетах, какой-нибудь первый, ставший известным случай воровства, совершенно не важно, кем он совершен, одна-две беседы на эту тему – и никакого, даже скрытого, намека на то, что это может иметь отношение к нему, к вашему ребенку. Никакого отношения такие беседы и не могут иметь к вашему ребенку, ибо отвращение к воровству и всякому незаконному присвоению надо воспитывать с того момента, когда ребенок начинает понимать, что ему говорят. К воровству нужно воспитывать такое же отношение, как некогда в патриархальных крестьянских семьях: нет большего оскорбления, чем слово «вор».

Воспитать честность в нашей Советской стране – дело не трудное: сама структура нашего общества, отсутствие эксплуатации, темных афер и награбленных состояний делают эту тему отчетливой и прозрачной. Наши многочисленные и многолетние наблюдения говорят совершенно определенно, что если дети из семьи воруют, виновата именно семья, а не окружение…

Деньги в семье должны быть достоянием общим. Безразлично, кто их зарабатывает или получает; распоряжается ими тот, кто ведет все хозяйство семьи, вернее кто его организует. Если деньги зарабатывает кто-нибудь из детей – ФЗУ, стипендия, работа, - то такие деньги, даже если в этом нет материальной необходимости, должны идти на общие нужды семьи. Такое использование денег имеет большое воспитательное значение, создает у юноши умение пожертвовать своими интересами для общих и дает ему ощущение удовлетворения и известную гордость: он тоже помогает семье, его заработок нужен. В то же время это приучает его к очень важному умению тратить на других свой заработок. Личная жадность в нашей стране очень легко совпадает с тенденцией контрреволюционной, и это не парадокс: человек, видящий только себя и свое я, требовательное и ненасытное, – это тормоз нашему революционному движению, действиям и деятельности…

Наши и иностранные писатели много таланта, писательской интуиции и прозорливости истратили на изображение психологии преступников, мотивов преступлений и пороков, граничащих с преступлением. Взять только одного Достоевского: какие тончайшие нюансы задуманных, совершенных и несовершившихся преступлений! Какая галерея вольных и невольных преступников самого разнообразного характера, начиная со старика Карамазова и кончая «божьей милостью идиотом» – Мышкиным и одержимым Рогожиным! Пушкин, Толстой, Шекспир, Мопассан, Салтыков-Щедрин вскрывали, каждый по-своему, тайны преступников и преступлений. Вероятно, благодаря созданным литературным типам можно представить себе пси-

хологию убийцы, грабителя, тайного убийцы, скупца, потерявшего человеческий облик, вора.

Надо сказать, что большинство писателей старались найти в темной душе преступника тот светлый уголок, оазис, благодаря которому и преступник остается человеком. Часто это бывает любовь к детям. Особенно такие «завороты» любил Достоевский: у него самые отъявленные подлецы бывают нежнейшими отцами, братьями, сыновьями.

Но я не могу вспомнить сейчас ни одного произведения, где была бы [описана] психология отца или матери, добровольно отказавшихся от своих родительских обязанностей, бросивших своих детей на произвол судьбы. Правда, описывались брошенные «незаконные дети», «тайный плод любви несчастной несла на трепетных руках», но в таких случаях вопрос был предопределен классовым делением общества: барин, бросивший крестьянскую девушку с ребенком, совсем и не считал себя отцом. Нехлюдов только в порядке «толстовского» просветления почувствовал свою вину перед Катюшей. Ведь без нарочитого авторского замысла Нехлюдов даже забыл [бы], что такая Катюша была.

Труднее всего воспитать уважение к интересам окружающих людей, особенно если что касается посторонних, а иногда и совершенно неизвестных людей.

Ваша квартира на четвертом этаже, ниже живут люди, необходимо научить детей считаться с интересами этих людей, часто для детей безымянных и совершенно неизвестных. Ваш ребенок катается на роликах в комнате. Вы ему говорите: «Сейчас нельзя кататься, там в нижней квартире пришли с работы, и им нужен покой». Ребенок отвечает: «Ну, и черт с ними, а над нами стучат целый день, а иногда и ночью, стучали, когда ты была больна... Мы терпим. Пускай и те терпят».

Эта демагогия не должна увеселять. Необходимо противопоставить ей логику гуманизма, чуткости, культуры быта и делать это самым серьезным образом и до тех пор, пока эти представления или самоощущения не войдут в плоть и кровь ребенка. Только так мы воспитаем настоящую культуру быта. Станет невозможным [включить] радио в 2 ч ночи только потому, что хочется слушать музыку... Внимание к интересам других надо воспитывать систематически и настойчиво, не пропуская ни одного случая...

В буржуазном обществе есть своя, крепко установившаяся мораль и этика. Она вдалбливается с колыбели семьей, школой, книгой, религией. Идеалы моралистов очень плохо увязываются с буржуазным бытием, но тем не менее для приемлющих буржуазную логику можно найти ответы по любым вопросам морали и этики.

Наша революция разоблачила и показала несостоятельность буржуазных стремлений к идеалу и морально-этических положений. Нам нужно критически просмотреть все их наследие и создать свою мораль и этику. За двадцать лет нашей советской жизни родились новые и крепкие моральные устои, и жизнь с каждым днем укрепляет и создает новые…

Наша Конституция подводит итоги и закрепляет наши достижения в этой области. Но надо сознаться, что весь этот огромный материал почти не использован как определенная этическая система в воспитании наших детей.

У нас нет ни соответствующего предмета в школе, ни даже литературы по вопросам коммунистической морали. Всякий, кому приходилось или приходится работать с детьми и юношами, знает, как жадно ищут они советов в этой области, как каждый день жизни ставит перед ними моральные проблемы, и они часто не знают, как надо поступить. Работающий с ними ничего не может им предложить, так как книг по этим вопросам нет. А между тем детей надо учить поступкам так же, как их учат ходить, кушать и читать. Поэтому требовать от детей, чтобы они морально-

этические нормы извлекали из нашей жизни, - это значит предъявлять к ним непосильные требования; кто-то увидит, а кто-то и нет.

Комсомол ставит перед своими членами категорические и точные требования, но не все юноши – комсомольцы, да и комсомольцы иногда путаются по молодости. Надо думать, что в школах еще недостаточно занимаются вопросами систематического морального воспитания и даже образование (именно в этой области) зависит от неизжитых еще до конца педагогических догматов: веры в абсолютное влияние среды и самотек...

Между тем многие трудности работы в школе и воспитания в семье зависят только от того, что учителя, родители и дети не всегда знают, как нужно поступать согласно новой моральной норме.

И действительно, мы еще не занялись отбором нужных нам и вредных, принесенных из прошлого морально-этических норм, не привели их в порядок, в соответствие с нашими потребностями сегодня. Можно привести массу примеров: умение жертвовать своими интересами ради других и общих, забота и нежность относительно малых и старых, рыцарское отношение к женщине, отсутствие какой бы то ни было лжи, верность другу, жене, мужу, и вообще нужна ли эта верность и как ее сочетать с интересами общественными и государственными? Путали в этих вопросах до того, что под сомнение ставились уже такие неоспоримые ценности, как честь, долг, патриотизм, доблесть, нежность и многое другое. А семейные добродетели огулом признавались мещанством и буржуазными пережитками. Много лишнего принесло это в нашу жизнь, немало вскружило сырых голов.

Люди трезвые и зрелые чувствовали враждебность и сумбурность всей этой «философии», но как люди, работающие в других областях, считали, что специалистам виднее и они знают, что делают. В этом году именно так мотивировала мне свою растерянность В. А.

Партия постоянно и крепко ударяет по всем этим загибам. Надо много писать по всем вопросам морали, надо создавать общественное мнение, традиции. Есть совершенно новые вопросы, способные поставить в тупик не только детей и молодежь: личная собственность, отношение к личной и государственной собственности, зажиточная жизнь у нас и в буржуазном обществе; имущество, предоставленное государством в личное пользование (автомобили, дачи, квартиры и пр.). Разделение труда и отношение к труду умственному и физическому и многие другие вопросы, с которыми приходится сталкиваться воспитателю ежедневно и на которые надо уметь дать ответ молодежи и детям…

Совершенствование морально-этического облика нашего советского человека не имеет предела. У нас нет поводов для злобного отношения друг к другу: мы все граждане Советского Союза, делаем большие общие дела – мы единомышленники. С любыми пороками, которые могут обнаружиться, мы вместе ведем открытую общесоюзную борьбу. В нашей жизни нет тайных мест и темных дел, нам нечего скрывать от наших детей – они все могут знать и все знают. Поэтому легко воспитывать у наших детей самые возвышенные моральные представления и направленность к действию. Нельзя упускать времени и успокаивать себя тем, что ребенок еще маленький и не понимает, подрастет – поймет. Ничего он не поймет, если его не учить, а если и поймет, то будет только самоучкой.

Начинать надо очень рано и с самого простого: места в жизни и права ребенка, права окружающих его людей, все равно каких, близких или далеких, умных или, как вам кажется, глупых. Вся эта, субъективная часто, дифференциация придет гораздо позже, а прежде всего надо учить отношению к товарищам, к советским людям, отношению чуткому, внимательному и доброжелательному.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 5, с. 281 – 282, 284 – 285, 287 – 290, 292 – 310.

Отдельное издание «Книги для родителей» вышло с обозначением на титульном листе: «Книга для родителей» написана мною в сотрудничестве с моей женой Галиной Стахиевной Макаренко. – А. Макаренко».

Это сотрудничество выражалось в обсуждении общего замысла книги, отдельных тем и эпизодов. Записи Г.С. Макаренко выдержаны в стиле, можно сказать, методического пособия – в отличии от художественно – публицистического жанра, применяемого А.С. Макаренко. В тексте встречаются: Ты сказал, На мой взгляд, Мы знаем случай...

Материал относится преимущественно к первому тому «Книги для родителей», главам 6 – 8, см. часть 5 данного издания, с. 262 – 272. Основное внимание уделяется культуре чувств, быта, повседневного общения, семейных отношений. Поднимается вопрос о правах и обязанностях детей.

Как и во всей «Книге для родителей», здесь применительно к семейному воспитанию освещаются общепедагогические проблемы, в том числе и такие, которые в других произведениях А.С. Макаренко представлены слабо или вообще не отмечены. Осмысление его работы по семейному воспитанию в контексте основ его педагогики и применительно к «педагогике школы» - задача, которую предстоит решать исследователям.

Публикуются лишь некоторые фрагменты обширного материала, он существенно дополняет опубликованное в «Книги для родителей».

[1] *Брем А.* **– нем. зоолог, автор широко популярного труда «Жизнь животных», в 6 томах. Русское изд. в 4 томах, С-Пет., 1911 – 1915 гг.**

[2] **Теплушкой называли товарный вагон, приспособленный для жилья, с железной печкой.**

Воспитание в школе и семье

Мои воспитанники, когда кто-нибудь при них начинал оправдываться, обычно говорили: оправдываться будешь в районе, а сейчас говори дело. Но я все-таки начну с оправданий.

Я боюсь, товарищи, что вы не получите от нашей сегодняшней беседы того, на что вы рассчитываете.

Руководство «Дома учителя» поставило мой доклад на тему: «Воспитание детей в семье и школе». Это тема такая огромная, что о ней можно говорить не один вечер, и, пожалуй, всего не скажешь. За один вечер мы сможем коснуться только кое-каких главных вопросов. А вот в главном-то я, может быть, и неспециалист. Вы спросите, почему? Да вот сами увидите. Я расскажу вам коротко о себе.

Я учитель. Учитель с 17 лет. Первые 16 лет я работал в нормальной школе, в заводской школе. Я сын рабочего и учительствовал на том же заводе, где работал отец. Проработал 16 лет. Это было еще при старом режиме, в старой школе.

Первые 16 лет моей педагогической работы я в таких решающих, труднейших вопросах, как связь семьи со школой, плавал, хотя находился в более благоприятных условиях, чем многие из вас.

Я никогда не считал себя педагогическим талантом и теперь не считаю. Говорю это совершенно серьезно! И докажу вам это потом!

Почему? Да потому, что я был учителем, а потом заведующим заводской школой, которая и объединяла детей рабочих одного завода, одного рабочего посел-

ка. И я сам был членом рабочего коллектива, членом рабочей семьи. И мои ученики, и мои родители представляли собой единое небольшое рабочее общество одного завода[1], более или менее отрезанное от остального мира.

Следовательно, возможности у меня были очень большие. У вас в Москве этих возможностей, пожалуй, меньше, так как вы объединяете детей по признаку их территориального размещения. Их родители не связаны в единый рабочий коллектив. Вы имеете, может быть, меньше возможностей подойти к семье, чем я. Но зато у вас такое прекрасное условие, как Советская власть. У меня этого условия не было. В то время была старая самодержавная Россия.

После революции судьба отдалила меня от семьи. Шестнадцать лет я работал с ребятами, не имеющими родителей, не имеющими семьи. С родителями я почти и не встречался.

Правда, за последние годы я опять приблизился к семье, но все-таки моя основная работа при Советской власти – это работа в учреждениях, в которых жили воспитанники, «принципиально» не признающие семьи.

И если у нас появлялся ребенок, у которого где-то далеко на горизонте были папа и мама, то к такому ребенку относились несколько свысока: ты, дескать, плебейского происхождения, а мы настоящие аристократы улицы. *(Смех)*

Если же папа и мама располагались настолько близко, что иногда заезжали даже в коммуну, то их встречали очень нелюбезно и говорили: что вы сюда ездите? Что вам здесь нужно? Мы без вас управляемся хорошо, и ваш сын без вас тоже прекрасно управится, и нечего вам здесь делать. *(Смех)*

Были случаи и более трагические.

У меня был один замечательный случай. Произошел он в интересной обстановке.

По поручению какой-то кинематографической организации приехал ко мне кинооператор заснять коммуну им. Дзержинского в Харькове. Юркий старичок, из тех, которые все умеют видеть, все умеют найти, очень разбитной, очень расторопный.

Он пришел в восторг от коммуны. Все ему нравилось. И вот в тот момент, когда я с ним в кабинете о чем-то договаривался, совершенно неожиданно вваливается товарищ довольно культурного вида, но видно, что человек только что из вагона, очень запыленный, и говорит:

- Я приехал из Мелитополя. Я получил сведения о том, что у вас живет мой сын Вася Столяров.

- Да, есть такой.

- Так вот я его отец. Он убежал из дому, я его полгода искал, теперь узнал, что он у вас, приехал за ним.

Человек волнуется, голос у него дрожит.

- Ну что ж, пожалуйста, позовите Васю.

Прибыл Вася. Мальчику лет четырнадцать. Мальчуган полгода пробыл в коммуне. В форме, подтянутый, умеет стоять, умеет смотреть, все как полагается[2]. Пришел, встал, спрашивает:

- Вы меня звали?

- Да, приехал твой отец.

- Отец?

Ну, уж здесь все формы исчезли: бросились друг к другу в объятия, целуются, любовь необычайная: отец любит сына, сын любит отца и т. д.

Кончились объятия и поцелуи. Мальчик привел себя в порядок. Отец говорит:

- Так вы его отпустите со мной?

- Пожалуйста, решает сын. Как он захочет, так и будет. Захочет ехать с вами, пусть едет.

И вот этот самый мальчуган, который только что плакал от радости, покраснел, посерьезнел, смотрит на меня, качает головой и говорит:

- Не поеду.

- Почему, ведь это же твой отец?

- Все равно, не поеду.

Отец побледнел.

- Как не поедешь?

- Не поеду.

- Почему?

- Не поеду – и все.

- Почему ты не хочешь ехать? Это же твой отец?

- Не хочу, не поеду.

Отец начал горячиться:

- Хочешь не хочешь, а я тебя возьму.

Здесь мои командиры вступились:

- Здесь вы никого не можете взять, он коммунар - дзержинец; можете ему поклониться, захочет – поедет, не захочет – не поедет.

Отец упал в кресло. Истерика. Заволновались. Успокаивали его, успокаивали, водой поили. Успокоился он немного, говорит:

- Позовите Васю.

Нет, теперь не позову.

- Да ведь только попрощаться.

Посылаю своего связиста[3]:

- Спросите, хочет Вася попрощаться с отцом?

Пришел Вася. Опять начали плакать, обниматься, целоваться. Когда все кончилось, Вася спрашивает:

- Мне можно идти?

- Пожалуйста, иди.

Он ушел, а я с отцом еще часа два сидел, смотрел на него. Он сидел в кресле, вздыхал, плакал, успокаивался, опять плакал. Так и уехал без – Васи.

Так вот, товарищи, я встречался с отцом только в такой обстановке.

Но «драматичнее» всего было в этой истории то, что мой кинооператор пришел от этой сцены в дикий восторг и, совершенно неспособный к переживаниям, он, пока здесь отец с сыном плакали, целовались, обнимались, ухитрился все это заснять и был очень доволен:

- Нашему брату, оператору, на такой случай раз в жизни удается нарваться.

Вообще, товарищи, с родителями мне редко приходилось встречаться.

Но за последние годы 1932, 193[3]-1935-й, когда коммуна наша выросла, когда коммуна начала выпускать фотоаппараты «Лейки», стала богатой, перешла на полный хозрасчет и могла давать государству свою продукцию, многие родители начали обращаться к нам с просьбой принять их детей[4].

Мы не были принципиальными сторонниками родителей. Но как мы [ни] вертелись, пришлось все-таки уступить. Начали принимать детей, имеющих семьи, по просьбе родителей.

Обращались к нам очень многие со всего Союза, но принимали мы только в крайнем случае, т.е. когда ребенок был настолько великолепным экземпляром с нашей точки зрения, что мы нуждались в его обществе. *(Смех.)*

Детей хороших, послушных мы, конечно, принципиально не принимали. (Смех.) Нам нужны были такие, которые обокрали родителей, избивали мать, называли ее всякими черными словами, вообще дети с «сильным» характером.

Но мы поставили перед собой одну задачу, одно ограничительное условие - дураков не принимать. Мы все хорошо знали, что дурак - это на всю жизнь дурак, и нам с дураками возиться не хотелось.

Но как узнаешь: дурак или не дурак? Товарищи педагоги будут [на] меня в обиде, они скажут, что я отрицаю педагогическую науку. Есть всяческие способы узнать - насколько человек глуп. Но я практиковал такой способ.

Соберешь, бывало, совет командиров - 28 чел. Командиры что надо: и Одессу, и Закавказье, и Восточную Сибирь, и Ленинград, и Москву, и Вятку прошли, во всех поездах ездили, во всех ящиках спали.

Так вот соберешь таких 28 командиров и говоришь:

- Привели мальчугана, посмотрите - брать или не брать.

И ведь знаете, товарищи, не было случая, чтобы кто-нибудь один сказал - не брать, а другой бы сказал – годится. Посмотрят полминуты, и кто-нибудь самый инициативный скажет:

- Нет, Антон Семенович, он нам нет подходит.

- Ну, а остальные так?

- Да чего там, Гришка правильно сказал.

- Ну, мальчики, можно идти.

- Почему не берете?

- Да куда ж он годится, он же дурак.

Я считал себя, хвастливо считал, великим специалистом по перековке всякого рода правонарушителей. Я и думал: что такое ребенок, имеющий семью, разве трудно его перевоспитать, ведь это же легко. А как посмотрел я на этих ребятишек, имеющих родителей, так и увидел: куда наши правонарушители годятся.

Убийца, развратник, вор, самый отчаянный «путешественник» по сравнению с ребенком, имеющим папу и маму, просто агнец кроткий.

Дети, имеющие семью, большей частью были из хороших семей и очень балованные. Были такие, которые говорили:

- У моего папы «Бьюик», у моего папы «Линкольн»[5].

Были такие, которые привыкли ездить только в международных вагонах. И вот эти были самыми трудными.

Беспризорный только на меня рассчитывал, на меня одного смотрел: человек дает мне путевку в жизнь. И хоть я иногда давал ему путевку в жизнь грубо, но он знал, что все-таки это путевка в жизнь.

Ну, а этот ребенок как смотрел на меня?

Что вы со мной так разговариваете, вы знаете, кто мой папа? Вы знаете, кто моя мама?

А в случае чего «смывался» и шел домой.

Так что дети, имеющие семью, нисколько не легче и не проще беспризорных.

Здесь я хочу заострить вопрос о семье и семейном воспитании. В 1935 г. мне поручили ликвидировать беспризорность и безнадзорность на Украине[6]. И вот здесь на практике я узнал, как работает семья и почему семья поставляет нам малолетних правонарушителей, беспризорных.

Мне пришлось бывать во многих семьях, пришлось познакомиться со многими родителями, пришлось помогать им в тех или иных случаях, когда они в этой помощи нуждались. Только в это время я ближе подошел к семье, главным образом к той семье, где неудачные дети.

Под влиянием этих своих впечатлений и своей работы я решил написать свою «Книгу для родителей».

«Книга для родителей» задумана в четырех томах, поэтому в первый том вошло не все. Первый том посвящается вопросам семьи как коллектива. Все остальные вопросы, выходящие из этого круга, не могли в него войти.

Я хотел в первом томе показать, что для успешного воспитания ребенка семья должна быть прежде всего советским коллективом. В тех случаях, когда этот коллектив дает трещину по разным причинам: либо по причине раздора между родителями, либо по причине ухода одного из родителей, либо по такой причине, как от-

сутствие режима, отсутствие родительского авторитета и даже по такой причине, которой до сих пор не придавалось должного значения, как единственный ребенок в семье,– условия воспитания становятся более тяжелыми, так как коллектив теряет признаки коллектива. Семья в некоторой своей части перестает как будто быть коллективом.

Только этот вопрос я и сумел разобрать в первом томе.

Второй том сейчас закончен и сдан в печать[7].

Во втором томе говорится о политико-моральном воспитании ребенка в семье и, конечно, в школе, поскольку семью от школы отделять нельзя.

Третий том, который я сейчас пишу, будет говорить о трудовом воспитании и о выборе профессии.

И наконец, четвертый том посвящается важнейшему вопросу, к сожалению до сих пор не поднятому в педагогике, вопросу о том, как воспитать человека, чтобы он был не только прекрасным работником, не только хорошим гражданином, но чтобы он был еще счастливым человеком. *(Аплодисменты)*.

Не подумайте, пожалуйста, что я хочу научить человека быть счастливым. Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно.

Это самый трудный вопрос, трудный потому, что над этим вопросом все родители думают. Каждый родитель хочет, чтобы его ребенок был счастливым. Это цель родительской жизни. Для этой цели родители готовы отказаться от собственного счастья, готовы пожертвовать собственным счастьем, лишь бы сын или дочь были счастливы. Очень трудно найти таких родителей, которые не думали бы об этом и не хотели бы этого. А если мы таких находим, так мы их осуждаем.

Вопрос, товарищи, как видите, важный, и вопрос очень трудный, потому что никогда еще не было решено практически, от каких качеств характера, от каких привычек, традиций, развития, убеждений зависит счастье и что такое счастье.

Было бы, конечно, лучше, если бы были написаны все четыре тома «Книги для родителей» и все сразу выпущены. Тогда, пожалуйста, ругайте сколько хотите, дело уже сделано. Я, может быть, по ошибке выпустил сначала первый том, и меня многие упрекали в том, что я не сказал о том-то, не сказал о том-то. Конечно, не сказал, раз у меня в плане еще три тома.

Я коротко рассказал вам, товарищи, о себе, о своей работе в прошлом и о своей будущей работе. Это, так сказать, маленькое вступление. А сейчас переходим к основному вопросу: об отношениях к семье и школе.

Уместно поставить такого рода вопрос: кто воспитывает – семья или школа? И очень соблазнительно ответить коротко: и семья и школа. Так обычно и отвечают.

В таком случае нужно несколько изменить вопрос: кто должен быть ведущим началом, семья или школа? Я сейчас этим вопросом очень занят. Я был во многих семьях, во многих школах. Ко мне приходит много людей, большей частью со всякими «несчастными» случаями. И вот видишь, что единого взгляда на этот вопрос нет. Причем оригинально вот что.

Я почти не слышал, чтобы родители говорили: «Мы должны воспитывать, зачем школа мешает?» Я не слышал, чтобы педагог сказал: «Школа должна воспитывать, зачем семья мешает?».

Обыкновенно говорили так: «Мы – школа, а вы, родители, должны воспитывать детей, почему вы не воспитываете?» Родители же говорят обратное: «Мы отдали детей в школу, пускай школа и воспитывает их, почему она не воспитывает?»

Получается так, что желания захватить власть в свои руки в деле воспитания детей нет ни у семьи, ни у школы. Наоборот, каждый компонент этой пары старается свалить всю тяжесть воспитания на другого.

Это на словах. А на деле получается даже так. Допустим, ученик плохо учится. Учитель вызывает мать или отца (правда, не каждый учитель так делает, но есть такие) и говорит:

- Ваш сын плохо учится, примите меры. *(Смех)*

- Есть, принять меры.

Это значит, что педагог думает: в моем распоряжении мало средств воспитания, а вот в распоряжении семьи этих средств больше. Отец или мать пустят в дело эти более сильные средства, и мальчик станет воспитанным, по крайней мере, станет учиться.

Отдельные педагоги считают, что семья – это более мощный воспитательный фактор, что семья может сделать больше, чем они.

Я не стану разрешать этот вопрос в ту или иную сторону, не буду говорить отдельно о педагоге и отдельно о семье. Я являюсь сторонником иной точки зрения.

Здесь мне приходится коснуться моих педагогических убеждений, которые очень часто считались ересью, но на которых я тем не менее, настаиваю.

Я считаю, что делать ставку на отдельного обособленного учителя, хотя бы даже он был классным руководителем, нельзя. Почему? Потому что это ставка на талант, на способности.

Если мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей – юношей и девушек, то давайте, как и всякие производственники, поинтересуемся: а какая же норма брака допускается?

Ведь на каждом производстве существует определенная норма брака, на некоторых производствах норма брака 0,5%, на некоторых – 1%, на некоторых – 2%. Есть такие производства, например производство оптического стекла, где допускается до 50% брака.

А вот в нашем производстве какая норма брака? Думали мы об этом когда-нибудь? Из 30 миллионов детей сколько можно забраковать, т. е. воспитать плохо? Давайте об этом подумаем.

Начнем с простой арифметической задачи. Если найдется человек, который скажет, что допустим брак в 10%, то такого человека мы назовем врагом народа, потому что 10% от 30 миллионов - это 3 миллиона ребят.

А что значит 3 миллиона ребят забракованных? Это 3 миллиона воспитанных вредителей, 3 миллиона шкурников, 3 миллиона преступников, 3 миллиона отклонений от нашей советской моральной нормы.

Поэтому я говорю: никакого брака, ни одного процента. Как может мне возразить? Кто может сказать, что допускается какой-то, хотя бы самый ничтожный, брак в деле воспитания детей?

Я категорически утверждаю и всю жизнь говорю: ни одного процента брака, ни одной загубленной жизни.

Давайте же, товарищи, примем за норму – ни одного процента брака в воспитательной работе.

Если мы делаем ставку на отдельного учителя – это значит, что мы не только допускаем 1, 2, 10%,– словом, энное количество брака, но это значит, что мы вообще снимаем этот вопрос с очереди: сколько выйдет брака, столько и выйдет – в зависимости от того, на сколько способен и трудолюбив учитель.

А сколько у нас малоопытных, неумелых, молодых, неталантливых учителей. Следовательно, мы все эти дела отдаем случаю – как выйдет.

Допустим, что из миллионной армии учителей у нас сто плохих воспитателей. Что же, мы можем, значит, спокойно сказать, что эти сто плохих воспитателей дадут брак? Ничего подобного. Так ставить вопрос нельзя.

Нельзя ставить вопрос о воспитании в зависимости от качества или таланта отдельно взятого учителя. Если мы будем говорить о всесоюзных масштабах, если мы будем думать о воспитании целого поколения, так мы не одиночки-учителя, а

представители единой учительской армии, единого советского педагогического общества, ни в коем случае не имеем права сваливать все на одного учителя.

Так, по крайней мере, говорит моя логика, логика гражданина, который хочет отвечать за работу. Так говорит и мой опыт.

Я тоже когда-то начинал с убеждения, что отдельный учитель - это все и что именно он должен воспитывать. Я тоже представлял себе воспитание как какой-то парный процесс, как писали в старых педагогических книгах: учитель, учитель, учитель, ребенок, ребенок, ребенок – и все это в единственном числе. Так и представлял себе: я – учитель, ты - ребенок, мы – один на один, и я тебя воспитываю.

Сейчас я настаиваю на том, что правильной воспитательной организацией, руководящей воспитательной организацией по отношению к отдельному учителю, и по отношению к отдельному ученику, и по отношению к семье должна быть школа как нечто целое, как единый школьный коллектив.

Как только мы примем такой тезис, так на нас наваливается бесчисленное множество вопросов методики школьного воспитания. Едва ли мы во всех этих вопросах сумеем разобраться. Во всяком случае, наметим эти вопросы.

Первый вопрос – о педагогическом коллективе.

Второй вопрос – о детском коллективе, руководимом педагогическим коллективом.

И третий вопрос – педагогический коллектив и семья.

Какой вопрос из этих трех ни возьмите, он разбивается в свою очередь на множество отдельных вопросов. Если мы просидим с вами двадцать вечеров, хватит о чем поговорить.

Возьмем вопрос о педагогическом коллективе. Я в своей практике много пробовал, много сомневался и страдал от этих сомнений и в конце концов, пришел к определенной форме педагогического коллектива. Этот вопрос решил так: там, где нет полного единства всех педагогов школы между собой, там, где нет помощи друг другу и большой требовательности друг к другу, там, где нет умения говорить своему товарищу неприятные вещи и не обижаться, если тебе говорят неприятные вещи, там, где нет умения приказать товарищу (а это трудное умение) и подчиняться товарищу (а это еще более трудно), там нет и не может быть педагогического коллектива.

Тов. Молотов будет докладывать на партийном съезде о необходимости коммунистического воспитания, о том, что только на базе коммунистического воспитания может быть построен коммунизм[8].

В связи с этим я и обращаюсь сейчас к учителям: а как они смотрят на это дело применительно к себе, нужно их перевоспитывать или не нужно?

Коммунистическое воспитание. Мы очень часто говорим эти слова и думаем, даже искренно думаем и искренно хотим воспитывать детей коммунистами. А давайте проверим на своем собственном поведении - воспитаны ли мы сами по-коммунистически? Не всегда.

У моих коммунаров-дзержинцев были очень интересные измерители: кто воспитан [по-]коммунистически и кто не воспитан. Эти измерители они сами придумали. Надо сказать, что они очень много этим делом занимались.

Воспитателей у нас не было[8a]. Были только учителя, были бригадиры, командиры и был я.

Однажды коммунары постановили: в трамвае нужно уступать место. Ты молодой человек, у тебя позвоночный столб в порядке, ты здоров, зачем тебе сидеть в трамвае? А вот в трамвай вошел человек, может быть он болен, может быть он устал, может быть это старик, может быть человеку просто отдохнуть хочется. Уступи ему место. Постановили уступать всегда и всем, не только старикам, но и всем, конечно кроме мальчиков и юношей. И стали действительно уступать место.

Это постановление общего собрания не нужно было проверять. Вообще постановления общих собраний проверять не приходилось. Каждый за честь уступить место в трамвае.

Через два месяца на общем собрании поднимается такого рода вопрос: некоторые из наших ребят уступают место в трамвае, но, вы понимаете, противно смотреть на них. Он место уступил и каждому в глаза смотрит: заметили или не заметили, что он место уступил. *(Смех.)* И решили постановить: нечего в глаза заглядывать. *(Смех.)* Постановили - уступать место так, чтобы никто не заметил, никто не видел. И я потом сам видел, как это делается. Еду я в трамвае, сидят два коммунара. Они меня не видят. В трамвай входит человек. Коммунар встает и уступает ему место, но делает это так, как будто бы он встал не для того, чтобы уступить место, а потому что ему нужно выйти из трамвая. Совершенно незаметно уступает место.

Вот это настоящее коммунистическое воспитание, когда человек ничего не ищет, когда он достигает высшей сознательности, когда он чувствует уважение к самому себе[9].

Коммунары говорили так: если ты можешь так поступать, значит, ты человек сильный. Пускай завидует, кто хочет, это твоя сила, держи ее у себя и никому не показывай.

Или, например, такой пустяковый вопрос: где можно плевать?

Построили нам дворец[10]. На каждом шагу плевательница. В каждом углу плевательницы, каждый видит, где можно плюнуть.

На общем собрании ребят говорят: зачем стоят плевательницы, что мы больны, что ли, – стоит плевательница. Здесь мимо нее [пройдешь], невольно плюнешь. Но, глядишь, попал не в плевательницу, а на пол или на стену.

И постановили: убрать плевательницы.

Приезжает новый врач.

- Что это у вас?

- А ты не плюй. А если тебе плюнуть хочется, так иди к доктору, значит ты больной, пусть он тебя лечит.

А иной раз смотришь, кто-нибудь взял да и плюнул на середину натертого паркета. Это уже протест. Возникает целый диспут: почему плюнул и почему не надо плевать.

Вопрос становится [ставится] так: ты можешь не плевать на пол, когда на тебя смотрят – это не удивительно, а вот ты не плюй тогда, когда тебя никто не видит, когда никто не узнает, что ты такой герой, прошел по паркету и не плюнул. *(Смех.)* Если ты это сделаешь, вот [тогда] ты будешь коммунистически воспитанным человеком.

В дальнейшем выкристаллизовалась такая идея: поступать правильно для себя самого, когда никто об этом не знает, когда тебя за это никто не похвалит, никто не поблагодарит. Это мы сделали основным принципом нашей работы под флагом: моя сила, и я ее уважаю, уважаю себя, я настолько силен, что не нуждаюсь в аплодисментах окружающих.

Как будто бы пустяковый принцип, но я не вижу его в некоторых педагогических коллективах. Мне приходится бывать во многих школах. Иногда говорят: вот отличница, классный руководитель, у нее класс лучше всех. Я знакомлюсь и вижу, что эта отличница заглядывает всем в глаза: все ли видят, что она отличница, все [ли] наслаждаются этим, все ли ей завидуют? Она живет своим очарованием, которое она распространяет вокруг себя как отличница. Она всё время думает об этом.

На этой почве на каждом шагу мы сталкиваемся с такими фактами. Вдруг появляется новая отличница, которая может ее, что называется, заткнуть за пояс. Может быть такой случай? Может. И вот я вижу уже в разговоре между ними какие-то странно дамские нотки. Как будто бы ничего плохого не сказано, все очень вежливо, но какие-то шипы выглядывают из каждого подлежащего, из каждого сказуемого.

(Смех.) Внешне же все благополучно, даже благоуханье чувствуется: ах, какая вы милая, ах, как у вас все хорошо выходит! Но чувствуешь, что не просто, не по-товарищески говорится, чувствуешь, что человека зависть гложет.

Пригласили меня однажды в одном районе на собрание учителей-отличников. Пригласили меня в качестве почетного гостя. Пришел я на это собрание. Вижу - сидят люди, пьют вино, едят пирожные, пьют чай, произносят тосты. Все очень хорошо, очень дружно. А когда немного повеселели, и со мной дружеские отношения начались. *(Смех.)* И говорят: какие они там отличники *(смех)*, та с директором в хороших отношениях, а у той в школе своя компания, так они друг друга выдвигают, а эта всем ученикам ставила «отлично», «отлично» и «отлично». *(Смех.)*

Поговорил я с тем, с другим, с третьим. Думаю: куда же это я попал? Выходит так, что сплошные мошенники собрались.

Тогда я начал расспрашивать:

- Скажите, а вот этот как?

- Ах, это скучнейший человек, серое существо, ничего не стоит, вытягивал свои «отлично», как лошадь работает.

- А вот такая-то?

- Да вы же видите, как она держится: и плечи и глаза в ход пускает. *(Смех.)*

Что это значит? Вероятно, люди немало поработали, чтобы заслужить звание отличников, и все-таки за углом где-то считают, что это неправильно, кто-то недоволен.

Если такие люди в школе имеются, так какой же может быть разговор о едином школьном коллективе?

Поэтому я считаю: та школа, где нет единого школьного коллектива, как правило, не может руководить воспитанием в школе, и не может руководить семьей.

На что может рассчитывать такой школьный коллектив? Только на силы отдельных учителей. Есть учителя хорошие, опытные, работоспособные. Они что-то сделают. А если учителя молодые, которые только что пришли в школу, – они ничего не сделают. Есть учителя, которые не умеют делать, и им никто не показывает, никто их не научит.

Между тем нет такой специальности, которой нельзя было бы выучить человека. Он может освоить любую специальность. А специальность учителя – быть воспитателем, педагогом.

Это очень легкое дело. Уверяю вас, воспитание человека чрезвычайно легкое, очень хорошее, прекрасное дело. Но при каких условиях? Об этом я скажу дальше.

Не нужно иметь педагогического таланта. Я не обладаю педагогическим талантом и пришел в педагогику случайно, без всякого на то призвания. Отец мой маляр. Он сказал мне: будешь учителем. Рассуждать не приходилось. И я стал учителем. И очень долгое время чувствовал, что у меня плохо идет, неважный я был учитель. И воспитатель был неважный.

Но я научился. Я сделался мастером своего дела. А мастером может сделаться каждый, если ему помогут и если он сам будет работать. И хорошим мастером можно сделаться только в хорошем педагогическом коллективе.

Это, товарищи, как во всякой иной специальности. Ведь никакой институт не выпускает инженера, он дает только звание инженера, а настоящим инженером человек делается через 3–4 года работы на заводе, когда как следует поработает в хорошем заводском коллективе.

Точно так же настоящим учителем-воспитателем можно стать после работы в хорошем педагогическом коллективе через несколько лет.

Хорошим учителем человек может быть в силу своего таланта. Чтобы быть хорошим воспитанием, не обязательно иметь талант[11]. Этому можно научиться.

В последние годы я приглашал к себе каких угодно учителей и прежде всего старался их учить. Я уже стал мастером, а они еще молодые. И я говорил каждому из них: пришел ко мне, ничего не знаешь, учись. И он видел, что я говорю правду.

У меня в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского был заместителем Татаринов[11a].

Я – человек более или менее строгий, могу крикнуть, надавить. А он, наоборот, мягкий, как воск. Повысить голос, крикнуть он не мог.

По-украински это называли «мяло» - мямля. По-русски это значит – шляпа *(Смех)*. Очень спокойный человек, прекрасный учитель, очень трудолюбивый, к тому же очень хотел стать хорошим воспитателем.

Что же вы думаете? Я уезжал куда-нибудь в командировку на полмесяца и оставлял его в коммуне вместо себя. Приезжаю, спрашиваю:

- Ну, как дела?

- Добре.

Вечером собираются ребята и смеются:

- Чего смеетесь?

- Довольно смешно было.

- А что?

- А он все так же, как вы, делает. Вы говорите: черт вас побери. Он тоже говорит «черт вас побери», только тихоньким голосом.

- Ну, а вы слушались?

- А как же, мы же видим, что он сердится.

Человек не мог повысить голос, но в этом нежном «черт вас побери» он выражал предел своего гнева.

Он стал настоящим воспитателем, мастером.

А почему он таким сделался? Потому что он доверял мне как руководителю коллектива, потому что он работал в коллективе, потому что он не противопоставлял коллективу свой талант, свои какие-то единоличные достижения. Он жил интересами коллектива и жил в коллективе.

Если в школе есть коллектив таких педагогов, для которых успех всей школы стоит на первом месте, а успех его класса стоит на втором месте и затем уже на третьем месте его личный успех как педагога, то в таком коллективе будет настоящая воспитательная работа.

Развивая дальше эту мысль, я настаиваю на придании особого значения главе коллектива. У вас в школах есть директор, есть завуч, комсорг, старший пионервожатый и еще кто-то…

В некоторых школах все эти силы, включая, конечно, и учителей, подчиняются руководству, доверяют ему и слушаются его, т. е. в тех случаях, когда есть расхождения, поступают все-таки так, как говорит старший.

В некоторых же школах не разберешь, кто руководит: и директор руководит, и завуч руководит, и комсорг руководит, и старший пионервожатый руководит, и не разберешь, кто отвечает, кто кого учит, кто кем действительно руководит.

Я у себя по штату имел завуча, но ни разу его не приглашал. Мне было очень трудно. Я должен был вести и свою работу, и работу завуча. Кроме того, у меня был завод с миллионным промфинпланом, кроме того, у меня было еще общежитие.

Следовательно, я должен был заниматься вопросами быта, столовыми, костюмами и т. д. И все-таки я не имел помощника, а работал один. Все остальные были на одинаковых ролях, в одинаковых отношениях друг с другом. Я был руководством в единственном числе. И я от этого выигрывал.

В тех случаях, когда есть единое руководство, скорее может быть и единый коллектив.

Я не буду дальше рассказывать вам о едином педагогическом коллективе, потому что это увело бы нас очень далеко от темы нашей сегодняшней беседы, но это важнейшее условие правильной воспитательной работы в школе.

Вторым важным условием я считаю единый коллектив учеников школы. Я уже писал в «Правде» о том, что у нас нет школьного коллектива, а есть классный коллектив. Школьный коллектив как-то не создается. Ученики старших классов не знают учеников младших классов. А если и знают, то относятся к этому так: я ученик X класса, я выделен пионервожатым в V класс, и я знаю, что делается в моем V классе.

Это, товарищи, совсем не то. Это не единый школьный коллектив. Школа все-таки разбита на несколько коллективов, и каждый коллектив живет отдельно. Девятый класс знает только себя. Может быть, знает другие девятые классы, но не больше.

Я не представляю себе такой работы. Я не сумел бы работать, если бы у меня не было единого школьного коллектива.

А для чего это хорошо? Я не знаю, располагаете ли вы для этого какими-нибудь средствами. Я вас ничему не учу, ничего не рекомендую. Я только говорю – иначе быть не может.

Я не имею права что-нибудь рекомендовать вам, потому что я был в других условиях, может быть, в лучших условиях, чем вы. У меня был коллектив, который не только учился в школе, но и жил здесь же и работал на заводе же. Все всегда были вместе.

Но, товарищи, я наблюдал в других колониях такое положение, когда и живут вместе, и работают вместе, а все-таки единого коллектива нет, а есть отдельные коллективчики. Далеко не во всех колониях созданы единые коллективы. Очевидно, нельзя отговариваться тем, что это, мол, колония. И в школе можно создать единый коллектив.

Во всяком случае, если бы мне сейчас дали школу, то я первой своей задачей поставил бы создание единого школьного коллектива.

Что для этого нужно? Я уверен, что для этого нужны единые школьные интересы, единая школьная форма работы, единое школьное самоуправление и, наконец, общение, соприкосновение [членов] этого коллектива с частями коллектива.

Вопрос о первичном коллективе и общешкольном у нас в методике не разработан, но я считаю этот вопрос важнейшим.

Мой отряд в колонии им. Горького, в коммуне им. Дзержинского был для меня главнейшей заботой. Я заботился о том, чтобы этот отряд всегда был цельным, чтобы он не распадался как можно дольше и чтобы этот отряд был обязательно органическим членом коллектива коммуны.

Если эти две задачи разрешены, то разрешены все вопросы воспитания. Они все легко становятся на свои места.

У вас есть такой инструмент, как коллектив школы и коллектив первичный – класс. Коллективы эти расположены близко друг от друга и должны находиться в нормальных взаимоотношениях друг с другом.

Когда есть такой коллектив, тогда вопрос об отношении к семье разрешается гораздо легче.

Конечно, школьный коллектив трудно представить себе без хорошей дисциплины. Возьмем такой чисто технический вопрос, как ежедневные общие собрания.

Когда говоришь: «ежедневное общее собрание», каждый опускает глаза и думает: разве это возможная вещь? А на самом деле – очень возможная вещь и к тому же очень интересная»[12]. Но эти ежедневные общие собрания нужно прежде всего хорошо организовать.

Как и все, что нужно сделать. Я, к примеру, у себя в коммуне имел ежедневные общие собрания. Сначала было трудно.

Что нужно прежде всего? Прежде всего, нужна точность. Общее собрание назначается на 8 часов 30 минут. В 8 часов 29 минут (не 28 минут и не 30 минут, а точно 29 минут) дается сигнал, и ровно в 8 часов 30 минут общее собрание открывается.

Когда это делается один день, это очень трудно, когда это делается месяц – уже легче, а когда это делается годами – это очень легко. Получается традиция. Каждый сознательный, а впоследствии и каждый коммунар смотрит на часы: 25 минут девятого. Он складывает книжки, инструменты и идет в зал, где будет общее собрание, чтобы потом, когда будет сигнал, не бежать бегом. Если сигнал застанет его за работой, ему придется бежать бегом, иначе он опоздает на собрание.

Это входит в привычку. Секретарь совета командиров смотрит на часы и ровно в 8 часов 30 минут говорит: «Объявляю общее собрание открытым». Ни одной минуты мы не потеряли зря.

Регламент [выступления] определяется просто: одна минута по песочным часам.

- Дай слово.

- Получай.

Перевернул песочные часы. Песок высыпался. Минутка кончилась. На общем собрании о деле нужно говорить одну минуту. Сначала было трудно, а потом привыкли, и получалось просто замечательно. Некоторые даже короче говорили.

Этот, казалось бы, небольшой вопрос имеет огромное значение. Во-первых, мы могли сказать на общем собрании обо всем. Во-вторых, каждый приучался говорить только то, что необходимо.

Вот возьмите часы и посмотрите, как идет секундная стрелка. В минуту можно сказать 400 слов. Это если человек говорит не очень быстро. Если же он говорит как пулемет, то в минуту можно сказать 500 – 600 слов.

При таком жестком регламенте люди приучаются говорить очень коротко, не размазывать, не говорить лишних слов. Человек приучается к деловитости, о которой говорится в тезисах товарища Молотова. Никакой воды, никаких «трепаний», как у нас выражаются.

В некоторых случаях, когда вопрос особо важный или когда вносится особо важное предложение, выступающий говорит:

- Я не могу уложиться в одну минуту.

- Сколько тебе надо?

- Три минуты.

- Много.

- Ну, две минуты.

- Получай две минуты.

Такие собрания занимали у нас самое большее 20 минут. И никто не опаздывал, никто никого не ждал.

Ведь у нас, товарищи, существует специальная форма эксплуатации человека человеком. Хоть и доказано, что в Советском Союзе эксплуатации нет, но по сути дела она все-таки имеется: это тогда, когда половина опаздывает, а вторая половина сидит и ждет. Те, которые опаздывают, даром теряют время, зря растрачивают свои духовные силы и портят себе нервы.

Такой «эксплуатации» в школьном детском коллективе быть не может.

Председатель совета командиров, мальчишка, не имеющий вообще права наказывать, когда он председатель – получает право наказания. Опоздал минуту - один наряд, на две минуты - 2 наряда, на десять минут - 10 нарядов. И ведь это командирам - членам совета, командирам моего коллектива, которых я не имел права наказывать, а мог только сажать под домашний арест. Если же он опаздывал на 3 минуты, он получал три наряда и шел чистить картошку.

Это очень простой и как будто даже не педагогический вопрос - расположение во времени, но он является решающим. Надо выдерживать время, выдерживать точность.

Точность – это первый закон. Точность позволяет иметь и ежедневные общие собрания. А общие собрания – это постоянный контроль коллектива, постоянное знание друг друга, постоянное знание дел друг друга и первичного коллектива.

Такие собрания я считаю полезным практиковать и в школе. Сначала будет скучно. Десятиклассники будут скучать. Почему? Да потому, что обсуждается поведение малыша и ученика среднего класса. Но когда этот малыш один раз промелькнет на собрании, другой раз, третий, десятиклассники его узнают и невольно заинтересуются им. А потом, глядишь, в коридоре увидят его за какой-нибудь шалостью и вспомнят:

«А ведь ты вчера был на общем собрании, отдувался там, а теперь опять летишь, как сумасшедший!»

И малыш поймет, что этот старший был на общем собрании, заметил его и теперь узнал.

Это техника, которая, может быть, кажется нелогичной, но которая возникает сама в том коллективе, где практикуются общие собрания.

Не поймите меня превратно. Я являюсь сторонником некоторой «военизации». Это не муштровка, а та же экономия сил. Такая военизация необходима. Форм военизации много: есть коллективные игры, которые очень увлекают ребят. При такой «военизации» очень легко руководить коллективом и легко ставить и разрешать вопросы вне общих тем.

Коллектив – это единое коллективное мнение, это мнение 500 человек, которое выражается даже не в речах, а в репликах.

А главное: что один сказал, то и все думают. Вы сами знаете, товарищи, что у ребят именно так бывает. У них удивительная общность взглядов.

Один сказал, и все понимают: он не сказал бы так, если бы это противоречило общему мнению. Есть какое-то чутье, какое-то именно общее мнение.

Такое коллективное воздействие дает в руки воспитателю, директору большую силу, и при этом силу чрезвычайно нежную, которая еле-еле заметна.

Я могу вызвать к себе самых отчаянных «дезорганизаторов», как у вас говорят, и сказать:

- Завтра ставлю вопрос на общем собрании.

- Антон Семенович, что угодно, как угодно накажите, только не ставьте вопрос на общем собрании.

А почему боялись общего собрания? Нужно выйти на середину комнаты, стать и отвечать на все стороны. Только и всего. Это не позор, а ответственность перед коллективом. Это дается трудно, но зато, когда дается, - это очень сильное средство.

При этом разрешается проклятый наболевший вопрос, о котором мы толкуем в наших школах, – не выдавать товарища. Это солидарность, обращенная обратной стороной к педагогу. Солидарность несоветская.

И она не может быть уничтожена, если нет общественного мнения единого школьного коллектива, созданного единым педагогическим коллективом.

Никогда не исчезнет это «геройство» – не выдавать товарища, если не будет общественного мнения. Я достаточно времени помучился над этим вопросом. И я увидел, как в правильно организованном, воспитанном коллективе без моих усилий, без педагогической инструментовки, без каких-то особых методов выросла и укрепилась традиция: никто никогда не приходил ко мне тихонько и не говорил шепотом: «Антон Семенович, я вам что-то скажу». Каждый знал, что, если он это сделает, я его с лестницы спущу.

Никаких разговоров на ухо. Вечером на общем собрании кто-нибудь поднимается и говорит: «Произошло то-то и то-то».

И никто никакой обиды на своего товарища не имел за то, что он поднял тот или иной вопрос на общем собрании.

Очень часто говорили так: «Такой-то – мой лучший друг, и тем не менее я заявляю протест в связи с его недостойным поведением».

Никому из товарищей и в голову не приходило обвинять человека, который так прямо и открыто выступал. Но поведение его не пахнет и героизмом, он делает обычное дело – на общем собрании призывает к ответственности своего товарища.

И тогда исчезает отрицательное движение коллектива, когда коллектив становится к педагогам спиной и делает что-то, чего педагоги не видят.

В педагогической литературе не разработан самый важный вопрос: какие формы коллектива должны действовать? Почему-то ученые-педагоги считают, что форма не имеет значения.

Я с этим не согласен. Форма имеет очень большое значение.

У нас, например, был такой порядок. Если командир скажет мне что-нибудь о своем товарище в присутствии других товарищей, я могу ему не поверить, другой может сказать, что это неправда, что дело было не так, я могу вызвать свидетелей, допрашивать, расследовать, и. д.

Но если этот же командир говорит то же самое вечером, во время рапортов, когда все стояли смирно и когда я тоже стою смирно, когда все друг другу салютуют, я его не проверяю, я ему верю.

Такой был у нас закон: рапорт не проверяется. Ребята говорили, что в рапорте командир соврать не может.

Торжественная обстановка. Ты рапортуешь. Соврать может только последний мерзавец, последний негодяй.

И мы отнеслись к этому делу так: лучше рискнем и не проверим рапорт, чем допустим, что у нас есть такой негодяй. Если он есть, он сам потом проявит себя.

Следующий закон, который почему-то не используется в школе.

У нас каждый коммунар, только пробыв некоторое время в коллективе, становился настоящим членом этого коллектива, получал значок ФД - Феликс Дзержинский, и с тех пор, как он получал этот значок, ему обязаны были верить на слово, если слово касалось его лично. Если говорил: я там не был, считалось неприличным проверять. Доверие – это первое право.

Правда, в некоторых случаях доверия не оправдывали, обманывали. Тогда мы поднимали настоящий скандал. Товарищи требовали исключения из коммуны за нарушение доверия. Это преступление считалось более важным, более сильным, чем воровство, чем невыход на работу. Твоему слову верят, поэтому ты соврать не можешь. Это закон.

Это тоже, товарищи, инструментовка. И таких форм инструментовки вы в ваших школах можете придумать множество.

Но они будут эффективны только тогда, когда все они будут направлены к созданию единого общественного мнения, единой системы, единой традиции в коллективе. Тогда школьный коллектив делается исключительно мощным средством[12a].

Тогда проясняется и вопрос о семье. Я не могу представить себе, чтобы не было такого коллектива, чтобы его нельзя было создать.

Возьмите, например, вопрос об отношениях старших и младших, десятиклассников и первоклассников. Надо добиться такого положения, чтобы 8–9–10-летний мальчик смотрел на старшего, на ученика десятого класса, как на свое заветное будущее, чтобы он его любил, чтобы он был в него влюблен, именно влюблен, чтобы он видел в нем что-то более высокое, чтобы старший был для него примером.

Тема дружбы младших учеников со старшими – совершенно неизбежная тема, если только вы хотите организовать единый школьный коллектив.

Для организации такой дружбы нужно опять-таки применить специальную инструментовку. Не буду сейчас говорить о ней, потому что это далеко заведет нас. Скажу только, что я на протяжении последних восьми лет добивался такой дружбы.

У каждого старшего ученика обязательно был так называемый «корешок». Это, пожалуй, термин беспризорных, но он у нас укоренился. Он был у нас официальным термином. Каждый имел своего корешка в другом классе, в другом цехе, в другом отряде. Тем не менее, они всегда были вместе. Это неразлучная пара, это младший и старший братья, причем старший брат крепко держит в руках младшего.

Если младший набедокурил, если он стоит перед общим собранием, то обязательно раздается голос:

- А чей он корешок?

- Володи Козыря.

- Пусть Володя Козырь даст объяснение.

И Володя Козырь – комсомолец, ученик X класса, семнадцатилетний парень, – вставал и говорил:

- Прозевал, я его исправлю, не наказывайте.

- Ну иди, шеф за тебя поручился.

Такая дружба старших с младшими создает удивительные отношения в коллективе, придает им такую прелесть, какая бывает только в семье, прелесть отношений младших и старших братьев.

Корешки ходили всегда компаниями. Человек десять малышей, и около них столько же старших.

Причем, товарищи, надо отметить, что старшие умели любить этих пацанов.

Отношения старших и младших ребят в наших школах, старшего пионервожатого к младшим, отношения часто официальные, они неестественны.

Я добивался очень многого. Например, идем мы в поход. Надо сказать, что я со своими ребятами совершил 8 летних походов. Во время походов все идут по взводам, по ротам, по возрасту. Какой-нибудь 14-й взвод далеко отстоит от первого. Там самые маленькие. У них командир.

Пришли в лагерь. Разбили палатки. И не было такого случая, чтобы кто-нибудь из старших не сказал: «Антон Семенович, первый взвод займет палатку, а как же корешки будут. Отдельно? Мы хотим с ними вместе».

И мы разрешили такую вещь: последние три взвода, т. е. самые маленькие, не имели отдельной палатки: там, где шефы, там и корешки. Они вместе купаются, вместе катаются на лодках, и в кино вместе, и играют вместе. Иногда старшие что-нибудь читают вслух.

Никакой школьной воспитательной работы старшие не проводят. Но у них настоящее братство, настоящие братские отношения к малышам. И такое братство сохраняется на всю жизнь. Старшие уезжали потом в вуз, в Москву, и не забывали своих корешков, переписывались с ними. Каждую неделю писали.

Если старший приезжал в отпуск из вуза, так корешок за три километра бежал встречать его. Полдня, бывало, в лесу торчит, ждет, когда его старший приедет.

Без такой инструментовки не может быть коллектива. Вы заметили, товарищи, что здесь пахнет семьей? Если бы в школе была такая дружба, которую всегда легко организовать, этим можно было бы очень многого достигнуть. Такую дружбу можно создать не силами хорошего педагога, а силами хорошего педагогического коллектива и хорошего руководителя.

Я просто не хочу говорить об отдельных педагогах. Я не понимаю, что такое отдельный педагог.

Такую дружбу, товарищи, организовать очень легко, и об этом стоит подумать. Когда есть школьный коллектив, педагогический коллектив и детский коллектив, тогда все воспитательные вопросы становятся на свое место. И тогда высоко взвивается школьное знамя, встает вопрос о чести коллектива.

Вопрос о чести коллектива поднимается у нас до сих пор либо очень редко, либо формально – на каких-нибудь заседаниях, во время торжественных заявлений – и не поднимается в быту.

Для организации коллективной чести также нужна инструментовка, и очень важная инструментовка.

Буду говорить об отдельных деталях.

Прежде всего знамя. У нас знамя стояло в кабинете. Бархатный балдахин, под ним знамя. Если нужно было это знамя перенести из одной комнаты в другую, например, на время ремонта, мы делали это очень торжественно. Все надевали новые костюмы. Все 500 человек выстраивались общим строем. Выходил оркестр в 60 человек. Равнялись. Взводные командиры впереди. Затем раздавалась команда: «Смирно»! И знамя в чехле торжественно переносилось из одной комнаты в другую.

Мы не могли допустить, чтобы знамя переносилось без отдания почестей. Когда мы шли в город, или в поход, или на прогулку, мы шли со знаменем. Совсем другое дело идти со знаменем. Идешь как-то иначе.

А ведь знамя – это только одна из деталей. Но даже с помощью одного знамени сколько можно сделать хорошего, полезного, и как можно все это торжественно обставить.

Например, выборы знаменщика. Знаменщик считался у нас самым почетным человеком в коллективе. Его нельзя наказывать, ему нельзя было объявить выговор. Он был неприкосновенен. Он был примером для остальных во всех отношениях.

Как проходили у нас выборы знаменщиков? Казалось бы, пустяк выбрать человека, который будет носить знамя. Но мы выбирали лучшего из всего коллектива. Знаменщик – это самый симпатичный товарищ, это самый лучший ученик, это самый лучший стахановец.

Знамя служило как бы предлогом для выдвижения человека.

Все это, товарищи, основания для того, чтобы сбить коллектив в единое целое. И таких оснований много. Я не буду говорить обо всех. Упомяну об одном только, которое у нас забыто, но которое, может быть, когда-нибудь будет восстановлено, – это труд.

Я часто встречаюсь с учениками разных классов, и все они жалуются: некогда учить уроки, нет времени.

Я им всегда говорю: «А как же мои коммунары справлялись? У них ведь тоже была десятилетка, как и у вас. Они тоже поступали в вузы, причем для них это было обязательным, необходимым условием».

Вы, если не поступите в вуз, можете жить в семье. А если они не поступят в вуз, им негде жить. Оставаться в коммуне – стыдно. Человек окончил десятилетку, что же он будет жить в коммуне без цели. Найти квартиру тоже нелегко. Нужны деньги, чтобы платить за квартиру.

Для коммунаров выход один – вуз. Там общежитие. Советское государство обеспечивает общежитием всех студентов. Поэтому все коммунары стремилиев в вуз[13]. Поэтому все коммунары старались учиться хорошо.

Кроме учебы они 4 часа в день работали на заводе. Это ведь не шутка, а настоящая заводская работа с нормами да еще со стахановскими методами работы, с двойной и тройной нормой, с определенным процентом брака, с большой ответственностью за порчу и т. д. Выпускали аппараты ФЭД типа «Лейка». Точность до 1 микрона. Шутить нельзя было.

А кроме того, на них лежала уборка всего здания, ежедневное натирание [паркетных] полов, мытье стекол, стирание пыли, уборка всех помещений, не только спален, но и коридоров и кабинетов. Авральная работа ежедневно. Утром по сигналу все 500 человек принимаются за уборку. У каждого свой определенный участок. На уборку полагается 20 минут. А потом еще самоуправление, вечерние общие собра-

ния, комсомольская работа, пионерская работа, спортивная работа, работа кружковая.

Спортивной работе мы придавали большое значение. Сна была поставлена у нас очень серьезно. Если ты в первом взводе, ты должен быть ворошиловским стрелком. Если ты не имеешь ворошиловского значка, переходи во второй взвод. А там ты будешь выше всех ростом и тебе будет стыдно.

Во втором взводе все должны иметь значок ГТО[14]. Если не имеешь значка ГТО, переходи в третий взвод.

Обязательной была стрелковая работа, обязательными были прыжки с парашютом. Они должны были расти сильными мужчинами и девушками.

Все это требовало времени, и все-таки ребята везде успевали, все делали и еще находили время для отдыха.

Я думаю, что и в наших школах могут быть введены некоторые трудовые процессы. Эта работа должна быть поставлена обязательно.

Дальше, товарищи, я буду говорить настоящую ересь. Прошу меня не слушать. *(Смех)*

Я считаю, что труд для ребят полезен и необходим. При этом ссылаюсь на Маркса, который говорил, что дети с 14-летнего возраста могут принимать участие в общественно полезном труде[15].

Я не понимаю, что такое ребенок 10 лет. Тебе десять лет, ты гражданин Советской республики, и к тебе можно предъявить соответствующие требования.

Если бы у меня была школа, я бы, кажется, на части разорвался, но что-нибудь стал бы делать. Веера начали бы делать. *(Смех)*

Я помню, как мы организовывали дело в коммуне им. Дзержинского. Пришел ко мне как-то «жук»:

- Хотите делать нитки?
- Какие нитки?
- Обыкновенные.
- Давай. А станки какие?
- Да поставим деревянные.
- А где возьмешь?
- Достанем.
- А с деньгами как?
- В кредит.
- А с сырьем как?
- Не беспокойтесь, достанем.
- Ну, давай.

Конечно, начальству я ничего не сказал. Если бы я сказал инспектору, он разошелся бы:

- Почему нитки, какие нитки, какой промфинплан? И т.д.

Поставили мы в подвале станочки. Говорю ребятам:

- Будем зарабатывать деньги, давайте хорошо работать, давайте выпускать хорошие нитки.

Полгода поработали. Потом нам запретили, правда, но мы стали на ноги.

Не было денег – устроили оранжереи. И устроить оранжереи очень просто. Выгода же большая! Вырастили мы цветы, потом под праздник к нам (в городе все оранжереи опустошили), просят продать цветы.

- Цветы? Пожалуйста, 40 рублей за хризантему. *(Смех)*

Когда все это делается в коллективе, когда каждый заинтересован в этом, каждый знает, сколько сегодня сделали, за сколько купили и за сколько продали, когда коллектив начинает жить как хозяин, а потом как производственник, потому что у него появляется план, появляется отдел технического контроля, появляются браковщики, цеховые диспетчеры, тогда коллектив завоевывает себе право гражданства.

Когда коллектив так хорошо организован, тогда можно предъявить к нему требование: уметь предъявлять друг к другу определенные требования откровенно, прямо, по-товарищески, в лоб. Делать так и никак не иначе.

Если сделал не так, то почему? Почему неправильно сделал? Нужно предъявлять человеку большие требования. Это необходимое педагогическое принципиальное положение, без которого нельзя воспитывать человека. Если с человека не потребовать многого, от него многого не получишь.

Убеждение в том, что многое вырастает само из ничего при помощи каких-то химических влияний ваших педагогических взглядов, неправильно[16]. *(Смех)*

Многое может вырасти только тогда, когда вы не только про себя педагогически мечтаете, а когда вы по-настоящему требуете. Этого не может сделать не сбитый, не организованный педагогический коллектив. И нельзя организовать его, если нет единого школьного коллектива. А когда имеется единый школьный коллектив, тогда можно требовать многое.

И наконец, последний момент – когда требование встречается детьми не с подавленным настроением, а даже торжественно, когда чем больше вы требуете, тем больше их радуете, потому что тем самым вы высказываете доверие их силам.

Если все эти требования соблюдены, то с таким коллективом можно, я бы сказал, делать чудеса.

У нас в Советской стране колоссальные возможности для того, чтобы очень легко, красиво и радостно воспитывать замечательные коллективы, а, следовательно, и замечательных людей.

Надо сказать, что требование часто пугает педагогов. Боятся риска. Во всяком деле есть риск. Никакое дело без риска делать нельзя.

Два слова о педагогическом риске. Я говорил о педагогическом риске на одном из собраний в Ленинграде в октябре. Мне сказали: «Вот вы говорите о риске, а у нас один ученик десятого класса взял да повесился, потому что ему поставили плохой балл. А вы говорите о риске. Ведь если мы будем так много требовать и рисковать, то все перевешаются». *(Смех)*

Вы знаете, что я им ответил?

Поставить плохой балл – это вовсе не рискованное действие. Какой здесь риск? И сколько вообще мы совершаем таких нерискованных действий?

Ученик не ответил мне. Я ему поставил «плохо». Какой же здесь риск? Он сел мне на шею, я его осторожненько стащил и сказал: «Детка, не садись педагогу на шею». Никакого риска здесь нет. Он мне плюнул в лицо, а я перед ним извинился. Что же здесь рискованного? Ведь не я ему плюнул, а он мне. А я еще извинился перед ним.

Все это нерискованные действия. Одно нерискованное действие, другое, третье, десятое, двадцатое – и создается общая атмосфера нерискованности, такая атмосфера, что многим может захотеться полезть в петлю. Безысходная серая тоска: никто ничего не требует, никто ничего не хочет, каждый беспокоится только о том, как бы чего не вышло и как бы на меня мальчики не обиделись.

Такая атмосфера может привести к очень плохим настроениям и очень плохим результатам.

Если же вы прямо, по-товарищески, открыто будете требовать, то от этого человек никогда не захочет повеситься. Он будет знать, что вы относитесь к нему, как к человеку.

Такая требовательность еще более сплачивает коллектив, еще больше объединяет и учителей и учеников. А как разрешается, товарищи, вопрос об учительском авторитете? Очень часто тот или иной учитель заявляет:

- Вы подорвали мой авторитет, вы при учениках сделали мне замечание, вы объявили мне выговор.

Спрашивается, на чем же базируется авторитет? Неужели на вашей безнаказанности? Неужели на том убеждении, что вы никогда не можете согрешить?

Я ставлю вопрос так: учительский авторитет основывается на ответственности в первую очередь. Учитель должен, не стесняясь, сказать своим ученикам:

- С меня требуют, я отвечаю, я ошибаюсь, я за свою ошибку отвечаю. Вы видели, что я отвечаю?

- Видели.

- С меня требуют, поэтому и я требую с вас.

Нет ничего позорного, если директор объявит выговор учителю. Пусть учитель считает, что он не совсем виноват, но раз директор объявил ему выговор, он должен этим выговором воспользоваться для поднятия своего авторитета. Он должен сказать:

- Да, я ошибся. Я наказан, потому что я отвечаю за свою работу. И вы извольте отвечать за свою работу. Я требую этого от вас.

У меня был Иван Петрович Ракович. Это было еще в колонии им. Горького. Он что-то не так сделал в походе. Он дежурил по колонии. Я страшно разозлился. Спрашиваю:

- Кто дежурный?

- Я дежурный.

- 5 часов ареста!

- Есть 5 часов ареста.

Слышу голос Ивана Петровича, педагога. Мне даже холодно немножко стало. Он снял с себя пояс, отдал дежурному, пришел ко мне в кабинет:

- Я прибыл под арест.

Я сначала хотел было сказать ему «брось». А потом думаю: «Ладно, садись». И просидел пять часов под арестом. Ребята заглядывают в кабинет – Иван Петрович сидит под арестом.

Когда кончился арест, он вышел на улицу. Ну, думаю, что-то будет. Слышу гомерический хохот. Ребята его качают.

- За что?

- За то, что сел под арест и не бузил. *(Смех)*

А другой на его месте начал бы: «Как это так, меня, педагога, под арест. Ни за что. Мой авторитет пропадет».

Авторитет, товарищи, нужно создавать самим, пользуясь для этого всякими случаями жизни. В хорошем коллективе авторитет нельзя подорвать. Сам коллектив поддерживает его.

Так вот теперь о самом главном, о семье. Семьи бывают хорошие, и семьи бывают плохие. Поручиться за то, что семья воспитывает как следует, нельзя. Говорить, что семья может воспитывать как хочет, мы не можем. Мы должны организовать семейное воспитание, и организующим началом должна быть школа как представительница государственного воспитания. Школа должна руководить семьей.

Спрашивается, как руководить? Вызвать родителей и сказать: «Примите меры» – это не руководство.

Вызвать родителей, развести руками и сказать: «Ах, как же это так у вас плохо получается» – это тоже не поможет.

Что же касается помочь и как можно помочь? Плохого родителя, т. е. родителя, не умеющего воспитывать, всегда можно научить так же, как и педагога можно научить.

Между прочим, товарищи, многие родители, как и педагоги, не умеют разговаривать с ребенком. Нужно поставить голос. К сожалению, в педагогических техникумах и вузах не ставят голоса. *(Смех)* Я бы обязательно в каждом вузе и техникуме имел хорошего специалиста, который умеет ставить голоса. Это очень нужно.

Я попробовал бы провести такое упражнение: вы, товарищи, студенты, и вы будете допрашивать меня тоже, как студента. Допустим, я украл у кого-то 10 рублей. Как вы будете меня допрашивать? Учтите, что вы будете допрашивать меня, а другие будут слушать и потом скажут, правильно вы меня допрашиваете или нет.

И вы, товарищи, увидели бы, что без постановки голоса нельзя правильно спросить. Я сам сначала думал: к чему это? Оказывается, эго необходимо.

У меня вначале и у самого не очень-то хорошо выходило. В чем, думаю, дело? Обратился к опытному актеру.

- Надо голос поставить.

- Как голос поставить? Я, что ж, петь буду?

- Не петь, а говорить.

Я позанимался с ним некоторое время и понял, какое великое дело постановка голоса. Очень важно, каким тоном говорится.

Простая фраза: «Можешь идти», но эту простую фразу, эти два слова можно сказать 50 способами. Причем в каждый способ вы подпускаете такие нотки, что это будет каплей яду для того, кто должен это почувствовать.

Это очень сложное дело. Если у вас голос не поставлен, вам, конечно, будет трудно. Руководителям не мешало бы поставить свои голоса.

Родители часто говорят: «Ванечка, убери за собой постель». *(Смех.)*

Ну, скажите, пожалуйста, разве после такого приказания может живой человек убрать постель за собой, даже если бы он и хотел это сделать? *(Смех)*

Некоторые родители и педагоги позволяют себе такую «роскошь», чтобы их голос отражал их настроение. Это совершенно недопустимо. Настроение у вас может быть каким угодно, а голос у вас должен быть настоящим, хорошим, твердым голосом.

Никакого отношения к вашему голосу настроение не имеет. Почему вы знаете, какое у меня сейчас настроение? Может быть, я в горе. А может быть, у меня радость какая-нибудь большая. Но я должен говорить так, чтобы меня все слушали. Каждый родитель, каждый педагог, перед тем как разговаривать с ребенком, должен себя немножко так подкрутить, чтобы все настроения исчезли. *(Смех)* И это не так трудно.

После того как мы три года прожили в лесу с бандитами, и кругом меня тоже были бандиты, какие же могут быть настроения? Какую же волю я могу давать моим настроениям? Я привык справляться со своим настроением и убедился, что это очень легко. Нужно делать так, чтобы ваша физиономия, ваши глаза, ваш голос были в некоторых случаях автономными. На душе у вас, может быть, кошки скребут и всякие другие гады, а с внешней стороны все должно быть в полном порядке, в полном параде. Педагог обязан иметь «парад на лице». Желательно, чтобы и родители имели на лице «парад».

Допустим, вы получили неприятное письмо, может быть, даже от любимого человека. *(Смех)* Так что же, из-за этого неприятного письма должен пропадать месяц педагогической работы? Из-за какого-то любимого существа, которое, может быть, вообще ничего не стоит, и, может быть, хорошо, что написано такое письмо. *(Смех)*

Постановка голоса, мимика, умение встать, умение сесть – все это очень и очень важно для педагога. Каждый пустяк имеет большое значение, и этим пустякам можно научить родителей.

Недавно ко мне пришел один родитель и говорит:

- Я коммунист, рабочий. У меня есть сын. Не слушается. Я ему говорю – не слушается. Второй раз говорю – не слушается. Третий раз говорю – не слушается. Что же мне с ним делать?

В моей коммуне были дежурные командиры. Это очень трудная обязанность. Дежурный командир целый день правит коммуной. Он распределяет день - и заводской день, и коммунарский день. Он всем руководит, он за все отвечает.

И у нас было такое правило: дежурному командиру обязаны подчиняться все. Никто не имел права идти против дежурного командира. Вообще ребята звали друг друга по имени, но к дежурному командиру обращались всегда: товарищ командир.

И все коммунары строго следили за выполнением этого правила. Если дежурный командир два раза повторял один и тот же приказ, вечером на общем собрании этот вопрос обсуждался.

- Володя Павленко дежурил сегодня, пусть он даст объяснение, почему он два раза отдавал приказание? Почему ты позволяешь себе повторять приказание? Ведь ты подорвешь авторитет дежурного командира.

Было четкое правило: дежурный командир отдает приказание один раз. Дежурный командир, 14-летний пацан, говорит 18-летнему комсомольцу: «Позвать заведующего хозяйством».

Повернулся и пошел сейчас же. Тот отвечает ему уже в спину. «Есть позвать заведующего хозяйством».

И каждый знал, что если приказание отдано один раз, его нужно выполнить.

Я несколько отклонился в сторону…

Усадил я этого родителя, который пришел ко мне, и начал с ним разговаривать:

- Ну-ка, покажите, как вы говорите со своим сыном.

- Да вот так.

- А попробуйте вот так.

- Не выходит.

- Повторите.

Я позанимался с ним полчаса, и он научился отдавать приказание. Дело было только в голосе. Из-за такого пустяка, из-за голоса – и такая драма.

Однажды привели ко мне родители сына. Родители – чекисты, ответственные работники. Привели и говорят:

- Стыдно даже рассказывать. Патефон пропил, пальто матери пропил. Служебный револьвер у отца стащил, отец отнял. Из школы его выгнали: и там что-то украл. Мать свою кроет матом. Ничего не хочет делать. Постель за собой не убирает.

Посмотрел я на этого сынка. Юноша, с проборчиком, довольно симпатичный.

- Ну, говорю, оставляйте. Только ставлю вам одно условие: месяца четыре не навещайте его.

Остался у нас парнишка. Взяли его на работу. Я его почти не видел. Ребята с ним поговорили сами. А коммунары, да еще бывшие беспризорники, могут в лицо говорить что угодно, без прикрас. Вижу, парень выходит на работу, работает, в школу пошел.

Месяца через два в первый раз зову его к себе и говорю:

- Пойдешь в отпуск.

Обрадовался:

- Спасибо.

- Придешь домой, скажи так: «Здравствуйте».

- Сумеешь?

- Сумею.

- А ну-ка скажи.

- Здравствуйте.

А теперь спросишь, что нужно сделать, чтобы помочь. Может быть, в квартире прибраться?

- Так и спросить?

- Так и спроси.

- А если скажут, что ничего не надо делать.

- Тогда скажи: До свидания, я ухожу в коммуну.

Вечером вернулся парнишка в коммуну. За ним в автомобиле приезжают родители:

- Что вы с ним сделали? Он такой вежливый стал, всю квартиру перевернул вверх дном, всю пыль вытер.

- Да ничего не сделал. Я только сказал ему: сделай так-то. Если бы вы ему так же сказали, он тоже сделал бы. Как же он мог не сделать. Он обрадовался, что я его позвал к себе, и я не сомневался в том, что он сделает, как я ему скажу: сделай так-то и так-то.

Вы не знаете, товарищи, что человек по натуре своей существо пассивное и что он очень любит, когда ему говорят: сделай так-то. Очень мало людей, которые любят делать по-своему.

Найти гармонию, чтобы человек умел делать по инициативе общества и чтобы умел проявлять свою инициативу, - это задача всякого педагога. Без этого нельзя воспитывать людей.

Помощь родителям со стороны школы возможно тогда, когда школа представляет собой единый, целый коллектив, знающий чего он требует от учеников, и твердо предъявляющий эти требования.

Это один из способов помощи родителям.

Кроме того, есть и другие способы. Нужно изучать семейную жизнь, нужно изучать причины плохого характера.

Не буду перечислять здесь все способы помощи семье.

У меня была такая встреча с одной мамашей. Она жаловалась на то, что ее мальчугана выгоняют из всех школ. Мальчик был такой-то школе, потом был в школе для дефективных детей, потом в школе с особым режимом, потом в лесной школе, потом был в санатории, потом был в психиатрической больнице, потом в колониях НКВД. И отовсюду бежал.

- Я,– говорит, – его раздела, спрятала одежду. Сейчас он сидит у меня в одном белье, и я его никуда не пускаю. Что же мне с ним делать? Я думаю отдать его учеником на наш завод. Ему четырнадцать лет.

Начал я расспрашивать:

- А в квартире у вас чисто?

- Да нет, особенно... порядка нет.

- А сын что-нибудь делает?

- Нет, ничего не делает.

- А постель за собой убирает?

- Нет, не убирает.

- А вы с ним за город когда-нибудь ездили гулять?

- Нет.

- А в цирке были?

- Ни разу.

- А в кино были?

- Ни разу.

- А подарили ему что-нибудь?

- Да он не заслуживает.

- Так что же вы от него хотите?

- Может быть, отправить его к дяде, в г. Истру?

Тут уж я не вытерпел. «Пощадите. Несчастный ребенок. Вы ему все нервы истрепали. Человек даже со здоровыми нервами не сможет выдержать перемены десяти коллективов в течение каких-нибудь пяти лет».

Человек не может привыкнуть ни к одному коллективу. Сегодня он в одном коллективе, завтра в другом, потом – в третьем, четвертом, человек начинает бродить между коллективами, и из него получается индивидуалист плохого сорта. Этот вопрос очень интересен, и педагог обязан его исследовать.

Другой вопрос – беспорядок дома. Пришел я к ребенку домой. Беспорядок ужасающий. Просто бедлам. Три комнаты. Половина мебели поломана. За окнами мухи валяются с 1930 г. *(Смех)* Кругом толстый слой пыли.

Какой же воспитательный процесс может быть в этой пыли, в этой свалке вещей, которую никто не разбирает, не убирает, о которой никто не заботится.

Если в квартире идеальная чистота, если нет лишних вещей и если вы поддерживаете порядок, у вас ребенок не может быть очень плохим. Внешний порядок, к которому вы приучаете ребенка с самого раннего возраста, формирует его, заставляет его предъявлять к себе большие требования.

К сожалению, такой внешний порядок мне не очень часто приходилось наблюдать в тех семьях, куда меня приглашали. Как же вы можете воспитывать ребенка, живое существо, человека, советского гражданина, если вы не способны организовать десяток неодушевленных предметов в вашей квартире? *(Смех)*

Вам за воспитание живого человека и браться тогда нечего. Пригласите наемного воспитателя или отдайте ребенка навсегда из дома. Нужно научиться самим организовать вещи, нужно научить этому ребенка, и тогда ребенок скорее станет членом коллектива. Вот этому и должна научить школа тех родителей, которые не знают, что делать

Следующий вопрос. Я выдвигаю такое положение, что настоящая семья должна быть хорошим хозяйственным коллективом. И ребенок с малых лет должен быть членом этого хозяйственного коллектива. Он должен знать, откуда у семьи средства, что покупается, почему это можно купить, а этого нельзя и т. д.

Ребенка надо привлекать к участию в жизни хозяйственного коллектива как можно раньше, с пяти лет. Ребенок должен отвечать за хозяйство своего коллектива. Отвечать не формально, конечно, а удобствами своей жизни и жизни семьи. Если в хозяйстве плохо, то в жизни его тоже худо. Этим вопросом следует заняться.

И наконец, товарищи, последний вопрос, пожалуй, самый трудный – это вопрос о счастье.

Обычно говорят: я – мать и я – отец все отдаем ребенку, жертвуем ему всем, в том числе и собственным счастьем.

Самый ужасный подарок, какой только могут сделать родители своему ребенку. *(Смех)* Это такой ужасный подарок, что можно рекомендовать: если вы хотите отравить вашего ребенка, дайте ему выпить в большой дозе вашего собственного счастья, и он отравится.

Надо ставить вопрос так: никаких жертв, никогда, ни за что. Наоборот, пусть ребенок уступает родителям.

Вы знаете манеру некоторых девочек говорить матерям:

- Ты свое отжила, а я еще ничего не видела.

Это говорится матери, которой иногда всего тридцать лет.

- Ты свое отжила, а я еще не жила, потому все мне, а тебе ничего.

А почему бы не сказать иначе:

- У меня вся жизнь впереди, а тебе, мама, мало осталось.

Так и нужно говорить.

Поэтому в своем четвертом томе «Книги для родителей» я прямо напишу: новые платья в первую очередь – матерям. *(Смех)*

И дети перестанут обижаться, если вы воспитаете их в стремлении приносить счастье родителям. Пусть дети думают о родительском счастье в первую очередь, а что думают родители – это детей не касается. Мы люди взрослые, мы знаем, о чем мы думаем.

Если у вас есть лишние 50 рублей, и вы думаете, кому купить платье – матери или дочери, так я говорю – только матери. *(Смех)*

Отец и мать в глазах детей должны иметь право на счастье в первую очередь. Нет никакого смысла ни для матерей, ни для дочерей, ни тем более для государства воспитывать потребителей материнского счастья. Самая ужасная вещь – воспитывать детей на материнском или отцовском счастье.

В нашей коммуне мы тратили 200 тыс. рублей на походы и 40 тыс. на билеты в театр. Не скупились на это. Денег не жалели. Но когда шили костюмы, то у нас было такое правило: малыши получали костюмы от старших. И они знали, что им шить новые костюмы не будут. Малыши могли рассчитывать только на перешитые костюмы. Правда, мы могли бы подождать, пока старшие ребята до конца износят свои костюмы, и потом эти костюмы выбросить. Но мы этого не делали. Старшие поносили немного, и костюмы перешивались для младших.

Что вы дадите девочке в 17–18 лет, если вы в 14 лет нарядили ее в крепдешин? *(Голоса: Правильно)*

К чему это? А какой у этой девочки разгон получается? Дальше у нее начинаются такие рассуждения: у меня только одно платье, а у тебя, т. е. у матери, – три платья.

Нужно воспитывать в детях заботу о родителях, воспитывать простое и естественное желание отказаться от собственного удовольствия, пока не будет удовлетворен отец или мать.

У меня взрослый сын[17]. Окончил институт. Инженер. Очень красивый молодой человек. Финансы у нас общие. У меня до сих пор не было пальто. Кое-кто рассудил бы так: на что тебе, старику, пальто, ты и так хорош. Сыну пальто нужнее. Он молодой красивый человек, ему нужно с девушкой прогуляться, ему пальто необходимо.

Но я выдержал тон. И он выдержал тон.

- Может быть, ты сошьешь себе пальто?

- Нет, не сошью, пока ты не сошьешь.

И он действительно не сшил себе пальто до тех пор, пока я не приобрел себе пальто. Бегал в стареньком пиджачишке. А когда деньги появились, я сшил пальто себе, а он пусть подождет, хоть он и красивый. Важно, что он пережил заботу обо мне. Ну, а девушки и в простом пиджачке любить будут. (Смех)

Ну вот, товарищи, пожалуй, на этом я и кончу.

Может быть, будут вопросы?

Вопрос с места. *Существует ли сейчас коммуна им. Дзержинского, кто ею руководит и какова ваша связь с этой коммуной сейчас?*

Ответ. Коммуна им. Дзержинского жила после меня еще два года, потом была ликвидирована. Почему? Потому, что старшие ушли в вузы, завод, который был там создан, передали соответствующему ведомству. Все коммунары были выпущены с честью.

Связь со своими коммунарами я поддерживаю.

Надо сказать, что эта связь начинает причинять мне огорчения. Их все-таки много. Их самих я еще помню, но я не могу помнить, кто на ком женился и у кого сколько ребят. А ведь в письмах приходится писать и об этом. *(Смех)*

Вы знаете, товарищи, мне приходится один день в шестидневку тратить на переписку. Это меня очень затрудняет. Правда, я не обижаюсь, ведь у них, кроме меня, никаких родственников нет. К кому же им обратиться? Но мне иногда тяжело бывает от такой массы корреспонденции.

Кто-нибудь из моих бывших воспитанников приезжает, например, в Москву. С поезда прямо ко мне. Иногда на целый месяц. С открытой душой заявляется: «Я, Антон Семенович, к вам на месяц!» Я в ужасе. Мне все-таки жаль жену. Не может же

быть она содержательницей постоянной гостиницы. *(Смех)* Мне не жаль того, что съедят мои гости, не в этом дело, но хлопоты большие.

- Ну ладно, приехал, так оставайся. Вот, Галя, приехал.

- Кто?

- Да Витька Богданович[18].

- Ну, здравствуй, Витя.

Через два дня начинаются разговоры:

- Я, пожалуй, в гостиницу поеду.

- Зачем в гостиницу? Живи здесь.

Через три дня опять разговоры:

- Надо, пожалуй, в Ленинград съездить.

- Да зачем тебе ездить, лучше здесь живи.

А когда уезжает, так и расставаться жаль:

- Переезжал бы в Москву, работал бы здесь, ну и жил бы у меня. *(Смех)*

Ведь в большинстве своем хорошие люди получались из них. Связь хотя и тяжелая, но для меня это источник большой, настоящей радости. Правда, кое-кто потерялся.

По случаю награждения меня орденом я получил радиограмму с острова Врангеля. Подписано: «Митька Жевелий»[19]. Вы его знаете по «Педагогической поэме».

Сегодня получил письмо, тоже поздравительное. Подписано: «Инженер-орденоносец Орисенко (Гуд)»[20]…

Калабалин - Карабанов – начальник колонии. Замечательный человек. Если про себя я говорил, что я мастер, а не талант, то Карабанов в первую очередь талант. Он буквально чудеса делает. Если написать об этом, так, пожалуй, никто не поверит.

Расскажу вам такой случай. В 1937 г. я руководил всеми колониями Украины. Вызвал из Ленинграда Калабалина.

- Бери новую колонию, будешь работать там.

- Хорошо.

Дал я ему старый совхоз, какие-то медздравовские бараки в пяти километрах от Винницы, около шоссе. Ничего там не было. Я решил: Калабалин человек сильный, дал я ему «лучших ребят». Со всей Украины собрал. Собрал настоящих «жуков», которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14 –15 лет, но у него в кармане отмычки и водка.

Месяц я продержал их в приемнике. Окружил высоким забором, часовых поставил.

Так эти часовые были несчастными людьми, хотя и со штыками и с наганами. Ребята над ними просто издевались: и плевали им в физиономию, и швыряли чем попало. Что с ними сделаешь? Стрелять ведь в них не будешь. Извелся я, пока Калабалин подготавливал все к приему ребят.

Наконец получаю от него телеграмму: «Можно привозить». Погрузил я их в арестантские вагоны с решетками, поставил конвой и отправил.

Ночью они прибыли в Винницу. Калабалин подал к станции два грузовика. С соответствующими выражениями уселись в грузовики. Приехали. Постели приготовлены. Накормили их, уложили спать. Все равно, говорят, завтра будем в Виннице. Ночью не видели, куда приехали. Утром проснулись – кругом степи, пусто. И бараки.

Калабалин ушел на село. Ребята заявили: жить здесь не будем, пошли, братва, на вокзал. Поехали в Винницу.

Около них несколько чекистов. Уговаривают их: куда вы, дорогие ребятки, останьтесь. Они ответили им соответствующим образом, и пошли пешком, целой ватагой. А чекисты за ними на автомобиле поехали, все уговаривать продолжают.

Прибежал Калабалин.

- Где хлопцы?

Схватил первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит – идут хлопцы по дороге.

Он спрыгивает с коня. Поскользнулся и упал. Лежит. Те к нему: что такое?

Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: несите меня в колонию. Понесли в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожненько опустили его, а он и говорит: да вы меня поставьте. Поставили они его на ноги. А он и говорит: «Ну, спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти».

Ребята буквально обалдели. А он увидел самого курносого и говорит:

- Почему ты такой красивый?

Ребята в еще больший восторг пришли. Карабанов говорит:

- Ну что же, идите в Винницу.

- Ну пойдем.

- А может быть, позавтракаете, а потом пойдете.

- Ладно, отчего не позавтракать.

Позавтракали, да так и застряли там. Через три месяца я приехал к нему туда с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина, что надо. Все очень вежливые, приветливые, все читали «Педагогическую поэму».

Я не стал расспрашивать Семена, как он это сделал. А у ребят спросил:

- Ну-ка, скажите, какое у вас главное достижение?

- Наше главное достижение – Семен Афанасьевич. *(Смех)*

Вот это настоящий талант. Не мастер, а именно талант, которому подчиняются самые тяжелые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылали ему самых трудных, и он делал с ними буквально чудеса.

Сейчас он прислал мне письмо, где пишет: дайте мне какую-нибудь колонию, здесь мне уже надоело, здесь уж слишком благополучно, дайте мне что-нибудь такое, что у всех в печенках сидит. *(Смех)*

Вопрос с места. *А что вы думаете относительно ремешка или подзатыльника? Допустимо это?*

Ответ. К сожалению, меня почему-то считают специалистом по этому вопросу. Основываются на том, что я один раз ударил Задорова. Вы помните, вероятно, этот случай в «Педагогической поэме».

И многие говорят: вот вы треснули Задорова – и все пошло хорошо. Значит, нужно трескать.

Вопрос спорный. Ударить человека иногда, может быть, полезно, даже взрослого. Есть такие люди, которым следует набить морду. Но никто не может сказать заранее, полезно это или нет.

Я противник физических методов воздействия. И раньше был противником. Я ударил Задорова не потому, что своим педагогическим разумом пришел к тому, что это хороший метод. И не потому так благополучно все кончилось, что это был хороший метод, а потому, что Задоров был благородным человеком. Я Задорова избил, а он протянул мне руку и сказал – все будет хорошо. Редкий человек способен на это.

Если бы на его месте был Волохов, он зарезал бы меня. Я в этом не сомневаюсь, я думал, что и Задоров может зарезать, но Задоров оказался человеком в высшей степени благородным. Сейчас он работает одним из ведущих инженеров на постройке Куйбышевского узла[21]. Это мой настоящий друг. Когда он приезжает ко мне, у меня семейное торжество.

Один этот случай ничего не означает. Может быть, педагог и нарвется на такое благородное существо: треснет его, а тот ему руку пожмет. Все может быть. Но это ничего не доказывает. Вообще физическое наказание как метод я не могу допустить, тем более в семье.

В колонии еще можно было сорваться. Там есть какое-то оправдание. Там я один стоял перед сотней людей. А как можно сорваться в семье, где всего отец, мать

и несчастных два-три ребенка, причем это не бандиты и не беспризорники. Я не видел ни одной семьи, где физическое наказание приносило бы пользу.

Правда, я не говорю о тех случаях, когда мать отшлепает рукой двух – трехлетнего ребенка. Ребенок ничего не поймет даже. А мать не столько накажет его, сколько свой темперамент проявит. Но ударить мальчугана в 12 –13 лет – это значит признать свое полное бессилие перед ним. Это значит, может быть, навсегда разорвать с ним хорошие отношения.

В коммуне им. Дзержинского ребята никогда не дрались. Помню, был такой случай. Возвращались мы из Батуми на пароходе в Крым. Заняли всю верхнюю палубу. Нас очень полюбили. Мы были красиво одеты, у нас был прекрасный оркестр, мы устраивали там концерты. Публике и команде мы очень понравились. И вот как-то утром, за завтраком, перед самой Ялтой один старший коммунар ударил своего товарища, более молодого, по голове консервной банкой. Случай для нас совершенно небывалый. Я был ошеломлен. Что делать? Слышу, играют общий сбор.

- Почему?

- Дежурный командир приказал.

- Зачем?

- Все равно вы прикажете созвать.

Хорошо. Собрались. Что делать? Вносится предложение: ссадить в Ялте, расстаться навсегда.

Смотрю, никто не возражает.

Я говорю:

- Да что вы, шутите или серьезно? Да разве это возможно. Ну, ударил, ну, виноват, но нельзя же выкинуть человека из коммуны.

- Чего там разговаривать, голосуй.

- Подождите, – говорю.

Тогда председатель говорит:

- Есть предложение лишить слова Антона Семеновича.

И что же вы думаете – лишили. Я говорю им:

- Мы в походе, я командир, я могу все общее собрание под арест посадить на пять часов, это вам не коммуна, где я с вами разговариваю, как же вы можете лишить меня слова?

- Ну ладно, говорите.

А говорить-то и нечего. Голосуют. Кто за это предложение? Все единогласно. И здесь же выносится другое предложение: кто пойдет провожать, может обратно не возвращаться.

Прибежала делегация от пассажиров и команды. Просят простить этого мальчика.

- Нет, мы знаем, что делаем.

В Ялте ни один не сошел с парохода. Ждали Ялту с нетерпением, хотели посмотреть город, погулять, а здесь ни один с парохода не сошел. Дежурный командир сухо сказал ему:

- Иди.

И пошел.

Приехали мы в Харьков, а он на площади нас встречает. Наши грузятся. Он здесь же вертится. Дежурный командир говорит ему:

- Уйди с площади. Грузиться не будем до тех пор, пока ты будешь здесь.

Ушел. Через три дня пришел ко мне в коммуну. У дверей часовой.

- Не пропущу.

- Ты же всех пропускаешь.

- Всех пропускаю, а тебя не пропущу.

- Ну, вызови тогда Антона Семеновича.

- Не буду вызывать.

Все-таки вызвали меня.

- Что тебе нужно?

- Попросите общее собрание.

- Хорошо.

Просидел он у меня до вечера. Вечером общее собрание. Прошу. Смотрят и молчат. Спрашиваю, кто хочет высказаться? Никто. Да скажите же что-нибудь. Улыбаются. Ну, думаю, наверное, оставят. Прошу голосовать. Председатель голосует: «Кто за предложение Антона Семеновича, прошу поднять руки». Ни одной руки не поднимается. «Кто против?» – Все.

На другой день опять пришел.

- Не может быть, чтобы меня так жестоко наказали. Созовите общее собрание, я хочу, чтобы мне объяснили.

Созывается вечером общее собрание.

- Вот он требует объяснения.

- Хорошо. Говори, Алексеев.

Выступает Алексеев, начинает говорить.

- Ты на пароходе в присутствии всего Советского Союза, так как на пароходе были представители всех городов, в присутствии команды из-за какого-то пустяка ударил товарища по голове. Этого нельзя простить, и никогда мы тебе не простим. После нас будут здесь ребята, и те не простят.

Ушел он.

Через четыре года, в 1936 году, пришел в коммуну. Пришел в коммуну через четыре года! Его пропустили. Встретили его радостно, хорошо. Он растрогался. Вечером на совете командиров вдруг говорит:

- Может быть, теперь меня примете?

- Нет. Ты устроился в другом месте, живи там, мы тебя все равно примем. Нам не важно, простить или не простить. Нам важно, чтобы все в коммуне знали, что вот был Звягин, ударил он своего товарища по голове, и его в коммуне никогда больше не будет.

Из старых ребят многие уже вышли из коммуны, много новеньких. И новенькие всегда говорили: «Нужно поступать так, как поступили со Звягинцем». Они Звягинца не видели в глаза, но знали о нем.

Видите, товарищи, как коммунары относились к битью. Педагогической душой я их осуждаю за такую жестокость, а человеческой душой – не осуждаю.

Это, конечно, жестокость, но жестокость вызванная. Конечно, в коллективе допускать побои нельзя. Я лично горячий противник физических методов воздействия.

Вопрос с места. *У вас в коммуне были юноши и девушки 17 - 18 лет. Какие у них были взаимоотношения?*

Ответ. Вопрос очень трудный. Рассказывать пришлось бы очень долго. Об этом есть в моей книге. Коротко все-таки скажу.

Любовь запретить нельзя, конечно, но разрешать влюбляться и жениться в 18 лет тоже нельзя. Никакого счастья от такого брака не будет.

Вопрос этот требует сложной организации.

После многих педагогических неправильностей я добился у себя в коммуне такого положения. Если я видел вечером в коридоре влюбленную парочку, я вызывал их к себе и спрашивал:

- Влюблены?

- Да нет, Антон Семенович, честное слово нет.

А надо сказать, что у нас был уже случай, когда двое влюбились друг в друга и поженились, и ребята видели, какое их «счастье» было.

- Мы, Антон Семенович, о географии разговаривали. Мы не влюблены. *(Смех.)*

Большую роль играло единство коллектива и доверие ко мне. Я мог собрать девушек и читать им лекции о том, как нужно влюбляться. *(Смех)* Вы не смейтесь, товарищи, девушкам нужно рассказывать, как надо относиться к ухаживаниям мужчин, как надо разбираться в этом ухаживании, как нужно проверять любовь, как нужно переживать любовь.

А потом собирал и юношей. И тех я уж не столько учил, сколько просто требовал: в первую очередь отвечать так-то и так-то, поступать так-то и так-то. Рассказал им пример из своей жизни: я был влюблен так-то и так-то, поступал так-то и так-то. *(Смех.)*

И еще одно средство было у меня - организация пацанов. Человек 20 пацанов – самые младшие члены коллектива, страстные и принципиальные противники любви и женщин. *(Смех.)* Коммунарам я сказал: это мои глаза и уши за всеми влюбленными. И служили мне пацаны очень исправно. Если кого-нибудь где-нибудь увидят, так через пять минут мне сообщат об этом. На общем собрании пацаны говорили иногда: почему такие-то в темных уголках ютятся, может они жениться хотят *(смех)*, так пусть прямо скажут.

Если идет влюбленная парочка, и вдруг мимо них кто-то шмыгнул, так он сейчас же говорил: ты, Клава, иди в эту сторону, а я сюда пойду. *(Смех.)*

И я, товарищи, добился очень многого. У меня было 90 спален. Причем никаких разных половин не было: спальня мальчиков, спальня девочек, спальня мальчиков, спальня девочек - вперемежку. В одной комнате пять девушек, рядом шесть юношей, потом опять девушки и т.д.

И в столовой такой же порядок был. Стояли маленькие столики на 4 человека. За столик садились два мальчика и две девушки. Никаких мужских и женских столовых. Садись с кем хочешь. Можешь влюбляться – пожалуйста, но никаких флиртов заводить было нельзя.

В этом меня поддерживали комсомольская организация, партийная организация и, конечно, пионерская организация. *(Смех.)* Поддерживало и общее собрание.

Только благодаря этому у нас было с этим вопросом все благополучно, несмотря на то, что девчата были очень красивые. Случайно, но подобрались девушки как на подбор, хоть смотр устраивай. Из 200 девушек по-настоящему красивых было человек 150, и все-таки никаких драм и трагедий не было. Мы знали, например, что Кравченко любит Доню, а Доня любит Кравченко. Они всегда вместе ходили, вместе гуляли, но никакого свинства не было. Они отжили свой срок в коммуне, поступили оба в вуз и уж потом, через три года, поженились. Приехали в коммуну и на совете командиров заявили – мы женимся. Командиры поаплодировали им: вовремя женитесь, пять лет любви выдерживали. *(Смех.)*

С места. *Откуда у вас такое знание психики дошкольников?*[22]

Своих детей у меня нет, но есть приемные дети[23]. В коммуне у меня был детский сад для детей сотрудников. Я его организовывал, я им руководил. Многих дошкольников хорошо знаю и очень люблю. Опыт небольшой, но все-таки есть.

Мне, товарищи, подали один вопрос запиской: *«Какие меры наказания в школе вы предлагаете?»* А я в школе никаких мер наказания не предлагаю и не могу предлагать. Вы моим предложением все равно не воспользуетесь. *(Голоса. Почему?)* Наказывать вообще можно в том коллективе, который органически сложился. Если коллектива нет, наказывать нельзя. Если коллектив крепкий, тогда можно наказывать.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 287 – 314. Сделанные там купюры устранены по изданию: А.С. Макаренко. Публичные выступления 1936 – 1939 гг.... Сост., авт. коммент. Г. Хиллиг. – Елец, 2012, с. 380, 384 – 387, 391, 401 – 402, 410 – 412. Стенограмма доклада А.С. Макаренко на встрече с учителями

Фрунзенского района г. Москвы, в районом Доме учителя 8 февраля 1939 г. (1-й Зачатьевский пер., д. 8).

Доклад предполагался на тему: «Воспитание в семье и школе». А.С. Макаренко же говорил в основном о воспитании в школе, о том, что должно стать основной связи школы с семьей. При первой публикации части материала (Учительская газ., 27 дек. 1940 г.) он был дан под названием: «Воспитание детей в школе и семье», - что вполне соответствует его содержанию. Именно так он и дается в нашем издании, с изменением традиционного наименования.

Главная идея доклада: приоритет школы в связи с семьей, он может иметь место лишь при достижении школой высокого уровня воспитательной направленности ее деятельности, при ее превращении в единый коллектив педагогов и детей. Решительно отвергается установка школьного воспитания на обособленного, «отдельного» педагога, классного руководителя.

В деятельности коллектива принципиальное значение придается вопросам: сила общественного мнения (чему в огромной степени способствует ежедневные оперативные общие собрания); духовно-нравственная основа функционирования коллектива и управления им; ведущая роль труда в коллективе (тогда он приобретает «право гражданства»); первостепенное значение первичного коллектива в структуре коллектива школы.

Поднимаются вопросы: социальная ответственность воспитания, школы; огромная роль организационных форм воспитания в реализации его содержания; этическая категория счастья, его восприятие как высшей педагогической цели. Отмечается общее в педагогике школы и семьи.

[1] Таким образом, А.С. Макаренко по существу обозначил необходимость и плодотворность воспитания в триединстве: школа – производственное предприятие – семья.

[2] Подчеркивается значимость внешнего облика воспитанника, внешних форм и норм поведения в процессе воспитания.

[3] Говорится о дежуривших у А.С. Макаренко в кабинете «адъютантах», «связистах», малышах. Они привлекались к исполнению в коллективе значительных функций.

[4] Обычно обращались «ответственные работники», большей частью сотрудники ГПУ – НКВД Украины. В это время и далее внимание А.С. Макаренко все более уделяется педагогическому неблагополучию в семьях государственной и партийной «номенклатуры», разрушающей социально-политические и нравственные основы советского общества

[5] Марки престижных легковых автомобилей, использовавшиеся обычно ответственными лицами по их должности.

[6] Говорится о работе А.С. Макаренко в отделе трудовых колоний НКВД УССР с лета 1935 г. до начала 1937 г. См. часть 5 данного издания, с. 44 – 172.

[7] А.С. Макаренко здесь несколько опережает события: том 2 «Книги для родителей» он планировал закончить к 1 мая 1939 г. (и см. ниже «О творческих планах»).

[8] Такая трактовка партийного тезиса о роли воспитания в построении коммунизма воодушевила А.С. Макаренко, укрепила

его уверенность в правоте своего дела. В тезисах В.М. Молотова сказано: на предстоящем этапе социалистического строительства «решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей».

[8а] Говорится о работе коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с 1930 г., в течение более 5 лет. Этот факт убедительно доказывает возможность и необходимость полного отказа в педагогике от главенства учителя-воспитателя в новой системе воспитания.

[9] «Уважение к самому себе», чисто моральная удовлетворенность своими действиями, поступками – высшая цель воспитания в педагогике А.С. Макаренко. Требование к себе», «ощущение ценности собственной личности», «отношение к себе» - высший уровень воспитания в коллективе. (А совсем не механическое подчинение коллективу, как это иногда представляется). См. часть 5, с. 304 и часть 1, с. 264 (воспитание «веры в себя», «чувства долга перед самим собой»).

[10] Коммуна им. Ф.Э. Дзержинского создавалась как живой памятник ему. Ее здание построено по проекту известного украинского архитектора, с использованием лучших материалов, достижений удобства проживания, комфорта и оформления помещений.

[11] А.С. Макаренко делит педагогический талант на «талант учителя» и «талант воспитателя». Это естественно вытекает из его принципиального различения процессов обучения и воспитания.

[11а] *Татаринов Т.Д.* **– в колонии им. М. Горького с лета 1925 г., учитель-воспитатель, одно время зам. А.С. Макаренко. Затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, с нач. 1930-х гг. зав. производственным обучением. В «Педагогической поэме» И.Д. Киргизов.**

[12] Почти ежедневные общие собрания – часть ритуала ежедневной вечерней сдачи рапортов командирами отрядов дежурному по коммуне командиру (затем – А.С. Макаренко). При этом собрания как такового могло не проводиться, если не было необходимости. На собраниях заслушивались приказы по коллективу (обычно на неделю, по распределению работ, обязанностей по самоуправлению, по проведению различных мероприятий). См. часть 2 данного издания, с. 377 – 382; часть 4, с. 197 – 202.

Это оперативные собрания – «летучки», без плановой повестки дня. Каждый член коллектива мог на этом собрании поднять любой вопрос, внести предложение.

[12а] Таким образом подчеркивается: главнейшим признаком коллектива является то, что его жизнь и деятельность строятся на основе духовно-нравственных отношений.

[13] При этом часть выпускников коммуны оставалась работать на двух коммунарских заводах.

[14] Значок «Готов к труду и обороне» давался после сдачи определенных нормативов. Дифференциация в коллективе по разнообразным показателям – характерная особенность макаренковской концепции воспитания в коллективе (этим коллектив отличается от обезличенной толпы).

[15] **Говорится о высказывании К. Маркса: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником, ...должен подчиняться общему закону природы, а именно, чтобы есть, он должен работать не только головой, но и руками» (Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Т.1 / Сост. А.А. Фролов, Ю. Х. Трушина. – Н. Новгород, 2007, с. 200).**

А.С. Макаренко в этом докладе (как и в последующих выступлениях) говорит: «с 14-летнего возраста», подчиняясь партийной установке, включенной еще во 2-ю Программу РСДРП (март 1919 г.). К. Маркс, говоря: «с 9 лет» - имел в виду реальный опыт труда детей в этом возрасте, протестуя при этом против эксплуатации детского труда (см. так же, с.199-200).

[16] **Имеется в виду противостоящая А.С. Макаренко методология «умозрительно-декларативной» педагогики.**

[17] **Имеется в виду Л.М. Салько. Формально А.С. Макаренко не мог его усыновить, т.к. ему было уже 16 лет (возраст совершеннолетия).**

[18] *Богданович В.С.* **– в колонии им. М. Горького с 1925 г., затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, окончил рабфак, два года работал токарем на коммунарских заводах. После службы в Армии – военное училище специальных служб авиации. В Великую Отечественную войну, в боях с Японией – командир роты связи ВВС Балтийского флота, нач. связи бомбардировочного полка на Тихоокеанском флоте, подполковник.**

Награды: три ордена Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Макаренковская характеристика при выпуске из коммуны: часть 3 данного издания, с. 115.

[19] *Чевелий Д.А.* **– в колонии им. М. Горького с апреля 1921 г., затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского; в «Педагогической поэме Жевелий. В Великую Отечественную войну лейтенант, штурман боевого корабля на Северном флоте. Погиб 9 ноября 1941 г. в Охране водного района Беломорской военной флотилии.**

[20] *Орисенко А.М.* **– в колонии им. М. Горького с марта 1922 г.; в «Педагогической поэме» Гуд. Окончил Харьковский технологический институт, инженер-технолог по фотопленке, в 1941 г. работал на эвакуированном заводе в Красноярске, потом на Шосткинской фабрике кинопленки: начальник смены, начальник цеха, главный инженер. Награжден орденами Знак почета, Трудового Красного знамени.**

[21] **Имеется в виду** *Архангельский П.П.* **– сын учителя – воспитателя колонии им. М. Горького** *Архангельской З.П.* **Один из прототипов А. Задорова в «Педагогической поэме». После рабфака – Харьковский сельскохозяйственный институт, окончил в 1930 г., инженер-мелиоратор. Выполнял мелиоративные работы в Средней Азии, работал на строительстве Куйбышевского гидроузла, Беломорканала.**

В Великую Отечественную войну командовал саперной ротой, батальоном на Ленинградском и Прибалтийском фронтах, тяжело ранен. В 1944 – 45 гг. гвардии майор, бригадный инженер воздушно-десантной бригады, дивизионный инженер гвардей-

ской стрелковой дивизии. Награды: два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу». Затем главный специалист филиала НИИ «Оргэнергстрой».

[22] Знание психики дошкольников видно по «Книге для родителей» и другим работам А.С. Макаренко.

[23] Кроме Л.М. Салько, имеется в виду также *Макаренко О.В.*, **Лиля, племянница, дочь** *Макаренко В.С.* **(белоэмигранта с 1920 г.). Жила и воспитывалась в семье А.С. Макаренко в 1928 – 1935 гг. Окончила Харьковский пединститут иностранных языков. В 1941 – 1943 гг. медсестра в эвакогоспитале, связист зенитно - артиллерийского полка, сержант. Награждена медалью «За победу над Германией». Была работником Научного архива АПН РСФСР. В замужестве Васильева.**

Дополнение. Из письма группы выпускников коммуны дзержинцев А.С. Макаренко, 8 февраля 1939 г.

Здравствуйте, Антон Семенович!

...В этот момент, когда Вы получаете Трудовой Орден за Ваши заслуги, нам хочется преподнести наш трудовой подарок, чтобы порадовать Вас... Этот подарок заключается в том, что Ваша энергия, затраченная на нас, не прошла даром. Она дала своя результаты.

Все мы уверенно подходим к очередной своей жизненной цели, к концу обучения в институте. Уже теперь мы получили назначения на будущую работу в органы нашего государства.

Так, Сопина назначили консультантом облюста Куйбышевской области; Стириса, Ширявского и Трифонова - военными прокурорами, Ветрова - членом облсуда Сталинской области, а меня – «противником» прокуратуры, т.е. защитником.

7/II - 1939 г. мы возвратились с производственной практики. Мы были в Днепропетровске. Практика у нас прошла хорошо. Прокуроры и я, как защитник, выступали по уголовным делам самостоятельно. Чувствуем себя в судебном процессе уверенно. Я лично защищал 6 человек, из них трое были оправданы, а трое осуждены условно.

Мы уверяем Вас, что и в будущем, на работе, в жизни мы будем примером, оправдаем доверие народа и этим отблагодарим за воспитание.

Что касается нашей личной жизни, то живем мы неплохо. Крепко жмем Вашу руку.

Оноприенко, **Сопин, Ширявский, Ветров, Трифонов, Стирис.**

Харьков, 8 февраля 1939 г.

Дается по публ. Е.С. Долгина в ж. «Воспитание школьников», 1968, № 2. От имени группы выпускников Харьковского юридического института письмо написал А. Оноприенко. Фото этой группы бывш. коммунаров – дзержинцев с А.С. Макаренко см. среди фотоиллюстраций в данной книге. Фото сделано в Харьковском пединституте.

Оноприенко А. – см. Именной указатель в части 3 данного издания.

Сопин И.П. **– в колонии им. М. Горького в 1924 – 1928 гг. Затем работал в пищевой промышленности; в 1932 – 1935 гг. на рабфаке, заочно. Был прокурором Краснобаварского района г.**

Харькова. С 1941 г. красноармеец танковой бригады Юго-Западного фронта, потом старш. воен. следователь саперной бригады, затем стрелковой дивизии Сталинградского фронта. В 1942 – 45 гг. в фашистском плену. В 1947 – 68 гг. сотрудник Харьковской коллегии адвокатов.

Его брат, *А.П. Сопин*, **воспитывался в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, см. о нем по именным указателям в частях 2 и 3 данного издания. После Харьковского юридического института, до 1941 г. - член облсуда в Казахстане. Затем член военного трибунала стрелковой дивизии, участник боев под Москвой, майор. До 1966 г. в органах милиции Волынской области.**

Ширявский К.К. **– макаренковскую характеристику при выпуске из коммуны см. в части 3 дан. издания, с. 113. Участник Великой Отечественной войны.**

Ветров И.А. **– во время Великой Отечественной войны в органах госбезопасности. При тяжелых оборонительных боях в районе Днепропетровска встретился с** *И.Д. Токаревым* **(своим подшефным в коммуне), а под Сталинградом – с танкистом** *С. Михайловым*. **Был свидетелем героической гибели одного из коммунаров – дзержинцев при спасении военного груза и массы людей при бомбежке «юнкерсами» железнодорожной станции (см.: Л. Чубаров. Макаренковцы. – М., 1994, с. 27 – 28). На фронте – от Харькова до Сталинграда, Барановичей – до Потсдама. Награды: ордена Отечественной войны, Красной Звезды, медали. Далее – народный судья в г. Оренбурге.**

Стирис Ф.Г. **– в коммуне в 1932 – 1935 гг. С 1939 г. – пом. прокурора Хабаровского края, потом следователь войск НКВД Хабаровского пограничного округа, во время войны с Японией. пом. военного прокурора Прибалтийского военного округа, подполковник. Юрисконсульт в Совете Министров Латвийской ССР. Работник производственного объединения «Ригас – Людес». Награды: два ордена Отечественной войны, орден Красной звезды, медали. См. также Именной указатель в т. 3 данного издания.**

О творческих планах (в записи)

А.С.Макаренко работает сейчас над вторым томом «Книги для родителей». Тема этой книги - политическое и этическое воспитание.

- В эту книгу войдут 10 повестей. Каждая из них, - говорит писатель. - посвящается отдельной теме: дисциплине, дружбе и другим проблемам социалистической морали - и будет представлять законченное художественное произведение.

В конце книги будут помещены выводы - публицистическая часть книги. Я делаю это по требованию читателей.

На первый том «Книги для родителей» я получил несколько сот отзывов. Читатели выдвинули передо мной ряд новых тем и проблем, которые я попытаюсь поднять в следующих томах произведения. Второй том я собираюсь закончить в этом году.

Третий том «Книги для родителей» я посвящу теме трудового воспитания, теме выбора жизненного пути и, наконец, четвертый том - вопросам счастья, вопросам советской эстетики.

«Книга для родителей» будет состоять из четырех томов; закончить ее собираюсь в 1940 году.

Параллельно с этим писатель А.С.Макаренко работает над романом «Ньютоновы кольца». Этот роман, начало которого писателем передано для печатанья в журнал «Молодая гвардия», посвящается нашей молодежи.

Действие романа происходит в 1937 году на оптическом заводе.

Коллектив завода состоит из разных людей, имеющих свои достоинства, недостатки, свою личную жизнь. Все они борются за свой завод, двигают его вперед, разоблачая замаскированного врага.

Работу над этим романом А.С. Макаренко в настоящее время заканчивает.

Литературная газета, 10 февраля 1939 г., в рубрике: «Над чем работают писатели».

Материал показывает важность понимания методологических основ педагогики А.С. Макаренко, ее неразрывную связь с разработкой новой морали и нравственности (2-й том «Книги для родителей»), эстетики, темы счастья (4-й том), проблемы жизненной позиции человека труда (3-й том).

Г.С. Макаренко в конце 1950-х гг. сказала: «Без понимания этических воззрений А.С. Макаренко невозможно как следует понять и его педагогику» (Гмурман В.Е. Из бесед о нем [с Г.С. Макаренко] // Народное образование, 1963, № 2, с. 100). Необходимо далее выяснять его вклад в этику и эстетику, другие социально-гуманитарные науки, в сферу идеологии и политики.

Дополнение. *13 февраля 1939 г.: творческий вечер-диспут, посвященный А.С. Макаренко, в Московском клубе писателей* **– информация в «Литературной газете», 1 марта 1939 г. (авт. Е. Пельсон) и в газ. «вечерняя Москва», 14 февраля (авт. А. Шин). Вступительное слово и заключение А.С. Макаренко. Его «Тепло встретила аудитория». Дается по «Литературной газете»:**

...Резко разошлись суждения о новой книге А. Макаренко «Флаги на башнях» *А. Караваева*[1]**, открывшая вечер,** *В. Герасимова*[2]**,** *Ю.Лебединский, В.Ермилов*, **режиссер** *Н.Петров*[3] **и т.** *Барская*[4]*, Колбановский, Карпыч*[5]*, Пугачев, Бирюков, Немлихер и Алексич*, **выступившие на этом вечере, в противоположность некоторым статьям, появившимся в печати, очень хвалили роман Макаренко... Тему коммунистического воспитания детей, столь важную для советского общества и так мало разработанную нашими писателями, А.Макаренко разрешает очень интересно и своеобразно.**

- Книги А.Макаренко, - говорит т. Карпыч,- написаны просто и понятно, в этом их громадное достоинство. Его герои необычайно трогательны и правдоподобны. Очень велико воспитательное значение книг Макаренко, передающего читателям свой богатей гай педагогический опыт. Поэтому-то мы, педагоги, особенно высоко ценим его, а я лично считаю автора «Педагогической поэмы» и «Флагов на башнях» настоящим новатором-педагогом и новатором-писателем.

В. Ермилов утверждает, что в книге «Флаги на башнях» дан сгусток советской действительности, воздух, которым живут наши дети, и не почувствовать это могут лишь те, кто плохо знает нашу действительность.

- В отличие от «Педагогической поэмы», - говорит В. Ермилов, - тема которой борьба с беспризорностью, «Флаги на башнях» ставят проблему советской педагогики. Новаторская идея автора романа заключается в том, что он борется с пережитками либе-

ральной педагогики и ратует за педагогику социальную, элементы которой содержит вся наша советская действительность.

Высоко оценивая творчество А. Макаренко и, в частности, его последние произведения, В.Ермилов указывает на то, что в романе «Флаги на башнях», увлекшись проблемой взаимоотношения коллектива и индивидуальности, автор недостаточно глубоко и всесторонне разработал отдельные образы.

Тов. Алексич подчеркивает, что А. Макаренко ставит в своем творчестве огромной важности и трудности проблему коммунистического воспитания...

- Далеко не случайно - говорит В. Герасимова, - что в писательской судьбе А. Макаренко принял большое участие А. М. Горький.

Великий художник увидел в его произведениях тот подлинно социалистический гуманизм, которым пронизано творчество самого Алексея Максимовича.

- Отрицательные образы, - говорит далее В. Герасимова. - наделенные смешными и уродливыми чертами, писать легче, чем положительные, - они получаются более острыми и «доходчивыми». Макаренко не соблазняется этим. Его писательское своеобразие заключается в том, что он любит людей, верит в силы своих героев и стремится показать их читателю.

Выступления полемизировали со статьями о романе «Флаги на башнях», напечатанными в «Литературной критике» и «Литературном обозрении», считая, что в них дана неправильная оценка этой книги А. Макаренко.

[1] *Караваева А.* **– писательница; в кон. 1930-х гг. в своих произведениях освещала проблемы идейно-нравственного воспитания дореволюционной и советской молодежи. См. ее статью (совместно с А.С. Макаренко и А. Эрлих) «Клевета на молодого писателя» - в части 6 данного издания, с. 321 – 322.**

[2] *Герасимова В.* **– писательница, жена А. Фадеева.**

[3] *Петров Н.В.* **– в 1930-х гг. художественный руководитель харьковского Театра русской драмы, шефствующего над коммуной им. Ф.Э. Дзержинского, друг А.С. Макаренко. Получил звание «Заслуженный деятель искусств».**

[4] *Барская М.А.* **(псевдоним) – актриса, режиссер, известна как сценарист и постановщик популярного фильма «Рваные башмаки» (1933 г.), о жизни детей немецких рабочих в дофашистской Германии. Писала киносценарий по «Флагам на башнях».**

[5] *Карпыч* **– тогда зав. методкабинетом Фрунзенского районного отдела народного образования. Ранее был «уволен из школы за прогул, заступилась зав. московским гороно Сергеева». ССП пригласил его на похороны А.С. Макаренко.**

Заявление о приеме кандидатом в члены ВКП (б)

В парторганизацию Союза советских писателей члена ССП Антона Семеновича Макаренко заявление.

Прошу принять меня в число кандидатов в члены ВКП (б).

А. Макаренко

Москва

15 февраля 1939 г.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 127.

Анкета вступающего кандидата в члены ВКП (б)

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Анкета

Вступающего кандидатом в члены ВКП (б)

Первичная парторганизация – Союз Советских писателей. Город Москва.

1. Макаренко Антон Семенович
2. Пол: М.
3. Год и месяц рождения: III – 1888.
4. Национальность: украинец.
5. Родн. язык – русский.
6. Место рождения: г. Белополье, бывш. Харьковской губернии, Сумского уезда.
7. Социальное положение:[1]
8. Занимаемая должность: литератор
9. Сведения о родителях:
10. Чем занимались родители до революции: отец Семен Григорьевич Макаренко рабочий, маляр - в вагонных мастерских ст. Крюков на Днепре Южн. ж.д., - умер в 1916 году. Мать Татьяна Михайловна – дом. хозяйка, умерла в 1931 г.
11. Образование - в каких учебных заведениях учился (где, когда), окончил ли:

Кременчугское 4-х классное городское училище по пол. 1872 г., окончил в 1904 г.
Одногодичные курсы при том же училище - педагогические, окончил в 1905 г.
Полтавский Учительский Институт, с августа 1914 г., окончил 15 июня 1917 г.

12. Какое участие принимает в работе профсоюзов, комсомола, колхозов и т.д.:

Член бюро секции прозаиков ССП.

15. Основная профессия и специальность, а) по образованию: педагог, стаж 30 л.; б) по опыту работы: писатель, стаж 7 лет.

16. Род занятий с начала трудовой деятельности:

С какого времени (мес., год)	По какое время (мес., год)	Название местности	Название предприятия, учреждения	Род занятий или должность
1	2	3	4	5
IX – 1905	IX – 1911	пос. Крюков (Кременчуг) Полт. губ.	Железнодор. 2-х классное училище	Учитель
IX – 1911	X – 1914	ст. Долинская Ю.д. (Херсонск. г.)		Учитель
X – 1914	VI – 1917	Полтава	Полтавский Учит. институт	Студент
I – IX – 1917	IX – 1919	пос. Крюков (Кременчуг) Полтавск г.	Высшее нач. ж.д. училище	Инспектор
IX – 1919	IX – 1920	Полтава	10-е низшее начальн. училище	Заведующий
IX – 1920	IX – 1928	Полтава -	Колония им. Горь-	Заведующий

		Харьков	кого для правонарушителей	
VI – 1928	VII – 1935	Харьков	Коммуна им. Дзержинского НКВД УССР	Начальник до1932 и с1932 г. пом. начальника
VII – 1935	II – 1937	Киев	Отдел трудовых колоний НКВД УС СР	Пом. начальника отдела
II – 1937		Москва		Писатель

18. Какими языками (иностранными и народов ССР) свободно владеете: русский и украинский[2]

19. Какие имеет награды и премии (за что, кем и когда выданы):

Золотые часы от Коллегии НКВД УССР за работу в коммуне Дзержинского - 1932.

Орден Трудового Красного Знамени за литературные достижения - февр. 1939 г.

20. Был ли в Красной Армии, в качестве кого и участвовал ли в боях: Нет.

21. Был ли в старой армии, когда, в качестве кого (чин): В качестве ратника 2-го разряда в 147 пешей Воронежской дружине с IX - I916 г. по III - 1917 г. (нижний чин).

22. Служил ли в армиях и отрядах, боровшихся против Советской власти (каких, когда, где и в качестве кого): Нет.

23. Состоял ли в братских компартиях (каких, когда, где): Нет.

24. Состоял ли в ВКП (б) раньше (когда, причина выбытия): Нет.

25. Состоял ли в других партиях (каких, когда, где): Нет.

26. Участвовал ли в оппозициях и антипартийных группировках (каких, когда, где): Нет.

27. Привлекался ли к уголовной ответственности органами соввласти (когда, за что, к чему приговорен): Нет.

28. Жил ли за границей, где, когда, сколько времени, причины возвращения в СССР: Нет.

29. Кто из родственников живет за границей, где, сколько времени – и чем занимаются, - Брат Виталий (род. 1895 г), прапорщик военного времени, был в армии Деникина. До 1928 г. был в эмиграции в Париже. С 1928 г. сведений о нем не имею.

Личная подпись подавшего заявление о вступлении в ВКП (б):

А. Макаренко

15 февраля 1939 г.

Рукописный отдел Института мировой литературы им. М. Горького, ф. 114, оп. 1, ед. хр. 5. Стандартная, типографским способом отпечатанная анкета, заполненная рукой А.С. Макаренко и подписанная им.

На анкете запись секретаря парткома ССП Зайцева: «погашено в связи со смертью А.С. Макаренко».

[1] Пункт не заполнен; заполняется секретарем парторганизации.

[2] В одной из анкет А.С. Макаренко указывает также: немецкий язык. Возможно, он изучал его самостоятельно при окончании Полтавского учительского института, собираясь поступать в Московский университет (по специальности история; окончание учительского ин-та не давало права поступления в ун-

т, требовалось знание иностранного языка и, вероятно, латинского).

Дополнение. **Сведения о членах ВКП (б), давших А.С. Макаренко рекомендацию для поступления кандидатом в члены ВКП (б):**

	Фамилия, имя, отчество	**Парт. стаж**	**№ парт. билета**	**Место работы и заним. должность**	**С какого времени знает вступающ.**	**Личная подпись**
1.	**Ермилов Владимир Владимирович**	**1927**	**1255270**	**литер. критик**	**с II/1937**	**В. Ермилов**
2.	**Бобунов Алексей Георгиевич[1]**	**1918**	**1255271**	**прозаик**	**с 1935 г.**	**А. Бобунов**
3.	**Колбановский Виктор Николаевич**	**1919**	**1230960**	**Зав. секцией диамата Ин-та философии АН СССР**	**с 1936 г.**	**В. Кол-Колбановский**
4.	**Павленко Петр Андреевич[2]**	**1920**	**41274158**	**писатель**	**с 1933 г.**	**П. Павленко**

Рукоп. отдел Ин-та мировой литературы им. М. Горького, ф. 114, оп. 1, ед. хр. 5

[1] *Бобунов А.Г.* **– писатель, тогда сотрудник оргсектора ССП. Военный летчик, на фронте с первых дней Великой Отечественной войны, майор. Говорил, что на страницах фронтовых газет сообщалось о боевых подвигах воспитанников колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. А. Бобунов с некоторыми из них встречался лично, видел их в боевой обстановке. Об этом его рассказы: Побеждают смелые, Горьковцы и дзержинцы, Полет имени Макаренко (см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 446).**

В третьем рассказе говорится об *Захожае* **(во «Флагах на башнях» А. Похожай; данную А.С. Макаренко ему характеристику см. в части 1 данного издания, с. 195). «Полет имени Макаренко» (в связи с 5-летием со дня его кончины – апрель 1944 год): вылет Захожая в разведку, в условиях тумана, обнаружил 14 вражеских автоколонн, бомбил колонну танков и аэродром, отмечен командиром дивизии как «героический экипаж».**

[2] *Павленко П.А.* **– писатель, осенью 1936 г., глав. ред. Альманаха «Год XIX», автор историко-патриотических произведений**

и киносценариев. См. его восторженный отклик о «Книге для родителей» в части 5, с. 118 – 119.

О чтении рукописей начинающих писателей, консультациях (конец января - середина февраля)

1. Кренов. «На утренней заре». 20 п.л. Журнал «Молодая Гвардия». 25/I.
2. Рафалович. «Товарищи». 1 п.л. Консультации. 26/I.
3. Брайнин. Два рассказа. 1 п.л. «Октябрь». 25/I.
4. Погодина. Записки. 2 п.л. Самотек[1]. 22/I.
5. Коси. Рассказы. 2 п.л. Консультации. 25/I.
6. Меклер[2]. Записки матери. 4 п.л. Самотек. 23/I.
7. Шкляр. Дети.[3] 10 п.л. Самотек. 27/I.
8. Чуркин. Валериан Каплуд. 20 п.л. Консультации. 27/I.
9. Бродская. История одной дружбы. 10 п.л. Самотек. 30/I.
10. Колесников. Отходники. 5 п.л. Консультации. 23/I.
11. Штительман. Повесть о детстве. 6 п.л. «Октябрь». 26/I.
12. Колесников. Подача…[4] 1 п.л. Консультации. 30/I.
13. Федорченко. Пейзаж Фадеева. 1 п.л. Консультации. 30/I.
14. Кузнецов. Рождение поэмы. 1/2 п.л. Консультации. 1/II.
15. Долгополов. Голубь. 6 п.л. Самотек. 20/I.
16. Чеканов. Первые работы. 4 п.л. Самотек. 1/II.
17. Крешит. Школа в рабочем поселке. 10 п.л. Самотек. 15/II.
18. Корзун. Повесть. 9 п.л. Самотек. 5/II.
19. Дехта. 2 рассказа. 1 п.л. Самотек. 23/I.
21. Доброленский. Рассказ. 2 п.л. Самотек. I5/I.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 135. Отражен период: с 20 января по 15 февраля 1939 г. Написано см. по последней дате или несколько позднее. Общий объем просмотренного – 116,5 печ. листов. Отзывы неизвестны исследователям; могут быть выявлены в Архиве ж. «Октябрь».

[1] Означает, вероятно: сделано вне плана, организующего начала.

[2] Вероятно, это М.Н. Меклер; письмо ей 25 октября 1938 г. см. в части 7 данного издания.

[3] *Шкляр Н.Г.* **– журналист. В соавторстве с А.С. Макаренко сборник «Дети двух эпох».**

[4] Далее слово неразборчиво.

Письмо Т.В. Турчаниновой, 17 февраля 1939 г.

Москва, 17 февраля 39.

Дорогая Татьяна Васильевна!

Здравствуйте!

Давно я Вам не писал, все на «завтра» откладывал, загоняли меня до последнего предела, обедать и спать некогда. И писем приходится писать по несколько десятков в день[1]. Все мои воспитанники, а их около двух тысяч, вспомнили о моем существовании и разразились длинными письмами. Даже с острова Врангеля получил радиограмму[2]. До сих пор не могу отписаться. Хотя этот труд, конечно, доставляет только радость.

Дело с моей поездкой в Донбасс тоже засохло и, кажется, основательно. В начале марта необходимо ехать в Харьков, потом в Ленинград, потом в Свердловск, потом в Иркутск, а куда потом погонят дела, еще я сообразить не могу.

Это очень грустно. Я страшно хотел повидать Вас и познакомиться ближе. Но все-таки надеюсь, что между двумя какими-нибудь поездками смогу сманеврировать и побывать в Сталино.

Очень благодарен Вам за поздравление. Для меня орден имеет большое значение и при этом двойное. Легче становится самочувствие в педагогическом отношении, а то начинало заедать меня какое-то странное одиночество.

В последние 7-8 дней нет от Вас писем. Что это значит, не заболели ли Вы?

Напишите, какие у Вас планы на весну и на лето. Не будете ли Вы в Крыму в мае. Я собираюсь там быть с половины апреля до половины мая.

Сейчас у меня время трудное. Ничего не пишу, кроме писем, а больше разговариваю. В Москве 608 школ, и каждая требует, чтобы я принял маленькое участие в ее жизни. Я понимаю, что из разговоров нечего хорошего быть не может, а все – таки разговариваю.

Правда, к одной школе подошел ближе, устроилось нечто вроде шефства, но хватит ли у коллектива сил вытянуть дело по моим требованиям, не вполне уверен[3].

Пишите больше, я очень благодарен Вам за письма. Будьте счастливы, крепко жму Вашу руку.

А.Макаренко

Опускула макаренкиана, № 15, с. 63.

[1] Знание этой большой переписки значительно обогатило бы представление о педагогике А.С. Макаренко и его биографии, состоянии в последние месяцы жизни.

[2] Об этой радиограмме исследователям неизвестно.

[3] К этому времени, вероятно, относятся попытки А.С. Макаренко продолжить свою педагогическую работу (в московский период). Речь, видимо, идет об одной из школ во Фрунзенском районе г. Москвы.

Речь на юбилее школы №1 Ярославской железной дороги

Дорогие товарищи!

Ваше сегодняшнее торжество волнует меня в нескольких, так сказать, разрезах. Прежде всего, я сам сын железнодорожника, сам окончил железнодорожное училище и сам девять лет работал учителем в железнодорожном училище. У меня поэтому достаточные основания для сравнения. На южных дорогах, а это были самые солидные дороги в старой России – они протянулись от Харькова до Одессы и от Харькова до Севастополя,– тогда было полтора десятка школ и не было среди них ни одной средней и ни одной неполной средней, а учеников было в этих школах всего около двух тысяч человек.

И хотя вместе со мной работало очень много старых и заслуженных учителей, за девять лет моей дружбы я не помню ни одного чествования, ни одного юбилея, вообще ни одного собрания такого радостного, такого торжественного и так эго волнующего.

На вашем сегодняшнем празднике меня волнует еще одно обстоятельство. Я вижу ваши лица, слышу ваши слова, слышу высказывания многих общественных сил, создавших вашу школу. Здесь собрались не только учителя, здесь собралось советское общество. Приятно, что в ваших лицах я не вижу ничего «шкрабьего»[1], я узнаю в вас настоящих, больших деятелей советской школы. И школа ваша прекрасная. Для этого заключения достаточно общего впечатления. Я не сомневаюсь, что ваша школа – одна из лучших московских школ.

Многие сегодня говорили слова благодарности и восхищения по адресу отдельных лиц, и прежде всего по адресу директора т. Рыжковца. Как будто совершенно уместно было подумать: хвалят, ничего не поделаешь, юбилей, всегда уместно

похвалить. Сегодня так подумать нельзя. У меня наметанный глаз, я хорошо вижу т. Рыжковца, я узнаю его по походке и по полету – это настоящий большой мастер своего дела. Я знаю, какое большое дело отдать одной школе двадцать лет. Это значит отдать жизнь. Я знаю, сколько таланта, сколько крупных начинаний, сколько мелочных забот нужно пережить, чтобы создать дружный коллектив – главнейшее условие для настоящей творческой учительской работы.

Среди вас я вижу и моего учителя – Александра Константиновича Волнина[2]. После девяти лет работы в бедной железнодорожной школе я пошел учиться, и я попал в руки Александра Константиновича. Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению. Часто в руках наших нет даже тех масштабов, которыми можно измерить важнейшее явления. Так и мне трудно измерить и трудно вам рассказать, как много сделал для меня и для других Александр Константинович.

Он был директором Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, директор не мог открыто быть большевиком и воспитывать большевистские характеры. Но из его рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что он был всегда настоящим человеком, и он воспитывал в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии он создал самые главные принципы и навыки духа[3].

У него я заимствовал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему[4].

Сегодняшняя встреча с ним для меня чрезвычайно радостна. Я потерял его из виду двадцать два года назад. Я часто о нем вспоминал, и часто мне приходилось спрашивать себя: где Александр Константинович, отдал ли он революции свои замечательные силы? Не зная ничего о нем в течение такого долгого времени, я, естественно, начинал сомневаться.

И вот сегодня я вижу, с какой большой благодарностью, с каким горячим чувством здесь все чествуют Александра Константиновича премируют его, подносят ему подарки и с каким искренним и надежным желанием все ожидают от него и впереди такой же большой и такой же человеческой работы в деле коммунистического воспитания.

У вас сегодня грандиозное торжество. Оно гораздо значительнее, чем вам покажется. Это торжество новой школы, торжество революции, торжество новой культуры[5].

Сейчас, после тезисов доклада товарища Молотова[6], наше учительство стоит перед самой почетной и самой трудной задачей: на него возлагаются надежды всей страны, это мы должны готовить людей для коммунистического общества, это на наших плечах должен подняться новый человек и поднять перед всем миром совершенное коммунистическое общество, - в творчестве новой культуры нам принадлежит самое почетное и самое видное место.

Мы можем гордиться и нашим прошлым и нашим будущим, мы можем радостно продолжать нашу работу.

Поздравляю вас с праздником и желаю вам таких же больших побед впереди.

Да здравствует советский учитель!

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 314 – 315. В школе отмечался ее 20-летний юбилей (при советской власти, с 1919 г.). Железнодорожные общеобразовательные школы занимали в СССР особое место, располагали более благоприятными условиями, при содействии ведомства железнодорожного транспорта.

Это явилось продолжением традиции, существующей в царской России, где железнодорожные рабочие добивались преимуществ в социальной сфере. Высшее начальное железнодорожное училище, инспектором (директором) которого был А.С.

Макаренко в 1917 – 1919 гг., во время Гражданской войны на Украине, - по содержанию образования приближалось к уровню советской 7-летки.

Преимуществом царских общеобразовательных железнодорожных училищ (низшего его начального, 2-классного, 5 лет обучения, с 8-летнего возраста и высшего начального, 4 года обучения, с 11 лет, с начальным образованием) была профессиональная ориентация на железнодорожного рабочего, «связь с рабочим обществом».

Железнодорожные общеобразовательные школы были в СССР в послевоенное время преобразованы в обычные средние школы.

Речь А.С. Макаренко свидетельствует о том, что его дореволюционный жизненный и педагогический опыт имеет в его творчестве значение гораздо большее, чем это представляется по сей день. Это выдающийся пример плодотворного единства преемственности и новаторства в педагогической науке и практике.

[1] От слова «шкрабы», школьные работники, получившие в 1920-х гг. эту уничижительную характеристику.

[2] *Волнин А.К.* **– директор Полтавского учительского института (с 3-летним сроком обучения; председатель его педагогического совета), где А.С. Макаренко учился в 1914 – 1917 гг. С конца 1916 г. директор учительского института в Новосибирске; в 1950-х гг. преподаватель педагогического института в г. Кирове. Заслуженный учитель школы РСФСР.**

См.: Волнин А.К. Антон Семенович Макаренко в Полтавском учительском институте // Учебно-воспитательная работа в детских домах. Бюллетень 2 – 3. – М., 1941, с. 117 – 172.

[3] По этому высказыванию видно, что в деятелях педагогической науки и практики А.С. Макаренко первостепенным считал их духовное развитие, «лучшие человеческие стремления» (не ограничиваясь профессионально-технологическими знаниями и навыками).

[4] Имея в виду преемственную связь социально-педагогических явлений, А.С. Макаренко говорил также, что этический принцип «требования – уважения к человеку» ярко представлен в творчестве А.М. Горького и составляет характерную особенность советского общества.

[5] Эта раза А.С. Макаренко показывает: будучи социальным педагогом-реформатором, он в «единичных» педагогических явлениях всегда видел действие широких социально-экономических и культурных процессов.

[6] В новом 5-летнем плане развития СССР выдвинут тезис о возникшем «решающем значении дела коммунистического воспитания трудящихся», т.е. всех граждан страны, а не только молодежи, молодого поколения, детей. Это для А.С. Макаренко стало убедительным подтверждением основательности и востребованности его педагогического и литературно-художественного творчества. Воспитание обозначалось как назревшая потребность в создании новой культуры общества и нравственности. Человек должен стать одним из главных факторов социально-экономических и культурных преобразований.

Со временем, в 1980-х гг. это получило обозначение: «человеческий фактор». Длительная отстраненность от этой проблемы стала одной из глубинных причин поражения СССР.

В современных промышленных государствах их успешное развитие связывается с человеческим фактором, выступающем в виде «социального капитала» (см.: Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко // Вопросы экономики. – М., 2010, № 8).

О коммунистической этике и новом воспитании

Третий пятилетний план, обнародованный в тезисах доклада тов. В. М. Молотова[1] на XVIII съезде ВКП (б), по форме своей есть, прежде всего, план, хозяйственной деятельности Союза. Положения плана выражены в количествах, нормах производительности, нормах урожайности, в рублях.

Для граждан СССР пятилетний план уже не представляется явлением поразительной новизны. Для нас пятилетка сделалась почти бытовым явлением, необходимым условием нашей деятельности и нашего человеческого самочувствия. Сейчас мы не могли бы чувствовать себя удовлетворительно, если бы не знали, по каким материальным программам развивается наша страна.

Планы первой и второй пятилеток прошли в нашем бытии меньше всего как правительственные предначертания, сообщенные нам для сведения. Во-первых, эти планы были и нашими планами, во-вторых, они были нашей жизнью. Об этом товарищ Сталин[2] сказал:

«Было бы глупо думать, что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана – это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы – это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план»[3].

С пятилетними планами у нас уже привычно связаны не только наши политические (гражданские) стремления и перспективы, но и обыкновенная наша личная жизнь – наши желания, надежды и даже наши лишения и недостатки. Мы помним, что первая пятилетка была временем очень больших напряжений, суровых отказов от многих удовлетворений и организованного терпения. Но мы знали, что тогдашние наши недостатки составляли необходимую деталь величественной логики нашего порыва в будущее, нашей борьбы за новое человечество. И сейчас мы с одинаково благодарной радостью вспоминаем и победы и лишения первой пятилетки. Но мы никогда не были романтиками, аскетами и альтруистами, и поэтому, закончив гигантский подвиг первой пятилетки, мы без кокетства и ложной святости облегченно вздохнули вместе со Сталиным:

«Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее»[4].

Первый и второй пятилетний планы в настоящее время дороги для нас прежде всего тем, что они выполнены и перевыполнены. Для того чтобы увидеть это, не нужно обращаться к цифрам и количествам, не нужно ничего вспоминать, достаточно открыть глаза: нас окружают новые ландшафты, новые предметы, новые представления. На нашей земле выросли большие новые города. Для того чтобы перечислить их имена, нужно не так мало времени; наша земля покрылась прекрасными дорогами, по ним бегают новые изящные автомобили, и на «газик» мы посматриваем уже с некоторым дружеским пренебрежением, хотя и «газик» не старше нашего первого пятилетнего плана. Мы живем на новых улицах, в новых домах, нас обслуживают новые электростанции, по соседству с нами работают новые школы, и отдыхаем мы либо в новом клубе, либо в новом санатории, либо плывем на новом пароходе, по

новой реке, которая хотя и протекает через город Москву, но имеет серьезное право называться Волгой.

У нас так много нового, что не каждый способен этому поверить. Японцы, например, не поверили и полезли на нашу границу, доверяя больше своему старому историческому опыту завоевателей. Эта излишняя недоверчивость стоила им дорого, и роль им пришлось играть иную, их «храбрые дивизии» сыграли роль сырья для винегрета, который приготовили из них дальневосточники при помощи совершенно новых приспособлений: новых аэропланов, танков, пушек и пулеметов.

И человек у нас новый, хотя очень часто он сам этого не замечает вследствие своей новой черты – скромности. У нашего человека появилось несколько свежих особенностей, которые не только отсутствовали у него раньше, но, казалось, неспособны были в нем зародиться. Эти новые черты можно представить в таком крайком перечислении:

А. У него окончательно пропала пресловутая склонность к «обособлению». Сейчас он интересуется всем миром, и интерес у него деловой. Он хорошо знает, что замышляет и как себя ведет сенатор Бора или судья в штате Иллинойс. Он всегда помнит список французских министров и каждому определяет цену и делает все это основательно и точно, обнаруживая недюжинные способности предсказателя. Его мировая ориентировка при этом не вытекает из простой любознательности. В каждой стране у него друзья и товарищи, в каждой стране у него недруги, – он умеет радоваться и печалиться в большом человеческом масштабе, он не отказывается отвечать за дела всего мира, ибо эти дела – его дела.

Б. Еще недавно нищий хлебороб,– он оказался способнейшим техником. Целыми миллионами он стал к сложнейшим станкам и агрегатам, к штурвалам машин, к ретортам и колбам лабораторий. Он не только умеет прекрасно работать на этих местах, но он умеет одушевить металл и внушить ему новые повороты, нормы, функции. Он сделался техником-хозяином, изобретателем, стахановцем, техником-творцом. И это вовсе не потому, что приезжий иностранец его всему этому терпеливо научил, а только потому, что он свободнее приезжего иностранца. И новые поколения нашего народа, родившиеся после революции, доказывают это лучше всего: мальчику от роду семь лет, а в его языке из пяти слов одно техническое: радиатор, зажигание, детектор, капот и лонжерон.

В. Удивительно незаметно у него пропали привычки к рабству как будто этих привычек никогда и не было. Во всяком случае, те, кто на эти привычки рассчитывал, были биты с восхитительной экспрессией. На каждом шагу он показывает таланты хозяина, организатора, руководителя.

Г. Он неожиданно выдвинулся как замечательный читатель. Мы выпускаем столько книг, сколько их не выпустила старая Россия за всю свою историю, а ему все мало. Он расхватывает эти книги в магазине в течение четверти часа и ругается: почему так мало выпускают книг. А прочитает и опять ругается: подавай ему высокохудожественную литературу.

Д. Несмотря на многонациональность и разбросанность на огромной территории, изъясняясь на сотне языков, он удивительно дружно сбился в единый народ, монолитная воля которого - явление почти чудесное, ни в какую эпоху, ни на каком месте история не видела ничего подобного и не могла видеть.

Все это новое уже не план, все это реальнее и шире наших собственных планов, многое из этого нового мы даже и не предвидели. Все это – история, непостижимая быль, живая часть наших биографий, и все это создано нашими усилиями, нашей волей и нашими руками.

По этой причине третий пятилетний план мы встречаем без удивления и без кликов торжества. Мы прочитываем его положения и цифры и говорим:

- Это правильно. Это нужно. Это действительно. А к этому хорошо бы кое-что прибавить. Бумаги маловато, бумаги нужно больше. Электростанции – правиль-

но, без гигантомании. Дальние перевозки давно надоели. Качественная сталь – да! С первой пятилетки страшно нуждаемся. Автосцепка! Наконец-то взялись за эту штуку по-настоящему!

Наш гражданин рассматривает сейчас тезисы пятилетнего плана как опытный плановик с десятилетним стажем, он не ахает, не восторгается идеей, ибо идея пятилетнего плана – идея привычная. Он надевает очки, деловито крякает, придирается и предлагает поправки. С этой стороны третий пятилетний план – замечательные, нормальные советские будни.

Но есть в третьем пятилетнем плане положения, которые останавливают внимание каждого, как новое слово огромного мирового значения. Это слово выходит далеко за границы одного пятилетнего плана, сделавшегося обычной категорией времени и работы. Такие положения пронизывают все содержание доклада товарища Молотова, но их общий смысл концентрируется в такой формуле:

«На основе победоносного выполнения второго пятилетнего плана и достигнутых успехов социализма, СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу *завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму*, когда решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей – строителей коммунизма»[5].

Если внимательно прочитать тезисы доклада товарища В. М. Молотова и временно отрешиться от частных значений цифр и материальных измерителей плана, – остается вполне законченный и логически завершенный цикл политических, нравственных требований к человеку в эпоху перехода человеческого общества к высшей форме общежития, к коммунизму.

Эти требования ни в какой мере не являются собранием умозрительных пожеланий, реализация которых может быть вообще хороша, независимо от какой бы то ни было реальности. Коммунистическое воспитание именно теперь становится неотложной и решающей категорией нашего развития потому, что именно теперь, на стыке второй и третьей пятилеток, мы фактически начинаем переход к коммунизму. В «Государстве и революции» В. И. Ленин говорит так:

«В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели[6] и Черновы[7] говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности «введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» которой никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя»[8].

Доклад товарища В. М. Молотова не предсказывает и не требует «введения» коммунизма, – он констатирует совершенно реальные события: завершение построения социализма и начало постепенного перехода к коммунизму. Еще совсем недавно, на подступах к первой пятилетке, не все думали о том, что через десять лет мы будем в деловых выражениях говорить о коммунизме как о наступающей действительности. Рост нашей страны и организующее влияние новых общественных условий происходили в темпах неожиданно быстрых, хотя товарищ Ленин предвидел эту быстроту:

«Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле ***только*** с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии ***большинства*** населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»[9].

Сейчас мы можем утвердительно сказать: мы уяснили себе, как «бесконечно лживо обычное буржуазное представление», и мы хорошо знаем это «настоящее движение вперед», знаем потому, что совершилось и продолжает совершаться на наших глазах и при нашем участии.

Тем не менее, доклад товарища В.М. Молотова замечательно своевременно предупреждает:

«Нельзя, однако, преуменьшать трудностей решения этой гигантской задачи».

Эти слова каждый партийный и каждый непартийный большевик должны запомнить не для того, конечно, чтобы панически удариться в противоположную сторону, преувеличивать трудности, но исключительно для того, чтобы наше участие в строительстве коммунизма совершалось с полной мобилизацией духовных и физических сил, без расчета на самотек и удачу, с великой нравственной ответственностью, не допускающей ни трусости, ни безрассудного удальства.

Преуменьшать трудности перехода к коммунизму нельзя еще и потому, что дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей приобретает сейчас решающее значение.

В этом указании товарища В.М. Молотова заключается программа совершенствования человека на много лет вперед. Но и сейчас, когда сказаны только эти слова, мы уже способны бороться за коммунизм и, прежде всего, способны постигнуть трудности этой борьбы.

Первая трудность, которую нам предстоит преодолеть, это раскрыть содержание понятия «коммунистическое воспитание», открывающее пути к действию и к опытному контролю.

«Социализм есть учет». И вот в этой области, в области человеческого поведения, наш учет налажен несовершенно. У нас нет еще необходимой точности в определении двух важных вещей: какие признаки нужно считать признаками коммунистического поведения и как распознавать эти признаки в общей картине поведения человека.

Поэтому иногда мы принимаем за коммунистическое поведение такое, которое подкупает нас некоторыми особенностями, условно принимаемыми как особенности «коммунистические».

Наиболее частый случай такой условной «коммунистичности» - это поведение в слове, в речи, в высказывании. Давно известно изречение буржуазной дипломатии, что слова даны человеку для того, чтобы скрывать истину. В последние годы мы имели случай убедиться в том, что некоторые люди, которые особенно многословно декларировали свою революционность, оказывались тайными врагами революции. Словесное прикрытие, казалось бы, есть настолько общеизвестная и старомодная манера маскировки, что мы должны были бы особенно подозрительно относиться к таким речистым субъектам.

Однако известно и другое: словесная маскировка всегда, во все времена была чрезвычайно коварным и верным средством обмана, всегда позволяла всяким подлецам прикидываться с наибольшей для себя выгодой.

Что же делать? Если само распознавание поведения представляет такую трудную задачу, то как мы можем браться за организацию коммунистического поведения, за коммунистическое воспитание? Позволяя себе употребить сравнение, спросим самих себя: как мы можем браться за производство стаканов, если мы не умеем отличить стакан от рюмки, бутылки, графина, колбы?

Вопрос этот имеет значение, которое трудно переоценить. И если он так тревожно звучит в своем простейшем оформлении, то он становится еще тревожнее, если мы пересмотрим всю массу окружающих его более детальных вопросов.

Например, если слово является таким могучим средством не только для выражения истины, но и для прикрытия лжи, не подстерегает ли нас в таком случае опасность противоположная – излишняя боязнь слова, недоверчивость к словесному выражению, уклон в сторону предпочтения бессловесности по пословице: «слово – серебро, а молчание – золото»? Это была бы очень большая опасность, ибо в слове выражается человеческая мысль.

Необходимо вспомнить и еще одну важную «деталь» вопроса: о поведении человека можно судить только по внешним его действиям,– «чужая душа – потемки», но внешние действия тоже являются в известной степени условным обозначением истинной сущности данного человека.

Не значит ли это, что мы обречены в своей воспитательной работе иметь дело исключительно с символами, иначе говоря, что мы будем воспитывать не коммунистическую личность, а коммунистическую декорацию личности?

С первого взгляда эти вопросы могут показаться излишним мудрствованием, ненужным усложнением простого вопроса. Но история доказывает, что именно в таком плане рушились огромные воспитательные программы прошлого.

Вспомним русские духовные семинарии, учреждения, казалось бы, в совершенстве приспособленные к своим воспитательным целям. Они принадлежали всегда закрытой касте, руководились обязательно самыми преданными ее представителями, организованы и оборудованы были прекрасно, но очень часто выпускали богоборцев и революционеров, а в самую касту попов выпускали беспринципных циников, стяжателей и комедиантов, в значительной мере способствовавших падению религиозности в народе.

Таков же, в среднем, был и результат иезуитского воспитания, одной из самых сильных педагогических школ прошлого[10]. Конечно, приведенные примеры касаются идеологий, ложных в самой своей сущности, – чем ближе становились к такой идеологии воспитанники, тем яснее видели ее истинную сущность. Но нас интересует другая сторона вопроса.

Нас интересуют те люди, которые долгие годы были организаторами такого воспитания и не замечали, что оно приводит к противоположным результатам. В таком же печальном положении находились и многие другие педагогические начинания. В частности, монархическое воспитание в царской России, проводимое на протяжении целого столетия в гимназиях и реальных училищах, точно так же приводило к результатам ничтожным, и организаторы не замечали, что они воспитывали систему условных обозначений, а вовсе не саму сущность личности.

Мы стоим перед вопросами коммунистического воспитания и не имеем права забывать об этой условности воспитательных процессов и их результатов.

Сможет ли воспитание совершенно уничтожить эту условность, символичность внешних признаков поведения по отношению к истинному характеру человека, - покажет опыт.

Но наше положение коренным образом изменяется, благодаря тому важнейшему обстоятельству, что наша классовая идеология (идеология бесклассового общества) и наша педагогическая идеология составляют одно целое, и при этом одно истинное целое, вполне соответствующее интересам народных масс и отдельной личности. Сохраняющаяся условность внешних признаков поведения как элемент, усложняющий наши задачи, тем не менее должна всегда быть в центре нашего внимания, ибо в этом самом месте и совершается приложение вражеских сил.

Все предыдущие изложение имело целью обратить внимание именно на это серьезное обстоятельство. В тезисах доклада В.М. Молотова слова о том, что нельзя преуменьшать трудности задачи, заканчиваются указанием:

«Особенно в условиях враждебного капиталистического окружения».

Тот опасный стык, где оканчивается содержание реальной сущности личности и начинается внешняя форма ее проявлений, символизация поведения, всегда будет привлекать внимание наших врагов, будет привлекать внимание в гораздо большей степени, чем сейчас.

Мы живем в том периоде, когда только что прошла волна самого ожесточенного нажима врага на нашу жизнь. Этот нажим совершался в форме диверсионных и заговорщицких подготовок на наиболее важных участках нашего фронта: в армии,

управлении, в промышленности, в национальном секторе. На этих участках враги везде разгромлены, а мы научились распознавать их и бороться с ними.

Возможность проникновения их в эти области в настоящее время значительно уменьшилась, и нет никакого сомнения в том, что они перенесут главные свои усилия в те отделы нашей жизни, где их вредоносное влияние труднее обнаружить, - именно в область широкого народного воспитания. А теперь, когда коммунистическое воспитание становится «решающим условием» наших будущих побед, не может быть сомнения в том, что на этом участке мы с врагами еще будем встречаться.

Эффективность враждебного вмешательства в области народного воспитания может быть очень большой, и здесь ее труднее обнаружить. Вредительство на заводе или в шахте рано или поздно обнаруживается в явлениях материального характера, которые можно всегда точно назвать и квалифицировать. Вредительство в области воспитания может быть скрыто надолго, так как результаты воспитания проявляются очень медленно и всегда в более или менее спорных формах, и, кроме того, мы еще не обладаем точными измерителями качества поведения. А указанная выше общая символичность внешних признаков поведения способна еще более облегчить внедрение чуждых влияний в этой области.

Этому же процессу может способствовать еще одно обстоятельство. Для диверсионного вмешательства в область промышленности требуется обязательно наличие сознательного преступного намерения, требуется, следовательно, формальная вербовка пособников и исполнителей.

В области же воспитания достаточно, может быть, и мобилизации тех сил, которые суммарно называются у нас «пережитками капитализма».

Использование этих пережитков может происходить почти незаметно и безнаказанно, в виде простого пассивного потворствования, без договора, без «вовлечения», без заговорщицких приспособлений, и это можно делать тем легче, чем этих пережитков больше.

Поэтому не меньше, чем ко всякому иному делу, к делу воспитания относятся предупредительные слова тезисов доклада товарища В. М. Молотова: «поднять большевистскую бдительность во всей работе по строительству коммунизма и всегда помнить указание партии о том, что пока существует внешнее капиталистическое окружение, разведки иностранных государств будут засылать к нам вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, чтобы портить, пакостить и ослаблять нашу страну, чтобы мешать росту коммунизма в СССР».

Несомненным представляется, что в порядке предупреждения каких бы то ни было неудач в области коммунистического воспитания, во всяком случае для более совершенного и качественно яркого успеха широкой воспитательной работы, перед нами стоят две важнейшие задачи.

Первая – огромная, творческая марксистская работа по определению и разрешению всех вопросов теории коммунистического воспитания и коммунистического поведения. Само собой разумеется, что одно перечисление признаков правильного поведения не решает дела.

Для нашего общества настоятельно необходима не простая номенклатура нравственных норм, а стройная и практически реализуемая цельная нравственная система, выраженная, с одной стороны, в серьезнейших философских разработках и, с другой стороны, в системе общественных этических традиций.

По своей цельности, ясности, убедительности и привлекательности для широких масс, по своему соответствию живым потребностям нашей жизни и нашего развития такая система этики должна оставить далеко за собой решительно все моральные кодексы, когда-либо существовавшие в истории. И эта идейная цельность, и чистота коммунистической этики облегчат и ускорят нашу победу над пережитками капитализма.

Вторая важнейшая задача именно и состоит в разрушении этих пережитков. В этой области, в области борьбы с пережитками, у нас сделано очень много. То, что сделано, должно быть отнесено к влиянию сил нашей жизни, коммунистической партии, к самому факту нашей революции, к нашей двадцатиоднолетней свободной истории, к опыту наших коллективных усилий и наших коллективных побед. К сожалению, этот богатый и ценный опыт недостаточно проанализирован философской и педагогической мыслью.

Специально над вопросами борьбы с пережитками прошлого мы работали очень мало, еще меньше занимались узнаванием и определением этих пережитков, мало занимались их учетом. До сих пор мы пробавляемся слишком общими утверждениями, имеющими характер домашних справок на тот или иной случай жизни. И у нас есть тенденция: все, что плохо, все, что портит наши отношения, работу, нервы, искажает наш быт, причиняет страдания, - все это огулом считать пережитками капитализма и на этом заканчивать нашу аналитическую работу.

На самом деле, разумеется, дело обстоит не так легко и не так просто. Некоторые недостатки нашего быта и наших характеров порождены по нашей вине, по вине неразработанности новой этической системы и недостаточного изучения новых нравственных традиций. Многое происходит вследствие причин совершенно здоровых: нашего бурного роста, нашей исторической молодости. Кое-что объясняется еще тем прекрасным пафосом, которого так много в нашей жизни: именно здесь лежит объяснение несколько излишней нашей темпераментности, горячности, увлекаемости, поспешности, задора, иногда удальства, проявляемых во всех тех случаях, когда человеку поразмыслить некогда, а хочется докончить начатое, невзирая на то, что это начатое знаменует некоторую неряшливость ориентировки. Все это недостатки, иногда очень досадные, иногда даже печальные, но в общем своем движении они направляются к нулю и рано или поздно исчезнут.

Совсем другое дело действительные пережитки капитализма и вообще пережитки прошлого. Они еще многочисленны и часто разлиты в обществе предательски незаметно, неощутимо для глаза, таятся в глубоко скрытых мотивациях поступков, намерений, желаний.

Иногда они проявляют себя в открытых движениях, явно дисгармонирующих с общим стилем нашей жизни, а часто, наоборот, они хорошо спрятаны в мимикрии[11] советского поведения и даже «марксистской» фразеологии. Пережитки эти никогда не объединяются в явления, сколько-нибудь значительные или бросающиеся в глаза, потому что живые «бациллоносители» – обыкновенные люди, искренне советские и даже не знающие, какого врага они в себе носят.

Поэтому бороться с такими пережитками с каждым в одиночку, в каждом случае заново, просто бывает невозможно и неэкономно. Наша жизнь протекает так энергично, у нас столько забот, впечатлений, стремлений, починов, что часто нельзя обвинить того или другого товарища в том, что он не протестует против происходящего на его глазах мелкого припадка старого. Кроме того, такая одиночная борьба, попытка слабого протеста может принести не пользу, а вред, она усиливает сопротивление, вызывает агрессивное нарастание пережитка.

Еще раз приходится отметить, что пути борьбы с подобными пережитками в быту, в общении часто остаются неясными. Мы не знаем, что применить в том или другом случае: решительное подавление, протест, деликатное убеждение или молчаливую игру игнорирования в надежде на наступающее естественное отмирание пережитка, тем более возможное, чем более сильное воздействие на «бациллоносителя» оказывает вся наша жизнь.

Вероятно, в каждом отдельном случае требуется и отдельное решение этого вопроса, но можно все же утверждать, что настоящая борьба с этими пережитками должна вестись организованно по всему их фронту, с учетом одного важнейшего обстоятельства: все эти остатки старого вовсе не случайный набор вредных атавиз-

мов[12]. Они образуют систему, в общей своей сложности представляют остаток доживающей, но живучей старой этики. Отдельные детали этой системы не просто соседят, они логически связаны, они поддерживают друг друга, и вредное значение всей системы гораздо больше, чем простой математической суммы отдельных пережитков.

Эта старая этическая система, еще до сих пор направляющая довольно широкие потоки поступков, выросла на религиозном почве. Сюда я отношу не только этику православного или католика, а и еврея и магометанина, – всю накопленную историей этическую жизнь классового общества. Это самая страшная груда пережитков, потому что это и есть мораль классового общества.

Может казаться, что от этой старой нормы у нас ничего не осталось. На самом же деле остался моральный опыт, вековая традиция поведения. Все это продолжает жить в нашем обществе в качестве сложного и скрытого пережитка, истинная сущность которого не всегда очевидна и иногда кажется даже революционной.

Говоря о системе религиозной морали, нужно разуметь не только официально высказанные ею положения, но и все те исторические формы, которые естественно из этих положений выросли. Поэтому нас совершенно не интересует какая-нибудь ортодоксальная догматика. Для нас одинаково важно и то, что религии формально считают положительным, и то, что относится, так сказать, к искривлениям – к сектантству. Искривления эти есть плоть от плоти всей этической системы, они заложены в самой ее сущности. Для нас важен весь мир этого морального опыта, вся его фактическая инструментовка.

Если обратиться к христианству, то и здесь правила поведения выросли в развитии общества, основанного на эксплуатации, и были, прежде всего, необходимы для более успешного процесса эксплуатации. Именно поэтому христианская мораль внедрялась в сознание трудящихся, в этом сознании она создавала нормы поведения, а самое главное, – в историческом опыте она создавала традиции поведения. Нужно при этом отметить, что эта система этики сделана искусно. Если бы она была построена так же грубо, как мифология или догматика, нам сейчас пришлось бы наблюдать гораздо меньше пережитков.

Христианская религия существует около двух тысяч лат, и за это время не так уж много было людей, которые серьезно могли верить в троичность божества или в непорочное зачатие или в грехопадение прародителей. А если даже и пытались верить, то едва ли сомневались в настоящей сущности служителей культа в условиях эксплуататорского строя. И в литературе и в народном творчестве нет, кажется, ни одного образа, изображающего церковников в виде, вполне адекватном их официальной святости.

В историческом развитии эксплуататорского общества церковная иерархия складывалась как аппарат принуждения и классового порабощения. Недаром в эпоху пугачевского восстания, происходившего как будто в довольно религиозное время, народ расправлялся с попами так же, как с помещиками. В этой своей части все религиозные культы сделаны грубо.

Совсем иную историю переживают этические религиозные системы, в частности, христианская. Нет никакого сомнения в том, что эта система родилась гораздо раньше официальной церкви, родилась при этом безусловно в среде подавленных и порабощенных классов, в эпоху плачевного отчаяния. Это была попытка утвердить хотя бы самые малые признаки своего человеческого достоинства.

Потеряв всякие надежды на какой бы то ни было суррогат свободной жизни, люди решились на самоубийственную попытку найти эту свободу в пессимистическом индивидуализме, в полном отказе от борьбы, от сопротивления. Нравственное «совершенство», заключающееся в отказе от счастья, в беспредельной, противоестественной уступчивости, в добровольной отдаче себя в распоряжение первого попав-

шегося ближнего, было все-таки утверждением личной «моей» силы, - пусть даже эта сила только и проявляется в насилии над собственными страстями.

Эта основная идея обладала чрезвычайно важными особенностями, «счастливо» определившими ее двухтысячелетний успех и живучесть.

Если говорить о классовом лице такой этической системы, то нужно признать ее удивительную универсальность: этический максимализм, заключающийся в максимуме покорности и непротивления порабощенных – плоть от плоти эксплуататорского общества, ничем лучшим заменен быть не мог. Такая этика оказалась очень живучей как привычка, как система нравственных традиций, как закрепленная опытом нравственная логика. И ей обеспечено было длительное существование вплоть… до пролетарской революции, положившей конец классовому обществу?[13]

Несмотря на свое смирение, подчеркиваемое на каждом шагу, - старая мораль насквозь индивидуалистична. «Праведнику» нет никакого дела до коллектива, общества, до ближнего. Если его ударить в правую щеку, он подставляет левую, беспокоясь в этом случае только о своем совершенстве, о своей заслуге. Его абсолютно не интересует тот изувер, который колотит по щекам своих «ближних». С таким же усердием «праведник» готов разводить клеветников, ибо прямо рекомендуется: если вас преследуют, «ижденут и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще»[14], - вы не только не должны огорчаться или жаловаться, или беспокоиться, напротив, вы должны «радоваться и веселиться», так как ваша личная «премия» - «мзда» от такого несчастья значительно повышается, - «много на небеси».

Разумеется, на практике не много находилось охотников совершать подобные подвиги, и дело совсем не в этом. Существенным здесь является полное безразличие отдельной личности к интересам общества, решение морального вопроса в пределах узкого индивидуального устремления. Этическая норма находится, следовательно, в полном и безраздельном владении личности. Эта личность привыкла не всегда подставлять щеку, правую или левую, но она крепко утвердилась в своем праве на личное совершенствование, а отсюда уже пошли многие тенденции индивидуализма.

Они еще живут даже в нашем обществе. Иногда это тенденции личного чванства, одинокой слепой, гордости своим «совершенством» без всякой мысли об общественной пользе, иногда это личное кокетство, эстетический припадок нравственного эгоиста, для которого собственная слеза дороже общей радости.

Ревнивая, пропитанная личной нравственной жадностью и самолюбованием, этика индивидуалиста на каждом шагу отталкивает человека от общественных явлений. «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким и вас будут судить». Это значит – не обращайте внимания на все то, что вокруг вас происходит, не ввязывайтесь в неприятности, руководствуйтесь правилом: «моя хата с краю».

Полная непротивления по отношению к другим такая этическая норма не так много требует и от самого субъекта совершенствования. Все совершенствование заключается в пассивности, поэтому одним из главных отличий этики сделалось универсальное положение: ничего ни при каком случае не нужно требовать ни от других, ни от себя. «Грех» – поступок неправильный, противоречащий даже прямым нормам этики,– не такое страшное дело, всегда можно покаяться, пережить новый припадок унижения, и после этого можно жить спокойно и даже рассчитывать на царствие небесное.

Нельзя подсчитать, невозможно охватить взглядом этот двухтысячелетний нравственный опыт человечества, основанный на прямом утверждении: тяни как-нибудь свою лямку, думай только о себе, не связывайся с неприятностями, не требуй ничего ни от других, ни от себя, а нагрешишь, – всегда успеешь покаяться.

Подобная нравственная система была необходима для того, чтобы классовое подавление, всеобщая и ничем не сдерживаемая эксплуатация могли существовать с «чистой совестью» и с наибольшими успехами.

Коммунистическое поведение, коммунистическая нравственность, коммунистическое воспитание должны иметь иные линии развития, совершенно новые нормы и новую терминологию. Линия раздела между «хорошим» и «дурным» должна проходить у нас по абсолютно новым местам.

Христианская этика не интересовалась вопросами труда и трудовой честности. «Посмотрите на птиц небесных, они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а живут». У нас труд есть дело чести, дело доблести, геройства. В нашем обществе труд является не только экономической категорией, но и категорией нравственной. То, что считалось нормальным, - нищенство, попрошайничество, беззаботность, у нас должно считаться прямым преступлением.

Логической осью нашего нравственного закона ни в какой мере не может быть обособленный индивид, безразлично относящийся к общественным явлениям. Наш поступок должен измеряться только интересами коллектива и коллективиста. Поэтому даже одноименные добродетели, которые как будто признавали прежде и признаем мы, в сущности, совершенно различные явления. Честность «праведника» и честность коммунистическая принципиально разные вещи.

Честность всегда начиналась со слов «не хочу» - не хочу чужого, не хочу лишнего, не хочу неправильного.

Наша честность всегда должна быть активным требованием к себе и к другим: хочу и требую от себя и от других полного внимания к общим интересам, полного рабочего времени, полной способности отвечать за свое дело, полного развития сил, полного знания, хочу и требую наиболее совершенных, наиболее правильных действий.

Очень многие категории поступков, в старой этике стоявшие вне пределов моральной нормы, у нас делаются моральными категориями. Все то, что усиливает или ослабляет связь между людьми, что, следовательно, объединяет или разрушает коллектив, в нашем обществе не может считаться безразличным по отношению к нравственной норме. В коммунистическом обществе, например, точность, способность приходить во время, выражаться определенно, требовать ясно и ясно отвечать будет обязательно проверяться с этической точки зрения, а не только с точки зрения деловой.

Да уже и сейчас в тезисах доклада товарища В. М. Молотова деловая точка зрения начинает звучать как нравственная категория:

«XVIII съезд ВКП (б) требует от всех партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций: а) живой оперативности и деловитости хозяйственного руководства...»

В старом мире деловитость была преимуществом отдельных людей, в меру этого преимущества они поднимались по общественной лестнице, приобретая более совершенные способности эксплуататоров. Поэтому воспитание деловитости было воспитанием личной индивидуальной силы, которой противополагалось обязательно известное бессилие в этой области большинства людей. Деловитость становилась преимуществом меньшинства над большинством. С нашей точки зрения, следовательно, такого рода деловитость была явлением в известной мере безнравственным.

В нашем обществе деловитость становится достоинством, которое должно быть у всех граждан, она делается критерием правильного поведения вообще, – деловитость становится, таким образом, явлением нравственного порядка.

Мы не имеем возможности в этой статье сделать просмотр всех направлений человеческого поступка в нашем обществе, для этого требуется, конечно, длительное и специальное исследование. Но мы уже видим, что сами критерии нравственного и безнравственного, правильного и неправильного у нас новые. И коммунистическое воспитание наше отличается от «нравственного» воспитания старого мира не только в перечне нравственных норм, но и в характере самого воспитательного процесса.

Так, например, можно указать уже с достаточной уверенностью, что нравственное воспитание коммунистического человека, прежде всего, базируется на воспитании его способностей, на развитии его сил, его созидательного творческого актива.

Личность в нашем обществе совсем не то, что личность в обществе классовом. Те способности, которые в классовом обществе выращивались по секрету для вящего преимущества одного человека перед другим, которые поэтому не делались объектом научного изучения и исследования, у нас должны сделаться предметом самого широкого педагогического внимания. К таким способностям относятся, например, способности ориентировки, композиции, конструкции, вкуса и многие другие.

Только такой человек, человек, воспитанный в коллективистической этике, человек, гармонично связавший свои интересы с интересами общими, способен очень просто и очень легко понять значение знаменитой формулы: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Индивидуалист никогда этой формулы понять бы не мог. Для него потребности каждого определяются жадностью каждого.

И вместе с ним кое-кто разводит еще руками и удивляется: как же это возможно. Если каждому дать по потребности, каждый и набросится на общественное добро. К счастью, это не так. Уже в настоящее время в нашей стране очень много людей, которые способны жить по этой формуле и ничего не будут расхватывать и тащить в свои дома. Они уже понимают, что нельзя определить мои потребности, если не думать о потребностях всего общества.

Доклад товарища В. М. Молотова указывает много путей коммунистического воспитания: повышение культуры, поднятие уровня советского гражданина до уровня технической интеллигенции, стахановское движение, дисциплина.

Мы уже многое сделали в области коммунистического воспитания, в особенности много сделали в широком воспитательном процессе, гораздо меньше в воспитательном процессе детского возраста.

Перед нами стоят большие трудности. Требуется еще теоретический анализ вопросов коммунистического воспитания, требуется еще создать кадры для этого колоссального дела, но фундамент его уже заложен.

Самое важное, что нам предстоит, это накопление традиций коммунистического поведения. Мы иногда злоупотребляем словом «сознательный». Наше поведение должно быть сознательным поведением человека бесклассового общества, но это вовсе не значит, что в вопросах поведения мы всегда должны апеллировать к сознанию. Это было бы слишком убыточной нагрузкой на сознание.

Настоящая широкая этическая норма становится действительной только тогда, когда ее «сознательный» период переходит в период общего опыта, традиции, привычки, когда эта норма начинает действовать быстро и точно, поддержанная сложившимся общественным мнением и общественным вкусом. В. И. Ленин говорил об этом в «Государстве и революции»:

«... уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием..., что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой»[15].

А.С. Макаренко. О воспитании молодежи. Сб. избр. пед. Произведений. 2-е изд. / Под общ. ред. Г.С. Макаренко. Вступ. ст. В.Е. Гмурмана. – М., Трудрезервиздат, 1951, с. 98 – 112. (1-е изд.: Сост. К.М. Лейченкова, М., 1951).

В 8-томнике Пед. соч. А.С. Макаренко, т. 4, с. 281 – 287 материал напечатан по 7-томному изданию: 2-е изд., т. 5, М., 1958, с. 427 – 436, где изъята первая половина статьи, по политическим соображениям (снят текст, относящийся к В.М. Молотову).

Текст автором не озаглавлен. Наименование здесь дается по первой публикации, с добавлением, в наиболее полном соответствии с содержанием материала. Без даты. По содержанию относится: от 30 января 1939 г. и далее.

Это статья А.С. Макаренко хорошо продуманная, вполне законченная. Для какого журнала предназначалась, неизвестно. При его жизни не опубликована. Может быть обнаружена в архиве редакции какого-либо журнала (возможно, ж. «Октябрь»).

А.С. Макаренко здесь показывает зависимость педагогики от развития связанных с ней отраслей социально-гуманитарного знания. Он дает убедительный пример обратного влияния развивающейся педагогики на этику как отрасль философии. Примечательно, что в зарубежных вузах кафедра педагогики обычно располагается на философском факультете.

Быстрота, с какой А.С. Макаренко отреагировал на фундаментальный документ о развитии страны, а также глубина и конкретность в макаренковском обозначении серьезных трудностей ее дальнейшего социально-гуманитарного развития, вместе с четким определением теоретических установок и практических путей этого развития в педагогическом направлении – свидетельствуют о методологических основах макаренковского творчества, действующих в течение всей его жизни при советской власти.

Еще в августе 1922 г. А.С. Макаренко ясно сформулировал свое отношение к социализму, обратил внимание на особые трудности, без преодоления которых «невозможен совершенный социализм» (см. часть 1 данного издания, с. 40). Уже в начале 1920-х гг. он вышел далеко за пределы «детской педагогики» и « педагогики школы», стал действовать как социальный педагог-реформатор.

В тезисах В.М. Молотова по 3-му 5-летнему плану он увидел социально-педагогическую задачу, «выходящую далеко за границы» этого периода, факт «мирового значения».

В публикуемой статье А.С. Макаренко оперирует понятиями: «*широкое народное воспитание*», «*воспитание трудящихся*». **Лишь в конце текста он упоминает о воспитании, относящемся к «детскому возрасту», и отмечает, что в этом направлении сделано еще очень мало.**

Исходя из основополагающего тезиса о единстве общественной жизни и воспитания, о неразрывной связи воспитания с политикой и идеологией, с развитием народного хозяйства, техники и культуры, - А.С. Макаренко показывает, что таким образом в СССР человеческая личность уже обрела ряд принципиально новых черт (четыре качества). Они как бы не входили в социальное планирование и даже как следует не осознаются, но являются огромным общественным и гуманитарным, культурным достижением.

Это воспитание, «в формах широкого общественного воздействия» необходимо дополнить «воспитанием в специально организованных формах» (часть 6 данного издания, с. 241), опираясь на развитие педагогики как науки о воспитании. Она должна иметь надежную теоретическую базу, вырабатывать действен-

ные педагогические средства, способствовать достижению «высших форм человеческого общежития».

В этом плане А.С. Макаренко обращается к главным трудностям и «опасностям» в деле воспитания. Они заключаются в исторически сложившейся некоторой «условности» воспитательного процесса, в возможности расхождения предполагаемого и реального, когда существует видимость воспитания, формируется «декорация» личности, а не ее «сущность». Такое предостережение не было воспринято советской педагогикой.

Макаренковская трактовка специфики воспитания (в отличии от обучения) побуждает к специальной педагогической работе в сфере человеческого поведения, реальных практических действий, поступков и их мотивации. Должна решаться проблема соотношения внешних и внутренних предпосылок воспитания, не допуская ни отождествления «сознательности» с чисто «словесными выражениями», ни утраты веры в великую силу слова. Развитие этических традиций – показатель прочных успехов в воспитании.

Коммунистическая этика не «вводит» общественный идеал, она отражает «наступающую действительность», духовно-нравственный прогресс человека и общества. Это коллективистская этика развития способностей и потребностей личности, ее «созидательного творческого актива». Выдвигаемые этикой новые моральные понятия, критерии и нормы нравственности, формы ее действия – базовые элементы науки о воспитании.

Новая этика утверждается в борьбе с укоренившейся индивидуалистической этикой, традициями произвола, лицемерия, чванства небольшой части общества и слепого повиновения, пассивности и безысходности большинства людей.

[1] *Молотов В.М.* **– Председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) СССР в 1930 – 1941 гг.**

[2] *Сталин И.В.* **– один из руководящих деятелей Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, международного коммунистического и рабочего движения.**

[3] **Цитируется: Сталин И.В. Речь на совещании хозяйственников, 23 июня 1931 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, - М., 1939, с. 349.**

[4] **Цит.: Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев, 17 ноября 1935 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, - М., 1939, с. 499.**

[5] **Здесь и далее цит. Тезисы В.М. Молотова «...Пятилетний план народного хозяйства СССР (к докладу на XVIII съезде ВКП (б)», 1939 г.).**

[6] *Церетели И.Г.* **– политический деятель, один из лидеров меньшевизма.**

[7] *Чернов В.М.* **– политический деятель, один из организаторов партии эсеров.**

[8] **Цит.: Ленин В.И. Государство и революция // Соч., т. XXV, с. 441 – 442.**

[9] **Там же, с. 443.**

[10] **Иезуитское воспитание: система, разработанная педагогами католического ордена иезуитов, подчиненная задачам**

Контрреформации. Формирование индивидуальности здесь сочетается со строгой регламентацией поведения. Интенсивное духовно-нравственное воспитание включает элементы светской культуры и образованности.

[11] В переносном смысле – маскировка, подделка под что-то в целях сокрытия истинных замыслов.

[12] В смысле: продолжающееся существование уже ненужных признаков, свойственных далеким предкам.

[13] Говорится о советском обществе, где нет антагонистических классов.

[14] «Гонят вас и клевещут на вас» (церк. – слав. яз.)

[15] Цит.: Ленин В.И. Государство и революция // Соч., т. XXV, с. 446. Мысль А.С. Макаренко о накоплении традиций коммунистического поведения (см. выше) совпадает с ленинским положением: достигнутым надо считать «только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 390). Макаренковские выписки из произведений В.И. Ленина, содержащие эту цитату, см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 99.

Дополнение. **Высказывание Г.С. Макаренко: «Консультант дал такую оценку теории А.С. Макаренко:** *«Самая близкая к коммунизму теория, но велика опасность корпоративности»* **(Гмурман В.Е. Из бесед о нем... // Народное образование, 1963, №2, с. 99). Не ясно: что это был за «консультант» и на основе какого источника он судил о «теории» Макаренко. Возможно, на основе статьи «О коммунистической этике» или подобного ему материала.**

Есть основания полагать, что А.С. Макаренко с такими разработками обращался в «высшие инстанции», включая Правительство страны. Публикация «Тезисов» В.М. Молотова предполагала их общественное обсуждение. Обнаружение связанных с этим сведений, макаренковских материалов станет важным фактом истории становления и развития взглядов А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора.

Возможно, однако, что эпизод с «консультантом» относится к периоду после жизни А.С. Макаренко, к 1940-м гг., когда определялось общее отношение к его наследию.

«Корпоративность» **- видимо, в смысле: некоторая обособленность от общего общественно-политического движения, опасное «забегание вперед», что может определяться как «левый уклон».**

Дети в стране социализма

Я работал учителем начальной школы до революции и продолжаю работать с детьми по сей день. Великие перемены произошли за последние двадцать лет в жизни народа, населяющего территорию бывшей Российской империи. Когда начинаешь, в частности, изучать положение детей, то, естественно, возникает желание сравнить цифровые показатели прошлого и настоящего. Но разница между старым и новым так велика, что рассудок теряет способность постигать эти статистические сравнения.

Если, например, мы скажем, что количество средних школ в сельских местностях за последние двадцать лет возросло на 19 000 процентов – девятнадцать тысяч!, – то такое статистическое сравнение превосходит возможности нашей фантазии.

Всему миру известно, что царский режим создавал каторгу для маленьких детей. Если в культурном отношении наша страна тогда отставала от других стран, то в отношении детской смертности она не имела себе равных. Причинами этой большой смертности были низкий жизненный уровень подавляющего большинства населения, жестокая эксплуатация рабочих в городах, страшная бедность крестьян в сельских местностях и использование малолетних на непосильной для них работе.

Положение резко изменилось в настоящее время. По сравнению с 1913 г.[1] национальный доход Советского Союза возрос в пять раз. В результате ликвидации эксплуататорских классов весь национальный доход стал достоянием народа, уровень жизни которого повышается из года в год. Несмотря на огромный рост промышленного производства и большой спрос на рабочую силу, советский закон запрещает использование труда детей моложе 14 лет. В шахтах и на других вредных для здоровья производствах он запрещает также труд подростков моложе 17 лет. Дети в возрасте от 14 до 16 лет допускаются к работе только с разрешения инспектора труда. Они работают четыре часа в день под руководством опытных инструкторов. Вот почему вы никогда не увидите советского подростка, даже в малейшей степени страдающего от усталости. Вы никогда не увидите детей, заморенных непосильным трудом.

Это, конечно, не значит, что в Советском Союзе дети воспитываются безответственными людьми и лодырями. Наоборот, мы предъявляем большие требования нашим детям: мы требуем, чтобы они хорошо учились в школе, мы требуем, чтобы они развивались физически, чтобы они вырастали достойными гражданами СССР, чтобы они знали, что происходит в стране, к чему стремится наше общество, в каких областях жизни преуспевает, а в каких еще отстает. Мы даем детям общее и политическое развитие, помогаем им стать активными и сознательно дисциплинированными людьми. Но у нас нет ни малейшей причины применять к ним физическое наказание или причинять им малейшее страдание. Наши дети, чувствуя, какой любовью, вниманием и заботой мы окружаем их на каждом шагу, осознают свои обязанности и, морально убежденные, выполняют эти обязанности, не томясь, а охотно.

Наши дети видят: все, что они делают, необходимо не для удовольствия старших, а для них самих и для всей будущности нашей Родины. Советским детям чуждо всякое чувство лести и угодливости. Им не приходится унижаться перед начальством, от которого зависит их судьба.

В нашей стране чувство зависимости от другого лица, от хозяина, нанимателя, мастера, чуждо не только детям, но и взрослым – оно у нас давно забыто, отошло в прошлое. Наши дети лучше, чем кто-либо другой, чувствуют свежесть воздуха своего социалистического Отечества. Вот почему они могут свободно учиться, развиваться и готовиться к будущему. Вот почему они уверены в своем будущем, любят свою Родину и стремятся стать достойными гражданами, патриотами СССР.

На примере своих родителей и всех окружающих они видят, что перед ними открыто любое поприще, все пути, что успех целиком зависит от их прилежания и честного усердия в школьных занятиях.

Перед советскими юношами и девушками, кончающими начальную или среднюю школу, открыто столько путей, сколько есть профессий и специальностей, они имеют право и возможность выбрать любую из них. Не существует никаких непреодолимых трудностей, которые препятствовали бы их выбору. Юноши и девушки, желающие поступить в вуз, знают, что они могут поехать в другой город, если нужно, не беспокоясь о жилье и питании, так как каждый вуз имеет общежития, и каждый студент имеет право на стипендию от государства, независимо от того, есть у него родители или нет[2].

Однако свобода – не единственное достижение, каким пользуются наши, дети благодаря условиям, присущим советскому общественному строю. Эти условия стимулируют целеустремленную работу в школе и дают уверенность в будущем.

Уже в первые годы Советской власти Рабоче-крестьянское правительство мужественно взяло на себя заботу о миллионах беспризорных, появившихся в результате первой мировой войны 1914 г. и вооруженной интервенции 1918 –1921 гг. Это бремя молодое Советское государство взяло на себя в тот период, когда оно вело войну на всех рубежах и боролось с экономической разрухой и голодом, охватившим большие районы. Несмотря на все это, Советское правительство уделяло большое внимание детям. В нашей стране было много бездомных беспризорных детей, которые лишились родителей, не имели родственников или опекунов,– детей, шатающихся по улицам городов и деревень.

Но и эти дети выросли квалифицированными рабочими и хорошими гражданами. Советское общество не только дало каждому из них кров и пропитание, но и обучило их и подготовило к честной трудовой жизни. Много лет прошло уже с тех пор, как наша страна покончила с бродяжничанием детей. На наших фабриках и в учреждениях вы часто встретите бывших беспризорных, которые в настоящее время занимают ответственные посты и пользуются уважением своих сотрудников и всего общества.

История борьбы с бродяжничанием детей, которое вызвало столько злорадства и клеветы со стороны наших врагов, доказала, что советское общество не жалеет усилий и средств для благополучия детей и делает это, не унижая ребенка, а соблюдая полное уважение к его личности. Только этим можно объяснить тот замечательный факт, что, несмотря на большие трудности, какие иногда возникали в процессе нашей борьбы на этом фронте, Советское правительство ни разу не прибегло к помощи физических наказаний или детской тюрьмы. Оно предпочитало полагаться на обучение и выбор труда по склонности, этим помогая беспризорным стать достойными гражданами своей страны.

Однако борьба по ликвидации детской беспризорности составляет только небольшую часть той огромной работы с детьми, которую советское общество провело в течение 21 года. Подавляющее большинство населения России в царское время было безграмотным. Считалось само собой разумеющимся, что правящие классы и государственная власть не проявляют никакой заботы о народе, тем более о детях. Детские площадки, детские сады, ясли были неизвестны широкому большинству народа даже по наименованию. Советское общество должно было создавать все это буквально из ничего.

В настоящее время даже в самых отдаленных районах Советского Союза население на своем собственном опыте видит, что первейшей заботой социалистического государства рабочих и крестьян является воспитание детей. Построены тысячи школ, созданы алфавиты языков многих народностей, появились новые писатели, подготовлены новые кадры учителей для обучения тех народов, которые до революции не имели письменности и часто не знали даже назначения бумаги. Ясли, детские сады, детские клубы сделались необходимыми элементами советской жизни, и никто в СССР не может себе представить жизни без этих учреждений.

Ко второму пятилетнему плану (1933 –1937) для детей было построено 864 Дворца и клуба, 170 детских парков и скверов, 174 детских театра и кино, 760 центров для технического и художественного образования детей. Эти центры посещают более 10 миллионов детей. С 1933 по 1938 г. было построено 20 607 новых школ. В СССР уже введено всеобщее начальное обучение, а по третьему пятилетнему плану (1938 –1942) будет введено всёобщее среднее обучение в городах и всеобщее семилетнее обучение в сельских местностях. Эти цифры показывают, какие большие усилия прилагаются, чтобы дать советским детям счастье и цель в жизни.

Поразительным примером являются детские лагери и разные мероприятия по организации отдыха детей в летние каникулы. По окончании учебного года большинство детей направляется на отдых за город. Детские лагери организуются государством, профессиональными союзами и промышленными предприятиями. Каждый

завод и каждое учреждение в СССР имеют для этого соответствующие возможности и ассигнования. Лагеря организуются в окрестностях каждого города; особенно их много в южных районах Советского Союза – в Крыму и на Кавказе. В 1939 г. в летних лагерях будет отдыхать 1 400 000 детей. Кроме лагерей стационарного типа существуют и подвижные лагери.

Я сам, например, со своей детской коммуной совершил семь больших походов по СССР. Располагая палатками, лагерным оборудованием и продуктами, моя коммуна покрыла тысячи километров по железной дороге, по воде и пешком. Мы совершили походы в Крым и на Кавказ, на берег Азовского моря, прошли через Донбасс. Мы плавали по Черному морю и по Волге. Мы разбили свои палатки в Сочи, Ялте, Севастополе и на берегу Донца. Всюду нас тепло принимало местное население, люди показывали нам свои заводы, детские учреждения, клубы. Нет лучшего метода развития и образования молодежи, как эти летние походы.

По окончании обучения в средней школе советские юноши и девушки не только приобрели знания, но и обогатили себя впечатлениями от встреч с людьми, от знакомств с их трудом и психологией.

Но и в зимнее время развитие советских детей не ограничивается стенами школы. После занятий в школе они идут в пионерские клубы, которые с каждым годом совершенствуются и превращаются в первоклассные детские учреждения исследовательского типа, центры художественного воспитания детей. Здесь каждый школьник может получить консультацию и найти полезное занятие, если в нем жива искра любознательности и самобытности.

У советских детей удивительная тяга к механике. Среди детей в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет почти невозможно найти кого-либо, кто не заинтересовался бы вопросами техники или не был бы знаком с основными законами наиболее простых машин. Этот жадный интерес к механике и технике удовлетворяют не только клубы, специально организованные для этой цели, но и большое количество технических журналов и книг для детей. Эти ценные пособия служат подготовке технических кадров для молодой промышленности СССР.

В армии и на флоте, в искусстве, литературе и политике молодое советское поколение доказывает на каждом шагу, что внимание, которое уделяется детям в СССР с самого раннего возраста, дает уже богатые плоды.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 277 – 281. Дата написания: после 6 февраля 1939 г. «Брошюра о детях для Американской выставки», как отмечал ранее А.С. Макаренко, вышла в свет, видимо, в кон. августа – нач. сентября 1939 г., посмертно – для советского раздела Международная выставка в Нью-Йорке (1939 г.). Изд.: Москва, 1939.

Брошюра вошла в серию очерков по различным отраслям жизни СССР. Очерки предназначались как учебные пособия по английскому языку, для использования в учебных заведениях и кружках иностранных языков на предприятиях и учреждениях (Антон Макаренко. Избранные труды. Том 13. Марбургское издание. Равенсбург, 1980, с. 117, нем. и рус. яз.).

Затем издано на Кубе: Гавана, 1941.

А.С. Макаренко здесь не мог сказать то, о чем говорил не раз: дети в СССР воспитываются в «искусственно созданных», «несоветских» жизненных условиях. Благополучные дети социализма, родившиеся в середине 1960-х гг. молодое поколение, вместе с нравственно разлагающейся партийно-государственной «номенклатурой», воспитанники нетрудовой системы среднего и высшего образования, - стали в нач. 1990-х гг. ударной силой от-

каза от социализма, разрушения СССР и восстановления капитализма.

Главное внимание уделяется новым социально-нравственным нормам в отношении к детям. Отмечается единство высоких моральных требований к ним и уважения их личного достоинства, стремление дать молодому поколению «счастье и смысл жизни».

[1] За точку отчета взят период, предшествующий началу вступления России в Первую мировую войну (за ней последовали Февральские и Октябрьские революции и Гражданская война).

[2] Отмечается важное направление свободы в советском обществе: дети свободны в выборе жизненного пути, в развитии своих способностей.

Дополнение. *Левин Л. в «Литературной газете», 26 февраля 1939 г.:* **обзор опубликованных в ж. «Октябрь» художественных произведений. «Честь» А.С. Макаренко характеризуется как неудачный роман, «стилистический беспомощный».**

Письмо К.С. и Е.Ф. Кононенко, 27 февраля 1939 г.

Дорогие Костя и Елена!

Страшно благодарен вам за прекрасное дружеское письмо и приглашение. Лучшим доказательством моей искренней радости является то, что я на самом деле к вам приеду, и буду наслаждаться вашим обществом. На душе так приятно, что вы этого понять не можете, ибо вы провинциалы с грубыми духовными организациями вместо настоящих душ.

Очень возможно, что вы сейчас жалеете о своем опрометчивом шаге, но уже поздно, ничего не поделаешь.

Приеду я 6-го поездом, который приходит в 9 часов утра. О точном номере поезда сообщу телеграфно, как делают все культурные европейцы.

Так как у меня в самом деле нет денег, нет бумаги в издательстве и так как я не могу без денег навалиться на честную, но бедную семью, - то я принужден был принять некоторые дипломатические меры, которые выразились в том, что два ваших педагогических института пригласили меня для разговоров, в пользе которых они уверены больше, чем я.

Конечно, они наймут для меня гостиницу, которая будет служить моей официальной базой и которая помешает вам думать обо мне всякие гадости, например: он приехал к нам потому, что ему негде остановиться. А на самом деле мне есть где остановиться, а только с вами приятнее.

Подробности о моей жизни сообщу при свидании. Недавно болел гриппом, - это в Москве считается необходимой принадлежностью хорошего тона. Галя и сейчас еще лежит.

Целую и обнимаю.

Ваш *Антон.*

Опускула макаренкиана, № 20 /ред. Г. Хиллиг, В. Марочко. – Марбург, 1997, с. 24 – 25.

Предстоит большая работа над собой

Трудно найти точные слова, чтобы в полной мере оценить великое значение нашей эпохи. Мы находимся на переходе к коммунистическому обществу, мы приближаемся к таким целям, о которых человечество еще так недавно могло только мечтать.

Но величина наших побед равна величине наших напряжений... Может быть, самая главная трудность расположена на том участке, который в известной мере поручается нашему писательскому отряду, – в деле коммунистического воспитания трудящихся, в деле борьбы с пережитками капитализма. Именно на этом участке предстоит грандиозная работа для «инженеров человеческих душ». Те души, которые должны вырасти, расцвести, действовать и побеждать, которые сверх всего обязаны быть не только прекрасными творческими душами, но и душами красивых, счастливых людей, – это будут души нового человечества, человечества коммунистического.

Я не уверен, что мы, писатели, готовы к выполнению стоящей перед нами задачи. Я убежден, что нам предстоит большая работа над собой и над законами нашего творчества, и мы сознательно обязаны дать себе отчет в размерах и трудностях этой работы.

Во-первых, нам нужно больше знать, невозможно дальше рассчитывать на созидающую тишину наших кабинетов. Как это сделать, я не знаю, но я чувствую, что Союз советских писателей должен поставить перед собой вопрос о серьезных познавательных процессах, которые необходимо предложить товарищам писателям. Может быть, основную массу средств Литфонда нужно направить именно на это дело.

Во-вторых, мы, писатели, должны ближе стать к вопросам коммунистического поведения, должны приблизиться к ним практически, не только наблюдая образцы коммунистического поведения граждан Советской земли, но и предъявляя к себе серьезные требования коммунистической этики. Новый человек должен быть коллективистом в каждом своем поступке, в каждом своем помышлении. Я не представляю себе, что описывать и создавать этого человека в нашем воображении можно, оставаясь самому по старинке индивидуалистом.

В-третьих, мы должны пересмотреть самые законы художественного творчества. То, что годилось для общества, построенного на эксплуатации, те причудливые орнаменты личной судьбы и личной борьбы, личного счастья и личного страдания, которые составляли тематику старой литературы, – все это требует пересмотра и анализа. Новое общество, новый характер, должного, новый характер борьбы и преодоления, новые условия для счастья, новая этика и новые связи между людьми требуют и новой эстетики. Можно и нужно любить классиков, учиться у них, преклоняться перед ними, но нельзя в наши дни слепо подчиняться их эстетическим канонам, их определению прекрасного.

В-четвертых, нужна совершенно особенная, маневренная и талантливая организация нашего производства. Больше нельзя терпеть такого положения, когда судьба художественного произведения, его доброе имя, его значение для миллионных масс читателей находятся в распоряжении одного или двух товарищей в аппарате издательства. Читательская масса – истинный ценитель, потребитель и объект нашей художественной работы – должна иметь не только пассивные, но и активные функции в литературном деле. Издательство должно быть народным учреждением, отражающим требования, запросы, мнения и решения читающего советского народа.

В-пятых, и это особенно важно, необходимо создание сильного и влиятельного литературного контроля – критики. То, что происходит сейчас на этом участке, способно вызывать только удивление. Перед лицом важнейших задач, стоящих перед нашей литературой, бесталанная, невежественная и зачастую нечестная болтовня некоторых «критиков» кажется просто анекдотом.

Прежде всего, поразительно полное отсутствие вкуса в некоторых критических писаниях наших дней. Получается такое впечатление, что первым основанием для критической деятельности является потеря вкуса. Те немногочисленные кадры настоящих, творческих, ответственных, мыслящих критиков, которые у нас имеются,

должны поставить перед собой самую серьезную задачу оздоровления и организации этого важнейшего участка.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 210 – 211. Сборник публицистических статей и стихов, посвященный предстоящему XVIII съезду ВКП (б) – «Слово писателя». – М., Гос. изд-во художественной литературы, 1939 (сдан в производство 29 марта 1939 г.). Редактор П. Чагин.

Статью А.С. Макаренко отличает его неуверенность в готовности писательского сообщества эффективно служить «делу коммунистического воспитания трудящихся». Четко обозначены 4 направления, по которым необходимо развивать литературное «производство».

Это поразительно смелое вторжение социального педагога-реформатора в сферу литературы, искусства, этики и эстетики, в область реального общественного поведения человека.

***Дополнение.* Сообщение:** *«Слово писателя»* **- в «Литературной газете», 1939, № 14:**

В сборнике печатаются стихи Н. Асеева, В. Каменского, Янки Купала, Якуба Колоса, Теучеж Цуга, П. Маркиша, О. Шираза, И. Фефера, Ц. Голсанова, сказительницы Беззубовой и статьи А. Толстого, Вс. Иванова, Д. Джерманетто, Бела Балаша, Д. Бергельсона, Ф. Гладкова, Арази, В. Бахметьева, Д. Цемирчана, А. Макаренко, А. Серафимовича, А. Первежцева, Н. Тихонова, М. Шагинян, В. Финка.

Воля, мужество, целеустремленность

Вопрос о коммунистическом воспитании трудящихся поставлен как вопрос решающего значения. Отрадно сейчас видеть волну самого широкого интереса к этому вопросу, которая поднялась в нашем обществе. Вопрос о коммунистическом воспитании назрел не только в порядке политического развития нашей страны, он назрел и в быту, в обыкновенном, будничном самочувствии каждого советского гражданина.

Мы хорошо понимаем, что этот важнейший вопрос является решающим и в области нравственных отношений нашего общества, и в области промышленности, и в проблемах нашего богатства, роста, нашей победы в мировой революции, и, наконец, в проблемах нашего счастья и счастья всего человечества.

Мы знаем все это не только потому, что размышляем, требуем и хотим. Нет, мы знаем еще и потому, что видим: коммунистическое воспитание – не проект, не предвидение, это уже существующая реальность. Советский человек 1939 г., советские народные массы наших дней в очень малой степени напоминают людей перед началом империалистической войны. Наш народ не только вырос в общем богатстве, в знаниях, в развитии, в готовности к действию и к борьбе, он вырос и нравственно, и его нравственный рост настолько велик, что давно определился наш этический переход в «новое качество».

На каждом шагу мы встречаем в нашем обществе совершенно новые требования к человеку и совершенно новые нормы человеческого поступка и поведения. Каждому ребенку нашей страны известны многие имена лучших людей, показавших самые высокие образцы социалистического героизма, настойчивости, преданности революции и партии. От этих вершин практической советской этики представление о новых законах поведения и требования к человеку распространяются широко и глубоко в народе, создавая новые категории нашей мысли и новые традиции для действия.

Коммунистическое воспитание многомиллионных масс советского народа началось с первого дня революции, с первого слова Ленина, с первых боев на фронтах гражданской войны. И потом, в течение 21 года, коммунистическое воспитание, сплошь и рядом в незаметных и неощутимых выражениях, как будто между делом, как будто в боковых параллельных процессах, а на самом деле сознательно и целеустремленно проводилось на протяжении всего грандиозного опыта социалистической стройки. Буквально можно сказать: нет ни одного акта, ни одного слова, ни одного факта в нашей истории, которые, кроме своего прямого хозяйственного, или военного, или политического значения, не имели бы и значения воспитательного, которые не были бы вкладом в новую этику и не вызывали бы нарастания нового морального опыта.

Этот моральный опыт, эти родившиеся уже нормы поступка еще не сведены в строгую систему, еще не оформлены в точных положениях, в терминах и, самое главное, еще не расширились до общенародных опытных традиций. Мы еще очень часто наблюдаем некоторую борьбу между старой и новой этикой, еще приходится слышать споры и недоуменные высказывания по вопросу о разных деталях поступка. Еще не уравновешены и не сделались нормативными многие положения о любви, дружбе, ревности, верности, чести – эти детали в настоящее время занимают нашу молодежь, и она жадно ищет правильных решений, потому что она требует и хочет коммунистического совершенства поведения.

Среди проблем самой первой степени значимости стоит проблема воспитания воли, мужества и целеустремленности. Несмотря на то, что во всемирной истории трудно найти эпоху, которая отличалась бы такими всенародными проявлениями именно этих качеств поступка, несмотря на то, что все наши победы являются результатом нашей могучей воли, нашего беззаветного мужества, нашего сознательного и настойчивого стремления к цели,– несмотря на это, а может быть, благодаря этому вопросы воспитания воли сделались самыми важными и волнующими вопросами нашего бытия. Тем более важными они становятся сегодня, когда наша страна переживает новый подъем, когда она стоит на определившихся путях к коммунизму.

Конечно, воспитание воли и мужества на каждом шагу и сегодня совершается в нашей стране, и каждый день прибавляет в этом отношении еще не учтенные новые победы. Но совершенно ясно и другое. Совершенно ясно, что мы обязаны с чисто большевистской искренностью и прямотой сказать, что воспитание воли, мужества и целеустремленности проходит иногда в порядке самотека, что сознательных, организующих и точных начинаний в этом деле недостаточно.

В особенности это нужно сказать в отношении нашей школы. Трудно переоценить важность этого вопроса. В наших школах воспитывается больше 30 миллионов детей и юношей. Это в несколько раз больше любой армии в любом государстве, это больше очень многих самих государств. И если мы допустим в этом важнейшем воспитательном деле хотя бы 10 процентов брака, то это значит, что мы прибавим в нашем обществе 3 миллиона плохо воспитанных, а может быть, и вредно воспитанных молодых людей. Народное образование и народное воспитание в нашем государстве сделались таким количественно могучим, что и один процент брака в этой работе грозит нашей стране серьезными прорывами.

Перед лицом этой постоянной политической проблемы уместно спросить: что сделано и что делается в области организации школьного воспитания?

И ответить нужно в очень грустных словах. В советской жизни нет другой области, в которой делалось бы наше советское дело так неуверенно, так неразборчиво, так неопределенно.

По совести нужно ответить: никто не знает, что делается, никто об этом не думает, никто за это не отвечает. Несмотря на очень многие угрожающие симптомы, несмотря на самые настойчивые, тревожные сигналы со стороны всего общества, несмотря на неоднократные указания партии на неблагополучие нашего педагогиче-

ского участка,– наркомпросовский богатырь «не трехнется, не ворохнется». Воля, мужество, целеустремленность! Эти слова звучат почти дико, когда мы вспоминаем о Наркомпросе. Надо иметь, прежде всего, мужество, чтобы открыто признать: мы не знаем, кого мы воспитываем, кого мы хотим воспитать, мы не знаем, нужно ли воспитывать мужество. А вдруг это «непедагогично»? А вдруг это опасно для здоровья? А вдруг мамаши будут недовольны?

Кто виноват в этой неразберихе? Позвольте, а где же педагогические ученые, где эти сотни инженеров педагогики, которые обязаны были, давно обязаны подготовить, продумать, разрешить вопросы коммунистического воспитания? Ведь нигде так часто не произносились эти два слова, как в педагогических статьях. А что сказано в этих статьях по вопросу о воспитании воли, мужества и целеустремленности?

Эти вопросы фактически сняты с очереди, как и многие другие вопросы воспитания. Эти вопросы спрятаны в хитром переплете псевдонаучной болтовни, прикрыты устаревшим и совершенно чуждым для нас утверждением, что никаких отдельных вопросов воспитания нет, что воспитание неразрывно связано с образовательным процессом. Честное слово, трудно даже поверить, но такой простой, и наивный фокус проделывается на глазах всего советского общества. Вместо того чтобы честно и серьезно работать над вопросами коммунистического воспитания, сделали умное лицо и заявили:

– Воспитание? А зачем? Учитель – он же преподает, вот в это самое время он и воспитывает. История! Вы знаете, одна история сколько может воспитать, вы себе представить не можете!

И хотя никто к этим утверждениям не мог отнестись с уважением, хотя для всех ясно, что ничего, кроме ловкости рук, в этом утверждении нет,– все осталось как было.

История, конечно, воспитывает. Воспитывает и литература и математика. Но никакого права ограничивать воспитательный процесс классной работой, конечно, никто не имел, как не имеет права инженер-строитель утверждать, что при постройке дома достаточно заняться только вопросами центрального отопления и конструкции крыши.

Почему организаторы школьного воспитания поступают так непринужденно просто? Исключительно потому, что они сами никакого отношения... к целеустремленности не имеют. Никакие цели их особенно не интересуют, в том числе и цели коммунистического воспитания. А, кроме того, есть и такое соображение: как-нибудь обойдется, это же не мост строить, который может рухнуть через месяц. Мы ученика выпустим, кто там разберется, что он за человек. Как-нибудь обойдется: комсомол, семья, пионеры... сделают.

И фактически получилось так, что все дело воспитательной работы, дело огромной государственной важности, передано в руки разрозненных учителей, среди которых много молодых и неопытных, и пионервожатых, среди которых нет ни одного опытного. А чтобы эти разрозненные силы вследствие своего энтузиазма не внесли беспорядка в педагогическое благополучие, их связали по рукам и ногам почти щедринским требованием: все должно быть умеренно и аккуратно.

И нечего удивляться, что наш педагогический обиход характеризуется таким анекдотом: у нас часто повторяются слова: «это воспитательное средство» или «это не воспитательное средство». Непосвященный человек может подумать, что воспитательное средство – это такое, которое преследует определенные педагогические цели. Ошибка! Ничего подобного! Воспитательная мера – это как раз такая, которая преследует единственную цель: чтобы все прошло благополучно, чтобы козы были сыты и сено цело, чтобы никто не обижался и, вообще, чтобы не было неприятностей.

В подавляющем своем большинстве наша школа похожа на любвеобильную мамашу, воспитательный метод которой определяется формулой: «чтобы дитя было сыто и чтобы дитя не простудилось». Она обкармливает детей показной «стопро-

центной» успеваемостью и следит, чтобы дитя не простудилось мужеством или, допустим, целеустремленностью. И так же, как этой самой мамаше, ей недосуг подумать: сколько мы теряем и на успеваемости и на здоровье детей по причине близорукой заботливости.

Зато спокойнее живется. Зато можно проставить в процентах проделанную работу и забыть о том, что во всех других советских областях люди ищут, дерзают, находят, иногда рискуют, но всегда создают новое.

Мужество! Попробуйте серьезно, искренне, горячо задаться целью воспитать мужественного человека. Ведь в таком случае уже нельзя будет ограничиться душеспасительными разговорами. Нельзя будет закрыть форточки, обложить ребенка ватой и рассказывать ему о подвиге Папанина[1]. Нельзя будет потому, что результат для вашей чуткой совести в этом случае ясен: вы воспитываете циничного наблюдателя, для которого чужой подвиг – только объект для глазения, развлекательный момент.

Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество,– все равно в чем: в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости. Нельзя приступить к воспитанию воли, если предварительно не разрешить вопрос, чем советская воля отличается от воли в буржуазном обществе. Там воля необходима человеку для подавления другого человека, там целеустремленность направлена к лучшему куску общественного пирога. Не рискуем ли мы подставить эти буржуазные категории вместо наших категорий, когда всю педагогику сводим к так называемому индивидуальному подходу?

Коммунистическую волю, коммунистическое мужество, коммунистическую целеустремленность нельзя воспитать без специальных упражнений в коллективе. Не метод парного влияния от случая к случаю, не метод благополучного непротивления, не метод умеренности и тишины, а организация коллектива, организация требований к человеку, организация реальных, живых, целевых устремлений человека вместе с коллективом – вот что должно составить содержание нашей воспитательной работы... То, что происходит в нашей школе, недостойно советской эпохи.

Мы фактически ученика не воспитываем, мы ничего от него не требуем, кроме самых примитивных тормозов, необходимых для нашего удобства. Мы добиваемся (не всегда), чтобы он тихо сидел в классе, но мы не ставим перед собой никаких целей положительного дисциплинирования. У наших школьников иногда еще бывает дисциплина порядка, но не бывает дисциплины борьбы и преодоления. Мы ожидаем, пока ученик совершит тот или иной проступок, и тогда начинаем его «воспитывать». Ученик, не совершающий проступков, нас не занимает,– куда он идет, какой характер развивается в кажущемся его внешнем порядке, мы не знаем и узнавать не умеем.

Такие распространенные типы характеров, как «тихони», «иисусики», накопители, приспособленцы, шляпы, разини, кокеты, приживалы, мизантропы, мечтатели, зубрилы, проходят мимо нашей педагогической заботы. Иногда мы замечаем их существование, но, во-первых, они нам не мешают, а во-вторых, мы все равно не знаем, что с ними делать. А на самом деле именно эти характеры вырастают в людей вредоносных, а вовсе не шалуны и дезорганизаторы.

В настоящее время, когда у нас воспитывается больше 30 миллионов детей, не подлежит сомнению, что успех этой грандиозной работы зависит не от разрозненных усилий миллиона учителей, а исключительно от организации школы как целого, от стиля и тона тех требований, которые мы предъявляем к детям, от стиля дисциплины и игры в детском коллективе, от широко организованных регулярных упражнений в волевых напряжениях, в мужестве, в постоянном движении к большим, ясным, желанным целям.

Такая педагогическая работа будет не только гораздо более эффективна, но и гораздо более приятна для педагогов. Наше учительство сейчас очень страдает от

серости, скуки и ложной добродетельности собственных приемов. Оно страдает от неисчислимого количества самых диких предрассудков, неизвестно откуда к нам пришедших.

Например, до сих пор считается аксиомой, что для детской натуры необходимо пустое, бестолковое, нецелесообразное движение. До сих пор считают «воспитательной» мерой непротивление в классе, хотя бы при этом срывался целый урок. До сих пор наш ребенок даже в течение одного года несколько раз перебрасывается из одного коллектива в другой, а ведь на самом деле нет ничего вреднее этого настойчивого воспитания «внеколлективного» человека.

Жизнь нашей школы, нашего детского коллектива должна быть гораздо бодрее, гораздо подтянутее, гораздо веселее и гораздо суровее. Только в таком случае школа начнет выполнять свои функции в деле коммунистического воспитания, отказавшись раз навсегда от успокоительного этического самотека.

Конечно, такая работа потребует от учительства большой энергии, большой силы духа, потребует больше искренности и больше смелости. Но в этом заключаются не только тяжести, но и удовлетворения. Нельзя миллионную массу нашего молодого учительства держать на постной пище кабинетных, абстрактных и трусливых рассуждений.

Наше детское общество должно отражать жизнь всей Советской страны. Школа должна бороться за коммунизм с такой же волей, с таким же мужеством, с таким же напряжением, как и все наше общество. И с такой же радостью!

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 316 – 320. Без даты. Ориентировочно: 2-я половина февраля 1939 г. Написано для газ. «Рабочая Москва». По свидетельству Г.С. Макаренко, это одна из последних работ А.С. Макаренко. При его жизни не опубликована.

Эта полемически заостренная, глубоко продуманная и прочувствованная статья А.С. Макаренко – образец его социально-педагогической деятельности, рассчитанной на широкую аудиторию и прежде всего педагогов-специалистов, ученых и практиков. В преддверии Второй мировой и Великой Отечественной войн он призывает к мобилизации педагогических сил, к отказу от «успокоительного этического самотека» в воспитании.

Центральный пункт статьи – принципиальное различение процессов воспитания и обучения (главнейший в педагогике А.С. Макаренко, суть его педагогического новаторства, мысль о приоритете воспитания, о педагогике как науке о воспитании). В содержании воспитания главное - волевые качества личности, характер, целеустремленность и нравственность (в соответствии с определением: педагогики – наука «активная, практически целесообразная»). База воспитания – объективные условия, позволяющие практически проявлять и укреплять характер, подчиняясь жизненной необходимости, развивая природные способности и потребности личности.

В школе нет основательно целеустремленного воспитания, происходящее расходится с предполагаемым, действуют устаревшие этические категории. Это «недостойно советской эпохи». Нужны «инженеры педагогики».

В статье не затрагивается первостепенная в наследии А.С. Макаренко проблема общественно-производительного труда, «трудового хозяйствования» детей и молодежи. Это объяснимо: в советской школе в 1937 г. отменены даже учебные уроки труда, закрыты школьные учебные мастерские.

[1] *Папанин И.Д.* **– арктический исследователь, глава первой дрейфующей станции «Северный полюс» в 1937 – 38 гг.**

***Дополнение.* Ответ редакции «Рабочая Москва»:**

Уважаемый т. Макаренко!

Руководство нашей редакции не считает возможным поместить эту статью в таком виде, как она есть. Здесь не хватает, во-первых, самого главного – ответа на вопрос, как же надо воспитывать детей в школе[1]. Во-вторых, необходимы жизненные практические иллюстрации, хотя бы два-три примера.

Иначе статья выглядит не критической по адресу Наркомпроса, а только охаивает все учительство.

Привет. Л. Данковская.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 437. Без даты. Указано: [февр. 1939].

[1] **Характерный пример примитивного педагогического мышления и действия, противостоящего методологии макаренковской педагогики.**

План лекции «Коммунистическое воспитание и поведение»

Тезис о решающем значении коммунистического воспитания трудящихся.

Производительность труда.

Поднятие культурного уровня.

Оперативность и деловитость. Правильный подбор кадров.

Развертывание социалистического соревнования.

Сознательное отношение к своим обязанностям. Честный труд.

Помощь отстающим.

Поднять коммунистическое воспитание трудящихся

Роль интеллигенции.

Постановка вопроса.

Ясны требования.

Знаем ли мы, что такое коммунистическое поведение и коммунистическое воспитание.

Задачи коммунистического воспитания

Что и кем сделано:

Мировой интерес. Длинный глаз.

Техник. Стахановец.

Привычка к рабству.

Культура. Книга. Читатель.

Единство. Союз народностей. Доверие к руководству.

Что нужно сделать.

Положение Ленина.

Необходимость детализации, размышления, проверки и опыта.

Нарастание традиций.

Привычка.

От каждого по способностям, каждому по потребностям.

Кто будет воспитывать.

Борьба с пережитками капитализма

Знаем ли мы, что такое пережитки капитализма.

Мы все относим к капитализму.

Домашние справки на всякий случай жизни.

Ревность, пьянство, эгоизм и жадность.

Пережитки явно экономические. Таких почти нет, они хорошо скрыты.

Пережитки, вытекающие из незнания, из слабого мышления, из узости взгляда.

Пережитки, вытекающие якобы из эгоистической природы человека.

Пережитки, вытекающие из недостаточного коллективного опыта.

Особый вид пережитков – влияние старой этической системы. Христианство. Его сущностью Его влияние. Другие религии.

Общая средняя моральная норма «цивилизации».

Индивидуализм.

Левая и правая щеки.

«Иижденут и рекут всяк зол глагол».

Отношение к труду «Посмотрите на птиц небесных».

Отношение к коллективу.

«Не судите, да не судимы будете»

Грех и покаяние.

Цинизм.

Нетребовательность. Моральный оппортунизм.

Сентиментальность.

Этическое кокетство.

«Любовь к ближнему». Расслабленность.

К о м м у н и с т и ч е с к о е п о в е д е н и е

Новые разрезы измерения.

Прозаический предмет.

Все прозаичнее, ближе к жизни.

Отношение к идеалам: добро, любовь, совершенство, царствие небесное.

Материя и дух. (Материя в музыке Чайковского.)

Дело доблести. Точность.

Труд, точность... моральные нормы.

Деловитость.

Все это требует образования, знания, умения.

Только ли на производстве? (А в любви, а на улице, а по отношению к товарищу, а по отношению к самому себе?)

Е д и н с т в о п о в е д е н и я

Основная принципиальность коммунистического поведения. Эгоизм и жертвенность.

Маркс (227).

Посадка в трамваи. Логика старая и логика новая. Паника при пожаре.

Логика разумного существа.

Примеры. Любовь нужно организовать, уметь сделать. Счастливые и несчастные. «Несчастный человек – виновный человек»[1].

Э т и ч е с к и е н о р м ы н о в о г о ч е л о в е ч е с т в а

Каждому по потребностям.

Потребность как нравственная категория.

Предпосылки.

Уверенность в обеспеченности и защищенности.

Отмирание пережитков накапливания и натаскивания.

Вкус к жизни.

Общественное мнение – не будет судить по количеству вещей и тряпок.

Требовательность к себе и к другим.

Нормы определяются коллективной связью и общественным локтем.

Нормы будут вытекать из нашего сознания и нашей традиции. Регулятор - общественное мнение. Ревность. Эстетика. Знание. Помощь…

Сознание победы и высоты нашей истории. Борьба за счастье человечества.

Забота о детях.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 321 – 322. Без даты. Ориентировочно: конец февраля 1939 г.

В этом материале (как и в предыдущей статье «О коммунистической этике» и в последующей лекции «О коммунистическом поведении и воспитании») А.С. Макаренко в полной мере выступает как социальный педагог: он говорит о «воспитании трудящихся», взрослых, граждан СССР. Лишь в последней строке: «Забота о воспитании детей».

[1] Приводится высказывание Л.Н. Толстого.

***Дополнения.* Февраль 1939 г.: А.С. Макаренко присутствует на заседании родительского комитета** *школы №91 г. Москвы.*

Февраль-март 1939 г.: А.С. Макаренко выступает с докладом в *школе №60 г. Москвы.*

Февраль-март 1939 г.: А.С. Макаренко ведет переговоры с отделом народного образования *Ростокинского района г. Москвы о назначении его директором одной из школ*, **получает согласие (по кн.: Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. – Ленинград, 1961, с. 122). Речь шла о средней школе в районе-новостройке, в секторе между Ленинградской и Ярославской дорогами. А.С. Макаренко предполагал быть директором этой школы с сентября 1939 г., с начала нового учебного года. (По свидетельству Г.В. Гасилова, в беседе с Г. Хиллигом – Опускула макаренкиана, №9, с. 61).**

«В самое последнее время **А.С. Макаренко хотел разработать** *проект-предложение, чтобы ему поручили все школы Москвы.* **Он намерен был организовать при всех школах производство и в течение 5 лет перевести все школы на самоокупаемость. Галина Стахиевна отговорила его. Хотела, чтобы он несколько отдохнул... Кроме того она боялась, что предложение не будет принято. Материалы для проекта, кажется, были, но Галина Стахиевна не может их разыскать... Примерно до 8 лет – семейное воспитание. Затем - общественное воспитание». (Гмурман С.Е. Из бесед о нем // Народное образование, 1963, № 10, с. 97).**

«За месяц до 1 апреля **Антон Семенович продумал** *план реорганизации всего школьного дела Москвы.* **План этот был широким, смелым планом и обдуман до последней мелочи, как и все его планы. Во главе этого дела он мечтал стать сам, и его не пугали сложность и огромность задачи... Большое место было уделено организации трудового воспитания и трудовой подготовки в школе... План предполагался послать в ЦК ВКП (б)». (Макаренко Г.С. Биографические очерки и статьи об А.С. Макаренко 1940 – 1958 гг. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, л. 225). Исследователям предстоит поиск данного макаренковского плана в Архиве ЦК ВКП (б) или Правительства СССР (РСФСР).**

А.Г. Бобунов: **«Планы А.С. Макаренко в Москве...** *Взять несколько школ под свое руководство*, **но чтобы никто в его дела не вмешивался. Широчайшее самоуправление ребят. Военизированная дисциплина. Вместо № школы – собственное наименование. Свои цветы, сад, огород, свое хозяйство и хозяева – школьники. Максимум самостоятельности, инициативы. Ликвидация пионергрупп. В пионерах – лучшие? Худших в школе не должно быть! Все лучшие!»**

(Бобунов А.Г. Об Антоне Макаренко. Очерки [1940 г.] – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 447, с. 71).

О коммунистическом поведении и воспитании

Товарищи, мы собрались сегодня побеседовать по важнейшему вопросу нашей жизни - по вопросу о коммунистическом воспитании.

И сегодня, и завтра, и в ближайшие дни и дальше в нашей жизни будет вспоминаться сегодняшний траурный день. Мы сегодня хороним большого деятеля коммунистического воспитания, великого гуманиста нашего времени, друга Ленина, создавшего новую эпоху в большевистской партии, в том числе и в человеческом поведении. Мы сегодня хороним Н.К. Крупскую[1]. Я прошу вас почтить память Н.К.Крупской вставанием. *(Все встают).*

Товарищи, я не чувствую себя в особенном праве говорить с вами о коммунистическом воспитании. Я не профессор, не ученый, не человек, который исследовал вопросы коммунистического воспитания и коммунистического поведения. Я прикоснулся к этим вопросам в таком же порядке, в каком и вы прикасаетесь к ним почти ежедневно, и поэтому не ожидайте от меня никаких формул или истин, не ожидайте от меня никакой мудрости.

Договоримся так, что вопрос этот, для нас всех важный, дорогой, вопрос этот всех нас интересует, и поговорить о нем в меру нашей искренности, нашего настоящего глубокого желания совершенствоваться в области коммунистического поведения, поговорить о нем никогда не грех и всем уместно.

Мое маленькое право говорить перед вами вытекает из моего маленького жизненного опыта, но и этот опыт не совсем вплотную подходит к такому жизненному вопросу. Я сообщу, в чем заключается это мое право. Революция, советская жизнь поручили мне маленькое дело, совсем маленькое дело перевоспитания малолетних правонарушителей. Мне повезло. Я работал с ними 16 лет, работал без перерывов, без отпусков, без болезней, без выходных дней. Это, конечно, удача - такая длительная работа в одном коллективе.

И когда я начал и продолжал эту работу, я считал, что передо мною стоит миниатюрная задача: как-нибудь вправить мозги, вправить души у этих самых правонарушителей, сделать их вместимыми в жизни, т.е. подлечить, наложить заплаты на характеры, не больше, только то, что необходимо, чтобы человек мог как-нибудь вести трудовую жизнь, как-нибудь - я па большие достижения не претендовал.

Но по мере того, как я работал, как рос и богател мой коллектив, по мере того, как он становился комсомольским коллективом, а не «правонарушительским», я постепенно повышал требования к своему делу, к себе, и дело повышало требования ко мне и к моему коллективу, и я уже перестал интересоваться вопросами исправления, меня перестали интересовать так называемые правонарушители, потому что я увидел, что никаких особых «правонарушителей» нет.

Есть люди, попавшие в тяжелое положение. Я очень ясно понимал, что если бы я попал в такое же положение, я тоже крал бы, хулиганил, дебоширил, бузил, то есть был бы таким, как они. И всякий нормальный человек, оказавшийся на улице без помощи, без общества, без коллектива, без друзей, без опыта, с истрепанными нервами, без перспективы, - каждый нормальный человек будет вести себя так, как они.

Я пришел к заключению, что нет правонарушителей, а есть люди, не менее богатые, чем я, имеющие право на счастливую жизнь, не менее чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами.

И тогда, конечно, совершенно ясно, никакие специфические, педагогические задачи уже не могли стоять передо мною. Передо мной стояла обыкновенная задача - воспитать человека так, чтобы он был настоящий советским человеком, чтобы он мог быть образцом поведения.

Последние годы, таким образам, я никого не исправлял, я просто выполнял обыкновенную советскую работу, воспитывал обыкновенных хороших советских людей. Мне повезло - меня сопровождал успех, и в этом заслуга, конечно, уже не моя, в этом заслуга всей нашел советской жизни - тех целей, которые перед нами стоят, тех путей, которые мы вместе с вами прошли, той энергии, которую мы находим в каждом дне нашей жизни[2].

Вот почему и моя работа, и усилия моего коллектива имели успех. В результате я пришел к некоторым интересным для меня самого выводам.

Первый вывод такой: воспитание - очень легкое дело, воспитание счастливое дело, никакая другая работа по своей легкости, по исключительно ценному, ощутимому, реальному удовлетворению не может сравниться с работой воспитания.

Я это всегда говорю, и многие коллеги, в особенности коллеги-педагоги, посмеиваются, слушая меня. Но они не имеют права улыбаться.

Здесь в Москве недавно пригласили меня на юбилей одной школы[3]. Я уже видел московские школы, приблизительно знаю, что такое московские школы, и ехал на этот юбилей с прохладно-теплым дружеским настроением. Я увидел замечательную школу, одну из лучших московских школ, и я спросил: «Наверно, у вас по 20 лет работают педагоги?» - «Да, - говорят, - директор - 20 лет в школе, а этот - 15, а этот – 12». И у них большой успех, потому что 20 лет быть директором в одной школе - значит отдать ей жизнь. А это очень много. Вот и я отдал свою жизнь и так же, как они, работал успешно.

Я имею право утверждать, что работа по воспитанию - очень легкая работа. Легкая не в том смысле, что можно поработать, поработать, потом пойти погулять, потом почитать, отдохнуть, а потом, может быть, рюмку водки выпить и т.д. Нет, времени она берет много, но она легкая по типу напряжения.

Последние годы у меня было 600 коммунаров[4], тоже бывших правонарушителей, и последние годы для меня выбирали особые, так сказать «цветки» во всесоюзном масштабе, и все-таки мне было легко работать, настолько легко, что с 1930 г.[4] я работал без [штатных] воспитателей. Были учителя в школе, были инженеры на заводе, но коллектив этих 600 человек жил самостоятельно, детский коллектив.

И утром, когда я слышал сигнал вставать и знал, что в моем коллективе нет ни одного взрослого человека, я не беспокоился. Я прекрасно знал, что они достаточно разумны, достаточно опытны, достаточно честны, дисциплинированны и воодушевлены, чтобы над ними ставить надзирателя. Они могли сами проделать такую простую вещь, как вовремя встать с постели, умыться, вовремя убрать пыль, вытереть полы, выстроиться и встретить своего дежурного командира официальным торжественным приветствием как сегодняшнего руководителя.

А после этого они давали сигнал на работу, и к ним приходили взрослые - инженеры, учителя - педагоги и я, которые вели день дальше.

Я сначала поражался, зная как трудно встать вовремя, натереть полы, когда за тобой никто не следит, а потом перестал удивляться и увидел, что это нормальное коллективное действие, нормальный человеческий поступок, а нормальный человеческий поступок и есть самый простой и самый легкий поступок. Именно для этого… не нужно никакого[5]…

Вот я и приношу к вам главный багаж, который могу вам предложить, - это моя уверенность в том, что коммунистическое воспитание - это счастливый процесс, который сам в себе несет успех, и поэтому дело воспитания, а тем более дело самовоспитания - это легкое и счастливое дело.

Сейчас в тезисах доклада товарища В.М.Молотова мы встречаем призыв к коммунистическому воспитанию. Для меня вот эти слова, которые я сейчас прочитаю, - праздник всей моей жизни[5a], и они должны быть праздником для каждого мыслящего, для каждого настоящего советского патриота. Вы их, конечно, читали, но ничего, если я вам повторю:

«На основе победоносного выполнения второго пятилетнего плана и достигнутых успехов социализма СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития..., когда решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания...»[6]

И дальше в тезисах доклада тов. Молотова мы встречаем очень краткое, очень строго сформулированные указания на человеческое поведение[6a].

Какие указания? Я кратко их перечислю. Он говорит о повышении производительности труда. Он вспоминает указание товарища Ленина о том, что производительность труда - это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Мы должны обеспечить всемерное развертывание социалистического соревнования и стахановского движения, неуклонно укреплять трудовую дисциплину во всех предприятиях и учреждениях, во всех колхозах. Мы должны обеспечить достойную социалистического общества высокую производительность труда рабочих, крестьян, интеллигенции.

Дальше тезисы обращают внимание на такие детали, касающиеся вопроса поведения: отмечается, что важнейшим условием выполнения программы роста производства в третьей пятилетке является подготовка квалифицированных рабочих кадров, техников, инженеров, а также широкое внедрение новой техники и научной организации труда.

Дальше то, что мы можем отнести также к человеческому поведению:

«Повышение государственных расходов на культурно-бытовое обслуживание трудящихся города и деревни...

Проведение широкого круга мероприятий для серьезного продвижения вперед в осуществлении исторической задачи - поднятия культурно-технического уровня рабочего класса СССР до уровня работников инженерно-технического труда…

Увеличение сети кинотеатров, клубов, библиотек, домов культуры и читален с широкой организацией и увеличением в шесть раз стационарных и других звуковых киноустановок…

В целях безусловного выполнения поставленных третьим пятилетним планом задач XVIII съезд ВКП (б) требует от всех партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций:

а) живой оперативности и деловитости хозяйственного руководства, сосредоточения работы руководителей на правильном подборе кадров, на повседневной фактической проверке исполнения установленных партией и правительством заданий...

в) развертывания социалистического соревнования и стахановского движения...»

И подчеркивается:

«Осуществление великих задач третьего пятилетнего плана настолько тесно связано с кровными интересами рабочих, крестьян и советской интеллигенции, что обеспечение его выполнения зависит, прежде всего, от нас - коммунистов и непартийных руководителей, а особенно от нашего умения организовать труд и поднять коммунистическое воспитание трудящихся. От всех нас, от руководителей и рядовых рабочих, служащих и колхозников требуется, в первую голову, сознательное отношение к своим обязанностям, честный труд и помощь отстающим для того, чтобы третий пятилетний план победил...»

И дальше:

«... решающее значение для успеха нашего дела приобретает коммунистическая сознательность в работе на пользу нашего государства, народа и всех трудящихся, - гигантски поднимается роль советской интеллигенции, умеющей по-большевистски работать, по-большевистски бороться за подъем культурности и коммунистической сознательности трудящихся».

Вот то, что сказано о поведении в тезисах доклада товарища В.М. Молотова.

Спрашивается: это и есть то, о чем мы собрались сегодня говорить, это и есть вопросы коммунистического воспитания? Производительность труда имеет отношение к коммунистическому поведению или это чисто производственная, экономическая категория, и она не стоит в плане этики, в плане нашей морали? Повышение уровня культурного и культурно-технического - это стоит в плане коммунистического воспитания или это какая-то узкая область, лежащая в плане производства? А оперативность, деловитость - это категории коммунистического поведения или нет? Эту оперативность, деловитость, умение подбирать кадры, подбирать помощников - это нужно отнести к вопросам коммунистического поведения или для этого нужно отгородить какую-нибудь узкую область и надписать: Это подготовка кадров, это деловая работа, это дело.

Вообще, в какой мере в тезисах доклада товарища Молотова затронуты вопросы коммунистического поведения? Или может быть, они не затронуты и мы можем сказать: это относится к производству, к деловой работе, к управлению, а вот есть какая-то узкая область морали и эта область стоит отдельно от тезисов доклада товарища Молотова? Вот так нужно поставить вопрос.

Когда мы говорим о коммунистическом поведении, мы имеем склонность по старинке, по привычке считать областью поведения отношение к товарищам, к согражданам, к женщине, к ребенку, друг к другу. Это вопросы добра и зла, бытовой этики, Одно дело поведение человека на улице, в гостях, другое - поведение на работе. Разные это дела или одно и то же дело? Как мы на этот счет думаем? Вот так мы поставим вопрос и посмотрим, как он разрешается в нашем собственном опыте.

Коммунистическое воспитание мы начинаем не сегодня, оно начато 20 с лишним лет назад, оно начато для всего нашего народа с первого удара Октябрьской революции, а для партии большевиков коммунистическое воспитание начато с первых слов товарища Ленина. Коммунистическое воспитание - это не то, что стоит впереди перед нами, а то, что давно нас воспитывает и в значительной мере уже воспитало нас.

Наш советский человек, бывший русский, он отличается большими новыми особенностями. Русские, украинцы, белорусы, все иные народности, вообще советский человек, приобрели новые качества характера, новые качества личности, новые качества поведения.

Среди этих качеств можно отметить некоторые, всем прекрасно известные. Прежде всего, наш человек сделался субъектом мирового масштаба, он мыслит масштабами мира, у него дальний глаз, он видит, следит, интересуется всем тем, что происходит на всем земном шаре, он переживает те несчастья, которые происходят в Испании и в Китае, переживает как гражданин мира. На наших глазах советский человек сделался именно этим гражданином мира, а 22-23-24 года назад он был еще провинциальным человеком Российской империи, и эта провинциальность была одним из его главных качеств. Вот это качество сделаться человеком мирового знания, человеком мировых интересов и мировых вопросов - это уже большой шаг вперед в деле коммунистического воспитания.

Во-вторых, этот самый российский человек, советский гражданин, который на 80% был неграмотен и который вообще так далеко стоял от техники, как никакой другой гражданин никакого другого государства, сейчас сделался прежде всего техником. У нас мальчик в 7-9-12 лет больше техник, чем мы, старики, люди старшего поколения. Мы сплошь и рядом не знаем, что такое карбюратор, что такое зажигание и что такое капот, а большинство из нас, стариков, в особенности дам, серьезно думают, что капот это часть одежды. А наши мальчики знают, что такое капот и что такое зажигание.

Мне в особенности посчастливилось близко подойти к этой технической душе советского гражданина, когда этому гражданину 10-14 лет. Я и сам, как все педагоги, думал, что ребенку нужно давать легкую работу, т.е. давать шить трусики или

чинить обувь, иногда делать табуретки. Когда мы говорим - делать плохую табуретку, сшить плохие ботинки, и кое-как сшить рубашку, мы считаем, что это полезный детский труд и детская техника. И я так думал и предлагал своим ребятам такую работу.

А поработавши с ними 12 лет, я им предложил заграничные драгоценные станки, сложнейшие, в которых действительно дышит интеграл, предложил делать «лейки», советские «ФЭД». Что такое «лейки»? Это 300 деталей, точность которых 0,001 мм. Это производство с заменяемостью частей. Это точное, сложное, трудное дело. Там, наконец, оптика, которую когда-то знали только немцы, а в царской России не умели вообще делать точной оптики.

И вот я не побоялся предложить это ребятам[6Б]. И сам удивлялся: четырехчасовой рабочий день. Вот он стоит у автомата, у револьверного, зуборезного, шлифовального станка, и рядом с ним стоит взрослый наемный рабочий, у которого больше сил и больше, как будто, здравого смысла, это человек моего возраста. И казалось мне и моим инженерам, что это все- таки рабочий, а это ребенок, детский труд.

И сколько процентов нужно скинуть на эту детскую производительность труда? И оказалось, что этот ребенок в течение четырех часов выполняет норму и, самое главное, - делает быстро, делает со страстью и даже хорошо.

Знаете, что такое станок. Он параден, красив, он дорог. Он весь блестит, у него медные красивые металлические части. Его нужно беречь, холить. И наши советские мальчики именно так к нему относятся. Какой может быть разговор о порче станка! Пятнышка на станке, неубранной стружки не должно быть.

И я увидел, что проблема пятнышка на станке - это есть моральный вопрос, это этика. Этика нового человека, еще молодого, но взявшего эту этику от нашего общества, эту новую свою человеческую душу, которая в станке, в работе видит для себя какой-то транспарант для поведения. И у нас молодежь, вероятно, стоит выше какой угодно другой молодежи.

Откуда пошло стахановское движение? Мы, молодые советские граждане, оказались талантливыми техниками, талантливыми покорителями природы, значит, талантливыми борцами за новые богатства, за новую жизнь.

Еще какие качества, уже как продукт коммунистического воспитания, которое мы прошли, есть у нас? Это всем известно, об этом все говорили, что русский человек по природе раб, который привык быть рабом, и не может не быть рабом. В этом заключалось гнусное возражение против всяких реформ, в этом заключалась явная вера ретроградов и тайная вера либералов: русский человек раб, и только оставаясь рабом он может работать.

И вот - где эта наша привычка к рабству? Что осталось от нашей привычки к татарщине, к крепостному праву, к барину, к самодержавию? - Ничего не осталось! Трудно себе представить, чтобы советский гражданин мог допустить когда-нибудь возвращение к рабству. Но это не значит, что он сделался анархистом. Нет, он нашел в себе больной гений, большой талант. Там было рабство, теперь сознательная дисциплина. Это новое качество, воспитанное всем процессом нашей борьбы, это результат коммунистического воспитания.

Теперь тот самый неграмотный человек, который в подавляющем большинстве на печатную бумагу смотрел как на сырье для цыгарки, этот самый человек, мало того, что сделался читателем, что книг не хватает, что никакие тиражи не могут заполнить нашего спроса, - он сделался качественным читателем.

Я часто встречаюсь с моими читателями на конференциях, на встречах и беседах, и по правде вам сказать, когда я в первый раз попал на такую конференцию, я про себя тайно думал: ну что? Это - читатель, как-нибудь поговорим. Это же не критик, который в меня и шпагой и иголкой тычет. Это читатель, добрый человек, который что простит, того не разберет.

Ничего подобного! Пожалуй, критик, журналист, литературовед не может сравниться с нашим советским читателем по вкусу, по умению определить, что хорошо сделано, что плохо сделано, что нужно, что не нужно, что интересно, что не интересно, что ценно, что не ценно.

Советский читатель - это человек богатого вкуса, больших требований к литературе и большого умения разбираться в литературе, и еще самое главное, что его отличает и что всегда отличало лучшую часть русской интеллигенции, - это подход к книге как к другу, как к идейной категории, а не к тому, что должно развлекать. Наш советский читатель - это человек, который в книге ищет мудрости, знания, идею. Это требовательный, высокопринципиальный и высококультурный читатель.

Он таким сделался на наших глазах на протяжении двух десятков лет. И таков он, в какой хотите аудитории. Я бываю и в московских собраниях, и в деревенских, и в провинции, и трудно сказать, где он выше. То, что он говорит, как он думает, как он умеет анализировать, как он умеет чувствовать, верить, а не ругаться - это огромной культуры души, огромной культуры личности. И ничто меня так не радеет, как эта культура.

Нельзя даже сказать, что это сделала школа. Это сделала вся наша жизнь, все наше движение. Это тоже результат коммунистического воспитания.

И, наконец, главное достоинство, главное качество нашего гражданина, в котором никто не может сомневаться, - это наше единство. Я всегда, когда еще не было революции (интеллигенция всегда сомневалась), - я думал, что может быть? 100 народов, 100 языков, русский, якут, грузин, - как можно примирить всю эту массу, которую царь держал железным обручем. А у нас единственный обруч - это уважение, это наш гуманизм, подобного история никогда, конечно, не видела.

Вот это наше единство, единство всего народа, единство всех граждан, это наше чудесное уважение, любовь к большевистской партии, к нашему руководству, это единство, несмотря на то, что мы умеем критикнуть, имеем свое мнение, умеем поговорить, что вот это не нравится, позудить и т. д. или мысленно сдержать свое стремление, и все-таки несмотря на то, что у нас так много людей - 170 миллионов, - эта единая советская душа, душа советского народа, это великое благо для всех нас и всего будущего человечества. Этот результат коммунистического воспитания уже в наличии, уже готовый.

Значит ли это, что мы уже так коммунистически воспитаны, что дальше нам нечего делать? Я должен сказать, что в общем дело настоящего большого коммунистического воспитания только еще начинается. И вот поэтому уместно сейчас задать себе вопрос: а что такое коммунистическое воспитание, что такое коммунистическое поведение?

Вы знаете, что в жизни не всегда войдешь в глубину термина и думаешь, что коммунистическое воспитание - это хорошее воспитание, а коммунистическое поведение - это хорошее поведение. И до революции было у людей хорошее поведение и плохое. Может быть, и теперь так же: кто себя хорошо ведет, кто не пьянствует, жену не бьет, не слишком часто изменяет, заботится о своих детях до какого-то нормального предала, не врет, не крадет - значит, это хорошее поведение, коммунистическое поведение.

Так это или не так? Поскольку мне приходится часто беседовать с молодежью и с пожилыми людьми, то приходится встречать такое мнение: это хороший человек, хорошо себя ведет, так будем считать, что он коммунистически воспитан. Так это или не так?

По вопросам коммунистического воспитания, всем вам, людям образованным и грамотным, очень хорошо известны основные положения Ленина. Я напомню вам главное из них и поэтому вы вспомните все остальные. Ленин говорит:

«...нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов[7]».

Все то, что служит этой задаче освобождения трудящихся, все то, что служит задачам революции, будет нравственно, а что не служит этой задаче, будет безнравственно. Это общий критерий для положения о коммунистической нравственности. Мы это знаем, мы в это верим, мы хорошо это знаем. Я не представляю себе одного из вас, если вас спросят: а какой основной тезис товарища Ленина о нравственности? Каждый из вас обязательно это скажет и ответит. Но это общая формула. А вот коснемся частного случая, такой мелочи: «Почему ты не сделал чего-то?»

- «Забыл, выскочило из головы». Третий человек говорит: «Безобразие, что ты забываешь». А четвертый возражает: «Ну, чего ты к нему пристал, он не виноват, он забыл». И действительно, человек что-то помнил, помнил, а потом забыл. Ведь, естественно, можно же забыть. Это естественный поступок.

Имеет это отношение к формуле товарища Ленина? Конечно, имеет.

Другой случай, не к ночи будет помянуто. У меня семья, жена, дети, а потом я встретил, ну где? у знакомых, в театре, на работе, встретил красивую женщину. Очень важное обстоятельство: красивая женщина. Такие глаза, такой голос, такой характер, походка. Важное обстоятельство. И влюбился. Все говорят - правильно, нельзя не влюбится. Бросил жену, бросил детей. Алименты платить вообще не согласен. Плачу. Но мне не хватает на новую семью, и действительно не хватает, тут же тоже дети. Где же взять столько средств? Суд требует.

Это поведение проверяется формулой товарища Ленина или не проверяется? Могут найтись люди, которые скажут: «Ну, причем тут победа революции? Я же влюбился, а революция мне именно позволила влюбиться. До революции черта с два - влюбляться нельзя, конченный человек. Именно революция, освободила меня от семьи, ребят, от семейных цепей, и я хожу без цепей, в кого хочу, в того и влюбляюсь. Значит, какие могут быть разговоры, что такое поведение идет против революции, когда это дар революции, это успех, это результат, это продукт, это революционная победа. Значит тут нечего говорить».

Я написал «Книгу для родителей», и там есть такой отдельчик, направленный против алиментщиков. Сколько я писем получил от товарищей мужчин, с какими упреками, где прямо сказано: « Вы что же хотите? Нерасторжимого брака?» И так пишут: «Это цепи, которые резолюция сбросила с человека». Я отвечаю: «Нет, не цепей, а хочу коммунистического поведения». И некоторые вступают со мной в переписку и доказывают, что коммунистическое поведение здесь ни при чем, напротив, именно человек, т.е. не член партии, а человек по характеру коммунист, должен жить счастливо, должен жить свободно, не должен быть рабом ни своих чувств, ни своих действий, ни своей жены.

И крыть нечем. Имеет право. Иначе, в самом деле, для чего кровь проливали. Так вот и такой вопрос имеет важное значение. И выходит, что формула товарища Ленина о том, что такое коммунистическая нравственность, нужна нам не только для того, чтобы ее выучить и щегольнуть на зачетах и когда нужно поспорить и доказать, что я человек грамотный.

Она нужна нам для того, чтобы в каждом отдельном случае, на каждом шагу, в каждом движении уметь этой формулой проверить свое поведение и узнать - коммунистически я поступаю или не коммунистически. И совершенно ясно, что для того, чтобы эту формулу расширить до мельчайших деталей наших поступков, нужно большое усилие всех нас, нужна мысль, нужно искать, анализировать проблему, нужно расширить эту формулу до каждой маленькой проблемы.

Но и этого мало. Еще нужно так привыкнуть к новым требованиям новой нравственности, чтобы соблюдать эти требования, уже не обременяя наше сознание каждый раз отдельными поисками.

Вот общее положение о коммунистической нравственности и общие наши обязательства по отношению к этой формуле.

Многие у нас часто злоупотребляют словом «сознательность»[8] и говорят: он сознательно поступил или несознательно. Это значит, что если он сознательно поступил, а это хорошо, а несознательно поступил - значит плохо. Я, как педагог, у меня всегда на руках были тяжелые характеры, старался добиваться сознательных поступков. Но я скоро увидел, что это невозможно всегда рассуждать о том, как поступить или, как говорят украинцы, «систы и заходыты в думы», «сесть и подумать». Невозможно на каждом шагу «заходить в думы». То есть нельзя загружать наше сознание на каждом шагу этой страшной работой проверки. Причем, ведь человек всегда что-нибудь делает, всегда совершает акт поведения. Иногда это мелочь. Даже неловко вспоминать.

Тип москвича, например. Я в Москве 2 года и раньше не знал, какие москвичи. Я провинциал, да еще хохол, украинец, другое было представление о человеке, и вот мой первый образ москвича.

Я приехал в Москву с 2-3 чемоданами в длительную командировку, и друг-москвич меня встретил на вокзале. Я по - провинциальному говорю: такси что ли взять или извозчика.

- Нет, говорит, поедем на трамвае. У нас все делается на трамвае. Петька, Колька, Миша есть и т.д.

Ну, думаю, посмотрю, как это делают москвичи. Идет трамвай. Страшный разгон, и вся масса этих людей и чемоданов влетает в вагон. Ругань, протесты. Я думаю «нет», а он кричит: «Что же ты стоишь, лезь на переднюю площадку». Я растерялся. А он уже всех растолкал, кому-то подал чемодан, успел еще произвести какие-то разрушения и меня впихнул. Спрашиваю: «А где же третий чемодан?» - «Если Мишка не сел, чемодан у него, то он доедет на следующем трамвае.» - «Да ведь ты не сказал Мишке, куда ехать». – «Ах, не сказал? Ну, он сам догадается».

Не говоря о том, что мне истоптали сапоги (я 1 рубль заплатил за их чистку), оторвали пуговицы, но я целый день искал третий чемодан, который завез Мишка.

Вот этот страшный патриотизм, эта энергия, эта гордость: у нас в Москве так! - убежденность, уверенность, уверенность, что в Москве все хорошо приспособлено. Целая куча неприятностей, а он уверен, что все правильно, что все так и нужно.

Скажите, чем проверить это поведение? Неужели в таком пустяке, как вопрос о том, как перевести чемодан, тоже нужно сесть и подумать? Это рефлекс, это привычка к определенному поведению. И совершенно ясно, что кроме сознания, нам нужно выработать какую-то привычку.

А мы идем к коммунизму. Легко сказать: «от каждого по способности, каждому по потребности»[9]. Давайте по секрету поговорим. Как мы об этом думаем: «каждому по потребности»? И сколько очень легкомысленных мыслей иногда приходит вам в голову. Вот как хорошо: каждому по потребности. Вот у меня потребность: я желаю иметь 10 костюмов - получу я их или нет? Я желаю иметь дачу, я не хочу «М–1», у меня потребность на «ЗИС». Я хочу каждый день ходить в Большой театр и сидеть в первом ряду. Это моя потребность.

Товарищи, для того, чтобы справиться с таким вопросом, что такое потребность и как мы представляем себе, как будет действительно удовлетворяться потребность каждого, - для этого нужно, чтобы не только сознательно, умно относиться к своему поведению, а чтобы у нас была привычка правильно поступать.

Вот товарищ Ленин в своей книге «Государство и революция», между прочим, подчеркивает значение именно привычки, он говорит, как будет при коммунизме: это будет всенародный учет, и уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться таким быстрым и серьезным наказанием, что необходимость

соблюдать несложные и основные правила всего человеческого общежития очень скоро станет привычкой. Товарищ Ленин слово «привычка» подчеркивает.

Таким образом, и наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т.е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли. И воспитание этих привычек – гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания[10].

Вот в моей работе воспитания трудных характеров из того материала, который у меня бил, до сознания довести было всегда очень легко. Все же человек понимает, человек сознает, что нужно поступать так. А вот когда приходится на деле поступать, то он поступает иначе, в особенности в тех случаях, когда этот поступок совершается по секрету.

Вот это страшная проверка сознания: поступок по секрету. Как человек поступает, когда его никто не видит, не слышит, и никто не проверяет? И я потом над этим вопросом должен был очень много работать. Я понял, что легко научить человека поступать правильно в моем присутствии, в присутствии коллектива, а вот научить его поступать правильно, когда никто не слышит, не видит и не узнает о том, как он поступил, - это очень трудно.

Я помню такой случай. Коммуна им. Ф.Э. Дзержинского была уже в полном блеске, когда кто-то предложил на собрании такой тезис: «Мы настолько сильны и настолько дисциплинированы и настолько себя уважаем, что мы предлагаем, что в трамвае коммунары обязаны уступать место всем».

Сначала предложили: уступать место старикам, старушкам, калекам, женщинам, но потом поговорили на общем собрании и решили: нет, уступать место всем. Потому что мы не знаем: вот вошел человек в трамвай - болен он или устал, или далеко ему ехать, или он много работал. Поэтому постановили, что коммунары всегда должны уступать место всем.

Все были довольны, все радовались, потому что это признак уважения к себе, это признак моей силы и чувствовать эту силу в своем коллективе - это радостное переживание. И мы были довольны. Мы были довольны, что пришли к этой силе. И я был доволен.

Многие ребята в школе начали нам подражать. И вдруг на фоне этого общего благополучия месяца через два один коммунар говорит: «у нас многие коммунары уступают место в вагоне и стоят, смотрят: все ли заметили, все ли увидели это. В глаза всем заглядывает. Предлагаю: пусть не заглядывает в глаза, пусть не задается своим поступком, как кокетка, не смотрит всем в глаза. Надо так поступать, чтобы никому в глаза не заглядывать и чтобы никто не заметил, что ты ему место уступил».

И вот я дальше смотрю: он осторожно сдвинется с места, чтобы никто не заметил, ушел в сторону, и никто не заметил. Вот, товарищи, поступок здоровый, такой красивый поступок, которым хочется пококетничать.

Сделать для себя, для собственной идеи, для идеи, для принципа - это уже трудно, и научиться так поступать страшно трудно, и трудно научить так поступать, хотя это сущий пустяк. Например, вы идете по берегу реки, тонет девочка, вы прыгнули, вытащили девочку и пошли. Что такое, если вас увидят 3-4 человека и будут вам аплодировать? Пустяки. А хочется.

Помните случай в Москве, когда был пожар. Какой-то молодой человек проезжал в трамвае, увидел девушку на каком-то этаже, полез, вытащил девушку и скрылся. Никто не знал, как его найти. Вот это идеальный поступок. Поступок для правильной идеи.

В каждом случае мне приходилось страдать над этой проблемой. Мы натирали [паркетные] полы каждый день. Натерли пол, зал блестит, и кто-то плюнул на пол. Пустяковый случай. Уверяю вас, никакое воровство, никакое хулиганство не доводило меня так до белого каления, как этот плевок. Почему плюнул? Потому что никто

не видел. Ведь это, может быть, тот самый лучший комсомолец, который от других требует правильного поведения, сам прекрасный ударник, идет впереди. И когда он остался один, наедине, когда его никто не видел, - он плюнул на работу своих товарищей, на свой собственный уют, на свое собственное жилище, на свою эстетику и красоту, плюнул потому, что никто не видел.

Вот это противоречие между сознанием, как нужно поступить, и привычкой, как поступить. Между ними есть какая-то маленькая канавка, и нужно эту канавку заполнить опытом. Именно о такой привычке к правильным поступкам говорит товарищ Ленин.

Вот общие положения о задачах коммунистического воспитания. Перед нами стоят эти задачи. Мы должны в ближайшие 5 лет, во всяком случае, в эти 5 лет, мы должны пройти этот путь коммунистического воспитания. Кто будет нас воспитывать? Конечно, нас будет воспитывать жизнь, та самая советская жизнь, советское движение вперед, советские победы, которые и до сих пор нас воспитывали. Мы будем воспитывать сами себя.

Теперь только остается закончить вопрос тем, чтобы ответить на такой вопрос: а это возможно? Вот что интересно. Я написал книгу «Флаги на башнях», в которой описал коммуну им. Дзержинского. Это была хорошая коммуна, это был образцовый коллектив. Я могу без ложного стыда это утверждать. И я так описал, как было дело. Первыми не поверили критики. Один сказал: Макаренко рассказывает сказки. Другой критик добавил: это мечта Макаренко. А я подумал: чего от критиков можно ждать? Сидят они в своих кабинетах, ничего не видят, не слышат, пусть пишут.

Но вот я получил письмо от учащихся 379-й школы. Длинное товарищеское письмо. Поздравляют меня и говорят: «Читали вашу книгу «Флаги на башнях», она нам очень нравится. Но только у вас там все какие-то очень хорошие коммунары, а у человека есть достоинства и недостатки, так и нужно людей описывать».

Это распространенное наше мнение, что у человека должны быть и достоинства и недостатки. Так думают и молодые люди, и школьники. И как хорошо становится жить при сознании: достоинства шлею, недостатки тоже есть! И дальше идет самоутешение: если бы не било недостатков, то это была бы схема, а не человек. Недостатки должны быть для красочности и т.д. И мы думаем, что познали жизнь.

Но с какой стати должны быть недостатки? А я говорю: никаких недостатков не должно быть! И если у вас 20 достоинств и 10 недостатков, мы должны к вам пристать, как собаки: а почему у вас 10 недостатков? Долой 5. Когда 5 останется - долой 2, пусть 3 остается. Ну, один, как для музея, можно оставить. А вообще от человека нужно требовать, требовать, требовать! И каждый человек от себя должен требовать. Я бы никогда не пришел к этому убеждению, если бы мне не пришлось в этом отношении работать.

Зачем у человека должны быть недостатки? Я должен совершенствовать коллектив до тех пор, пока не будет недостатков. И что вы думаете? Получается схема? - Нет! Получается прекрасный человек, полный своей личной жизни. А разве это человек, если он хороший работник, но за галстук заливает, если он замечательный инженер, но любит солгать, так, не всегда правду сказать. Что это такое: замечательный инженер, но Хлестаков.

А теперь мы спросим: а какие же недостатки можно оставить?

Вот если вы хотите проводить коммунистическое воспитание активным образом и если при вас будут утверждать, что должны быть у каждого недостатки, вы спросите – а какие? Вы посмотрите, что вам будут отвечать. Какие недостатки могут оставаться? Тайно взять - нельзя, схулиганить - нельзя, украсть - нельзя, нечестно поступить - нельзя. А какие же можно? Можно оставить вспыльчивый характер? - Спасибо, с какой стати? Среди нас будет жить человек с вспыльчивым характером, и

он может назвать меня мерзавцем, скотом, а потом скажет: извините, извините, извините, у меня вспыльчивый характер.

Вот именно, в советской этике должна быть серьезная категория требовании к человеку, и только эти требования к человеку и смогут привести к тому, что у нас будет развиваться коммунистическое воспитание, в первую очередь требование к себе.

Это ужасно трудная вещь - требование к себе. Моя же «специальность» - правильное поведение, я-то должен был, во всяком случае, правильно себя вести в первую очередь. С других требовать легко, а как от себя – черт его знает, на какую-то резину наталкиваешься, все хочешь себя чем-то извинить. То делаешь вид, что ты не заметил, а просто тайно сделаешь гадость потому, что никто не узнает.

Это самая трудная вещь - требовать от себя. И я очень благодарен моему коммунарскому коллективу им. Горького и им. Дзержинского за то, что в ответ на мои требования к ним они предъявляли требования и ко мне.

Они меня воспитывали. Например, такой случай. Я наказывал коммунаров, сажая под «домашний арест» у меня в кабинете. Один час под арест. Приходит в кабинет и сидит под арестом. Бывали случаи - посидит полчаса, и я говорю: иди. И думаю, какой я добрый человек, наказал на 5 часов и через полчаса отпустил. И дальше думаю: вот меня будут любить теперь, потому что я такой добрый, и мальчика не мучаю. Вообще - благорастворение души. И вдруг на общем собрании говорят: «У нас есть предложение. Антон Семенович имеет право наказывать. Правильно, надо всегда наказывать, поддерживаем, приветствуем это право. Но предлагаем, чтобы он не имел права прощать и отпускать. Что это такое - Антон Семенович на 5 часов накажет, а потом у него доброе сердце, попросили - и он простил. Какое же он право имел прощать? Если наказан на 5 часов, значит должен сидеть 5 часов, а не должен заглядывать в глаза Антону Семеновичу. Иногда Антон Семенович с размаху скажет: под арест на 10 часов, а потом через час отпускает. Неправильно. Вы раньше, чем наказывать, подумайте, на сколько часов. А то вы скажете 10 часов, а потом прощаете. Никуда не годится».

Постановили на общем собрании: «Начальник имеет право наказывать, но не имеет права прощать». Так, как судья, вынес приговор, и через несколько минут сам ничего поделать не может. Приговор вынесен и все. И я сказал: «Спасибо не за то, что правильное предложение внесли, а спасибо за то, что меня воспитываете». Стремление закрыть глаза - простить или не простить - это распущенность собственного поведения, разболтанность собственного решения. Я учился у моих коммунаров, как быть требовательным к себе. И каждый может учиться у других людей, но это очень трудная вещь.

Вот товарищ Сталин говорит о трудных делах: «Мы не можем уподобляться расслабленным людям, бегущим от трудностей и ищущим легкой работы»[11].

Воспитание себя, коммунистическое воспитание себя – это очень трудная работа. Но не сделать ее может только расслабленный человек, который ищет легкой работы.

Перерыв.

Как-то выходит, затягивается наша беседа. Я постараюсь все-таки сжиматься.

У нас теперь вопрос о борьбе с пережитками капитализма[12].

Нечего скрывать, у нас в каждом пережитки капитализма есть. Но, к сожалению, не произведено такой серьезной работы по учету пережитков капитализма и поэтому мы склонны в порядке домашних споров относить к пережиткам капитализма решительно все.

Ну, скажем, ревность - это пережиток капитализма или нет? Ко мне недавно пришли три студента I курса и спрашивают: «Спорим, спорим и никак выспорить не можем. Ревность - это пережиток капитализма или нет? С одной стороны, как будто

пережиток капитализма, потому что я ее люблю, а она другого любит. Я как будто собственник и предъявляю свои права собственности. А с другой стороны, как же можно любить без ревности, как это можно любить и не ревновать? Это не настоящая любовь. Какая это любовь, когда тебе все равно, как она на товарища посмотрит». И на самом деле, ревность – такая вещь, которую, пожалуй, так легко к капитализму не отнесешь. И приходится иногда думать: а вдруг это советская ревность. Во всяком случае, такой вопрос поставить можно.

Дальше, допустим выпить лишнее - пережиток капитализма или нет? Как же пережиток капитализма, если тебе 23 года, ты при капитализме не жил и начал выпивать вообще при советской власти. Почему это пережиток? Это как раз тоже наше явление.

Ну, возьмем такую очень распространенную штуку, как эгоизм. Опять-таки есть люди, которые говорят: эгоизм - это пережиток капитализма несомненный. А другие говорят: нет, как раз без эгоизма не проживешь никак, эгоизм – здоровое явление. Человек, не имеющий эгоизма, это значит: что с ним хочешь, то и делай. Это не пережиток. И много других явлений есть, о которых мы так и не знаем и обычно сваливаем в одну кучу и говорим: это пережиток капитализма.

А на самом деле некоторые вещи порождены нашей советской жизнью. Возьмите вы горячность, излишнюю самоуверенность, даже удальство, - оно у нас сплошь и рядом рожается от нас, от нашего советского патриотизма, пафоса, когда человек прет вперед, стремится к цели и часто все разрушает на своем пути. Это неосмотрительность, это плохая ориентировка. Это уже, конечно, не пережиток капитализма.

Вообще пережитков много, и они разнообразны. Самый настоящий пережиток капитализма как раз мы и не наблюдаем. Трудно представить себе, чтобы наш гражданин, пускай даже в порядке анекдота, мечтал открыть бакалейную лавочку, покупать дешево, продавать дорого. Такого явления мы уже не видим, и даже втайне никто об этом не мечтает. Этих настоящих пережитков экономических методов капитализма у нас, конечно, нет. Трудно себе представить человека нашего общества, который бы хотел кого-нибудь эксплуатировать, думал бы об этом сознательно. А бывает, наблюдаем в жизни: эксплуатирует человек другого.

В позапрошлом году я поехал с товарищем по Волге. Хороший друг. Но он меня всю дорогу, 20 дней, «эксплуатировал»[13]. Заказать постель - он не мог, пойти на пристань, что-нибудь купить - не мог. Пошел купить раз огурцов - купил гнилых. Кипятку достать, билеты купить, машину найти - ничего не мог. И я на него, как робот, работал все это время. Он эксплуатировал меня и спокойно жил, пользуясь моим трудом.

И на каждом шагу мы видим сейчас у нас этот пережиток капитализма. В особенности, если спросим женщин - как мы их эксплуатируем. И я раньше думал: ну, кого это касается, по-семейному согласились. Я служу и жена служит, а кроме того и обед готовит, и носки штопает. И мне в голову не приходило, что я сам должен штопать носки.

А в коммуне я понял, что такое атавизмы со стремлением эксплуатировать женщин. Вот у меня хорошие ребята, комсомольцы, воспитанные ребята и спрашивают: кто будет чинить носки? Носки рвутся, и нельзя же каждый раз новые носки покупать. Правда, а девочки, говорят, разве они не могут чинить? Ах, так, говорю. Вот вам инструктор, и вот вам, товарищи мальчики-комсомольцы, каждый день урок, как штопать носки. «Не мужское это дело, говорят». И тут я им всласть наговорил. И научились, и научились и чинить носки, и заплаты клали.

Я бы на месте наших женщин каждый день в работу мужа брал: научись чинить носки. Потому что просто стыдно: мы, мужчины советского героического периода, победившие на всех фронтах всех врагов, и такой пустяк сваливаем на женщин, а для женщин это трудно, это большая работа. И иногда приходится наблюдать

наших замечательных советских женщин, которые работают вместе с нами, несут вместе с нами все наше рабочее напряжение, и наши радости и печати, где-то там по ночам, когда глава семьи спит, чинят носки.

Приятная это работа? Вы не думайте, что я достиг в этом деле совершенства, но я, честно, не ношу носков и ботинок, я ношу сапоги и портянки, но я не эксплуатирую свою жену. И я не дошел еще до того, чтобы купить себе хороший пиджачный костюм, как мне хочется, и чинить носки. Нет, все-таки я еще носков чинить не буду. Я еще не достиг совершенства. Но я ставлю такую задачу.

Мы очень много эксплуатируем наших женщин. В коммуне я добился, что там не было эксплуатации девушек, а в жизни я вижу, что этого еще нет. В особенности я задумался над этим вопросом недавно, когда пришла ко мне одна женщина. Ко мне иногда приходят разные люди. Но я никак не мог ожидать такого страдания. Она пришла, сидит и плачет. «Чего вы плачете?» - «Не могу выносить, как мужчины эксплуатируют женщин». – «Кого, вас?» - «Нет, я одинокая». Затем я понял, что у нее есть основания страдать.

Это человек большой души, которая от революции ждала настоящего женского освобождения. И она видит, что настоящего женского освобождения нет. Тут пережиток капитализма крепко сидит у нас. Мы его всегда видим, все знаем, и все благодушно допускаем, пользуясь - чем? Предательски пользуясь тем, что женщины нас любят и хорошо к нам относятся. Предательски эксплуатируем не только работницу - женщину, но и любящего нас человека. Вот какая страшная форма эксплуатации. Это пережиток.

Есть пережитки не такие буржуазные в самом своем содержании, есть вытекающие из нашего незнания, нашего неумения, из нашего роста - это уже не пережиток, а недожиток.

Но есть один сорт пережитков, о котором мы меньше всего думаем и которые составляют настоящую систему пережитков старины. Это старая этика, старая система морали, по которой мы жили, наш народ жил тысячу лет, а человечество 2 тысячи лет или больше. Мы закрываем глаза, мы делаем вид, что мы этой старой системы морали не замечаем, что ее нет, а она есть. Не собрание пережитков, не сумма отдельных атавизмов и пережитков, а система традиций, система взглядов, логика. Это христианская этика.

Нам кажется, что мы покончили с этим: храмы, батюшки, мифы. Вся догматика христианства очень легко слетела с нашей территории. А вот этическая система, представления о поведении, традиции, представления о нравах, об идеалах поведения у нас еще очень крепко живут, и у самых настоящих советских людей, у членов партии, у настоящих большевиков. Этические представления христианства.

Я под христианством вовсе не хочу понимать какое-то ортодоксальное христианство со всеми его положительными утверждениями. Я под христианством понимаю все то, что выросло на христианской почве. Я к христианству отношу всю европейскую цивилизацию, эту европейскую этику, которая выявляется не только в православном или в католике, а и в еврее и магометанине. Вся накопленная двухтысячной историей этическая жизнь классового общества. Это самая страшная груда пережитков.

У себя в работе среди коммунаров я сначала по неопытности считал главным и самым трудным объектом своей заботы воров, хулиганов, оскорбителей, насильников, дезорганизаторов. Это характеры, которые ничем не удержишь. Не за что взяться. Буянят, бузят. А потом я понял, как я ошибаюсь. Тот, который грубит, не хочет работать, который стащил у товарища три рубля из-под подушки, - это не было самой главной трудностью и не из этого вырастали враги в обществе. А тихони, исусики, которые всем нравились, который все сделает, лишний раз на глаза не попадется, никакой дурной мысли не выразит, - у себя в спальне среди 15 товарищей имеют сундук и запирают его на замок.

И «исусики» (так их называли коммунары), я знал, что это тот характер, над которым мне прежде всего нужно работать, потому что этот исусик так и проскользнет мимо моих рук, и я не могу ручаться ни за мысли его, ни за поступки. Он и выйдет в жизнь, и я всегда буду ждать: а что он сделает. И по отношению к таким исусикам я особенно всегда настороже. Я тряс его изо дня в день, чтобы он почувствовал. Со своей подлой душой – и прикидываться хорошим человеком.

И потом мои коммунары научились бороться с таким характером и на серебряном блюде подавать его во всей его неприглядности.

И эта корзина, которую человек запирает на замок, это страшная вещь. Представьте себе, живут 15 мальчиков. По нашей традиции нельзя было ничего запирать, кроме производства. Спальни не имели замков, корзинки не должны были запираться. 90 спален, когда ушли на работу, остаются без охраны. А он один повесил замок. И я знаю, что из такого человека получится. И таких людей ни наказанием, ничем не проберешь. Взорвать нужно его каким-то динамитом. И я 6 лет с таким возился. Все знали, что он исусик, что у него добрые глаза, что он по виду как будто хороший человек, но ни одному поступку его мы не верил.

И когда он просил, чтобы его командировали в военное училище, - нет - говорю. Почему? Потому что ты исусик.

И, наконец, он понял, что нельзя быть исусиком. Старался, старался, но своей природы не мог переделать. Ловили его на всякой гадости: то слушок какой-нибудь пустит, то на девочек потихоньку гадость скажет.

Наконец, ушел он в один из южных вузов, и я не мог быть спокойным, что из него выйдет человек. И когда он пришел ко мне прощаться, я изменил своему педагогическому такту и сказал: «Дрянью ты был, дрянь есть и дрянью ты останешься».

Он приехал потом ко мне в гости и сказал: «Сколько вы со мной возились, и ничего со мной поделать не могли, но вот то, что вы мне сказали - дрянью был, дрянью и будешь - этого я забыть не могу. И дрянью я не буду. И вот этот взрыв: того, что я ему сказал, он забыть не может. Он не может допустить, чтобы я был прав. И он приехал и говорит: «Вы ошиблись, не буду дрянью. Вы увидите». Я сказал: «Посмотрим. Вот ты кончаешь вуз, выходишь инженером, и мы посмотрим».

А ребята пишут: «Как там Сергей? Мы слышали, что хорошо учится. Не верим». Из другого города писали: «Что с Сергеем? Что-нибудь уже он выкинул?» Но его все-таки удалось удержать.

А сколько таких, которые промелькнули между рук, с которыми не работали. Вот эти исусики самые паскудные люди, это христиане, не в смысле религиозном, а в смысле наследия европейской христианской этики во всем ее объеме. Это страшная вещь! Это опыт двух тысяч лет этической жизни, что нам дало христианство! Если посмотреть на этическую систему христианства, - вы все знаете его историю, его догматику, его этику.

Я обращаю внимание только на одно обстоятельство. Христианская этика - это, конечно, индивидуализм, пессимистический индивидуализм. Это значит - ничего в жизни не могу взять. Возьми хоть какое-нибудь маленькое, свое, одинокое нравственное дело и соверши. А на небесах ты что-нибудь получишь. Это - индивидуализм, это - наплевательское отношение к коллективу. Если кто-нибудь ударит тебя в правую щеку, подставь ему левую. Почему? Каждый может распоряжаться своими щеками.

Но полная забывчивость о том, что есть негодяй, который ходит и лупит по щекам. А мне наплевать, я подставляю, я совершенство. А что происходит в жизни, меня мало интересует. Коллектив, общество меня не интересуют. Хуже того: Блаженны... Радуйтесь и веселитесь…[14] Переведем на советский язык: «Будьте счастливы, если вас оклевещут, если о вас наговорят гадости, если взвалят на вас небывалое обвинение - радуйтесь и веселитесь». Ну, хорошо.

А тот мерзавец, который вас оболгал и оклеветал, он же живет в обществе и других может оклеветать. Нет, это меня не интересует, ибо «не судите, да не судимы будете».

Это полное отрешение человека от коллектива. Это этика, совершенно противоположная нашей этике. Никакого требования ни к себе, ни к другим. «Можно, конечно, упражняться щеки подставлять. Хуже того – «посмотрите на птиц небесных, они ничего не делают, а живут»[15]. Никакого отношения к труду! Греши сколько угодно, грех не запрещается. А потом покайся, и все благополучно, и ты будешь счастлив.

Разве отражение этой двурушнической этики не осталось еще у нас? Разве не отсюда идет уверенность, что у человека могут быть недостатки? Это все идет от христианской этики. Все это породило только лишь кокетство. Подать милостыню - это кокетство, подставить щеку - это кокетство своим совершенством.

Это все искривление какой бы то ни было человеческой нравственности. И это сохранилось в наших привычках. Сентиментальность, нежная расслабленность, стремление насладиться хорошим поступком, прослезиться от хорошего поступка, не думая, к чему приведет вот такая сентиментальность. Это самый большой цинизм в практической жизни. Эти пережитки христианства остались в нашей жизни. Тот добр, тот все прощает, тот чересчур уживчив, тот чересчур нежен. Все это исусики. Настоящий советский гражданин понимает, что все эти явления расслабленной этики добра - все это противоречит нашему революционному делу, и с этими пережитками мы должны бороться.

Но главная борьба должна идти по выработке норм нашего коммунистического поведения. Я уверен, что наша коммунистическая этика, когда она сложится окончательно, она будет очень прозаической этикой. И этот прозаизм, эта близость к практической жизни, к простому здравому смыслу будет составлять силу нашей коммунистической этики.

Меня восхищают слова товарища Сталина:

«Особенность данного момента состоит в том, что мы уже успели сделать серьезные шаги в деле построения социализма, превратив социализм из иконы в прозаический предает повседневной практической работы»[16].

И не нужно говорить об идеалах, о добре, о совершеннейшей личности, о совершеннейшем поступке - мы должны мыслить всегда прозаически, в пределах практических требований нашего сегодняшнего, завтрашнего дня. И чем ближе мы будем к простой прозаической работе, тем естественнее и совершеннее будут и наши поступки.

Я думаю, что не может быть идеального совершенства в вопросах этики. Я переживал очень много сложных коллизий в своей педагогической работе как раз в вопросе совершенства. Возьмем такой простой вопрос: пить водку можно или нельзя? Христианин обязательно скажет: нельзя. Полное воздержание, водка - зло, не пей. И вот этот максимализм при всей прочей христианской инструментовке, он кажется даже близко стоящим к какому-то серьезному требованию. И рядом тут же всепрощение, полная нетребовательность к человеку. И максимализм висит в воздухе.

В нашей этике не может быть такого максимализма. Ничего не может быть свято, если это святое не идет навстречу интересам нашей революции.

Ко мне приходили ребята. Редко когда они приходили без бутылки водки в кармане. Эта беспризорная шпана больше пила, чем ела. Как она не придет в коммуну и не похвастается, что он пьет водку. И были такие люди среди них, которые приходили ко мне в 16-17 лет, и они уже привыкли пьянствовать. Что с ними делать?

Вот в нашей советской современной школе есть подобный, хотя и более мелкий вопрос: курение. Курят ученики 5-7-10 классов. Что мы, педагоги, делаем? Мы говорим с чисто христианским выражением на лице: «нельзя курить», - а они курят. Мы опять говорим: «нельзя курить», - а они курят. Что мы дальше должны делать?

Выгнать из школы? Нет. Эта же христианская душа запрещает курить - и не может выгнать за курение. Естественный результат: курят, только не открыто, при вас, а в уборной, в отхожем месте, то есть в самых вредных условиях.

Что делать? Как бороться? Надо же этот вопрос решить, а мы его решить не можем. И делаем вид, что у нас все благополучно: мы запрещаем курить. Ребята курят, получают полное удовольствие, а мы не видим, мы ничего не знаем. Все благополучно. Но это еще курение.

Ну, а водка? У меня были ребята, которые привыкли пить водку и которые иногда из отпуска в выходной день приходили пьяные и потом сидели у меня в кабинете и плакали у меня на плече. Что, мне легче от того, что он будет каждый выходной день плакать? Выгонять тоже нельзя. Я, конечно, по секрету от педагогического начальства вынужден был заняться этим вопросом с точки зрения коммунистической этики. Что мне делать? Выгонять? Куда же его выгонять? У меня последняя стадия его развития, и я знал, что если я буду сидеть на этой христианской двурушнической позиции, то он будет жить у меня пять лет, пять лет будет пить и будет пьяницей.

Мы все знаем, товарищи педагоги, что у нас дети живут до 18 лет, потом выходят в жизнь, а в жизни они будут пить водку. Мы считаем это нормальным. Пусть он пьет после 18 лет, я за него не отвечаю. А я не мог так поступить. Потому что главной моей задачей было не образование, а воспитание.

Что я делал? Я пришел к выводу, что я должен был научить их пить водку. Я их приглашал к себе домой, завхоз покупал водку, я ставил на стол закуску, приборы, клал салфетки, ножи, вилки, все очень культурно, я собирал 8-10 человек «отъявленных пьяниц» в 11 часов вечера, когда уже все легли спать и говорил им: «Строгий секрет. Никто не должен знать о нашем пире. Никто.» - «Будьте покойны». Они уже перепуганы этой обстановкой. А я говорю: «Буду учить вас пить водку и дам вам следующий совет. Вот 3 правила: на голодный желудок не пей; второе правило: выпьешь - закусывай. Повторите. И третье правило: знай, когда нужно остановиться, на какой рюмке, чтобы не потерять лицо человека. Это, говорят, хорошие правила.

Ну, давайте проделаем первое упражнение. Налили по рюмке. Выпили, закусили. Есть такие, спрашиваю, которые считают, что нужно остановиться на первой? - Нет, говорят, таких нет. Выпили по второй, по третьей. Я говорю: «Проверьте себя, вы себя знаете». И вот кое-кто говорит: «Нужно остановиться». Но были такие храбрецы, которые на десятой остановились. «Ну, теперь идите спать». И все трезвые. Они уважали меня и понимали, что я делаю дело.

А вот наше российское дело: где-нибудь в переулке, перевернуть литр, упасть и тут же заснуть у парадного крыльца.

Через неделю, через месяц спрашиваю: «Будете помнить мои правила?» - «Спасибо, сердечно вам спасибо, - говорят,- будем всегда ваши правила помнить. В голову нам не приходило, что и в этом деле нужна культура и можно чему-нибудь научиться. Когда пойдешь в город и купишь бутылку, нужно ведь ее всю выпить, куда же девать остаток? Закусывать? Где будешь закусывать? И потому все так и делается неправильно. Пьешь - и все…» И человек 50 за свою жизнь я вот так научил пить водку. У меня не было другого выхода. Я только в этом году стал рассказывать об этом, а то делал это в секрете.

Когда, например, в гости приезжает какой-нибудь капитан Красной Армии, ну, поставишь графинчик, закуску. И он говорит: «Всегда на шестой останавливаюсь. Всю жизнь буду помнить».

Товарищи, я к чему это рассказываю? Если бы я был христианин и захотел бы балансировать, жонглировать этикой, они бы у меня вышли пьяницами и теперь они были бы несчастные люди.

В колонии им. Горького, когда я еще не научился сам, как их исправлять, у нас был Лапоть[17] - замечательная личность, блестящий характер, блестящая натура, а спился. Не научил я его пить. Из-за пустяка спился. Влюбился в красивую девушку,

женился. А сам некрасивый. Какая же гарантия, что такая женщина не будет тебе изменять? А он нарвался на легкомысленную особу. Он человек больших чувств - запил. И теперь пьет. Я уже его взял в руки, я его отправил в[18]… Все силы он направил на это, но не мог.

И некоторые из Горьковской колонии, хорошие ребята, только потому, что я не справился с этим проклятым грехом, не научил, как его привести в культурный вид, пьют. Мы все кричали: не пей, не пей, будь как голубь.

Точно так же и с курением. Я не пошел на путь максимализма, я покупал табак и папиросы, и они курили в моем присутствии, у меня прикуривали. И именно это позволяло мне вести борьбу с курением другими средствами, средствами убеждения, врачебным вмешательством и, наконец, старшие курят на договоре: вы курите, а младшим курить не даете. И уже при этом условии - младшим не покурить.

Конечно, я мог вызвать врача, своего [бывшего] воспитанника, и сказать ему: вызови к себе, посмотри и попугай. И тогда врач вызывал мальчика и говорил: что у тебя с легкими делается, ты год проживешь. «А что такое?» - «Да там же один никотин». Я ему не запрещал курить, а доктор его пугал. И процент курящих у меня был невелик, он не превышал 15-20. И очень многие взрослые мальчики - комсомольцы бросили курить именно потому, что я из него не делал максималистской проблемы[19].

Что это все доказывает? Прозаичность нашего этического подхода, близость к жизни, то, что по нашим силам, то и есть наша этика, то, что вы способны сделать. Мы требовать должны, но исключительно посильные требования. Я в особенности считаю, что в нашей коммунистической этике всякое превышение уровня требований может только калечить.

Я помню спор между двумя студентами, моими воспитанниками. Один из них 19 лет. Вдруг на него нашла такая мизантропия: «А для чего жить, а какая цель?» У вас это тоже, наверное, бывает. Встает вопрос: а для чего жить? А какая цель жизни?

И потом такая сентенция: везде материя, материя и материя. Живем, а потом умрем и сгнием.

Я с ним возился, возился - не за что взять. А тут приехал товарищ и замечательно сказал: «Материя, говоришь?» - «Да» - «И музыка Чайковского тоже материя?» - «Да» - «Ну, что ж, с такой материей и жить можно. Материя хорошая. Никакой другой материи не хочу и духа другого не хочу». И убедил человека[20].

И от всей этики ничего не останется, если говорить высокими выражениями о добре, истине и т.д. Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшнего, завтрашнего нашего обыкновенного поведения. Вот почему и разделы, которые у нас проходят между добром и злом, между правильным и неправильным, выражаясь по старому, проходят не по тем линиям, как в христианстве.

Какое дело христианской этике до вопросов труда? Никакого. А у нас труд - это этическая категория. Все обязаны трудиться, а раз обязаны все, значит, это норма морали.

Но возьмем более сомнительные нормы, например, такие нормы, которые не могут значиться в христианстве, например, точность. Мы считаем часто, что у людей должны быть недостатки и сплошь и рядом считаем, что если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток. Я в коммуне известным образом преследовал любовь, так как не хотел, чтобы были ранние браки, считал, что это большое зло, поэтому обрабатывал любовные сюжеты вескими педагогическими и непедагогическими способами, то есть говорил: «Брось свою любовь». Так что это было объектом моего преследования.

И все-таки был случай, когда, одна коммунарка назначила коммунару свидание где-то в парке. А я нарвался на эту историю. Сидит она на скамье, я подсел и го-

ворю: «Ждешь кого-то?» - «Нет, так сижу». Неправда, говорю, ждешь такого- то и такого-то. Давай ждать вместе.

Ждем, ждем. 5 часов - нет, половина шестого - нет, и, наконец, в половине седьмого пришел. Я на него накинулся: «Что за безобразие? Обещал в 5 часов и приходи в 5, а то заставил ждать девушку, да и меня к тому же до половины 7-го».

И вы, товарищи девушки, разлюбляйте его, если он будет опаздывать. Точность в нашей жизни - это моральная норма. Вот, например, у нас в Союзе писателей существует такой обычай. Если нужно, чтобы заседание состоялось в 7 часов, то пишут: «Просят прибыть в 6 часов без опоздания». Это значит, приходи в 7. Написано в 6, потому что хотят, чтобы все собрались в 7. И если это все знают, то на час еще опоздают и придут в 8. И все приходят в 8.

Какое циничное отношение к точности! У нас привыкли спокойно опаздывать на 1-2 часа, в высшей степени пренебрегая тем, что вас сидят и ждут 20 человек. Это точность в простого вопросе, а проверьте нашу точность в данном слове, точность выражений, точность выражения чувств.

Сколько есть таких случаев, когда человеку только немного нравится женщина, а он говорит: влюблен, люблю, все отдам. Почему так говорят? Точности нет, уважения к точности нет. Если бы это уважение было, человек как-нибудь проверил бы и сразу увидел - влюблен или не влюблен. И если бы было уважение к точности слова, не говорили бы «я вас люблю», а говорили бы «вы мне понравились». Все-таки это другое дело, тут надо подумать еще, надолго ли понравилась. Это отсутствие точности, в конце концов, очень близко к тому недостатку, который называется мошенничеством, и это наша советская логика.

Точность - это великое дело в борьбе за наше богатство. Возьмем последний прекрасный закон о точном прибытии на работу[21]. Многим кажется, что этот закон требует напряжения, что это жестоко. Есть такие разговоры. А я прихожу в восторг, я вижу как создается традиция точного отношения к времени. *(Аплодисменты).* Эта традиция станет привычкой через 10 лет, мы станем уважать ее, сознавать, чувствовать каждым своим нервом, ощущать в каждом своем движении.

Я могу гордиться - в моей коммуне был такой порядок. Я один имел право наказывать, больше никто, никогда. Но в заседании, какое-бы заседание ни происходило - совета коммунаров и другие, - председательствовал мальчик, дежурный командир, он давал сигнал. Полагается ждать 3 минута после сигнала. Имейте в виду - старших коммунаров нельзя было наказывать иначе, как домашним арестом. Всякое иное наказание считалось недостойным звания коммунара. Младших можно было наказывать иначе. Если на заседание кто-нибудь из мальчиков-комсомольцев опаздывал на 5 минут, председатель говорил: ты опоздал на 5 минут - получи 5 нарядов. Это значит пять часов дополнительной работы.

Точность, Это производительность труда, это продуктивность, это вещи, это богатство, и это уважение к себе. Мы в коммуне не могли жить без точности. У нас была полная развернутая десятилетка. А наши десятиклассники говорят: не хватает времени и родителям и педагогам. А в коммуне была десятилетка, завод, который отнимал 4 часа в день, завод серьезный - «лейки» и серьезный тем, что мы жили за счет него, это наши средства к существованию. Мы не получали денег из казны. Мы каждый день натирали полы, ведь мы принимали и иностранные делегации. Затем физкультурная зарядка, мы не могли быть без значков ГТО.

Хватало времени. И гуляли, и отдыхали, и веселились, и танцевали. И мы дошли до настоящего этического пафоса - мы не наказывали за глупость, говорили, нажимали, но не наказывали. А за опоздание - самое большое наказание. Коммунары имели право получать отпуск. Скажем, коммунар говорил мне: ухожу в отпуск до 8 часов. Он сам назначал себе время, я не имел права его задерживать. Но если он приходил в 5 минут 9-го, я его сажал под арест. Кто тебя тянул за язык? Ты мог сказать в 9 часов, а сказал в 8, значит, и приходи так.

Точность - это большое дело, и для меня это хороший коммунист, который точен. И когда я вижу, что человек, коммунар дожил до точности, я считаю, что хороший человек из него выйдет. В точности проявляется уважение к коллективу, без чего не может быть коммунистической этики.

Вы знаете, как товарищ Сталин говорит о точности[22]. В точности проявляется основной принцип нашей этики. Это постоянная мысль о нашем коллективе.

Вот вопрос об эгоизме и самоотверженности. Маркс говорит, что коммунистическое общество не будет знать ни эгоизма, ни самопожертвования, но он не отрицает ни эгоизма, ни самоотверженности[23]. Эти проявления возможны и уместны в определенных формах. Наши поступки всегда, конечно, будут «эгоистичными» поступками.

Все вы знаете, как москвичи входят в трамвай, в особенности от 4 до 6 часов. Происходит это так. Стоит 50 человек. Механика вхождения такая: 49 человек сдавливают грудную клетку 50-го, 50-й с раздавленной грудной клеткой не может войти. Иногда он вырывается, и сдавливается грудная клетка следующего человека. И так, иногда придавив грудные клетки 5 человек, никто не входит в трамвай, и трамвай трогается. Вот это - старая этика. Каждый хочет войти в трамвай, и каждый друг другу мешает.

Я наблюдал в одной колонии, которую ревизовал в прошлом году, такой способ выхода из театра: все друг друга сдавили, и выйти не могут. Хотите, говорю, научу, как нужно выходить из театра. Вы сейчас выходили из театра 20 минут, попробуйте выполнить мой совет, - и выйдете в течение 5 минут. Очень просто: хочешь выйти - уступи другому дорогу. И действительно - помогло. Оказывается, каждый выиграл. Эгоизм каждого удовлетворен.

Мы в Харькове демонстрировали, как нужно входить в театр: колонна в 600 человек проходит к театру, дается сигнал - справа по одному бегом, и 600 коммунаров вбегали в течение 1 минуты. Это просто разум, просто логика, никакой хитрости нет.

И в каждом нашем поступке может быть такая логика именно потому, что я хочу, чтобы было лучше, именно потому, что я включаю свой эгоизм: я в первую очередь должен включить мой разум. Если бы все московские граждане при входе в трамвай уступали друг другу дорогу, никто бы никого не давил и вошли бы все. Эгоизм выигрывает именно потому, что есть расчет на больше цифры и большие массы.

Наша коммунистическая этика должна быть рассчитана на миллионы счастливых, а не на счастье только мое. Логика старая - я хочу быть счастливым человеком. Логика новая - я хочу быть счастливым человеком, но самый верный путь, если я так буду поступать, чтобы все остальные были счастливы. Тогда и я буду счастлив. В каждом нашем поступке должна быть мысль о коллективе, о всеобщей победе, о всеобщей удаче.

Поэтому страшно противно смотреть на наших жадных эгоистов, которые хотят сейчас ухватить, ухватили, пожирают и забывает, что именно при таком способе действия вместо радости, обязательно в каком-то случае схватишь горе. И при таком способе действия увеличиваешь общее горе и несчастье в такой мере, в какой миллионы субъектов оказываются.

Всякий поступок, не рассчитанный на интересы коллектива, есть поступок самоубийственный, вредный для общества, а значит, и для меня. И поэтому в нашей коммунистической этике всегда должен присутствовать разум и здравый смысл. Какой бы вы ни взяли вопрос, даже вопрос любви, один из проклятых вопросов нашего времени, и он решается тем, чем решается все наше поведение. Наше поведение должно быть поведением знающих людей, умеющих людей, техников жизни, отдающих себе отчет в каждом поступке.

Не может быть у нас этики без знания и умения организации. Это относится и к любви. Мы должны уметь любить, знать, как нужно любить. Мы должны к любви

подходить как сознательные, здравомыслящие, отвечающие за себя люди, и тогда не может быть любовных драм. Любовь также нужно организовывать, как и все дела. Любовь также любит организацию, как и всякая работа. А мы до сих пор думаем, что любовь - это дело таланта. Ничего подобного!

У меня в коммуне были сотни девушек и юношей, которые влюблялись. Они были убеждены сначала, что это личная симфония, а я поневоле смотрел на них, как статистик, и думал: вот на этого чернобровая произвела определенное химическое влияние, которое в ближайшее время скажется в лишних «плохо» в школе, в позднем вставании, потом в измене, ревности, разочаровании, испорченных нервах, неврастении. Я знал, чем это кончается. И я это подсчитывал в массовых цифрах и сотнях случаев.

Для меня любовь была задачей организатора. Я должен был организовать любовь этих людей, если они сами этого не умеют. Потом я сказал: С какой стати я должен организовать эту любовь, извольте сами организовать. Будьте сами организаторами. И я считаю, что эта этическая проблема «полюбил – разлюбил», «обманул – бросил» или проблема «полюбил и буду любить на всю жизнь» не может быть разрешена без применения самой тщательной ориентировки, учета, проверки и обязательно плана. И мы должны учиться, как надо любить.

Мы обязаны быть сознательными гражданами в любви, и мы поэтому должны бороться со старой привычкой и взглядом на любовь, что любовь - это наитие свыше, налетела вот такая стихия, и у человека только его «предмет» и больше ничего нет по сторонам, ни посторонних людей, ни работы, ничего. Я полюбил, поэтому я опаздываю на работу, забываю дома ключи от служебных шкафов, забываю деньги на трамвай и вообще черт знает что происходит.

Любовь должна обогащать людей ощущением силы, и она будет обогащать. Я учил своих коммунаров не только пить водку, я учил их любить, влюбляться, проверять себя думать о том, что будет завтра. И такая разумная, точная проверка может быть сделана по отношению к каждому поступку.

Возьмите такую простую категорию, как несчастье. Ведь по нашей старой христианской привычке говорят: это не его вина, а его беда. Иначе: это несчастный человек, с ним случилось несчастье, надо его пожалеть, поддержать. Правильно - поддерживать, конечно, нужно в несчастье, но гораздо важнее требовать, чтобы не было несчастий. Несчастий, несчастных людей быть не должно. И я убежден, что при развернутом коммунизме будет так: такой-то привлекается к судебной ответственности по такой-то статье за то, что он несчастлив. Нельзя быть несчастным.

Наша этика требует от нас, во-первых, чтобы мы были стахановцами, чтобы были прекрасными работниками, чтобы мы были творцами нашей жизни, героями, но она будет требовать, чтобы мы были счастливыми людьми. И счастливым человеком нельзя быть по случаю - выиграть, как в рулетку, - счастливым человеком нужно уметь быть. В нашем обществе, где нет эксплуатации, подавления одного другим, где есть равенство человеческих путей, и возможности несчастий быть не должно.

Правда, мы еще мало об этом думаем. Но вот я в своем маленьком опыте я уже подошел к этому, я уже говорил коммунарам: что может быть противнее несчастного человека, ведь один вид несчастного человека убивает всю радость жизни, отравляет существование. Поэтому, если ты чувствуешь себя несчастным, первая твоя нравственная обязанность - никто об этом не должен знать. Найди в себе силы улыбаться, найди в себе силы презирать несчастие. Всякое несчастие всегда преувеличено. Оно всегда забывается и всегда пройдет. Постарайся, чтобы оно прошло скорей, сейчас. Найди в себе силы думать о завтрашнем дне, о будущем.

А как только ты встанешь на этот путь, ты встанешь на путь предупреждения несчастия. Умей не бросаться в толпу, когда входишь в трамвай, а уступи дорогу другим. Вот это и есть все то, что, в конце концов, убивает несчастие, ведет к органи-

зации счастья. Счастье сделается нашим нравственным обязательством, и иначе быть не может при коммунизме. Несчастье может быть только продуктом плохой коммунистической нравственности, т.е. неумения, неточности, отсутствия уважения к себе и другим.

Вот, товарищи, я заканчиваю. Обнять все вопросы коммунистического поведения мы, конечно, не скоро еще сможем. Об этом нужно писать, думать, мыслить, к этому стремиться. Нужно себя тренировать в постоянном нравственном «гимнастическом» порядке. Вся наша жизнь, наша борьба, наше строительство, наше напряжение помогут нам расти в области коммунистического воспитания. На этом разрешите закончить. *(Аплодисменты).*

Товарищи, разрешите ответить на вопросы, я буду отвечать по возможности кратко.

Вопрос: «Будьте добры назвать все ваши произведения, которые напечатаны».

Ответ: «Педагогическая поэма», «Книга для родителей» и «Флаги на башнях».

Вопрос: «Могут ли быть у детей отрицательные черты характера или могут быть только дурные привычки, связанные с плохой средой?»

Ответ: Может быть, конечно, кое-что и унаследованное, но это легко может быть исправлено воспитанием. Могут быть дурные привычки у ребенка с плохой нервной системой и часто раньше, прежде всякого педагогического вмешательства, нужно просто пригласить врача. Но иногда врачи портят. Иногда они советуют переменить коллектив. А я считаю, что нет ничего более вредного, как частая перемена коллектива для детей. Часто из этого вырастает антиколлективная личность. Так что действовать в сторону улучшения коллектива лучше, чем перемена коллектива.

Вопрос: «Англичане очень точны, но можно ли их назвать людьми с коммунистическими задатками?»

Ответ: Я не говорил, что точность - единственный признак коммунистически воспитанного человека. Я говорил, что у нас точность должна быть моральной нормой, а у англичан точность существует лишь как норма этикета, норма вежливости. Мы требуем точности не только в быту, а и в работе, словах, в ответственности за свои обязанности. Наша формула точности глубже захватывает жизнь, но, конечно, не покрывает всего коммунистического воспитания.

Вопрос: «Недостатки изменяются, достоинства с течением времени переходят в свою противоположность. И этот процесс всегда будет. Значит, никогда не может быть человека, который не имел бы недостатков?»

Ответ: Но это не значит, что на данном этапе мы не должны требовать уничтожения сегодняшних недостатков. Наши законные требования имеют моральное значение. А, конечно, недостатки всегда будут оставаться в обществе. Но чем больше мы будем требовать, тем меньше их будет.

Вопрос: «Очень часто ребята не хотят учиться, а хотят работать, а мы до 17 лет их мучим и мучимся сами. Правильно ли это?»

Ответ: Маркс считал, что дети с 14 лет должны принимать участие в производительном труде[24]. Труд очень увлекает детей, и я уверен, что наша будущая школа будет применять производительный труд. Мы не справились с трудовым воспитанием в большой мере благодаря отсутствию кадров.

Вопрос: «Прошу ответить, вы встречали ваших героев во «Флагах на башнях», работали с ними или вы полагаете, что они должны быть такие?»

Ответ: Я восемь лет руководил этой коммуной. Я убежден, что каждый детский коллектив может быть таким. Я поэтому требую, чтобы каждый детский коллектив был таким. Только в отличие от некоторых педагогов, моих противников, я говорил: это возможно, если от детей требовать правильного режима. Но кроме этого требования, нужны и другие меры.

Я вообще считаю, что у нас сейчас во многих школах главной бедой является дисгармония между бурными, сильными, горячими натурами ребят в 12-14 лет и скукой детского коллектива в школе. Детский коллектив должен быть гораздо более веселый, бодрый. Он должен играть в жизни. И мы, педагоги, должны с ним играть. Вот я и думаю, что должно быть так, потому что я наблюдал такие коллективы.

В книге «Флаги на башнях» нет ничего выдуманного, там описана только правда, И я это сделал, прекрасно понимая, что уменьшаю художественную силу своего произведения. Если бы я прибавил, выдумал, оно было бы интереснее. Но я служу интересам коммунистического воспитания и считал себя вправе описать так, как было.

Вопрос: «Я знаю некоторых студентов, они изучают науки, готовятся быть научными деятелями, а в то же время ходят грязные».

Ответ: Совершенно правильно, не только студенты. И как раз я на внешность обращал первейшее внимание. Внешность имеет большое значение в жизни человека. Кто привык носить чистое белье, тот привык носить и чистые намерения. Трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы он мог следить за своими поступками. Мои коммунары были франты, и я требовал не только чистоплотности, но изящества, чтобы они могли ходить, стоять, говорить. Они были очень приветливыми, вежливыми, джентльменами. И это совершенно необходимо. Здесь товарищ поднимает вопрос о внешности. Он касается не только одежды, он касается умения ходить, стоять.

Когда ко мне приехал инспектор Наркомпроса[25] и вот так со мной разговаривал, развалясь на столе, я ему сказал: «Товарищ инспектор, вы не умеете со мной разговаривать в присутствии коммунаров, укладываетесь на мой стол, это же некорректно».

Вопрос: «Нет ли в книжке «Флаги на башнях» замысла более широкого, чем показать детский коллектив?»

Ответ: Я хотел показать, что настоящая педагогика - это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества. Требования нашей партии - большие требования к человеку и коллективу. И я свою педагогику не выдумал. Я знал, что больше требуют от членов партии, чем от беспартийных, и поэтому я от своих старших коммунаров, комсомольцев в первую очередь требовал. И я считаю - наказывать нужно не худших, а лучших.

Лучшим ничего прощать нельзя, даже мелочи. А худшие за ними тянутся. Они хотят, чтобы от них столько требовали. Так поступает коммунистическая партия: она от лучших требует больше. И это наше советское достижение.

Вопрос: «Можно ли прозаические этические нормы сделать нормами в наших школах?»

Ответ: Это насчет курения. Я не имею права отвечать сейчас на этот вопрос. Я думаю, что если бы я был директором школы, я старшим ребятам разрешил бы курить. Но курить не больше 7 папирос в день, и сказал бы им, что вы отвечаете за то, если младшие будут курить. Вредно курить в 14-15-16 лет, а в 18 ничего. Я сам курю с 14 лет.

Вопрос: «Во избежание излишней задержки после лекции объявите ваш адрес».

Ответ: Извините, пожалуйста, не могу.

Вопрос. «Один ученик избил другого. Последствия - увечье. Виновника наказывают так: исключают на несколько лет. Правильно ли это?»

Ответ: Я знаю такой случай, когда одна ученица обкрадывала других, и тогда всем синклитом постановили: отправим ее в летний санаторий, она отдохнет и исправится. Но она научилась там танцевать фокстрот и приехала такой же, как была.

Я не сторонник избиений. Я даже считаю, что не должно быть толчков. Мы убеждены, что детский организм требует движения, а я не понимаю этого. Детский

организм должен двигаться целесообразно. Никаких бесцельных движений детского организма быть не должно. И я своим коммунарам говорил: хочется побегать - вон площадка, можно там бегать. Извольте здесь прилично вести себя и не драться. Вообще воспитание сдержанности физической, торможение движений, прежде всего. А избиение товарища считалось самым страшным преступлением, за которое изгоняли из коммуны.

Вопрос: «Как воспитываете своих детей?»

Ответ: Я не воспитываю своих детей, потому что у меня их нет. Я женился, благодаря моим беспризорным, очень поздно, в 40 лет, а детей уже мне иметь нельзя, не успею их воспитать. Но у меня есть дети моей жены, моего брата, и я их воспитываю, как умею.

Вопрос. «Необходимо издание журнала «Школа и семья».

Ответ: Это очень нужно, это правильно. Я вижу, в каком беспомощном положении находятся многие родители, когда простого совета не от кого получить. Журнал такой нужен.

Вопрос: «Считаете ли вы правильным сохранение единой школы, когда для всех обязательно 7-летнее обучение по единой программе?»

Согласны ли вы с тем, что при таких условиях воспитание - самое легкое дело? Вы имели в коллективе правонарушителей, а в обычной школе мы имеем такую смесь, что воспитание становится достаточно трудным.

Согласны ли вы с тем, что следует некоторых ребят изолировать от их родителей, даже если они еще не правонарушители? Я имею в виду советский соответствующий интернат.

Согласны ли вы с тем, что ребята, имеющие неоднократные приводы, должны оставаться в нормальной школе?

Ответ: Такой вопрос задал мне Эррио - французский министр, когда приезжал ко мне в коммуну. «Как вы допускаете, что у вас воспитываются вместе с правонарушители и нормальные дети?» Я ему ответил, что в жизни тоже они живут вместе. Именно поэтому воспитывать нужно вместе. Каждый ребенок должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться. Вот это советская педагогика.

Я согласен, что воспитание - легкое дело, и, конечно, в нормальной школе оно легче, чем в коммуне. Я удивляюсь многим нашим директорам, которые говорят: «У вас было хорошо, у детей не было семьи, они все жили у вас под руками». А я их спрашиваю: «А что вы сделали, чтобы овладеть бытом ваших детей?» - «Мы вызываем родителей». Что их вызывать? Вы прекрасно понимаете, что обычно вызывают родителей и говорят: «Ваш мальчик не учится и плохо себя ведет. Примите какие-нибудь меры. Поговорите. Боже сохрани не бейте». – «Хорошо, до свиданья». Каждый понимает, в чем дело. В глубине души педагог думает: но хорошо, если он его побьет. Иной родитель после такого разговора прямо берется за ремень, а другой просто ничего не делает, и все идет по-прежнему.

Я считаю, что педагогический коллектив школы должен организовывать быт школьника. Что бы я сделал на месте директора школы? Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы бригады. Бригадиры приходили бы каждый день и рапортовали, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и директор приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать. Лиха беда начало.

Во всяком случае, влиять на семью нужно через учеников. Самый верный способ. Вы в школе, в государственном воспитательном учреждении, и вы должны руководить в семье.

Был такой случай. Пришли два чекиста ко мне. И говорят: вот продал часы, револьвер, мамины юбки, папины штаны, все продал. Он обещал больше не прода-

вать, но он не хочет ничего делать: постель не уберет, ботинки не почистит. Возьмите, говорят, его.

Я его взял и забыл о его существовании. Некогда с ним, с маменькиным сынком, возиться. Ребята его там обрабатывали.

Приходит через месяц: «Позвольте в отпуск». Вижу, одет хорошо, чистый, аккуратный, подтянутый. Говорю: «Приедешь домой, будь вежлив, сделай все дома как можно лучше, как можно больше и приходи ко мне».

Он пришел обратно. Родители приезжают на автомобиле и говорят: «Что вы с ним сделали, как вы его перевоспитали!»

И школа может просто сказать: сделай так-то и так-то - и перевоспитывать.

Вопрос: «Какие взаимоотношения между мальчиками и девочками у вас были?»

Ответ: О, это очень трудный вопрос, и всякие бывали взаимоотношения. Но сейчас уже поздно, и нет времени об этом говорить.

Вопрос: «Является ли пережитком то, что существует обычай, заставляющий мужчину платить за женщину в театре?

Ответ: Ну, это дело вкуса.

Ну, вот и все, товарищи.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 186, полный текст. В изд.: А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 322 – 334 – сделаны значительные сокращения. Полный текст дан также в изд.: А.С. Макаренко. Публичные выступления (1936 – 1939 гг.). Аутентичное издание / Сост., авт. коммент. Г. Хиллиг. – Елец, 2012 (также по ед. хр. 186), произведена некоторая языковая, редакторская правка текста.

Стенограмма лекции, прочитанной А.С. Макаренко 1 марта 1939 г. в «Лектории № 85», в Московском гос. университете (старое здание на ул. Моховой; позднее ун-т им. М.В. Ломоносова).

Эту лекцию А.С. Макаренко вполне можно считать программой и его завещанием-манифестом. (Его художественно-педагогическим манифестом кон. 1920 – нач. 1930-х гг. принято считать «Педагогическую поэму», а ее предтечей – «Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького, 1925 г.). С февраля 1939 г. начинается новый этап его творчества, это кровно связано с принятием в СССР третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства (1938 – 1942 гг.).

Вдохновил А.С. Макаренко тезис этого плана: в третьем пятилетии «решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма». При осуществлении этого замысла в полную меру могли быть приняты воззрения и опыт А.С. Макаренко. Впервые обозначена «решающая» роль воспитания в экономическом, социально-политическом и культурном преобразовании общества.

В лекции А.С. Макаренко отходит от проблем воспитания детей и молодежи, от «педагогики школы». Рассматривается их основа – воспитание как социальное явление, «школа жизни». Говоря, что «настоящая педагогика – та, которая повторяет педагогику всего нашего общества», стала органической частью «педагогики общества», - он объясняет суть своего вклада в педагогическую науку и практику. Одновременно это и утверждение: официальная педагогика не является по-настоящему советской.

Становление нового образа жизни в СССР, формирование и развитие его духовно-нравственных основ и культуры, «нового человека» произошло под огромным влиянием «педагогики общества». Это одна из главных опор, на которых страна более 7 десятилетий выдерживала колоссальное социально-политическое, военное и экономическое противоборство двух общественных систем.

В лекции подчеркивается специфика воспитания (в отличии от обучения - образования) – его действие в сфере поведения. Превалирует проблема поведения; так раскрывается специфика воспитания, его содержание, цели, средства и результаты.

Поэтому составители данного тома сочли необходимым и целесообразным привести заглавие, тему лекции в полное соответствие с ее содержанием, поставив «поведение» но первое место. А.С. Макаренко в самом начале лекции говорит: он не претендует на «формулы» и «мудрости», а призывает вместе с ним серьезно подумать о «совершенствовании в области коммунистического поведения». В заглавии также восстановлен словесный оборот: «О коммунистическом...», - как это значится на титульном листе стенограммы.

В лекции с особой силой проявляется свойственная А.С. Макаренко творческая устремленность в будущее, вера в него, смелое предвидение социально-педагогической необходимости. Будущее предстает не в идеализированных представлениях, а с опорой на реально достигнутое в общественной жизни, в ее «человеческом измерении», в качествах личности «нового человека».

Вторая основа макаренковского «проектирования будущего» - это его социально-педагогический опыт, беспрецедентный по своей целеустремленности, масштабности, длительности и успешности. Третья основа – государственный план развития страны, реальность его осуществления, как и планов предшествующих 5-леток.

А.С. Макаренко здесь впервые в педагогике четко связывает ее развитие с конкретным проектированием социально-экономического развития страны на определенный период времени. Теория и практика воспитания освобождаются от умозрительно-декларативного подхода, абстрактной установки на якобы «вечные», вневременные ценности. Педагогика становится жизненно и практико-ориентированной, она не скрывает своей направленности на удовлетворение назревших потребностей человека и общества, различных социальных слоев.

Но после объявления нового 5-летнего плана у А.С. Макаренко оставалось лишь 2 месяца жизни.

Планы страны, только начинающей ощущать преимущества своего жизнеустройства, оказались сорванными. В сентябре 1939 г. началось Вторая мировая война, затем Великая Отечественная, тяжелый период восстановления разрушенного и «холодная война», гонка вооружений. В стране утвердилась административно-командная система, произошло перерождение правящих социальных сил, укрепились националистические претензии. Деморализация общества, поверхностное и противоречивое воспитание привели к разрыву поколений. В 1991 г. СССР пере-

стал существовать как государство и общество нового типа. Остался его бесценный опыт, влияющий и далее на ход мировой истории.

Главное в лекции А.С. Макаренко – проблема развития морально-этических основ советского общества, преобразование системы нравственных понятий, ее расширение и качественное обновление, преодоление устаревших моральных норм и традиций.

Зная, что новый моральный кодекс, как и основы педагогики, вырабатываются в историческом опыте, он обращает внимание на некоторые ориентиры, которые могут быть при этом использованы как уже подтвержденные жизненной практикой. Намечаются вопросы и задачи, требующие огромных усилий при их решении.

Выделяется важнейший аспект этического и педагогического знания и опыта - соотношение внешнего и внутреннего, коллективистского и индивидуально-личностного в содержании поведения, поступков. Актуализируется трудовая этика, проблема производительности труда. Говорится, что во всех этих областях таятся многообразные и трудноуловимые рецидивы этической системы, которую необходимо преодолеть.

А.С. Макаренко актуализирует в этике и педагогике тему счастья, самочувствия человека в общественной и личной жизни. Первостепенное значение придается выработке критериев нравственного и безнравственного. Нужно отойти от «идеальничанья», вводить в действие конкретные и достижимые в свое время этические и педагогические требования.

На лекции присутствовал В.Е. Гмурман. Позднее он говорил, что она тогда «не произвела впечатления», - что свидетельствует о том, насколько А.С. Макаренко опережал советскую действительность. Видно также, что из-за мучившей его болезни он уже не мог говорить в обычно более лаконичной и «уравновешенной» манере.

В.Е. Гмурман **– зав. лабораторией по изучению наследства А.С. Макаренко Академии педагогических наук РСФСР в 1951 – 1958 гг., ведущий специалист по макаренковскому наследию до сер. 1970-х гг. Активно способствовал введению идей А.С. Макаренко в основы советской педагогики; с 1954 г. наставник А.А. Фролова.**

[1] *Крупская Н.К.* **– государственный и партийный деятель СССР, глава Главполитпросвета НКП РСФСР, теоретик и организатор советской педагогики и системы народного просвещения (в основном до начала 1930-х гг.), жена В.И. Ленина.**

В мае 1928 г. подвергла резкой критике педагогическую практику макаренковской колонии им. М. Горького (см. часть 1 данного издания, с. 278). А. Макаренко был знаком с ее трудами, интересовался ее биографией (набросок биографии, до 1930 г. включительно, см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 129, лл. 1 – 2).

[2] **А.С. Макаренко здесь по существу констатирует, что успешность его педагогической деятельности объясняется прежде всего тем, что он наиболее точно и полно отразил педагогику советского общества, социальные потребности и тенден-**

ции. См. его высказывание: «Нет никакого моего метода... Метод обыкновенный, советский» (часть 3 данного издания, с. 269).

[3] Говорится о школе №1 Ярославской железной дороги.

[4] А.С. Макаренко здесь говорит о численности коммунаров во 2-й пол. 1935 и 1936 гг., когда он шефствовал над коммуной им. Ф.Э. Дзержинского, будучи в Киеве помощником нач. ОТК УССР. При его непосредственном руководстве коммуной им. Ф.Э. Дзержинского число ее воспитанников не превышало 500.

[5] Отточиями отмечены пропуски в тексте стенограммы.

[5а] «Праздником всей моей жизни» А.С. Макаренко еще называл время, когда было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (см. часть 4 дан. издания, с.275).

[6] Здесь и далее цитируется «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1932 – 1944 гг.). Тезисы доклада тов. В.М. Молотова...».

[6а] Анализируя далее различные направления развития народного хозяйства и культуры страны в их воспитательной значимости, А.С. Макаренко показывает широкую сферу действия социальной педагогики, конкретизирует свой взгляд на педагогическую науку как «педагогику всего общества».

[6б] Производство в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского осуществлялось при широком участии взрослых. В 1930-1933 гг. соотношение числа детей и персонала (мастеров, инженерно-технических работников) составляло примерно 3:1. Основной состав воспитанников – в возрасте 14-17 лет.

[7] Цит.: Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Т. 2 / Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова. – М., 2007, с. 287.

[8] Злоупотребление словом «сознательность» («сознательная дисциплина» и т.д.) А.С. Макаренко расценивает как порок официальной советской педагогики. Он лежит в ее методологических основах: отождествления сознания с словесным знанием. В макаренковской педагогике сознание – это сплав знания, чувства и воли. Действительное сознание существует на уровне реальных действий, поведения, поступков.

[9] Приводится фундаментальный принцип коммунизма.

[10] Здесь говорится, видимо, и о сознании, еще не вышедшем на уровень веры, безусловного признания общепринятых моральных норм.

[11] См.: Сталин И.В. Соч., т. 7, с. 248.

[12] Имеется в виду положение проекта третьего пятилетнего плана о «решающем значении дела коммунистического воспитания, преодоления пережитков капитализма в сознании людей».

[13] Вспоминается, видимо, волжско-черноморский летний поход коммуны дзержинцев, 1933 г., когда с А.С. Макаренко соседствовал К.С. Кононенко.

[14] Цитируется Евангелие: «Блаженны вы, радуйтесь и веселитесь, ибо великая награда вам на небесах».

[15] Приводится Евангелие: «Посмотрите на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы. Отец наш Небесный питает их».

[16] См.: Сталин И.В. Соч., т. 7, с. 80.

[17] В «Педагогической поэме» И. Лапоть; его характеристику см. в «Типах и прототипах...»: часть 1 данного издания, с. 334. Прототип – *Лапотецкий Н.П.* **После рабфака был в Полтаве на хозяйственных должностях. Во время Великой Отечественной войны в стрелковом полку, тяжело ранен, стал инвалидом.**

[18] Далее неразборчиво. А.С. Макаренко его направил к С.А. Калабалину, для работы в колонии несовершеннолетних правонарушителей.

[19] Педагогический и этический максимализм, идеальничание – явления, свойственные традиционной педагогике и этике. А.С. Макаренко – сторонник реализма в содержании моральных и педагогических норм и требований.

Это значит: не злоупотреблять идеальным, ограничиваться вполне достижимыми педагогическими целями и задачами, выполнение которых можно проверить. Недопустима подмена этих задач расплывчатым идеалом, вроде «всестороннего и гармонического развития личности», ее «самоопределения» и т.д.

Документация коммуны им. Ф.Э. Дзержинского показывает, что для разрешения курить необходимо было: достижение 16-летнего возраста, разрешительная справка от врача, письменное заявление в совет командиров о разрешении курить. При этом СК не мог отказать, но надо было взять на себя моральное обязательство препятствовать курению без разрешения.

[20] См. письмо Ф.С. Борисову, 15 авг. 1938 г. – в части 7 данного издания.

[21] Имеется в виду постановление ЦК ВКП (б) и ВЦСПС о мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины на предприятиях и в организациях, оно вводило жесткие административные санкции за прогулы и опоздания на работу.

[22] Сталин И.В. говорил о стахановцах: это люди, «дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени, научившиеся считать время не только минутами, но и секундами» (Вопросы ленинизма, 1939, с. 496).

[23] Точнее см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 236: «...Коммунисты не выдвигают ни эгоизм против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выспоренной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают, ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой».

[24] См. в этой книге ранее: примеч. № 15 к докладу «Воспитание в школе и семье».

[25] Говорится об инспектуре украинского Наркомпроса.

Письма Г.С. Макаренко, 7 и 8 марта 1939 г.

Харьков 7/III 39

Родная, родненькая Лисичка!

Вчера приехал [в Харьков], остановили меня в Красной, встречали педагоги и Кононенко. День провел у Константина, а вечером была беседа в Педагогическом институте иностранных языков[1]. Было много народу – человек 600, встречали хорошо – поднесли цветы. На вечере было много коммунаров, была и Лиля.

Сегодня у меня с утра прием – приходят коммунары. Тулецкая[2] плачет, ее бросил муж. Лиля должна придти в 2 часа, с ней пообедаю. В пять часов иду к Демченко – этому самому старику, который написал книгу о «нейтралке»[3].

У меня будут еще два вечера - 9-го и 11-го. Выеду отсюда 12-го. К тебе будут звонить о разных диспутах 13-го числа, скажи, что я скоро в Москве не буду.

Завтра думаю проехать к Дидоренко[3а] – собирается группа институтских педагогов[4]. 10-го приглашают меня в гости коммунары, живущие в коммуне, Татаринов, Волченко[5] и другие.

Ночевал сегодня у Кононенко – у них собачий холод, - больше не буду.

Милая Лисичка, посмотри, где мои золотые часы, я где-то их положил, забыл где,– спрячь, чтобы случайно не пошли за твоими галошами.

Солнышко, не скучай, больше гуляй, да остерегайся машин и трамваев. Что слышно от Левки? Телеграфь, если от него что-нибудь получено.

Будь здорова и весела.

Целую лапки и все остальное.

Твой *А*

Харьков 8-III-39

Здравствуй, здравствуй, Лисичка!

Поздравляю Тебя с женским днем. Было бы, конечно, лучше, если бы назначен был не женский, а Лисичкин день, который нужно всенародно праздновать в лесу, но эти люди такие невнимательные, правда?

Я здесь труждаюсь как Робот. Вместо двух вечеров, уже получилось пять и, само собой, все норовят бесплатно. Вчера целый день возился с коммунарами. Была Тулецкая, Джуринская[6], Борискина[6а], Оноприй, Соколовы[7]. У них у всех более или менее дурацкие любовные несчастия.

Вечером был в театре русский драмы – «Генконсул» – самая неприкрытая агитка. Крамовы[7а] очень любезно и настойчиво требовали, чтобы я перебрался к ним, но я по глазам их видел, что перебираться не нужно.

Сегодня у меня целый день будет сидеть Демченко, а вечером с Кононенками идем тоже к Крамову[7а] на просмотр новой пьесы «Доля поэта», в которой Крамов играет Шевченко. Сегодня выспался первый раз; прошлую ночь ночевал у Константина и замерзал как собака.

Нужно еще поехать к Лиле, она просит, но, честное слово, не знаю, когда я к ним вырвусь. Все требуют, чтобы я у них был: Коган[8], Тихонов[9], коммунары.

Что слышно о Левке? Мой адрес «Красная, № 6».

Лисичка, миленькая, будь здорова, не простужайся.

Целую все четыре лапки.

Твой *А*

Борискиной дал 100 рублей – она худая и голодная.

«Ты научила меня плакать...», т. 2, с. 268 – 269.

[1] О содержании этой «беседы» исследователям неизвестно.

[2] *Тулецкая Л.* **– в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского в 1932 г., «командир лучшего краснознаменного отряда».**

[3] *Демченко* **– автор повести «В бессмертной дали», о «нейтральной полосе», см. ранее в этой книге отзыв А.С. Макаренко.**

[3а] *Дидоренко С.А.* **– завхоз коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с января 1932 г. С мая 1933 г. начальник административно-хозяйственной части. Во «Флагах на башнях» Степан Акимович.**

[4] О содержании этой встречи, как и «вечера» 11 марта, исследователям неизвестно.

[5] *Волченко И.И.* **– осенью 1932 г. секретарь совета командиров коммуны Ф.Э. Дзержинского, зам. капельмейстера в духовом оркестре, окончил коммунарский рабфак, вступил кандидатом в члены ВКП (б). В «Марше 30 года» и «ФД-1» Волчок И.; укр. яз. – Вовченко. В «Типах и прототипах...» Зайченко, Зайчик, характеристика в части 1данного издания, с. 341. В «Педагогической поэме» Зайченко (Зайчик, Волченко). Официальная характеристика – часть 3, с. 117.**

Волченко И.И. свидетельствует: секретаря совета командиров, «главу самоуправления» А.С. Макаренко представлял иностранным делегациям как «Президента коммуны» (Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского. Сб. – Харьков. 1932, с. 97).

[6] *Джуринская П.Е.* **в коммуне дзержинцев в 1930 – 1935 гг., фрезеровщица и шлифовщица на заводе, окончила рабфак, Харьковский гос. университет, затем учитель и зам. директора школы в г. Харькове. При эвакуации в Алма-Ате, мл. науч. сотр. Академии наук Казахстана, секретарь Педагогического общества. Награды: «Отличник народного просвещения Казахской ССР», медали «За доблестный труд», «Ветеран труда». Кандидат исторических наук. Мать педагога-ученого, историка А.Н. Джуринского.**

В «Типах и прототипах...» Роза Красная; характеристику см. в части 1 данного издания, с. 341 и части 3, с. 116. Персонаж «Марша 30 года» и «ФД-1».

[6а] *Борискина К.Т.* **– воспитывалась в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, занималась в драматическом кружке-студии. Затем артистка харьковского Театра русской драмы. В произведениях А.С. Макаренко – К. Каширина.**

[7] *Соколов С.И.* **в колонии горьковцев с 1927 г., затем в коммуне дзержинцев. Освоил несколько производственных специальностей; после рабфака – педагогический институт, учитель в 1937 – 1941 гг. В Великую Отечественную войну на Калининском направлении, Белорусском фронте, в органах контрразведки, трижды ранен, майор. Награжден орденом Красной Звезды, медалями.**

Жена – *Соколова Н.А.*, **до замужества** *Сторчакова*. **В коммуне дзержинцев с 1928 г. Работала в швейной мастерской, на заводе электроинструментов. В 1930 г. секретарь комсомольской организации коммуны. Ее характеристику см.: часть 2 данного издания, с. 187.**

После рабфака и пединститута – учитель истории в школе г. Харькова. В эвакуации, с ребенком – на Урале, учитель в эвакуированном военно-морском училище. Затем методист Дома просвещения в Тернополе.

[7а] *Крамов А.Г.* **– актер, режиссер харьковского Театра русской драмы, друг А.С. Макаренко.**

[8] *Коган С.Б.* **– зав. производством в коммуне дзержинцев с сер. марта 1930 г., потом нач. снабжения, работник финчасти. В «Марше 30 года» и «ФД-1» С.Б. Левенсон, во «Флагах на башнях» С.Б. Блюм, в «Типах и прототипах» Б.С. Клямер.**

[9] *Тихонов П.К.* **– начальник коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с сент. 1932 г. до осени 1935 г. и далее.**

Мои педагогические воззрения

Товарищи, я не докладчик, потому что я не ученый, у меня нет научных трудов по педагогике. Я чувствую себя просто как человек, которому доводится перед вами отчитываться, сделать маленький авторский отчет: и педагогический и литературный. Поэтому прошу вас иметь в виду, что никаких твердых выводов я сам еще не имею. То, что сделано в жизни мною и моими коллегами-коммунарами[1], – это еще опыт. И очевидно, для того чтобы из этого опыта можно было сделать какие-либо определенные выводы, надо еще проверить его не раз и не два. Поэтому единственная форма внимания, которую я у вас прошу,– это такая.

У меня свой опыт, своя жизнь; у вас свой опыт, свои мысли. И сегодня произойдет некоторое столкновение наших мыслей. Может быть, они пойдут параллельно, может быть, пересекутся, может быть, при встрече рассекут друг друга, но от этого столкновения всегда будет польза.

Наше дело, дело коммунистического воспитания, – это новое дело в мировом масштабе. Если мы возьмем такие области, как техника, литература и другие, то там всегда вы что-то получаете от прошлого поколения. В области же коммунистического воспитания мы, конечно, не могли что-либо получить, потому что 20 лет назад эти два слова почти не сочетались: коммунистическое воспитание. И нам совсем не стыдно сказать, что во многих деталях нашей работы мы еще плаваем, и будем еще плавать, и не можем не плавать.

И было бы просто зазнайством утверждать, что за 20 лет мы могли создать, довершить, закончить, оформить большую, новейшую педагогическую школу, школу коммунистического воспитания. Мы с вами именно пионеры в этом деле, а пионерам свойственно ошибаться. И самое главное – не бояться ошибок, дерзать.

Вот коротко о значении нашей сегодняшней встречи.

Мне очень трудно перед вами отчитываться, потому что у вас есть литературный факультет, там преобладают интересы литературные. Я немножко литератор, – значит, я должен отчитываться и в литературных моих делах. Но я чувствую себя педагогом не только прежде всего, а везде и всюду педагогом. Моя литературная работа – только форма педагогической работы. Поэтому говорить о литературе я буду очень немного.

Коротко я вам расскажу о своей биографии, педагогической и литературной, чтобы не было недоразумений, потому что и сейчас многие думают, будто я бывший полковник. Я не только не был полковником, а и военным никогда не был. Я сын рабочего, маляра, железнодорожника, который на вагонном заводе проработал более 47 лет. На этом заводе работал и я, уже в качестве учителя, с 1905 г., получив самое низкое педагогическое образование: я закончил одногодичные педагогические курсы при начальном училище. Теперь такого низкого образования, кажется, даже и в помине нет, вот я его получил. Это было такое низкое образование, что мне могли доверить только должность помощника учителя в низшей начальной школе, с жалованьем 25 рублей в месяц. (Голос. *Церковноприходской?*) Нет, извините, не церковноприходской. Нет, в заводской школе.

Эта школа была прекрасной школой в том смысле, что там было единое рабочее общество. Я сам был членом этого общества как сын рабочего этого завода. И в этой школе я работал 9 лет, и этот опыт имел для меня большое значение. Потом, уже в 1914 г., я поступил в учительский институт, даже не педагогический вуз, который закончил с золотой медалью. Потом я получил колонию, для правонарушителей им. Горького.

16 лет, с 1920 по 1935 г., я вел один коллектив: колонию им. Горького и коммуну им. Дзержинского. Это один коллектив. Если вы читали «Педагогическую поэму», вы помните, что когда меня Наркомпрос Украины «ушел» из колонии им. Горь-

кого, то я перешел в коммуну, здесь, у вас, в Харькове. И там уже было пятьдесят моих горьковцев.

А вслед за мной еще сотня горьковцев перешла в коммуну им. Дзержинского. Так что фактически коммуна им. Дзержинского продолжала не только опыт колонии им. Горького, но и историю одного человеческого коллектива. Это имеет очень большое значение для меня и для дела, потому что продолжались и накапливались традиции, созданные в колонии им. Горького.

Вот тогда, в коммуне им. Дзержинского, я и написал первую свою книгу «Марш тридцатого года». Она вышла, но я не видел и не читал – не было ни одного учительского письма по поводу этой книги, ни одной критической заметки[2]. Она так и провалилась, куда-то исчезла. И только один учитель на эту книгу отозвался и похвалил ее. Этот учитель, самый неутомимый учитель – Алексей Максимович Горький, который, живя в Сорренто, ухитрился получить ее (я ему не посылал этой книги), прочитать и написать мне письмо[3].

А после этого я написал «Педагогическую поэму», которая вышла частями в 1933, 1934 и 1935 гг. Потом еще написан был роман «Честь», неудачный роман, ошибочный во многих отношениях[4]. «Флаги на башнях» – последняя книга, имевшая для меня и для истории моих взглядов очень большое значение, она и в литературе сейчас принимается с большой войной. Многие утверждают, что она лучше «Педагогической поэмы», другие – что никуда не годится. *(Смех.)* Я склоняюсь, конечно, к серединке: это и не лучше «Педагогической поэмы», но и не такая уж плохая книга. Во всяком случае, есть в ней что-то и хорошее.

Я еще написал первый том «Книги для родителей». Почему я решил написать эту книгу? Два года я работал в управлении НКВД УССР, в отделе трудовых колоний, и организовал трудовую колонию[5]. Мне уже пришлось меньше возиться с беспризорными, чем с «семейными» детьми. Если в колонии им. Горького были беспризорные, правонарушители, то в последние годы пришлось больше собирать детей «семейных», имеющих папу и маму, но за «хорошее» поведение осужденных на 3 – 4 года.

Я должен был присмотреться, заинтересоваться семьей, и мне показалось нужным написать такую книгу «для родителей». Я выпустил первый том, в котором касался вопроса семьи как коллектива. Сейчас я пишу второй том, который говорит о нравственном и политическом воспитании в семье главным образом, но приходится касаться и школы. Третий том будет посвящен вопросам трудового воспитания и выбора профессии. И четвертый том, самый для меня важный, на такую тему: как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь – не хочешь, был счастливым человеком. Правда, интересно? *(В зале смех, аплодисменты)*

За «Книгу для родителей» меня ругали и критики и педагоги. Критики ругали за то, что эта книга слишком поучительна, больше говорили о поучении, чем о художественных достоинствах, а педагоги говорили, что она слишком литературна и никого не поучает. Но больше всего педагоги обрушились за то, что я ничего не говорил о школе.

Это недоразумение. Я и не собирался говорить о школе, я хотел говорить о родителях, для родителей, для семьи. Я пришел в Наркомпрос РСФСР и сказал: «Вот мною написана книжка для родителей; может быть, я ошибаюсь или выступаю как еретик. Посмотрите». А они говорят: «Не хотим, потому что у нас нет такого отдела семейного воспитания». Я спрашиваю: «А какие отделы у вас есть?» Мне отвечают: «Есть школьный отдел, есть отдел дошкольного воспитания и т. д.». Я говорю: «До свидания!»

Я решил, что мы поделили функции: у них отдел школьного воспитания, у меня будет отдел родительского воспитания. Чувствуя за собой такой авторитет, как школьный отдел Наркомпроса, который обладает глубокой эрудицией, я думал, что

мне не надо касаться тех вопросов, которые обслуживает Наркомпрос, а я коснусь тех вопросов, которые никакого отдела не имеют и которыми никто не заведует.

Вот почему получилось, что я больше писал о семейном воспитании и нарочно назвал книгу «для родителей». И все-таки не помогло. В одном московском журнале была напечатана статья «Вредные советы родителям»[6].

Вообще я не люблю читать критических статей о моих произведениях, но эту я прочел. Что там вредного, думаю. Может быть, плохо написано? Оказывается, что она вредна именно потому, что там ничего не говорится о школе; следовательно, книжка вредная.

Я решил, что этот упрек не так большой руки, и продолжаю писать книгу «для родителей». А о школе я не буду писать. Кто меня может заставить писать на все темы? И вообще писателю рекомендуется выбрать одну тему, а не двадцать.

А о школе должны писать вы – педагоги, получившее педагогическое образование. У вас много мыслей, много чувств. Хорошее отношение к школе. Пишите!

Вот мой краткий отчет о моей истории.

Ну, что же еще сказать о литературных достоинствах и недостатках моих книг? Есть одна область, которая вас как литературоведов, возможно, интересует. Говорят, в книге «Педагогическая поэма» нет выдумки –это фактография. Один критик даже так написал: «Была у человека интересная жизнь, он ее описал. Всякий, у кого есть интересная жизнь, может написать такую книгу, и поэтому Макаренко не литератор и не художник, а мастер-фактограф»[7].

Я обиделся, конечно. Как это так: я не литератор, а написал книгу? *(Смех)* Спрашиваю на одном диспуте: «Почему вы говорите, что это фактография?» А мне отвечают: «Потому что у вас написано все то, что было. Нет выдумки, нет синтетических образов».

Я тогда сделал такое умное лицо и говорю *(смех)*: «Позвольте, откуда вы знаете, что там нет выдумки? Какие у вас доказательства, что это все правда?» *(Смех, аплодисменты)* А мне отвечают: «Так это же видно *(смех)*. Вот по Задорову вашему видно, что он был и вы его ударили». – «Ничего подобного! – говорю. – Задорова не было, и я его не бил; это все выдумка».

Критик мог мне поверить, мог не поверить – это его дело. Но доказать мне, что я не прав, он не мог. Я имею право выдумывать? Имею. И потому никто не может ко мне придраться: это выдумка или не выдумка. Никто не имеет права требовать от меня отчета об этом.

А вам так, по дружбе, говорю *(смех),* ни в «Педагогической поэме», ни в «Флагах на башнях» нет выдумки, за исключением отдельных фамилий и отдельных ситуаций.

Иногда, скажем, факт – Иванов, через этот самый факт вписал – Иванов. Зачем мне писать, что сначала Иванов, потом Петров, я беру факт, вписал – Нестеренко. Выдумка это или нет – кто его знает, я не знаю.

Вот единственный литературный вопрос, который я считал нужным осветить вам.

Теперь, товарищи, перейдем к педагогике. Я хочу говорить очень коротко, потому что мне задали много вопросов, и в ответах на эти вопросы, думаю, все и придется сказать.

Какое право я имею говорить с вами сегодня? Единственное право: я работал 32 года педагогом – раз, и старался размышлять над своей педагогической работой – два, и у меня была некоторая своя, как бы это сказать, манера педагогической работы. Эта манера пришла ко мне не от моих талантов. Она пришла от необходимости, от характера того дела, которое мне поручили.

Мне повезло в том отношении, что я был шестнадцать лет в одном «правонарушительном» и «беспризорном» коллективе, в том отношении, что там были прекрасные товарищи, сотрудники, коллеги. Благодаря этому самые трудные и большие

задачи у нас постепенно выкристаллизовались в некоторое подобие системы. И у меня самого по мере размышления над опытом выработалась некоторая система взглядов, может быть, отличных от общеизвестной, общеупотребительной системы взглядов. И вот об этих моих отличиях я и хочу говорить.

Отличия эти оправдываются тем, что я работал не в обычной школе, а в особом учреждении, и повезло мне больше, чем кому-нибудь другому.

Если охарактеризовать мою удачу, то она была очень большой. Достаточно вам сказать о такой удаче. Последние годы коммуна им. Дзержинского жила на хозрасчете[8]. Это совсем не пустяк. Вы представляете себе детский коллектив, который живет на хозрасчете? Это очень важное обстоятельство: он окупал расходы не только по школе, на жалованье учителям, на содержание учебных кабинетов и прочие, но и все расходы на содержание ребят.

Кроме того, коммуна давала несколько миллионов рублей чистой прибыли государству[9]. Это удача огромная, потому что хозрасчет – замечательный педагог. Как будто он закончил три педагогических вуза. Он очень хорошо воспитывает[10].

И, кроме того, хозрасчет гораздо добрее бюджета, богаче бюджета. Я мог тратить в год 200 тыс. рублей на летние походы, 40 тыс. рублей заплатить за билеты в харьковские театры. Я мог купить автобус, легковую машину, другую легковую машину, грузовую машину. Разве школа может это купить?

Хозрасчет – это результат хозяйственной деятельности . Но он дает еще и другие результаты. Я совсем недавно встретился с одной коммунаркой, которая заканчивает исторический факультет, но она, кроме этого, имеет квалификацию пятого разряда фрезеровщика и пятого разряда по оптической специальности и, кроме того, будет иметь квалификацию историка[11]. Вот прекрасный букет квалификаций, а марш к нему еще приятнее и организует сильные пучки влияния.

Мне повезло, и вот в результате этого я не стесняюсь высказать некоторые мысли, которые сейчас могут показаться вам странными, но через несколько лет, я уверен, вы будете со мной согласны.

Первое, о чем я хочу говорить, главнейшее отличие, главнейшие особенности моих точек зрения заключаются в следующем. В нашей школьной практике (а я хорошо знаком сейчас со школами; нет такого дня, когда бы я не был бы в школе) можно наблюдать то, что я называю гипертрофией индивидуального подхода. В медицине вы слышали термин «гипертрофия сердца», т. е. увеличение сердца. Ну так вот, вследствие такой гипертрофии мы в работе с нашими ребятами надеемся на чудеса индивидуального подхода и до сих пор увлекаемся верой в спасительность такой педагогики.

Я не против индивидуального подхода, но я считаю, что решающим в деле воспитания (собственно воспитания, я не касаюсь вопросов образования) является не метод отдельного учителя и даже не метод целой школы, а организация школы, коллектива и организация воспитательного процесса.

Вот, к примеру, сегодня мне пришлось слушать реферат одного студента педагогического института на тему «Как нужно воспитывать советский патриотизм». Реферат интересный; видно, что студент хорошо поработал. В нем описывается опыт одной хорошей школы и доказывается, что советский патриотизм воспитывается, во-первых, на уроке, во-вторых, во внешкольной работе. Приводятся примеры хороших уроков, воспитывающих советский патриотизм, хорошей внешкольной работы. А вторая часть реферата рассказывает о результатах этой работы с учениками школы, о разговорах с ними. Автор только по этим разговорам судит о советском патриотизме как о результате воспитания, доказывающем правильность метода.

Я прослушал реферат и задал такой вопрос референту: «Ну, хорошо, методы прекрасные и результаты налицо. Но пытались ли вы проверить те детские слова, которые у вас приведены? Вот такой-то школьник говорит, что пограничники должны быть смелыми и что он тоже хочет быть смелым и считает, что нужно быть сме-

лым. Проверили вы этого мальчика, который хочет быть смелым и считает, что нужно быть смелым? Проверили вы, а он-то смел или труслив? И если при проверке окажется, что этот мальчик трус, просто трус, и если его оставить ночью одного в лесу и он будет плакать, то я имею право сомневаться в том, что в нем достаточно воспитан «советский патриотизм». Я допускаю, что может быть такое положение, когда у школьника будут правильные, советские патриотические представления, но не воспитана правильная советская привычка.

Допустим, такая вещь, как терпение, терпеливость, умение преодолевать длительные затруднения, брать препятствия не рывком, а давлением. Сколько бы вы ни создавали правильных представлений о том, что нужно делать, но если вы не воспитаете привычки преодолевать длительные трудности, я имею право сказать, что вы ничего не воспитали.

Одним словом, я требую, чтобы детская жизнь была организована как опыт, воспитывающий определенные пучки привычек. Если представления о правильном воспитании на уроке будут связан с привычками, с опытом правильного воспитания в детском коллективе, тогда можно говорить о правильном детском коммунистическом воспитании.

Я настаиваю на том, что в наших школах вопросу организации детского опыта, жизненного опыта, коммунистического опыта не уделяется достаточно внимания.

Я потом этого референта смутил еще одним вопросом. Я спросил его: «Те дети, которых вы считаете правильно воспитанными, как они ведут себя в известном вопросе, который называется – не выдавать товарища педагогу?» (Есть такая проблема, такой трудный вопрос).

Все прекрасные дети, прекрасное советское коммунистическое воспитание, но если один товарищ сделал что-нибудь нехорошее, то класс его педагогу не выдаст. Если уж такое противоречие может иметь место, то я имею право усомниться в правильной линии воспитателя.

Значит, я настаиваю на усилении внимания к форме организации детского коллектива. Я не буду долго говорить об этом: вероятно, придется отвечать на вопросы на эту тему, но перечислю только детали проблемы, на которые надо обратить внимание.

Это, во-первых, вопрос о центре коллектива, организации центра – это запущенный вопрос. У нас четыре центра плюс N центров неучтенных: директор, завуч, комсорг, старший вожатый. Это проблема очень важная. Я в своей работе организации центра уделил очень много сил и не так скоро решил этот вопрос. Для меня это чрезвычайно важно. Центр – это капитанский мостик, откуда идет все управление учениками, а не центр административный[12].

Вопрос центра влияния не разрешен совершенно ни теоретически, ни практически. Сколько я видел школ, и все по-разному. В одной школе директор ведает всем, даже покраской полов, потолка. В другой школе завуч всем ведает. В третьей школе, говорят, комсорг решает вопросы, а в четвертой школе старший вожатый. Эта одна деталь проблемы.

Второй важнейший вопрос – устройство коллектива, то, что я называю сечением коллектива. Я различаю первичный коллектив классов и общий коллектив школы. Какие принципы руководят нами в организации коллектива? Пока, можно сказать, никаких принципов. Просто есть классы, они существуют – и все. Каждый класс живет отдельно: X класс не знает, что делается в IX, а что делается во II и III классах и знать не хочет! Как относятся II и III классы к старшим? С уважением, с почтением, с влюбленностью? Вторые классы не замечают, что есть старшие, и знать их не хотят. Полное разобщение первичных коллективов.

Следующий чрезвычайно важный вопрос – дисциплина. Этот вопрос всех беспокоит, всех волнует, а до сих пор не сформулирован как следует. До сих пор в нашей школьной практике говорят о дисциплине как о дисциплине торможения.

Разве это советская дисциплина - дисциплина торможения? Т.е. того не делай, того не делай, не опаздывай в школу, не бросай чернильниц в стены, не оскорбляй учителя. Можно прибавить еще несколько подобных же правил и обязательно с частицей «не».

Это не советская дисциплина. Советская дисциплина – это не дисциплина торможения, а дисциплина преодоления, дисциплина борьбы и движения вперед, дисциплина стремления к чему-то, борьба за это что-то – вот такая борьба нам нужна действительно. Такой вопрос не решен.

А решен ли вопрос о целях воспитания?

Да, вопрос о целях воспитания решен, удивительно только: в наших вступительных словах, в каждом вступительном слове мы говорим «Да здравствует коммунистическое воспитание» и считаем, что мы вопрос разрешили. А когда переходим к изложению его, мы говорим в лучшем случае – что мы говорим? – Что мальчик должен быть прилежным, развитым, аккуратным, дисциплинированным, смелым, честным, волевым и еще много хороших слов.

А в английской школе разве не добивается, чтобы мальчик был волевым, честным, аккуратным? Тоже говорят! Дисциплинированным, смелым, честным, еще и волевым, еще много хороших слов. Ну, проверим: в английской школе – там не говорят и не добиваются, чтобы мальчик был волевым, честным, аккуратным мальчиком?

Нет, такие цели еще не определяют наших целей. Наши цели особые: мы должны воспитать коммунистическое поведение. Иначе говоря, наши цели могут быть выражены, только в качествах характера, определяющих коммунистическую личность, и эти качества должны быть выражены очень подробно, точно.

И вот давайте подумаем, что мы знаем о качестве характера коллективиста, человека коммунистического поведения. Какие наши идеалы, какие наши представления об этом человеке? Ведь если скажем, что он честен, что у него должна быть воля, что он энергичен, то это еще ничего не говорит. Это не качества только наши.

И, наконец, честность коммуниста должна отличаться от честности так называемого хорошего англичанина. Ведь и в Евангелии есть указание на честность. Там говорится: не бери чужого, не укради, а это не наша честность; если нужно, мы и чужое возьмем, если нужно для дела строительства коммунизма, мы не заплатим долги буржуазии, и не заплатили, и мы не считаем, что мы украли, мы честно поступили с ними, они лучшего не заслуживают!

Наша честность вовсе не сопровождается «не» - не укради, не бери чужого; наша честность положительная, она требует положительных усилий, положительного единства между трудящимися, уважения к каждому трудящемуся, уважения к своему маленькому коллективу и к коллективу всего советского общества, уважения к трудящимся всех стран.

Вот только на этом фоне мы говорим о честности. Любое нравственное качество, какое вы ни возьмите, и вы увидите, что для нас требуется особая инструментовка нравственных качеств, вовсе не таких, как, скажем, в Англии. И вот эти особые качества нравственной личности мы должны воспитать.

К примеру, возьмем такую важную способность, как деловитость, на которую обращается серьезное внимание в тезисах доклада тов. Молотова.

Ведь и в буржуазном представлении деловитость – это хорошее качество. Но какая деловитость в буржуазном мире? «Ты должен быть деловитым, потому что много есть шляп неделовитых, и ты должен быть сильнее их». Буржуазная деловитость – это качество для того, чтобы победить неделовитых, взять над ними верх, обратить их в рабов, в эксплуатируемых.

Такая деловитость – орудие эксплуатации. А у нас каждый советский человек должен быть деловитым, причем деловитость одного человека не может мешать деловитости другого человека. Значит, у нас деловитость – нравственное качество, и

требование деловитости – моральное требование. И воспитывать деловитость мы должны в каждом человеке, а вовсе не в том, который собирается быть фабрикантом.

Возьмите такое понятие, как точность. И последние указания нашего правительства, и тезисы тов. Молотова, и одно из последних высказываний тов. Сталина говорят о точности. И в нашей воспитательной работе точность как качество настоящего коммунистического характера должна быть такой точностью, когда точность начальника и точность подчиненного должны быть воспитаны как моральное качество.

Почему я называю его моральным, всем обязательным условием поведения? Возьмите такое качество характера, как способность ориентировки, умение в самой сложной обстановке ориентироваться очень быстро, очень точно, очень спокойно, уверенно, без крика, без истерики, без паники, без визга, такое умение крайне необходимо каждому гражданину Советской страны, и мы обязаны его воспитывать.

Наконец, возьмем такое важное качество характера, чисто коммунистическое качество, как умение подчиняться товарищу – не богатому человеку, не хозяину, а товарищу, - и умение приказывать товарищу. Мы с тобой товарищи, друзья, но наступает какой-то момент, и я получаю право приказывать. Тогда я должен уметь приказать, а ты должен уметь подчиниться, забыть о том, что минуту назад мы были просто товарищами. Это качество характера может быть развито только в нашей стране, где нет эксплуататорских классов, где нет власти, вытекающей из экономической силы, из собственности, из хозяйничанья… Все эти качества мы должны воспитывать в нашем молодом человеке.

Я назвал очень немногие из очень многих качеств.

Теперь спросят: какими средствами мы обладаем для этого? Ведь для того, чтобы научиться приказывать товарищу, нет других путей, как упражнения в этом приказании, и упражнения не в порядке баловства, шутки, а так, что невыполнение приказания влечет за собой прорыв, когда товарищ несет ответственность перед коллективом.

Вот, товарищи, то основное, о чем я хотел сказать. Надо организовать коллектив так, чтобы воспитывались действительные, не воображаемые, а настоящие, реальные качества личности. Вот что мы обязаны сделать, и тогда, при этих условиях, индивидуальный подход будет действовать значительно сильнее, красивее и целесообразнее. Потому что если организации коллектива, организации воспитания не будет, индивидуальный подход рискует воспитать индивидов, и только.

Я не буду вас утруждать другими деталями этого вопроса. Уверен, что в ответах на вопросы придется об этом говорить.

Теперь только в заключение моего вступительного слова скажу, что все это вопросы чрезвычайно трудные. Трудные потому, что хорошие качества создаются годами. Нельзя создать характер каким-нибудь особым, быстродействующим приемом или методом.

Создать характер можно только очень длительным участием человека в жизни правильно организованного, дисциплинированного, выдержанного, гордого коллектива. Но организовать такого рода опыт – это значит обязательно рисковать.

Вопрос о риске – самый трудный вопрос. Первый риск, заключается в том, что если вы решили так вести работу с коллективом, вы обязательно через четыре месяца встретитесь с контролером, который вас спросит: «А что вы сделали? А покажите готовые коммунистические характеры, которые вы создали». А вы не можете показать: они у вас будут созданы через пять лет. Как через пять лет?! Сейчас в отчете показать нужно, что вы создали. *(Смех.)*

Это очень большая опасность, так как часто погоня за отчетными данными приводит буквально к анекдотам. Вот я сегодня был в одной школе, паника среди учителей. Говорят: облоно принял обязательство добиться стопроцентной успеваемости, гороно принял такое же обязательство, и наша школа, и наш класс обязались

добиться стопроцентной успеваемости. А у нас сидит в IX классе ученик Балмесов, который не может получить других оценок, кроме «плохо». *(Смех)* Это его специальность: он получает только «плохо». Ничего с ним не можем поделать, и не может быть стопроцентной успеваемости. Мы не можем выполнить данные обязательства, и мы окажемся обманщиками перед всем советским обществом. Мы обязались, дети обязались. Дали обязательства, заранее зная, что есть Балмесов, и окажемся мошенниками на деле *(Смех)*, потому что «крути-верти, а треба вмерти». Привет.

Придет такой момент, когда учитель скажет: «Да поставлю уже ему тройку»! (Смех) И все об этом будут знать, и Балмесов будет знать, и все ученики, и все ученики других классов. Но все будут думать: «Не обманешь – не продашь». *(Смех)* Это и называется стопроцентная успеваемость! Вот для отчета нужно. Я им и говорю: «Неправильно поступаете». – «А как же поступить?» – «Так должны поступить: не можем взять на себя, таких обязательств, не можем выполнить».

Вам скажут – а объективные причины? Да нет, не объективные причины, а субъективные причины этого самого субъекта Балмесова. Нужно пожалеть человека, пожалеть Балмесова. Больше «плохо» он получить не может. *(Смех)* Его насилуют, ему измочалили нервы, класс его ненавидит, потому что он мешает целому классу, он сделался отщепенцем коллектива, предметом ненависти учителей, учеников, родителей, предметом собственной ненависти к самому себе.

Какой смысл это имеет? Зачем вы держите его в IX классе, заведомо зная, что он программы не сможет освоить? Несите ответственность, не обманывайте ни учеников, ни себя.

Вот такая опасность ждет и нас.

Вторая опасность – очень серьезная. У нас часто любят говорить: «Создадим людей сталинской закалки!»

Ну, давайте создавать. Что такое закалка?

Можно ли закалить человека, если его обмотать ватой, чтобы он не простудился? Сознательно надо рисковать (я говорю, конечно, в переносном смысле). Нельзя закалить человека, если не ставить перед ним трудных задач, на которых иногда можно и сорваться. Если вы будете бояться, что он сорвется, не поставите трудных задач, – значит, он сорвется обязательно.

Директору одной школы, которому я помогаю по-товарищески и которого люблю как человека, я говорю: «Заведи ты сторожевой отряд, чтобы охранять школу; конечно, с пустыми винтовками. Составь его из старших учеников X класса, VIII, VI, IV и потом из вторых классов. И пусть этот отряд с 8–9 часов вечера занимает свои посты, пусть дежурят по два часа поочередно. Одни дежурят, другие ожидают в караульном помещении».

А директор возражает: «Но таких маленьких ведь мать не пустит». А я беседовал с маленьким, и он говорит: «Пусть только мать не пустит, я убегу!» Правильно, он убежит! Он будет воодушевлен мыслью о том, что он охраняет свою школу, да еще под командой десятиклассника, с которым он волей-неволей должен будет подружиться. Конечно, мальчик будет стоять на посту. Тут ночь, жутко, собаки бегают, помещение далеко. Пусть подрожит, испугается, в крайнем случае, переполох будет. *(Смех)*

Во всяком случае, я не знаю, до сих пор я не встречал еще иного способа закалки, как закалка. Это единственный способ, и на такую закалку надо идти. И знайте, что у ребят аппетит к этой закалке страшно большой, и никакого сопротивления со стороны ребят вы не встретите. Наоборот, встретите полную поддержку. Тот мальчик, который будет стоять на посту и побаиваться, никогда не скажет, что он трусил. Придет, ты его спрашиваешь: «Что, боялся?» А он отвечает: «Нет! Чего там бояться!»

Храбрый – это не тот мальчик, который не боится, а храбрый тот, который умеет свою трусость подавить. Другой храбрости и быть не может. Вы думаете, идти

на смерть под пули, под снаряды – это значит ничего не испытывать, ничего не бояться? Нет, это именно значит и бояться, и испытывать, и подавить боязнь. А вы мне говорите: «А если он будет бояться?» Так он и должен бояться, и пускай боится, чтобы было, что преодолевать.

Но директор, конечно, не согласился поставить сторожевой отряд.

Другой пример из той же школы. Прекрасная школа, новостройка, односменная, паркет в коридорах, широкие коридоры. Паркет грязный, т. е. цвета грязи.

«Почему, – спрашиваю, – такой грязный паркет? Ведь паркет здесь не для того укладывали паркетчики, чтобы его сверху покрыть грязью. Ведь паркет для того укладывали, чтобы он блестел». Говорят: «Ну что же мы можем сделать? Натираем два раза в месяц, но его же нельзя натереть, его нужно мыть, а потом натереть. Что же делать?» Я говорю: «Пускай ученики натирают». – «Как ученики?» – «Обыкновенно. Вот по утрам, перед занятиями приходит какая-то очередная группа во главе со старшим, становится на щетки и натирает паркет». *(Смех)*

Вы думаете, это детям не понравится? Мало того, что надо натирать, надо, чтобы за десять минут до звонка приходил другой какой-нибудь товарищ из какого-нибудь V класса, с каким-нибудь краснокрестовским знаком, знаком санитарии, и говорил старшему десятикласснику: «Сдавай паркет. Как ты натер? Что это? А вот это – что? Не принимаю работы!» *(Смех)* И с рапортом к директору: «Я такой-то, такая-то группа под руководством такого-то десятиклассника паркет не натерла». Вы вызываете десятиклассника и говорите ему: «Как же так?» И начинается уже всякая последующая педагогическая работа.

Это что – закалка или нет? Закалка. Для этого нужно на час раньше встать и проделать другую работу. И это полезно знать. Очень полезно уметь натирать паркет.

Вот та самая девушка, о которой я говорил, что она заканчивает исторический факультет, рассказывает мне: «Я живу с четырьмя девушками в студенческом общежитии. Только одна беда – они не умеют натирать паркет, а я умею. Коммунары все умеют. Так они меня заставляют натирать паркет, чтобы было чисто».– «Что же ты сделала?» –спрашиваю. – «Я их уговорила, что нужно натирать паркет».

У коммунаров натирали паркет каждый день и принимали его очень строго, и блестел он как зеркало. Каждый день натирают паркет. Это очень важно, вот это умение и эта помощь, оказываемая друзьями. Но такая натирка паркета и есть закалка, и трудно на такой паркет плюнуть, как и в московском метро, где никто не стоит за тобой и не смотрит. Нельзя плюнуть на пол, нельзя бросить окурок. Физически нельзя: мускулы не действуют для этого! *(Смех)*

Так же точно, если все школьники знают по опыту своей школы, что они каждый день натирают свой паркет, то никто уж не сможет на него ни плюнуть, ни бросить бумажку.

И я знаю, что без такой закалки не может быть настоящего коммунистического воспитания и на такой закалке открываются транспаранты коммунистического воспитания. Тот ученик V класса, который придет принимать от ученика X класса проделанную работу, будет учиться приказывать товарищу, а десятиклассник будет уметь подчиняться.

Я на этом заканчиваю, товарищи. Теперь приступлю к ответам на вопросы. (*Аплодисменты*)

Товарищи, здесь есть такие вопросы, которые устанавливают взгляды на меня как на оракула, как мудреца. На такие вопросы я отвечать не буду, а буду отвечать на такие вопросы, на которые отвечать посильно.

Меня с п р а ш и в а ю т : «Каким путем установить, кто обокрал кладовку?» Я на этот вопрос не буду отвечать.

О ведущей роли учителя. Почему обязательно как учитель, так и ведущая роль? Ведь не учитель ведет коллектив, а вы хотите, чтобы я показал ведущую роль

отдельных учителей в педагогическом коллективе. Есть такой вопрос: «В ваших произведениях показывается процесс перевоспитания детей. Почему же не показана ведущая роль учителя в этом процессе?»

В «Педагогической поэме» я показал свою ведущую роль –я учитель или нет? Я педагог или не так надо понимать? Или вы хотите, чтобы я показал ведущую роль в классе?

Видите, я не описал школы, я описал колонию беспризорных, коммуну, жизнь коллектива, жизнь товарищей, в том числе и учителя.

Нам не нужно обязательно чваниться. Ведь когда молодой человек оканчивает инженерный вуз, он идет в конструкторское бюро самым рядовым работником и выполняет простые задачи – разрабатывает конструкцию какого-нибудь маленького узла. А когда мы оканчиваем педагогический вуз и идем работать в школу, то мы говорим – я играю ведущую роль. Кого мы можем вести? Нас вести еще нужно, и еще довольно долгое время. *(Смех)*

Надо быть скромным по отношению к себе, и я настаиваю на том, что учитель – это рядовой работник. Если он не сумеет быть хорошим рядовым работником, он никогда не сможет быть хорошим руководителем. Ведущая же роль в коллективе должна принадлежать опытному педагогу, руководителю коллектива, опытному педагогу, которому весь коллектив должен быть предан.

Вот, например, если бы мне поручили сейчас взять школу, что я прежде всего сделал бы? Я собрал бы всех учителей и сказал: «Вот план, согласны или не согласны? Вы талантливый педагог, опытный человек, не согласны с планом, очень вас прошу, уйдите от нас. Вы молодой педагог, только что окончили вуз, еще мало знаете, оставайтесь с нами, если вы согласны с нашим планом».

Единство педагогического коллектива – совершенно определяющая вещь, и самый молодой, самый неопытный педагог в едином спаянном коллективе, возглавляемом хорошим мастером-руководителем, больше сделает, чем какой угодно опытный и талантливый педагог, который идет вразрез с педагогическим коллективом. Нет ничего опаснее индивидуализма и склоки в педагогическом коллективе, нет ничего отвратительнее, нет ничего вреднее.

В едином педагогическом коллективе не нужно гнаться за тем, чтобы блеснуть своими собственными достижениями, нужно гоняться за тем, чтобы блеснуть достижениями целого коллектива, и тогда и вас будут любить, получится советский стиль, самый важный и самый нужный. Такую роль я именно и пытался изобразить и не хотел выпячивать отдельного педагога, потому что я хотел писать о коллективе и о влиянии коллектива.

Вопрос: «Ваше мнение, как необходимо построить курс педагогики, чтобы вооружить студентов – будущих учителей – необходимыми знаниями?»

Дорогие товарищи, не думал над таким вопросом – о курсе педагогики, и сейчас быстро не сумею сообразить. Но над некоторыми отдельными вопросами думал.

Я, например, считаю, что у нас в педагогических институтах нужно кое-что добавить для того, чтобы воспитательная работа учителя была все-таки подготовлена в вузе. Так, например, я бы ввел у вас как обязательный предмет постановку голоса. Пригласил бы хорошего артиста, и он поставил бы всем голос. Без постановки голоса очень трудно, это ведь инструмент нашей работы, надо его отточить.

В моей работе часто приходилось говорить такую фразу коммунару, с которым я закончил беседу: «Можешь идти». Эту фразу можно сказать 50-ю способами и учитель должен так владеть голосом, чтобы всегда пользоваться и тем и другим тоном, обертоном наиболее лучше, выгоднее и быстрее.

Вы прекрасно знаете, чем поддерживается дисциплина в классе. Можно послать самого боевого, самого «свирепого» *(смех)* человека в класс; он войдет и скажет: «Тише, чего вы кричите, тише!» Но над ним будут хохотать. А можно послать в

класс нежнейшее существо, почти не обладающее никакой властью, которое скажет так: «Иванов, сядь на место», – что и он сядет, и все остальные сядут, довольные тем, что заметили Иванова, а не его.

Кроме того, я ввел бы еще такие практические работы в педагогическом институте. Вот группа. Вас 25 человек. Вы собираетесь, усаживаетесь где-нибудь у стенки. Один из вас занимает директорское кресло, а другой изображает провинившегося ученика, который обвиняется в том, что он сказал неправду. Пожалуйста, разговаривайте с ним, а мы будем смотреть, как вы будете с ним разговаривать. Это очень интересное упражнение, потому что товарищи обсудят, как он разговаривал. Только таким путем можно научиться разговаривать, и с родителями тоже нужно учиться разговаривать.

Я видел много педагогов, знающих советских патриотов, которые, однако, разговаривать ни с родителями, ни с учениками не умеют. Это надо поставить в программу педагогики.

Кроме того, пора поставить вопрос о том, что такое коллектив, о сечении коллектива, о функциях коллектива, об органах коллектива, о стиле коллектива и много всяких других вопросов.

В о п р о с : «Каковы основные пути воспитания сознательной дисциплины в школах?»

Товарищи, я понимаю дисциплину как результат воспитания, так что основной путь воспитания дисциплины – это весь воспитательный процесс. Дисциплина – это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством.

Я считаю, что главные средства воспитания – это хороший коллектив педагогов и хорошо организованный, единый коллектив учеников. Требований – вот чего мы не умеем предъявлять. После «Флагов на башнях» группа учеников 379-й московской школы пишет мне: «Мы читали «Флаги на башнях». Нам нравится, но мы недовольны. Отчего у ваших ребят так мало недостатков? На самом деле у человека бывают и достоинства и недостатки, и вы должны были описать и достоинства и недостатки». И критики говорят: «Что это за беспризорные: никого не режут, никому не плюют в физиономию, ничего не крадут, ничего не разбивают».

Ответил десятиклассникам, что то, что они проповедуют, я называю моральным оппортунизмом. Почему должны быть недостатки? Кто это придумал: «Вот мои недостатки, вот мои достоинства». Актив – пассив, и все довольны: недостатки есть, достоинства есть – все в порядке. Что это такое? Попробуйте провести это утверждение на каждый жизненный случай.

Допустим, вы – молодая девушка и полюбили молодого человека, а он вам говорит: «Я имею недостатки» – «Какие же это?» - «А вот, я – хороший инженер, но враль (просто брехун)». Девушка думает: что ж, человек должен иметь достоинства и недостатки, пусть будет, но молодой человек еще говорит: «Кроме того, я могу и украсть» - и девушка думает: что ж, должны быть недостатки, пусть крадет.

Никакая девушка не должна согласиться мириться с такими недостатками.

Я считаю, что педагог не должен допускать никаких недостатков, и наши ученики не должны думать, что они имеют право на недостатки. Мы должны требовать от человека идеального поведения (другое дело, что мы не всегда его достигаем). И тогда будет какое-то приближение к идеалу – это вам и нужно.

Представьте, я в трагическом положении: мне не верят критики. Ну, ничего не поделаешь, но коммуне [им. Ф.Э. Дзержинского] не верят!... За восемь лет в коммуне не было ни одного дня прорыва, какой-нибудь паники, каких-нибудь страшных случаев. И так только и должно быть. Иначе быть не может в советском детском коллективе. Мы не имеем права допускать иных порядков.

Ко мне приезжали люди, делегации, экскурсии и в глаза мне говорили, осмотрев коммуну: «Нет, не может быть! Тут что-то подстроено». Я написал книжку,

и мне возражают: «Это сказка, это мечта». А я утверждаю, что это не только советская действительность, а это та действительность, которая должна быть на каждом шагу.

Детские коллективы должны быть счастливыми коллективами, и поэтому к ним должны быть предъявлены большие требования. Я, например, в системе своих наказаний настаивал на таком принципе: в первую очередь наказывать лучших, а худших в последнюю очередь или совсем не наказывать. Это наш, советский принцип. Мы от членов партии требуем больше и наказываем сильнее, чем беспартийных. И поэтому лучшие коммунары, мои друзья, которым я могу доверить что угодно, за пустяк часто сидели под домашним арестом.

Вот есть в Москве мой друг Вася Клюшник, который командовал три года первым комсомольским взводом. А что такое комсомольский взвод, можете судить по тому, что когда мы ехали в один поход и у меня был чемодан, в котором было 55 тыс. рублей, я сказал: «Не хочу носить двухпудовый чемодан – я не носильщик, кто будет носить?» Подумали, постановили: «Действительно, одному человеку все время носить такой чемодан невозможно. Пусть носит первый комсомольский взвод». Этот незапертый чемодан с 55 тыс. болтался всегда у кого-то в первом взводе, и ни одна трешка из него, конечно, не пропала.

Такой был комсомольский взвод. И вот его командир Вася Клюшник, прекрасный человек, он у меня под арестом сидел чаще других. Почему? Вот он говорит, что он имеет право уходить без отпуска. Он не просил отпуска, а докладывал мне: «Антон Семенович, я ухожу до семи часов в отпуск».

Есть, записал. Я не имел права возразить. Он не нуждался в разрешении, он сам отвечал за себя. Раз уходит в отпуск,– значит, знает, что делает. Но пришел в десять минут восьмого. Дал обещание, назначил срок и опоздал. Садись под арест! Тебя никто не тянул говорить, что вернешься в семь, а пришел в восьмом часу. Дал обещание, назначил срок – исполни. А опоздал – садись под арест!

От таких, как Вася Клюшник, я особенно требовал, ничего не прощал. И Вася знал, что ему никакой пустяк не будет прощен.

Я прощался с коммунарами. Вы понимаете, что для меня это был один из трагических моментов, моей жизни. Я получил телеграмму – немедленно прибыть к месту назначения в Киев. Неожиданная телеграмма. Я работал в НКВД и должен был уехать с первым поездом. Телеграмму я получил утром, а поезд отходил в пять часов. И я должен был немедленно проститься.

Я работал 16 лет в коллективе. И кто понежнее, тот слезу пустил. И мне трудно было говорить. На что уж заведующий хозяйством: такой хитрый был, что к нему на козе не подъедешь, и тот стоит – плачет.

Вдруг вижу: в большом зале на рояле пыль. Я продолжаю речь и тут же спрашиваю: «Кто сегодня убирает?» Мне называют. «На пять часов под арест этого коммунара!» А он говорит: «Антон Семенович, ведь вы прощаетесь». Но я и тут его наказал, и тут не простил.

И когда коллектив знает, что его лучшие получают в первую очередь, тогда наказание приобретает настоящий советский оттенок. Новенький придет, украдет, ну, «попарят» его, но не наказывают. Если украдет во второй, в третий раз, его опять-таки не наказывают... И новичок начинает мечтать о том времени, когда его начнут наказывать. Противоречия наказанию кончаются, когда начинают считать, что это – настоящий коммунар. В этом заключается доверие к его человеческой личности.

Вот условия дисциплины.

С л е д у ю щ и й в о п р о с – поощрения.

Я противник излишних поощрений. У нас в коммуне лучшим поощрением считалась благодарность в приказе, объявленная по коммуне.

А приказ слушали все стоя. Приказ–это выражение воли коллектива, это коллективное поощрение. У нас велось непрекращающееся, постоянное соревнование отрядов по всем показателям.

Кстати, для дисциплины огромное значение имеет учет, а я ни у одного директора в кабинете не нашел картотеки. Как можно руководить тысячей двумястами детей, если нет картотеки! Это некультурно... У нас должны быть карточки, учет.

Я достиг больших результатов благодаря придирчивости, благодаря учету. Скажем, мальчик [во время урока] ходил по классу. В его карточке будет отмечено, что такого-то числа он ходил по классу. Разговоров по этому поводу не ведется: это не кондуит, тут другие традиции, поддерживающие порядок. Мальчик совершил проступок - записали: ты в апреле, в марте сделал то-то. Человек «отдувается» за то, что он сделал, и после этого он опять прекрасный товарищ. Никаких разговоров не ведется; тем не менее, учет продолжается. Каждый знает, что если он сказал учителю грубость, он за это получит. Но упрекать его за это потом всю жизнь никто не будет. Однако в карточке это будет отмечено[12a].

Тут много всяких способов, чисто даже механических, которые укрепляют дисциплину. Вот одним из таких способов является ежедневный рапорт. Мне вечером иногда рапортовали человек шестьдесят. Это командиры отрядов, взводов, классов, производственных бригад. Но это делалось торжественно. Они выстраивались в две-три линии. Давалась команда: «Смирно!» И я должен был приходить подтянутый, как нужно. И рапорту бригадира или командира отдавался салют.

Все присутствующие, и учителя в том числе, стоят с салютом. И в таком рапорте указания о проступке ученика звучат на весь коллектив очень серьезно.

И рапортам этим мы придавали такое большое, значение, что у нас даже было правило: рапорт не проверяется. Это значит, что если мальчик пришел ко мне в кабинет и рассказал о плохом поведении товарища, то я могу его проверить. Если мальчик заявит на общем собрании о плохом поведении товарища, то его тоже можно проверить, можно расспросить свидетелей, можно установить, правду или неправду он сказал. Но если это сказано во время рапорта – проверять нельзя. Почему?

Во время рапорта человек соврать не может, потому что ему же салютует вся коммуна, его рапорту, его работе, его отчету отдают, салют 70–80 человек. Как он может соврать?! И знаете, не было случая, чтобы в рапорте была ложь. Такой рапорт должен был устанавливать дисциплину. Командир должен отметить в рапорте то, что произошло, он не имеет права скрывать, ибо он говорит: в таком-то отряде все благополучно, если он что-то скрыл, – значит, он соврал; получается, что рапорт нужно проверять.

И тут вопрос, выдавать или не выдавать товарища, отпадает. Это один из путей воспитания принципиальности и честности. Механически такой вопрос не может стоять, и командир не может скрыть проступка товарища.

Одним из важнейших путей воспитания я считаю игру. У нас принято под игрой разуметь специальное дело, в свободное время, спортивную или подвижную игру. Я под игрой понимаю всю жизнь. Вся жизнь детского коллектива должна быть серьезная, ответственная, деловая и должна быть всегда игрой. И вы, педагоги, обязаны играть.

Я вот немолодой человек, а я играл. Вот, например, пришел ко мне командир, сдает рапорт. Я должен встать перед ним. Я не имел права принять рапорт сидя. И другие всякие правила моего собственного поведения – я должен был понимать эту детскую игру.

Это то, что наркомпросовцы называли военизацией. Пускай, военизация, но это совершенно необходимо. Между прочим, к вашему сведению, долго меня «ели» за эту военизацию, и долго чувствовал себя преступником, но решил так – все-таки пойду по этому пути, так и буду идти по нему далее.

И только в прошлом году я, наконец, прочел большую статью Энгельса, в которой он прямо в лоб настаивал на военизации в школе[13]. И теперь уже меня не ругают, а если только скажут, я говорю: «16-й том, часть 2 – прочтите».

Такой вопрос еще: «Пути и способы полового воспитавши в школе»

Очень трудный вопрос! Разрешите мне не отвечать, честное слово, голоса не хватит.

Дело в том, что я был в более трудных условиях, чем вы, или, может быть, в более легких. С одной стороны, дети жили день и ночь со мной, они не знали родителей, я был для них все, но, с другой стороны, это были люди, повидавшие свет и многое испытавшие… Мы ведь брали «первый сорт» - с крыш курьерских поездов, так что в половом отношении они были очень развиты, и воспитывать их было трудно.

У меня были тяжелые случаи, я не сразу нашел способы правильного полового воспитания (правда, я считаю, что, в общем-то, мы выбрались благополучно). Особенных скандалов не было, но влюблялись.

Я решил сейчас обязательно написать книжку о любви, потому что я поневоле сделался специалистом в этом вопросе (*в зале смех*), хотя я пришел к этому убеждению в самое недавнее время, что любовь – это вовсе не наитие, и не случайность, и не несчастная случайность, а это обыкновенное дело, которое нужно организовать. (*В зале смех*).

Поэтому, воспитывая хороших организаторов, вы тем самым (простите меня за тривиальность) воспитываете хороших влюбленных; способность к организации поведения проявится и в этом. Ответственность за работу коллектива, привычка к этой ответственности, привычка отвечать за коллектив – эта привычка к ответственности скажется и в любовном отношении.

Главные драмы проистекают от ощущения безответственности. При этом в области морального воспитания, как вы знаете, самая трудная цель вот какая.

Надо, чтобы человек поступил правильно не тогда, когда на него смотрят, его слышат, могут похвалить или, во всяком случае, могут одобрить. Очень трудно поступить правильно тогда, когда никто не видит, никто не слышит, не увидит, не услышит никогда, навечно не узнает, а надо поступить правильно для себя, для правды, для своего долга перед самим собой. Если такую цель, не имеющую отношения к половому воспитанию, поставить перед воспитателем, – тогда и половое воспитание облегчается.

Само собою разумеется, что любовь в 17 лет – это, конечно, чепуха, в особенности у мужчины, который развивается позднее женщины. С влюбленным 17-летним мальчишкой женщина даже не должна разговаривать. Но и у девушки в семнадцать лет тоже знаете, какая любовь. Всякая такая любовь, если дать ей ход, всегда оканчивается несчастьем.

Я, по крайней мере, не знаю ни одного случая, чтобы ранняя любовь, приведшая к браку, не кончилась какой-то драмой.

И это очень хорошо. Я так говорю тем девушкам, которые влюбились в семнадцать лет: хотите замуж, а потом приходите и плачете – убитые глаза, похудевшее лицо, горе. Человек уехал, даже адреса нет. *(Смех.)*

А я таким девушкам говорю: выбралась ты хорошо из этого дела. Радуйся, что все благополучно кончилось и что тебе не нужно подавать заявление об алиментах куда-нибудь. *(Смех.)* Но еще лучше обойтись даже и без такого конца.

Поэтому я сейчас, когда встречаю своих бывших коммунаров, а встречаю я их очень часто во всех городах, я просто беру за плечи – дорогой, милый, хороший друг, не женись, подожди немножко, тебе двадцать лет, ну подожди, для меня подожди.

Девушки в таких случаях меня обычно успокаивают: «Да нет, вы не беспокойтесь, ничего такого нет. Там есть один, но кто его знает, он так только, смотрит, а ничего не говорит». Значит, если скажет, – все равно дело пропащее!

Тем не менее, я в своей практике добивался торможением того, что задерживал эти любовные истории. Иногда приходилось стучать кулаком – брось, все равно знаю, все равно не оставлю. И пугливые натуры бросали *(смех)*, а более экспансивные, конечно, не могли бросить. И приходилось женить, даже приданое покупать, всякие цветы, швейную машину, квартиру, гардеробные шкафы и т.д., т.е. делать то, что противоречит абсолютно моим педагогическим убеждениям, и, тем не менее, я должен был это делать.

Факты женитьбы в 1932–1933 гг. показали коммунарам все «счастье» преждевременной брачной жизни. Во-первых, нужно жить на маленький бюджет. Какой заработок в девятнадцать лет? Во-вторых, появляются дети, начинаются тайные исчезновения на вечерние заседания, ну, мало ли что начинается. *(Смех)* А потом - сакраментальная формула: не сошлись характерами.

Так одна, другая неудачи сделались одним из наших важнейших козырей.

Обычно, если вижу где-нибудь парочку возле батареи, когда все спят, спрашиваю, нежно даже спрашиваю: говорят, что вы влюблены? Они говорят: честное слово, нет! Полгода назад ответили бы: да, влюблены, хотим жениться... А теперь? Скажи: женись, вот приданое, квартира и т. д., пожалуйста. Нет, не хотят. Все прекрасно поняли, что квартира и приданое – небольшое такое счастье.

В общем, удалось задержать некоторые «любви» и большинство «любвей», во всяком случае создать такой институт, знаете, верховный, и как будто запретительным актом, как будто. В массе, естественно, никто не запрещает, нельзя запретить, но затягивать, оттягивать это дело нужно.

Кроме того, я считаю, что в таких случаях полезен прямой разговор о любви с юношей отдельно, с девушкой отдельно. Прямые разговоры, без всяких прикрас с молодежью 17 и 18 лет – это не только можно, а нужно, нужно учить любви. Как это ни странно звучит, а есть такая наука и нужно ей учить. Девушек нужно учить: больше уважения к себе, к своей женской гордости. Девушку надо учить, чтобы она даже приятных ей молодых людей встречала с некоторым перцем. *(В зале смех, аплодисменты)*.

И девушкам и мальчикам нужно рассказывать об ответственности за каждый прожитый, день, за каждый кусок чувства, потому что за все приходится платить жизнью, причем надо говорить не два-три раза, а каждый день.

Буржуазные педагоги считают, что никаких, «любвей» не может быть в юношеском возрасте», что в школах – человек до 18 лет любить не может, потому что он в школе, а после школы любите с алиментами или без алиментов, с драмами или без драм. Иногда и мы с разгона берем такую ошибочную позицию – это «шкрабья» позиция.

Мы, советские педагоги, не можем снять с себя ответственности, мы обязаны воспитывать будущих отцов, будущих матерей, любящих во всех областях жизни. У педагогов есть все, чтобы преподать юношеству хорошие советы.

Я получил несколько писем от группы юношей по поводу книжки о родителях. Пишут, что в книжке о родителях вы такой – святой святоша, хотите узы брака надеть. Подписывались все с указанием своих адресов, причем среди них были и педагоги.

Это значит – либо среди педагогов мало алиментщиков, либо они считают нужным скрывать свое преступление.

Мне задан еще такой в о п р о с : «Как вы понимаете отношение между педагогической теорией и педагогической практикой?»

Я чрезвычайно уважаю педагогическую теорию, не могу жить без нее, люблю педагогическую теорию. Удовлетворит ли мой ответ того, кто спросил? Это я сказал правду.

Маленькое замечание. Я люблю именно педагогическую теорию, а не педагогическую болтовню, а у нас часто всякую болтовню называют педагогической тео-

рией. Я говорю о педагогической теории и хочу, чтобы педагогическая теория была настоящая.

Нужна маленькая монография на такую тему, как влияние костюма учителя на характер учащихся, влияние мимики учителя на воспитание характера ученика. Все это мельчайшие детали, которые требуют внимания. Ведь даже Гоголь в своем «Ревизоре» обратил внимание на то, что иной учитель такую рожу скорчит, что хоть святых выноси.

Очень многое зависит от того, как учитель может оживить свой урок, как он умеет смотреть на класс.

И очень большой вопрос - воспитание способности ориентировки. Об этом можно написать целый том. Такую теорию я очень люблю и уважаю.

Т а к о й в о п р о с : «Какие детские книги Вы считаете лучшими?»

Я не читаю детских книг. Я же взрослый человек. *(Смех)*

Вопрос: «Как Вы советуете поступать в тех случаях, когда дети в переходном возрасте увлекаются книгами, не подходящими для них, хотя и высокохудожественными, – Куприна, Мопассана, Цвейга? Следует ли запрещать такое чтение и каким образом?»

Что из того, что я отвечу – следует запрещать? А кто будет запрещать, вы? А вы сумеете запретить? Нет. Попробуйте запретить мальчикам читать эти книги. Все равно будут читать. Попробуйте запретить курить в школе. Будут курить.

Я вообще особенно не верю в запрещение. Тут что-то другое нужно. Системы нет специальной. И не верю в то, что ребенок должен читать книги по какой-то там системе. Вот вы боитесь, – он взял Куприна, Мопассана. Я знаю, чего боитесь: там есть такие сценки, которые не всегда вслух при женщине прочтешь, так ребенок уже интересуется, из-за этих сценок и читает эти книги, так что совершенно ясно, что его привлекает. И как вы думаете: вашим запрещением вы снимаете вопрос или не снимаете? Нет, не снимаете. Вы запретили читать Мопассана – он будет слушать похабные анекдоты какого-нибудь старшего товарища. Это хуже Мопассана или лучше? Хуже.

Едва ли можно при помощи одного наблюдения и запрещения руководить всем этим процессом, когда у подростка в 15 лет возникает довольно острый и неприятный половой интерес. И вы знаете, что я думаю? Я не знаю детей, мальчиков 15 лет (ни из своего детства, ни потом не встречал), у которых бы этот острый половой интерес не возникал.

Этот интерес имеет форму вовсе не развратного стремления к женщине. Стремления к женщине еще нет, оно не сознается, напротив, такой мальчик боится женщин, стесняется, и, может быть, платонически влюблен в кого-нибудь, и даже где-нибудь плачет втихомолку от любви, чтобы никто не видел, что от любви. Этот вопрос прикоснулся к нему своей самой пустотной стороной, если вообще может быть пустотня.

И знаете, что я думаю? Пусть он переживет эту болезнь без вашей помощи и без вашего вмешательства, потому что я не помню случая, да и нужно ли потушить в нем это заболевание. Это, конечно, какое-то заболевание, и, вероятно, его нужно так же перенести, как иногда нужно перенести корь в детстве, скарлатину, в 15 лет.

Он не может пройти мимо этого вопроса, и, конечно, он не будет о нем разговаривать с учителем об услышанном анекдоте. В мальчишеской среде да и в девичьей идет такая струя острого интереса к самым натуралистическим выражениям в половой сфере, мальчик шепчет, по секрету рассказывает неприличный анекдот.

И, тем не менее, вот в чем я убедился: это проходит по каким-то верхним коркам души и вовсе не превращает человека в развратника. Смотришь, из этого самого мальчика вырастает чистейшая, хорошая мужская душа. Очень многие из них погибли на фронтах гражданской войны, героическим образом. К женщинам они относились прекрасно.

В то же время я наблюдал мальчиков, которые не хотели слушать таких разговоров, удалялись, которые вели себя, как тихони, исусики, а из них вышли развратники, насильники, беспринципные животные. Могут быть и такие случаи.

Это мальчишеский взрыв острого интереса к половому натурализму. И, может быть, лучше он прочитает Мопассана. Тогда у него вся эта область предстанет хотя в волнующем оформлении, но все-таки в искусстве, в антураже человеческих страстей, несчастий, радостей. Поэтому я никогда никому не запрещал читать книг, кроме книг контрреволюционных, вредных своей проповедью, идеями. И думаю, что дети от этого ничего не теряют. Я не знаю ни одной системы чтения, предложенный кем-нибудь, которая бы меня удовлетворила.

Задан такой в о п р о с : «Как воспитывать внимание учеников?»

На этот вопрос отвечать не буду.

Следующий в о п р о с : «Как воспитывать интерес к истории?»

Честное слово, я не оракул, никогда не интересовался этим вопросом.

В о п р о с : «Меня интересует вопрос о самолюбии человека, как оно вредно и в какой мере, и как можно воспитать у человека самолюбие?

Если у ребенка нет самолюбия – надо воспитать его, конечно. Но я не знаю, как его воспитать, если ребенок не находится в коллективе. Видите ли, в хорошем коллективе самолюбие очень легко воспитать. Я бы предложил в школе делать то, что я делал в коммуне. В коммуну мальчики приходили как воспитанники, а через четыре месяца они получали звание коммунара и нарукавный значок ФД. Это удовлетворяло, но это и обязывало.

Во всяком случае, надо воспитывать так, чтобы человек знал, какой коллектив за его спиной, каким коллективом он должен гордиться. Человек всегда должен выступать от имени коллектива.

Я в Москве был в одной школе, которая называется школой им. Ворошилова[14], я там был несколько дней, но я не слышал, чтобы кто-нибудь вспоминал Ворошилова, я не слышал гордости за то, что школа носит имя Ворошилова.

Я спросил: «Вы называете себя ворошиловцами?» Они ответили: «Нет». Я спросил: «А как же?» Они ответили: «Мы называем себя учащимися». Я спросил: «А вы видели Ворошилова?» Они ответили: «Нет». Я спросил: «А что бы вы сделали, если бы он приехал?» Они ответили: «Ничего».

Школа не находит в этом ничего для воспитания гордости своего коллектива потому, что самое главное – это коллектив, а не название школы.

Я думаю, каждая школа наша, кроме того что должна быть единым типом советской школы, должна иметь свое лицо и гордиться этим лицом. Гордится своим именем, принадлежностью к данному коллективу.

В о п р о с : «Чем вы объясняете такое быстрое перерождение Короткова из произведения «Педагогическая поэма»?»

Я, товарищи, вообще не верю в медленное перерождение. Воспитание, рост человека протекают медленно, а так называемая перековка всегда совершается взрывно. И вы не верьте тем, которые говорят, что перековка – это эволюционный процесс. Это взрывной процесс. Совершенно нельзя наблюдать. Кто наблюдал образование «взрывы»: он совершается в один короткий момент, вот будто чувствовался[14a].

В о п р о с : «Каким способом можно сломить упрямство, если ребенку уже 7 лет?»

На такие вопросы трудно отвечать. Смотря какой ребенок, какой папа и какая мама, кого там ломать в первую очередь нужно и кто ломает. Вопрос слишком абстрактный, совершенно невозможен для ответа.

Тут несколько в о п р о с о в , которые касаются историко-литературных. Я такого курса не читаю и на эти вопросы отвечать не могу. К таким вопросам нужно

специально готовиться. Если бы это был мой специальный доклад по этим вопросам, я обязан был бы тогда ответить. Сейчас я просто недостаточно подготовлен.

В о п р о с : «Какие лучшие конкретные способы преодоления лени?» *(Смех)*

Если вы говорите о преодолении лени в детском коллективе, там много способов, специальная методика может быть предложена, и прежде всего ответственность перед коллективом. Если же вы пишете: даже в нашей студенческой среде есть ленивые люди, значит, тут не лень. Преодолеть можно самовнушением, самовоспитанием. Для этого есть единственный, вернейший способ – это заставить себя делать то дело, которое нужно делать. Другого способа нет.

В о п р о с : «Не считаете ли вы, что ликвидация мастерских по школам, отсутствие трудовых процессов ведут к воспитанию барчуков, людей, пренебрежительно относящихся к труду взрослых?»

Я вообще сторонник не только трудового воспитания, но и производственного воспитания. Маркс прямо говорит, что все дети с 14 лет должны принимать участие в производстве. Я поэтому являюсь противником каких бы то ни было «учебно-трудовых процессов» в школе. Я являюсь сторонником производственных процессов в школе, даже самых простых, самых дешевых, самых скучных. Потому что только в производственном процессе вырастает настоящий характер человека, члена производственного коллектива, там именно человек учится чувствовать свою ответственность за деталь, когда нужно выполнить весь промфинплан.

Я думаю, что такая производственная школа у нас со временем будет. Сейчас у нас просто средств не хватает для такой школы.

В о п р о с : « Если можно, скажите, пожалуйста, кого вы считаете лучшим писателем современности?»

Я больше всего люблю Шолохова. Я даже считаю, что он писатель мирового масштаба.

Следующий в о п р о с : «Связаны ли вы с педагогической практикой и в какой форме?»

Связан, очень часто принимаю у себя на дому клиентов по разным вопросам, хотя на моих дверях не висит дощечка «прием от такого-то до такого-то».

Недавно пришла ко мне женщина лет 45 (думаю, что моей книги не читала) и говорит: «Сын продал мои ботинки, юбку, облигации, не работает, требует денег, по ночам гуляет, ударил меня кулаком в лицо. Мне посоветовали прийти к вам за советом».

Я решил, что же мне обижать женщину, которая нуждается в совете? Я спрашиваю: «А сколько сыну лет?» Она говорит: «Восемнадцать». Я говорю: «Могу вам дать единственно возможный совет: если можете, удирайте тайно от этого сына в другой город». Она говорит: «Хорошо, спасибо за совет, а сколько вам за совет?» (В руках у нее пятерка.) Я считаю, что я честно заработал пятерку, но все-таки не приходится брать. *(В зале смех)*

Вы знаете, что еще? Иногда приходят ко мне влюбленные и просят совета – чи покинути, чи любити? И вы знаете, нельзя прогнать, пошел разговор, и хотя не специалист в этом вопросе, а поневоле начинаешь расспрашивать, говорить, потом влюбленный начинает плакать, начинаешь утешать – и смотришь, даешь какой-то совет и даже сам не знаешь, к чему это может привести.

Так что, видите, приходится и нехорошими педагогическими делами заниматься.

А раз пришла ко мне мать в очень трагическом положении, приехала из Ленинграда: у нее сын пропал, прекрасный мальчик, ученик IX класса. Вытопил печь и исчез. Мать пришла в теплую комнату с работы, а сына нет. Дело в том, что мальчика обвинили в краже каких-то физических приборов в школе, и вот он исчез. Единственный сын. Мать приехала ко мне, привезла карточку и спрашивает: «Скажите, может ли он покончить с собой?»

Разве я могу сказать, что я не знаю, не понимаю? Я взял карточку, посмотрел и сказал: «Ни в коем случае не может покончить с собой». *(В зале смех, аплодисменты).*

Следующий в о п р о с : «Нам очень хочется быть счастливыми. Скажите, пожалуйста, что вы собираетесь написать по этому вопросу в вашей последней книге, а то придется долго ждать другой книги, а человек создан для счастья, как птица для полета,– поэтому нельзя терять ни одной минуты».

Я отвечу товарищам.

Буду писать такую книгу, и первым правилом такой мудрости – как быть счастливым – я рассчитываю поставить: не спеши быть счастливым, а то вы торопитесь, вертитесь *(Смех)*

Нужно очень осмотрительно к этому подходить.

В произведении «Флаги на башнях»: Рыжикова, Белковского прислали в «Дзержинку» на воспитание, но не перевоспитали, как это, между прочим, и получилось. И с Митягиным в «Педагогической поэме» я ничего не мог сделать. Было несколько таких человек. Брак очень незначительный, но процент брака все-таки бывает у всех.

Я, товарищи, не нашел такого средства, чтобы таких, как Рыжиков, перевоспитать. Очень возможно, если бы прожил еще 15 лет в коммуне им. Дзержинского и не старел, не терял бы сил, я нашел бы способ перевоспитать таких, как Рыжиков. Было несколько человек, с какими я не мог справиться, в том числе и в коммуне. Я не знаю, как, но если бы я знал, так я, наверное, перевоспитал бы и их.

Один товарищ пишет: «Наши школы забросили физическое воспитание.»

Конечно, забросили, так не надо забрасывать. Что я могу сказать по этому поводу? Его очень легко восстановить.

Какое физическое воспитание? Спартанское воспитание: в Спарте это метод закалки. Ну, вот дальше, как вам сказать, какая разница. Спартанское воспитание не такое плохое воспитание, но я всегда настаиваю на том, что наше воспитание должно направляться интересами коллектива, сопровождаться воспитанием сознательности. У спартанцев воспитание закаленных людей не сопровождалось таким сознательным оформлением, как у нас, такой философией жизни.

В о п р о с : «Вы предлагаете ученикам натирать паркет. Но ведь, утомляясь натиранием, ученики не смогут продуктивно учиться».

Вот видите, вот уже испугались! А как же мои коммунары учились? Ведь они заканчивали полную десятилетку и четыре часа выполняли на заводе серьезную работу, с нормой, и с самообслуживанием, и с самоуправлением, и с физкультурой, и иностранные делегации принимали, и в походы ездили. Нет, товарищи, мы слишком балуем наших ребят. Натирать полы в течение получаса – ничего, не повредит.

«Расскажите коротко о вашей встрече с Горьким, его влиянии на вашу деятельность как писателя».

Я с ним встретился основательно один раз, когда он приехал ко мне в колонию Горького. Жил у меня три дня. Ну, тогда меня интересовали больше вопросы педагогические, а не литературные; я с ним о литературе совершенно не разговаривал. А потом, когда я написал «Педагогическую поэму», я с ним встречался по этому [поводу] раза четыре. Два раза был у него, один раз в поезде ехал вместе с ним и еще где-то один раз в Одессе видел, когда он ехал из Италии через Турцию.

Его влияние на меня выражается в прочитанных книгах Горького. Самое важное, что я нашел в нем, - это большая вера в человека и большая требовательность к человеку.

Я считаю, что в этом смысле Горький – один из лучших педагогов, ибо он предъявляет максимальные требования к человеку, максимальное уважение. Это и моя основная педагогическая вера.

Кроме того, оптимизм в горьковских произведениях меня увлек. Горький - большой оптимист, он умеет проектировать лучшее в человеке.

Когда вы видите перед собой воспитанника - мальчика или девочку, вы должны уметь проектировать больше, чем кажется для глаза, и это всегда правильно. Как хороший охотник, давая выстрел по движущейся цели, берет далеко вперед, так и педагог в своем воспитательном деле должен брать далеко вперед, много требовать от человека и страшно уважать его, хотя по внешним признакам этот человек не заслуживает уважения.

Следующий вопрос: «Встречали ли вы в своей практике неисправимых нарушителей?»

Встречал, но неисправимых для меня, но я глубоко убежден, что через 10-20 лет наша педагогика и вы со своими свежими силами и мыслями признаете, что неисправимых быть не может.

Следующий вопрос: «Если неисправимых нет, то как вы смотрите на высшую меру наказания - расстрел?»

Я вам расскажу один случай в ответ на этот вопрос, и на этом я закончу - голоса больше нет.

Был такой случай: наша коммуна плыла на теплоходе «Крым» из Батума в Одессу. На теплоходе нас прекрасно принимали, мы понравились пассажирам, команде, потому что были оживленны, культурны, вежливы. У нас был оркестр, мы играли, беседовали с публикой.

И вот в конце третьих суток утром произошел несчастный случай: один довольно взрослый коммунар консервной банкой во время завтрака другому, более молодому коммунару до крови расшиб голову. Это было сделано в присутствии команды и пассажиров.

Я не успел оглянуться, как дежурный командир протрубил общее собрание, и было одно предложение - ссадить этого коммунара в Ялте, а кто пойдет провожать, может на теплоход не возвращаться.

Приходили делегации от команды, от пассажиров и просили простить коммунара, но им ответили: мы знаем, что мы делаем, и о том, что сделаем - потом сообщим.

В Ялте ссадили этого коммунара, никто не пошел его провожать, хотя все хотели посмотреть. Потом послали делегацию к команде, к пассажирам с извинениями, что произошел такой несчастный случай.

Когда мы прибыли в Харьков, нам на вокзал подали грузовики, и этот уволенный коммунар ходил между грузовиками и хотел помочь разгрузить нам обоз, но его устранили. Потом он пришел в коммуну просить, чтобы его приняли. Я сам просил общее собрание принять его, потом приходил один из виднейших чекистов, с ромбами[14б], и просил за него, а когда дошло до голосования, то все единогласно подняли руки за то, чтобы обратно не принимать его. И после собрания чекист просил в группе старших коммунаров, собравшихся у меня в кабинете, но ничего не помогло.

Мне могут задать вопрос: вы говорите, что коммуна может всех исправить, а вот с одним человеком не можете справиться. Какое особое преступление совершил этот коммунар? Он ударил товарища. Между тем я должен сказать, что этот коммунар считался хорошим товарищем, был не на плохом счету.

Почему мне не возражали? А просто против голосовали. И вот один мальчик, комсомолец, один из таких «гвоздей» коммуны, ответил: я вам скажу и тебе, - говорит, - скажу (*аплодисменты*) вот потому, что мы говорили правду. Наша коммуна так сильна, что она может справиться с вами словами (*аплодисменты*), и, конечно, тут его исправлять нечего, не стоит, так как он нам неинтересен.

Он совершил большое преступление, он в походе, когда военная дисциплина, на глазах представителей всего Союза, на пароходе всех городов, он оскорбил товарища, он оскорбил коммуну, мы его ссадили, а сейчас он нам неинтересен. Пусть его

кто угодно исправляет, да он и так на всю жизнь не забудет этого урока. Он уже исправился, но мы желаем, чтобы у нас в коммуне, когда мы уйдем, еще один набор придет, чтобы все вспоминали этот случай.

И действительно, вы знаете, ушло то поколение, уже новые ребята, которые не плыли на этом пароходе, они, чуть вопрос о драке зайдет, говорили: а помните, ссадили с теплохода «Крым» - вот правильно поступили в вопросе о такой репрессии! В коммуне изгнание было высшей мерой наказания и т.д. Значит это вовсе не для одного индивидуума.

Откажитесь, товарищи, от индивидуальной логики. Здесь воспитывается не один человек, а коллектив. И вот не препятствуя этому совету коллектива, весь коллектив закалялся в борьбе за свое качество. Как вы думаете, поднять руку за исключение товарища, это значит взять на себя очень большое обязательство. Это страшная закалка характера.

И, конечно, и расстрел в нашей стране вовсе не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неисправим; наверное, с ним еще можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев – вот что нас прежде всего интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, что они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку, и наше уважение к коллективу, и наши надежды, и нашу ненависть к врагам.

«Я хотел бы быть хорошим педагогом. Я боюсь одного, что я не смогу поставить дисциплины, а значит, у меня не будет авторитета. Скажите, как себя надо держать с детьми, чтобы стать нужным наставником?»

Я готов сказать, товарищ, но тогда долго придется говорить, а я уже вас утомил и еще утомлю. Отдельно, если хотите, поговорим с вами.

«Если вызвать ученика к доске, а он слабоват в математике, конфузить начинает его преподаватель, хорошо это или нет?»

Иногда хорошо, честное слово, хорошо. Иногда самый легкий способ иронии хорош и в общем собрании. Было однажды такое постановление: пускай такой-то в 3 часа, в выходной день, поймет, как себя нужно вести. А пришли 3 часа, и тот, наверное, заставил себя - таки подумать (*смех*). Не обойдешь этого вопроса.

Задал вопрос студент, готовится к педагогической практике – воспитывать детей. В хорошем коллективе совершенно достаточно этого.

Мне говорят, что «в вопросе о «балмесовых» вы ошиблись, у нас нет навечно плохих, обреченных».

Вам кажется так, мне кажется так. Я говорю из рассказов учителей. Я в своей жизни наблюдал людей, которые в известном классе учатся плохо. И опять-таки насильно нельзя заставить учиться хорошо; это часто приводит к трагическим последствиям. Иногда лучше дать человеку отдых, передышку, но это не значит, что он обреченный.

Мне пишут: «Приведите пример, где бы закалка наша отличалась от закалки в Англии?»

Я говорил, что наша закалка должна направляться интересами коллектива, а не персональной, личной тренировкой, и каждый ребенок должен это понимать, а в Англии это делается для собственной личной силы, тренировки.

У меня спрашивают о самоуправлении.

Я об этом написал.

Меня спрашивают: «Как воспитать человека, чтобы он был счастливым?»

Я лучше об этом в своей книге напишу.

Меня спрашивают: «Дайте короткую характеристику вашу о том, какими должны быть здоровые отношения между парой – мужчиной и девушкой?»

Искренние отношения, т.е. такие, которые ничего не преувеличивают и не преуменьшают, когда не обманывают друг друга, когда есть уважение к себе и к другому, – и тогда отношения будут здоровые, независимо от того, какие это отношения:

дружеские, любовные и т.д. Во всяком случае, если есть забота о жизни и счастье, – такие отношения всегда будут прекрасны.

Следующий вопрос: «Почему вы думаете, что среди нашей педагогической братии процент семейных бракоделов меньший?»

Потому что я получил от многих педагогов брак в значительно меньшем количестве.

Следующий вопрос: «Скажите, типичным ли является тот профессор педагогики, о котором вы пишете в «Книге для родителей»?»

В свое время он был типичным как лицо, у которого собственная эрудиция педагогическая противоречит его собственной домашней практике, а такое противоречие, в известной мере, может быть типичным.

Следующий вопрос: «Типичен ли учитель, который не может ответить ученику?»

А почему не типичен? На такой вопрос, как задал Володя [в «Книге для родителей»], не так легко ответить, и я лично считаю, что учитель ответил очень хорошо, а вы считаете, что он не смог ответить. Либо я, либо вы путаете. Мальчик спрашивает: «Что такое написано у Пушкина: «Прелестная ножка влечет за собою желания?» Учитель не ответил на этот вопрос и сказал: «Я приду домой и объясню это, чтобы родители слышали»». Учитель поступил правильно, когда сказал, что приду домой и поговорю, а вы «пришиваете» мне, что я похвалил за это учителя (*в зале смех*).

Вот все ответы на вопросы, которые от меня требует Соломоновой мудрости. В частности, поднимался вопрос о дружбе мальчика и девочки.

«Ваш виступ мас для нас навчальне значения»[15].

Маленька подяка за мое выступление.

Вот по поводу моего выступления, Я очень вас прошу смотреть на мой опыт и мои некоторые выводы, которые я мог сегодня вам изложить в моих кратких замечаниях, без формальных выражений, исключительно как на один из случаев опыта.

Я хочу вас убедить только в одном, вовсе не в том, что мне нужно подражать и повторять мои приемы. Я хочу вас убедить только в том, что вы должны быть смелыми, что вы должны дерзать, но что это вы должны делать не в порядке индивидуального военизаторства, а в хорошем, сильном, хорошем, дружном, товарищеском педагогическом коллективе.

От души вам желаю найти такой коллектив в вашей жизни.

(Аплодисменты.)

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 343 – 364. Купюры в тексте устранены по изд.: А.С. Макаренко. Публичные выступления... - Елец, 2012.

Стенограмма доклада на литературно-педагогическом вечере в Харьковском педагогическом институте 9 марта 1939 г. Устроителями встречи и автором доклад не озаглавлен. Заглавие дано по первой публикации, в соответствии с содержанием доклада, рассчитанного в основном на студенческую аудиторию.

Здесь А.С. Макаренко со всей определенностью высказался о своей деятельности как социального педагога: «Я чувствую себя педагогом не только прежде всего, а везде и всюду педагогом. Моя литературная работа – только форма педагогической работы».

Излагая свою принципиальную позицию о качественном различении процессов воспитания и обучения А.С. Макаренко по существу прямо говорит: в советской школе «собственно воспитания» нет, есть его видимость; воспитываются не «действи-

тельные, реальные» качества личности, а «воображаемые». 20 лет СССР мало, чтобы создать «новейшую педагогическую школу, школу коммунистического воспитания». Можно усомниться в «правильной линии воспитания», насколько оно по своим целям и содержанию является советским, коммунистическим.

В докладе доминируют две идеи: воспитание основывается на жизненном, практическом, социально-нравственном опыте; этот опыт должен быть коллективистским и творчески-деятельным. Болезнь воспитательной практики и теории – «гипертрофия индивидуального подхода». Нужно отказаться от «индивидуальной логики», от методологии, которая предусматривает мифическую автономную личность, игнорируется ее связь с другими людьми, социальной средой. В личности главное – характер, волевая целеустремленность человека-коллективиста.

А.С. Макаренко показывает развитие морально-психологических основ воспитания. Опасен «моральный оппортунизм»: высшие ценности подменяются низшими, извращаются в духе устаревших представлений, понятий, традиций. Новая нравственность трудно воспринимается, нуждается в научном осмыслении, в определении многообразных форм ее действия в повседневном общении, в сфере социального управления, труда и культуры.

Примечательно, что А.С. Макаренко отказывался отвечать на вопросы, касающиеся обучения. При ответе на вопросы сугубо практические он обращается к их сущности, отражая свойственное его педагогике методологическое единство теории и практики.

[1] Как социальный педагог А.С. Макаренко характеризует свой воспитательный опыт не просто как педагогическую деятельность его, коллег-педагогов и не только как действие государства и общества, но и как деятельность его воспитанников, детей и молодежи. Все вместе они строили новую жизнь и новую педагогику. См. часть 2 дан. издания, с. 371 – 373; часть 5, с. 64.

[2] На «Марш 30 года» опубликован один отзыв, в ж. «Художественная литература», 1933, № 4, авт. Л. Гессен (видимо, педагог). Сказалось то, что связь школы с жизнью страны, с производством в начале 1930-х гг. стала неактуальной; массовая школа решительно преобразовалась в «школу учебы» и лишь подготовки к поступлению в вузы.

[3] А.М. Горький принял деятельное участие в публикации «Марша 30 года». А.С. Макаренко об этом, видимо, не знал. Об истории публикации книги и участии А.М. Горького см.: часть 2 дан. издания, с. 239 – 240 и часть 5, с. 346 – 347.

[4] А.С. Макаренко здесь повторил характеристику, данную критиками этого произведения. Зная о его недостатках, но упорно отстаивал его содержание в ответах на критику, см. в части 7 данного издания: «Против шаблона».

[5] Одна из таких колоний НКВД УССР - № 5, в Броварах, под Киевом, где А.С. Макаренко был фактически ее начальником осенью – зимой 1936 г., см.: часть 5, с. 80 – 81, 105 – 106 и далее.

[6] См.: Советская педагогика, 1938, № 3.

[7] См. в дан. книге, в Дополнении – о статье Ф. Левина «Четвертая повесть А. Макаренко».

[8] Коммуна при этом получала от государства долгосрочные кредиты на развитие производства и благоустройство.

[9] Производственные достижения коммуны им. Ф.Э. Дзержинского обеспечивались при значительной части инженерно-технических специалистов и квалифицированных рабочих, особенно в 1933 – 1935 гг. См. данные конца 1934 г.: часть 3 данного издания, с. 331 – 334.

Соединение подростков и взрослых в едином трудовом «воспитательном коллективе» - принципиальная особенность макаренковской педагогики (в отличии от распространенной установки на воспитание лишь в нетрудовом «детском коллективе»).

[10] Этот макаренковский тезис показывает огромную значимость объективных условий, «материальной сферы», при которой может успешно действовать субъективный фактор воспитания.

[11] Имеется в виду *П.Е. Джуринская.*

[12] В макаренковской концепции воспитания в коллективе основополагающее значение имеет система управления им, объединяющая административное управление и самоуправление. Таким образом, утверждалось верховенство моральных стимулов деятельности и поведения. Первоначальный вариант единой системы управления: см. схему – часть 1 данного издания, с. 172.

[12а] Этот учет осуществлялся на основе ежедневных вечерних (устных и в письменной форме) рапортов, публично сдаваемых командирами отрядов. Эти данные периодически обобщались, см. в части 3 данного издания, с.145-147, 174-177.

[13] Говорится о статье Ф. Энгельса «Может ли Европа разоружиться?» - в томе XVI Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, он вышел в свет в 1936 г.

[14] В московской 2-й образцовой школе им. К.Е. Ворошилова А.С. Макаренко выступил 11февраля 1936 г. перед учащимися старших классов. О его выступлении перед старшеклассниками в московской школе № 67 см.: часть 6 дан. издания, с. 131.

[14а] О «взрывах» в процессе воспитания, перевоспитания см. подробно в части 3 данного издания, с.190-192.

[14б] Тогда знаки отличия генерала.

[15] «Ваше выступление имеет для нас обучающее значение» (укр. яз.). Ниже: «подяка» - благодарность.

Дополнение. **К.С. Кононенко** *о пребывании А.С. Макаренко в Харькове:*

«При его приезде я давно уже не видел его в таком гармонически напряженном состоянии. Он весь кипел желанием работы и борьбы, в нем ясно ощущалось сознание своего нужного, полезного места в жизни...

О многом мы с ним в эти дни поговорили по-душам, о многом мечтали, многое планировали.

Уезжал он из Харькова усталый и раздраженный. Все время люди, знавшие и не знавшие его, считали своим правом надоедать ему своими разговорами, а он со свойственной ему дели-

катностью не мог от них отделаться. С утра до 3 – 4 часов ночи ему не давали ни минуты покоя...

Первого апреля я получил телеграмму: «Антон умер. Галя».

Опускала макаренкиана, № 20, с. 25.

Письмо Л.М. Салько, 13 марта 1939 г.

Москва, 13 марта 39

Дорогой Лева!

По некоторым сведениям, ты доехал и устроился благополучно, и никто тебя не выгнал из Кисловодска по причине неполноценной руки.

Я сегодня возвратился из Харькова и застал Галю больной. У нее был грипп, сейчас она поправляется и у нее нормальная температура. Все же наш отъезд в Голицыно[1] придется задержать дня на два.

В Харькове меня совершенно замотали коммунары. Их там видимо-невидимо, они ходили в мой номер без всяких предупреждений и разговаривали со мной до одурения. Был и в коммуне в гостях у Тимочки[2], Волчка и Скребнева[3], пил с ними водку.

Но в самой бывшей коммуне не был и узнал только, что 35 человек из деятелей коммуны представлены к орденам. В списке представленных нет ни Горбунова[4], ни Тихонова, ни Когана; ни Татаринова. Все это меня умилило в самой высокой степени[5].

Выступал на пяти собраниях. Шкрабы как шкрабы. Студенты в записках задавали мне весьма глупые вопросы.[6]

Сейчас у нас сидит Вася Клюшник. Ожидает назначения и скучает. У нас же живет и Оля. У нее тоже грипп. Тем не менее, у нас не скучно.

Пересылаю тебе письмо Валерия или Валериана[7], не знаю как лучше называть его в официальных случаях. Галя подробно описывала ему происшествие по поводу лампочки, и он прислал свое высокоавторитетное мнение. Галя просит тебя внимательно с ним ознакомиться, ибо он противоречит мнению твоего цаговского эскулапа[8]. Галя просит представить это мнение кому следует, подчеркнув, что это мнение ординатора киевского ортопедического института.

Сегодня встречал кое-кого недавно побывавшего в Кисловодске, и меня уверили, что там настоящая весна и светит горячее солнце.

Завтра начинаю работать. Сегодня целый день звонили по телефону и упрашивали Марию Ивановну[9], чтобы я читал какие-то лекции. Мария Ивановна проникновенным голосом спрашивает:

- А кто спрашивает?

Потом не менее нежно отвечает:

- Они в Харькове и неизвестно когда приедут.

Эти стратегические приемы позволяют мне надеяться, что завтра я кое-что сделаю полезное для общества и государства.

Если будешь писать письмо, на что имеем некоторые надежды, не забудь написать и о своей руке.

Дачу в Болшеве наняли. Очень милое место, почти на самой Клязьме. От станции идти минут двадцать пять без особого напряжения. Четыре комнаты и веранда, маленький садик и очень живописные окрестности.

Привет тебе от всех наших и от всех приходящих. Галя целует и просит хорошо себя вести.

В Харькове много видел девиц, которые уверяют, что они вышли замуж, хотя их мужья и на одну минутку не были в убеждении, что они женились. Пришел к заключению, что среди теперешних мужчин очень много мелкой сволочи. Девиц жалко, они плачут. Буду ругаться по этому поводу в какой-нибудь книжке.

Ну, поправляйся. Пиши. Читай. Гуляй.

Целую крепко.

Твой *А.*

Опускула макаренкиана, № 24 /сост. С. Невская, Г. Хиллиг. – Марбург, 2001, с. 245 – 246.

[1] **Там располагался Дом творчества Литфонда Союза советских писателей. Или: Дом отдыха «Писатель».**

[2] **Имеется в виду** *Т.Д. Татаринов.*

[3] *Скребнев В.Н.* **в коммуне стал высококвалифицированным токарем-револьверщиком, затем инженер, работал в г. Черкассы. Жена –** *Хохликова М.П.*, **подружились в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В Великую Отечественную войну офицер, ранен, награжден орденом Отечественной войны, медалями. Макаренковскую характеристику см. в части 3, с. 116.**

[4] *Горбунов Н.А.* **– инженер в коммуне дзержинцев с февраля 1932 г., главный инженер коммунарского завода электроинструмента с нач. 1933 г. Затем один из руководителей Управления объединенными предприятиями коммуны, ведущий специалист производства пленочных фотоаппаратов. В связи с успешным запуском этого производства получил награду от ЦИК УССР в октябре 1935 г. В пьесе «Мажор» и «Флагах на башнях» Воргунов.**

[5] **Позднее Президиумом Верховного совета УССР от 29 апреля 1939 г. за заслуги в военном производстве 146 сотрудников Харьковского комбината НКВД им. Ф.Э. Дзержинского награждены орденами и медалями, среди них Т.Д. Татаринов; А.С. Макаренко среди награжденных нет.**

[6] **Вопросы, задаваемые А.С. Макаренко на этой и других встречах, показывают, как далеки общепринятые педагогические представления от его идей и понятий, его педагогической методологии.**

[7] **Имеется в виду** *В.П. Захаржевский*, **врач, друг А.С. Макаренко.**

[8] **Имеется в виду поликлиника ЦАГИ, где работал Л.М. Салько. Он получил, видимо, травму руки при неосторожном обращении с электричеством.**

[9] **Домработница в семье А.С. Макаренко.**

Дополнение. **13 марта – 50-летие со дня рождения А.С. Макаренко.**

Письмо Т.В. Турчаниновой, 13 марта 1939 г.

Москва, 13 марта 39

Сегодня, возвратившись из Харькова, получил Ваше письмо. Я не умею выражать чувство благодарности, поэтому не сердитесь. Ваши письма для меня чересчур ласковы, со мной никто никогда ласково не разговаривал, я не привык к ласке.

В Харькове была каторга. Я пять раз[1] выступил перед студентами и учителями. Они много смеялись и аплодировали, но я недоволен. Решил больше не выступать, довольно этой паскудной болтовни и щекотанья нервов.

Но в Харькове замучили меня не выступления, а мои бывшие воспитанники. Они умеют узнавать о моем приезде через полчаса после прихода поезда и потом вплоть до отхода поезда они от меня не отходят. А их там сейчас больше сотни.

Все это очень приятно и мило, но это, честное слово, выше сил человеческих.

Сейчас нужно работать. Я запустил литературную работу, у меня много обязательств, наконец, нужно зарабатывать деньги, в последнее время я страшно обеднел.

Вместе с Вашим получил письмо от Авдеенко, он тянет к себе, но я не вижу скорой возможности. Мне нужно написать сценарий, пьесу, роман, второй том книги для родителей, черт его знает, сколько нужно сделать.

Все же я мечтаю о том, что приеду в Сталино. И увижу Вас, - страшно интересно, какой Вы человек, по письмам я плохо разбираю, для меня нужно обязательно посмотреть в глаза.

А обо мне Вы много не думайте. В общем, я человек не плохой, но скучный и некрасивый. Вот увидите!

Желаю Вам здоровья и хорошего настроения!

Ваш *А. Макаренко.*

Опускула макаренкиана, № 15, с. 64 – 65.

[1] Исследователям неизвестно о встрече, выступлении А.С. Макаренко вечером 11 марта, а также о двух встречах с коммунарами: 7 марта утром (видимо, в гостинице) и 10 вечером – на территории бывш. коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (с Т.Д. Татариновым, И.И. Волченко и др.).

Е.С. Пихоцкая **позднее, на макаренковедческой конференции в Харькове 20 апреля 1950 г., вспоминала: А.С. Макаренко на встрече с коммунарами в Харькове в марте 1939 г. говорил, что «товарищ Сталин вызывал его к себе на прием.» А.С. Макаренко также сказал: «Мне так хочется собраться под Москвой, у меня будет дача,... устроить конференцию бывших воспитанников, коммунаров». Это зафиксировано в стенограмме данной конференции – см.: Опускула макаренкиана, № 21 /авт. Г. Хиллиг, Марбург, 1998, с. 50. Документально первый факт не подтверждается.**

О встрече А.С. Макаренко с *И.В. Сталиным* **говорила также** *К.М. Безрук* **(ученица А.С. Макаренко в 1906 – 1908 гг. в Крюкове). Она виделась с ним в Москве «в начале августа 1937 г.», тогда А.С. Макаренко сказал, что «закончил работу над «большим сценарием» о будущем советской школы через 50 лет. Говорил и о дискуссии с коллегами, которые якобы рассказали о сценарии Сталину. Он заинтересовался произведением, прочел его, вызвал к себе автора и предложил ему передвинуть события на 40 лет ближе к действительности, что тот и сделал» (ее воспоминания, 1978 г. – в личном фонде Ф.И. Науменко, в Отделе рукописей Научной библиотеки АН Украины, г. Львов) – см. Опускула макаренкиана, № 21, с. 49.**

Этот факт также документально не подтверждается. Возможно, речь идет о 1939 г.

Безрук К.М. **окончила Варшавский университет; при советской власти зав. детсадом, затем преподаватель в Кременчугской партшколе, училась в Академии коммунистического воспитания, г. Москва (имела личные контакты с Н.К. Крупской, А.В. Луначарским), потом преподаватель социальных дисциплин в вузах Украины. Награждена Медалью А.С. Макаренко.**

Из письма О.П. Ракович, 13 марта 1939 г.

13 марта 1939

…Как я живу на новом поприще? Трудно сравнить с прошлым.

Но сейчас уже не бывает у меня таких счастливых минут, помните? Ехали мы в Полтаву на нашем замечательном фаэтоне. Почему-то Вы ночевали в колонии. Вы сидели на главном сидении рядом со Стефанией Потаповной, я – против Вас, и мы смеялись всю дорогу. Я не помню уже, о чем мы говорили тогда, но я хорошо помню, что это был самый счастливый момент моей жизни. В общем, Вы стеснялись и дерзили мне, но Вам страшно хотелось хохотать, а Стефания Потаповна завидовала Вашей молодости и обижалась.

...Я очень много работаю, много борюсь и часто лезу на рожон, у меня много врагов, а друзья…

В руках у меня нет такого дела, которое я готов защищать до последней капли крови. Пишу.

Сейчас развел повесть о любви – длинную повесть, в которой хочется сказать многое и многое вспомнить, поэтому сейчас я еще чаще вспоминаю о Вас…

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 114.

Ракович О.П. **– сотрудница колонии им. М. Горького с февраля 1923 г., по штату – инструктор труда, а фактически – «агент по снабжению колонии в Полтаве». Работала до переезда колонии в Куряж (под Харьковом), до июня 1926 г. Неразделенная любовь А.С. Макаренко. Его письма к ней 1923 – 1925 гг. см. в части 1 дан. издания, с. 97 – 98, 120 – 121, 133 – 134 и 1930 г. – в части 2, с. 193 – 194. В «Педагогической поэме» могла быть изображена как О.П. Субботина, см. часть 1, с. 345.**

См. Ширяева К. «Кристал его души». – Полтава, 2008 – о переписке А.С. Макаренко с О.П. Ракович, с публикацией его многих сохранившихся писем.

***Дополнения.* 14 марта – подписан к печати том** *37 Большой советской энциклопедии.* **Кол. 727:** *«Макаренко Антон Семенович* **(род. 1888), советский писатель. По профессии учитель... Он владеет редким умением отчетливо, выпукло изображать людей, индивидуализировать человеческую речь». Пафос творчества, горячий оптимизм, глубочайшая вера в воспитательную силу социалистического труда. «Замечательная педагогическая работа».**

15 марта: *Одесская киностудия* **потребовала от А.С. Макаренко возвратить деньги (аванс), полученные по договору за киносценарий «на школьную тему». Он ничего не мог написать о традиционной «школе учебы». «В школе нашей действительности... я не мог найти ничего интересного, а лакировка содержания – не моя специальность» (часть 7 данного издания, с.101; там же см. с. 130, 223).**

16 марта: *заседание парткома Союза советских писателей.*

16 марта 1939 г.

Слушали: 2. Заявление т. Макаренко А. С. о приеме его кандидатом в члены ВКП (б) (т. Зайцев).

Тов. Макаренко Антон Семенович род. в 1888 г. в г. Белополье, б. Харьковской г., Сумского уезда. Украинец, отец – рабочий-маляр в вагонных мастерских ст. Крюково на Днепре, умер в 1916 г. Мать - домохозяйка, умерла в 1931 г. Образование – окончил Кременчугское 4-классное городское училище в 1904 г., одногодичные педагогические курсы при том же училище в 1905

г., Полтавский учительский институт в 1917 г. Писатель-прозаик, член Союза советских писателей, член бюро Секции прозаиков. Награжден правительством за литературные заслуги орденом Трудового Красного Знамени.

Рекомендуют т. Макаренко А. С. в канд. ВКП (б):

1. *Павленко П.А.*, **чл. ВКП (б) с 1920 г., п/б № 1274158, писатель**
2. *Бобунов А.А.* **–«– с 1918 г., п/б № 1255271, писатель**
3. *Ермилов В. В.* **–«– с 1927 г., п/б № 1255270, писатель**
4. *Булыга-Фадеев А. А.* **с 1918 г., п/б № 1189040, писатель**
5. *Колбановский В. Н.* **с 1919 г., п/б № 1230960**

Вопросы к т. Макаренко.

Вопрос. Во время прихода Деникина вы учительствовали и какая у Вас была политическая точка зрения?

Ответ. Да, учительствовал, я был против деникинщины, но активной борьбы против него не вел, занимался педагогической работой.

Тов. Павленко (рекомендующий). Т. Макаренко я узнал тогда, когда вышла его книга «Педагогическая поэма». Эта поэма вызвала большую ярость со стороны некоторых работников НКВД[1], и приходилось обращаться к А. М. Горькому, чтобы напечатали эту книгу. У многих была уверенность в том, что т. Макаренко является коммунистом, а оказывается, что он беспартийный.

Тов. Макаренко, придя в литературу, отложил свою педагогическую деятельность. Это неправильно, и сдавать свои позиции по педагогической линии не нужно.

Правление ССП должно помочь т. Макаренко в этой работе и нужно дать бой тем, кто против коммунистического воспитания.

Тов. Бобунов (рекомендующий). Когда читаешь книгу т. Макаренко «Педагогическая поэма», то сразу складывается мнение о человеке. Когда бываешь у т. Макаренко на квартире, то чувствуешь, что попал в коммуну. Я многим коммунистам говорил, что нужно помочь т. Макаренко вступить в партию, что мы и сделали.

Постановили: Поставить вопрос на общем партийном, собрании о приеме т. Макаренко А.С. в кандидаты ВКП (б) по 4-й группе[2].

Секретарь парткома ССП Зайцев.

(Общее собрание предполагалось 4 апреля – А.Ф.)

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 128.

[1] Имеется в виду, вероятно, рецензия А. Сосновского на журнальную публикацию произведения. См. часть 4 данного издания, с. 69 – 70.

[2] Говорится о делении вступающих в ВКП (б) по их социальному положению, что вело к различиям в условиях приема в

партию, в числе рекомендующих и сроке кандидатского стажа. Эта мера отменена на XVIII съезде ВКП (б).

Телеграмма Л.М. Салько, 17 марта 1939 г.

Сегодня выезжаем, Голицыно, Белорусской дороги, Дом писателей. Приветствуем, будь здоров. Выслали сегодня четыреста [рублей]. Отец.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 282. Дата – ориентировочно, в сопоставлении с другими материалами.

В Доме отдыха Литфонда «Писатель» А.С. Макаренко находился, пребывая на медицинском бюллетене, по временной нетрудоспособности (в сопровождении Г.С. Макаренко).

Великая награда

Горячо благодарим дорогих наших читателей и обещаем: будем писать для вас больше и лучше, а кроме того, постараемся и других писателей привлечь к вашему журналу.

До сих пор многие писатели побаиваются вас: они думают, что вы очень строгие критики. Это, конечно, верно: критики вы строгие, но без критики тоже не проживешь.

Привет!

А. Макаренко.

Журнал «Дружные ребята», 1939, № 3. Под данным заголовком публикуются: письмо деткоров «Дружных ребят» (11 чел., деревня Никулино) с просьбой поздравить писателей с награждением их орденами; отклики на это писателей А. Макаренко, М. Пришвина, Е. Благининой, К. Паустовского, Л. Квитко (в таком порядке, с их портретами). М. Пришвин благодарит от имени героев его рассказов: «звери-кормилицы» и др. К. Паустовский: «...Среди колхозных ребят у меня есть хорошие друзья, где я провожу лето».

Домой хочу

(Рассказ бывшего колониста)

1

Вот вы говорите: характер. Характеры бывают разные, а какой лучший, какой худший – это вопрос. Расскажу вам, например, о Сеньке Дружнове.

К нам в колонию он даже, собственно, не пришел, а его привели... привела старенькая-старенькая бабушка. Что это за такое дело, когда человека приводят разные родственники: маменьки, бабушки, тетеньки?

Человеку тринадцать лет, а он, как теленок, бредет, его бабушка подгоняет! И поэтому, когда пришел Сенька, колонисты посмотрели на него с осуждением и каждый подумал: «Известный тип – маменькин сынок!»

Сенька стоял посреди кабинета заведующего и молчал. Но Сенька молчал как-то по-своему. И физиономия у него была ничего, можно сказать, даже приличная: глаза черные, а сам румяный, щекастый. Только волосы в беспорядке, видимо, Сенька и понятия не имел, что такое парикмахер: деревня! А на ногах лапотки, это уж действительно мода, кто же теперь лапти носит? Бедный, может, очень; тогда, конечно, ничего не поделаешь.

Нас, колонистов, помню, порядочно набралось в кабинет, молчим, рассматриваем и Сеньку и бабушку. Бабушка старая, худая, высокая, говорит не спеша, останавливается, слезы вытирает, как же ее не слушать?

- Привела... внучка, – говорит она заведующему, – возьми к себе, родной, пускай у тебя живет. А то, видишь, стара стала, сколько я там проживу, а ему куда деваться? А тебя господь наградит, пускай у тебя живет. И я умру... спокойно...

Бабушка подвинулась ближе к внуку, тронула его за плечо, подтолкнула к заведующему. Проделала все это, отступила, успокоилась, поправила платок на голове; смотрит и ждет, не решения ждет, а просто должен же и заведующий что-нибудь сказать по такому важному случаю. И колонисты все обратили лица к заведующему: что он скажет. Заведующий встал, поклонился и сказал серьезно:

- Спасибо вам, товарищ. Внука оставляйте. Будет у нас жить. Вы не беспокойтесь, человеком станет. А вы тоже живите, зачем вам умирать, умереть всегда успеем, живите себе на здоровье и приезжайте к нам в гости...

Колонисты нашли такой разговор вполне правильным. И бабушка была довольна, даже улыбнулась.

- Военные, что ли, у тебя люди выходят?

И на нас кивнула – это мы, значит, военные.

Заведующий ответил:

- И военные и разные: и доктора, и рабочие, и летчики. Кто куда хочет...

Бабушка вдруг загрустила, руку – к глазам, слезы у нее:

- Он... Сенюшка-то, все говорит... летчиком буду...

И тут стало видно, что бабушке трудно с Сенькой расставаться.

И нам это видно, и заведующему, и всем жалко бабушку, а Сенька как будто неживой. Стоит, чуть-чуть склонился, смотрит кто его знает куда – на пустую стену, – глазом не моргнет, лицо красное. Разбери, чего ему нужно. Давно у нас не было такого неповоротливого человека!

Заведующий у него спрашивает:

- Ты грамотный?

А он даже и не отвечает. Хоть бы моргнул или пошевелился как-нибудь. Бабушка за него ответила:

- Грамотный, как же! В пятый класс ходил...

Заведующий не стал больше расспрашивать, распорядился бабушку накормить обедом и отправить на нашей линейке на станцию, а когда уедет, Сеньку к нему привести.

Девчата и хлопцы окружили старуху – понравилась она всем, – потащили в столовую, а Сеньку пришлось за локоть поворачивать: побрел за ней. И пока бабушка обедала, Сенька сидел на стуле боком и смотрел куда попало, ни одного слова не сказал; не могли даже понять, есть ли у него какой-нибудь голос.

Потом бабушку усадили на линейку и повезли на станцию. А Сенька совсем как деревянный, насилу поставили его перед заведующим как следует. Смешно было на него смотреть; хлопец с виду правильный, даже красивенький, а души никаких признаков. И заведующему на вопросы не отвечает, только на один вопрос и ответил.

Заведующий спросил:

- Так летчиком... хочешь... Семен?

Вот тут он и ответил:

- Угу!

Заведующий и говорит:

- Ну, он потом обойдется. Дежурный, веди его куда следует.

Дежурил в тот день Виталий Горленко. Подошел Виталий к Сеньке, заметил что-то, просунул руку за воротник и вытащил... крестик, маленький, черненький какой-то, на черном шнурке. Виталий рванул, оборвал всю эту святыню, швырнул куда-то в угол дивана, да как заорет:

- Что это!.. Предрассудки такие на шее носишь!

Мы даже ахнуть не успели. А Виталий покраснел весь, прямо дрожит от злости.

- Летчиком он будет! Никакой самолет не выдержит, если крестов навешать!

Сенька пришел в себя. Повернулся всем телом градусов так на 35, не больше, глянул в то место, куда крест полетел, и вдруг как заревет. То молчал-молчал, а тут – на тебе – такой голосина, да звонко так, с захлёбом. Стоит, как и раньше, без движения и воет. Мы засмотрелись на него с удивлением: до чего человек дикий! Заведующий напал на Виталия, почему, говорит, так нетактично: оборвал, бросил, объяснить нужно... А Сенька все стоит и ревет. Даже Виталий испугался, до каких же он пор будет кричать. Заведующий начал было:

- Дружнов, успокойся! Послушай...

А Сенька еще выше на полтона взял.

- Ну и характер, – сказал тогда Виталий. – Но все равно креста не отдам! Колонист, и с крестом!

Тут, наконец, Сенька заговорил. Не то, что заговорил, а тоже по-своему: повернулся обратно на 35 градусов к заведующему и заладил с растяжкой, с рыданием:

- Домой хочу! Домой хочу!

И еще раз, и еще раз, да все одинаково, на особый лад, по-деревенскому, на «а»:

- Дамой хачу![1]

Заведующий выставил нас из кабинета, а сам его ублажать.

А мы вышли в коридор и долго еще слышали, доносилось до нас сквозь дверь:

- Дамой хачу!

Народ у нас был боевой. Много видели на своем веку, удивляться не умели. А тут, честное слово, стоим в коридоре и глазами друг на друга хлопаем. Виталий говорит:

- Фу ты, дьявол! Даже перепугал меня! Вы видали когда-нибудь такое?

- Какой вредный пацан! – сказал Шурка Просянников. – Это он все из-за креста!

А Владимир Скопин – он у нас очень умный был человек – не согласился:

- На чертей ему крест! В лаптях ходит! Ты думаешь, это он из-за религии?

- А как же?

- Да нет! Характер такой! Самостоятельный. С виду тихоня, а глотка: «Дамой ха-чу!»

2

Что вы думаете о таком характере? Можно сказать, вредный действительно, и с таким человеком жить, ну его? А у нас у всех, сколько ни есть колонистов по свете, нет лучшего друга, как Сенька. Вот вам и характер.

С тех пор десять лет прошло, а может, немного меньше. Вспомнить то время, десять лет назад! Дикости у нас тогда куда больше было. Если сравнить, скажем, сегодняшнюю культуру и как тогда было. А все-таки Володька Скопин был прав: в Сеньке никакой дикости не было, хоть по какой-то там глупости крест и висел у него на шее. Этот крест, наверное, бабушка повесила. Думала: раз в колонию ехать, надо как можно лучше. На ноги лапотки, на шею крест, вроде как парадный костюм.

Заведующий с Сенькой долго тогда разговаривал с глазу на глаз. О чем они говорили, так мы и не узнали, а только потом ни заведующий, ни Виталий Горленко, да и никто вообще про тот крест не вспоминал. Так, будто его и не было.

Мы прожили с Сенькой в колонии пять лет, а после разъехались, кто в вуз, кто в командиры, кто в летчики. Только у нас принято: всегда встречаемся, письма пишем, друзьями остались, а лучший друг у всех – Сенька Дружнов.

Характер у него всегда был одинаковый, молчаливый. Можно по пальцам пересчитать, сколько Сенька за нашу совместную жизнь слов сказал.

Но не думайте, он не уединялся, не прятался, бирюком никогда не был. Где компания, там и он. А ребята, знаете какие болтуны бывают: говорит, говорит, трещит, вертится туда-сюда, и смеется, и зубы скалит, и хвостом, и крыльями – сорока, настоящая сорока. Другие, допустим, поменьше разговаривают, а все-таки…

А Сенька как-то умел без слов. Стоит, слушает, к тому чуть-чуть повернется, к другому. С лица он всегда был румяный, брови густые, черные. Как-нибудь там егозить или суетиться он никогда не умел. И смеяться как будто не смеялся, а все-таки смотришь на него и видишь: улыбается человек, а почему видишь, ни за что не разберешь: по краскам что ли, по румянцу, а кроме того, и губы у него иногда морщились. Думаешь, сейчас что-нибудь скажет, но только это редко бывало, чтобы он в самом деле сказал.

Мы любили ходить слушать, как Сенька перед заведующим «отдувается». Приходилось все-таки.

Заведующий говорит:

- Это ты неправильно сделал, результаты нехорошие получились.

А Сенька?

А Сенька молчит.

Заведующий присмотрится к нему и снова начинает:

- Надо лучше разбираться, товарищ Дружнов, нельзя так... Надо точнее, гораздо точнее, понимаешь?

Молчание.

- Понимаешь?

И вот Сенька наконец отвечает:

- Да.

И заведующий на него смотрит, и мы смотрим, и видим, что в этом одном слове Семен больше сказал, чем другой в целой речи наговорит. Видно, что Семен действительно согласен, что он все понимает. Не такой он человек, чтобы зря свое «да» потратить.

Учился Семен на «отлично» и работал по-стахановски. А если приходилось ему где-нибудь старшим быть или бригадиром, так уже кругом никаких разговоров не было. Хватка у него была железная: посмотрит только удивленно, поднимет одну бровь, и каждый понимает, что разговоры кончены.

В этом году он приехал в Москву, а нас здесь целая колония бывших колонистов. И вдруг узнаём, едет Семен Дружнов получать орден. Конечно, чествовать. Встретились, обнимались, целовались и спрашиваем, за что орден. А он молчит.

- Да говори, это же ни на что не похоже!

Пришлось ему все-таки разговориться:

- Да... за боевую подготовку.

- Ну?

- Я же сказал.

- Ничего ты не сказал... Какая боевая подготовка? Что ты делал? Летаешь? На чем летаешь?

- Эсбэ.

- Скоростной бомбардировщик?

- Угу.

- И что?

А он поднял руку, повертел пальцем в воздухе; пойми, что это значит: мертвая петля, или штопор, или какое-нибудь там скольжение. Так ничего и не добились. Не за один день, постепенно все-таки кое-что выяснили: отпуск у него на два месяца; бабушка его еще жива и живет с ним при каком- то аэродроме; хочет Семен побродить по музеям, по Москве. Мы вообразили, что он нуждается в нашей помощи. Но однажды он остановился против одной церкви на Ордынке, посмотрел, помолчал и вдруг говорит:

- Шестнадцатый век, вторая половина.

Мы прямо в восторг пришли, хором потребовали объяснений, кричали, просили, но добились только одного слова:

- Шатровая.

Показал рукой и пошел дальше.

Больше всего приставал к нему Виталий Горленко. Виталий теперь авиаконструктор, до зарезу ему нужно было узнать мнение Семена насчет новой конструкции самолета. На разные лады расспрашивал:

- А может, так удобнее? А если отсюда залезть? А с этой стороны неудобно? А если такое приспособление?

Семен внимательно выслушал все его вопросы, потом молча достал карандаш и бумагу, оглянулся, дернул Виталия за рукав и потащил его в самый дальний угол. А ведь мы его друзья уже десять лет. С Виталием он, представьте себе, разговаривал долго, доносились до нас отдельные непонятные слова: «угол перемещения», «инерция будет мешать». Кончили они совещание, мы и говорим:

- Что ж, ты нам не доверяешь?

- Доверяю, – говорит.

- Так почему?

Подумал немного, улыбнулся даже, сказал:

- Доверяю, что из любопытства спрашивать не будете.

Видите, какая речь!

Однажды мы его поддразнили. Фашисты, говорим, теперь вооружаются, как ты на это смотришь? Настроят бомбардировщиков, плохо нам придется.

Тогда он целую речь сказал, первую, может быть, речь, какую мы от него слышали.

- Понастроить они могут... Только... люди у них какие. Можно послать сто бомбардировщиков, и ни одна бомба в цель не попадет. А рассеивание... знаете какое? До десяти километров.

- Ну, так что? А у нас?

Семен неохотно хмыкнул, даже отвернулся, из скромности, конечно.

- Да говори!

- У нас... другое. Можно... двенадцать бомб посадить в одну точку. Точность прицеливания – очень важное дело.

- И что?

- Ничего... ничего не останется.

Вот тут только мы начали догадываться, за что он получил орден. Мы представили себе Семена в деле, на высоте семи или восьми километров в тот момент, когда он прицеливается, когда он собирается спустить на врага двенадцать, или сколько там, бомб. Мы представили себе его добродушно-румяное лицо, его спокойно-уверенную точность, его прищуренный глаз. Мы хорошо знали, что, уничтожив врага, он ничего не изменит в этом лице, он не захочет и тогда сказать ни одного слова. А может быть, он тогда и позволит себе сказать свое любимое «угу». Во всяком случае, это будет хорошо сказано.

Семен прожил у нас только двенадцать дней. Получил какое-то письмо и собрался на вокзал. Мы спросили, в чем дело. И неожиданно для нас он ответил:

- Дамой хачу.

Мы узнали старые нотки, это самое деревенское «а», стало как-то тепло на душе.

- Домой? Где же это?

- Там... Аэродром... Поведем наше звено на первое место. Поеду... домой.

И уехал.

У нас на Украине о некоторых характерах говорят: «Комусь кыслыци сняться». Это значит: кому-то плохо придется. Если фашисты вздумают полезть на нашего «дамой хачу», пускай им лучше заранее снятся кислицы.

Разные бывают характеры, но если они все «в одну точку», каждый посвоему, конечно, тогда значит, все характеры хороши[2].

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 6, с. 349. «Дружные ребята», 1939, № 3. Прототип главного персонажа рассказа, вероятно, В.С. Богданович.

Рассказ хорошо иллюстрирует преобладание характера в макаренковском понимании личности и целей, содержания нового воспитания. Отражается также свойственная педагогике А.С. Макаренко установка на органическое сочетание природно-индивидуальных особенностей характера и общих, типичных черт личности.

[1] Преувеличенное «аканье» тогда было свойственно жителям некоторых сельских районов Украины.

[2] Эта заключительная фраза здесь дана в полном и неотредактированном виде, по авторской машинописи: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 72.

Что значит воспитать ребенка?

Что значит воспитать ребенка? Можно воспитать для счастья, можно воспитать для борьбы. Можно воспитать для индивидуального счастья, можно воспитать для индивидуальной борьбы. И можно воспитать для общего счастья и для общей борьбы.

Это очень важные и очень практические вопросы.

У нас много старых представлений о ценностях человека, о его достоинстве[1].

Итак, цель воспитания как будто ясна.

Каким должен быть советский гражданин? Несколько совершенно ясных признаков: активный, деятельный, осмотрительный, знающий, коллективист.

Но это не только способность к действию, нужна и большая способность к торможению, тоже отличная от старой способности. Очень важна способность к ориентировке, широкий взгляд и широкое чутье.

Пути воспитания. Понятно, на первом плане общая сумма правильных представлений, сумма правильных, марксистских освещенных знаний.

Знания приходят из учебы и еще больше из замечательного советского опыта, из газеты, книги, из каждого нашего дня[2]. Многим кажется, что этого достаточно. Это действительно много. Наша жизнь производит самое могучее впечатление на человека и действительно воспитывает его. (Примеры.)

Но мы не можем останавливаться на этих достижениях, мы прямо должны сказать, что без специальной заботы о человеке, работы педагогической, мы многое теряем. Правда, получаются хорошие результаты, но мы ими довольны только потому, что не знаем, какими грандиозными они могут быть.

Я – сторонник специальной воспитательной дисциплины, которая еще не создана, но которую именно у нас в Советском Союзе создадут.

Основные принципы этого воспитания: 1) уважение и требование; 2) искренность и открытость; 3) принципиальность; 4) забота и внимание, знание; 5) упражнение; 6) закалка; 7) труд; 8) коллектив; 9) семья: первое детство, количество любви и мера суровости; 10) детская радость, игра; 11) наказание и награда.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 364 – 365. Написано после возвращения из Харькова, от 13 до 31 марта 1939 г. Набро-

сок обобщающего характера. Неизвестно, для какого произведения, выступления.

Констатируется исходная методологическая предпосылка педагогики А.С. Макаренко – новое представление о ценностях человека и его достоинстве» (в столкновении со старыми ценностями). Ключевые понятия: «счастье» и «борьба» (в их коллективистко – «общем» и индивидуалистическом содержании); способность к «действию» в сочетании со способностью к «торможению» (в старом и новом виде); «способность к ориентировке» в широких масштабах жизнедеятельности человека.

Как завещание звучит: нужно создать «специальную воспитательную [научную] дисциплину», науку о воспитании. Ранее см.: «У нас нет воспитательной педагогики» («О моем опыте», в части 7 данного издания).

[1] «Самые малые признаки человеческого достоинства» А.С. Макаренко отмечает в религиозных верованиях и традициях, см. ранее в «О коммунистической этике...» В аспекте проблемы человеческого достоинства там же рассматривается новое в личности советского человека (четыре качества). См. также о «пережитках капитализма» и «недожитках» в советской действительности – ранее в лекции «О коммунистическом поведении и воспитании».

[2] Дано весьма существенное в макаренковском понимании «знания»: оно приобретается не столько в ходе специальной учебы, сколько «приходит» из социального опыта, «из газеты, книги, из каждого нашего дня».

Из подготовительных материалов к киносценарию «Командировка»

Борис Орлов[1], 18 лет. Кассир на пристани… Хорошо говорит, вообще делает вид активного комсомольца. Он с некоторым презрением относится к товарищам, потому что убежден в своем развитии, и уверяет, что он поступит в военно-политическую академию… Жаден и эгоист. Не уважает женщин… Грубит матери. Зарабатывает больше ее, но не желает помогать семье… Небрежно относится к работе.

Балабанович Е. А.С. Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963, с. 403. Характеристика главного персонажа сценария. Видна главная тема произведения – «трудные» дети, юноши, деморализация комсомольского «актива», невоспитанность – при хорошем общем, словесном «развитии», разлад в семье. Первоначальное наименование: «Трудный характер» - указывает на тематическую связь с предыдущим сценарием: «Настоящий характер».

«Командировка» - в значении «путевка», направление человека на учебу или в учреждение по полученной заявке. Кандидатуру определял рабочий коллектив, он давал официальную рекомендацию.

Проблему зарождающегося в среде молодежи двуличия, проникновения в комсомол и в вузы, к вершинам власти лицемеров и шкурников, способных стать предателями, - А.С. Макаренко поднимал уже в «Педагогической поэме» (см. часть 3 дан. издания, с. 288 – 289 – фрагмент, не вошедший в ее «каноническое» издание 1937 г.).

[1] **Предварительно – Огнев, как и во «Флагах на башнях», представлен там как И. Чернявин, один из главных персонажей повести.**

Киносценарий «Командировка» (фрагменты)

1. ***Вид с аэроплана:*** просторная равнина, пересеченная большой рекой. От реки уходит приток, в устье которого небольшой судоремонтный завод – несколько корпусов, доки, стоят суда, катера. Недалеко от завода поселок, – он протянулся по берегу большой реки. В поселке избы и каменные флигеля. Здание школы заметно выделяется, выделяется и парк с хорошо расчерченными дорожками и зданием клуба. На этом знании узкий флаг на флагштоке. Через поселок бежит прямое, как стрела, шоссе, направляясь к большим городам. На берегу реки маленькая пристань.

Противоположный берег реки и берега притока за заводом покрыты лесом, в котором сосна и береза – советский пейзаж в средней России поближе к западу.

2. ***В семье Орловых.*** Столовая – чистая небольшая комната: стол, диван, цветы на окнах. На стене портрет Сталина, на другой стене небольшой портрет бритого человека.

Дверь во вторую комнату. В дверях стоит, прислонившись щекой к наличнику, Лена, девочка десяти лет. У нее мелкие черты, интересная косичка, связанная на затылке замысловатым бантиком. Лена внимательно наблюдает то, что происходит во второй комнате.

Из второй комнаты слышны голоса:

Б о р и с . Надоело меня кормить? Рано!

М а т ь . Боря!

Б о р и с . Вы попрекаете меня куском хлеба!

М а т ь . Боря! Что ты говоришь?

Из передней вошел Петя с книгами в руках. Ему двенадцать лет, он похож на сестру, но в его лице наклонность к серьезной мимике, и вообще в его движениях заметна некоторая раздумчивая сдержанность. Петя услышал спор во второй комнате, остановился, слушает.

Б о р и с . Радуйтесь! Уеду в военное училище, не буду вас объедать!

Борис гневный, вышел из второй комнаты, по дороге небрежно отстранил Лену, не заметил брата, уступившего ему дорогу, вышел…

5. ***Река. Высокий берег.*** У самого берега идет лодка. На ней одним веслом гребет Володя. Ему тринадцать лет. У него круглая стриженая голова, и он хорош собой, – лицо серьезно-лукавое, из тех лиц, которые бывают у классных вожаков. В зависимости от нужды эти лица принимают самые разнообразные выражения – от серьезно-внимательного до издевательски веселого. Но вообще Володя человек дела, у него много энергии и прекрасная ориентировка. Он в трусиках и в нижней белой рубашке.

На краю берега, скрываясь от мира прибрежными кустами, сидят, обнявшись, Борис и Шура. Борис – высокий, стройный, мохнатые брови и хорошая скульптура лица. Он в куртке Наркомвода, и рядом с ним лежит форменная фуражка.

Шура – блондинка с перманентом. Она в том расцвете, когда каждая девушка кажется хорошенькой. Во всяком случае, у нее пикантная фигурка. Юбка с некоторым усилием подчеркивает полноту бедер... Парочка заметила лодку и умерила объятия. Володя не обращает на парочку внимания. Его лодка приткнулась носом к берегу. Володя на корме устраивается с удочками. Насаживает червяка, посвистывает.

Б о р и с . Эй ты, пацан!

Володя поднял лицо.

Б о р и с . Ты отсюда... знаешь... проваливай!

В о л о д я *(встал в лодке, повернулся лицом к парочке).* Я вам мешаю? *(Он спросил приветливо, с некоторой прибавкой удивления).*

Б о р и с *(угрожающе приподнялся).* Ты... еще долго будешь разговаривать?

В о л о д я *(спокойно взялся за весло. Несколько раз гребнул, отплыл от берега и сказал громко).* Это неправильно!...

11.***Борис и Шура*** на том же месте на берегу. Он лежит, пристроив голову на ее коленях, задумчиво наворачивает на палец собственный локон. Слышен далекий шум пароходного винта…

Ш у р а . Борис, слышишь, пароход идет!

Б о р и с . Пускай себе идет… Это не к нам…

Пауза

Ш у р а . Боря, сколько лет в военном училище?

Б о р и с . 3 года.

Ш у р а . Ты меня разлюбишь...

Б о р и с . Брось.

Ш у р а . И сейчас ты неласково... говоришь.

Б о р и с *(поднялся, сел. Ему хочется зевнуть, отвернулся).* Меня дома расстроили.

Ш у р а *(нежно взяла его за руку).* Кто тебя расстроил?

Б о р и с *(оживился и обозлился).* Как же! Дождались сына, жалованье получает – кормилец, поилец!

Ш у р а . А ты не обращай внимания.

Б о р и с . Обидно, Шура. Родная мать... жизни моей не хочет видеть... Серый костюм пошил... ты знаешь, сколько он стоит?

Ш у р а . Тебе очень замечательно в сером костюме!

Б о р и с *(обрадовался).* Вот! А она свое...

16. ***Пристань*** Канонерка «Буря» причалила. На ней редкие фигуры краснофлотцев. На капитанском мостике капитан Сергей Иванович. Он небольшого роста человек с круглым лицом, бритый. Кажется, что он полон доброты, но, когда он начинает говорить, у него находится очень богатый набор модуляций, и тогда его лицо может казаться и очень строгим, и очень холодным. У него высокий, несколько носовой тенор определенно иронического оттенка.

На пристани стоит Нечипор, человек лет сорока пяти, – рабочий на пристани. Он давно работает на реке, и его даже канонеркой нельзя удивить. У Нечипора настоящее украинское лицо с подстриженными усами, лицо народного мудреца и человека бывалого.

К а п и т а н . Где начальник?

Н е ч и п о р . Никого нэма...

К а п и т а н *(возмущенно, резко).* Как это «нэма»? Почему?

Н е ч и п о р *(оглядывается с явной иронией. Он понимает, что должен кто-то быть на пристани к приходу канонерки, но ему не хочется вступать в спор, дело безнадежное).* Нэма... тай годи.

К а п и т а н . Где начальник?

Н е ч и п о р . У них свои дела... может, поважнее...

К а п и т а н . Да телеграмму получили?

Н е ч и п о р . Та я неграмотный, товарищ капитан!...

18. ***Капитан Сергей Иванович*** уже на пристани. К нему подходит обрадованный Василий Васильевич.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Сергей Иванович! Чему обязаны?

С е р г е й И в а н о в и ч . Что у вас за порядки?

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Порядки комсомольские! Надолго к нам?

С е р г е й И в а н о в и ч . Ого! Перевооружение! Да где этот ваш... начальник, черт бы его побрал!

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Ты у меня остановишься. Я вызываю машину. *(Он ушел в контору к телефону.)*

На пристань быстро, запыхавшись, вбегает Борис. Приложил руку к фуражке.

С е р г е й И в а н о в и ч . Паршивая провинциальная дыра! Я же давал телеграмму. Где телеграмма?

Б о р и с *(улыбаясь невинно, смущенно).* Телеграмма? Не было... Стой, стойте... где-то есть... *(Роется в карманах.)* Вот телеграмма!

С е р г е й И в а н о в и ч . Это... это утреннее чтение, товарищ начальник. Это обычно читается в момент получения!

Б о р и с . Верно! «Буря»!

С е р г е й И в а н о в и ч . Чего вернее, если «Буря» у вас под носом! В затон сообщили? Лоцманов вызвали?

Б о р и с . Да... черт его знает... запутался... с делами!

С е р г е й И в а н о в и ч . Довольно изображать из себя угорелую кошку... или угорелую ворону! Распорядитесь…

28. ***В зрительном зале*** на стульях для зрителей собралось импровизированное бюро комсомольской организации. Сидят несколько вразброс, но внимание всех притягивается к капитану Сергею Ивановичу. Он сидит на одном из стульев переднего ряда, повернувшись лицом к залу. Говорит очень серьезно, нажимая голосом в соответствующих местах, но в то же врёмя в его словах много дружески доверчивого, теплого.

С е р г е й И в а н о в и ч . Граница близко. Запах, чувствуете запах *(пошевелил пальцами)* несет оттуда? Канонерка, конечно, не линейный корабль, а только на этой реке, ого! Залп у нее все-таки... лучше не лезь! *(Все присутствующие радостно смеются.)* Так вот, что ж тут говорить? Это вы должны сделать, комсомольцы, на заводе вас большинство. Коротко: сроки, качество – высокое качество. Точность, прилаженность – никакого брака, ни одной тысячной процента!

29. В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(говорит стоя, тяжело опираясь на стул).* Терпеть не могу хвастунов! Никаким словам не верю, дайте дело. Так и знайте, придираться буду, как собака, как тигр, как... *(затруднился в выборе слова)* как крокодил. *(Он сказал это искренно, без намека на шутку, но все расхохотались, и Василий Васильевич удивлен.)* Чего вы? Он же говорит: ни одной тысячной процента?

Б о р и с *(сорвался с места, воздел руку, вдохновенно провел по шевелюре).* Товарищи! Мы, комсомольцы, должны приветствовать, и поддержать, и принять все меры. Для Красной Армии – это наша родная Красная Армия. Мы все тоже будем в Красной Армии, и если нашему заводу оказали такую честь...

С е р г е й И в а н о в и ч . Ты о себе расскажи!

Б о р и с . А?

С е р г е й И в а н о в и ч . Расскажи, как ты принял канонерку. Телеграмма в кармане – нераспечатанная, лоцманов нет, порядка нет. Как ты будешь принимать материалы, где тебя искать?

Б о р и с . Я постараюсь.

С е р г е й И в а н о в и ч . Постараюсь – обещание среднего качества.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Вздох пресвятой богородицы!

Б о р и с . Я еще молодой.

Г р и ш а . Тебе что, 7 лет?

С е р г е й И в а н о в и ч . Может быть, здесь все такие... «молодые»?

И в а н . Не беспокойтесь, Сергей Иванович, семилетний – один Борис.

Б о р и с . Да что вы все на меня?

С е р г е й И в а н о в и ч . Правильно! На тебя. Ты гражданин или нет?

Б о р и с . Гражданин.

С е р г е й И в а н о в и ч . Так вот: не прикидывайся маленьким! С тебя и требуют как с гражданина…

35. ***Заводской цех.*** Линии разных станков, на которых работает главным образом молодежь. Большой порядок. Револьверный станок Алеши. Он работает напряженно-быстро, лицо у него сейчас озабоченно-увлеченное. Подходит Надя – контролер механического цеха. Весь разговор Нади и Алеши, в сущности, любовный разговор. В лицах беседующих, в тоне много ласки и внимания, но все это прячется за деловым интересом и за настоящим деловым раздражением. Эти двое людей настолько сильны, что могут выдерживать двойную линию тона, не уступая ничего в любви и не поступаясь даже капелькой дела. При этом у Нади любовь выражается больше в движении лица, у Алеши – больше в голосе, явно подчеркивающем его особое отношение к Наде.

Впрочем, к концу разговора самая тема становится такой трагической, что какая угодно любовь может исчезнуть и... она все же остается. Наде досадно, что Алешу постигла неудача. Алеше стыдно, что именно перед Надей он так оскандалился.

Н а д я . Здравствуй, Алексей.

А л е ш а . Здравствуйте, товарищ контролер!

Н а д я . Давай деталь 115.

А л е ш а . Есть, деталь 115.

Он выкладывает перед ней на тумбочку стопку деталей. Надя начинает проверять их при помощи шаблона. Алеша продолжает работу на станке, но его очень интересует результат Надиной проверки. Проверяя, Надя что-то шепчет, очевидно, тревожное, потому что Алеша бросает работу и прислушивается. Он теперь ясно слышит:

- Прослаблена, прослаблена, прослаблена...

А л е ш а . Прослаблена?! Что ты выдумываешь?

Н а д я . Пожалуйста! Запорол 23 детали!

А л е ш а . Запорол? Каким ты шаблоном проверяешь?

Н а д я . Мой шаблон.

А л е ш а . Твой шаблон! Твоему шаблону 100 лет. А я вчера получил новый. Вот! *(Он выложил на стол новый шаблон.)*

Н а д я . Дай чертеж!

А л е ш а . Будьте добры! *(Подает ей чертеж. Надя проверяет шаблон по чертежу. Алеша в нетерпении.)* Ну?!

Н а д я . Твой шаблон нужно выбросить.

А л е ш а . Новый?!

Н а д я . Все равно!

А л е ш а . Кто делал шаблон?

Н а д я . Такие, как ты, делали – разини.

А л е ш а . Это все в конструкторской...

Н а д я . А ты принимал, куда смотрел?

А л е ш а *(быстро собирает шаблоны, чертежи, детали).* Иду к главному.

Н а д я . Ты сам главный!

А л е ш а . Я виноват?

Н а д я . 23 детали!...

46. ***Недалеко от пристани***, на камнях молча, сидят Нечипор, Володя и Петя. По реке уходит пароход, сияет огнями. Из клуба слышна далекая музыка. Молчание.

Н е ч и п о р (*серьезно и очень тепло, с некоторой стариковской застенчивостью*). Знаете, что хлопцы? Чи вы той... не покажете мне буквы?

Мальчики радостно вскочили с мест…

50. ***Маленькая комната комсомольской организации*** в заводском клубе. Вечер. Алеша за столом читает длинную бумагу. На диване Надя увлеклась газетой,

ее лица за газетой не видно. В углу за большим столом склонились головы Ивана, Кати, Шуры и Сергея Ивановича.

С е р г е й И в а н о в и ч . Это оригинально и просто.

К а т я . Только давайте выключатель переставим сюда, а то высоко.

И в а н . Снаряды подают бойцы, а не девочки.

К а т я . А вдруг и нам придется – девочкам.

С е р г е й И в а н о в и ч . Правильно, Катя, давайте переставим.

Вошел Борис. На него никто не обратил внимания. Он в настроении развязно-оживленном. Бросил фуражку на стол, подставил стул поближе к Алексею и сказал приглушенно:

- Получена командировка, Алеша?

А л е ш а . Получена.

Б о р и с . Конечно, это моя командировка?

А л е ш а . Через два дня соберем бюро с активом и решим.

Б о р и с . Алексей, я давно заявил: еду в военное училище.

А л е ш а . Хорошо. Но, может, найдется кандидат лучше.

Б о р и с (*ухмыльнулся по-приятельски, встал, прошелся по комнате, сказал громче*). Кто? Я конкурентов не вижу.

Н а д я опустила газету, посмотрела на Бориса внимательно. Обернулись все за большим столом. Шура бросила влюбленный взгляд.

А л е ш а . Мой голос будет против тебя.

Б о р и с (*остановился, с удивлением*). Ты шутишь, Алеша?

А л е ш а . Нет.

Н а д я (*снова опустила газету*). Интересно, Алексей, почему?

А л е ш а . Борис знает.

Б о р и с . Ну, Алеша, если так придираться... у каждого человека есть недостатки. Человек же не кукла.

Н а д я . Правильно!

И в а н *(вдруг выпрямился за своим столом и сказал неожиданно звонко*). А по-моему, это моральный оппортунизм! Все обратились к Ивану.

Н а д я (*улыбаясь, завертела головой*). Какие ты слова закручиваешь?

И в а н (*вышел из-за стола. В руках у него карандаш*). Моральный оппортунизм! А как это иначе назвать? У человека должны быть достоинства и недостатки? С какой стати недостатки? Почему у комсомольца должны быть недостатки? Кто эту норму придумал?

Б о р и с . По-твоему, все люди должны быть ангелами?

Н а д я . Похоже.

И в а н . Не ангелами, а большевиками.

К а т я . Ай, интересно, а только, честное слово, ты путаешь!...

55. ***Канонерка в затоне.*** На ней совершается большая работа. Палуба кое-где вскрыта, видно, как под палубой производится работа по укреплению оснований для орудий. Часть рабочих производит окраску канонерки, повиснув на стремянках. У будущей носовой пушки остановились Сергей Иванович, Василий Васильевич и капитан Тарасов.

Т а р а с о в . Прекрасно. Завтра прибывает вооружение. Кранов у вас хватит?

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Хватит.

С е р г е й И в а н о в и ч . И пробную произведем здесь.

Т а р а с о в . А что же... Постреляем...

И в а н (*подошел с чертежами, приложился к кепке*). Василий Васильевич, вы просили... рабочие чертежи.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Ага! Вот посмотрите, товарищ Тарасов!

56. В каюте Сергея Ивановича. Хозяин угощает гостей чаем, но Тарасов увлечен рассматриванием рабочих чертежей Ивана. Он несколько раз тянется к ста-

кану с чаем, но немедленно же забывает об этом. За его спиной стоит Иван и внимательно следит за его карандашом.

Т а р а с о в . Электрическая подача. Об этом мы и не мечтали. Кто это сделал? Вы?

И в а н (*серьезно*). Нет... это бригада...

Т а р а с о в . Я вас знаю. Вы Ваня Зоренко. Я оканчивал, а вы были в пятом.

И в а н . Да.

Т а р а с о в . Замечательно! Да! А какие вы поставите моторы? (*Иван перевернул несколько страниц.*) А хватит?

И в а н . Должно хватить. Ведь здесь семидесятипятимиллиметровка? Вес снаряда... килограммов.

Т а р а с о в (*поднял голову*). Да... вы что? Артиллерист?

И в а н (*смутился*). Нет... Интересно очень!

57. В той же каюте. Иван уже ушел. Тарасов, наконец, может пить чай.

Т а р а с о в . Советская молодость – это благородная вещь!

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Это вещь зеленая.

С е р г е й И в а н о в и ч *(прошелся по каюте, вдруг задумался мечтательно).* Это вещь завидная, очень завидная!

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Извините, я ничего не хочу им уступить. Я моложе их, так и знайте! Моложе. Они только зеленее!

Т а р а с о в . Придется уступить, Василий Васильевич!

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(наконец, рассмеялся искренно, сбросив с себя всю свою суровость).* Ох, не хочется. Если бы вы знали, до чего не хочется.

С е р г е й И в а н о в и ч *смеется с увлечением, положил руку на плечо приятеля. Тарасов любовно рассматривает Василия Васильевича и улыбается…*

61. ***Танцевальная площадка.*** На эстраде рядом заводской оркестр играет фокстрот. Пары кружатся на дощатом полу. Гораздо больше зрителей, чем танцующих. Зрители завидуют развязности и элегантности танцующих, но в то же время в чем-то осуждают их. В отдельной группе Алеша, Надя, Катя, Григорий, Иван. Недалеко от них наблюдают танец Василий Васильевич и Сергей Иванович. Рядом с ними капитан Тарасов.

Среди танцующих Борис и Шура. Борис танцует самозабвенно, выделывая подчеркнуто-задержанные па, волоча ноги и томно переворачивая в руках свою даму. Шура не столько танцует, сколько отдается власти Бориса и наслаждается его близостью.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(смотрит на танцы с презрением).* У меня от этого... изжога – разве это культура?

62. Две девушки с увлечением наблюдают танец Бориса и Шуры.

П е р в а я . Как он танцует!

В т о р а я . Шурка... счастливая!

63. Борис и Шура в танце. Борис увидел группу вокруг Кати.

Б о р и с . Довольно. Щура!

Ш у р а . Еще немного.

Б о р и с . Нет, довольно!

Ш у р а . Ты с другой хочешь?

Б о р и с . Не танцевать же только с тобой.

Ш у р а . Еще немножко!

Б о р и с . Отстань! *(Он остановил танец и довольно грубо подвинул Шуру к краю площадки, немедленно здесь ее бросил и поспешил к Кате. Изогнувшись галантно, сказал.)* Катя!

К а т я . Я... не танцую... этого...

Б о р и с . Что вы!

С е р г е й И в а н о в и ч *(прислушался к разговору).* Вам не нравится, Катя?

К а т я . Нет.

С е р г е й И в а н о в и ч . А вам, товарищ Надя?

Надя лукаво посмотрела на Алешу.

А л е ш а *(задорно решился).* А хотите, мы вам покажем новый танец?

С е р г е й И в а н о в и ч . Какой такой новый? Откуда вы знаете?

А л е ш а . Никто еще не знает. А мы приготовили к празднику.

Н а д я . Что ты, Алеша! Нельзя показывать!

А л е ш а . Почему? Сейчас устрою. *(Он направился к оркестру.)*

Н а д я . Алешка! Не надо!

А л е ш а *(возвращается).* Надя! Шикарно выйдет. Мы покажем этим...

Г р и ш а . Пижонам!

С е р г е й И в а н о в и ч . Интересно!

И в а н . «Веселый комсомолец»?

А л е ш а . «Веселый комсомолец»!

И в а н . Ха! Где же моя дама?

К а т я . Твоя дама?

И в а н . Шура! Мой друг Шура!

Оркестр играет на эстраде.

Д и р и ж е р *(склонился к Алеше, помахивая машинально палочкой).* Сюрпризом же хотели.

А л е ш а . А мы сегодня... сюрпризом...

Д и р и ж е р . Идет.

64. Тишина. Алеша перед площадкой поднял руку:

- Товарищи! Сейчас мы вам покажем новый танец – «веселый комсомолец»!

Публика зашумела, многие удивленно подвинулись к Алеше. Слышны возгласы:

- Какой?

- Откуда такой танец?

- «Веселый комсомолец»?

- Воображаю!

- А ну, жарь, Алешка!

- Давно слышали! Интересно!

Ж е н с к и й г о л о с . Чепуха, наверное!

А л е ш а . Давайте круг!

Круг раздался. На круг выскочил Иван, он за руку тянет Шуру. Шура упирается. Иван дурашливо стукнул каблуком по полу:

- Эх, и танец же! Шура! Пожалуйте!

Ш у р а . Я не в настроении.

И в а н . Борька, скройся, а то у моей дамы настроение портится.

Б о р и с . Я не мешаю. *(Он отошел к Кате, что-то зашептал ей на ухо.)* Шура взглянула в его сторону и с хмурой решительностью пошла к Ивану.

Алеша взял Надю за руку и вышел на площадку. Надя взглянула на него с дружеским осуждением, но, когда он стал на свое место и гордо поднял голову, она сверкнула улыбкой и с неожиданным кокетством приняла нужную позицию. Сергей Иванович закричал «браво» и засмеялся. Надя стрельнула на него глазами. Кругом стало весело.

Б о р и с *(наклонившись к уху Кати).* Захолустный балет!

К а т я . Посмотрим.

Оркестр грянул танец. Его мотив настоящий танцевальный, очень веселый, с юмором, но в то же время и очень лирический, с чуть-чуть намечающейся грустью, немедленно уничтожаемой, как только она возникает в мотиве.

Первые па танца имеют характер задорного марша. Ни в какой мере танец не напоминает старых танцев. В нем нет чопорности вальса, пошлости польки, откро-

венности фокстрота. Это танец комсомольцев, и при этом веселых. В нем много задора, бодрости, свободы, ловкого движения и в то же время много нежности, кокетства и улыбки.

В первой паре танцуют Алеша и Надя. Алеша танцует строго, с нахмуренной бровью, требовательно, со скрытой, вызывающей мужской улыбкой. Надя, напротив, обнаруживает богатейшую умную женственность. Она отдается танцу с хорошим намеком, как будто подчеркивая, что не уступит Алеше ни одной капли первенства, но способна сделать это весело и любовно.

Во второй паре Иван и Шура. Иван танцует раздольно-насмешливо, поддразнивая свою даму и увлекая ее в какой-то легкомысленный переплет. У Шуры нашлись прелестные выражения почти царственной гордости. Она серьезна, поглядывает на кавалера свысока, она печальна, но уже видно, что в танце доказываются богатства ее души и грации.

Танец захватил зрителей с первых своих движений. Публика сначала любуется танцорами, потом начинает жадно присматриваться с ним, изучать танец.

К а т я . Какая прелесть! Это – наш танец!

Б о р и с . Пойдемте, попробуем!

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(подчиняясь своей горячей натуре, вспомнив свою молодость, он не может смотреть спокойно).* Извините! Катя танцует только со мною!

К а т я . Конечно, только с вами!

Новая пара неожиданно очутилась на площадке. Алексей увидел, что- то крикнул весело. Василий Васильевич и Катя прибавили танцу новое содержание. Василий Васильевич толст, но тем очаровательнее его юмор у и сдержанно-улыбчивое ухаживание. Катя посматривает на своего кавалера с кокетливой лаской. У нее много настоящей чисто девичьей нежности. Василий Васильевич, может быть, ошибается в точности па, но зато он по-старинному свободен и не стесняется. Танцуя, он даже разговаривает.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Когда-то и я был грозой для вашего брата.

К а т я . Вы и теперь небезопасны.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Только в цехе, к сожалению, только в цехе.

В толпе зрителей засмеялись, загалдели, кое-кто ударил в ладоши. Оркестр оборвал музыку, раздались общие аплодисменты…

68. ***У буфета.*** По одну сторону мать, по другую – Борис.

Б о р и с *(тоном обычного распоряжения).* Мама, дай бутылку ситро.

М а т ь *(как будто ее спрашивали только о цене).* 85 копеек.

Б о р и с *(приглушенно).* Я тебе потом отдам.

М а т ь . Сейчас плати.

Б о р и с . Да у меня нет.

М а т ь *(строго, негромко).* Значит, обойдешься без ситро.

Среди публики все-таки услышали этот разговор. Засмеялись.

Г о л о с . А ты из бочки напейся, там бесплатно.

Б о р и с *(обошел стойку, приблизил лицо к матери, зашипел).* А я тебе говорю, дай, что ты меня позоришь!

М а т ь *(упорно смотрит ему в глаза).* Без денег не дам.

Б о р и с . Не дашь, не надо. *(Он не спеша, свободно, как свою, взял из ящика бутылку и ушел. Мать положила руку на лоб.)*

Г о л о с . Это сынок? Героический сынок.

С е р г е й И в а н о в и ч *(из очереди).* Это он для меня, получите. *(Он положил на стойку деньги.)*

69. ***К Кате подходит Борис.*** В руках у него бутылка.

Б о р и с *(говорит с деланным оживлением).* Только... как открыть?

К а т я . А стакан?

Подошел сбоку Сергей Иванович, молча протянул руку.

Б о р и с . А что такое?

С е р г е й И в а н о в и ч . Отдай бутылку. Я все видел.

Б о р и с *(не может не отдать, он боится Сергея Ивановича, но и отдать не может, ему стыдно перед Катей).* Я... не понимаю...

С е р г е й И в а н о в и ч *(молча берет у него из рук бутылку, достает из кармана стакан и протягивает Кате).* Держите.

Катя, не понимая в чем дело, взяла у него стакан. Из другого кармана Сергей Иванович вынимает штопор. Борис стоит молча и неподвижно смотрит в сторону буфета. Сергей Иванович открыл бутылку, налил Кате.

Катя посмотрела на Бориса вопросительно. Он отодвинулся в сторону.

С е р г е й И в а н о в и ч *(улыбается).* Напоить девицу водой... тоже нужно уметь... Хочешь?

Этот вопрос относится к Борису. Борис отрицательно и обиженно вертит головой.

К а т я . Спасибо. *(Она еще посмотрела на Бориса.)* Что случилось, никак не пойму...

С е р г е й И в а н о в и ч . Да ничего особенного. Все, можете продолжать дальше, молодой человек!

Катя, удивленная, трогается к выходу. Борис поправил кепку и сумрачно пошел за ней. Но через несколько шагов он как ни в чем не бывало говорит ей:

- Здесь замечательная аллейка. Пройдемся!

72. ***Ночь. На берегу реки.*** За рекой – над лесом, луна. По берегу бредет Шура. Остановилась, задумалась, посмотрела на реку. Села на опрокинутую лодку.

С реки плеск весел. Плывет на лодке Нечипор и напевает «Партизанскую». Толкнулся в берег, оглянулся.

Н е ч и п о р . А кто это тут?

Ш у р а . Это я, товарищ Нечипор!

Н е ч и п о р (с лодки подошел к ней). Скучаете... или, может, так сидите?

Ш у р а *(слабо улыбнулась).* Все равно.

Н е ч и п о р *(набивая трубку).* А где же молодой человек, товарищ начальник?

Шура молчит, отвернулась, опущенной рукой царапает смолу лодки.

Н е ч и п о р . Мабудь... уже... той, оттолкнувся от берега, га?

Шура быстро вытерла слезу, встала, сделала шаг в сторону.

Н е ч и п о р *(зажег спичку. Осветил свое небритое лицо).* А от... по той... постойте! От я вам шось скажу... *(Он хлопнул рукой по лодке и сам уселся, раскуривая трубку. Шура послушно села рядом с ним. Нечипор склонился к коленям, пыхает трубкой, говорит не спеша, задушевно.)* От бывает... плачет дивчина, рыдает, слезы льет... думает сдуру: ой, какая беда, ой, какое горе, несчастне кохання! Вроде как бы в речку стрыбать або петлю на шею.

Ш у р а . А так разве не бывает?

Н е ч и п о р . Ото ж и кажу... а на самом деле, ставь, серденько, магарыча, та и старого Нечипора почастуй на радостях.

Ш у р а . Да какая ж радость, товарищ Нечипор!

Н е ч и п о р . А такая радость, что и сказать не можно. Живешь ты на свете, молодая, красивая, не батрачка, не беднячка, службу советскую выполняешь, якого биса тебе не хватает? Може молока соловьиного?

Ш у р а *(ей нравятся надежные слова Нечипора, только в одном пункте для нее что-то неясно. Она говорит с некоторым трудом, касаясь интимной темы, но Нечипор сидит рядом с ней, как хорошая судьба, перед которой нечего стесняться).* А любовь, товарищ Нечипор?

Н е ч и п о р *(выбивая трубку).* Та кто же тебя не полюбит? Разве ж найдется такой остолоп? Выбирай, кого хочешь!

Ш у р а . Я уже выбрала.

Н е ч и п о р *(такого вопроса он ждал. Он отвечает на него с убежденной небрежностью, поднимаясь с лодки).* Та куды он годится! То ж разве тебе пара. Скажи спасибо, что вырвалась. Он же еще человек... такой... вроде... ни в себе... Выбрала... То ж просто... осечка произошла. *(Он стоит перед Шурой и добродушно посмеивается, оглядываясь на луну. Шура зачарованно смотрит на него, но улыбаться ей еще не хочется. Пауза. И вдруг Нечипор говорит медленно.)* Он же... спекулянт... той Борис...

Ш у р а . Спекулянт?

Н е ч и п о р . Конешно... Он же только для своей души...

Он совсем уже обернулся к луне. На луну засмотрелась и Шура, подперев голову руками…

76. ***Василий Васильевич и Сергей Иванович*** у себя в комнате.

С е р г е й И в а н о в и ч . А что делать?

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Никаких нежностей! Никакого прощения! Почему жалеть Бориса, а не жалеть мать, ее детей, эту самую Шуру, эту самую пристань? Почему? Что это за благотворительность?

С е р г е й И в а н о в и ч . Постой, постой...

Василий Васильевич. Не хочу стоять! Не хочу терпеть! Не хочу!

77. ***Заседание бюро комсомольской организации с активом.*** Заседание происходит в театральном фойе. За столом президиума Алеша, Иван, 3–4 комсомольца, Тарасов. В зале среди других комсомольцев Шура, Надя, Борис, Григорий. У стены сидят Василий Васильевич и Сергей Иванович.

А л е ш а . Слово имеет Борис Орлов.

Б о р и с *(выходит вперед, заметно волнуется, теребит шевелюру. Говорит, высоко держа голову, держась за спинку стула).* Товарищи! Я с самых малых лет мечтаю быть в Красной Армии. Для меня это не только мечта, но и самая высокая честь...

78. Василий Васильевич рядом с Сергеем Ивановичем.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(добродушно ворчит).* Насобачились говорить... никакого спасения!

79. Б о р и с *(заканчивает).* А если были у меня ошибки, я уверен, Красная Армия исправит их. Я прошу, товарищи!

Он кончил свою речь. В зале пробежал шум каких-то местных разговоров. Борис пошел на место. Кто-то, мимо которого Борис проходит, говорит ему по-приятельски:

- Не робей, Борис, поедешь...

А л е ш а . Слово предоставляется Наде Горчаковой.

Надя пошла к столу президиума.

80. Сергей Иванович и Василий Васильевич.

С е р г е й И в а н о в и ч . Хорошая девка!

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Все одинаковы!

81. Н а д я . У Бориса есть, конечно, ошибки, но в общем он неплохой парень. А у нас нет других кандидатов.

Г о л о с . Здесь все кандидаты!

А л е ш а . К порядку! Возьми слово и говори. Продолжай, Надя!

82. В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Это... досада... Такого подлеца, смотри, еще командируют.

83. К а т я *(на месте оратора).* Кто это неплохой парень? У тебя, Надя, христианская душа или комсомольская? Он плохой парень, и плохой комсомолец, и пло-

хой сын, и плохой друг, и плохой работник. Спросите Сергея Ивановича, спросите Нечипора, спросите мать, спросите Шуру.

Б о р и с *(с места).* Прошу без намеков!

К а т я . Я и не намекаю. Я в глаза говорю.

Б о р и с . Ты меня утопить хочешь!

К а т я . Хочу.

А л е ш а . Товарищ Катя, как это утопить?

К а т я . Я в переносном смысле.

А л е ш а . И в переносном нельзя!

К а т я . Хорошо, беру свои слова назад. А только пусть Борис еще подождет, а в военное училище нужно послать самого лучшего товарища.

Г о л о с с м е с т а . Кого ты предлагаешь?

К а т я . Очень многих могу предложить. Пожалуйста: Иван Зоренко... На своем месте поднялся Василий Васильевич, протянул руку:

- Э нет, товарищи, протестую.

А л е ш а . Вы отвод делаете?

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Отвод, конечно.

А л е ш а . Почему?

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Да с кем же я останусь?

А л е ш а . Такие отводы потом...

К а т я *(продолжает).* Василия Леонова...

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(решительно вскочил).* Нельзя же так: то Зоренко, то Леснов, Леснов у нас лучший токарь!

А л е ш а . Не перебивайте, Василий Васильевич!

84. На своем месте Василий Васильевич возмущенно бурчит:

- С ума сошла, треклятая девка. То Зоренко, то Леснов!

Слышен голос Кати:

- Или Семена Овчинникова.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(опять подскочил, как ужаленный).* Послушайте, Катя, это вы нарочно говорите?

К а т я . Нарочно!

Общий смех.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Овчинников! Овчинников выполняет норму на 500%; *(Аплодисменты. Василий Васильевич доволен, он считал что аплодисменты относятся к его протесту. Сел на место. К Сергею Ивановичу.)* Вы слышали! Она нарочно! До чего бестолковый народ!

Г о л о с К а т и . Алеша Грузинцев, Гриша Волосатый!

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(снова вопит на весь зал).* Это издевательство! Это просто... Вы знаете, какой Алеша револьверщик, какой Гриша шофер? У Гришки машина прошла двести тысяч километров на одном профилактическом...

А л е ш а . Хорошо. Кого же вы предлагаете?

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Я? Кого я предлагаю? Сейчас! *(Он оглядывает зал. Его встречают смеющиеся лица. Он тихо говорит, обращаясь к Сергею Ивановичу.)* Ну... кого я предложу. Они вон смеются! *(Громко)* Да кого же... Ну, вот и пошлите этого самого Бориса.

А л е ш а . В военное училище?

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Ах, в военное? Нет, куда он там в военное...

И в а н . «Ах» – это не терминология, Василий Васильевич.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(окончательно смущен).* Не терминология? Совершенно верно... *(Тихо соседу.)* Вот вам... советская молодежь. Даже мне заморочили голову. Это черт его знает...

85. А л е ш а . Товарищи! У нас дело государственное, и я прошу с места не говорить. Слово капитану товарищу Тарасову.

Т а р а с о в . Ленинский комсомол, советская молодежь везде, на каждом шагу, на каждом квадратном метре нашей земли совершает трудовые, военные, летные, человеческие подвиги. Вы все слышали сейчас, как горячо отзывался о нашей молодежи главный инженер Василий Васильевич.

86. В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(поднял голову, страшно удивлен).* Что он там такое? Это я горячо отзывался?

С е р г е й И в а н о в и ч . Конечно, вы!

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Когда?

С е р г е й И в а н о в и ч . Да только что.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Да что вы... смеетесь?

С е р г е й И в а н о в и ч . Смеюсь. *(Он и в самом деле смеется.)*

Г о л о с Т а р а с о в а . Борису нужно подождать, он еще слабоват, он не умеет уважать даже самого себя, не говоря уже о других.

К р и к Б о р и с а . Неправда, я уважаю... кого следует...

Г о л о с Т а р а с о в а . Я поддерживаю кандидатуру Григория Волосатого. Крепкий человек, настойчивый, широкий и скромный...

Аплодисменты, овация. В разных местах ошеломленно поднялись головы Гриши и Василия Васильевича.

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч . Вот вам! Пожалуйста! Я горячо отзывался? Да? Наш гараж без Гришки не стоит ломаного гроша...

С е р г е й И в а н о в и ч . А Семен? А Егор?

В а с и л и й В а с и л ь е в и ч *(устало опустился. Больше он спорить не может).* Считайте! Вы все мастера считать... Этим дай волю, они всех командируют куда-нибудь...

88. ***Ясный солнечный день.*** Берега реки наполнены народом. Пристань в флагах. В одном месте на берегу сооружена трибуна, тоже украшенная флагами. На трибуне оратор говорит речь, которой не слышно. Слышно после речи общее «ура».

На реку из затона выходит канонерка, расцвеченная флагами. Она блестит новизной красок, свежими пушками, свежими флагами. Краснофлотцы выстроились в шеренгу лицом к берегу. На капитанском мостике Сергей Иванович.

Раздается три пушечных выстрела. Это канонерка салютует заводу, который помог ей закончить перевооружение. Потом канонерка останавливается и спускает трап. От берега спешат к ней лодки и моторки…

90. ***Отдельно у борта канонерки*** стоят капитан Тарасов и Шура.

Т а р а с о в . Я хорошо вас помню маленькой-маленькой. Ведь вы наши соседи.

Ш у р а . Мне говорила мама.

Т а р а с о в . Вы молодцы – ваша бригада. Я любовался вашей работой! Но скажите... я не знаю...

Ш у р а . Пожалуйста.

Т а р а с о в . Говорят, мне говорили... вы замуж выходите, за этого... за Бориса...

Ш у р а . Нет... я не выхожу.

Т а р а с о в . Вы знаете... Он... слабый человек... Простите...

Ш у р а . Спасибо... Я знаю... Только... надо ж и ему помочь... Правда? До сих пор капитан говорил с особенно теплой, осторожной вежливостью, подчеркнутой, поддержанной его подтянутостью, мужеством и силой. Шура слушала его, сначала смущаясь, потом с благодарностью за внимание, а в конце разговора она поняла, что это большой души человек, и, глядя в глаза, заметно волнуясь собственной открытой искренностью, она предложила ему тему помощи Борису.

Тарасов что-то новое услышал в ее тоне, в ее словах. Он внимательно посмотрел на Шуру, нахмурил брови.

Т а р а с о в . Да... Ему нужно помочь… Но его нельзя опекать, от него нужно больше требовать... Комсомольское собрание для него хороший урок...

Ш у р а *(соображает, не находит точных слов).* Он может с собой что-нибудь сделать.

Т а р а с о в . Вы его любите?

Ш у р а . Люблю.

Т а р а с о в *(низко наклонился к Шуре, прощаясь и пожимая руку).* Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарен…

97. ***Борис стоит перед капитаном*** удивленный, но еще не успевший согнать с себя выражение сумрачной хмурости.

Т а р а с о в . Я прошу вас проехать со мной на моторке, мне нужно посмотреть фарватер. Говорят, вы хорошо его знаете. *(Капитан говорит вежливо, но тоном, не допускающим возражений.)*

Б о р и с *(вздохнул и сказал глухо).* Хорошо. *(Он лениво потянулся рукой к кепке, сам он сейчас в белой косоворотке.)*

Т а р а с о в . Я прошу вас надеть форменный костюм.

Б о р и с *(с некоторой усмешкой).* Почему?

Т а р а с о в . Я не люблю распущенности на военном судне.

Б о р и с . Это же катер.

Т а р а с о в . Военный катер, товарищ!

Тарасов сказал это с такой скромной внушительностью, что Борис вдруг поспешил покраснеть и бросился к своей форме. Он даже ухватил на окне щетку и что-то снял с рукава. Капитан следит за ним очень внимательно, он чуть-чуть улыбнулся, и эту улыбку поймала мать. Она смотрит на Тарасова с надеждой, сама не зная, в чем она заключается. Тарасов поклонился ей. Особенно душевно сказал:

- Желаю вам всего хорошего…

99. ***На военной моторке***, далеко обогнавшей все остальные суда. У руля стоит краснофлотец. Тарасов и Борис на носу. Тарасов все время говорит сухо, вежливо, внушительно и в то же время с постоянным оттенком мужественной теплоты.

Т а р а с о в . Там мель?

Б о р и с . Глубина – 50.

Т а р а с о в . А ширина прохода?

Б о р и с . Метров двадцать.

Т а р а с о в . А с той стороны?

Б о р и с . Там нельзя пройти.

Т а р а с о в . Вы замечательно знаете реку.

Б о р и с . С детства на этой реке.

Борис как будто забыл о своих переживаниях. Ему импонирует и военный катер, и тон Тарасова, и он поневоле отвечает так же вежливо-внимательно, обдумывая вопросы и совершенно забыв о каких бы то ни было фасонах.

Некоторое время Тарасов молча смотрит на реку, уносящуюся под нос катера, и наконец, говорит тем же тоном:

- Я знаю о ваших неприятностях и о ваших ошибках. Молчите, прошу вас. Я предлагаю вам перейти на работу в мое управление. Будете всегда на реке – должность маленькая, но очень ответственная – проверка перекатов. Предупреждаю – терпеть не могу лени, позы, болтовни. И, кроме того, матери должны помогать.

Б о р и с *(смят словами Тарасова, но по привычке не может отказаться от хвастливого риторизма).* Я очень благодарен, но... мать... разве это относится к службе.

Т а р а с о в . Да, относится. В Красной Армии не выносят хамов. Дадите ответ через полчаса.

Борис замер перед настойчивым и красивым требованием Тарасова, но что-то подсказало ему, что волынить и позировать больше нельзя ни минуты. Он серьезно глянул на Тарасова, снял фуражку:

- Товарищ Тарасов! Я не знаю почему. Почему... так незаслуженно... Я страшно вам благодарен...

Т а р а с о в . Хорошо. Очень хорошо. А обязаны вы не мне, а вашим друзьям, которые думают о вас больше, чем вы о них, и больше, чем вы заслужили.

Катер подошел к канонерке. Теперь очень гулко раздаются ее пристрелочные выстрелы. На противоположном берегу уже расположился лагерь рабочих и краснофлотцев. Играет музыка, и пары танцуют «веселого комсомольца».

100. Пароход «Рылеев» отходит. Дал два гулка. Последняя суетня. Борис спешит проститься с Шурой, с матерью. Он поцеловал мать и подошел к Шуре.

Б о р и с . Шура, на два слова. *(Шура отошла с ним в сторону.)* Я тебя люблю. Так и знай.

Ш у р а . Через год, если ты это самое скажешь, тогда я тебе отвечу.

Б о р и с . Спасибо. *(Это он сказал и со стыдом, и с радостью, он сам еще не может разобраться, на какой опыт он сегодня уезжает.)*

Он побежал на пароход. Шура осталась серьезная, но спокойная, готовая к жизни, вооруженная новой мудростью…

101. ***Пароход отходит.*** Он удаляется все дальше и дальше. На пристани остались провожающие. Нечипор стоит отдельно, возле него – Володя и Петя. Они долго смотрели вслед пароходу. Провожающие пошли с пристани. Осталась только эта тройка.

В о л о д я . Товарищ Нечипор, а сколько вам лет?

Н е ч и п о р . Та как вам сказать. *(Хитро подумал, сообразил, прикинул, склонил голову, весело засмеялся, полез за трубкой и, наконец, сказал медленно.)* Та мабудь так... годков... двадцать три або... двадцать четыре... *(Мальчики залились смехом, затормошили Нечипора.)* Годи! Годи! А то постарею сразу... Хе-хе-хе...

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 247 – 8, 250, 253 – 5, 258, 262, 267 - 9, 272 – 8, 280 – 291. Работа над сценарием закончена, видимо, в начале второй половины марта 1939 г. Планы произведения, определение сюжета, списки персонажей см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 52. Имеется два неполных варианта: там же, ед. хр. 53 – автограф (112 кадров, из них сохранилось 43 разрозненных кадра) и ед. хр. 55 – машинопись (82 кадра, сохранилось 54 разрозненных кадра).

Это произведение А.С. Макаренко вполне можно рассматривать как художественное представление его общего взгляда на социальную педагогику (педагогику нового общества, «школу жизни»). Ее основа – взаимодействие поколений в их общей жизни, труде, социальном творчестве, культурном развитии. В сценарии сообща живут и действуют не только взрослые и молодежь, но и «малыши» 10 – 13 лет. Семья органически включена в общий поток общественной жизни и воспитания молодежи. Новая педагогика немыслима без участия детей в производительном труде.

Конкретизация сущности и основных направлений социальной педагогики в этом произведении позволяет считать его программным, как еще одну форму педагогического завещания А.С. Макаренко. Это материал, на базе которого могут вестись дальнейшие исследования воспитания как социального явления,

превращая педагогику в мощный фактор общественного и человеческого прогресса.

Признание Союздетфильмом ценности этого сценария (см. ниже) – огромная победа А.С. Макаренко. Выход этого фильма на экран стал бы важным событием в искусстве и культуре. Хотя критики «Флагов на башнях» и здесь нашли бы «идеализацию», «мечту автора» и т.д. Они не могли видеть происходящего в стране принципиального изменения «качества жизни», намертво привязанные к устаревшим обществоведческим, искусствоведческим и педагогическим канонам.

В «Командировке» А.С. Макаренко достигает необычайно лаконичной выразительности в психологической характеристике персонажей, их действий и поступков. Это в одинаковой мере относится и к молодежи, детям, и к старшим, взрослым. Герои произведения в высшей мере индивидуализированы. Достигается высокое совершенство диалогов, речевой характеристики действующих лиц.

Свойственное А.С. Макаренко как педагогу-писателю глубокое проникновение в психологию, внутренний мир молодых людей и взрослых, пристальное внимание к сложности и противоречивости развивающихся характеров выступает в сценарии как *«двойная линия тона»*. **Это некоторое расхождение внешних проявлений поступков, высказываний – и их внутренней сущности. (Некоторое несоответствие формы и содержания).**

Так, главный инженер завода, Василий Васильевич: «вид у него почти всегда сердитый, и слова он произносит недовольным тоном, но в сущности он очень добрый и добродушный человек». Капитан канонерки Сергей Иванович: он «полон доброты, но лицо его может казаться очень строгим и очень холодным»; говорит вежливо, но тоном, не допускающим возражений». За этим, несомненно, проступает личность самого А.С. Макаренко, его характерный «тон» в обращении с воспитанниками и сотрудниками, деловой тон.

Введенное им здесь понятие: «двойная линия тона» - еще один важный аспект в характеристике не только «тона» и «стиля» нового воспитания (как генерализирующих понятий), но и всей его «педагогики параллельного действия». Это одно из проявлений его основополагающего принципа «требовательности – уважения». Дальнейшая разработка этого внутренне противоречивого принципа в плане организационном и технологическом может стать источником новых открытий в теории и практике воспитания.

Примечательно стремление А.С. Макаренко использовать кино как средство обновления массовых форм культурного отдыха (танец «Веселый комсомолец»; см. также марш колонии им. М. Горького – «Веселый горьковец»).

Место действия фильма – приграничная зона, небольшой завод по ремонту речных судов, в том числе и военных, включая их модернизацию, довооружение. Канонерка - небольшое военное судно с орудиями средних калибров; предназначено для военных действий на реке и вблизи берегов.

Военную тему А.С. Макаренко разрабатывает не только как актуальную в предчувствии войны, но и как проблему патриотизма, готовности защищать Родину от многообразных посягательств на ее социальные завоевания, бороться за лучшее будущее. Этому служит и его «военизация – игра», органически соединяющая воспитание социальных качеств личности с учетом природных, возрастных особенностей и потребностей ее развития.

Дополнение. **Как вспоминает** *В.И. Клюшник*, **А.С. Макаренко в последнее время «жаловался, что чувствует себя довольно плохо, собирался в ближайшие дни домой, в Москву, спешил с окончанием срочных дел»; в последние месяцы врачи запрещали ему работать. (Из письма В.И. Клюшника Ф.И. Науменко).**

Письмо О.П. Ракович, 28 марта 1939 г.

28 марта 1939

...Ну, вот и прекрасно, переписка началась и сразу вошла в спокойные берега. Удивительное дело, я переписываюсь с Вами, а говорят, что чудес не бывает! Да еще как замечательно – у Вас остался не только почерк прежний, но и характер, такой же счастливый характер, как и был. Я очень хорошо представляю, какая Вы сейчас – Ваше лицо, смех, ухватку, походку. Конечно, Вы потолстели, конечно, у Вас теперь новая грация, Вы референт и иногда напускаете на себя важность. Но это Вам всегда было к лицу, помните, как Вы кричали на заведующего губфинотделом: «Не морочьте мне голову!»

А люди вокруг Вас, по всей вероятности, такие же, как и вокруг меня, – только они всегда грызут меня, а Вас иногда любят, даже в проходной комнате Вас не трогают и не обижают. Одним словом, я завидую Вам и тем самым хорошим людям, от которых Вы в таком восторге.

Ну, бог с Вами, живите счастливо, только комнату перемените, с какой стати в проходной.

Очень хорошо, что Вы не вышли замуж и что у Вас нет детей. Теперь это тяжелый крест, и мне было бы очень печально.

Я живу по-прежнему. Много работаю, много спорю. У меня, как и всегда, масса врагов, а друзья растерялись, только мои бывшие воспитанники иногда меня вспоминают. За счастьем я и раньше не гонялся, а теперь и совсем потерял к нему аппетит. Очевидно, между счастьем и мной невозможен обычный язык. Но и катастроф я в своей жизни не допускаю – терпеть не могу страданий, ни своих, ни чужих.

Очень много разъезжаю...

Это хорошо – много вижу людей и новых мест, я ведь всю жизнь прожил домоседом.

А где Вы бывали, куда ездили, бывали в Москве?

Очень хотел бы подарить Вам какую-нибудь мою книгу, но сейчас у меня нет ничего. Обязуюсь все книги, если будут выходить, немедленно высылать Вам – с лирическими надписями.

Пишите, Красавица, Вы представить себе не можете, как это для меня важно.

Целую Ваши руки.

Ваш *А. М.*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 114 – 115.

Письмо С.А. Калабалину, 28 марта 1939 г.

28 марта 1939, Москва

Дорогой мой Семен!

Я в последнее время по обыкновению замотался и долго тебе не отвечал. Спасибо, что не обращаешь внимания на мое свинство и пишешь.

В общем, твои дела как будто идут полным ходом. Яцкевич мне не ответил, и это, конечно, квалифицированное хамство, ничего не поделаешь, и напоминать ему не хочу, тем более что по всему видно, мы с тобой ему не ко двору, – у него, вероятно, какие-нибудь другие есть «соображения».

То, что он молчит, между прочим, меня даже утешает. Это значит, что все равно ты с ним не сработался бы. Стоит ли в таком случае лезть на разные рожны?

Вообще думаю, что тебе не нужно нервничать, по опыту знаю, что лучше бывает там, где трудно...

Было бы очень хорошо, если бы твой сегодняшний опыт кто-нибудь записывал. Только не нужно увлекаться живописанием беспорядка в детских домах, это все хорошо известно и имеет характер классический. А вот записывать твои начинания, изобретения, споры, рабочие физиономии ребят и прочих людей это было бы важно.

Очень рад твоим семейным успехам.

Был на днях в Харькове, видел много своих ребят, видел Терского, Тимочку и других...

Пиши, серденько!

Передай привет Гале, Антону Семеновичу и прочим твоим наследникам.

Твой *А.*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., с. 115.

Письмо Перазич, 28 марта 1939 г.

28 марта, 1939, Москва

Уважаемый товарищ Перазич!

Спасибо Вам за внимание и за добрые чувства по поводу моей «Поэмы».

Тему о любимчиках в семье обязательно использую. Признаюсь Вам, что эта деталь семейных отношений как-то ускользнула из моего внимания, а между тем это настоящий бич.

Спасибо и за поправку насчет зверей. Поленился проверить, да и как-то так случилось, что под рукой ничего не было из Ветхого завета. После Вашего письма ходил по букинистам, искал Библию или что-либо в этом роде и, представьте себе, ничего не нашел.

Еще раз прошу принять от меня самую искреннюю человеческую благодарность.

Желаю Вам здоровья и хорошего настроения.

Ваш Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 116.

Дополнение. *Телеграмма А.С. Макаренко* **А.К. Волнину, 28 марта 1939 г.**

Буду завтра, четыре. Привет. Макаренко.

Из материалов А.К. Волнина. Представлено Г.А. Созиновой.

Из опыта работы

Товарищи! Я очень слабый докладчик и докладов делать не умею. Никак не укладывается в моей голове, что я могу сделать доклад, тем более, что вы сами с усами и поучать вас я не имею права. Я представляю, что у нас будет маленькая беседа, может быть, и вы скажете что-нибудь. Тем более я считаю не вправе предложить мой

доклад, потому что мой опыт, а я основываюсь только на [моем] опыте, круто отличается от вашего.

Я не ученый, у меня нет ни одной строчки научной работы[1], и я несправедливо прославлен.

Я могу говорить только как практический работник, как ваш скромный коллега, могу рассказать о тех мыслях и чувствах, которые возникли у меня после моего опыта.

Если считать, что я рассказываю то, что я делал, то, о чем я думал, к чему пришел, – то это мой опыт, но вовсе не обязательный для школы и для учителей.

Я сам учитель (железнодорожный учитель) и сын железнодорожника, так что в этом смысле я должен педагогически мыслить также, как вы, но мне, может быть, повезло больше, чем вам.

В 1920 году советская власть дала мне колонию правонарушителей. Я пошел туда вовсе не потому, что считал себя сильным воспитателем, и не потому, что у меня были такие-то убеждения в этом отношении, - ничего этого не было. Я пошел с отчаяния в эту колонию[2].

Мне в Полтаве предложили заниматься в здании Губсовнархоза[3]. Приходя туда, я всегда находил там грязные канцелярские столы, окурки на полу и, как правило, воздух, состоящий главным образом из никотина и дыма. Обстановка была ужасная. Заниматься в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был удрать куда угодно, даже к правонарушителям.

Так начался мой «правонарушительский» опыт. И он продолжался 16 лет. И тут мне повезло в нашем Советском Союзе. Мало людей, которым посчастливилось руководить так долго одним и тем же «правонарушительским» коллективом[4].

В 1935 году этот мой опыт закончился более или менее насильственно, не по моему желанию, не по моей вине[5].

16 лет я работал с одним коллективом, в котором, правда, менялись люди, но менялись постепенно, сохраняя традиции, преемственность между поколениями.

Работа в этом коллективе привела меня к некоторым убеждениям, которые я имею склонность распространять и на обычную школу, а вы, конечно, можете их не иметь.

Почему я так подошел к общешкольному вопросу? Потому, что в последние 8 лет коммуна им. Дзержинского НКВД Украины мало отличалась по характеру детского общества от обычной школы.

У меня была полная средняя школа[6], и дети очень быстро, приблизительно через 3-4 месяца, становились нормальными детьми или даже сверх нормальными, если нормальными считать среднего московского школьника. Так что я не имею основания полагать, что у меня был особенно трудный состав. Состав у меня был даже более легкий, чем в московских школах. Я настолько мог позволить себе свободу действий, что, например, в коммуне с третьего года я уничтожил должность воспитателей. Уже в быту мои воспитанники не нуждались в каких-либо воспитателях. В быту мне не нужна была специальная надзирательская помощь.

Школа у меня была труднее, чем у вас, потому что я получал детей, более или менее отставших: в 13-16 лет подросток кое-как читает, кое-как пишет, а иногда совсем не пишет. Так что закончить курс десятилетки к 17 годам им было труднее.

Наши интеллигенты представляют, что беспризорный всегда способный, гений, а на самом деле он менее способный, чем нормальный человек. Это затрудняло прохождение ими курса средней школы, но у них было нечто, что позволяло мне и им преодолевать большие трудности. Они не могли рассчитывать ни на помощь родителей, ни на протекцию, а должны были рассчитывать только на себя. И это они понимали. Они стали понимать, что школа дает им дорогу в вуз. Особенно они стали понимать это, когда появились первые студенты-коммунары, когда студенты стали приезжать в коммуну.

Они поняли, что дорога в вуз – самая богатая дорога. Они знали, что вуз давал общежитие.

Поэтому у моих коммунаров страсть к учебе была сильнее, чем у среднего школьника. И они при помощи этой страсти преодолевали лень и все, что встречается на этом пути.

Воспитательная работа в коммуне у меня была обставлена лучшими условиями, чем у вас, потому что коммунары находились в моих руках полные сутки в течение 5-6-7 лет. Никто мне не лез под руку, никто не кричал караул, когда я выделывал, может быть, что-нибудь «антипедагогическое» *(смех).* А вам нельзя этого делать.

У вас есть такая терминология: это средство воспитательное, а это средство не воспитательное. Причем у вас воспитательное средство не то, которое ведет к цели, а то, при котором меньше скандалов, меньше крика *(смех),* когда и волки сыты, и овцы целы. А к каким результатам ведет это средство – не проверяется, не имеет особого значения[7].

А я считал воспитательным средством то средство, которое ведет к цели. Поднимается крик, скандал, пожалуйста, иду на какой угодно скандал. Я был поставлен в этом отношении в более выгодные условия и был оперативным.

Наконец, легкость работы обуславливалась еще одним обстоятельством: в коммуне было производство.

Я был когда-то сторонником трудовых процессов[8]. Мы все считали, что в трудовых процессах ребенок дает выход своим трудовым инстинктам. Я тоже думал, что трудовой процесс нужен для придания ребенку трудового колорита. Я понял, что ребенок должен учиться какому-то труду, добиваться какой-то квалификации.

Мы, педагоги, теоретически залетали очень высоко, а практически были очень низко. Думали, что дадим нашему ребенку хорошую квалификацию, а на самом деле давали такую, при помощи которой ребенок мог сделать плохую табуретку, и готовили швею, которая могла сшить только трусики. Я сам переживал даже чувство некоторого пафоса, когда мне хорошо чинили ботинки, шили трусики и плохо делали табуретку.

Потом я избавился от этого педагогического предрассудка.

Вы помните, наверное, предрассудок, что трудовой процесс должен быть связан с учебной программой. Сколько мы поломали головы на этом проклятом вопросе? Вот он делает табуретку, а надо, чтобы это было связано с географией и с математикой. *(Смех)* . Я очень плохо себя чувствовал, когда приезжала комиссия и не находила согласованности между табуреткой и русским языком. *(Смех).* Потом махнул рукой и прямо стал утверждать, что не должно быть никакой связи. Долой связь между учебным процессом в школе и процессом производства![9]

Сейчас я это могу аргументировать, когда в коммуне развернулся прекрасный завод, сработанный нашими руками, завод, производящий «Лейки». Очень богатый завод. «Лейка» имеет 300 деталей, точную оптику, где имеются сложнейшие процессы по точности до 0,001 мм, каких в старой России никогда не было.

Когда я наблюдал работу такого завода, а такой завод – это значит точный план, нормы допуска, нормы качества, когда такой завод обслуживается десятками инженеров, инструкторским составом, конструкторским бюро и т.д. и т.д., – только тогда я увидел, что значит такое производство. И как жалок был лепет, что это может быть связано с учебным производством в школе. Оказалось, что учебный процесс в школе и производство продукции без моего усилия крепко определяют личность, потому что они уничтожают ту грань, которая лежит между физическим и умственным трудом, и выходят высококвалифицированные люди.

В Харькове я встретил девочку, которая оканчивает институт. Но она имеет 6-й разряд полировщицы на линзах. Она учится в институте, а между тем этот 6-й разряд у нее сохраняется в руках, она все помнит. Разве можно рассчитать это какой-

то мелкой методикой? И вот, когда у меня выходили ученики 6-7 разрядов, то я видел, что им учеба принесла пользу.

Условия производства, производства серьезного, - это и были те условия, которые облегчили педагогическую работу.

Я теперь буду бороться за идею: в нашей советской школе должно быть производству. Тем более буду бороться, что при производстве для детей открывается очень много путей.

И наконец, еще одна сторона, совсем не презренная, – это выгодность такого дела. Коммуна Дзержинского существовала восемь лет и только один год была на бюджете. Остальные семь лет она была снята с бюджета и покрывала содержание завода, общежития, всего быта, пищи, одежды, школы целиком и 5 млн. рублей давала государству чистой прибыли. При этом только потому, что была на хозрасчете.

Вы представляете, какой силы инструментовка была в руках педагогов! Мы решаем: едем 500 чел. по Волге, на Кавказ. Для этого нужно 200 тыс. рублей. Постановили: в течение месяца работать полчаса лишних, и в результате имеем 200 тыс. рублей.

Я имел возможность одевать детей в суконные костюмы – мальчиков, девочек - в шелковые и шерстяные платья. Я имел возможность 40 тыс. рублей оплачивать за театр. А когда это делается в порядке трудовой дисциплины, в порядке завоевания богатства, когда весь коллектив за это бьется, то что можно сравнить с этой великой педагогической силой, какая имеется в наших руках?

Я уже не говорю о других, мелких достоинствах такой системы. Хотя бы зарплата. Зарплата не потому совершенна, что дает деньги ученику, она совершенна потому, что ставит его в условия своего бюджета, она дает возможность воспитать будущего хозяина. Ведь у нас каждый коммунар-выпускник имел в сберкассе по 2 тыс. рублей.

Я убежден, что цель нашего воспитания заключается не только в том, чтобы воспитать человека-творца, человека-гражданина, способного с наибольшим эффектом участвовать в строительстве государства. Мы должны воспитать человека, который должен быть счастливым и обязан быть счастливым[10].

Деньги - прекрасный воспитатель, прекрасный педагог. Так что говорить о педагогическом опыте я могу, только основываясь на своем опыте, а он был обставлен лучше, чем у вас.

Я настаиваю и буду настаивать на том, что такие условия должны быть созданы в школе. Сначала это кажется очень страшным, а на деле это не так страшно. Если бы мне сейчас дали школу, я бы на педагогическом собрании говорил: я такие-то идеи буду применять, а на самом деле думал: где бы достать необходимые петимети?[11]

В коммуне им. Дзержинского я стал искать человека, который умеет все купить, все продать, все умеет делать, а на самом деле ничего не умеет делать, потому что у него нет никакой специальности. Я нашел такого «жука». Он говорит: «У вас 200 рабочих рук, чего же вы плачете?» - «А что мы будем делать?» – спрашиваю. Он говорит: «Знаете что, мы будем делать нитки». - «А где средства?» - «А зачем средства? Мы заключаем договор, купим кустарные деревянные станочки». Действительно, купили такие старые станочки и начали делать нитки, а через 6 лет имели лучший в Союзе оптический завод, который стоит несколько десятков миллионов рублей.

Вот я и начал с ниток и табуреток. А как табуретки надо делать? Один говорит: для того, чтобы сделать стул, одному работнику надо сделать все части, тогда он будет хороший мастер. А другие говорят: нет, один делает вот эту часть, второй - другую часть, третий полирует и т.д. И это верно! И вот когда настоящий «душевный педагог» вникал в такую работу, он падал в обморок, бледнел: как можно так издеваться над мальчиком; мальчик отрезает только эту штуку. Ведь это просто ужас.

Да, мальчик отрезает только эту штуку, но он отрезает 200 штук за несколько минут, он работает на коллектив.

Разделение труда - это то, что нам нужно. Сейчас не так нужен мастер, который умеет сделать стул целиком, а нужен столяр, который умеет работать на циркулярном и фрезерном станках. Только такой коллектив, такое производство были в моем опыте.

Какие я сделал выводы, которые не имеют с вашими, вероятно, ничего общего?

То, что я говорил вам, вовсе не значит, что я только хозяйственник. Нет, я всегда оставался педагогом, и всегда меня интересовали вопросы воспитания.

Я пришел к некоторым выводам, которые, может быть, противоречат ходячим теоретическим убеждениям. Я всегда был противником такого взгляда, который говорит, что педагогика - это теоретическая наука, которая строится на изучении ребенка и на изучении отдельно взятых, абстрактно мыслимых воспитательных методов[12].

Я представляю, что педагогика есть политическое искусство воспитания и что это есть проявление политического кредо педагога, а его теоретические [педагогические] знания являются только подсобными в этом воспитании[13]. Сколько хотите накачивайте меня методическими средствами, а я белогвардейца воспитать не сумею. И вы не сумеете. Вы смогли бы воспитать белогвардейца только тогда, если бы у вас душа была белогвардейца.

Это искусство может быть доведено до большой степени совершенства, почти до степени техники. Я в это верю и всей своей жизнью искал доказательства этой веры.

Я никак не отрицаю педагогики, но я настаиваю, что вопросы воспитания, методику воспитания надо совершенно отделить от вопроса преподавания, тем более надо отделить, что воспитательный процесс совершается не только в классе, а буквально на каждом квадратном метре нашей земли.

И надо, чтобы педагогика овладела такими средствами влияния, которые были бы настолько универсальными, могучими, чтобы когда наш воспитанник встретит влияния самые вредные, самые мощные, и они бы нивелировались и ликвидировались нашим влиянием.

Значит, ни в коем случае нельзя представить, что эта воспитательная работа может быть только в классе. Воспитательная работа должна руководить всей жизнью ученика.

Второе, на чем я, может быть, произвольно настаиваю, - я сторонник активного воспитания, т.е. я хочу воспитать такого-то человека, и я все делаю, весь интеллект, все попытки и усилия свои направляю на то, чтобы достигнуть этой цели, и я должен на части разбиваться, чтобы этого достигнуть.

Я всегда должен видеть перед собой цель, должен видеть тот образец, идеал, к которому я стремлюсь. Не беспокоиться о том, что эта личность «запищала», пускай пищит, но я буду добиваться своей цели.

Это вовсе не значит, что я являюсь сторонником страданий, напротив, я убежден, что многие недостатки, особенно дисциплины, тона и стиля, происходят от того, что мы не придаем значения весьма важному обстоятельству, цели.

С беспризорными это обстоятельство я видел лучше: это испорченные детские нервы. Я думал: этот - дезорганизатор, этот - вор, лентяй, а в большинстве случаев это просто потрепанные нервы. Он каждое наше слово, каждое движение встречает с сопротивлением, у них нервы болят, когда вы подходите. И иногда самые хитроумные наши педагогические измышления являются для них трепкой нервов.

Говорят: ребенок должен после урока покричать (у вас в школе этого нет), иногда ему хочется поколотить стекла, говорят: натура ребенка этого требует. Говорят, что для того, чтобы ребенок не бил стекла, надо его отвлечь чем-то, надо нервы

раздражать в другом направлении. Надо заставить, чтобы он пел, танцевал, или радио для него завести.

Надо его каким-то шумом оглушить, треском оглушить, чтобы ребенок обалдел *(смех)*. И я бываю во многих школах, не только московских, но и в провинциальных, у меня закаленные нервы, нервы как тросы, и вот, когда я захожу в такую школу, у меня начинается нервный тик. А есть ваши ребята в течение 10 лет находятся в школе.

Но мы должны быть «педагогичны» и только про себя говорим: «чтоб вы пропали!», а на деле ничего не показываем. У нас иногда только губы дрожат, по ночам не спим, или это все обрушивается на нашего мужа или на жену, и мы глубоко убеждены, что учительская работа - нервная работа и учитель должен быть обязательно неврастеником.

Я над этим задумался очень давно. И потом увидел, какое благо - полный порядок: никакого крика, никакого бега. Хочешь побегать - вот площадка, а если хотите кричать - не кричите! Надо поберечь и меня, ведь я государственная вещь, и меня поберегите. И поэтому насчет окон я считал единственное решение: не смей бить стекол, я не буду тебе заводить радио, музыку и не позволю бить государственное имущество. Я тебя ничем отвлекать не буду, а ты не бей.

И вот, когда коллектив делается сознательно относится к такому порядку, то действительно в коллективе получается тот покой, та строгость, грань и точность обозначения, где можно бегать, где нельзя, которые так необходимы для успокоения нервов.

Я сам к этому пришел не так скоро. Но коммуну вы могли посетить в любое время и никогда не увидели бы чтобы ребята толкали друг друга, били стекла и т.д. Коллектив бодрый, жизнерадостный, никто никого не бьет.

Я глубоко убежден, что стремление ребенка побегать, покричать прекрасно может быть переведено на внутренний покой. Ведь очень часто может выдаваться за педагогическую мудрость то, что на самом деле может подвергаться сомнению: мудрость ли это педагогическая мудрость ли вообще.

Поэтому такое требовательное, активное воспитание, которое руководствуется целью дать ребенку политическое воспитание, вовсе не значит, что приведет к страданию ребенка. Что такое страдание?

Вас, вероятно, занимает вопрос о риске. В Ленинграде на одном из совещаний, когда я рассказывал о риске, мне такой вопрос задали: да, на производстве можно требовать риска: чем больше риска, чем больше дерзаний, тем более возможны успехи. Но когда вы имеете дело с живым человеком, как вы можете рисковать?

И вопрошающий дополнил так: у нас был случай, когда девочка повесилась потому, что ей поставили плохой балл по немецкому языку. И вспомнил я, как у нас в одном московском педагогическом журнале был отдел консультации, и там консультант отвечает на вопрос читателю, как надо разговаривать с мальчиком, который хулиганит в классе, нарушает внутренний распорядок. С таким мальчиком воспитатель должен поговорить ровным голосом, ни в каком случае не повышая тона, так, чтобы ученик видел, что учитель говорит с ним не потому, что негодует, а потому, что это его долг, долг учителя поговорить[14].

Вот я считаю, что такой ровный голос с хулиганом и вот то, что учитель боится показать свое негодование, а показывает свою боязнь, – это и есть самое рискованное действие. И если бы со мной все люди говорили только ровным голосом, я повесился бы через год. Разговаривать ровным голосом - это значит: мне безразлично, как ты себя ведешь, но я разговариваю с тобой потому, что я исполняю свои обязанности.

Например: «Иванов, не смей ничего плохого делать...» и таким спокойным, монотонным голосом. А про себя думает, а что если бы тебя по голове как следует стукнуть кулаком. Что это, не риск?

Почему девочка повесилась? Ведь плохая отметка – нерискованное действие. И потому что, там были действия нерискованные, человеку тошно стало жить на свете, и он повесился. А тот человек, который живет в живом коллективе, где есть риск, там люди не вешаются. Вешаются люди от тоски... И нерискованное действие - самый страшный риск[15].

Я поэтому открыто говорю: в действиях педагога, в действиях педагогического коллектива должна быть предельная требовательность.

Это вовсе не значит, что вы должны кричать на хулигана, опрокидываться в кресле; нет, вы должны так говорить, чтобы хулиган видел, что вы негодуете, чтобы он видел, что вы решили сопротивляться хулиганству, что это приводит вас в гнев. Не всегда надо кричать, можно иногда прошипеть *(смех),* но в вашем голосе должна быть эмоция, чувство, и тут не надо уступать никакому начальству.

Пришел ко мне один директор и говорит: как бы вы поступили? Выгнал я ученика, и он принес записку из гороно, чтобы я его обратно взял. Этот ученик натыкал несколько кусочков лезвия – ножичка в перила, чтобы ученики руки себе порезали. Спрашиваю: «Как вы поступили?» - «Принял», - говорит... «А надо было с запиской его выгнать». - «Да ведь я места лишусь», – отвечает он. Ты сдрейфил и испугался записки, принял хулигана обратно.

Это неверно. Когда вы чувствуете себя правым, вы не имеете права никому уступать, даже если вы рискуете быть выгнанным со службы. И наконец, директора никто не выгонит. Не так уж легко выгнать директора, и директор должен на своем поставить.

Вот дальше о теме «риск». Когда на самом деле общий тон требования, целеустремленность действия воспитывается в детском коллективе, тогда и детский коллектив вас поддерживает, и рисковать вам почти не приходится. Когда я право наказания ставил как совершенно недвусмысленное право, от которого не откажусь, то ученик прекрасно понимал, что так и будет. Чем ярче, определеннее право требования, тем менее приходится требовать, тем естественнее возникает общий стиль.

Вот это требовательное воспитание кажется трудным делом до тех пор, пока мы по-настоящему не решились его проводить, а когда решились - оно становится легким.

Я подчеркиваю, чтобы вы требовали поведений, не оглядываясь, не боясь, что вас выгонят и что вы кого-то приведете к самоубийству.

Вот, товарищи, общие положения. Я могу развить их подробно, но к ним необходимы некоторые дополнения весьма важного свойства. Это вопросы стиля и тона.

Вопрос стиля у нас совершенно не разработан в педагогике.

А между тем стиль очень много решает. Сколько я видел школ, столько я видел стилей.

Вы сами знаете, что стиль детского коллектива бывает просто возбужденный, наглый, крикливый, страдающий, пониженный, пессимистический. Можно без конца называть стили. Стиль создается путем воспитания уважения к себе и коллективу. Это то, чего так мало во многих наших школах.

Я был в одной школе, которая называется именем Ворошилова, и спросил ребят 10 класса: вы называете себя ворошиловцами? Нет, зачем, отвечают они. Ведь вы единственная школа, которая носит имя тов. Ворошилова. Неужели работники не воспользовались этим названием? Каждая школа должна гордиться таким именем, и оказывается - здесь педагоги не использовали это.

Вот ученик 899-й школы. Конечно, звучит очень ровно, ничем не выдается. Но эта самая 899-я школа называется им. Кирова. Это уже многое значит. У нас сплошь и рядом педагоги не умеют пользоваться таким счастливым обстоятельством. В таких школах день рождения тов. Кирова должен быть большим праздником, каждый ученик должен знать биографию тов. Кирова назубок. Так у меня и было. В

Горьковской колонии были горьковцы. Дзержинцы знали, что тов. Дзержинский - это их настоящий образ, их вдохновитель.

Вот я читал, как в одном педагогическом журнале обсуждался вопрос, как называть учеников: «ребята», «товарищи» или просто «Ваня», «Коля». А почему не понимают того, что ребенок в школе обязательно гражданин? Я 10-летнего ребенка называл «товарищем», особенно когда к нему обращался по делу. Я мог, гуляя в парке, назвать его Петей. А когда он провинился, я говорил: товарищ Федоренко, получите два часа ареста. Это не значит, что при других обстоятельствах вы не можете назвать его Петей, а в деле этот стиль подчеркивает, что это не игра, что это государственное дело.

Главнейший метод, в котором меня обвиняли всегда, – это «военизация». В одной газете меня называли жандармом, в другой Аракчеевым и т.д.[16] Все же я 16 лет не отказывался от «военизации». Только на 16-м томе я нашел у Энгельса место, где было написано, что в школе должна быть проведена правильная военизация. И когда я показал это людям, которые называли меня жандармом, они просто онемели.

Я противник муштровки. Вот иногда водят детей в раздевалку парами. Это совсем лишнее. Когда у вас дисциплинированный коллектив, в приказе пишется: одеваться по порядку такому-то классу за таким-то классом, наблюдение поручается такому-то. И каждый знает, когда ему идти одеваться, а вовсе не надо идти парами. «Военизация»- это свобода.[17]

Я в Кисловодске 7 ноября 1938 г. наблюдал, как одна школа строилась на демонстрацию, причем это не было злым умыслом, просто они не могли построиться. А когда построятся, учителя стоят как овчарки, стоят и смотрят, чтобы не разбежались. Это не «военизация». Вот что называется «военизация»: марш, стройся, минута – равняйся, справа по 6. Построились. Спрашивают: «Долго будем здесь стоять?» - «2 часа». - «Разойдись». Ребята расходятся, покупают конфеты, мороженое. Но вот трубач дал сигнал, прибежали - строятся.

«Военизация» - это свобода для учителя и учеников, а вовсе не муштровка.

Я не знаю, как у вас собираются общие собрания. Я знаю, как собираются писатели. Никакой «военизации» нет. Получают повестку, собрание назначено на 6 часов. Это значит, надо сесть и долго размышлять, когда же начнется общее собрание. Все прекрасно знают: если написано в 6 часов, то оно начнется в 7. Но если все опаздывают на час, то все придут к 8 часам. Надо на собрание идти к 8 часам. В повестке написано - в 7, собрание начнется в 9 с половиной. «Почему вы пришли в 9 с половиной?» - спрашивают писателя. «Потому что я знал, как все наши опаздывают», – отвечает он.

Время здесь перестает действовать, шесть часов превращаются в пустой звук. И если так будет продолжаться дальше, то чтобы собрать собрание в 7 часов, надо будет писать, что собрание назначается в 12 часов дня.

А вот «военизация» позволяет приучить коллектив учителей собираться точно. Я 16 лет каждый день принимал рапорт командиров, а рапорт отдавался обычно в 9 часов. Кончился день - дежурный командир дает сигнал. И я, начальник учреждения, ни разу не опоздал. Ни одного раза не позволил себе опоздать. И все 28 командиров всегда вовремя были на месте.

«Военизация» позволяет воспитать движение. А движение - это не такой пустяк. Уметь ходить, уметь стоять, говорить, уметь быть вежливым - это не пустяк. Можно не сомневаться, что такой коллектив производит сам на себя впечатление коллектива обещающего лучшее.

Вот в коммуне Дзержинского запрещалось держаться за перила. Стало обычаем не ходить возле перил. Но через 3 года, когда коммуну «накачивали» новенькими, я слышу, как один командир внушает новеньким: отвечайте так-то, ведите себя так-то, а теперь запомните: за перила не держитесь, держитесь за своей позвоночный столб! И я видел, как люди уже пожилые и менее пожилые пробовали сходить по

лестнице, не держась за перила, и как они от этого молодели, становились грациознее. Попробуйте вы так сделать, и вы станете, пусть на копейку, но грациознее *(смех).*

И такая организация - не муштровка. У меня было правило: дежурным командиром назначать обыкновенного мальчика 15-16 лет, он отличался от других только шелковой повязкой. И вот сделался обычай отвечать на его распоряжение: «Есть, товарищ командир». И в этом была своя логика. Дежурный командир ни с кем не разговаривал, ему некогда было долго разговаривать; выслушал... и уходи.

Умение встать – тоже много значит. Если воспитанник пришел к убеждению, что перед директором надо стоять смирно, – это значит: он признал закон коллектива.

Я допускал некоторые идущие навстречу «военизации» приемы. Для своего кабинета я выделил самую большую комнату, обставил ее диванами, и любой коммунар мог присутствовать здесь, мог читать, мог слушать, что говорят. Имел полное право делать это. И тут не нужно было никому ни перед кем тянуться. А когда я его призывал, он стоял передо мной так, как нужно.

И наконец, последнее о стиле. Это внешняя игра. Ведь мы все, взрослые, в жизни играем. Тот – особенный воротничок сделает, особенные очки наденет, в которых ему кажется, что он похож на профессора. То у него прическа, как у поэта. А когда вам подадут на экскурсию «ЗИС», вы воображаете себя несколько «обуржуазненным».

А дети? Как ребенок играет, так и будет работать. Сама детская жизнь должна быть игрой, а вы с ними должны играть, и я 16 лет играл. Эта игра педагога - серьезная, настоящая деловая игра; она приносит ценность, она делает красивую жизнь.

Что такое красивая жизнь? Жизнь, связанная с эстетикой. Детский коллектив должен жить красиво. Эта игра должна наполнять каждую минуту. И вот «военизация» - это один из видов игры.

Когда мои ребята ходили на работу в поле, огород, в цеха, и каждую неделю издавался приказ советом командиров, который начинался одной и той же фразой[18]. Каждый знал свое рабочее место, за которое отвечал, на котором квалифицировался. Каждый слышал каждое утро эту фразу приказа. И так было в течение многих лет.

Это - игра. И такие моменты игры надо беречь. Изобретать надо так, чтобы детям казалось, что они изобретают.[19]

Такая же игра – сторожевой отряд. Вы думаете, что коммуну надо было охранять? Коммуна была НКВД, кто посмел бы ее грабить. А мы нарочно денежный ящик, сейф, держали в вестибюле при входе, и часовой с винтовкой дежурил день и ночь. Когда я говорил об этом учителям, они удивленно спрашивали: «И девочки стояли, и маленькие стояли?»

Да, и ночью стояли. Вся коммуна спит, а он один стоит с винтовкой, и дверь не заперта. Становится страшно, получается риск. Я говорю одному директору в Москве: «Неплохо было бы, если бы у вас сами дети охраняли школу». Он говорит: «Да они же будут бояться, мать не пустит». А детишки, которые слышали слова директора, как закричат: «Пусть попробует не пустить!»

Что такое храбрость? Это то, что человек боится, но делает то, чего боится. Я прихожу в 12 часов ночи в вестибюль, стоит мальчик с винтовкой. Спрашиваю его: «Боишься?» – «Нет». Да и бояться нечего, потому что там [рядом] есть старшие коммунары. Это игра, но ответственная игра. Человек учится преодолевать страх.

У нас так хотят: надо закалить ребенка. Это очень полезно, но только чтобы без закалки, чтобы само собой выходило. Говорят: вы, ребята, должны быть закалены, вы ничего не должны бояться. А как дойдет до дела, когда можно проявить закалку, заявляют: он испугается, мать не пустит и т.д.

Вот в Твери, вы знаете, что ученик застрелил учительницу.[20] Это было в 7 классе. Меня в этой истории заинтересовал не тот ученик, который застрелил он, мо-

жет быть, был шизофреник, может быть, подослан врагами. Меня заинтересовал класс. Класс испугался, не мог помешать мальчику застрелить учительницу.

Попробуйте в коммуне войти в класс с винтовкой. Кто мог разрешить ему стрелять? А вот там испугались! И это надо преодолевать и при помощи игры.

Последний раздел – это отношение к родителям. Здесь мой старый опыт в железнодорожной школе пополняется 5-летней работой в коммуне. Последние 5 лет мне присылали школьников, которые в школе дошли, что называется, до ручки, и мне отдавали этих ребят в качестве баринов, барчуков.

Эти дети, конечно, тяжелее беспризорных. У беспризорного все дороги сходятся на коммуне, на мне и на учительском коллективе. А у этого - папа и мама. А у папы иногда автомобиль, ромб[21], патефон и деньги. Попробуйте взять в обработку такого. Это труднее. И я поневоле пришел к необходимости быть в контакте с родителями.

Средняя норма вам прекрасно известна: когда вызывают родителей и говорят: вот ваш мальчик то-то и то-то сделал. Смотрят в глаза и думают: что родитель с ним сделает? А у вас добродетельное выражение лица, и вы говорите: конечно, бить не надо. Отец уходит, вы никому ничего не скажете, а в глубоких тайниках души, скрытых даже от жены, думаете: вот хорошо, если бы он все-таки постегал мальчишку.

Другая форма обращения. Для классного руководителя и директора ясно, что семья данного мальчика воспитывать не может. И тогда классный руководитель, и директор что должны делать? Обычно что они делают, хотя и пришли к убеждению, что семья воспитывать не может? Тем не менее, они идут в семью и начинают учить родителей, как надо воспитывать ребенка. Семья, испортившая ребенка, сколько бы вы ее ни поучали, в большинстве случаев не поймет этого, и если вы начнете натаскивать ее на педагогические действия, можете еще больше испортить дело.

Но это не значит, что нельзя воздействовать на семью. И лучший способ воздействия - через ребенка[22].

У меня был такой случай: приезжает с ромбом муж и жена без ромба *(смех)* и говорят: наш мальчик такой, что мы просто не знаем, что с ним делать. Это такой барин, мать поносит, постель не застилает, ничего не хочет делать, в школе тоже плохо учится, грубиян, а еще взял и продал облигации. Возьмите его, пожалуйста, пусть поживет у вас четыре месяца. Уехали, на одном договорились: не ходите к нам, не пишите нам и не переписывайтесь с мальчиком. Сдашь мальчика в отряд, он пойдет на завод.

Через некоторое время спросишь командира, как такой-то? Ничего, держится, отвечает командир. Проходит два месяца. Мальчик просится разрешить пойти в отпуск. Отпускаешь и говоришь ему: когда придешь домой, скажешь, прежде всего, «здравствуйте» отцу и матери, а потом спросишь, что надо сделать. И когда сделаешь, скажи «до свиданья», надо идти в коммуну.

Приходит, докладывает: из отпуска прибыл. Все прошло хорошо. Через полчаса приезжают родители и говорят: ах, что вы с сыном сделали, его прямо не узнаешь.

Действие на семью через учеников я мог усилить; когда у меня была военизированная школа. Я держал учеников на учете, я их держал по бригадам. Были руководители. Все руководители утром отдавали рапорт. Приказом я назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я со всей бригадой обходил квартиры[23].

Вот такие бригады, ответственные через бригадиров перед директором, отдающие отчет на общих собраниях, – прекрасное воздействие на семью. Я думаю, что лучшая форма влияния на семью должна быть с такой логикой, что школа – это государственная организация, а семья – это бытовая организация, и воздействовать на семью лучше всего через ученика.

Было у меня, например, постановление общего собрания: в трамваях коммунар не имеет права сидеть, если есть хотя бы один человек стоящий. Постановили и строго выполняли. Я думал, что здесь все благополучно. Но на общем собрании вдруг говорят: у нас получается так: уступил место, а сам смотрит в глаза всем, чтобы все заметили, что он уступил место. И постановили так уступать место, чтобы никто этого даже не заметил. И стали так уступать место в трамвае, что никто этого не заметил. Вот и в школе должны быть такие же требования. Я благодарен моим коммунарам: они меня во многих отношениях воспитали.[24]

И вот, скажем, такой вопрос, как соревнование. Они открыли новое в нем, потому что я от них требовал больше и требовал весь коллектив. Соревнование было поставлено без договоров парных, а было общее постановление всех классов, отрядов по всем показателям: быть вежливым, вести себя хорошо и т.д. Я имел карточку и учет, и лучший отряд, победитель месячного соревнования, получал премию: 6 билетов в театр, каждый день на весь отряд, на 30 чел. - и право убирать мужскую уборную.

Сейчас мне смешно, когда я вспоминаю это. Сначала уборка уборной распределялась по жребию, потом стали распределять по справедливости. Был прекрасный 4-й отряд. Он получил первенство на уборке уборной. Он мыл уборную щелочной кислотой, а потом поливал одеколоном. Все знали, как он возится с уборной, какая здесь чистота. Прошел месяц, отряд заявил: мы за собой оставляем уборку уборной. На третий месяц тоже оставил за собой. И наконец, на следующий месяц третий отряд тоже получил первенство и заявил: нет, теперь мы получили первенство, и уборную должны убирать мы.

Товарищи, эта логика - не моя выдумка, это естественная логика, вытекающая из требований (простите за примерчик).

Нельзя никакие требования предъявлять, если нет единого, сбитого по-настоящему коллектива.

Если бы мне дали школу сейчас, я прежде всего сделал бы следующее: я прежде всего собрал бы учителей и сказал им: дорогие друзья, предлагаю делать так. Если учитель не согласен, то, несмотря на его высокую квалификацию, я бы сказал: уходите в другую школу. Девочке же 18-летней, если бы я видел, что она согласна со мной, сказал: вы еще неопытная, но у вас так горят глаза, я вижу, что вы хотите работать, оставайтесь и работайте!

Был такой случай. Меня пригласили в один район на собрание учителей-отличников. Посмотрел - 200 или 300 учителей-отличников. Приятно на душе, даже трогательно.

На столах стоят портвейн, кагор, немножко после выпили, и вот некоторые учителя подходят ко мне и говорят: этот отличник у нас в школе первая подлиза. А это, вы думаете, отличница? Посмотрите, как она ведет себя, всякие ужимки, кокетничанье... Я стал спрашивать, все говорят: да больше очковтирателей...

Конечно, это были настоящие отличники, а какая же между ними коллективность, если они так говорят.

Настоящий коллектив - это очень трудная вещь. Когда я неправ или я прав – эти два вопроса должны разрешаться не по собственному гонору, а по интересам коллектива. Вот когда соблюдается дисциплина, хотя неприятно это делать, – это дисциплинированность.

Я считаю, что учителя одной школы должны быть в хороших отношениях между собой не только в школе, но быть друзьями и дома, в гости друг к другу ходить.

Я недавно спросил одного учителя и друга: «У вас хороший коллектив?» Он ответил: «Да, хороший». - «А интриганы бывают?» - «Бывают». - «Что вы с ними делаете?» - «Выдавливаем...» Самое верное дело.

Простите за мою, может быть, несколько излишнюю болтовню.

(Аплодисменты.)

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 365 – 375. Стенограмма выступления А.С. Макаренко на совещании учителей школ Ярославской железной дороги 29 марта 1939 г. Он выступил на этом совещании по приглашению А.К. Волнина. По его воспоминаниям дано название темы доклада. На совещании присутствовало до 200 учителей.

Публикуется со сверкой по источнику: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 188 – и с публикацией: А.С. Макаренко. Публичные выступления... - Елец, 2012, с. 482 – 494, с восстановлением опущенных в т. 4 мест.

В начале выступления А.С. Макаренко сказал о специфики своего опыта: его практика «круто отличается» от обычной школьной, как и лежащие в ее основе идеи; этот опыт и выводы из него «вовсе не обязательны» для современной школы. И тут же: ему «повезло больше», у него были «лудшие условия» для воспитания и он убежден что его выводы могут быть «распространены и на обычную школу».

В этом последнем публичном выступлении А.С. Макаренко (через 2 дня он скончался) он, говоря и о значении школы, общего образования, выделяет главное в своем педагогическом творчестве – проблему специфики воспитания (в отличии от обучения): нужно «методику воспитания совершенно отделить от преподавания».

Второе: необходимо в теории и практике школы воплотить понимание того, что воспитание совершается «буквально на каждом квадратном метре нашей земли». Средства воспитания нужно сделать «настолько универсальными и могучими», чтобы они могли противостоять «вредным влияниям» жизненной среды. «Воспитательная работа должна руководить всей жизнью ученика».

Так А.С. Макаренко утверждает особенность своей педагогической концепции: это педагогика социально активная, практически целеустремленная, творящая новую жизнь, созидающая личность нового человека. Ее антипод – педологическая концепция педагогики, идущая якобы лишь за «природным развитием» личности, а фактически позволяющая подвергать ее мощному влиянию общественной среды, даже исключая процесс воспитания как таковой.

В этом плане А.С. Макаренко рассматривает «стиль» воспитания, уклад жизни коллектива педагогического учреждения. По всем направлениям его жизнедеятельности должен быть реализован этический принцип требования – уважения. Главное в его реализации – введение производительного труда в сферу воспитания. В этом выступлении - завещании звучит решительное: «в советской школе должно быть производство». Оно должно принять форму «трудового хозяйствования», единого со взрослыми самоуправления, где действуют духовно-нравственные отношения (как это ранее подчеркивалось во всех работах А.С. Макаренко, особенно в 1920-х гг.).

Отступление от этой основы основ при использовании макаренковских идей и опыта, в условиях советской нетрудовой

школы, как показал опыт, ведет к «голой», необоснованной педагогической требовательности. Возникающие при этом формализм и принудительность дискредитируют А.С. Макаренко, являются одной из главных причин его обвинения в «муштре».

Отсутствие требовательно-уважительного отношения к детям А.С. Макаренко рассматривает как главный порок школы, отрывающий ее от советской действительности и перспектив ее развития. В этом его выступлении, как и ранее в статье «Воля, мужество, целеустремленность», звучит глубокая тревога за судьбу будущих поколений и всей страны. Он выражает серьезное беспокойство, видя некомпетентность и безответственность деятелей народного образования и педагогической науки. Это настойчивый призыв к осознанию огромной роли воспитания и педагогики в созидании нового общественного жизнеустройства.

[1] А.С. Макаренко говорит об отсутствии у него публикаций в научно-педагогических изданиях. Его научно-теоретические разработки многочисленны: «Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького», «Педагоги пожимают плечами», «Опыт методики работы детской трудовой колонии», «Проблемы школьного советского воспитания» (лекции в Наркомпросе РСФСР), «О коммунистическом воспитании и поведении» и др.

[2] Переход А.С. Макаренко из обычной школы в учреждение для несовершеннолетних правонарушителей имел многообразную мотивацию. Как он говорил, нужно было уйти туда, где «меньше всего можно было бояться остатков старой [школьной] практики», опытным путем разрабатывая идеи «Декларации Наркомпроса УССР о социальном воспитании детей» (июль 1920 г.).

[3] Заведование Полтавской единой трудовой школой № 10 в 1919-1920 учебном году А.С. Макаренко совмещал с общественно – организаторской работой. После окончательного освобождения Полтавы от «белых» в 1919 г. он принял активное участие в создании советских органов народного просвещения на Полтавщине; с декабря был членом правления губернской профсоюзной организации учителей; в 1919 – 1920-х гг. заведовал подсекцией трудовых колоний Полтавского губоно (бывш. ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 2, д. 203, лл. 11 – 14). В апреле 1921 г. стал членом Совета рабочих и красноармейских депутатов г. Полтавы (делегирован туда как представитель профсоюза работников просвещения).

[4] Как говорил А.С. Макаренко, с 1923 – 1925 гг. в его колонии был уже не «правонарушительский коллектив», а обыкновенный, «нормальный коллектив» и начался период «нормальной работы» (часть 6 дан. издания, с. 259).

[5] А.С. Макаренко отбыл в Киев 25 июня 1935 г. С 1 июля 1935 г. он – пом. нач. отдела трудовых колоний (ОТК) НКВД УССР. Переведен на эту работу в связи с Постановлением СНК (правительства) СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (принято 31 мая 1935 г.).

[6] В опыте А.С. Макаренко школа не была обычной общеобразовательной школой. В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского это V – VII классы школы и свой рабфак, затем техникум; VIII – X классы, группы по подготовке к поступлению в вузы; курсы типа ФЗУ. Все это – при своем производстве и «под одной крышей». В оди-

наковых социальных условиях хорошо обеспечивался индивидуальный выбор уровня и характера образования, выбор профессии и жизненного пути, наиболее соответствующий природным, личным особенностям молодого человека. Это был «учебно-производственный комбинат», «школа - коммуна». См. – 1934 г.: часть 3 дан. издания, с. 246 – 247.

[7] А.С. Макаренко отмечает коренной недостаток официальной педагогики, педолого–педагогической концепции – отсутствие четкой целенаправленности, что естественным образом ведет к уклонению от оценки воспитательно-образовательных результатов. Игнорируются педагогические закономерности в триаде: цели – средства – результаты». Допускается социально-педагогическая стихийность, закрепляется социальная дифференциация.

[8] В советской педагогике 1920-х гг. трудовая деятельность характеризовалась в основном лишь как «трудовой процесс», совокупность навыков и операций, которыми необходимо овладеть (что свойственно обучению). Господствовала «комплексная система обучения», где труд выступает лишь как своеобразное приложение к учебному материалу. Трудовую практику значительно расширял «метод проектов».

В социально-воспитательной педагогике А.С. Макаренко первостепенное значение имеет мотивация труда, отношение к собственности, средствам и результатам труда. Оно воспитывается путем приобщения работника, трудового коллектива к управлению производством, к хозяйственной деятельности.

[9] Более точно: воспитательно-образовательный и производственный процессы могут и должны выступать как «параллельные», т.е. сохранять свою специфику, при подчинении труда целям воспитания; см. часть 1 дан. издания, с. 158 – 159 (1925 г.).

[10] Пристальное внимание А.С. Макаренко к теме счастья относится к осени 1937 г., см. часть 6 дан. издания, с. 149 – 152, 164. Счастье рассматривается как категория этики, которая становится ведущей в новом обществе и его педагогике, в целях и содержании воспитания.

[11] Деньги, в жаргонном обозначении.

[12] А.С. Макаренко отмечает действие педолого-педагогической концепции в официальной советской педагогике: она имеет дело с мифическим социально обособленным «ребенком», заботится о его якобы свободном от общества «природном развитии», а на самом деле обосновывает социально-дифференцированное, индивидуалистическое воспитание.

[13] Приоритет «жизненного мироощущения», «навыков духа» педагога и «подсобное» значение его профессионально – педагогических знаний и навыков - фундаментальное положение макаренковской методологии педагогики. Такой подход заложен и в макаренковской характеристике писательского труда («подсобное» значение литературно-художественной техники), что позволяет органически связывать познавательную, воспитательную и эстетическую функции литературы, искусства.

[14] Позиция педагога, прежде всего как человека и гражданина, выполняющего определенную социальную функцию не административно, а как глубоко личную, - пронизывает все аспекты педагогики А.С. Макаренко (начиная со «случая с Задоровым» в «Педагогической поэме»).

[15] Это один из многочисленных блестящих примеров диалектической «логики», методологии А.С. Макаренко. Она основана на признании противоречий движущей силой педагогических явлений и процессов. См. далее о «военизации»: это «серьезная, настоящая деловая игра».

[16] Эти характеристики относятся к 1927 – 1927 гг., к концу деятельности А.С. Макаренко в колонии им. М. Горького. См.: часть 1 дан. издания, с. 243 – 266, 273 – 281, 286 – 293.

[17] Об основополагающем значении идей свободы, добровольности и разумной целесообразности в педагогике А.С. Макаренко см. статью Фролова А.А. в «Педагогике», № 2, 2013 г.

[18] См.: часть 2 дан. издания, с. 377 – 378.

[19] Данный тезис о двойственности не только в «военизации – игре», но во всей организации деятельности педагогического учреждения, - вносит еще один важный аспект в понимание макаренковской «педагогики параллельного действия».

[20] Это произошло в селе Давизово, недалеко от города, называемого потом г. Калинин; ныне Тверь. А.С. Макаренко узнал об этом, видимо, из печати.

[21] Знак различия на петлицах, отличающий в советских войсках и войсках НКВД командира бригады. С введением в них в 1943 г. погон и новых званий равноценно: генерал-майор. А.С. Макаренко здесь имеет в виду военнослужащих НКВД.

[22] Эта мера – органическая часть макаренковской социально-педагогической концепции, она предусматривает активно-творческое участие школы, молодого поколения в преобразовании жизни, экономики и культуры, морали общества.

[23] А.С. Макаренко здесь вероятно, говорит о своей работе учителя и «надзирателя» (воспитателя) в Долинском железнодорожном училище (где учились дети не только этой станции, но и дети «путейцев», в интернате).

Это делалось, видимо в рамках начавшегося в начале 1910-х гг. обучения «военному строю и гимнастике» в российских начальных училищах разного типа (по распоряжению Николая II, при поддержке П.А. Столыпина и военного министра Сухомлинова). Разрабатывалось «Положение о военной подготовке школьников». Известность приобрел опыт «Образцового начального училища и первого народного класса военного строя и гимнастики» в Бахмуте Екатеринославской губернии (Украина, рук. А.А. Луцкевич).

Известно, что и в Крюкове А.С. Макаренко проводил строевые занятия, пешие походы-прогулки на местности, имел маршевый духовой оркестр. В колонии им. М. Горького «военная гимнастика и военный строй» отмечаются в «Отчетной ведомости» за ноябрь 1922 г. Эти занятия велись по программе всеобщего военного обучения (всевобуча), проводимого на Украине с октября 1922 г. (в РСФСР – с 1918 г.).

[24] Данный факт – убедительное свидетельство макаренковской социальной педагогики как взаимодействия поколений, плодотворного влияния не только взрослых на детей, но и детей на взрослых. В едином трудовом «воспитательном коллективе» одновременно изменяются и дети, и взрослые, педагоги.

Уже в марте 1923 г. А.С. Макаренко говорил: «Я теперь человек крепкий... Таким меня сделала колония... Я сам над собой произвел огромный и важный опыт» (часть 1 дан. издания, с. 74).

***Дополнения.* 29 марта –** *решение сценарного отдела киностудии «Союздетфильм»* **о киносценарии А.С. Макаренко под условным названием** *«Командировка»*:

...Сценарий представляет бесспорный интерес... и по своему высокому идейно-художественному качеству дает материал для создания полноценного фильма о советской молодежи сегодняшнего дня» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 438). Характерно, что в этом заключении главная идея фильма – единство молодежи со старшим поколением - оказалась незамеченной.

Конец марта: завершение работы А.С. Макаренко по *подготовке «Флагов на башнях» для отдельного издания*, **с редактором** *Ю.Б. Лукиным* **и его предисловием «От редактора». Включение в это произведение новой главы – «Не может быть!» (в начало второй части книги). Издана в Гослитиздате, М., 1939 г. (сдано в набор 11 апреля, подписано к печати 8 августа).**

«Не может быть!»

Колония им. Первого мая заканчивала седьмой год своего существования, но коллектив, собравшийся в ней, был гораздо старше. Его история началась довольно давно, на второй день после Октября, в другом месте, в совершенно ином антураже, среди полей и хуторов старой полтавской степи.[1] «Основателями» этого коллектива были люди ярких характеров и рискованной удачи. Они принесли с собой «с воли» много беспорядочной страсти и горячего фасона, все это было у них черномазое... собственно говоря, негодное к употреблению, ибо было испорчено орнаментами культуры, так сказать, капиталистической, с маленьким креном в уголовщину.

Небольшая группа педагогов, людей обыкновенных и добродушных, по случайной раскладке заняла этот скромный участок революционного фронта. Во главе группы был Захаров, человек тоже обыкновенный. Необыкновенным и ошеломляющим в этом зачине было одно: Октябрьская революция и новые горизонты мира. И поэтому Захарову и его друзьям задачи казалась ясной: воспитать нового человека! В первые же дни выяснилось, что дело это очень трудное и длинное. Тысячи дней и ночей – без передышки, без успокоения, без радости – пришлось пережить Захарову, но и после этого до нового человека оставалось еще очень далеко.

К счастью, Захаров обладал талантом, довольно распространенным на восточной равнине Европы,– талантом оптимизма, прекрасного порыва в будущее. В сущности, это даже и не талант. Это особое, чисто интеллектуальное богатство русского человека, человека со здоровой башкой и зорким глазом, умеющего различать ценности. До Октябрьской революции этим богатством души и веры спекулировали хозяева жизни, обращая веру в доверчивость, а оптимизм в беззаботность, расценивая эти качества как особые атрибуты замечательного «русского» прекраснодушия.

И народная вера и разум, в цену ценностей, в истину и правду, в общем были выведена за границы практической жизни, в область легенд, сказаний и анекдотов, приноровленных для развлечения. Оптимистической силе русского народа потом приделали тульской работы ярлычок и написали на нем с самоуничижительным

юмором: «Авось, небось и как-нибудь». И осталось для оптимизма прилично нищенское место, над которым можно было и посмеяться с европейским высокомерием, и поплакать с русской тоской.

В порядке не то высокомерия, не то тоски поставили на этом самом месте беломраморный дворянский памятник и написали на нем вдохновенные слова поэта:

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.[2]

Это и все, что осталось от великолепного русского оптимизма к началу двадцатого века: наивность и умиление. Ибо только безгранично наивный человек не мог понять, что светит в смиренной наготе. Люди более практические ухмылялись в бороды: русский человек ограблен был весьма успешно, а по оптимизму своему даже и не обижался.

И только в 1917 г. неожиданно обнаружилось, что народный оптимизм есть нечто гораздо более сильное и гораздо менее безобидное. Без всякого расчета на «авось» и «как-нибудь», чрезвычайно основательно, с настоящей деловитостью, русский народ выгнал старомодных эстетов «за Черное море», и очистилось место для новой эстетики и для нового оптимизма.

Вероятно, в Западной Европе и до сих пор еще не могут понять, откуда у нас взялись простота и уверенность действия? Советский человек показал себя не только в пафосе загоревшихся глаз, не только в усилии волевого взрыва, но и в терпеливых ежедневных напряжениях, в той черной, невидной работе, когда будущее начинает просвечивать в самых неуловимых и тонких явлениях, настолько нежных, что заметить их может только тот, кто стоит у их источника, кто не отходит от них ни помышлением, ни физически. После многих дней и ночей, после самых бедственных разочарований и срывов, отчаяния и слабости наступает праздник: видны уже не мелочи и детали, а целые постройки, пролеты великолепного здания, до сих пор жившие только в оптимистической мечте. На таком празднике самое радостное заключается в логическом торжестве: оказывается, что иначе и быть не могло, что все предвидения рассчитаны были точно, основаны на знании, на ощущении действительных ценностей. И был вовсе не оптимизм, а реалистическая уверенность, а оптимизмом она называлась из застенчивости.

И Захаров прошел такой тяжелый путь – путь оптимиста. Новое рождалось в густом экстракте старого: старых бедствий, голода, зависти, озлобления – толкотни и тесноты человеческой и еще более опасных вещей: старой воли, старых привычек и старых образцов счастья. Старого обнаружилось очень много, и оно не хотело умирать мирно, оно топорщилось, становилось на пути, наряжалось в новые одежды и новые слова, лезло под руки и под ноги, говорило речи и сочиняло законы воспитания.

Старое умело даже писать статьи, в которых становилось на защиту советской педагогики.

Было время, когда это старое в самых новых выражениях куражилось и издевалось над работой Захарова и тут же требовало от него чудес и подвижничества. Старое ставило перед ним сказочно глупые загадки, формулируя их в научно-нежных словах, а когда он совсем не по-сказочному изнемогал, старое показывало на него пальцами и кричало:

- Он потерпел неудачу!

Но пока происходили все эти недоразумения, протекали годы. Было уже много нового, над чем хорошо следовало задуматься. Со всех сторон, от всех событий в стране, от каждой печатной строки, от всего чудесного советского роста, от каждого живого советского человека приходили в колонию идеи, требования, нормы и измерители.

Да, все пришлось иначе назвать и определить, новой мерой измерить. Десятки и сотни мальчиков и девочек вовсе не были дикими зверенышами, не были они и биологическими индивидами. Захаров теперь знал их силы и поэтому мог без страха стоять перед ними с большим политическим требованием:

- Будьте настоящими людьми!

Они с молодым, благородным талантом принимали эти требования и хорошо знали, что в этом требовании больше уважения и доверия к ним, чем в любом «педагогическом подходе». Новая педагогика рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины. Эта педагогика рождалась на всей территории Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы собрать ее первые плоды.

Старое цепко держалось на земле, и Захаров то и дело сбрасывал с себя отжившие предрассудки. Только недавно он сам освободился от самого главного педагогического порока: убеждения, что дети есть только объект воспитания. Нет, дети – это живые жизни, и жизни прекрасные, и поэтому нужно относиться к ним как к товарищам и гражданам, нужно видеть и уважав их права и обязанности, право на радость и обязанность ответственности. И тогда Захаров предъявил к ним последнее требование: никаких срывов, ни одного дня разложения, ни одного момента растерянности! Они с улыбками встречали его строгий взгляд: в их расчеты тоже не входило разложение.

Наступили годы, когда Захарову уже не нужно было нервничать и с тревогой просыпаться по утрам. Коллектив жил напряженной трудовой жизнью, но в его жилах пульсировала новая, социалистическая кровь, имеющая способность убивать вредоносные бактерии старого в первые моменты их зарождения.

В колонии перестали бояться новеньких, и Захаров потушил в себе последние остатки уважения к эволюционной постепенности. Однажды летом он произвел опыт, в успехе которого не сомневался. В два дня он принял в колонию пятьдесят новых ребят. Собрали их прямо на вокзале, стащили с крыш вагонов, поймали между товарными составами. Сначала они протестовали и «выражались», но специально выделенный «штаб» из старых колонистов привел их в порядок и заставил спокойно ожидать событий. Это были классические фигуры в клифтах[3], все они казались брюнетами, и пахло от них всеми запахами «социальной запущенности». Ближайшее будущее представлялось им в тонах пессимистических, дело было летом, а летом они привыкли путешествовать – единственное качество, которое сближало их с английскими лордами. То, что произошло дальше, Захаров называл «методом взрыва», а колонисты определяли проще: «Пой с нами, крошка!»

Колония встретила новеньких на вокзальной площади, окруженная тысячами зрителей, встретила блестящим парадом, строгими линиями развернутого строя, шелестом знамен и громом салюта «новым товарищам». Польщенные и застенчивые, придерживая руками беспомощные полы клифтов, новенькие заняли назначенное для них место между третьим и четвертым взводами.

Колония прошла через город. На привычном фоне первомайцев новенькие и на себя и на других произвели сильное впечатление. На тротуарах роняли слезы женщины и корреспонденты газет.

Дома, после бани и стрижки, одетые в форменное платье, румяные, смущенные до глубин своей юной души и общим вниманием, и увлекательной придирчивостью дисциплины, новенькие подверглись еще одному взрыву. На асфальтовой пло-

щадке, среди цветников, были сложены в большой куче их «костюмы для путешествий». Политое из бутылки керосином, «барахло» это горело буйным, дымным костром, а потом пришел Миша Гонтарь с веником и ведром и начисто смел жирный мохнатый пепел, подмаргивая хитро ближайшему новенькому:

- Вся твоя автобиография сгорела!

Старые колонисты хохотали над Мишиным неповоротливым остроумием, а новенькие оглядывались виновато: было уже неловко.

После этой огневой церемонии начались будни, в которых было все что угодно, но почти не было пресловутой перековки: новенькие не затрудняли ни коллектив, ни Захарова.

Захаров понимал, что здоровая жизнь детского коллектива законно и необходимо вытекает из всей советской действительности. Но другим это не казалось таким же законным явлением. Захаров теперь мог утверждать, что воспитание нового человека – дело счастливое и посильное для педагогики. Кроме того, он утверждал, что «испорченный ребенок» – фетиш педагогов-неудачников. Вообще он теперь многое мог утверждать, и это больше всего раздражало любителей старого.

Старое – страшно живучая вещь. Старое пролезает во все щели нашей жизни и очень часто настолько осторожно, умненько выглядывает из этих щелей, что не всякий его заметит. Нет такого положения, к которому старое не сумело бы приспособиться. Казалось бы, что может быть священнее детской радости и детского роста? И все это утверждают, и все исповедуют, но...

Приезжает в колонию человек, ходит, смотрит, достает блокнот и еще не успел вопрос поставить, а глаза его уже увлажняются в предчувствии романтических переживаний.

- Ну... как?

- Что вам угодно?

- Как вы... вот... с ними... управляетесь?

- Ничего... управляемся.

- Э... э... расскажите какой-нибудь случай... такой, знаете, потруднее.

Захаров с тоской ищет портсигар:

- Да зачем вам?

- Очень важно, очень важно Мы понимаем... перековка... конечно, они теперь исправились, но... воображаю, как вам трудно!

- Перековка...

- Да, да! Пожалуйста, какой-нибудь яркий случай. И, если можно, снимок... Как жаль, что у вас нет... до перековки.

Захаров роется в памяти. Что-то такое очень давно, действительно, было... вроде перековки. Он смотрит на любопытного романтика и про себя соображает: как легче отделаться – доказывать ли посетителю, что никакой перековки не нужно, или просто соврать и рассказать какой-нибудь анекдот. Второе, собственно говоря, гораздо легче.

В подобных недоразумениях было для Захарова много трагического. А еще трагичнее вышло, когда приехали к нему приятели из Наркомпроса.

Они видели людей, машины, цветы, рассмотрели цифры и сводки. Вежливо щурились на предметы реальные и вежливо мычали над бумагой. Захаров видел по их лицам, что они просто ничему не поверили.

- Это беспризорные?

- Нет, это колонисты.

Володя Бегунок на диване неслышно хихикнул.

- А... вот этот мальчик! Был беспризорный?

Володя встал, бросил на Захарова секретный, дружеский взгляд:

- Я колонист четвертой бригады.

- Но... раньше, раньше ты был беспризорным?

Почему-то Володе стало неудержимо смешно, он быстро посмеялся в угол дивана. Отвечать все же нужно:

- Я... забыл.

- Как это забыл? Забыл, что ты был беспризорным?

- Угу...

- Не может быть!

- Честное слово!

Володя сказал это с искренней убедительностью, но им показалось, что мальчик над ними издевается, и это было вполне возможно, если принять во внимание, что здесь все в чем-то сговорились.

Приятели уехали расстроенные. Редко им приходилось встречать такой единодушный заговор. А разве в таком случае можно установить, где правда, а где очковтирательство. Во всяком случае, у Захарова чересчур уж благополучно.

- Не может быть!

- И если даже так, где же борьба? Где же самая педагогика? И где, наконец, беспризорные? Откуда он набрал этих детей?

У этих людей никогда не было оптимизма.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 6, с. 98 – 106. Написано при подготовке «Флагов на башнях» к отдельному изданию, видимо, в период с середины февраля до середины или конца марта 1939 г.

Критику журнального издания «Флагов на башнях» А.С. Макаренко счел столь показательной, что ее опровержению посвятил специальную работу и ввел ее в содержание произведения в виде дополнительной главы, в начало второй части повести. (В «Педагогической поэме» таким же образом использовались «теоретические главы», среди них главная – «На педагогических ухабах»).

Это дополнение похоже на исповедь, откровение А.С. Макаренко. Говорится о самом главном в его борьбе, жизни и творчестве, о новой концепции педагогики. «Кредо» А.С. Макаренко: он не «выдумывал» новую педагогику, она создается самой жизнью, он лишь собирал «первые плоды» этой педагогики, воплощал их в своей опытной практике и теории. Новая педагогика «рождалась на всей территории Союза», «в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины».

Этому противостояла педагогика «кабинетного ума», умозрительно-декларативная, она принципиально не хочет видеть новые, коллективистские общественно-педагогические явления. Индивидуалистическое старое «страшно живуче», т.к. обладает изощренной способностью приспосабливаться к новому, выдавать педагогические предрассудки за «новейшие достижения», производить подмену социально-нравственных и педагогических ценностей, понятий.

Уже в «Педагогической поэме» А.С. Макаренко заявил: свои педагогические идеалы и идеи он «логически и художественно выводил из всех событий и всей философии революции» (часть 4 дан. издания, с. 115). Он видел, как новые ценности рождаются, подтверждаются в конкретных явлениях, фактах и лицах.

«...Невзирая на «педагогические теории», делалось педагогическое дело... Силами самого воздуха нашего общества. Ибо

что такое педагогическая теория? Это формулировка стремлений, напряжений, принципов и взглядов, которые существуют в области требований к личности (проблемы морали, личности и коллектива, дисциплины и пр.).

Та теория, с которой я боролся и теперь борюсь, есть теория чуждого нам общества, а новой теории нет. Все же, несмотря на то, что ее нет, требования общества действуют и создают практику через голову теории» (1935 г., см. часть 4 дан. издания, с. 81). «Настоящая педагогика – это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества» (см. ранее в «О коммунистическом поведении и воспитании», в ответах на вопросы).

Это не «детская», «школьная» педагогика и не только «молодежная», педагогика молодого поколения. Существует ее основа – «педагогика общества». В совокупности это и есть социальная педагогика А.С. Макаренко. В новом обществе воспитание перестает быть уделом специалистов-профессионалов и «управленцев», к нему причастен каждый человек, в этом активно участвует молодежь, дети. Всесторонне и гармонически развиваются все члены общества, дети и взрослые вместе.

Это педагогика общественного и человеческого прогресса, оптимистическая. Ее антипод – педагогика пессимистическая, неверия в будущее, в человека, в социально-гуманитарное, культурное развитие. Она не может выйти за рамки сегодняшнего дня, выражая интересы реакционных и консервативных социальных слоев, боящихся потерять свои привилегии. Эта педагогика настолько боится воспитания (оно всегда устремлено в будущее), что всегда готова его «ликвидировать» и «закрыть» педагогику как науку.

Такова педолого-педагогическая концепция. Она вызвала в 1936 г. партийную критику по главной и простой причине: «педологи не хотят строить социализм»; они насаждают школы «второго сорта», где оказываются дети, наиболее нуждающиеся в полноценном образовании и воспитании. Но и далее, говорит А.С. Макаренко, в педагогике действует «педологический уклон» (стал основой нынешней «личностно-ориентированной» педагогики).

Оптимизм, вера в будущее и в завтрашний день, бодрое и радостное мироощущение, способность видеть в современной жизни и людях новое, лучшее – так А.С. Макаренко объяснил суть своей педагогики во «Флагах на башнях».

Нужно «в каждом человеке видеть личность», т.е. «проектировать» ее, относиться к молодому человеку так, как будто он уже обладает определенными качествами личности (даже при «риске ошибиться»), тогда они у него появятся, под влиянием созданных для этого жизненных обстоятельств и потребностей. И главное: «Каждый человек в чем-то обязательно одарен» (часть 5 дан. издания, с. 183).

Таким образом в творчестве А.С. Макаренко отразился «талант оптимизма», свойственный русскому человеку: «вера в разум, истину и правду». При советской власти это уже не просто вера, а «новый оптимизм», «реалистическая уверенность», воплощенная в «невиданной работе» созидания лучшего, счастливого мира.

«Не может быть!» - решительно заявляли критики «Флагов на башнях». Не только «не может быть» коммуны, описанной там (это «сказка», «мечта» автора), но и такого «не может быть вообще» (это «социальная утопия»).

Так А.С. Макаренко в своем «последнем слове» вскрыл, четко показал глубокий смысл критики, преследующий его творчество с 1926 – 1928 гг. Это было не только прямое влияние «старой воли, старых привычек и образцов счастья». Наиболее вредоносна «мимикрия»: старое «наряжалось в новые одежды и новые слова,... сочиняло законы воспитания,... вставало на защиту советской педагогики».

«У этих людей никогда не было оптимизма» **(ни своеобразного русского, ни нового советского) – так заканчивает А.С. Макаренко дополнительную главу «Флагов на башнях». Он уклонился от участия в подготовке нового учебника педагогики, убедившись, что пишется «педагогика сегодняшнего дня» (она быстро станет «педагогикой вчерашнего дня» - см. в части 7 дан. издания: О повести «Флаги на башнях», - а также п. 13 комментариев к этому).**

Родилась «педагогика завтрашнего дня». Она ориентируется на будущее общества и человека, органически сочетает служение актуальным задачам современности с перспективами социально-гуманитарного развития.

Это стало возможным в обществе, преодолевающем тотальную неопределенность отдаленного социального будущего. Преодолевается индивидуализм, основанный на господстве частной собственности и отчуждении человека от средств и результатов труда. Представительная демократия и верховенства «элиты» в социальном управлении сменяются непосредственным участием работников в управлении производством, общественным самоуправлением. Административно-правовое регулирование отмирает, заменяется силой общественного мнения, традиций, личных убеждений, нормами морали и нравственности.

Признание того, что существуют объективные закономерности социально-экономического развития, что эти закономерности могут быть познаны и уверенно использованы на благо человека, - позволяет строить жизнь сознательно и творчески, целеустремленно. В центр науки о воспитании ставиться проблема педагогической целесообразности, вопрос о конкретных задачах воспитания молодого поколения на определенном этапе исторического развития. Для каждого поколения эти задачи видоизменяются; соответственно должна изменяться социальная и организационно-методическая база воспитания.

Неизменным остается существо данной концепции педагогики, ее принципиальное обращение к категории времени в неразрывной связи настоящего, прошлого и будущего. Макаренковская система «перспективных линий» коллектива и личности строится на взаимосвязи перспектив ближней, средней и дальней. В аспекте категории пространства эта система тесно связывает перспективы личные, коллективные и общественные.

Полемически острая, глубоко прочувствованная новая глава «Флагов на башнях» объясняет методологию творчества А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора, творца педа-

гогики как науки о воспитании. Одновременно это объяснение методологии противостоящей ему концепции педагогики. Содержание этого противоборства – проблема, позволяющая выявлять закономерности развития педагогической науки и практики, осмысливать их современное состояние и задачи.

Наследие А.С. Макаренко – предвосхищение необходимого и неизбежного превращения воспитания в один из главных факторов прогресса общества и человека. Этот прорыв в педагогике он сделал, устранив укоренившееся жесткое разделение воспитания «в широком смысле» (как социального явления) и в «узком» (как социально ограниченной «педагогической деятельности»).

Это и преодоление вульгаризированной трактовки исторического материализма, когда признание первенства производственно-производительных сил в историческом развитии сводит на нет роль человеческого фактора, игнорируется самоценность развития общественных отношений и культуры.

[1] Художественно говорится о полтавском периоде макаренковского педагогического творчества, он начался после окончания Гражданской войны на Украине, осенью 1920 г.

[2] Приводятся строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селения...»

[3] Клифт – пиджак, превращающийся в лохмотья (жарг.).

Письмо в севастопольский Дом учителя, 31 марта, 1939 г.

Москва, 31-III-39 г.

Севастополь. Дом учителя.

Директору т. Дорофееву.

К сожалению, сейчас не могу обещать Вам приехать в Севастополь в апреле, так как очень занят. В Крыму буду не раньше осени – в сентябре или в октябре[1]. Если к тому времени у Вас еще не остынет охота встретиться со мной и поговорить, прошу сообщить – желательно через массовый сектор Клуба писателей в Москве (Воровского, 56).

Привет.

А. Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 116.

[1] Видимо, у А.С. Макаренко период до осени 1939 г. в рабочем плане был уже более или менее четко расписан, спланирован.

***Дополнения.* Конец марта 1939 г.:**

Выход первой части *«Педагогической поэмы»* **на французском языке. – Париж, 1939 г.**

Приглашение А.С. Макаренко:

Союз советских писателей СССР

Клуб писателей. Сектор пропаганды художественной литературы

Путевка

Выдана товарищу А. Макаренко для выступления на *вечере, посвященном коммунистическому воспитанию.* **Число – 5, месяц – апрель, год – 1939.**

Время выступления – 6 ч. веч.

Название и точный адрес учреждения: Тверской бульвар, 18. *Юридический ин-тут Прокуратуры СССР.*

Подпись лица, ответственного за проведение вечера.

Количество присутствующих.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 50, л. 9. Машинописный бланк, заполненный от руки.

Статья Н. Четуновой: *«А.С. Макаренко» - в ж. «Красная новь», 1939, № 4* **– анализ идей о воспитании в «Педагогической поэме», «Книге для родителей» и «Флагах на башнях».**

Публикация «Педагогической поэмы» в зарубежных странах в 1936 – 1941 гг.:

1936, 1938 – на англ. яз.; 1938 – голланд.; 1939 – франц.; 1940 – болгар.; 1941 - иврит (на терр. Палестины, гос-во Израиль с 1948 г.).

* * *

Кончина А.С. Макаренко, прощание с ним. События 1 – 30 апреля 1939 г.

1 апреля 1939 г. утром А.С. Макаренко скоропостижно скончался от сердечного приступа на железнодорожной станции Голицыно Белорусско-Балтийской железной дороги, при посадке в вагон пригородного поезда, идущего в Москву.

Из Акта, составленного 1 апреля «линейным уполномоченным железнодорожной милиции ст. Голицыно Выдриным в присутствии Чибизова Г.Т. и Кондратьева Н. Н.»: «…Сего числа в 10 часов 30 минут на ст. Голицыно зашел гражданин Макаренко Антон Семенович, который почувствовал себя плохо и прилег на лавочку. Тут же к пассажиру Макаренко А.С. был вызван врач поселка Голицыно, но спустя пять минут гражданин Макаренко, до прихода врача умер. В 10 ч. 43 мин. прибыл ***врач Столярова,*** которая констатировала смерть…»

Далее дан перечень находящихся при умершем вещей, предметов и документов из 50 пунктов, В конце акта говорится: «Труп Макаренко направлен п. № 134 в Москву» (в этом же вагоне, освобожденном от пассажиров, затем доставлен в морг - А. Ф.).

Протокол подписали упомянутые выше лица, а также вызванная по телефону к месту происшествия ***С.И. Фонская***, директор дома отдыха «Писатель».

О кончине А.С. Макаренко она сообщила по телефону в Москву, сообщение приняла «секретарь Блинникова». Вскоре С.И. Фонская, ***Г.С. Макаренко*** и «еще два человека» на автомашине Литфонда выехали в Москву.

Смерть последовала от внезапной остановки сердца, разрыва сердечной мышцы. Болезнь была, вероятно, наследственной, по линии матери. В молодости с А.С. Макаренко были случаи «беспричинной» потери сознания, от «порока сердца» (свидетельство брата, Виталия Семеновича Макаренко, рожд. 1895 г. – А.Ф.). Сказалось и усилившееся курение. «Мне не хватает четырех пачек (в день - А. Ф.), иногда бывают дни, когда я выкуриваю 120 папирос» (слова А.С. Макаренко, в записи Н.В. Назаренко).

В перечне предметов и документов обозначены: портфель, бумажник, паспорт, членский билет Союза писателей, орденская книжка, паспорт Г.С. Макаренко, две сберкнижки на его имя (с остатком 12 руб. 93 коп. и 12 руб. 98 коп.), наличные деньги (133 руб.), медицинский бюллетень, машинописный текст (10 листов), рекомендация в партию от 11 марта 1939 г. (И.П. Сопина), подготовленные к отправке два письма, четыре «отношения» (деловые бумаги, датированные 26 февраля и 10, 14 и 15 марта 1939 г.), две пачки папирос (обе открытые, не полные), три коробка спичек, семь носовых платков, железнодорожный билет и др.

Среди деловых бумаг был, вероятно, и «вызов в Союз писателей» (свидетельство С.И. Фонской; она также утверждает, что А.С. Макаренко в тот день гово-

рил ей за завтраком: «Еду в Москву, в Союз. «Флаги на башнях» должны, что ли, разбирать. А мне еще домой нужно заехать»). Возможно также, он собирался быть в «Детфильме», чтобы обсудить замечания рецензентов о киносценарии «Командировка».

1 апреля - публикация газ. ***«Вечерняя Москва»*** о внезапной смерти А.С. Макаренко. Сообщение по радио.

2 апреля - газеты ***«Правда», «Известия», «Комсомольская правда»*** печатают некролог ***«Памяти А. С. Макаренко»***, данный от имени Президиума Союза советских писателей:

«Умер Антон Семенович Макаренко.

Он был автором одного из наиболее замечательных вдохновенных литературных памятников нашего времени. Его «Педагогическая поэма» переведена на все главные языки мира и принадлежит к числу любимых книг всего передового человечества. Эпоха социализма, величественная сталинская эпоха, во весь свой голос говорит в этой мудрой и страстной книге о любви к человеку, о мужестве, о силе социалистического гуманизма, воспитывающей и переделывающей людей. Великий Горький считал «Педагогическую поэму» одним из самых значительных произведений в литературе.

А.С. Макаренко являлся лучшим представителем нового типа писателя - писателя социалистической эпохи. В «Педагогической поэме» он рассказывал о деле своей жизни, которая вся без остатка отдана была народу, делу коммунистического воспитания молодежи[1]. Каждая строчка его произведения была им завоевана, за каждым словом стояла вся его жизнь, вся его героическая работа. Он поистине писал кровью своего сердца, прекрасного сердца патриота, борца, педагога-художника. До конца своих дней он соединял художественную работу с педагогической, он был передовиком, новатором, подлинным революционером и в той и в другой области.

Его произведения и его педагогическая система проникнуты мыслью о том, что вся наша действительность, вся жизнь страны победившего социализма наполнена факторами громадной воспитательной силы и что советская педагогика должна быть основана на принципах коммунистической морали. Как истинный новатор, А.С. Макаренко дрался за свои идеи с рутинерами. Уже самое имя его было ненавистно бюрократам от педагогики, за спиной которых нередко скрывались вредители. Но рутинеры не могли снизить громадное значение страстных произведений А.С Макаренко.

Незадолго до смерти он подал заявление о вступлении в партию. Прием Антона Семеновича в число кандидатов в члены ВКП (б) стоял на повестке партийного собрания 4 апреля, с.г.

Жизнь свою Антон Семенович прожил как беспартийный большевик. Для него литература была практической работой по формированию новой личности. Быть может, именно поэтому А.С. был связан с читательской массой больше, чем какой бы то ни было другой писатель. Со всех концов Союза к нему писали и лично приезжали люди, которым нужен был совет большого и чуткого человека.

Последнее время писатель работал ежедневно чуть ли не круглые сутки, стремясь скорее рассказать читателю все то, что казалось ему нужным, полезным для дела коммунистического воспитания. Он работал над второй частью своей «Книги для родителей» - произведения, ставшего настольной книгой матерей, отцов, воспитателей в нашей стране...

Недавно он пережил радость: правительство наградило его орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в области литературы. Наш народ умеет ценить людей, до конца преданных ему. А.С Макаренко принадлежал к типу общественных деятелей Сталинской эпохи - он был ясным и определенным во всей своей жизни и работе, он страстно любил народ и страстно ненавидел врагов народа.

Память об Антоне Семеновиче - это светлая память об одном из наиболее достойных представителей советской социалистической литературы.

Президиум Союза советских писателей».

[1] *А.С. Макаренко не только при его кончине, но и много десятилетий спустя характеризовался как «воспитатель молодежи». Примерно лишь с начала 2000-х годов он стал именоваться: «социальный педагог-реформатор», положивший в основу педагогики идею единства старшего и молодого поколений, концепцию «педагогики общества». В этом плане в некрологе ниже отмечается: педагогика А.С. Макаренко «проникнута мыслью о том, что вся наша действительность, вся жизнь страны социализма наполнена факторами громадной воспитательной силы».*

Утром 2 апреля - прибытие первых бывших ***воспитанников А.С. Макаренко: В.И. Клюшник*** (Академия бронетанковых войск), ***И.В. Назаренко, Богатов, Романов, Горогуля*** (курсанты подмосковного военно-технического училища) и др. Они помогают в организации похорон, дежурят у постели ***Г.С. Макаренко*** (врач запретил ей вставать; ***Л.М. Салько*** был в это время на Кавказе).

В 16 час. 30 мин. Открывается доступ к гробу с телом А. С. Макаренко ***в зале заседаний Союза советских писателей.*** Первыми в почетный караул становятся его колонисты и коммунары. Они дежурят здесь днем и ночью.

3 апреля - перепечатка некролога Союза советских писателей ***«Учительской газетой».***

Прощание с А.С. Макаренко, у его гроба проходят писатели, школьники, студенты Литературного института, рабочие московских заводов. Много цветов, венки: «Товарищу, другу, неуклонному и неустанному воспитателю молодой советской интеллигенции, талантливому писателю от Президиума Союза советских писателей», «Мужу, отцу, другу - жена и сын», «Любимому учителю - от воспитанников».

В почетном карауле ***А. Фадеев, А. Твардовский, Ф. Гладков, Н. Вирта, Н. Погодин, Ю. Крымов*** и другие писатели, депутаты Верховных Советов, работники культуры.

Изготовлена посмертная маска А.С. Макаренко (хранится в Музее А.С. Макаренко при Харьковской колонии для несовершеннолетних правонарушителей в Куряже, под Харьковом. – А.Ф.).

4 апреля - прощание: говорит ***В. Финк***, бывшие воспитанники ***А. Тубин*** (инженер, Авиационный институт) и ***Е. Ройтенберг*** (студент Коммунистического политпросветинститута; ***А. Волнин, Н. Шишкин*** (отдел трудовых колоний НКВД), ***Л. Соболев*** (от Союза писателей). Они и ***А. Фадеев, В. Вишневский*** выносят гроб с телом А. С. Макаренко.

Похороны на Новодевичьем кладбище Траурный митинг, говорят ***В. Финк, Ржанов*** (от Гослитиздата), ***Карпыч*** (от московских педагогов), бывший колонист-горьковец ***С. Калабалин*** («... Слишком тяжело говорить. Мы ответим делом... Прощай, отец»), ***А. Караваева*** (от Союза писателей).

На прощании с А.С. Макаренко, на похоронах не было педагогов-ученых и деятелей Наркомпроса РСФСР.

Прощание. Из воспоминаний ***Ю. Лукина:***

«Во время гражданской панихиды зал Союза советских писателей был полон. Было очень много цветов и венков. Стоял большой портрет, один из хороших его портретов, где удалось схватить особенное, макаренковское, немного грустное и такое ласковое и в то же время строгое выражение его умных глаз. Был почетный караул его коммунаров, его воспитанников, съехавшихся со всех концов Союза и ревниво оттеснивших всех окружающих от несения последних обязанностей по отношению к нему. Инженеры, журналисты, аспиранты научных институтов, командиры Советской Армии, курсанты военных училищ – они стояли подобранные, не позволяющие горю нарушить торжественность последнего прощания с тем, кто был для них идеалом человека.

И вы не различали в них в этот момент военных или штатских, курсантов военной школы или литераторов,– стояли макаренковские колонисты, особая, прекрасная порода людей, воспитанная талантливейшим педагогом-большевиком, сумевшим ввести в самую плоть их и кровь высокие принципы коммунистической этики и морали. Они были прекрасны. То душевное благородство, которое он в них воспитал, та особая подтянутость, которой они выделялись в массе окружающих людей, не давали вам возможности останавливать свое внимание на неправильностях лица или фигуры; вас поражало то, что они все красивы. Он был бесконечно прав, утверждая это и описывая их такими.

Очень мягко, вежливо, но более чем решительно они сумели поставить дело так, что по любым вопросам, касающимся распорядка, все обращались к ним. Они не встречались друг с другом по многу лет, но, съехавшись сюда, они первым делом собрали свой совет командиров и вновь жили дисциплиной дзержинцев, славными традициями, сплотившими их в одну огромную дружную семью.

Было видно, как ценили они то, что Макаренко сумел создать своим коммунарам такую юность, которой могли бы позавидовать многие дети, воспитывающиеся в семье, и которая решительным образом определила всю их дальнейшую жизнь.

На похоронах произносились самые разные речи. И после всех этих речей оставалось, как часто бывает в подобных случаях, то тяжелое чувство, которое возникает от трагического несоответствия между тем, что совершилось, и тем, что говорится по этому поводу.

Потом объявили, что слово предоставляется воспитаннику Макаренко. Вышел человек в военной форме, с военной выправкой, но смятый страданием, о котором он сдержанно и честно говорил. Он начал так: совет командиров бывших воспитанников Антона Семеновича поручил ему – как старшему из собравшихся – сказать от их имени то, что они хотели бы сказать все. Привожу содержание его речи по памяти.

- Я потерял сегодня отца. Вы поймете, почему мне так трудно говорить, если представите, как трудно терять отца еще таким молодым. Ему был всего пятьдесят один год. Мой отец по крови бросил мою мать, когда мне было четыре года. Я его не помню, и я привык его ненавидеть. Моим настоящим отцом был Антон Семенович. Антон Семенович ни разу в жизни не похвалил меня, он всегда меня ругал, даже в своей книге – «Педагогической поэме» – он меня только ругает. Вы понимаете, как мне горько об этом говорить. Но именно потому, что он всегда меня ругал, я стал теперь инженером.

Уже после выхода из коммуны, когда я перечитывал страницы «Педагогической поэмы», его слова продолжали корректировать мои поступки, мою жизнь. Вы же представляете себе, кем бы я был, если бы он меня не ругал. И он вообще никогда нас, коммунаров, не хвалил. Он требовал неукоснительного выполнения распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел найти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он был великий гуманист. Он отстаивал свои идеи, не отступая ни на шаг, когда считал себя правым.

К нам в колонию не один раз приезжали соцвосовские «работники», всячески пытались восстановить нас против него, расколоть наш коллектив, его травили, нашего Антона травили!

Макаренко воспитал тысячи граждан Советского Союза; его воспитанники работают на советских стройках, в научных институтах, дрались на Хасане с японскими самураями; среди них есть орденоносцы, лучшие люди нашей страны.

Он говорил, стыдясь несдержанных выражений, пафоса и мужественно, не стыдясь слез, которые лились как- то сами собой, не меняя напряженного выражения его лица, не мешая ему говорить. Только сильно покрасневшие руки и их беспомощные, детские движения выдавали его состояние. Он говорил с предельной честностью, ни одно слово в его речи не прозвучало сколько-нибудь фальшиво или натяну-

то. В зале не было ни одного человека, который не плакал бы во время его речи. Люди видели настоящее горе и в эти минуты до конца поняли, какой человек был Макаренко.

Впоследствии колонист, о котором идет здесь речь, отдал свою жизнь за Родину во время Великой Отечественной войны. Значение этого факта и сила сказанного им в момент последнего прощания со своим учителем станут еще разительнее, если добавить, что в «Педагогической поэме» он описан под фамилией Ужикова...

(Говорил А. Тубин, один из прототипов А. Ужикова. Его большой очерк «Антон», с описанием его действий и переживаний в связи с конфликтом, изображенным в «Педагогической поэме», в главе «Помогите мальчику», - см.: «Год XXII, Альманах 16, - М., 1939, с. 445 – 492. – А.Ф.).

У гроба Макаренко можно было видеть воочию материальное выражение бессмертия. Человек умер, но в собравшихся у его гроба юношах – во всех есть какая-то неуловимая черта, которая делает их больше чем членами одной семьи. Выражение ли лица, макаренковский ли мягкий юмор, особая ли макаренковская душевная чистота,– но вы узнаете его черты, его внутренний облик. Он, Макаренко, часть его существа безусловно осталась жить в этих людях.

Нельзя было не обратить внимания на их поражающую чуткость, заботливость в отношении друг к другу. Нет более суровых и беспощадных критиков, чем они, когда они обсуждают проступок своего товарища, и в редкой семье братья так внимательны друг к другу, как они. Приемный сын Антона Семеновича во все время похорон ни одной минуты не был один. Постоянно около него, как будто случайно, оказывался кто-нибудь из коммунаров. Подойдут, тронут за плечо, что-нибудь спросят, просто стоят рядом...

Трогательно относились бывшие коммунары и колонисты к Галине Стахиевне Макаренко, вдове Антона Семеновича. Первые недели она ни часу не оставалась одна. Они даже распределили свои отпуска таким образом, чтобы кто-нибудь всегда находился около нее. Причем делалось это настолько просто, без какого бы то ни было подчеркивания – наоборот, всячески затушевывалось значение каждого жеста, каждого вовремя сказанного слова…

Один момент нельзя забыть. В карауле произошло какое-то движение. С подмостков спустился бывший коммунар, подошел к приемному сыну Антона Семеновича, стоявшему в карауле, шепнул ему что-то на ухо и стал на его место, а тот быстро пошел к трибуне. И в эту минуту, раздвинув ряды столпившихся на подмостках людей, появился невысокий, не успевший побриться с дороги человек. Оглушившее его горе, почти фанатическая страсть переживания, скульптурная красота его лица, сжигающее его чувство – сразу заставили всех обернуться к нему, как бы прожектором выхватили его из толпы. Он шатнулся и слегка оперся на стоявших рядом, когда увидел гроб.

И, видя это лицо, я понял всю силу таланта Макаренко как художника. Я не сомневался, что это Семен Карабанов, герой «Педагогической поэмы». Так описать человека, чтобы вы, увидев его впервые, узнали его сразу, не колеблясь, может только большой мастер. Рядом я в ту же минуту услышал: «Это, наверно, Карабанов...» Мне потом довелось познакомиться с этим жарким, как его назвал в своей книге Макаренко, Семеном и еще глубже оценить тонкий, обаятельный талант художника, ярко сказавшийся в книгах Макаренко.

Дух коммунарских традиций, впечатляющая их сила проявились еще в одном значительном эпизоде. Уже на кладбище, по окончании последних речей, когда прозвучало судорожное: «Прощай, отец!.. - Карабанова, наступила минута, когда надо было, как того требовали правила, снять орден Трудового Красного Знамени, которым награжден был писатель. Коммунары стояли вокруг, момент мог быть страшно тяжелым – последнее прикосновение к телу, к одежде, отвинчивание орде-

на,– и вдруг коммунар, говоривший от имени совета командиров в Союзе писателей, негромко скомандовал:

- Коммунары, смирно! Под знамя коммуны и ордена Советского Союза!

Коммунары машинально вытянулись. И очень трудно передать словами то чувство, которое охватило всех стоявших рядом. Никакого знамени коммуны здесь не было, знамя ордена Советского Союза присутствовало лишь в его изображении на ордене. Самой коммуны давно уже не существовало. Люди, собравшиеся здесь, разошлись из нее по самым разным дорогам. Но они стояли сейчас, вытянувшись, под одним знаменем, под красным знаменем коммуны; напряжение было таким, что казалось, будто едва не слышался шелест этого знамени.

Тут было все – и макаренковский культ Красного Знамени, и сознание того, что эти люди, воспитанные Макаренко, отдают всю свою жизнь служению этому знамени, знамени коммунизма. И это придало очищающую торжественность акту снятия ордена с одежды человека, перед которым преклонялись.

Писатель Всеволод Вишневский, принимавший орден от Карабанова, видимо, чутьем художника ощутил всю глубину происходящего и, бледный, так же негромко, чтобы не нарушить этого, по-военному сжато и так по-человечески просто, как над телом павшего в бою, ответил:

- По поручению Союза советских писателей принимаю орден Макаренко. Мы возбудим ходатайство, чтобы орден навсегда остался в Союзе советских писателей.

Последовала команда «вольно».

Я почувствовал себя так, будто на какую-то минуту перенесся в будущее, увидел те совершенные человеческие отношения, которые даст оно».

Дан текст: Лукин Ю. Два портрета. А.С. Макаренко и М.А. Шолохов. Критико-биографические очерки. – М., Изд-во «Московский рабочий», 1975, с. 117 – 121).

См. также: Хиллиг Г. Семь смертей А.С. Макаренко. Легенды и факты о событиях 1 апреля 1939 г. // Опускула макаренкиана, №9. – Марбург, Германия, с. 62 – 86. Рубрики: Источники, Оценка источников, Причина смерти, Причины поездки, Результаты исследования, Дополнительное замечание.

5 апреля - две траурных страницы в «Литературной газете», посвященные А. С. Макаренко, с его портретом (фото последних месяцев жизни). ***Редакционная статья «Кровное дело интеллигенций»:*** о главном в народной, социалистической интеллигенции - служении обществу, новаторстве, ответственности. Об А. С. Макаренко: «Его прекрасное знание жизни обогатило советскую литературу новыми темами, новыми нравственными идеалами. Он ненавидел рутину, …революционизировал педагогику».

Соболезнования через газету выразили: ***Союз писателей Украины*** (А. Корнейчук, М. Бажан, А. Малышко, Н. Рыбак, М. Рыльский, П. Тычина и др.), ***Союз писателей Белорусской ССР*** (от имени его Правления), ***группа писателей*** (А. Дермин, К. Паустовский, С. Гехт, А. Роскин, Вас. Гроссман, Б. Лавренев, Ген. Фиш, С. Кирсанов, Б. Брайнина и др.), ***Союз писателей Азербайджана*** (отв. секр. Джафаров), ***Президиум Ленинградского союза писателей; писатели г. Харькова*** (Янковский, Смолич, Донченко, Рыбак и др.), ***редакция альманаха «Год XXII», работники «Литературной газеты».***

Статья ***А. Авдеенко «Красивый человек».*** «Он создавал коммунизм - в своем собственном доме, и в тысячах чужих... Не рассказано и десятой доли того, что он собирался рассказать. ***«Ю. Лукин*** (редактор Гослитиздата) – ***«Вдохновенный художник».*** «Вот он стоит в тысячной толпе восторженных своих читателей - на их слете в Московском парке культуры и отдыха - и, смущенно поправляя узкий кавказский ремешок и обдергивая нескладную ярко-синюю рубашку, с колонистской подтянутостью выслушивает слова уважения и благодарности... Годы мужества... сделали та-

ким горьким его рот и такими ласковыми и чистыми его глаза... Он оставил драгоценный портрет изумительного человеческого коллектива».

В Колбановский – «Мастер коммунистического воспитания»: «Крупный художник всегда является учителем». Его воспитанники – «живое воплощение той правды, которой он посвятил свою жизнь... Не закончил роман «Человек».

Л. Лавриненко, бывший коммунар-дзержинец (военнослужащий, Дальний Восток) - о судьбах воспитанников коммуны. ***П. Таликов*** - инженер, ***А. Сыромятникова и Д. Терентюк*** - артисты, Д. Анисимов - летчик.

«Учитель и друг» - заметка, подписанная 21 воспитанником А.С. Макаренко: И. Панов (пом. нач. цеха в Комсомольске-на Амуре), ***Куксов*** (курсант Московского военного училища), ***Буряк*** (выпускник Московского института истории, философии и литературы), ***В. Камардинов*** (выпускник этого же института), ***Беленкова*** (аспирант института иностранных языков), ***Файнергольц*** (студент Московского областного пединститута), ***Рейнгольд*** (красноармеец), ***Черный*** (мл. лейтенант Военно-Воздушного Флота), ***Пихур*** (красноармеец войск НКВД), ***Бройтман*** (студентка Московского пединститута), ***Черняк*** (студентка того же института), ***Брацыхин*** (студент Харьковского института физкультуры), ***Никитин*** (слушатель Военно-инженерной академии), ***Л. Салько*** (инженер ЦАГИ). (Опущены ранее названные фамилии - А. Ф.). «Антон Семенович любил своих воспитанников любовью отца».

А. Тубин – «Отцу», О «Педагогической поэме»: «Немало горьких страниц этой книги посвящено мне. Уже после того, как я был выпущен в жизнь, эти страницы не раз корректировали мои поступки».

Некролог ж. «Красная новь»: «Инженер человеческих душ». Он «был первым, кто начал обобщать воспитательный опыт нашей страны и приложил его к педагогике».

5 апреля организационная комиссия ССП под председательством А. Фадеева приняла решение о создании ***Комиссии по увековечению памяти А.С. Макаренко: В. Финк*** (предс.), ***В. Ермилов, В. Вишневский, Ю. Лукин,*** воспитанники А.С. Макаренко ***А. Тубин и В. Камардинов,*** (секретарь - ***Г.С. Макаренко***. (Позднее в ее состав введены ***С. Калабалин, В. Колбановский, А. Бобунов,*** лит. критик ***Н. Четунова).***

Некрологи и статьи об А.С. Макаренко опубликовали: Красная новь, №4, авт***. Н. Четунова***); Октябрь, № 4; Литературный критик, № 4; Литературное обозрение, № 8; Детская литература, № 4; Молодая гвардия, № 4 (воспоминания ***П. Архангельского, А. Тубина, С. Калабалина).***

В педагогической печати: только статья С. П. Дзюбинского «Антон Семенович Макаренко писатель-педагог»; в ж. «Начальная школа», № 6 ***Н. Степанов*** в ст. «К вопросу о взысканиях в школе» (Советская педагогика № 9) констатировал, что А. С. Макаренко, опубликовавший в «Правде» свои представления о дисциплине, «остался в меньшинстве».

По факту внезапной смерти А.С. Макаренко начато ***расследование***, но вскоре прекращено.

16 апреля. газ. «Правда» в корреспонденции А. Фадеева сообщила ***о заявках*** на книги советских писателей. ***На «Педагогическую поэму» - более 400 000 экз.***

Из письма С.Г. Скитальца Г.С. Макаренко:

«…Его уход из нашей жизни и любимой им литературы – горькая утрата не только для Вас, но и для всех нас, кто знал и любил его как прекрасного человека и выдающегося писателя. Яркая звезда его так ненадолго вспыхнула, а многозвучная поэма души его оборвалась так рано.

«Русский гений венчает тех, кто мало живет!» Пусть же для Вас и для миллионов людей…останется утешение, что имя его не умрет, а свет, оставленный его горящим сердцем, - никогда не померкнет».

(Дано по кн.: Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. – Ленинград, 1961, с. 123).

Скиталец С.Г. – писатель, последователь А.М. Горького, в 1922 – 1934 гг. за границей, автор автобиографической трилогии о путях в русскую революцию человека из народа.

20 – 25 апреля: заседание президиума Союза советских писателей с участием актива «Литературной газеты». Один из вопросов: почему эта газета не опубликовала макаренковское «Открытое письмо товарищу Ф. Левину».

А. Караваева, В. Герасимова и К. Федин высказали претензии к редакции «Литературной газеты». А. Караваева зачитала текст «Открытого письма» (полученный, может быть, от Г.С. Макаренко, при знакомстве с оставшимися макаренковскими материалами). На это редактор газеты *О. Войтинская* ответила: данный текст «резко расходится» с вариантом, присланным ей А.С. Макаренко. «По существу это другая статья».

Она сказала: «Непонятно, зачем понадобилось т. Караваевой упрекать «Литературную газету» за непечатание статьи А. Макаренко, которая ей не поступала… В редакции было другое его письмо (другой текст «Открытого письма» - А.Ф.), которое находится сейчас передо мной. Именно это письмо было А. Макаренко предоставлено для напечатания редакции «Литературной газеты».

У меня были разногласия с т. Макаренко по одному пункту письма, содержащему по существу политическое обвинение против т. Левина. Я просила т. Макаренко это место вычеркнуть… Тов. Макаренко после наших разговоров по этому поводу это место выкинул, и мы направили статью в набор.

В это время появился обзор ***Л. Левина*** в журнале «Октябрь», где писалось о стилистических недостатках «Чести». Макаренко позвонил мне и сказал, что он это письмо снимает».

Выступление ***Ф. Левина:*** «Что касается тов. Макаренко, то я не могу много сказать не потому, что мне нечего сказать, а потому что над гробовой урной я не могу отвечать на его статью. Я могу только выразить глубокую скорбь по поводу того, что ответная статья тов. Макаренко не была своевременно опубликована. Тогда я мог бы ответить, и все это приняло бы несколько иной характер.

Сейчас я могу только сказать, что написал статью, в которой выразил свои взгляды на произведения Макаренко, и не вижу, от чего мне нужно отказываться».

(Цит. по отчету об этом заседании президиума ССП, опубликованному в «Литературной газете», № 23, 1939 г. Другой текст макаренковского «Открытого письма товарищу Ф. Левину», предшествующий и последующий напечатанному в этой газете 26 апреля, неизвестен исследователям).

Письмо группы колонистов-горьковцев и коммунаров-дзержинцев, редактору «Литературной газеты» О. Войтинской и критику Ф. Левину».

Наш долг – долг коммунаров, наследников светлого имени Антона Семеновича Макаренко, долг советских граждан, большевиков партийных и непартийных – вернуть истине свое место. Мы требуем, чтобы гражданин Ф. Левин публично отказался от напечатанной им статьи в «Литературном критике».

На совещании критиков, посвященном разбору этого дела, Ф. Левин заявил, что его никто не может принудить «расшаркиваться перед урной А. С. Макаренко». Циничность и бестактность этой фразы не требуют комментариев. Мы можем уверить нашу общественность, что приложим все старания, чтобы оградить дорогую нам могилу А. С. Макаренко от людей, подобных Ф. Левину, ибо так может сказать человек, для которого нет ничего святого. Неужели этот «критик» не способен понять, что такими словами он оскорбил наши горячие сыновние чувства к Антону Семеновичу. Какая может быть речь о «чуткости критика» Ф. Левина, если он не обладает чуткостью в самом примитивном значении этого слова!

Но не об этом мы будем говорить дальше. Мы требуем четкой большевистской принципиальности в решении этого спора между ушедшим от нас физически, но живым в своем творчестве, в воспитанных им людях Антоном Семеновичем Мака-

ренко и «живым» критиком Ф. Левиным, который находится по ту сторону нашей жизни, потому что он не любит ее и не способен понять творческих возможностей советских людей.

В чем вся соль возникшего вопроса?

Ф. Левин поместил в журнале «Литературный критик» № 12 статью под названием «Четвертая повесть А. С. Макаренко». В этой статье он обвиняет писателя А. Макаренко в том, что тот искажает действительность, пишет «сусальную сказку о том, чего не могло быть, нет и не будет».

Не будем пока касаться критики литературных качеств романа «Флаги на башнях», которую Ф. Левин пытается подменить обыгрыванием таких словечек, как «сахарин», «патока», «классная дама», «священный восторг» и т. д., – пусть это пока остается на его совести, но советуем помнить, что в нашей стране торжествует правда и Вам не очернить имен лучших сынов нашего отечества.

В чем квинтэссенция Вашей статьи? В том, что «добрый дяденька Макаренко» пишет, дескать, «неправдоподобную сказку, идиллию», которая никогда не осуществится и которую осуществить невозможно.

А мы утверждаем, что это клевета не только на А. С. Макаренко, но и на советскую жизнь.

Мы во всеуслышание заявляем, что жизнь, описанная в книге А. С. Макаренко «Флаги на башнях», существовала, что действительно была в Харькове коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, названная в романе «Колония Первого мая», и что мы ее воспитанники. Там действительно был дворец, там была жизнь коллектива, стоящая неизмеримо выше простого общежития неорганизованных ребят. В романе «Флаги на башнях» показан коллектив, выросший на основе шестнадцатилетнего педагогического опыта А. С. Макаренко, коллектив, впитавший все прекрасное, что дала колония им. Горького. Об этом Вы можете узнать, открыв «Педагогическую поэму»!...

Вы не верите в могущество нашего воспитания. Вы не любите советского человека и сами пишете об этом в следующих словах:

«Повесть сентиментальна и паточна, и если бы не вор и враг Рыжиков, то перед нами был бы сущий рай с архангелами, только без крылышек. Присматриваясь ближе, видишь, что герои повести в сущности даже не беспризорники и правонарушители, в них никогда не было каких-либо уродств или вывихов, подлежащих исправлению».

Интересно, что Вы понимаете под словом «беспризорник»? Этакий Джек-Потрошитель, преисполненный всяческих пороков, «уродств» и «вывихов», вызывающий у вас барскую брезгливость и нездоровый интерес, которые Вы даже не трудитесь скрывать в приведенной выше цитате.

При таком отношении к детям Вам не понять А. С. Макаренко, подлинного гуманиста, созидателя и страстного певца советского коллектива «могущества непревзойденного», как он писал. Для Макаренко беспризорный – это, прежде всего советский ребенок или подросток, именно советский, временно попавший в тяжелое положение. Но эти мальчики и девочки до несчастья, вытолкнувшего их из семьи, учились в советской школе, многие окончили семь классов, они хорошо сознают и понимают свое тяжелое положение, всегда ищут из него выход. И мы имеем право сказать Вам от имени всех этих попавших временно в беду детей, что они верят в советскую жизнь и людей и любят их так, как Вы, критик Ф. Левин, не умеете любить, ибо Ваша ирония о рае с архангелами без крылышек, когда описана правда нашей жизни, выдает Вас с головою! Вам подавай «уродство» и «вывихи» – вот что мило Вашему критиканствующему духу…

Дальше можно выдвинуть такой довод: то, что законно для коммунистического общества, может быть, еще неприемлемо пока в наших условиях. Опровергнуть и это очень просто: коллектив коммуны им. Ф. Э. Дзержинского дал стране сотни полноценных граждан нашей прекрасной Родины, работающих буквально во всех

отраслях народного хозяйства страны. Берем первых, которые вспоминаются: П. Працан – студент Коммунистического политпросветительного института им. Н. К. Крупской; А. Локтюхов, Г. Герцкович – курсанты Военно-морского училища имени Дзержинского; Черный – летчик ВВС РККА: С. Никитин – инженер завода; Таликов – инженер-электрик; Ф. Борисов – инженер ХТГЗ; М. Беленкова – аспирант института иностранных языков; Н. Шершнев – врач; И. Панов – инженер; Л. Конисевич – судовой механик (орденоносец)…

И еще об эстетике.

Вам, гр. Ф. Левин, кажется неубедительным в романе «Флаги на башнях» описание организованного комсомольского коллектива, какой был в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Радостные, величественные будни братского единства советских людей в труде кажутся Вам слишком пресными. Вам подавай извечные темы торгашеского мира: «Человек человеку – волк!»

Вам недоступны симфонии молодой советской жизни, они режут Вам ухо. Есть прекрасная аналогия: длинные уши западных эстетствующих меломанов, воспитанных на визгливой джазовой какофонии, не воспринимают величественной красоты русской народной и классической музыки. А советские народы гордятся своей музыкальной культурой и знают, что она имеет мировое значение…

Мы хотим и будем добиваться, чтобы вся наша дальнейшая жизнь была похожа на ту, которая художественно отображена в этой книге.

А Вы, гражданин Ф. Левин, вышли из фарватера нашей жизни и поэтому не понимаете, что Вы с Вашей «критикой» уже потерпели полный крах.

У Вас есть сейчас только один честный выход: на страницах печати отказаться от Вашей статьи «Четвертая повесть А. С. Макаренко» или за Вас это сделают другие. И мы убеждены, что это так и будет.

По поручению колонистов-горьковцев и коммунаров-дзержинцев: ***С. Калабалин, А. Тубин, Л. Салько, В. Клюшник, Е. Ройтенберг.***

(А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 292 – 295, полный текст. Написано вскоре после 20 – 25 апреля. Здесь печатается с небольшими сокращениями.

Возможно, в этом коллективном письме использован текст другого варианта «Открытого письма» А.С. Макаренко Ф. Левину, который в «Литературную газету» не поступал.

Начало освоения и разработки наследия А.С. Макаренко (кон. 1939 г. – 1945 г.).

Кон. 1939 г. – нач. 1940 г.: в педагогической печати обсуждаются вопросы ***школьного и семейного воспитания.*** При этом имя А.С. Макаренко, его идеи и педагогический опыт не упоминаются.

1940 г.

В 1940 – 1949 гг. ***«Педагогическая поэма»*** издана 7 раз, в издательствах «Советский писатель», «Гослитиздат», «Правда», «Латгослитиздат» - Рига. ***«Книга для родителей»*** - 2, в «Гослитиздате», «Крымиздате» - Симферополь.

Январь 1940 г.: в «Учительской газете» печатается серия статей под общим заголовком: «Создадим книгу для родителей». Макаренковская «Книга для родителей» игнорируется.

Первую годовщину со дня кончины А.С. Макаренко отметила литературная общественность. В московском Клубе писателей 1 апреля прошел вечер, посвященный его памяти. Выступили ***В. Финк, Ю. Лукин, А. Караваева, В. Колбановский.*** О вечере сообщила «Литературная газета» 5 апреля.

Литературно-публицистические статьи о педагогике А.С. Макаренко: ***Н. Четунова*** в «Литературной газете», 22 дек.; ***В. Захаржевский*** там же, 30 марта.

17 апреля – 11 августа: первая дискуссия в «Учительской газете» о педагогическом наследии А.С. Макаренко, по статье ***Н.А. Лялина.***

Дискуссия инициирована статьями в газ. «Правда» 17 и 26 марта. Авторы: Засл. учительница РСФСР ***М. Кропачева*** и зав. Рязанским облотделом нар. образования ***И. Вислов.*** Отклики на статью М. Кропачевой – статьи бывш. колониста-горьковца ***С.А. Калабалина в «Правде»*** 16 апреля и бывш. коммунара-дзержинца ***Е. Ройтенберга в «Учительской газете»*** 17 апреля.

В ходе дискуссии редакция «Учительской газеты» получила около 400 статей, писем из разных концов страны. В основном это отклики педагогов-практиков и родителей. Из педагогов-ученых в дискуссии участвовали ***С.В. Белоусов, И.А. Каиров, Л.Е. Раскин, С.М. Ривес, Н.М. Шульман, И.Ф. Козлов.***

Итоги дискуссии. В «Учительской газете» 11 августа: педагогическая теория и практика А.С. Макаренко соответствуют «принципам марксизма-ленинизма». В ***«Правде» 27 августа М. Мануильский***: «Дискуссия вышла на обсуждение основных проблем советской педагогики»; А.С. Макаренко внес ценный вклад в ее развитие. ***П. Шимбирев*** и «иные наши доктора педагогических наук» относятся к тем деятелям, которые «повторяют зады», не замечают становление «новой, коммунистической педагогики».

(Мануильский М. – возможно, родственник Мануильского Д.З., в 1928 – 43 гг. генер. секретаря исполкома Коммунистического интернационала).

Содержание и итоги дискуссии показал также ж. ***«Молодой большевик»*** в №18. С этой дискуссией связана статья ***В.Н. Колбановского*** «Новатор социалистической педагогики» в ж. ***«Красная новь»,*** № 4, 1940 г.

Журнал ***«Педагогика»*** никак не отреагировал на эту дискуссию. Ответственный редактор журнала ***Г.П. Вейсберг*** и зам. редактора ***Н.К. Гончаров***, будучи последователями Н.К. Крупской, видимо, стремились не допустить «возвышения» А.С. Макаренко.

«Начальная школа» откликнулась о нем как педагоге-писателе в №6, авт. ***С.П. Дзюбинский.***

В научно-педагогическом мире первенство проявили совместно ***Научно-практический институт спецшкол и детдомов и Московский педагогический дефектологический институт.*** Они 19 апреля провели совещание, специально посвященное А.С. Макаренко. Ведущий доклад сделал ***В.И. Куфаев***. Его доклад, а также ***С.М. Ривеса*** опубликованы: Учебно-воспитательная работа в детских домах. Бюллетень № 4 – М., 1940.

Дискуссии, обсуждения проходили и ***на региональном уровне***: на совещании директоров школ Ленинградской области – 19 июня; на Всероссийской научной педагогической конференции в Москве – в кон. июня (по докладу ***С.М. Ривеса***); на заседании директоров школ в Краснодаре – в нач. июля. Специально А.С. Макаренко посвящены: заседание Коллегии Наркомпроса Белорусской ССР, совещание актива Наркомпроса Украинской ССР, заседание в Минском пединституте. Доклады о нем входили в повестку дня «августовских совещаний» учителей.

По запросам читателей ***«Учительская газета» 15 сентября*** 1940 г. приступила к публикации ***макаренковских радиолекций для родителей о воспитании детей.*** В конце 1940 г. они вышли в отдельном издании (с предисл. ***В.Н. Колбановского***).

28 – 30 ноября в харьковском Дворце пионеров прошла научная сессия, посвященная А.С. Макаренко. Ее организатор – только что организованный *Харьковский городской институт усовершенствования учителей.* В сессии участвовали более 700 человек, учителя школ, сотрудники НИИ и вузов города, педагоги из Москвы, Ленинграда, сотрудники Наркомпроса УССР, члены Союза советских писателей, группа воспитанников и сотрудников колонии горьковцев и коммуны дзержинцев во

главе с ***Г.С. Макаренко***. В сессии участвовал ***Б.Т. Есипов***. Информацию об этом мероприятии дала ***«Учительская газета» 4 декабря.***

15 декабря «Учительская газета» напечатала стенограмму макаренковского выступления: «Некоторые выводы из моего педагогического опта».

В декабре 1940 г. на III сессии Учебно-методологического совета Наркомпроса РСФСР в некоторых докладах говорилось об опыте и идеях А.С. Макаренко. Редакция ж. ***«Педагогика»*** умолчала об этом в публикации отчета о сессии.

«Советская педагогика» в №11 – 12 опубликовала ***Программу по истории педагогики*** для пединститутов. Она составлена Комиссией при кафедре педагогики Московского гос. пединститута в составе: ***Е.Н. Медынский, Н.А. Константинов, П.Н. Шимбирев, Г.Е. Жураковский, А.Н. Веселов.*** В программе впервые дана тема: «Педагогические взгляды и педагогическая деятельность А.С. Макаренко». Данную тему стал разрабатывать (а затем написал главу) ***Е.Н. Медынский.*** В 1937 – 1940 гг. кафедрой педагогики МГУ заведовал ***И.А. Каиров.***

Из письма Г.С. Макаренко ***Б.П. Есипову:*** «Я всегда помню, как пришли Вы ко мне на Лаврушинский в 40-м году и как много Вы делаете с тех пор для популяризации и внедрения в жизнь наследия Антона Семеновича… (цит.: Неизвестный Макаренко. Вып. 12 / Сост. С. Невская. – М., 1998, с. 78).

1941 г.

М.И. Калинин при подготовке речи на Всероссийском совещании руководящих работников народного образования записал ***о «Педагогической поэме»***, по поводу случая с Задоровым: «…Мне кажется, что положительные результаты явились следствием уже завоеванного авторитета Макаренко у колонистов» (Нежинский Н.П. Жизнь и пед. деятельность А.С. Макаренко. – Киев, 1958, укр. яз., с. 48).

(Калинин М.И. – деятель компартии Советского Союза и советского правительства; с сент. 1938 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР).

Начало февраля: «Учительская газета» начала публикацию макаренковских ***лекций в Наркомпросе РСФСР «Проблемы школьного советского воспитания».*** Четвертая лекция: «Трудовое воспитание, отношение, стиль, тон в коллективе» - не опубликована.

17 февраля В.В. Ермилов и Г.С. Макаренко на заседании Комиссии по увековечению памяти А.С. Макаренко доложили об обсуждении в отделе школ ЦК ВКП (б) вопроса о создании ***Музея А.С. Макаренко.*** Решено: не соглашаться с предложением отдела ограничиться созданием экспозиции в общем Музее просвещения. Мотивы: А.С. Макаренко – «не только классик-педагог, но и крупный художник-писатель»; его педагогика «тесно связана с производством».

В. Ермилову и В. Колбановскому поручено составить проект ***письма в ЦК ВКП (б)***, указав в нем, что этот музей «должен носить характер не только педагогический, но и литературный, и производственно-воспитательный, и по характеру своему он должен быть научно-педагогическим и образовательным, но никак не мемориальным».

Литературоведческо-публицистические статьи о педагогике А.С. Макаренко: ***Н. Четунова*** в «Правде», 1 апр.; ***В. Ермилов*** в «Красной нови», № 4; ***Ю. Лукин*** в «Литературной газете», 6 апр.

В вышедших весной 1941 г. двух учебниках по педагогике: испр. и доп. издание ***Б.П. Есипова и Н.К. Гончарова***; новое учебное пособие ***П.Н. Шимбирева*** – впервые говорится о Макаренко – «учителе советской школы» и о макаренковском вкладе «в советскую педагогическую науку и мастерство воспитателя».

Первая попытка ***научной дискуссии по Макаренко: со 2 марта до сер. апреля*** на страницах ***«Учительской газеты»***, начата статьей «Научные проблемы советской педагогики». Написана коллективом научных сотрудников ***харьковских вузов***: 11 профессоров и доцентов, среди них ***А. Зильберштейн, А.Г. Тер-Гевондян.***

Активное участие в дискуссии приняли сотрудники ***Украинского НИИ педагогики и психологии***, другие ученые, читатели газеты.

Дискуссия завершилась на Всесоюзной конференцией по педагогическим наукам. В ходе дискуссии и по ее материалам в «Учительской газете» статьи опубликовали ***П. Шимбирев, Е. Медынский, С. Рубинштейн, В. Е. Гмурман.***

2-я годовщина со дня кончины А.С. Макаренко, в начале апреля, 1941 г.:

Вечер-концерт в Концертном зале им. П.И. Чайковского, с докладами ***В. Финка, Н. Лялина, В. Ермилова.***

Совместное совещание Института школ Наркомпроса РСФСР и кафедр педагогики МГУ и Московских пединститутов в Московском гос. университете, с докладами ***В.Н. Колбановского, А.И. Каирова, С.М. Ривеса***; выступили также ***Б.П. Есипов, С.А. Калабалин,*** директора школ, учителя. Информация об этих мероприятиях – в «Литературной газете» 6 апреля и «Учительской газете» 4 апреля.

Первые макаренковедческие статьи в ж. «Педагогика»: № 3 – авторы ***В.В. Комаровский*** (Баку) и ***Б.Н. Марков***; № 7 – 8 – авт. ***С.М. Ривес.***

В ж. «Красная новь», № 4 – авт. ***В. Ермилов***: А.С. Макаренко назван «классиком мировой педагогики».

20-е числа апреля: на ***конференции по педагогическим наукам, организованной Всесоюзным комитетом высшей школы и Наркомпросом РСФСР***, доклад ***С.М. Ривеса***. Публикация – сборник тезисов конференции. – М., 1941; обзоры – «Учительская газета» 21 апреля, «Советская педагогика», № 7 – 8.

В 1941 г. макаренковские ***«Лекции о воспитании детей»*** (в семье) вышли в отдельных изданиях: в Сталинграде, Чкалове, Махачкале; на национальных языках – в Киеве, Тбилиси, Ереване, Ташкенте, Таллинне.

За несколько дней до начала Великой Отечественной войны в Московском педагогическом институте им. К. Либкнехта защищена первая макаренковедческая кандидатская диссертация, авт. И.Ф. Козлов. (с идеей единства воспитания и жизни, с трактовкой воспитания как педагогически целесообразной организации жизни и деятельности детей; это направление педагогической мысли и практики получило устойчивое признание лишь в начале 1960-х гг.).

Осенью 1941 г., во время эвакуации некоторых московских предприятий и организаций ***Архив А.С. Макаренко*** (зав. Архивом ***Г.С. Макаренко***, он находился на ее подмосковной даче) при содействии ***А. Фадеева*** и других лиц, включая сотрудничество НКВД, - вывезен в ***г. Куйбышев***, затем в ***г. Свердловск.***

1942 г.

Обращение Г.С. Макаренко: «Воспитанникам Антона Семеновича Макаренко» - публикация в «Комсомольской правде», 26 сентября 1942 г., с. 2.

Дорогие мои друзья! Когда я мысленно окидываю взглядом тысячеверстный фронт Великой Отечественной войны, от Белого до Каспийского моря, я знаю, что почти во всех родах оружия есть кто-нибудь из вас, мои друзья.

Более тысячи воспитанников Антона Семеновича Макаренко находится сейчас в рядах Красной Армии. Я вижу каждого из вас. Ярко вспоминается мирная Москва. За столом несколько человек горьковцев и дзержинцев - мои гости. «Подтянутые, с безукоризненными прическами», - так писал о вас Антон Семенович. Весело, оживленно, остроумно и как-то по-особому тонко и задушевно тепло. Да, какие незабываемо прекрасные часы проводили мы вместе, когда с нами был еще Антон Семенович!...

Сеня Калабалин, ты однажды сказал мне, что в трудном положении всегда стараешься представить, как поступил бы в данном случае Антон Семенович. И находишь правильное решение. Так делают многие из вас.

Я думаю, что будь жив Антон Семенович, он потребовал бы от вас прежде всего железной, несокрушимой дисциплины, верности, ума, изворотливости, инициативы. Священная обязанность - пожертвовать собой и лучшим другом, если от этого

зависит общий успех. Умереть в борьбе, но не отступить без приказа. Быть до конца беспощадным к нарушителям дисциплины, даже если это родной брат или сын. Отдать жизнь за честь Знамени и во славу своей воинской части.

Всего этого Антон Семенович требовал от вас, когда вы были еще детьми. Он бдительно и сурово воспитывал в вас эти качества. И я спокойна за вас. Я знаю, что вы верны долгу и чести. Я помню вашу комсомольскую чистоту и непримиримость. Вы выросли людьми определенных и больших чувств. Вы умеете любить и ненавидеть.

Дорогие мои друзья! Вы воспитаны в великих идеях гуманизма, как люди большой нежности. Вот почему не покидает вас чувство плеча рядом стоящего товарища. Вы пишете мне письма, полные трогательной сыновней заботы. Но я знаю, что вы страшны в справедливом гневе...

Тебя, ***Володя Козырь***, воентехник авиации, я помню веселым, кудрявым мальчиком, который страстно увлекался авиамоделями. Война застала тебя на Северном фронте. Уверена, что подготовленное тобой самолеты безотказно громят врага.

Милый ***Витя Богданович***, мой друг! В коммуну ты пришел совсем ребенком, с украинскими «карими очами и черными бровями». Тебя все любили за молчаливость и верность слову. Мужественный защитник Ленинграда! Ты пишешь мне после года войны: «Я чувствую себя великолепно...» И я знаю, что это значит: бомбы твоего самолета попадают в цель.

Наша гордость, ***Леня Конисевич***! Ты моряк. За выполнение специальных заданий награжден орденом. Но всех - тебя и твоих верных товарищей: ***Леву Салько***, военного инженера авиации, и ***Глебова***, моряка, - вижу подростками. Заветной вашей мечтой было попутешествовать с таинственными приключениями в горах Памира. С первых дней войны вы на боевых постах и остались такими же бесстрашными, какими были в юности. А на Памире мы еще попутешествуем.

Ты, ***Локтюхов,*** инженер Балтфлота, когда-то постоянно «отдувался» за всякие проказы. Антон Семенович говорил о тебе: «Вредный хлопец, а работает и учится отлично. Если строго держать, толк будет». Я давно не имею от тебя вестей. Но хорошо знаю, что ты умело добиваешься своих целей. Удесятери, умножь свои усилия и всю свою силу обрати против врага.

Названный мой сын, ***Васенька Клюшник*** - танкист. В коммуне ты был командиром первого взвода, и я помню тебя рядом с Антоном Семеновичем в ответственной роли дежурного. Ты точно и неуклонно исполнял свои обязанности и в свободное время заразительно, по-мальчишечьи хохотал с друзьями. Сейчас ты готовишь кадры танкистов. Ты учишь и воспитываешь их с той же суровой гуманностью, с какой тебя воспитывали в коммуне. Крепи же в курсантах великое искусство любить и ненавидеть, разжигай чувство священной мести за поруганную землю и людей наших.

Жесткие кудри «арапчонка» и живая твоя скороговорка, вот сейчас вижу и слышу тебя, милый ***Фима Ройтенберг*** - политрук гвардейской мотострелковой дивизии. Через три дня после окончания института ты уже был в Действующей армии. Получила последнее твое письмо, где ты пишешь: «Сейчас я жив и здоров и намерен сражаться до последнего вздоха».

Мои милые ученики, чтобы никого не обидеть, я назову только отличников: ***Зяма Клямер и Стомахин*** - командиры танков, ***Валя Федоренко*** - моряк, ***Петя Мазуренко*** - командир части, ***Ткачук, Зайцев, Сватко, Стириус.*** Я помню ваши живые юношеские лица, когда мы изучали историю Отечественной войны 1812 года. Горели ваши глаза восхищением и жаждой подвигов. Будьте же до конца верны великим традициям русского героизма.

Любимая моя племянница ***Лиля Макаренко***! В коммуне ты была совсем девочкой. Ты оставила институт и ушла на фронт медицинской сестрой, и нет от тебя вестей.

Доблестные наши летчики ***Александр Агеев, Василий Дорошенко, Сема Каплуновский, Митя Анисимов, Миша Бондаренко, Романов, Алексюк*** и многие другие товарищи! Вам посвятил Антон Семенович прекрасные строки в «Педагогической поэме»: «На что уж пацаны, а и те улетели от меня, трепеща крыльями, только крылья у них теперь не прежние, нежные крылья моей педагогической симпатии, а стальные крылья советских самолетов». И я вижу вас боевыми, задорными мальчиками, и нет у меня сомнений, что славные дела совершаете вы на ваших стальных крыльях.

Дорогие мои товарищи и друзья! Я не имею возможности всех вас назвать по именам – вас слишком много. Но я хочу, чтобы все вы знали, что я всегда помню о вас и горжусь вами. Будьте же людьми без страха и упрека.

Шлю вам горячий привет и материнское благословление.

1943 г.

В 1943 г. в Московском гос. пединституте им. В.И. Ленина при кафедре педагогики (зав. кафедрой И.А. Каиров) создана лаборатория по изучению наследства А.С. Макаренко (рук. Г.С. Макаренко). О задачах, содержании работы лаборатории – в сообщении А.Г. Тер-Гевондяна, в «Советской педагогике», 1944, №1.

1944 г.

После образования в 1944 г. Академии педагогических наук РСФСР (президент ***И.А. Каиров***) ***лаборатория по изучению наследства А.С. Макаренко вошла в структуру НИИ теории и истории педагогики АПН. Зав. Лабораторией в 1951 – 1958 гг. В.Е. Гмурман.***

1944 г.: выход в свет ***первой книги об А.С. Макаренко, авт. Е.Н. Медынский, предисл. Г.С. Макаренко.*** – М., изд-во «Молодая гвардия». 2-е ее издание, доп. и пераб. – в Изд-ве АПН РСФСР, 1949 г. – единственная вышедшая в этом изда-ве. Затем – изд-во «Педагогика»: не издано ни одной книги об А.С. Макаренко.

Положительные отзывы о книге Е.Н. Медынского: Г.Е. Жураковский – «Советская педагогика», 1945, № 5 – 6 и А.Г. Тер-Гевондян, там же, 1949, № 7. Критический отзыв – В.И. Помогайба, в ж. «Советская книга», 1950, №1.

С 1944 г. в периодической печати, различных изданиях стали печататься обобщающие материалы о ***жизненных судьбах воспитанников А.С. Макаренко***: «Комсомольская правда» 31 марта и 1 апреля, ж. «Огонек» - 1949, №16; в кн. Е. Балабановича об А.С. Макаренко – 1950 и др. Таких публикаций (включая сведения о его соратниках) к 1958 г. – около 60; в 1966 гг. – 44 (учтены в основном по центральным изданиям).

Литературно-публицистические статьи о педагогике А.С. Макаренко: ***Ю. Лукин*** в «Комсомольской правде», 1 апреля; ***В. Захаржевский*** в «Литературе и искусстве», 1 апреля.

1945 г.

31 марта – объединенное ***заседание лаборатории по изучению наследства А.С. Макаренко АПН РСФСР, кафедр педагогики Московского пединститута им. В.И. Ленина и Московского городского пединститута,*** посвященное памяти А.С. Макаренко. Выступили: ***Г.С. Макаренко, Н.В. Петров, Т.Д. Татаринов, И.А. Соколянский, Л.М. Салько, В.Г. Финк и др.***

Современные издания

О всем сказанном выше см. детально в книге: ***Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939 – 2005 гг., критический анализ). – Н.Новгород, 2006. – 417 с., большой формат.***

Там: 4 главы – по этапам изучения и разработки макаренковского наследия: 1939 – сер. 1950-х гг.; далее до сер. 1970-х гг.; до 1991 г.; современный этап. В каждой главе – параграф о макаренковедческой работе в других странах (около 20

стран). Отражаются работы более 1 500 авторов, в том числе 570 зарубежных. Вступительная глава: А.С. Макаренко как социально-культурное явление, классик педагогики».

Последующие макаренковедческие исследования и практические разработки – в издании: ***А.С. Макаренко: школа жизни, труда, воспитания…»***, Части 1 – 7. – Н.Новгород, 2007 – 2014 гг. Издание строится по хронологическому принципу; включены многие неизвестные ранее и малоизвестные работы А.С. Макаренко; его художественно - педагогические произведения даны лишь в наиболее значимых фрагментах; представлена обширная сопутствующая его деятельности документация, деловая и личная переписка, что позволяет осмысливать его педагогику «в общем потоке» жизни и в процессе развития. К этому в каждой части издания дан Именной указатель.

Публикуемые материалы сопровождаются обширными комментариями. Содержание трудов и опыта А.С. Макаренко объясняется в свете общей характеристики его творчества и в развитии, в связи с конкретными событиями и фактами. Комментарии отражают результаты проведенных в последние 5 десятилетий отечественных и зарубежных исследований и практического опыта.

Предисловия к каждой части издания включают сделанные в последние годы публикации составителей издания по методологии педагогики А.С. Макаренко. Каждый том содержит перечень относящихся к его содержанию научно-исследовательских тем и список сделанных в предыдущие годы макаренковедческих публикаций.

Все это позволяет рассматривать данное издание и как новую публикацию собрания трудов А.С. Макаренко и как учебную книгу по его наследию, по истории педагогики, теории и практике воспитания, в связи с актуальными современными проблемами педагогики и образования.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

лиц, причастных к творческой деятельности А.С. Макаренко в кон. 1938 – 1939 гг.

Авдеенко А.О.
Александрова
Андреев А.А.
Архангельская З.П.
Архангельский П.П.
Барская М.А.
Барсуков В.С.
Бедный Д.
Безрук К.М.
Безыменский А.
Блюм С.Б.
Бобунов А.Г.
Богданович В.С.
Бойм А.
Борискина К.Т.
Брайнина Б.
Вересаев В.В.
Ветров И.А.
Войтинская О.С.
Волнин А.К.
Волченко И.И.
Васильев Г. М.
Галайская
Герасимова В.
Гладков Ф.
Голодный М.С.
Горбунов Н.А.
Грибов
Гринберг М.
Демченко
Джуринская П.Е.
Дидоренко С.А.
Дорофеев
Ермилов В.В.
Жаров А.
Захаржевский В.П.
Иванов В.В.
Иванова
Игнатьева
Калабалин С.А.
Караваева А.
Карпыч
Клюшник В.И.
Ковалихина
Коган С.Б.
Козлова З.Т.
Колбановский В.Н.
Колесса П.А.
Конисевич Л.В.
Кононенко Е.Ф.
Кононенко К.С.
Кононов А.
Косарев А.В.
Кострюкова
Крамов А.Г.
Кренкель Э.Т.
Кренов
Кузнецов
Кучеров
Лебединский Ю.Н.
Левин Л.
Левин Ф.
Липман И.
Лозовский А.
Лоскутов М.
Лукин Ю.Б.
Льдов
Макаренко В.С.
Макаренко Г.С.
Макаренко О.В.
Маревичева
Медынский Г.А.
Мизяк Н.М.
Мизяк С.М.
Моргулис
Назарова
Новиков А.
Одинцов
Оноприенко
Оноприй
Орисенко А.М.
Павленко П.А.
Папанин И.Д.
Перазич
Первенцев А.
Петров Н.В.
Пихоцкая Е.С.
Погодин Н.
Погребинский М.С.
Подопригора В.
Рагозин А.
Разумова Л.Н.
Ракович О.П.
Рафалович
Родникова О.
Розина
Рыклин Г.
Салько Л.М.
Селенский
Семушкин Т.З.
Скребнев В.Н.
Слепнев Н.
Соколов С.И.
Соколова Н.А.
Сопин А.П.
Сопин И.П.
Ставский В.П.
Стирис Ф.Г.
Татаринов Т.Д.
Тихонов П.К.
Ткачук И.
Тренева Е.П.
Тулецкая Л.
Турчанинова Т.В.
Флит А.
Хилькевич
Чапская Т.П.
Чарская Л.А.
Чевелий Д.А.
Чернышова
Четунова Н.
Чуркин
Шагинян М.
Шершнев Н.Ф.
Ширявский К.К.
Шкляр Н.Г.
Эррио Э.
Эссен Э.Э.
Юткевич
Явич А.
Яцкевич

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Общие положения

Этот учебно-методический материал рассчитан на работу с текстами данной книги. Дополнительные источники указываются в комментариях к авторским материалам А.С. Макаренко, а также в прилагаемом ниже списке литературы. Обращение к макаренковедческим публикациям 1940-х–сер.1970-х гг. не рекомендуется (за редким исключением). Эта литература устарела, может мешать современному пониманию макаренковского наследия.

Изучение работ самого А.С. Макаренко, осмысление его идей и практики в их единстве и развитии, на основе совокупности неизвестных ранее, малоизвестных и выявленных в последние десятилетия его авторских материалов, в свете многих новых, выдвинутых им проблем (не свойственных традиционной и современной педагогике), – таково общее направление учебно-методической работы над этим изданием.

Поэтому на первый план в учебно-методическом материале выдвигается основанная на современных макаренковедческих отечественных и зарубежных исследованиях тематика учебных и исследовательских работ. Они могут выполняться на разных уровнях: реферат, доклад, выполнение проектного задания, статья, курсовая работа, дипломная, магистерская и кандидатская диссертации, монографическое исследование. Указанные темы могут объединяться в некоторые новые, более широкие, и подразделяться на более конкретные и детальные.

Очень важно при этом не ограничиваться принятой в современной педагогике проблематикой, смело выходить за пределы используемых ею привычных понятий, идей и решений. Нужно вводить в научный и практический оборот выдвинутые и обоснованные А.С. Макаренко новые проблемы, положения и термины, выявлять и показывать их огромный потенциал в творческом развитии педагогики, школы, общественно-педагогических явлений и процессов.

Комментарии, помещенные в книге необычно, сразу после каждого из авторских материалов А.С. Макаренко, – это органическая часть данного учебно-методического материала. Комментарии не только вносят необходимые разъяснения и дополнения, но и указывают на работу А.С. Макаренко в том или ином направлении в прошлом и в дальнейшем, в 1938–1939 гг.

Обширное вступление «От составителей» в начале книги – другая органическая часть учебно-методического материала. Она содержит разработки методологического характера. Направляющее значение имеют эпиграфы-цитаты из трудов А.С. Макаренко, данные на первых страницах книги.

Пользоваться 7-томным изданием макаренковских произведений (1951–1952 и 1957–1958 гг.) и сборниками, составленными на его основе, не рекомендуется.

Разработку предлагаемых тем целесообразно производить по литературе, вышедшей в последние десятилетия, с середины 70-х гг., когда определился качественно новый этап развития макаренковедения.

Ведущее направление практического применения макаренковской концепции педагогики в современных условиях отражено в публикациях, посвященных I–XI Конкурсам им. А.С. Макаренко школ разного типа, широко использующих в педагогических целях главное: хозяйственно-трудовую, производственную деятельность («школ-хозяйств», 2003–2014 гг.).

Перспективным является также утверждение в современной педагогической теории и практике идеи «уклада жизни» школы, семьи, детско-взрослой и молодежной организации как главного фактора воспитания, в его отличии от обучения.

Тематика учебных и исследовательских работ

Специфические особенности макаренковской концепции педагогики, сущность его творческого вклада в педагогику как науку о воспитании – по работам 1938 г.

Общая характеристика творчества А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора в 1938 г. (в единстве проблем педагогики, художественной литературы, публицистики и общественной деятельности)

Этические воззрения А.С. Макаренко, их реализация в воспитании. «О коммунистическом поведении и воспитании»

Киносценарии «Настоящий характер» и «Командировка»: взаимодействие старшего и младшего поколений в социальном воспитании

«Флаги на башнях» как исповедь и педагогическое завещание А.С. Макаренко, объяснение сути его борьбы за нового, счастливого человека в новом обществе

Существо расхождений А.С. Макаренко с критиками «Флагов на башнях»: отражение разных позиций в сфере политики, этики, эстетики, педагогики

Художественная литература: о единстве ее познавательной, педагогической и эстетической функций. Статья «Литература и общество»

А.С. Макаренко о жизненной позиции, мировосприятии писателя и его литературно-художественном мастерстве

Полемика о содержании и особенностях литературы для детей, подростков. «Ответ товарищу А.Бойму»

Литературоведческие и педагогические взгляды А.С. Макаренко – по его отзывам о произведениях художественной литературы и о рукописях начинающих писателей

Социальная педагогика в рассказах А.С. Макаренко

Его деятельность в Союзе советских писателей, творческие планы

Продолжение обобщения и конкретизации опыта трудовой колонии им.М.Горького и трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в 1938-1939 гг.

Новые социально-педагогические проблемы, обобщения и понятия в «Моих педагогических воззрениях» и «Из опыта работы»

Критика педолого-педагогического направления, дидактической и умозрительно-декларативной педагогики – в противоречии с социально-творческой, «целеустремленной», экспериментально-опытной педагогикой А.С. Макаренко

Критическая оценка советской общеобразовательной школы 1930-х гг. – в контексте противостояния «школы учебы» и «школы жизни», труда, воспитания

Предложения по реформированию школы, усилению ее социально-воспитательной функции, влияния на семью

Педагогическое содержание переписки А.С. Макаренко с выпускниками колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского

Жизненные судьбы выпускников этих учреждений

Черты личности А.С. Макаренко, его мировосприятие и педагогические взгляды в переписке с читателями его произведений и соратниками, друзьями

Письма А.С. Макаренко и дневниковые записи: новое для его педагогики, жизненной и научной биографии

Общий биографический очерк: А.С. Макаренко в окружении его сторонников и противников (1938 - 1939 гг., по Именному указателю)

Кончина А.С. Макаренко: знаковые события

Начало включения наследия А.С. Макаренко в официально действующую советскую педагогику (1939 – 1945 гг.)

МАКАРЕНКОВЕДЧЕСКИЕ ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, СДЕЛАННЫЕ В 2014 Г. И НАЧАЛЕ 2015 Г.

С включением публикаций предшествующих лет, ранее не учтенных и выявленных позднее

Макаренковедческие публикации, вышедшие во 2-й пол.2007 г. и далее см. в данном издании: часть 2, с.395-403; часть 3, с.347-357; часть 4, с.289-301; часть 5, с. 282-296; часть 6, с.333-349; часть 7, с.351-365.

Диссертации

Илалтдинова Е.Ю. Отечественная историография педагогического наследия А.С. Макаренко (1939-2013 гг). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. По специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования. – Калининград, 2015.

Базалей Е.А. Педагогические условия нравственного воспитания старшеклассников по системе А.С. Макаренко. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. По специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования. – Москва, 2014.

Отдельные издания

Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 7, 1938г. Статьи о школе и художественной литературе, «Флаги на башнях», материалы к «Путям поколения» и «Ньютоновым кольцам», рассказы, встречи с читателями, «Некоторые выводы из моего опыта», «О моем опыте», статьи, письма, дневниковые записи /сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов. – Н.Новгород, 2014.

Фролов А.А., Аксенов С.И. Джон Дьюи и Антон Макаренко – две вершины социальной педагогики XX века. – Н.Новгород, 2015

Ходякова И.В. Проектирование процесса развития личности учащихся в образовательной среде: исторический опыт и теоретико-психологические основания. – Волгоград, 2012.

Григорьев Д.В., Степанов П.В. Внеурочная деятельность школьников. Методический конструктор. – М. – 2014:

Социальное творчество (социально-преобразующая добровольная деятельность). Формы: коллективное творческое дело, социально-образовательный проект.

Трудовая (производственная деятельность: трудовая игра, детская производственная бригада под руководством взрослого (изготовление различных нужных предметов, в основном для своей школы); детско-взрослое образовательное производство (наукоемкое, прибыльное, с выходом на рынок, самоуправление).

Поляков С.Д. Психопедагогика школы. Научно-популярная монография с элементами научной фантастики. – Ульяновск, 2011:

«Психолого-педагогические основы воспитания». Оно дается «в узком смысле»: как «целенаправленное влияние на развитие личности школьника», «взаимодействие воспитателей и воспитанников». Это «парная педагогика», в нетрудовой школе – антипод педагогики А.С. Макаренко. Его и других выдающихся педагогов нет в списке литературы, преобладают труды «индивидуально-личностной» психологии.

Корнетов Г.Б. Постижение истории педагогики. Монография. – М., 2014:

«Для понимания педагогики как истории педагогики следует обратиться к обоснованной в начале XIX в. Г.Гегелем и позднее развитой К. Марксом идее, согласно которой логика исследования различных объектов требует единства их исторического и логического рассмотрения».

Глава 3: Порождающая и преобразующая педагогика в историко-педагогическом процессе.

Преобразующая педагогика «ставит во главу угла необходимость органического соединения процесса образования подрастающих поколений с участием учеников в практическом преобразовании окружающего мира». Ее представители – в системе реформаторской педагогики и «нового воспитания».

Современная российская история педагогики: методология изучения и теоретические подходы. Сб. научных трудов /ред.-сост. А.И. Салов. – М., 2014. Выборка:

Бим-Бад Б.М. Что такое философия истории педагогики? Только с помощью ее «можно правильно поставить исторически накопленный опыт на службу современности».

Юдина Н.П. От чего зависит достоверность исторического исследования?

Астафьева Е.Н. Конфликтологический взгляд на историю педагогики. О макаренковской «педагогике параллельного действия» и проблеме конфликта в ней. Цит. Г.Б. Корнетов макаренковская методология «параллельного действия».

Корнетов Г.Б. Общественно-активные школы как школы-лаборатории (современные, в России). Среди них: «школы жизни и коллективного воспитания» А.С. Макаренко.

Историко-педагогический процесс в эволюции человеческого общества. Монография /под ред. Г.Б. Корнетова. – М., 2014. Выборка:

Астафьева Е.Н. Интерпретация воспитания в истории педагогической мысли;

Карташова Е.В., Макаренко Е.А. Развитие идей социального воспитания на Западе;

Корнетов Г.Б. Общественно-активные школы как школы лаборатории (современные, в России), среди них: «школы жизни и коллективного воспитания» А.С. Макаренко.

Учебно-методическое обеспечение изучения истории педагогики в высших учебных заведениях. Сб-к., - М., 2014. Выборка:

Астафьева Е.Н. Трактовка воспитания и обучения в истории и современной теории педагогики (материалы к семинарскому занятию);

Тищенко Е.Г. Самостоятельная работа студентов по изучению художественно-педагогического текста («Педагогическая поэма» А.С. Макаренко).

Корнетов Г.Б. Развитие педагогики на Западе в XX столетии.- М., 2011:

«В 1960 г. Международная комиссия по образованию XXI века под председательством Жака Делора опубликовала доклад, в котором говорится: «Образование на протяжении всей его истории основывается на четырех столпах, ведущих компетенциях: научиться познавать, научиться делать (learning to do), научиться жить вместе, научиться существовать, жить (learning to be)»…

В апреле 2000г. на всемирном форуме по образованию в Дакаре определены базовые образовательные потребности: научиться познавать, действовать, жить вместе с другими и существовать».

Корнетов Г.Б., Романов А.А., Салов А.И. Педагогика первой трети XX века /под ред. Г.Б. Корнетова. – М,, 2012:

«Бехтерев В.М…. Связь воспитания с духовным здоровьем человека… Среди педагогических категорий ведущее значение принадлежит воспитанию. Ценность образования целиком зависит от воспитания. От этого образование – полезное или вредное… Воспитание лежит в основе нравственного облика человека, его характера и воли».

Корнетов Г.Б. Общая педагога. 2-е изд. – М., 2009:

«Краевский В.В.: в обучении – подготовка к жизни, воспитание – включение в жизнь». Другие: обучение – «могу», воспитание – «хочу». Воспитание охватывает

мотивационно-ценностную, эмоциональную и волевую сферы; обучение – интеллектуально-практическую, рациональную».

Материалы конференций

X международный макаренковедческий симпозиум: «Современное макаренковедение: история, состояние, перспективы». 30 октября 2014 г., Н. Новгород.

Проведен исследовательской лабораторией «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, в режиме on-leine, *с участием представителей 5 стран, 5 включений (Н.Новгород, Москва, Харьков, Волгоград, Челябинск). Предварительно на сайте университета представлено для обсуждения 23 материала. Из них:*

Фролов А.А. Эрудиция и «уважение к реальным явлениям» - главное в методологии макаренковедения; Гриценко Л.И. Актуальные и перспективные проблемы макаренковедения; Беляев В.И. Инновационный характер педагогики А.С. Макаренко; Гликман И.З. Наследование макаренковских идей как творчество; Сицилиани Н. де Кумис (Италия). Макаренко в Италии; Наумов Б.Н. (Украина). Целостное исследование педагогической деятельности; Аасен И. (Норвегия). Концепция личности в философии образования Д.Дьюи и А.Макаренко; Кувабара К. (Япония). Практика и теория А.Макаренко с точки зрения теории контроля; Коммон Э. (Великобритания). «Групповое воспитание» идет на запад. Принят итоговый документ симпозиума.

Образовательная среда как основа развития индивидуальности обучающихся и их социализации. Матер.междунар.науч.-практ. конф. Макаренковские педагогические чтения. Выпуск 12/под общ.ред. Л.И. Гриценко. – Волгоград, 2015. Выборка:

Гриценко Л.И. Поведенческий подход в воспитании А.С. Макаренко. (обходится важнейшее – поведение в системе производства, трудового хозяйствования, коллектива – А.Ф.); Фролов А.А., Аксенов С.И. Актуальные аспекты социализации личности в педагогике А.С. Макаренко; Ткаченко А.В. (Украина). Общеобразовательный опыт детской трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Начальное профессиональное обучение «было лишь частью более широкого социального контекста развития воспитанников». Это «уникальное образовательное явление цивилизационного масштаба»; Меттини Э. (Италия). А.С. Макаренко: воспитание и коучинг. Система коучинга – это «искусство создания (с помощью бесед и поведения) среды, которая облегчает движение человека к желаемым целям; реализация совместного социального, личностного и творческого потенциалов участников процесса развития»;

Ходякова Н.В. Педагогическое проектирование, среда развития личности. «Проявляя субъективную активность, человек преобразует свое окружение (среду) и меняется сам». Среда образовательного учреждения. Развитие личности в единстве с развитием коллектива. Параллельное действие, перспективные линии «Ситуативно-средовый подход»; Токарева С.А. Опыт работы с дезадаптированными студентами агропромышленного техникума на основе идей А.С. Макаренко. Коллективные творческие дела, перспективы, традиции, формирование жизненных устремлений, соединение обучения с производительным трудом (в своем учхозе), равенство прав и обязанностей педагогов и воспитанников. 600 га пахотной земли, пополнение бюджета техникума.

Всего в сборнике 71 текст; из них только 6 указанных выше могут быть отнесены к освоению наследия А.С. Макаренко.

Проектная сессия по теме: «Применение метода А.С. Макаренко в реабилитации и ресоциализации (постреабилитации) потребителей наркотиков». – Москва, 13 марта 2014 г. Организаторы: И.А. Мельник, Ю. Крупнов и др.

XI международные Макаренковские педагогические чтения: «Психолого-педагогическое наследие в современной социально-педагогической действительности». 17 апреля, 23-24 апреля 2014 г., г.Екатеринбург, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Социальный институт, кафедра соци-

альной педагогики и теологии. Оргкомитет: Носакова Т.В., Санникова Н.Г., Третьякова В.С. и др.

Модернизационные процессы в российском и зарубежном образовании XVIII – нач. XXI вв. Сб. науч.трудов Всеросс. науч.пр.конф. – XXX сессия Научного совета по истории образования и педагогической науки РАО /под ред. М.В. Богуславского и др. – С.-Петербург, 2014 (выборка):

Дичек Н.П. (Украина) Некоторые методологические проблемы историко-педагогических исследований на Украине. «Сейчас на Украине наблюдается обособление исследований по истории педагогики от исторической науки и ее теоретико-методологических требований»;

Ляхов А.В. Г.В. Плеханов о естественном происхождении воспитания. Роль удовлетворения насущных жизненных потребностей, «фактических отношений взрослых и детей в производственном процессе»;

Фролов А.А. Педагогическая вера А.С. Макаренко (по «Флагам на башнях»). О значении оптимизма в педагогике;

Илалтдинова Е.Ю. Факторы модернизации педагогики (на материале истории освоения и разработки наследия А.С. Макаренко);

Аксенов С.И. Основные направления научно-исследовательской деятельности лаборатории «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко»;

Соколов Р.В., Соколова Н.В. Этнокультурные истоки общинности в менталитете русского народа и коллективизм в воспитательной педагогике;

Сараева Е.В. Влияние авторских школ на модернизацию образования: исторический аспект. Об А.С. Макаренко;

Давыдова Е.В. Практико-ориентированный подход в советской школе 1950 – пер. пол. 1960-х годов;

Чжан Чэнь (Китай). Традиционный характер воспитания детей в китайской семье. Страна как большая семья. Сохранение непрерывности рода. Культ предков. «Воспитание без снов».

Бокова Т.Н. Развитие школьного образования в США в XX веке. «Большинство критиков образования сосредоточены на констатации недостатков, нежели на предложении разумных альтернатив»;

Коджаспирова Г.М. Модернизация педагогического образования. «По данным ЮНЕСКО за период реформ Россия, занимавшая 3-е место в мире по интеллектуальному потенциалу молодежи, переместилась на 40-е».

Категория «социальное» в современной педагогике и психологии. Материалы 2-й научн.-практ.конф. (заоч., с международ. участием). Часть 2 /отв.ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск, 2014. Выборка:

Калашник Л.С. Понятие «социализация» в современной китайской педагогической науке. Дети, прошедшие несколько форм социализации и не рекомендованные к усыновлению «воспитываются обычно в детских поселениях, где основным социализирующим фактором является условия жизни»;

Лаврентьева О.Ю. и др. Ответственность – нравственное свойство личности;

Орлов Е.В. Социальное управление и педагогика в образовательном пространстве. «На примере педагогической деятельности А.С. Макаренко можно сказать, что перед нами предстает социальное проектирование нового общества, нового человека и новой педагогики в конкретном образовательном пространстве»;

Сараева Е.В. Детский коллектив как психолого-педагогический феномен. «Одним из основных категорий» педагогики А.С. Макаренко является «воспитательный коллектив», единство педагогического и детских коллективов;

Суржикова Ю.С. Педагогическое наследие Джо Кинчелло: перспективы. (Канада, Квебск). Он основал Международный проект имени Пауло и Нитье Фрейре, развивает концепцию «критической педагогики» П.Фрейре. Реформирование учеб-

ных заведений в направлении «реалистического понимания роли власти и науки, преданности новым понятиям социальной справедливости». Необходим «синтез личного опыта и академических знаний».

Фролов А.А., Аксенов С.И. А.С. Макаренко как социальный педагог-реформатор (к вопросу о социализации).

Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия… Матер. X междунар.науч.конф. / ред.- сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2014. Выборка:

Корнетов Г.Б. Современные проблемы истории педагогики как исторической и педагогической науки. Вопрос о «педагогике как истории педагогики». Историю педагогики в определенном смысле можно рассматривать как единственную истинную педагогику»;

Бабаян А.В. П.А. Кропоткин о нравственном воспитании. Цит. П.А. Кропоткин: «Коллектив защищает права своих членов на свободу, предъявляет им возможность проявлять свою индивидуальность»;

Бим-Бад Б.М. Аксиомы теоретической педагогики. «Поиск логического обоснования педагогики всегда приводил к открытию ее положений, принимаемых без обязательств». У Я.А. Коменского: идея «прижизненного формирования природы человека»;

Корнетова Е.Г. Становление и сущность педагогики переживания;

Короли Д. Концепция С.С. Моложавого: между историческим монизмом и репрессиями педологии (1924-1937 гг.);

Лукацкий М.А. Становление дидактического утилитаризма. По Д.Дьюи, Г.Кершенштейнеру и др. Концепция исследовательского обучения по Д.Дьюи и другим «так раздвинули рамки утилитаризма, что стало очень сложно говорить о сохранности его идентичности»;

Пичугина В.К. Застольное воспитание: синоним симпосия. «Понятие «забота» - одно из ключевых в античной педагогике». О «застольных беседах Плутарха». Специальное воспитание различных возрастов, «эстетика пира».

Станет ли «Новая школа» «фабрикой человеческого капитала»? Материалы к межрегиональной научно-практической конференции «Нормативно-правовые и технологические основы создания и организации школьных минитехнопарков и детско-взрослых образовательных производств как … производственного воспитания в общеобразовательной школе. Москва, 17-19 ноября 2011 г. Под грифом: «Педагогика дела». Электронный интернет-ресурс.

Бим-Бад Б.М. Педагогика Джона Дьюи //Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия… Матер. восьмой нац.научн.конф. / ред.-сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2012:

«Человек вне социальных связей, по Дьюи, это миф или чудовище. Индивидуальность не дается исходно, а формируется под воздействием ассоциированной жизни». – с.49.

Периодические издания

Альманах «Макаренко», 2011, №2. – М.:

Триумфы и трагедии в жизни педагога-писателя А.С. Макаренко /под ред. С.С. Невской:

Невская С.С. Неизвестные страницы жизни А.С. Макаренко: трудная дорога в Москву. Рубрики:

Переписка и встречи с А.М. Горьким (тут- и переписка А.С. Макаренко с женой; о роли А.М. Горького в издании «Марш 30 года», переписка с П.П. Крючковым и М.С. Погребинским – о трудоустройстве А.С. Макаренко осенью 1928 г.);

Москва: дружба с писателем А.О. Авдеенко (тут- и письмо А.С. Макаренко секретарю «Литературной газеты» - представление рецензии на «Чапаева» А. Фурманова; переписка с А.О. Авдеенко, воспоминания А.О. Авдеенко;

Приложения: Переписка А.С. Макаренко с московской журналисткой Г.М. Поликсеновой; Переписка А.С. Макаренко с А.О. Авдеенко (полностью: 13 февр. 1937 г. – 13 марта 1939 г.).

Фотоочерк: Из семейного альбома А.С. Макаренко.

Хиллиг Г. Москва contra Ленинград. возвращаясь к теме: Антон Макаренко и Наталья Гирей (о рецензии А.С. Макаренко «Вредная повесть», биографические сведения о Н. Гирей).

Хиллиг Г. Странные выдумки об А.С. Макаренко. О публикации в Интернет: Дедулин Г. Макаренко. Новые факты из жизни известного педагога. Беседа корреспондента «Панорамы» с зав.кафедрой педагогического мастерства Сумского педуниверситета Н. Лазаревым. «Целый букет недостоверных сведений по темам: Рождение, Любовь, Как появились «ФЭДы», Связь с братом –белоэмигрантом, Макаренко и ученики, Сердце (о кончине).

Гетманец И.О. Феномен А.С. Макаренко. Изложение макаренковского «Вместо коллоквиума» - с авторскими дополнениями об образованности А.С. Макаренко.

Вопросы образования

2014, №3:

Леутина А.Л. Социализация детей в современных условиях. «Преобладание в современной педагогике адаптационной парадигмы социализации». Педагогика призвана предвидеть социально-экономические изменения».

Сидоркин А.М. Воспитание – целенаправленная деятельность по формированию ценностей человека. Необходимо «активное вмешательство государства». Иначе – «отмирание воспитания» (как в США и др. странах). Нужно «прочно привязать воспитание к нуждам экономического и социального развития страны».

Критический комментарий к этому – доктор псих.н. Г.А. Цукерман: достаточно обучения, оно формирует «смыслы и ценности».

Педагогика

2013, №2

Фролов А.А. Идеи свободы и целесообразности в методологии педагогики А.С. Макаренко

Гриценко Л.И. Социальное воспитание и свобода личности в педагогике А.С. Макаренко

Беляев В.И. Социально-педагогическая система А.С.Макаренко. С эпиграфом: И. Кант: «Воспитание составляет самую важную и самую трудную задачу … Механизм в воспитании должен быть превращен в науку».

Годник С.М. Педагогический подвиг А.С. Макаренко. По «Педагогической поэме». Используется лишь изд. Пед.соч. А.С. Макаренко в 8 т., М., 1983-1986.

2014, № 9

Вербицкий А.А. Контекстное образование: проблемы и перспективы. Это «переход от традиционного «абстрактного метода школы» к практико-ориентированному образованию, но без потери фундаментального теоретического образования». Соединение «предметно-технологического и социального содержания» Соединение знания с формированием морально-нравственных качеств человека.

Фролов А.А., Аксенов С.И. Единство воспитания, социализации и развития личности в педагогике А.С.Макаренко.

2014, № 10

Ермолаева и. Образование в мире: латиноамериканский ракурс.

Народное образование, 2014

№ 1 Вифлеемский А.Б. Торжественная линейка – это преступление? Законодательная регламентация торжественных мероприятий. Торжественная линейка – как «митинг»?

Беспалько В.П. Наполним педагогикой закон! «Падение уровня педагогической науки», скептицизм – следствие «нашествия псевдопедагогических соискателей высоких научных степеней и званий, откровенных мошенников и коррупционеров». За «развитие природных задатков до возможного уровня способностей». За «единство образования и производственной жизни», «единство образования и жизни», - в «средней общей профессионально-ориентированной школе».

Положение о XII международном конкурсе им. А.С. Макаренко и очередных макаренковских чтениях.

Шустова И.Ю. Ситуативная педагогика, или Дети живут настоящим.

№ 2 Поташник М.М., Соложнин А.В. Ни стыда, ни совести. Значение совести в формировании личности.

Юриков А.А. Летний лагерь – практическая школа воспитания.

№ 3 Беспалько В.П. Педагогика – утерянная наука или жертва организационных нелепиц?

№ 5 Хагуров Т.А. Как влияют цели образования на социальную динамику.

Итоги XII международного конкурса им. А.С. Макаренко и очередных макаренковских чтений. 1-5 апреля 2014 г., ВДЦ «Орленок.

Победители конкурса: I место – Усть-Таттинская средняя школа, Республика Саха-Якутия, с.Булун.

II место – Покровский лицей Абдулинского района Оренбургская обл.; средняя школа с. Янышево, Республика Башкортостан; Куокунинская средняя школа Республики Саха-Якутия.

III место – Ранфское СПУ №1 закрытого типа. Республика Татарстан. И еще сельская сред. школа, Башкортостан; проф. лицей № 144, г. Орехово-Зуево; Модутская сред.школа Намского улуса, Саха-Якутия; Миасский строительный техникум, Челябинская обл.; Диринская ср.шк. АГРО Чурапчинского улуса, Саха Якутия.

Дипломанты конкурса – 9; школа-интернат, Краснодарский край; школа ст. Ивановская, Краснодарский край; лицей ст. Каневская, Краснодарский край, Афанасьевская сред.шк., Белгород. обл.; сред.шк. с. Зальдярово, Башкортостан; сред.шк. с. Преображеновка, Липецкой обл.; сред.шк. г. Чебаркуль, Челябинская обл.; Хозесановская сред.шк., Татарстан; детский эколого-биологичемкий центр, Оренбургская обл.

Книжникова И.Ю. Медианасилие: «Бить или не бить?»

Шустова И.Ю. Ценности и смыслы школьной жизни. Дети «зациклены на собственных интересах, личных целях». «Разрыв между поколениями».

Мустафина Д., Шустова И. «Школа – жизнь или воспитание». О статье Уте Ангергофер: «Педагогика Макаренко – ценностно-ориентированный образовательный метод?» (1997 г.): «Многоликость» Макаренко не снимает его действительно парадигмального значения».

Для современной философии образования важно «поле» исследования: взаимодействие педагогической теории и практики; аксиология образования, его интеграция, соотношение биологического и социального, персонализм и коллективизм, взаимосвязь школы и действительности (без труда – А.Ф.).

«Мажор философии образования» как «педагогическая логика». Тема «радости жизни», оптимизма. За объединение историко-философских и историко-педагогических исследований».

№ 6 Фролов А.А. Идеи свободы и «трудового хозяйствования»: наследие А.С. Макаренко и современность

Гриценко Л.И. Опережающее воспитание в теории и практике А.С. Макаренко. «Прообраз модели будущего гражданского общества».

Илалтдинова Е.Ю. Игра в воспитательном пространстве детско-взрослого сообщества.

Фролов А.А. Педагогическая вера А.С. Макаренко.

Вифлеемский А.Б. Как оцениваются условия труда в школе: законодательные новшества.

Турбовской Я.С. Критериальная основа эффективности воспитания. Учет «нравственных норм с опорой на сензитивность и коллективизм». Великое учение Антона Макаренко». За превращение воспитания «в эффективный, социально формирующий процесс» и «защищающий личность».

№ 7 Ермолин А.А. Молодежная политика как национальная система воспроизводства человеческого капитала мирового уровня. Нужно «превратить большинство российских школ в круглосуточные центры социализации детей и подростков». Школа плюс «профессиональный внешкольный блок», на одной территории. Деятельность А.М. Кушнира. Воспитание и производство – у А.С. Макаренко. «Оценка эффективности образовательной и молодежной политики».

Гликман И.З. В защиту школы – против анскулинга. «Преимущество школы перед семьей».

Вифлеемский А.Б. Судебная практика: ответственность директора школы. Хищения, мошенничество, подлог, злоупотребление должностными полномочиями.

Каменский А.М. От профессионализма педагога – к имиджу школьного коллектива.

Фоминова А.Н. Устойчивость школьника перед жизненными трудностями: смыслы и ценности. Жизнестойкость, «ценность героического поведения». В 2013 г. Следственный комитет зарегистрировал 461 сообщение о суициде среди несовершеннолетних. Сельские дети – в лучшем положении.

№ 8 Эпштейн М.М. Социальное партнерство: взаимодействие школы с бизнес-структурами.

Лазарев В.С. Проектная и псевдопроектная деятельность в школе.

№ 9 Ямбург Е.А. Острова утопии. Как укреплять связь школы с жизнью. «Государственный взгляд».

Шобонов Н.А. Управление школой: на словах и на деле

№ 10 Вифлеемский А.Б. Анатомия отката. Коррупция и ее проявления в образовании.

Лапин В.Г., Милюков И.В. Правовые и экономические основы организации детско-взрослого производства.

Положение о XIII международном конкурсе им. А.С.Макаренко. Управление школой не может быть названо педагогическим менеджментом, т.е. относящимся лишь к коммерции.

Эпштейн М.М., Юшков А.Н. Образовательный потенцияал производства.

Кац А.М. Школьный устав: новые нормы и правила.

Каменский А.М. Воспитание вкуса как педагогическая проблема.

Олин И.В. Гром грянул – перекрестимся? Маргинализация и деградация молодежи – результат «отсутствия эффективных средств воспитания и полезной деятельности».

2015

№ 1: Ямбург Е.А. Педагогика нон-фикшн. Идеалисты и реалисты. Сухомлинский – автор утопии «Павлышская школа»? «Мировоззренческая эклектика». Корчак и Макаренко. «Особое почитание Сухомлинского в Китае».

(Грубый вымысел: А.С.Макаренко скончался в вагоне электрички, «направляясь в НКВД, вызов туда не предвещал ничего хорошего». – А.Ф.)

Воропаев М.В. По ком звонит колокол… О соотношении процессов глобализации и выживаемости национальных систем образования.

Положение о XIII международном конкурсе им. А.С.Макаренко и очередных макаренковских чтениях.

Илалтдинова Е.Ю., Шляхов М.Ю., Шляхова М.М. Педагог-универсал или узкий специалист: что сегодня и завтра нужно школе? Педагогическая целесообразность.

Эпштейн М.М., Юшков А.Н. Шаги к технопредпринимательству. Школы-технопарки. «Технопарк как модель школы». И наоборот.

Человек: преступление и наказание. – М., 2013, № 1. К 125-летию со дня рождения А.С. Макаренко:

Тюгаева Н.А., Стурова М.П. Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы пенитенциарной педагогики. А.С. Макаренко как «один их основоположников» исправительно-трудовой педагогики, сформировавшейся в 1961-1967 гг. «Основные элементы» его системы «находят практическое применение» в современных лучших учреждениях ФСИН. Другие «основополагающие идеи»: развитие личности в коллективе, перспективные линии, параллельное действие – не применяются. Многое необоснованно отвергается как несоответствующее современным условиям.

Тюгаева Н.А. Основные вехи биографии А.С. Макаренко. «Педагогическая поэма» - это «уникальное художественное произведение о научном творчестве в деле воспитания». В современной пенитенциарной педагогике специфика работы с несовершеннолетними правонарушителями игнорируется.

Лузгин С.А. Личность воспитателя в социально-педагогической системе А.С. Макаренко. «Социально-гуманистическая направленность» его деятельности. «Минимизация словесного воздействия», «черты четких технологий». Возрастающая значимость его наследия. Нельзя ограничиваться целью «правопослушного поведения».

Казакова Т.А. А.С. Макаренко о воспитании. Он против ограничения воспитания «пространством отношений воспитателя и воспитуемого». За активное участие человека в «развитии цивилизации на всех ее главнейших уровнях». Он – «теоретик будущего». Основа его этики – «общественная ответственность». Это система воспитания «выше этического рационализма в обычном его понимании».

Воспитание школьников

2014 № 1: Рожков М.И. Воспитание: проблемы, мифы, реальность. Воспитание основано «на взаимождействии воспитателя и воспитанника». («Па́рная педагогика» в чистом виде – А.Ф.)

Загладина Х.Т. Общественно-государственное партнерство и школа.

Щуркова Н.Е. Ключевые понятия практики воспитания. Педагогический алгоритм разрешения жизненных ситуаций. Отношения, ценность, ситуация, операция, жизнь.

№ 2 Голованов А.П., Шутова В.М. Воспитательное пространство гимназии (Петербургская гимназия № 278)

Шустова И.Ю., Вишенина В.В. Что такое «живая ситуация» и как с ней работать. «Ситуативная педагогика», детско-взрослая общность.

Рожков М.И. Классификация бинарных методов воспитания. Влияние на интеллектуальную, мотивационную, эмоциональную, предметно-практическую сферы. Воспитывающие ситуации.

№ 3 Голованова Н.Ф. Ситуационная природа воспитания. Социализация, мотивы, ценности, смысл.

Штурмак М.А. Через воспитание трудом к профессиональному самоопределению. По А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинскому.

Казачкова М.Б. и др. Современный педагог. Об А.С. Макаренко и его воспитаннике и последователе – А.Г. Явлинском

№ 4 Олиференко Л.Я. Среднесрочный прогноз воспитательной ситуации в стране. Развитие институтов воспитания, семья, школа, дополнительное образование, средства массовой информации, детско-юношеские объединения, НИИ и пединституты, бизнес.

Клемантович И.П. Социализация подрастающего поколения: история, теория, практика (без А.С. Макаренко – А.Ф.).

№ 5 Фомин Н.С., Фомина А.Б. Образование как зеркало проблем российского общества. Воспитание, обучение, развитие, социализация.

№ 6 Башманова Е.Л. Социализация и воспитание в условиях социального неравенства. Капитализм. Создание элитарных школ для богатых и платные образовательные услуги – «инструмент классового расслоения общества» Педагогические условия активного участия взрослых в воспитании.

Шувалов А.В. Уровни реализации национального воспитательного идеала. За содержанием и способами воспитания всегда стоит идеология, «те или иные ценности и идеалы».

№ 7 Учитель новой школы и вопросы воспитания подрастающего поколения: о всероссийском педагогическом форуме в Москве, 27-28 марта 2014 г. Отставание педагогической теории. «Образ жизни как фундамент нового воспитания». «Накопление «высокого жизненного опыта».

Глазистова О.Н. Роль детско-взрослой общности в жизни школы.

№ 8 Поклонский В.М. Народное образование и педагогика: понятия и термины. Окончание – в № 9.

№ 9 О социопатии и ее профилактике (интервью с В. Козловской).

№ 10 Лесникова С.Г. Возможности применения медиации в образовательной среде. В конфликтной ситуации.

Мясников В.А. Педагог нового воспитания. Об ученом пособии: Щуркова Н.Е., Мухин М.И. Новое воспитание в новой школе. – М.., 2012. Вместо «нормативно-ориентированного воспитания» (знание – умения – поведение) воспитание «ценностно-ориентированное» (состояние – отношение – действие).

2015 № 1: Соловцова И.А., Сиротина Е.А. Содержание и формы воспитания: на пути к новой школе. Воспитательная ситуация, воспитательное воздействие. По А.С. Макаренко: в организованных формах выражаются законы воспитания. За адекватность формы и содержания.

Нечаев М.П. К вопросу мониторинга воспитательной компоненты в общеобразовательной организации.

№ 2 Филонов Г.Н. Проектирование развития социального института воспитания.

№ 3 Дармодехин С.В. Актуализация научных исследований в области воспитания и социализации.

Кондратьева Н.Л. О воспитательном пространстве лицея.

Берестовицкая С.Э. Проблема веры в мировоззренческой проблематике. О религиозном самоопределении старшеклассников.

Школа и производство

2014 № 2 Хотунцев Ю.Л. и др. Технологическое образование школьников в КНР. Профессиональная подготовка может осуществляться как в средней школе 2-й ступени, так и профессиональных училищах. «Осуществляется курс на соединения образования с производительным трудом». Школы несколько корпусов, с системой переходов, стадионом, беговыми дорожками, до 6 тыс. школьников.

Школы последней ступени имеют сельскохозяйственные угодья (овощные и плодовые культуры). Школьная форма типа спортивной, разного цвета (по школам). Порядок и уют.

№ 3 Подерягин В.С. О проблемах и перспективах ученических производственных бригад. *Материал по Белгородской области. В 2013 г. принят Устав общероссийского движения «Союз ученических производственных бригад России»*

Прошина Е.Т., Чуев А.Д. Ученическая производственная бригада «Яблочко» - *по овощеводству и садоводству и питомник, пасека, далее – виноград.*

Социальная педагогика

2014 №1: Кучмаева О.В. Ценностные ориентации современной российской молодежи: особенности и перспективы. «*Движение в сторону тех ценностей, которые приветствуются обществом». К индивидуальности, личному успеху и независимости, утрата ценности семьи.*

Ланоушкина Н.М. Дисциплина учащихся в законодательных актах. *Минобр в марте 2013 г. – «Порядок о применении к учащимся и снятии с них мер дисциплинарного взыскания», «Меры педагогического воздействия», «Дисциплинарный проступок».*

Куликова Е.Ф. Спецшкола – это шанс подростков обрести новые жизненные ценности. Юридический статус этих школ.

Барсков Д.П. Уроки С.А. и Г.К. Калабалиных. Окончание – в № 4.

№ 2: Лукина А.К., Кашапова Н.В. Трудовое объединение как средство социализации подростков с ограниченными возможностями здоровья.

Слободчиков В.И. Безопасное детство в опасном взрослом мире. Проблема: «значимый взрослый».

№ 3: Токарь И.Е. Профилактика детской агрессии в образовательной среде. *Функции педагогов-психологов, логопедов, дефектологов, социальных педагогов*.

Кочергина Е.В. Дисциплинарное взыскание как инструмент воспитания и обучения

№ 4: Фоминова А.Н. Развитие социальных умений и навыков детей и подростков. *Жизнестойкость, сложные жизненные ситуации, суицидное и противоправное поведение.*

Серегина И.Н. Психологическая помощь детям и подросткам: школьная психодрама. О насилии в школе.

Морозов В.В. В ребенке – только гены света. К 75-летию С.А. Калабалина.

№ 5: Щуркова Н.Е. Как воспитать жизнеспособность школьника. О детском суициде. Необходимость *«пронизанности всей жизнедеятельности школьника значимым личностным смыслом»*

Барышева А.Н. реабилитация детей в трудной жизненной ситуации.

№6: Литвинов А.В. Школьные конфликты: как их предупредить? В основном «типы конфликтов» и характер персональных взаимоотношений.

Круглов В.В. Проблемы воспитания в школе. Школа – семья, родители.

Шустова И.Ю. Детско-взрослая событийная общность «школа – мой дом». Без понятия «коллектив».

Другие периодические издания

Сибирский педагогический журнал. Новосибирск, 2013 № 1:

Пивченко В.П. Педагогический коллектив в воспитательной системе А.С. Макаренко: исторический аспект и современный взгляд. «Современная теория воспитательных систем … базируется на опыте А.С. Макаренко», важен «образ жизни коллектива». «Детско-взрослое трудовое сообщество», «школа-производство», в их связи со всем обществом. Многое в его наследии имеет «вневременной характер, актуально всегда». «Многое еще ждет своего времени для полноценного осмысления и воплощения».

Педагогический журнал Башкортостана, 2012, № 6:

Аминов Т.М., Андреева Ю.В. Педагогическая система А.С. Макаренко: законы развития воспитательного коллектива и концепция завтрашней радости – «с позиции современной методологии». «Необычайная жизненность его педагогической системы». Теория и технология. О «параллельном действии». Роль «пространства учебного заведения». «Оптимизм, перспективы, производство. Современные средства массовой информации «расчеловечивают».

Мир современной науки, 2011, № 3:

Титова С.В., Магсумов Т.А. Совесть в проблематике философии образования: историко-педагогический аспект.

Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования», № 2:

Просветова Т.С. «Командирская педагогика» А.С. Макаренко. Его система воспитания продолжает привлекать «своей результативностью, целостностью, личностно-социальной направленностью». «Командирская педагогика» - в терминах «военной эстетики», в русле социального воспитания.

Начальная школа, № 2:

Мельничук С.Г. Взгляды А.С. Макаренко на использование перспективы в системе воспитательной работы. Об использовании близких и средних перспектив в работе украинских начальных школ.

Психология и педагогика: методика и проблемы

Соколова А.В. Развитие информационной компетентности будущего педагога. Изучение «Педагогической поэмы» в рамках учебной дисциплины «Практическая педагогика». Использование часов самостоятельной работы студентов, формы портфолио, групповых занятий.

Открытая школа, 2013 , № 9:

Бережнова Е.В. Педагогическое наследие А.С. Макаренко и методологические проблемы современной педагогики. Критика положения А.А. Фролова и Е.Ю. Илалтдиновой о трех путях познания и преобразования мира в творчестве А.С. Макаренко. Это «приписано» ему. Но факт: он теоретик, практик и писатель одновременно.

Учимся у него: связь теории и практики определяется прежде всего «самим качеством как теории, так и практики». Его педагогика «практически целесообразная» и «ответственная».

Неустроев А.Н., Сафронеев В.А. Педагогическое наследие А.С. Макаренко в Польше: инновация и противоречия. На материале статьи А. Левина, 1989 г. А.С. Макаренко – это «сложное социально-педагогическое явление», «достояние мирового масштаба», «созвучное с выводами современной системологии».

Вестник института ВНПЭ ФСИН России - Преступление, наказание, исправление. 2013, №23

Зауторова Э.В. Нравственно-эстетическое воспитание личности правонарушителя на основе идей А.С. Макаренко в исправительных учреждениях Вологодской области. Опыт УВД Вологодской обл. 1960- нач. 1970-х гг., рук. И.П. Зайцев, В.Ф. Клюкин, В.Ф. Пирожков, М.П. Стурова. И сейчас опыт А.С. Макаренко «находит применение в исправлении осужденных всех возрастов, различной степени их морально-педагогической запущенности». Важное – приобщение к искусству.

Зарубежные публикации

Ткаченко А.В. Профессиональное развитие личности в практике А.С. Макаренко (1920-1935 гг.): Монография. – Полтава, 2013, укр. яз.

Гетманец М.Ф. Размышления педагога. Политика, история, образование. – Харьков, 2014. Сборник статей, деловых писем 2012 – 2014 гг.

Ткаченко А.В. Профессиональное развитие и саморазвитие личности в творческом наследии А.С. Макаренко. Диссертация на соискание уч. степени доктора пед. н. по спец. 13.00.01. – Полтава, 2014, укр.яз.

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации 1976-2014 гг. – Марбург (ФРГ) – Полтава. Русс.яз.; титул – укр. и нем. яз. – 777с.

Исследования проведены в рамках лаборатории «Макаренко-реферат» (Марбургский университет), посвящены в основном творческой биографии А.С. Макаренко и текстологической работе над его произведениями, выполнены преимущественно во время идеологической конфронтации «Восток - Запад», без специального внимания к главному – содержанию его педагогики как науки о воспитании. – А.Ф.

Информационное письмо о XIII международной конференции «Теоретико-практическое наследие А.С. Макаренко в контексте евроинтеграционных тенденций отечественного образования» и Всеукраинских науч.-практ. семинарах «Управление проектами в науке, образовании …» и «Управленческое мастерство руководителя учебного заведения» - на базе Полтавского национального пед. ун-та, 1-2 апреля 2014 г.

Направления: объединение традиционного и инновационного в педагогике А.С. Макаренко; воспитание в связи с производством, подготовка современного учителя; отечественные и европейские традиции педагогического менеджмента, подготовка будущих руководителей учебных заведений; управление проектной деятельностью, студенческое самоуправление.

Обновление понятийно-терминологического аппарата современной педагогики новаторскими педагогическими понятиями А.С. Макаренко не подразумевается – А.Ф.)

XIV международная конференция: «Профессиональная свобода личности в измерениях гуманистического наследия Антона Макаренко и Ивана Зязюна», с включением семинаров по управлению в системе образования. 12-13 марта 2015 г., Полтавский национальный педагогический университет.

Среди 12 направлений работы конференции лишь 2 макаренковедческих: «Свобода профессионального Я учителя в гуманистической философии А.С.Макаренко и И.А. Зязюна»; «Профессиогенетический дискурс жизнетворчества А.С. Макаренко».

Angerhoufer Ute. Makarenkos Padagogik – eine wertgeleitete Padagogik? // Vierteljahresschrift fer Heilpadagogik und ihre Nachbargebeirte. 1997. vol. 66. № 1. S. 1-22. Рус. яз.: Уте Ангергофер. Педагогика А.С. Макаренко: ценностно-ориентированный образовательный метод?

Италия, 2013-2014 гг.: изданы «Педагогическая поэма» и «Хрестоматия» к ней; «Книга для родителей» (Неаполь)

Япония: Труд у К. Маркса и А. Макаренко – параграф в книге по философии экономики (точное наименование ее устанавливается).

Дополнение

Букреев В.И. Расчеловечивание человека в мировой истории: истоки и глобальные последствия. Психоантропология. М., 2011. – 408 с. «*Нарушилась взаимосвязь сознания, личного и коллективного, бессознательного». Саморазрушение. Глава: «Социальный человек – носитель мнимого прогресса»*

Соколов В.В. Философия как история философии. Учебно-научное пособие. 2-е изд. – М., 2012. – 845 с. *Раскрывается единство философских доктрин, «их перекличка через тысячелетия». Исходная «формула»: «единство в раздвоении». Система «верознания».*

На конференции общественной организации «Родительское сопротивление» 12 июля 2015 г. первым обсуждался вопрос: «Воспитательная роль государства».

О статье А.А. Фролова: «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко – в ж. «Вопросы экономики», 2010, №8 – исследователями сделано более 10 цитирований, отраженных в РИНЦ.

Научно-методическое издание

А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 8. Выступления и отзывы о художественной, детской литературе, доклады о воспитании и этике, киносценарии, материалы к «Книге для родителей», рассказы, письма, дневниковые записи. Дек. 1938 – март 1939 гг.

Составители:
Фролов Анатолий Аркадьевич
Илалтдинова Елена Юрьевна
Аксёнов Сергей Иванович

В редакции составителей

Технический редактор

Технический редактор Л.М. Бывшева

Подписано в печать _____ Формат 60/84х16 Усл. печ. л. ____
Тираж 300 экз. Заказ
Издательство НГПУ, 603004 Н.Новгород, ул. Челюскинцев, 9
Отпечатано в РИЦ «Полиграф» НГПУ им. К. Минина
603004, Нижний Новгород, ул. Челюскинцев, 9